

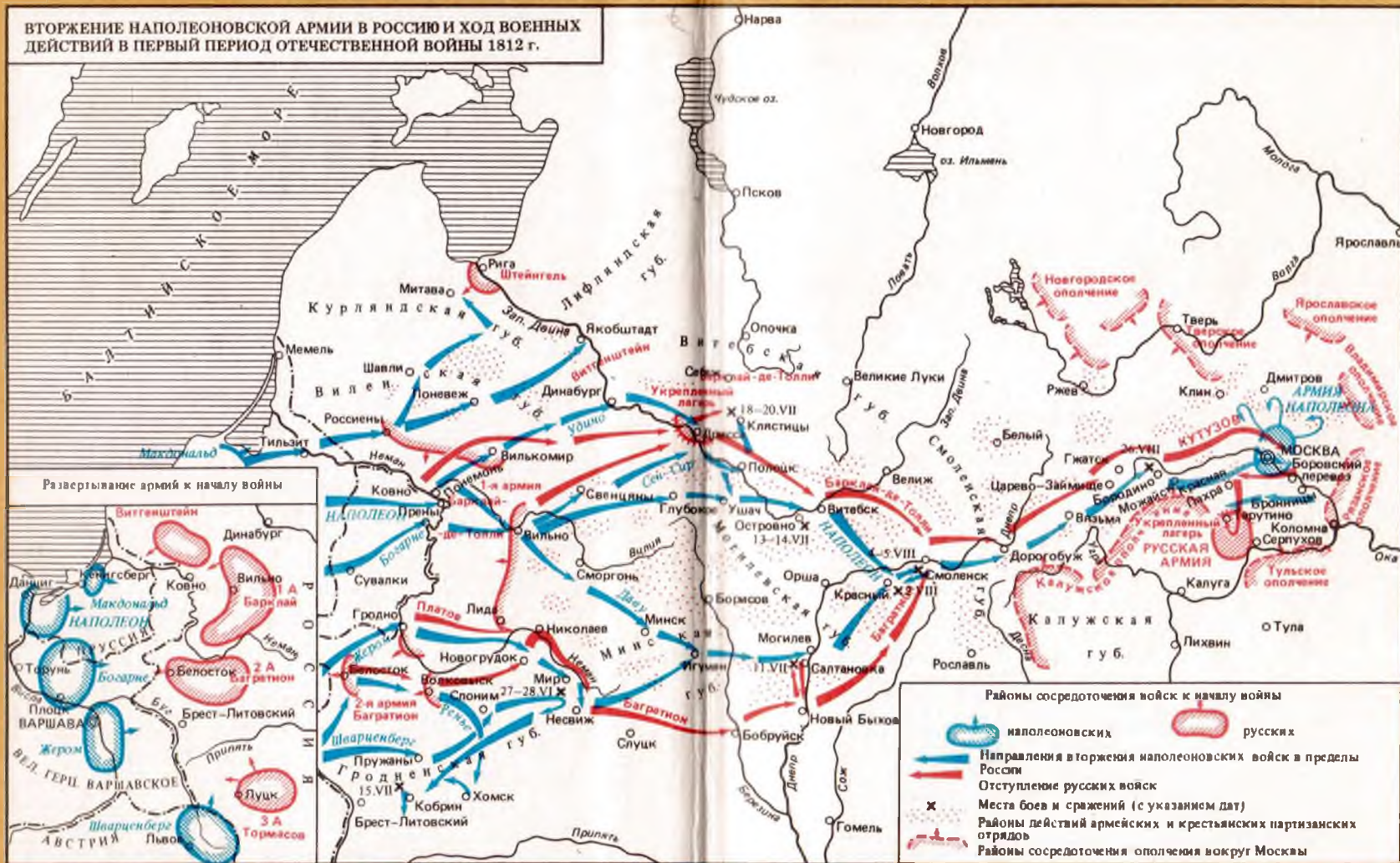
П.А.Жилин

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА 1812 года

ВТОРЖЕНИЕ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ В РОССИЮ И ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

- Районы сосредоточения войск к началу войны
- наполеоновских
  - русских
  - Направления вторжения наполеоновских войск в пределы России
  - Отступление русских войск
  - Места боев и сражений (с указанием дат)
  - Районы действий армейских и крестьянских партизанских отрядов
  - Районы сосредоточения ополчения вокруг Москвы

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

П.А.Жилин

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА 1812 года

МОСКВА
НАУКА
1988

Книга лауреата Ленинской и Государственной премий СССР члена-корреспондента АН СССР П. А. Жилина посвящена истории Отечественной войны 1812 года. В центре исследования стоят боевые действия русской армии, героизм ее воинов, патриотизм и мужество русского народа, полководческое искусство М. И. Кутузова. Автор убедительно показал, что армия Наполеона была разгромлена в открытых полевых сражениях. Данная работа является третьим, дополненным и исправленным изданием монографии «Гибель наполеоновской армии в России» (1-е изд.— 1968 г., 2-е изд.— 1974 г.).

Рецензенты:

И. И. РОСТУНОВ, В. А. СЕКИСТОВ

0505010000—278
Ж $\frac{042(02)-88}{042(02)-88}$ 38-87-III
ISBN 5-02-008448-4

© Издательство
«Наука», 1988 г.

*«Двенадцатый год был эпохой в жизни России...
Напряженная борьба насмерть с Наполеоном
пробудила дремавшие силы России и заставила
ее увидеть в себе силы и средства, которых она
дотоле сама в себе не подзревала».*

В. Г. Белинский

ОТ АВТОРА

Все дальше в глубь истории уходит грозный 1812 год. Прошло уже 175 лет «со времен Бородина». Теперь это уже далекая страница истории. С той поры в мире произошли глубокие социальные преобразования. В некогда отсталой дворянско-помещичьей России в 1917 г. свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в мировой истории. За это время человечество не раз потрясали более грандиозные войны, приносившие колоссальные жертвы и разрушения. В жестоких боях гражданской и Великой Отечественной войн наш народ в несравнимо трудной борьбе разгромил более могущественных агрессоров, чем наполеоновская армия. Но героический подвиг, свершенный нашими предками в Отечественной войне 1812 года во имя защиты своей Родины от иностранных завоевателей, и теперь вызывает у советских людей восхищение и благородное чувство национальной гордости. Интерес широкой читательской аудитории к бурным событиям начала XIX в. не ослабевает и поныне.

Автор многие годы работает над военно-исторической проблематикой. В ее центре — исследования двух войн: Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

В предлагаемой читателю книге «Отечественная война 1812 года» рассказывается о нашествии наполеоновской армии в Россию и ее гибели. Вторжение «Великой армии» Наполеона Бонапарта вызвало тогда у народов России гнев и ненависть к завоевателям. Поднявшись на освободительную борьбу, они проявили такую исполинскую силу воли и мужество, которые привели к разгрому мощной армии агрессора.

Для меня побудительным стимулом исследования тех далеких событий послужило, вероятно, и то, что в годы Великой Отечественной войны, в многотрудный период

1941—1942 гг., мне довелось воевать на Западном фронте и пройти тем же путем, которым шла русская армия в 1812 г.: Смоленск, Вязьма, Можайск, Бородино, Тарутино и Малоярославец... Защита же дипломной работы по военному искусству в Отечественной войне 1812 года при окончании Военной академии им. М. В. Фрунзе в 1946 г. еще больше сблизила меня с этой темой.

Исследовать, а тем более написать книгу о многогранных событиях войны 1812 года оказалось нелегко. Необозримое множество литературы — научной, мемуарной, художественной, в которой авторы по-разному трактовали и оценивали события и поступки государственных и военных деятелей, потребовало ее внимательного изучения, критического анализа, а затем нередко и переоценки отдельных фактов и явлений с высоты нашего времени, разумеется с учетом накопленных новых источников, главным образом документальных, ранее по различным причинам оставшихся не использованными.

Все это, естественно, заставило поднять новые пласты документальных материалов из архивных массивов, рассредоточенных в разных хранилищах и фондах, изучить подлинные приказы, реляции, топографические карты того времени, диспозиции боев и сражений, переписку как официальную, так и личную — словом, разобраться во всем том, что взятое воедино позволяет исследователю объективно представить весь ход событий и их последствия.

Работая над книгой, не мог я не побывать в тех местах, где происходили основные сражения: Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, переправа через Березину. Довелось посетить поля боев и сражений под Крессом, Шенграбеном, Аустерлицем (ныне Славков), места под Лейпцигом, где происходила «Битва народов», ознакомился с музеями в Фонтенбло и Мальмезоне, бывшими резиденциями Наполеона Бонапарта, где и сейчас хранятся его документы и реликвии.

Только такое всестороннее изучение литературы, документов и ознакомление с местами военных событий позволили автору сличить и сопоставить разнохарактерные источники исследования, полнее осветить причины и общий ход Отечественной войны 1812 года.

Нужно было ознакомиться и с зарубежной литературой. Ведь на Западе до сих пор встречается немало историков, для которых все еще остается «загадкой» победа России в 1812 г. над могущественным завоевателем.

И это главным образом потому, что они не идут по пути объективного исследования фактов и показа действительных причин гибели агрессора, а стремятся принизить или вовсе не замечать героическую борьбу народов России, высокое военное искусство русской армии и ее талантливых полководцев, продолжают считать, что главным образом холод и голод сокрушили наполеоновскую армию.

В поисках причин поражения немало писателей на Западе любят проводить исторические аналогии между Отечественной войной 1812 года и Великой Отечественной войной 1941—1945 гг., пытаются установить определенные закономерности поражения наполеоновской армии в России и разгрома гитлеровских полчищ на советско-германском фронте. Они утверждают, что сочетание пространства, климата и плохих коммуникаций явилось будто бы определяющим фактором провала обеих кампаний.

Дело здесь, разумеется, не столько в пространстве и климате. Подобные исследователи продолжают не замечать того, что как война 1812 года, так и война 1941—1945 гг. были народными, отечественными войнами. Но Великая Отечественная война резко отличается от войны 1812 года. Она возникла и проходила в иной общественно-политической обстановке, ее невозможно сравнить ни с одной из войн прошлого как по масштабам и характеру, так и по результатам и последствиям.

Неослабевающий интерес к бурному времени начала XIX в. объясняется не только своеобразием тех далеких лет, но и в известной мере историческими аналогиями. История неизменно подтверждает истину: попытки идти на Москву никогда и никому не приносили лавров, все агрессивные походы, предпринимавшиеся против нашей страны, неизбежно заканчивались гибелью агрессора.

Безусловно, время наложило отпечаток на формы и методы современной экспансии. Однако империализм и его чудовищное порождение — милитаризм были и остаются виновниками агрессивных войн. Вот почему и в наше беспокойное время, когда угроза новой войны, куда более страшной, чем все предыдущие, не сходит с горизонта, полезно почаще обращаться к истории, ибо она не только просвещает, но и сурово предупреждает тех, кто не считается с ее поучительными уроками. И здесь, в общечеловеческой проблеме преграждения пути силам агрессии, история, как бы далеко ее события не отстояли от нас, тесно смыкается с задачами современности.

Был у меня и другой важный повод вернуться к событиям 1812 года. Это многочисленные письма читателей. И еще одно совершенно неожиданное для меня сообщение газеты «Красная звезда» (19 октября 1974 г.), в котором великий советский писатель Михаил Александрович Шолохов, отвечая на вопросы военных корреспондентов о характере и масштабах Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., сказал: «Недавно *перечитал* книгу генерала П. А. Жилина „Гибель наполеоновской армии“». Я намеренно выделил слово «перечитал». Видимо, анализируя, сопоставляя военные события разных эпох, Михаил Александрович считал необходимым еще раз обратиться к моей книге.

Разумеется, для автора подобные письма и отзывы — высшая оценка его труда. Если к книге обращаются — значит она нужна, приносит пользу. Это, собственно, и воодушевляет автора в его творческой работе. Приношу искреннюю благодарность за добрые советы и пожелания читателей. Особую признательность выражаю коллегам-трудникам архивов, библиотек, научных учреждений, которые всегда оказывали мне большую помощь в работе.

ВВЕДЕНИЕ

(историографический обзор)

В мировой истории не было другого такого военного события, о котором бы так много было написано книг самого различного характера, как о наполеоновских войнах (не считая, разумеется, второй мировой войны). В большом количестве они появлялись прежде всего во Франции, Германии и России, а затем уже и в других странах. Таких публикаций насчитывается несколько тысяч.

Интерес к далеким, но в высшей степени бурным событиям начала прошлого века вызван в первую очередь тем, что они затрагивали жизненные интересы широчайших народных масс, в них решались судьбы государств и народов многих стран Европы и всего мира.

В центре этих событий и их кульминационным пунктом были нашествие на Россию наполеоновской армии и ее гибель. И даже теперь, спустя более полутора веков, социологи, писатели и историки, обращаясь к эпохе наполеоновских войн, обнаруживают все новые и новые пласты неисследованного материала, позволяющего им создавать интересные научные и художественные произведения.

1

В свое время декабристы с гордостью заявляли: «Мы были дети 1812 года». Великие русские революционеры-демократы В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов рассматривали войну 1812 года как одну из причин пробуждения революционной мысли и зарождения революционного движения в России. А. И. Герцен считал 1812 год важной вехой развития политического движения в России¹. «Не русские журналы пробудили к новой жизни русскую нацию,— ее пробудили славные опасности 1812 года»,— писал Н. Г. Чернышевский².

Героическая борьба народов России в период Отечественной войны 1812 года вдохновляла писателей, поэтов, композиторов и художников разных поколений на создание произведений, вошедших в золотой фонд литературы и искусства. Л. Н. Толстой написал о войне 1812 года

роман «Война и мир» — одно из лучших произведений мировой литературы. П. И. Чайковский создал знаменитую героическую увертюру «1812 год». В. В. Верещагин, А. Д. Кившенко, И. М. Прянишников оставили нам замечательные полотна, воспроизводящие картины патристической народной борьбы. Ф. А. Рубо создал грандиозную панораму «Бородинская битва», изобразив на полотне один из самых драматических моментов этой битвы. Музей-панорама на Кутузовском проспекте в Москве, открытый в дни празднования 150-летия Отечественной войны, привлекает огромное число посетителей.

Об Отечественной войне 1812 года сложилась обширная историография. По подсчетам И. П. Липранди и Н. Ф. Дубровина, к концу прошлого века было написано почти 1800 работ³. А в первое десятилетие XX в., в связи со столетием войны 1812 года, которое широко отмечалось в России, вышло еще около 600 произведений. Значительно пополнилась историография войны 1812 года и в советское время, особенно в годы борьбы с фашистской агрессией. Разумеется, работы эти различны по своей направленности, характеру, содержанию и объему, а следовательно, и по своей научной ценности.

Не претендуя на исчерпывающий историографический обзор, мы попытаемся здесь дать лишь краткую характеристику общего объема проделанной историками работы, выделив из всего опубликованного материала наиболее ценное и оригинальное.

В прошлом столетии при всем обилии публикаций крупных работ об Отечественной войне 1812 года появилось не так уж много. Можно назвать лишь четыре работы, в которых война 1812 года получила довольно полное военно-историческое описание. Это книга Д. И. Ахшарумова⁴, двухтомное исследование Д. П. Бутурлина⁵, четырехтомное описание, составленное А. И. Михайловским-Данилевским⁶, и трехтомная история войны 1812 года М. И. Богдановича⁷. Труды эти писались в разное время, их авторы занимали различное положение в обществе и имели неодинаковые возможности использования документальных материалов. Все эти работы были написаны военными историками (Ахшарумов, Бутурлин, Михайловский-Данилевский — участники войны 1812 года, Богданович — преподаватель академии Генерального штаба) и, естественно, носили характер военно-исторических описаний. Следовательно, вооруженная борьба уже тогда была весьма обстоятельно освещена.

Безусловно, полное и, по возможности, достоверное описание общего хода войны — важный и совершенно необходимый этап исторического исследования. Первые историки Отечественной войны 1812 года внесли значительную лепту в эту сложную и крайне кропотливую работу. Им удалось собрать и использовать значительный документальный материал. Некоторым, как, например, генерал-лейтенанту Михайловскому-Данилевскому, были созданы исключительно благоприятные условия: Николай I предоставил в его распоряжение архивы, которые для других еще не были доступны.

В дальнейшем историки Отечественной войны 1812 года — А. П. Карцов, И. П. Липранди, Н. П. Михневич, Н. А. Окунев, В. И. Харкевич и другие⁸ — стремились наряду с углублением и расширением фактологической стороны уделить больше внимания анализу военных событий, критическому их осмыслению. Но все же как в этих, так и в других работах проблемы социально-экономического характера оставались слабо затронутыми.

В накапливании многочисленных фактов о войне 1812 года огромную роль сыграла периодическая печать XIX в. Во многих журналах, сборниках, газетах время от времени публиковались статьи, документы, воспоминания о войне 1812 года. Публикации такого характера встречаются в исторических журналах «Русский архив»⁹, «Русская старина»¹⁰, «Исторический, статистический и географический журнал»¹¹, «Вестник Европы»¹², «Отечественные записки»¹³, «Военный сборник»¹⁴, «Военный журнал»¹⁵. Немало интересного материала помещалось в газетах, особенно в «Русском инвалиде»¹⁶. Материалы об Отечественной войне 1812 года публиковались не только в центральной печати, но и в периферийных изданиях, где порой появлялись оригинальные исследования.

Важным источником изучения войны 1812 года послужили произведения мемуарного характера. Воспоминания участников войны нередко содержат такие сведения, которые не могли отложиться ни в каких архивных фондах. Здесь мы должны прежде всего отметить дневники и воспоминания, писавшиеся в ходе войны или вскоре после ее окончания: «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, «Офицерские записки» Н. Б. Голицына, «Дневник партизанских действий 1812 года» Дениса Давыдова, «Записки Алексея Петровича Ермолова», «Записки кавалерист-девицы» Надежды Дуровой и др.¹⁷ Все это

ценные источники, позволяющие полнее и многограннее рассматривать войну 1812 года. Много интересных подробностей исследователь может найти в мемуарах французов: Рооса, Сегюра, Коленкура, Де-ла-Флиза¹⁸ — людей, близко стоявших к Наполеону, а следовательно, и наиболее осведомленных. Их мемуары дополняют и расширяют наши сведения о состоянии французской армии. Как очевидцы, они рассказывают, и подчас довольно правдиво, о планах Наполеона, о том, что происходило в его штабе в наиболее кризисные периоды войны.

Непосредственно к мемуарам примыкает эпистолярное наследие. Часто вопросы исключительной важности обсуждались и решались в ходе переписки. Переписка Александра I с М. Б. Барклаем-де-Толли и М. И. Кутузовым, письма Ф. В. Ростопчина к царю и главнокомандующему, переписка М. И. Кутузова, П. И. Багратиона, Д. С. Дохтурова, П. П. Коновницына, Н. Н. Раевского, П. В. Чичагова публиковались в «Русском архиве», «Русской старине». Ценные сборники писем современников Отечественной войны 1812 года были изданы Н. Ф. Дубровиным¹⁹.

Краткий перечень публикаций, который мы здесь привели, позволяет сделать вывод о значительной работе, проделанной в дореволюционный период по изучению войны 1812 года. И все же в основном это был период собирания, накапливания и систематизации фактического материала, причем основные документальные массивы все еще не были тронуты, они находились в архивах.

Систематическая и сравнительно полная публикация документов была предпринята спустя 90—100 лет после войны, т. е. в первое десятилетие XX в. Она была связана с приближавшимся 100-летием Отечественной войны 1812 года. Одной из первых наиболее крупных публикаций явилось издание документальных материалов из фонда Военно-ученого архива (ВУА). С 1900 по 1917 г. был издан 21 том документов и материалов под общим названием «Отечественная война 1812 года»²⁰ и 3 тома под названием «Война 1813 года»²¹. Сюда вошли документы, характеризующие общее состояние страны и армии перед войной, подробно раскрывающие ход военных действий (документы сгруппированы по дням и месяцам). Публикация включает донесения, рапорты, отчеты военачальников всех рангов, правительственную и служебную переписку, разностороннюю документацию штабов.

Большую работу проделал П. И. Щукин, собравший

и опубликовавший обширный документальный материал о войне 1812 года. Изданные Шукиным в течение 11 лет (1897—1908 гг.) «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года»²², включали самые различные документы и материалы. Здесь мы находим сведения об общественной жизни в России в период войны, узнаем о сложившихся отношениях между Россией и Францией накануне и в ходе войны, взглядах П. И. Багратиона на характер действий русских войск в первый период войны, о том, что происходило в Петербурге, Москве, в армии и многое др.

Из публикаций дореволюционного периода необходимо отметить также «Документы, относящиеся к истории 1812 г.», собранные В. Н. Строевым²³. Особый интерес представляет журнал исходящих бумаг московского губернатора Ф. В. Ростопчина.

В общей сложности об Отечественной войне 1812 года было издано около 70 томов документов и материалов²⁴. Но многие важные документы, содержание которых не отвечало интересам господствующих классов, оказались неопубликованными.

В связи с подготовкой к празднованию 100-летия Отечественной войны активизировалась исследовательская деятельность, значительно увеличился выпуск литературы по истории войны 1812 года²⁵. Наиболее солидное издание — семитомный юбилейный труд «Отечественная война и русское общество», вышедший в 1911—1912 гг. под редакцией А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичеты. В его создании принимало участие более 100 русских историков.

Труд «Отечественная война и русское общество» как бы подытоживал результаты исследований за все столетие. В нем рассмотрен широкий круг вопросов общественной жизни России и Франции в предвоенный период (этому отведены первые два тома), обстоятельно показана сама война (т. 3—5), освещены заграничные походы русской армии, крушение наполеоновской империи.

Методологическими недостатками дворянско-буржуазной историографии Отечественной войны 1812 года являлись одностороннее освещение войны, идеалистические концепции в трактовке ее движущих сил, принижение роли народных масс в достижении победы. В ней восхвалялось самодержавие и дворянство. Народ же, и прежде всего крепостное крестьянство, составлявшее основу армии, партизанских отрядов и ополчений, т. е. та решаю-

щая сила, которая разгромила крупнейшую армию того времени, не получил глубокого и всестороннего раскрытия.

2

После Октябрьской революции история Отечественной войны 1812 года активно изучается советскими исследователями. В своих работах они стремятся дать научное освещение этой проблемы, критически осмыслить фактический материал, накопленный дворянско-буржуазной историографией, раскрыть ранее неизвестные документальные источники.

Советская историография войны 1812 года принципиально отлична от буржуазной как по методологии, так и по методике исследования. Советские историки, получившие свободный доступ к архивным фондам, вооруженные подлинно научным, диалектическим методом познания истории, направляют свои усилия на исследование тех явлений и тех движущих сил, которые позволяют понять подлинные причины, характер и результаты войны.

Одной из первостепенных задач, вставших перед советской историографией, было всестороннее освещение героической борьбы русского народа — решающей силы в обеспечении разгрома наполеоновской захватнической армии, преодоление взглядов русских буржуазно-дворянских историков, изображавших патриотическую борьбу народа против агрессора в 1812 г. как якобы его беззаветное служение царю и помещикам, как классовое единение.

Советские историки проделали большую работу по разоблачению концепций буржуазных военных писателей Запада, фальсифицировавших историю войны 1812 года, распространявших версии о том, что наполеоновская армия якобы погибла от сурового русского климата, обширного пространства и голода, сознательно умалчивавших о мужестве русских солдат, о полководческом таланте русских военачальников. Подобные версии проповедовали многие: во Франции — Шамбре, Тьер, Коленкур; в Германии — Дельбрюк, Бернгарди; в Англии — Вильсон, Каткарт. Активно подхватили эту легенду и в США. Так, в книге «Александр I — человек, который победил Наполеона» ее автор Л. Страховский писал: «Союзники Александра — пространство и время — получили поддержку от стихии, ранние морозы косили солдат Наполеона, как траву»²⁶. Нечто похожее высказал Д. Боковер в журна-

ле «Army Information Digest» — органе военного ведомства США²⁷.

Буржуазные фальсификаторы приложили немало усилий, чтобы исказить историю войны 1812 года, принизить вклад русского народа и его армии в избавление своей страны и стран Западной Европы от наполеоновской тирании. Они пытались умалить роль русских полководцев, особенно М. И. Кутузова, нарочито изображая его деятельность в грубо извращенном виде.

Советские историки, исследуя войну 1812 года, считали своим долгом прежде всего восстановить правду о мужественной борьбе с агрессором русского народа и армии, о ее талантливых военных руководителях, раскрыть источники побед русского оружия в 1812 г.

В 1930-е годы и в период Великой Отечественной войны советские историки создали о войне 1812 года ряд содержательных работ исследовательского и научно-популярного характера²⁸. Народный характер войны, мужество и патриотизм русского народа — центральная тема этих работ.

Среди исследований, посвященных изучению действительных причин поражения наполеоновской агрессии, значительное место занимает труд академика Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию»²⁹. Автор не только дал широкую картину нашествия французских войск на Россию, но и создал запоминающиеся образы замечательных русских полководцев, руководителей партизанского движения, а также подробно охарактеризовал Александра I и Наполеона Бонапарта. Книга была переведена на многие языки и в ряде случаев способствовала восстановлению исторической справедливости. Однако в ней есть и погрешности, о чем в свое время (и не без основания) писала наша печать³⁰.

В послевоенный период изучение борьбы народов России с наполеоновской агрессией продолжалось. Крупным событием явилось празднование 200-летия со дня рождения М. И. Кутузова в сентябре 1945 г. К этой дате были опубликованы тезисы Управления пропаганды и агитации ЦК партии³¹. Состоялась юбилейная сессия военных академий, материалы которой позднее были изданы³². В них раскрывалось военное искусство русского полководца в период войн начала XIX в.

Вышли в свет работы Л. Г. Бескровного, Ф. А. Гарина, Н. Ф. Гарнича и других историков³³. Войне 1812 года и крушению наполеоновской империи посвящены спе-

циальные разделы в таких капитальных трудах, как «Всемирная история»³⁴ и «История дипломатии»³⁵. Эта тема находила отражение в учебниках и учебных пособиях.

Крупной вехой в историографии Отечественной войны 1812 года явилось празднование 150-летия разгрома народами России захватнической армии Наполеона. К этому юбилею вышли работы М. В. Нечкиной, Н. М. Дружинина, Л. Г. Бескровного, В. И. Бабкина, Н. И. Казакова, Л. П. Богданова, А. П. Ларионова, С. Б. Окуня и других историков³⁶, появились интересные издания документов о народном ополчении, о Бородине, листовок Отечественной войны 1812 года³⁷. Ценные дипломатические документы содержит шестой том «Внешней политики России XIX и начала XX века», отражающий деятельность русской дипломатии накануне и в период освободительной войны России против нашествия армии Наполеона³⁸.

Празднование юбилея Отечественной войны 1812 года вызвало приток новой документации, расширение проблематики научных исследований, выдвинуло еще не раскрытые аспекты этой обширной и увлекательной темы.

Интерес к событиям 1812 года не ослабевает и в последующие годы. Продолжается публикация источников³⁹. Выходят в свет новые исследования и научно-популярные работы⁴⁰. Описанию Отечественной войны 1812 года значительное место отведено в четвертом томе обобщающего труда по истории СССР⁴¹. Изучение истории борьбы народов России с агрессией Наполеона, публикация историко-художественных произведений, создание кинофильмов и спектаклей, живописных работ — все это свидетельство неослабного внимания к событиям 1812 года в нашей стране.

За последнее время за рубежом также вышел в свет ряд книг, посвященных событиям 1812—1813 гг. К ним прежде всего относятся труды французских историков — Пьера Бека «Наполеон и судьба Европы», Константина де Грюнвальда «Кампания в России», Жана Тири «Русская кампания»; английских — Алана Пальмера «Наполеон в России. Кампания 1812 года», Давида Чэндлера «Кампании Наполеона», Р. Делдерфильда «Отступление из Москвы», его же «Закат империи. Падение Наполеона, 1813—1814», Х. Даффи «Бородино и война 1812 г.»; немецких — Фрица Штраубе (ГДР) «Весенняя кампания 1813 года» и Эккарта Клессмана (ФРГ) «Поход Наполеона в Россию по воспоминаниям очевидцев» и др.⁴²

Зарубежные историографы отмечают, что с нападением гитлеровской армии на Советский Союз возрос интерес к проблематике наполеоновских войн, особенно к Отечественной войне 1812 года, к ее военным аспектам: роли и действиям армии, оценке командования, отдельных сражений, особенно Бородинской битвы.

При анализе причин войны в западной печати подчеркиваются экономические интересы французской буржуазии как главная причина похода Наполеона в Россию. Наполеон за счет России стремился улучшить тяжелое экономическое положение Франции, вывести ее из усиливавшегося кризиса. Но нередко зарубежные авторы дают иную интерпретацию причин войны, придавая ей характер «превентивной войны» со стороны Наполеона. Император будто бы опасался, что Россия, самая могущественная страна на востоке, при известных условиях готова была поддержать восстание против Франции со стороны любой подвластной Наполеону страны и разрушить созданную им империю. Наполеон не мог этого не учитывать и искал повода, чтобы начать войну с Россией. Конечно, такая возможность, считают некоторые исследователи Запада, была проблематичной и война против России в 1812 г. не была нужна. Наполеон впоследствии признал свою ошибку.

Называя нашествие Наполеона на Россию беспрецедентным в истории со времени Аттилы, признавая необычные формы борьбы русского народа — ополчение, партизанское движение, массовое оставление городов и сел, — зарубежные исследователи высказывают мысль, что Наполеон никогда еще не сражался с народом, который защищался бы подобным образом. Конечно, в том повинен сам Наполеон, заявляет Грэм Стефенсон, так как он не намерен был противопоставлять себя классу помещиков, на котором держались бы его будущие связи с Россией⁴³.

3

Историк при исследовании войны в целом не может ограничиться рассмотрением какой-либо одной стороны этого сложного общественного явления, ему необходимо проследить и отразить все многообразие событий; при этом он обязан опираться на прочный фундамент достоверных фактов. Но, чтобы это был действительно фундамент, «необходимо, — учил В. И. Ленин, — брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...»⁴⁴.

Исходя из этого ленинского методологического указания, мы должны отметить, что все еще остаются малоисследованными многие важные аспекты Отечественной войны 1812 года. К их числу следует отнести в первую очередь дипломатическую и военную подготовку войны.

Задача историка состоит в том, чтобы «объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается»⁴⁵. Обстановка, предшествовавшая вторжению наполеоновской армии в Россию, была необычайно сложна и противоречива. Внимательно разобраться в ней, вскрыть истинные причины возникновения войны, показать агрессивную, империалистическую сущность политики Наполеона, отражавшей интересы крупной французской буржуазии,— важная исследовательская задача. В общих работах такие вопросы, как причины войны и подготовка к ней, затрагиваются лишь мимоходом. О Наполеоне-полководце писалось много, но о Наполеоне-агрессоре, жестоком душителе русского народа и народов Западной Европы, или умалчивалось, или говорилось вскользь.

Недостаточно внимания уделялось в нашей литературе предыстории и первому периоду войны 1812 года. А между тем именно в первые недели происходили события, во многом предрешившие дальнейший ход войны.

Отечественная война 1812 года— народная война в самом широком понимании. Грозная опасность, нависшая над Россией, привела в движение все слои общества. Судьба страны, как никогда до этого, зависела от того, насколько народные массы примут активное и самое непосредственное участие в борьбе с агрессором. Всестороннее раскрытие участия народных масс в войне, их решающей роли в победе — центральная исследовательская проблема истории войны 1812 года. Задача эта не так проста, как может показаться на первый взгляд. Перед исследователем встают серьезные трудности. И главная из них — ограниченность документального материала, отложившегося в архивах, именно тех исходных фактических данных, которые полно раскрывали бы размах и результаты разностороннего участия народных масс в войне.

В дореволюционной историографии зафиксирован слишком ограниченный материал об активном участии народа в войне 1812 года. Один из первых ее историков, А. И. Михайловский-Данилевский, касаясь действия крестьянских партизанских отрядов, писал: «Имена храбров несколько лет после войны повторялись с глубоким

уважением в тех волостях, где ратовали воины-поселяне, а теперь они забыты, не дойдут до потомства...»⁴⁶.

И это действительно так. До нас дошли имена лишь отдельных, наиболее выдающихся руководителей партизанских отрядов. Мы знаем Федора Потапова (Самуся) и Ермолая Четвертакова — руководителей гжатских партизан, Герасима Курина и Егора Стулова, возглавлявших отряды подмосковных партизан, знаменитую старостиху Василису Кожину и некоторых др. Но остались безымянными тысячи героев, проявивших бесстрашие в жарких боях с противником.

Весьма скудна документальная база для исследования партизанского движения в войне 1812 года; это в основном уже ранее известный фактический материал. Мало новых фактов, обогащающих конкретное представление о народном характере войны⁴⁷.

Тема «Война 1812 года и народ» зазвучала как центральная только в советской историографии. Буржуазно-дворянские историки ограничивались главным образом описанием действий некоторых партизанских отрядов и народного ополчения.

Вообще при исследовании войны неприемлемы противопоставления или изолированное рассмотрение в ней роли народа, армии и полководцев. Любая война требует комплексного исследования, в котором нашли бы отражение все ее стороны. Н. Г. Чернышевский, определяя источники победы в войне 1812 года, сформулировал глубоко верную мысль о том, что «главнейшими же причинами нашего торжества в 1812 году должны быть признаваемы... патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев»⁴⁸. Только такой методологически верный подход к решению проблемы роли народа в войне 1812 года даст наиболее полное и достоверное ее разрешение.

При изучении истории войны 1812 года возникает немало чисто военных проблем, спорных положений, требующих выяснения или уточнения. К ним относятся: оценка стратегических планов сторон; определение численности войск, участвовавших в том или ином сражении; уточнение начала и конца контрнаступления; выявление характерных черт операции как нового явления в военном искусстве и т. д.

Есть нерешенные вопросы и другого порядка. Например, несмотря на обилие литературы о Бородинском сражении, все еще неясны отдельные моменты его планиро-

вания, хода. В литературе до сих пор встречаются противоречивые данные о численности русских и французских войск, участвовавших в сражении, об их группировке, о понесенных армиями потерях.

Но наиболее противоречивые взгляды высказываются о роли Бородинского сражения в дальнейшем ходе и исходе войны. Одни авторы утверждают, что Бородино решило судьбу наполеоновской армии⁴⁹. Другие, наоборот, считают, что в Бородинском сражении ни одна из сторон не добилась решающего результата, что в нем не было ни победы, ни поражения. Среди буржуазных историков Запада имеет место стремление представить Бородино как безусловную победу Наполеона, результатом чего будто бы и явилось занятие Москвы⁵⁰.

По характеру боевых действий русской армии война 1812 года делится на два периода: оборонительный и наступательный. Второй период — период активных наступательных действий русской армии и во всю ширь развернувшегося партизанского движения — остается еще слабо исследованным. В буржуазной историографии вместо серьезного рассмотрения в высшей степени напряженной борьбы в ход были пущены версии о голоде и морозе как факторах, якобы определивших участь противника. Господствующее положение заняла теория «золотого моста», грубо искажавшая стратегию Кутузова.

Теперь же, когда в нашем распоряжении имеется солидный документальный материал, все эти события представляются нам в ином свете.

Есть еще одна важная и, по сути дела, полностью нерешенная проблема. Мы имеем в виду роль русской армии в освобождении стран Западной Европы от наполеоновского ига. Все то, что происходило тогда в Западной Европе, было не только тесно связано с войной 1812 года, но и являлось прямым ее следствием. Наступательные действия русской армии в 1813 г. имели исключительно важное значение и в политическом, и в военном отношении⁵¹. Они ускорили и значительно расширили размах национально-освободительной борьбы поработанных народов западноевропейских стран.

В какой-то мере автор стремился внести свой вклад в освещение этих вопросов. Разумеется, всестороннее их рассмотрение потребует более глубоких самостоятельных исследований. Здесь же они излагаются в плане решения основной темы — разгрома наполеоновской армии в России в Отечественной войне 1812 года.

Часть первая

НАЧАЛО ВОЙНЫ.

ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

Глава первая

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Мир вступал в новый, неведомый еще девятнадцатый век.

Тревожно и беспокойно было тогда в Европе. Бурное время уходящего XVIII в. было перенасыщено военными событиями.

Во Франции крупная буржуазия, энергично рассчитавшая себе дорогу, еще на исходе XVIII в. ликвидировала демократические завоевания Великой французской буржуазной революции 1789—1794 гг. Контрреволюционные перевороты 9 термидора (27 июля) 1794 г., а затем и 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. привели крупную буржуазию к власти. В историю Франции этот период вошел под названием периода бонапартистской диктатуры как особой формы правления, «которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции»¹.

Главную роль в европейских делах стала играть молодая французская буржуазия. Она стремилась, с одной стороны, обуздать демократическое движение внутри страны, с другой — подчинить себе европейские феодальные государства. Между Францией и монархической феодальной Европой возникли непримиримые противоречия. В начале XIX в. Франция воевала почти со всеми крупными державами Европы: Англией, Пруссией, Австрией, Россией, Швецией и Турцией. «Империалистские войны Наполеона,— писал В. И. Ленин,— продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских отноше-

ний с национально-освободительными движениями. И в результате история шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов) эпоху вперед от феодализма — к „свободному“ капитализму»². Франция шла по пути милитаризации, увеличивались военные бюджеты, росли вооруженные силы. Ее военное превосходство над феодально-монархическими государствами надолго определило общее направление межгосударственных отношений в Европе.

1

Проследим кратко, как они развивались.

Бурные революционные события, охватившие Францию, завершились штурмом Тюильрийского дворца и свержением Людовика XVI. Власть перешла к Национальному конвенту, избранному народом. Франция стала республикой. Но силы реакции пытались задуть молодую республику. Они организовывали восстания, вели борьбу за реставрацию монархии. Против революционной Франции выступила коалиция европейских держав в составе Англии, Австрии, Пруссии, Голландии, Испании. Ее участники ставили своей целью восстановить во Франции старые порядки, не допустить распространения в Европе освободительных идей. Начался период революционных войн французского народа с внешней и внутренней контрреволюцией.

«Весь народ и в особенности массы, т. е. *угнетенные* классы,— писал В. И. Ленин,— были охвачены безграничным революционным энтузиазмом; войну *все* считали справедливой, оборонительной, и она *была на деле* таковой»³.

Именно в тот революционный период появилась фигура Наполеона Бонапарта, тогда еще молодого артиллерийского офицера. Тема книги обязывает нас хотя бы в общих чертах проследить за его военной карьерой, за развитием незаурядных военных способностей корсиканца, имя которого вскоре станет известно всему миру.

Первое боевое крещение молодой артиллерийский офицер Наполеон, недавно успешно окончивший Сен-Сирское военное училище, получил на юге Франции при осаде Тулона в августе—декабре 1793 г. Командуя осадной артиллерией, он так расположил батареи и так искусно вел огонь по контрреволюционным войскам и английским кораблям, прибывшим на помощь восставшим роялистам, что действия артиллерии оказали решающее влияние на исход боя.

Взятие Тулона имело огромное значение. Представитель Конвента Огюстен Робеспьер, находившийся в то время в Тулоне, послал в Париж донесение с восторженной оценкой действий Наполеона, а командовавший армией генерал Дюгомье, представляя Наполеона к чину бригадного генерала, писал: «Наградите и выдвините этого молодого человека, потому что, если по отношению к нему будут неблагоприятны, он выдвинется сам собой»⁴. В январе 1794 г. 24-летний Наполеон стал генералом.

Но через полгода, 27 июля 1794 г., в Париже произошел государственный переворот. Руководители Конвента Максимилиан Робеспьер, его брат Огюстен, Сен-Жюст, Кутон были казнены. Фактически вся полнота власти в стране перешла в руки Директории (группы лиц из 10 человек), которая выражала интересы крупной контрреволюционной буржуазии. Во всей Франции начались аресты. В тюрьме очутился и Наполеон. Правда, через две недели его выпустили за отсутствием прямых улик, но на службу не взяли. Молодой честолюбивый генерал оказался без работы и без средств к существованию.

В тот момент, когда парижская крупная буржуазия, недовольная уже и термидорианцами, готовилась свергнуть Конвент, вспомнили о герое Тулона. Член Конвента Баррас, возглавлявший вооруженные силы Парижа, разыскал Наполеона и сделал ему предложение взять на себя руководство по подавлению мятежа буржуазии. Наполеон согласился, но при этом выдвинул одно непеременимое условие: чтобы ему была предоставлена полная самостоятельность действий. И на это пошли, так как другого выхода не было. Баррас, будучи человеком невоенным, целиком положился на Наполеона, назначив его своим помощником.

План Наполеона был прост и эффективен: он решил артиллерийским огнем уничтожить мятежников, двинувшихся по улицам к зданию Конвента. Имея в четыре раза меньше войск (6 тыс против 24 тыс), он быстро разгромил мятежников, обрушив на них смертоносный град снарядов. В Париже сразу же заговорили о Наполеоне как о выдающемся военачальнике. Его выдвинули на пост командующего парижским гарнизоном, а в марте 1796 г. назначили главнокомандующим итальянской армией, предназначенной для действий в Северной Италии.

Если после победы в Тулоне и Париже о Наполеоне узнала Франция, то Итальянская кампания 1796—1797 гг. принесла ему европейскую известность. Молодой

энергичный генерал очень быстро сумел из деморализованных войск создать боеспособную армию, провести ее через Альпы и добиться блестящих побед вначале над пьемонтскими, а затем и над австрийскими войсками. Стремительно продвигаясь по Италии, армия Наполеона по частям разбила войска противника, овладела городами и принудила их сдаться на милость победителя. Выигранное сражение под Лоди (10 мая 1796 г.) привело армию Наполеона в Милан. Город и поныне хранит места тех давних событий. Дважды посетив Милан, мне удалось осмотреть памятные места былых сражений.

Осада Мантуи и разгром здесь австрийских войск под командованием Бурмзера, а затем и отборных австрийских войск под командованием Альвинца в упорных и кровопролитных боях при Арколе (ноябрь 1796 г.) и Риволи (январь 1797 г.) заставили Австрию подписать 17 октября 1797 г. в Кампоформии мирный договор.

После успешного завершения Итальянской кампании Директория направила экспедиционную армию под командованием Наполеона для захвата Египта. Египет привлекал французскую буржуазию и как рынок сбыта своих товаров, и как плацдарм для вторжения в Индию — главную колонию Англии. Находившаяся в Средиземном море английская эскадра под командованием Нельсона не смогла воспрепятствовать переброске французских войск. Наполеоновская армия сравнительно легко высадилась в заливе Морабу, заняла Александрию и, сломив сопротивление отрядов мамлюков, 25 июля 1798 г. овладела Каиром.

Но вскоре обстановка в Египте резко изменилась. Началась партизанская борьба против французских завоевателей, в сражении у Абукира англичане потопили французский флот, а осенью 1798 г. Турция объявила Франции войну и ввела свои войска в Египет. И хотя Наполеону удалось предпринять поход и разбить турок при Яффе (в Сирии), однако это не привело к улучшению положения французов в Египте.

Осложнялись дела и в Европе. Против Франции образовалась вторая коалиция европейских держав, в которую вошли такие крупные страны, как Англия, Австрия и Россия. Победы русской армии под командованием А. В. Суворова в Италии, особенно разгром французских войск в сражениях на р. Треббия и при Нови (1799 г.), лишили Францию господства в Италии. Это взволновало Париж.

В связи с военными неудачами положение Директории становилось непрочным. Да и в самой стране высокие налоги и рекрутские наборы вызывали недовольство широких народных масс. Крупная французская буржуазия требовала установления «твердой» власти, т. е. военной диктатуры.

Наполеон — человек властный и честолюбивый — давно уже мечтал о захвате власти. В Италии Наполеон следил за тем, что делалось в Париже, и еще пристальнее следил теперь из Египта. И когда он узнал, что русские войска под командованием Суворова появились в Италии, немедленно решил действовать. 28 августа 1799 г. четыре корабля с 500 солдатами и офицерами во главе с Наполеоном, отчалив от Александрии, взяли курс к берегам Франции. Неожиданное появление Наполеона в Париже не оставляло сомнений в его намерениях. Опираясь на силы крупной буржуазии, он совершил государственный переворот и стал во главе правительства в качестве первого консула.

В конце 1799 г. Наполеон установил в стране режим военной диктатуры, а через пять лет стал императором Франции.

С захватом Наполеоном власти началась целая полоса войн. С установлением наполеоновской военной диктатуры, писал В. И. Ленин, самым решительным образом меняется и характер войн буржуазной Франции против коалиции враждебных ей государств⁵. Это была уже не национально-освободительная борьба Великой французской революции. Наполеон задушил Французскую революцию, сохранив только те ее результаты, которые были нужны и выгодны крупной буржуазии. А ей нужна была прежде всего сильная армия, способная не только подавить революционное движение внутри страны, но и успешно завоевывать чужие территории, поработать другие народы. За короткий промежуток времени в полной зависимости от Франции оказались такие страны, как Италия, Голландия, Швейцария. На Средиземном море были захвачены Ионические острова, остров Мальта. Немецкие земли за Рейном оказались в руках Франции; Австрия потеряла Ломбардию; Северная Италия полностью очутилась во власти Франции. Завоевывая чужие страны, Наполеон налагал на них огромные контрибуции, ставил их в полную зависимость от Франции. Уже тогда он заявлял: «Сокрушим Англию, и Европа будет у наших ног»⁶.

Таким образом, национальные войны Французской республики стали превращаться в захватнические, империалистические войны. Именно о них говорил В. И. Ленин: «Национальная война *может* превратиться в империалистскую и обратно. Пример: войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получили империалистские, породившие *в свою очередь* национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона»⁷.

Захватнические устремления французской буржуазии затрагивали и ущемляли интересы многих стран, особенно Англии, Пруссии, Австрии и России. Эти страны и составили то основное ядро коалиции держав, которые принимали участие в войнах с наполеоновской Францией.

Появление массовой французской армии, новое решение стратегических и тактических задач, быстрота и стремительность ее действий давали французам неоспоримое преимущество перед малочисленными и отсталыми в военном отношении армиями феодальных западноевропейских стран. Ни одна отдельно взятая армия этих стран не в состоянии была противостоять французской армии.

После распада второй коалиции⁸ между европейскими государствами установились на некоторое время (правда, непродолжительное) более или менее нормальные взаимоотношения, которые регламентировались целой системой договорных обязательств и, казалось, обеспечивали мирное урегулирование спорных вопросов. Между Австрией и Францией в феврале 1801 г. после разгрома австрийской армии под Маренго был заключен Люневильский мирный договор, по которому Австрия лишалась территории на левом берегу Рейна, признавала вассальными по отношению к Франции вновь созданные итальянские республики⁹. Наиболее сильный конкурент Франции — Англия также была вынуждена заключить с Францией в марте 1801 г. Амьенский мирный договор.

Непростые, противоречивые отношения были между двумя европейскими государствами — Россией и Францией. Их сближение началось не сразу. Русское дворянство и помещики были недовольны внешней политикой

Павла I, который все время пытался лавировать между Пруссией, Англией и Францией. Деспотизм в политической жизни страны, преклонение перед «пруссачеством» и фридриховской военной системой в армии вызывали недовольство и среди русского офицерства. Разрыв торговых отношений с Англией, являвшейся основным покупателем русского хлеба и других продуктов сельского хозяйства, наносил сильный ущерб помещикам. Все это привело к образованию дворянского политического заговора и дворцовому перевороту. 12 марта 1801 г. император Павел I был убит в Михайловском замке в Петербурге¹⁰. На престол вступил его сын, Александр I, который сразу же восстановил отношения с Англией. Улучшились отношения и с Францией, завершившиеся заключением в октябре 1801 г. Парижского мирного договора. Каждая из сторон обязывалась восстановить торговлю, не оказывать помощи противникам другой стороны, консультироваться при решении политических вопросов, касающихся европейских стран.

Таким образом, ведущие европейские страны стремились приостановить дальнейшие агрессивные устремления французской буржуазии и мирным путем разрешить возникавшие конфликты. К тому времени относится и появление проектов об установлении прочного мира между европейскими странами. Особый интерес вызвала вышедшая в 1803 г. книга русского дипломата В. Ф. Малиновского «Рассуждение о мире и войне».

Малиновский выступил решительным противником войны. Он утверждал, что все существовавшие разногласия между странами не могли быть решены только заключением мирных договоров. Малиновский считал, что договоры не обеспечивают длительного мира, они дают лишь «отдых от войны». «Ибо государства и народы между тем не токмо что политически и тайно воюют между собою, но и явно готовятся и умножают свои силы, чтобы начать войну с большей жестокостью»¹¹.

Малиновский выдвигал проект создания общеевропейского совета, состоящего из представителей союзных народов, задачей которого явилась бы охрана общей безопасности, предупреждение войны, контроль за вооружением. Последняя мера, как указывал автор трактата, необходима потому, что «европейские державы имеют привычку почитать своих соседей непримиримыми и естественными врагами, для сего они стараются беспрестанно усилиться и препятствовать в том другим, и вся-

кий случай к решению сих стараний есть случай к войне»¹². Порицая тех, кто разжигает военные страсти, Малиновский восклицал: «Можно надеяться, что наступит время, когда Европа, подобно одному отечеству всех ее жителей, не будет более терзаема войнами»¹³.

Но все эти рассуждения о необходимости мирного урегулирования возникающих между странами конфликтов не привели, да и не могли привести тогда к сколько-нибудь значительным результатам. Было много дано заверений и рекомендаций мирного характера, исходивших главным образом от самого Наполеона, но все они служили лишь прикрытием для новых военных приготовлений.

Заключение мирных договоров давало Наполеону время для того, чтобы увеличить силы и подготовиться к новым захватническим войнам. И как только миновала необходимость в передышке, договоры были разорваны и Наполеон стал открыто проводить политику завоевания европейских стран.

Прежде всего он стремился сокрушить две могущественные державы — Англию и Россию, стоявшие на его пути к мировому господству. Продолжая экономическую борьбу с Англией, он в то же время сконцентрировал в Булони, на берегу Ла-Манша, огромные вооруженные силы, готовясь к вторжению на Британские острова. В мае 1803 г. возобновилась борьба между Францией и Англией. Началась новая полоса наполеоновских войн.

2

Наиболее крупными военными событиями, предшествовавшими Отечественной войне 1812 года, были русско-австро-французская война 1805 г. и русско-турецкая война 1806—1812 гг. На них следует остановиться потому, что они дают представление о сложности межгосударственных отношений в первые годы XIX в., характере, формах и способах вооруженной борьбы, об уровне военного искусства сражавшихся армий.

В начале XIX в. в Европе резко менялась обстановка. Усиление наполеоновской захватнической политики на Балканах, активная деятельность французских дипломатов в Турции создали реальную опасность проникновения французских войск к Черному морю и Днестру, овладения проливами, создания здесь плацдарма для войны с Россией. Активная политика Наполеона на Востоке, его захваты в Европе, разногласия по германскому вопросу,

наконец, арест и расстрел Наполеоном одного из Бурбонов — герцога Энгиенского привели в 1804 г. к разрыву дипломатических отношений между Россией и Францией.

Россия и Англия объединились для совместных действий против Франции. В апреле 1805 г. между ними был заключен союзный договор. Но для борьбы с Наполеоном силы Англии и России были ограничены, тем более что Англия, над которой нависла угроза вторжения наполеоновских войск, не выделяла в достаточном количестве вооруженных сил для участия в военных действиях на континенте. Она обязывалась развернуть борьбу на море, а России — оказывать помощь крупными денежными субсидиями. Естественно, что одна Россия не могла принять на себя всю тяжесть войны.

Казалось бы, особенно заинтересованными в борьбе с агрессией Наполеона должны были быть наиболее пострадавшие от этого страны, особенно Пруссия и Австрия. Но не так просто оказалось привлечь их в коалицию. Подавленные и запуганные, они боялись подвергнуться еще большему утнетению со стороны Наполеона. И если Австрию, стремившуюся избавиться от тяжелого Люневильского мира, все же удалось склонить к союзу, то Пруссия наотрез отказалась участвовать в войне против Франции.

Таким образом, основными участниками новой анти-французской коалиции были три государства: Англия, Россия и Австрия. К ним присоединились Швеция и Неаполитанское королевство. Участники коалиции стремились избавить европейские страны от наполеоновского гнета, очистить от французских оккупационных войск Германию, Ганновер и Италию, восстановить независимость Голландии и Швейцарии, утвердить в Европе порядок, гарантирующий в будущем неприкосновенность границ европейских государств.

Основная тяжесть войны ложилась на Россию и Австрию. Австрия выставляла 250 тыс. войск, а Россия — 180 тыс., из которых две армии по 50 тыс. человек направлялись в Австрию, 55 тыс. войск выдвигались к прусской границе и 25 тыс. оставались на Средиземноморском театре военных действий.

Встал вопрос: кому поручить руководство русской армией, направлявшейся в Австрию? Выбор был не так уж велик: Александр I видел, что тем, кто находился при дворе, нельзя было доверить столь важное и ответственное дело. Тогда вспомнили об опальном генерале

М. И. Голенищеве-Кутузове¹⁴. Напомним кратко его биографические данные. Это важно. Ведь Наполеон и Кутузов — крупнейшие полководцы того времени. Кутузов — первый русский полководец, которому пришлось возглавлять армию, боровшуюся с агрессией Наполеона. Читателю небезынтересно напомнить, хотя бы в кратком изложении, боевой путь этого талантливого военачальника.

Начав строевую службу в армии в 1759 г., Кутузов блестяще закончил военное Инженерно-артиллерийское училище. Еще тогда пытливый юноша, жадно стремившийся к знаниям, восторгался патриотическими одами М. В. Ломоносова, посвященными победам русской армии, его высказываниями о влиянии науки на военное дело. Там же, в Инженерно-артиллерийском училище, большое влияние на формирование мировоззрения Кутузова оказал крупнейший русский философ второй половины XVIII в. Я. П. Козельский, автор труда «Философические предложения»¹⁵. В своем философском трактате Козельский изложил прогрессивные взгляды на различные стороны политической и экономической жизни страны, на войну, на мораль и нравственность людей. Кутузов близко стоял к автору как его ученик, а затем и помощник.

Из обнаруженных нами в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде документов видно, что Кутузов принимал участие в работах Комиссии по составлению нового Уложения, основанной Екатериной в 1767 г. для пересмотра существовавшего законодательства. Затем императрица, стремившейся прослыть в Европе либеральным, просвещенным монархом, был придан грандиозный размах. В Комиссию было избрано 584 депутата, которые привезли от различных слоев населения 1465 наказов. Для их изучения и сочинения нового Уложения было создано 19 частных комиссий. Все это потребовало большого аппарата для изучения наказов, записи выступлений ораторов, ведения протоколов заседаний комиссий, составления проектов отдельных статей Уложения. Подавляющее число привлеченных для этой цели сотрудников, как это видно из формулярных списков, составляли лица, окончившие университет, кадетский корпус или военную школу. В их числе мы находим Гаврилу Державина, Николая Новикова и капитана Михаила Голенищева-Кутузова¹⁶. И хотя в послужных списках значится, что Кутузов в это время

находился в домашних отпусках, в действительности он был привлечен к работе в Комиссии «для письменных дел по сочинению проекта нового Уложения» и назначен сочинителем «юстицкой комиссии» переименованной позже в «Комиссию о правосудии вообще»¹⁷.

В делах «юстицкой комиссии» имеется немало документов, подписанных Кутузовым; им же подписаны записи 11 заседаний комиссии, проходивших в октябре — ноябре 1767 г., хотя ведение дневных записей не было его обязанностью, о чем он иногда и оговаривал: «За болезнью находящегося у дневной записки порутчика Языкова писал сочинитель Михайло Голенищев-Кутузов»¹⁸.

Работая в этой комиссии, Кутузов находился в центре политических событий и, несомненно, хорошо представлял себе социально-экономическое положение России. В многочисленных наказах и выступлениях депутатов выявлялись противоречия между дворянством и нарождавшейся буржуазией в лице купечества, стремление первых узаконить их исключительное право на владение землей и крестьянами и требование вторых о предоставлении им льгот для развития промышленности и торговли.

На заседаниях комиссии впервые с особой силой прозвучали гневные слова о бесправном, бедственном положении крепостного крестьянства. Депутаты Григорий Коробьин и майор Яков Козельский в своих ярких выступлениях обличали деспотизм и произвол помещиков по отношению к крепостному крестьянству. Козельский протестовал против унижения крестьян, высмеивал утверждение, будто только дворянин в своих поступках руководствуется честью и долгом, призывал уважать человеческие и гражданские права и достоинство русского человека.

Участие Кутузова в работах комиссии и его знакомство с передовыми общественными деятелями того времени значительно пополнили его знание русской действительности. Широкое образование, знакомство Кутузова с политической и экономической жизнью страны расширили кругозор будущего полководца.

Важнейшим этапом в формировании Кутузова как военачальника явились русско-турецкие войны второй половины XVIII в. Под руководством талантливого полководца П. А. Румянцева Кутузов принимал участие в решающих битвах русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

Уже в первом крупном сражении против турок у Рябой Могилы (июнь 1770 г.) он показал себя храбрым, энергичным и инициативным офицером. Таким он оставался на протяжении всей войны. Выполняя должность оберквартирмейстера корпуса в армии Румянцева, Кутузов проявил недюжинные способности в качестве штабного офицера.

В конце русско-турецкой войны в июле 1774 г. Кутузов командовал батальоном в отряде генерала В. П. Мусина-Пушкина, действовавшего в южной части Крыма, сражался против высадившегося у Алушты и закрепившегося у деревни Шумы турецкого десанта. Во время боя он с развернутым знаменем в руках повел свой батальон в атаку. Вдохновленные мужественным поступком своего командира, солдаты штурмом взяли укрепления противника и, преследуя убежавших турок, ворвались в Шумы (ныне Кутузовка). В бою близ Алушты Кутузов довел «гренадерский свой батальон, из новых и молодых людей состоящий, до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат»¹⁹ — так доносил главнокомандующий Крымской армией генерал В. М. Долгоруков о тогда еще молодом подполковнике Кутузове. Во время этой атаки Кутузов получил тяжелое ранение: пуля ударила ему в висок и вылетела у правого глаза. (В память об этом бое и ранении М. И. Кутузова недалеко от Алушты, у дороги, ведущей в Симферополь, сооружена мемориальная доска).

В 1775 г. Кутузов побывал на лечении в Германии, Англии, Голландии и Австрии. По возвращении в 1776 г. в Россию он направляется к только что назначенному в Крым А. В. Суворову и около шести лет находится под начальством тогда уже знаменитого полководца, являясь его деятельным помощником как в военных, так и в административных делах. В эти годы Кутузов основательно проходит суворовскую школу обучения и воспитания войск; здесь он постигает основные правила «Науки побеждать», воспринимает стратегические и тактические суворовские принципы ведения войны. Учитель высоко ценил своего талантливого ученика. Суворов возлагал на Кутузова наиболее ответственные задачи по укреплению и охране побережья Крыма от турецкого флота. По ходатайству Суворова в 1777 г. Кутузов был произведен в полковники с назначением командиром Мариупольского легкоконного полка, в 1782 г. получил чин бригадира, а через два года был произведен в генерал-майоры.

С 1785 г. Кутузов — командир Бугского егерского корпуса. Обучая солдат-егерей боевым действиям в рассыпном строю, он воспитывал их в духе проявления разумной инициативы и самостоятельности. Именно здесь, в егерском корпусе, Кутузов, обобщая боевой опыт русско-турецкой войны 1768—1774 гг., разработал тактику егерей, изложив ее в приказах и инструкциях²⁰.

В начале русско-турецкой войны 1787—1791 гг. корпусу Кутузова была поручена охрана юго-западных границ России по реке Буг. Войска корпуса восстановили старые и построили новые укрепления, тщательно организовали пограничную службу. Г. А. Потемкин высоко оценил деятельность Кутузова по охране русских границ.

Участвуя в знаменитом суворовском штурме крепости Измаил (декабрь 1790 г.), Кутузов проявил невиданное упорство в достижении победы. На войска шестой колонны, которыми он командовал, была возложена ответственная задача — штурмовать Каменную крепость. Успешные действия этой левофланговой колонны имели большое значение для достижения общей победы. Кутузов лично повел войска на штурм крепости. В упорном бою его войска дважды поднимались на вал и дважды были отброшены. В решительный, весьма напряженный момент боя Кутузов, собрав гренадеров и егерей, повел их в третий раз на штурм. Войска ворвались в центр крепости и, соединившись с другими колоннами, в жестоком бою истребили гарнизон противника.

Известна высокая оценка Суворовым действий Кутузова под Измаилом: «Генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов оказал новые опыты искусства и храбрости своей... он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов»²¹. Кутузов был назначен комендантом Измаила и произведен в генерал-поручики.

Тридцатилетняя служба Кутузова в войсках имела исключительно важное значение для развития его военного дарования. Большой и всесторонний боевой опыт, превосходное знание всех деталей военного дела явились необходимым условием для формирования полководца.

Кутузов был не только выдающимся полководцем, но и крупнейшим русским дипломатом и государственным деятелем. В октябре 1792 г. он был назначен чрезвычайным послом России в Константинополе. Его дипломати-

ческая миссия в Турции (1792—1794 гг.) была одной из крупнейших в то время, так как именно в Турции сталкивались интересы многих европейских государств. «Хлопот здесь множество,— писал Кутузов жене,— нету в свете министерского посту такого хлопотливого, как здесь, особливо в нынешних обстоятельствах, только все не так мудрено, как я думал... Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но, ей-богу, не так мудрена, как военная, ежели ее делать как надобно»²².

В Турции переплетались сложные интересы Англии, Франции, Пруссии и России. Кутузову приходилось бороться против французской, английской и австрийской дипломатий, стремившихся развязать новую войну между Турцией и Россией. Предотвратить эту опасность было тем более нелегко, что в самой Турции среди влиятельных кругов, недовольных недавно заключенным Яским мирным договором, нарастали реваншистские настроения.

Несмотря на все трудности, Кутузов превосходно справился с ответственным поручением. Ему удалось успешно разрешить в пользу России ряд весьма сложных вопросов и значительно улучшить взаимоотношения Турции с Россией. Тому способствовали личные качества Кутузова — его эрудиция, знание европейских языков, умение вести дипломатические переговоры. До сих пор в Стамбуле (Константинополе) сохраняется на берегу Босфора двухэтажный особняк — бывшая резиденция Кутузова.

Не менее успешной была дипломатическая миссия Кутузова и в Пруссии в 1798 г. За два месяца пребывания в Берлине Кутузов сумел успешно решить одну из первостепенных задач внешней политики России: привлечь Пруссию на сторону России в борьбе против Франции. Русский посол в Пруссии Н. П. Панин восхищался дипломатическими способностями Кутузова. Он даже просил вице-канцлера А. Б. Куракина оставить Кутузова в Берлине: «Он умен, со способностями, и я нахожу, что у нас с ним есть сходство во взглядах. Еще одна из главных причин заключается в том, что Кутузов имел успех при дворе и в обществе. Старому воину они здесь доступнее, чем кому иному, и с этой выгодой он соединяет еще другую: знает в совершенстве немецкий язык, что необходимо»²³.

Кутузов был также талантливым военным педагогом и воспитателем. В 1794—1797 гг. он был директором Сухопутного кадетского корпуса — основного учебного

заведения, готовившего офицеров для русской армии. Умудренный боевым опытом, разносторонне образованный военачальник, он много сделал для улучшения подготовки офицерских кадров русской армии.

В Сухопутном кадетском корпусе Кутузов преподавал тактику и военную историю, считая их главными дисциплинами для воспитания будущих офицеров. Кутузов стремился передать воспитанникам свой богатый боевой опыт и обширные военные знания. В основу обучения он положил те тактические приемы борьбы, которые оправдали себя в войнах XVIII в. и вытекали из требований передового военного искусства и черт русской армии.

Кутузов воспитывал у будущих офицеров высокий патриотизм, чувство воинского долга, смелость, решительность и инициативу. Относясь с искренней любовью к солдату, он прививал это качество и своим воспитанникам. Многие из них во время Отечественной войны 1812 года стали отличными командирами, а некоторые — его ближайшими помощниками.

XIX век начался для Кутузова с опалы и увольнения из армии. Собственно, конфликт между Кутузовым и царским правительством возник еще при Екатерине II. Наибольшую остроту он приобрел в царствование Павла I, слепого поклонника прусской военной системы, и достиг своего предела при Александре I. Причиной тому были коренные противоречия во взглядах представителей передового русского военного искусства и правящих реакционных кругов на важнейшие вопросы военного дела и обучения армии. Павел I и сменивший его Александр I усиленно изгоняли из армии все лучшее, передовое, уничтожали плоды многолетних трудов Румянцева, Суворова и Кутузова. В армии насаждались прусская военная система с ее палочной дисциплиной, жестокой муштрой, в которой Павел и Александр видели главное в подготовке армии.

Александр I, вступив на престол, пытался было расположить Кутузова к себе. Для этого он даже назначил его петербургским военным губернатором и инспектором войск в Финляндии. Но вскоре он понял, что Кутузов хотя и не высказывает открыто, но всем своим поведением подчеркивает свою оппозиционность к военной политике правительства. Этого было достаточно, чтобы в 1802 г. Кутузов был уволен из армии.

В то время когда в Петербурге разрабатывались планы ведения войны с Францией, а в Вене заседала конфе-

ренция по выработке конкретных действий австрийских и русских войск, Кутузов, отстраненный от дел, жил в глухой волынской деревне Горошках. Он лишь издали мог следить за происходившими событиями, тяжело переживая свое изгнание. Грустью и отчаянием проникнуты его письма того времени. «Скучно работать,— пишет он жене,— и поправлять экономию, когда вижу, что состояние так расстроено, иногда, ей-богу, из отчаяния хочется все бросить и отдаться на волю божию. Видя же себя уже в таких летах... боюсь проводить дни старости в бедности и нужде, а все труды и опасности молодых лет и раны видеть потерянными; и эта скучная мысль отвлекает меня от всего и делает неспособным»²⁴.

Подобно тому как в свое время опального Суворова вызвали из Кончанского, так и теперь к Кутузову примчался курьер из Петербурга сообщить о назначении его главнокомандующим русской армией, направлявшейся в Австрию для совместных действий с войсками союзников в войне против Франции²⁵. В Петербурге Кутузову объявили о его назначении командующим Подольской армией с подчинением австрийскому главнокомандующему, вручили подробнейшие инструкции о ведении войны при совместных действиях с войсками союзных держав. Поручение было ответственное и трудное. Трудность состояла прежде всего в том, что Кутузов лишен был тех прав, которые должен был иметь командующий большой армией за пределами государственных границ. Ему не было дано право принимать самостоятельные решения, он был подчинен австрийскому главнокомандующему и вынужден был согласовывать с ним свои действия. В инструкции, врученной Кутузову, строжайше приказывалось: «Действовать со всею ревностью и исполняя беспрекословно повеления главнокомандующего австрийскими войсками». Александр неоднократно повторял эту мысль и требовал от Кутузова, чтобы все было исполнено в точности²⁶.

Разумеется, в связи с таким ограничением прав и почти тройным подчинением Кутузова (русскому и австрийскому императорам и австрийскому гофкригсрату) значительно усложнилось руководство армией. Кутузову приходилось доказывать ошибочность даваемых ему австрийским главнокомандованием распоряжений и отстаивать свои решения.

При разработке стратегического плана войны обычно считается обязательным условием, чтобы его исполнитель

разделял основные положения этого плана. Кутузова же не только не пригласили участвовать в разработке плана, но даже не выслушали его мнения. Ему просто вручили уже разработанный план и приказали исполнять его во всех подробностях. Составленный план не отвечал ни реальным возможностям, ни основной стратегической цели, к достижению которой стремились союзники в этой войне. План содержал в себе серьезные просчеты, в значительной мере определившие поражение союзников в войне. Коалиция при сравнительно ограниченных реальных силах стремилась достигнуть слишком многого: наступлением с австрийской территории через Швейцарию вторгнуться во Францию; наступлением в Северной Германии заставить Пруссию присоединиться к общей борьбе с Наполеоном и, используя ее вооруженные силы, овладеть занятыми французскими оккупационными войсками Ганновером и южногерманскими землями; двусторонним наступлением с севера и юга овладеть Италией, наконец, совместными действиями русского и австрийского флотов изгнать французов из Средиземного моря.

Таким образом, громоздкость плана, обширность театра военных действий, на котором должны были развернуться военные события, приводили к распылению сил, а стремление решить сразу несколько задач не соответствовало ни силам, ни средствам коалиции. При этом надо иметь в виду, что хотя в коалицию входил ряд стран, но воевать с Наполеоном пришлось, в сущности, одной России. Англия даже в этот критический для нее момент была верна своей традиции воевать чужими руками. Швеция также не послала свои войска, а Австрия, как мы увидим, быстро стала на путь измены союзническим обязательствам.

Глубоко ошибочной была и основная стратегическая идея плана, разработанного австрийцами. Наступление развешивалось на трех направлениях: в долине Дуная, в Северной Италии и Тироле. Соответственно этим трем направлениям создавались и три группировки войск. Австрия выставляла три армии. Наиболее сильная из них — Итальянская (около 140 тыс человек) под командованием эрцгерцога Карла была двинута в Италию к реке Адде. Вторая армия (около 80 тыс) под командованием эрцгерцога Фердинанда²⁷ выдвигалась по долине Дуная к границе Баварии и затем после переправы через реку Инн выходила в район крепости Ульм, где и должна была ожидать прибытия русской армии для совместных

действий. Третья армия — Тирольская (50 тыс человек) под командованием эрцгерцога Иоанна предназначалась для движения между первыми двумя армиями и в случае необходимости должна была поддерживать одну из этих армий.

Нетрудно заметить, что основные усилия союзники сосредоточивали не на главном направлении, каким была долина Дуная и где должны были развернуться (и действительно развернулись) решающие события. Туда направлялась лишь русская армия и одна из трех австрийских армий. Это отвечало интересам Австрии, но отнюдь не выражало общих интересов коалиции. В результате ошибочного определения главного направления большая часть сил (140 тыс войск эрцгерцога Карла и 50 тыс эрцгерцога Иоанна), оказавшись на второстепенном направлении, в силу быстро развивавшихся военных событий не приняла активного участия в войне.

Невыгодность, трудность обстановки, в которой предстояло действовать русской армии, усугублялись еще и тем обстоятельством, что военные события должны были развернуться на незнакомом и сложном театре военных действий при неподготовленности союзников по коалиции к войне.

Далеко не одинаковыми были и армии воюющих сторон. В то время как Наполеон, готовясь к вторжению в Англию, обладал большой обученной армией, обеспеченной продовольствием и сосредоточенной в одном районе, Австрия и Россия наспех собирали силы. Причем их армии были разбросаны, менее обеспечены, находились на значительном удалении одна от другой. Наполеоновская армия, еще сохранявшая многие черты армии Великой французской буржуазной революции, детищем которой она являлась, была сильнейшей и по численности, и по боевым качествам армией Западной Европы.

Обязательная воинская повинность давала возможность Наполеону иметь колоссальные по тому времени вооруженные силы. Начиная с 1802 г. во Франции под ружьем почти постоянно находилась полумиллионная армия²⁸. Сведенные в полки, бригады, дивизии и корпуса войска Наполеона имели довольно стройную организацию²⁹. Французская армия стояла значительно впереди своих западноевропейских противников и в области военного искусства. На первых порах наполеоновский солдат еще не осознал той огромной разницы интересов, которая существовала между национально-освободительными це-

лями Французской революции и грабительской, захватнической политикой Наполеона. Более чем двухсоттысячная наполеоновская армия, находившаяся с 1803 г. в Булонском лагере, могла быть в любой момент двинута на Вену.

В ином состоянии находилась австрийская армия. Потерпев жестокое поражение в войнах периода первой и второй антифранцузских коалиций, она переживала тяжелый кризис. Несмотря на поучительные уроки печально закончившейся для Австрии войны, ее армия по-прежнему сохраняла все черты отсталой феодальной армии. Комплектование ее проводилось путем вербовки и рекрутских наборов, в своей организации и военном искусстве она слепо копировала прусскую систему с ее линейной тактикой. В военной теории господствовали взгляды, отражавшие оборонительные тенденции, в основе которых лежали принципы кордонной стратегии с сильным преувеличением роли ключевых позиций и боязнь за свои коммуникации. Во главе армии оказались бездарные генералы вроде Макка и Вейротера. Офицерский корпус состоял из представителей дворянско-помещичьего сословия. Офицерские должности занимались не по способностям, а по богатству и влиятельности той или иной дворянской фамилии. Армия комплектовалась наспех и неорганизованно. Рекруты, не закончив полностью обучение, отдельными партиями направлялись в армию. Все это сказалось при первом же столкновении с противником.

Русская армия в боевом и моральном отношении стояла значительно выше армий стран Западной Европы. Об этом убедительно свидетельствовали результаты войн второй половины XVIII в. Победы над прусскими, турецкими и французскими войсками создавали русской армии славу боеспособной и опытной армии.

Теория и практика русского военного искусства получили творческое развитие в военной деятельности выдающихся полководцев Румянцева и Суворова. Еще декабристы отмечали передовой характер русского военного искусства и его влияние на развитие военного искусства Запада, прежде всего на военное искусство Наполеона. Ф. Глинка писал: «Наполеон, заняв часть воинских правил у Суворова, особливо быстроту и внезапность в нападениях, искусно применил оные к великим движениям многочисленных армий»³⁰.

Перед войной с Францией Россия имела сравнительно

большую армию: около 280 тыс полевых войск, 100 тыс гарнизонных и 110 тыс иррегулярной конницы, всего около 500 тыс человек. Но выставить для борьбы с Наполеоном можно было не более 200 тыс (и то с большим риском), так как в то время уже нарастала угроза возникновения войны на юге, с Турцией.

В организационном отношении в армии еще сохранялись павловские «нововведения»: армия была разделена на инспекции (всего их было 14), высшей тактической единицей был полк, дивизии были упразднены³¹. На вооружении пехоты были кремневые ружья с дальностью стрельбы до 300 шагов и скоростью — два выстрела в минуту, в артиллерии — 12- и 6-фунтовые пушки, $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{4}$ -пудовые и 3-фунтовые единороги.

До начала военных действий русская армия должна была совершить марш от юго-западных границ России (из Волини) в Австрию. Но австрийское командование уже в начале войны допустило крупнейшую ошибку. Не ожидая сосредоточения войск, оно выдвинуло наспех собранные силы в Баварию, Северную Италию и Тироль. Это, во-первых, позволяло Наполеону, имевшему в целом меньше сил, нежели союзники, добиваться не только численного превосходства на избранном направлении, но и наносить поражение войскам союзников по частям и, во-вторых, значительно удлиняло путь движения русской армии. Она должна была пройти через всю Галицию, Австрию и вступить в Баварию, где и соединиться в районе Ульма с австрийскими войсками.

Марш русской армии продолжался почти два месяца. Из Радзивилова армия выступила 25 августа 1805 г. и прибыла в Браунау в середине октября. За это время она прошла более чем тысячекilометровый путь, двигаясь по маршруту Броды, Львов, Краков, Тешен, Вишау, Брюнн, Кремс, Амштеттен, Браунау. Общая численность войск, направленных в Австрию в составе Подольской армии, доходила до 50 тыс человек³².

Пока двигалась русская армия, в военной обстановке произошли существенные изменения. Австрийские войска Макка вторглись в Баварию, заняли Мюнхен и продвинулись к Дунаю, в район Ульма, в надежде, что баварский курфюрст присоединится к общей борьбе против Наполеона. Но этого не случилось. Наполеон еще раньше австрийцев заключил союз с южногерманскими княжествами, в том числе и с баварским, а также обеспечил себе нейтралитет со стороны Пруссии и Швейцарии.

Будучи хорошо осведомленным о действиях союзников (о выдвижении австрийцев в Баварию и Северную Италию и о подходе русской армии), Наполеон двинул все свои семь корпусов, кавалерию, гвардию (всего около 200 тыс человек при 340 орудиях) от берегов Ла-Манша к Рейну.

По быстроте движения французских колонн, по их направлению нетрудно было догадаться, что Наполеон стремится воспользоваться ошибкой, которую допустило австрийское командование. Быстрой переброской и сосредоточением своих войск на Рейне Наполеон преследовал совершенно определенную цель: разбить союзные армии по частям и прежде всего расправиться с далеко выдвинувшейся вперед австрийской группировкой Макка до прибытия к ней армии Кутузова.

Разумеется, действия Наполеона не могли остаться незамеченными австрийцами и не могли их не тревожить. Гофкригсрат и император Франц сразу же забили тревогу. К Кутузову посыпались просьбы и требования ускорить движение русской армии. В его распоряжение поступил значительный транспорт — около 2 тыс подвод для облегчения и ускорения марша. Используя конные повозки, Кутузов от Тешена организует форсированный марш. С этой целью он проводит значительные изменения в построении колонн и организации марша. Вся армия была разделена на две части. Первая часть состояла из пяти пехотных колонн. В первую колонну под командованием П. И. Багратиона вошли три полка: егерский, гренадерский и мушкетерский; во вторую под командованием М. А. Милорадовича — два мушкетерских и один гренадерский полки, в третью под командованием Д. С. Дохтурова — два мушкетерских и один егерский полки; в четвертую под командованием С. Я. Репнинского — три мушкетерских полка; в пятую колонну Л. Ф. Мальтица были включены три мушкетерских полка.

Вторая часть армии под командованием генерала А. А. Эссена состояла также из пяти колонн. В составе колонн находились кавалерия и артиллерия. Часть кавалеристов была спешена: из них образовали пехотные батальоны и включили в состав пехотных колонн.

Первая часть армии (куда вошла вся пехота) переходила на форсированный марш, а вторая часть (артиллерия и кавалерия) продолжала марш обычным, нормальным порядком.

Основной принцип форсированного марша состоял в поочередной смене солдат, едущих на повозках и идущих пешком. Было сокращено число дней, они устраивались на четвертый, а то и на пятый день марша. Выступление войск начиналось обычно еще до рассвета.

Один из участников этого похода писал: «До Тешена мы шли обыкновенными маршами, но с этого пункта 13 сентября нас двинули на перекладных, утроенными переходами до 60 верст в день. Порядок переменных фургонов распределен был с примерною точностью: на каждый фургон садилось по 12 человек с полным вооружением и с такого же числа людей складывались туда ранцы и шинели. На десятиверстном расстоянии ожидала нас перемена; идущие усаживались на фургон, а ехавшие шли пешком, налегке, в одних сумках с ружьями»³³.

Все эти мероприятия позволили довести скорость перехода первой части армии (т. е. пехоты) до 60—70 километров в сутки. Это была чрезвычайно высокая для того времени скорость движения крупных войсковых соединений. Но надо учитывать, что она была достигнута чрезмерным напряжением войск. Кутузов писал об этом русскому послу в Австрии А. К. Разумовскому: «Форсированный марш, которого добивается от нас венский двор, может быть только вреден для нашей армии, несмотря на предложенные нам подводы для перевозки пехоты по четыре мили в день. Наши солдаты после уже перенесенного утомления сильно страдают... солдат, сделав четыре мили пешком, вовсе не отдыхает, если в тот же день должен еще сделать четыре мили на подводе»³⁴. Действительно, пройдя 25—30 верст пешком по избитой ухабами, грязной от непрерывных дождей дороге, солдаты должны были еще 35—40 верст трястись на телегах. И так каждый день без отдыха, недосыпая и недоедая. Поэтому когда австрийский представитель при русской армии генерал Штраух потребовал двигаться еще быстрее и отменить установленные дневки после трех дней марша, а делать их на пятый день, то Кутузов заявил категорический протест. Он доказывал, что такого напряжения армия не выдержит, что и без того уже войска изнурены до крайности. «Форсированный марш крайне вреден солдатам,— писал он Разумовскому.— Поэтому невозможно согласиться с новым порядком движения, предложенным господином Штраухом, тем более что из-за постоянных дождей и страшной грязи сапоги

солдат изорвались до такой степени, что некоторые из них были вынуждены идти босиком». Все это может привести к тому, указывал далее Кутузов, что в конце концов «вместо того чтоб привести армию, готовую сражаться, я прибуду с несколькими батальонами, которые будут не в состоянии действовать ранее чем через месяц»³⁵.

О несостоятельности предложения австрийского правительства Кутузов доносил царю, писал генералу Штрауху. Находясь во второй колонне войск, Кутузов видел, насколько изнурителен для солдат этот марш. В результате значительно увеличилось число больных, «и даже здоровые так обессилели, что почти не могут больше передвигаться,— писал Кутузов,— ...поэтому я приказал, чтобы армия продолжала свой поход, как она делала это раньше, то есть чтобы она имела дневку через каждые три дня»³⁶.

Тем временем над армией Макка нависла серьезная угроза. На нее был нацелен основной удар Наполеона. Гофкригсрат, спасая положение, стремился как можно быстрее, не считаясь ни с чем, усилить на этом направлении австрийские войска русской армией.

Форсированный марш русской армии создал дополнительные трудности. Вырвавшись вперед, пехота оставила далеко позади артиллерию, кавалерию и обозы с боеприпасами. В ранец солдату было положено всего-навсего 15 патронов, с пехотой двигалась только одна рота конно-артиллерийского батальона под командованием подполковника А. П. Ермолова.

В этих условиях чрезвычайно остро встала проблема обеспечения армии артиллерией, лошадьми и боеприпасами. Кутузов своевременно поставил все эти вопросы перед австрийским правительством через русского посла А. К. Разумовского, так как «наши нужды есть в полном смысле слова их нужды»³⁷. Кутузов требовал выделить для армии до прибытия русской артиллерии не менее 150 пушек; заготовить для каждого орудия по 120 запасных выстрелов (для 52 единорогов и 92 пушек), так как в связи с трудностью транспортировки русская артиллерия была снабжена только 120 снарядами на орудие; подготовить патронов для армии в количестве 2823 тыс штук; выделить согласно обязательствам Австрии три полка легкой кавалерии, а также повозки для продовольственных запасов, крытые фургоны для больных и верховых лошадей для генералов и офицеров³⁸.

Поскольку все эти важные вопросы нуждались в срочном решении, Кутузов просил Раумовского договориться с австрийским правительством о том, чтобы точные распоряжения были отданы незамедлительно, чтобы «императорско-королевский двор не чинил препятствий» к выполнению его «справедливых требований»³⁹.

Однако вопреки ожиданиям Кутузова австрийское правительство отнеслось к его предложениям недоброжелательно. Вице-канцлер граф Кобенцль ответил, что снабжение русской армии боеприпасами будет производиться лишь «после удовлетворения своих собственных нужд», что изготовлением патронов русские могут заняться сами, для чего им будут выделены порох и свинец, а в отношении артиллерии и боеприпасов рекомендовалось доставлять их из русских приграничных баз⁴⁰.

Такой ответ и такие рекомендации привели Кутузова, по его определению, «в крайнее беспокорствие». Он срочно выехал на несколько дней в Вену и в загородном королевском замке Хатцендорф лично доложил Францу и графу Кобенцлю о положении дел в армии. Только после этого австрийское правительство начало уделять внимание и русской армии.

3

В двадцатых числах октября 1805 г. русская армия, перейдя баварскую границу, подошла к реке Инн и остановилась у города Браунау, где закончился этот длительный и трудный марш.

Организация и проведение маршей крупных войсковых соединений на столь большое расстояние — явление редкое для того времени. Подобного рода марши стали применяться во время коалиционных войн, когда возникла необходимость сосредоточения на одном театре военных действий крупных войсковых масс.

Основная особенность марша русской армии состояла в том, что он целиком проходил на чужой территории, по незнакомому маршруту. Это, естественно, оказывало существенное влияние на характер и скорость движения. Войска находились в зависимости от австрийского правительства и местного населения.

Переход на форсированный марш потребовал провести реорганизацию походных колонн, выделить пехоту, артиллерию и кавалерию в самостоятельные колонны. Русское командование сумело обеспечить высокую скорость движения и сохранить боеспособность войск.

Важнейшим условием успешного проведения марша явились выносливость и дисциплинированность русской армии. Кутузов в центре внимания поставил заботу о солдате. Он входил во все детали походной солдатской жизни: заботился о том, чтобы после изнурительного перехода солдатам был обеспечен хороший отдых, чтобы они вовремя получили хорошее питание, чтобы заболевшим была своевременно оказана медицинская помощь.

Забота о сохранении боеспособности войск, о здоровье солдата красной нитью проходит через все документы, исходившие от штаба русской армии. В одном из писем к Штрауху Кутузов писал: «Чтобы дать некоторое облегчение солдатам, которые разорвали в походе свою обувь, я подумал, не было ли бы возможно во всех тех местах, где мы будем иметь дневку, собрать сапожников, чтобы помочь солдату при починке его обуви... очень прошу любезно позаботиться о том, чтобы мясо, согласно обещанию, варилось с овощами, а не только в воде, как это делалось до сих пор»⁴¹.

Кутузов требовал от своих подчиненных, чтобы и облик русского воина был достоин его боевой славы. Он строго приказывал интендантам, чтобы солдаты «оборванными не шли в чужих краях», чтобы никто «не чинил обывателям никаких обид и неудовольствий», а старались бы завоевать к себе уважение. «Я остаюсь покойным, твердо надеясь,— говорил Кутузов,— что долг службы, будучи для всякого священным во всяком случае и тем более при переходе войск в иностранные земли, во всей точности будет всеми и каждым сохраняем»⁴². Кутузов полагал, что «не численность войск, но именно их храбрость, рвение и дух, их оживляющие, по большей части решают успех. Что касается русской армии, то она с избытком обладает этими качествами...»⁴³.

Трудности проведения марша дополнялись еще внутрикоалиционными разногласиями, которые начали проявляться уже в период движения русской армии через Австрию. Стала отчетливо вырисовываться тенденция австрийского правительства использовать свои силы и силы русской армии не для достижения общекоалиционной цели, а для решения своих имперских интересов.

Оставалось несколько переходов до соединения русской армии с австрийской. Но именно в эти последние дни и произошли крупные события, коренным образом изменившие стратегическую обстановку. Стремительно продвигаясь форсированными маршами по нескольким

параллельным дорогам, наполеоновская армия, вопреки расчетам австрийцев, быстро подошла к верховьям Дуная.

Искусно маневрируя на широком фронте и маскируя действия своих войск, Наполеон крупными силами осуществил обходное движение против армии Макка, отрезал ей пути отхода и под угрозой полного разгрома принудил ее к капитуляции. 7 октября 30 тыс австрийских солдат сложили оружие. Австрийская армия Макка перестала существовать⁴⁴. Сам генерал Макк на этот раз спасся бегством (в 1799 г., когда он командовал Неаполитанской армией, французы пленили его и отправили в Париж).

Разгром армии Макка явился полной неожиданностью для союзников; он вызвал переполох и панику при австрийском дворе, страх и неуверенность в победе. Прусский король, до этого еще размышлявший, вступить в коалицию или воздержаться, теперь наотрез отказался от настойчивых предложений и Александра I, и Франца.

Создалось чрезвычайно тяжелое положение для русской армии. Соединиться уже было не с кем. В пяти переходах от русских войск вместо австрийской армии находилась 150-тысячная французская армия, готовившаяся нанести теперь сокрушительный удар по русским войскам. Справа — многоводный Дунай, слева — высокие Альпы. Позади до самой Вены никаких резервных сил, только далеко, у Варшавы, двигался в Австрию русский корпус под командованием Ф. Ф. Буксгевдена.

Обстановка складывалась таким образом, что русская армия вместо второстепенной, вспомогательной роли, какая ей отводилась австрийскими стратегами, оказалась единственной реальной силой, противостоящей наполеоновской армии. Штаб-квартира Кутузова в Браунау оказалась теперь в центре внимания. Сюда спешили эстафеты из Вены с личными посланиями Франца, мчались курьеры из Берлина от Александра, сюда являлись из-под Ульма один за другим австрийские генералы, сюда же 11 октября прибыл и сам Макк.

Кутузову предлагались различные планы действий: то идти на Мюнхен и выручать попавших в беду австрийцев, то оставаться в Браунау и предотвратить вторжение наполеоновских войск в Австрию, то ожидать, пока подойдут сюда австрийские войска из Северной Италии и Тироля, но при всех условиях защищать Вену, чего бы это ни стоило. «Я тогда только останусь спокойным,— писал Александр I Кутузову,— когда узнаю, что вы ре-

пились принять на самого себя высокую ответственность защищать Вену»⁴⁵.

Интересно отметить, что в письмах царя уже нет и в помине тех строжайших предписаний о беспрекословном исполнении распоряжений австрийского командования. Теперь Александр I рекомендует Кутузову самому избирать меры для сохранения армии и спасения общего дела. Более того, он пишет Кутузову: «...удостоверясь из опыта в неспособности генерала Макка, вам не должно полагаться на его советы»⁴⁶.

Основная цель 150-тысячной армии Наполеона состояла в том, чтобы обрушиться на русскую армию и нанести ей поражение. Наполеон был уверен в успехе этого мероприятия и спешил осуществить его как можно быстрее, стремясь застигнуть русскую армию врасплох. Инициатива полностью находилась в его руках.

В ином положении были русские. После тяжелого тысячекилометрового марша в рядах армии насчитывалось около 35 тыс человек, а с присоединением австрийских войск Ностица и Кинмайера — более 50 тыс человек. Последние пехотные колонны только что прибыли к Браунау, а артиллерия находилась еще в пути. В этих условиях наступательные планы явно не отвечали обстановке. В ответе царю Кутузов писал: «Соделавшись теперь, так сказать, единою защитой для самой Вены, если вдамся вперед, могу быть отрезан неприятелем, который втрое сильнее меня; оставаясь здесь, равномерно должно ожидать, что буду атакован и легко быть может, что принужденным найдусь ретироваться к самой Вене»⁴⁷.

План австрийского гофкригсрата был бессмысленным. От русских требовали невозможного, а именно избегать поражений, сохранять войска целыми, невредимыми, не вступать в сражение с Наполеоном, но удерживать его на каждом шагу⁴⁸. Одним словом, австрийцам хотелось без сражений и жертв остановить Наполеона.

С чувством должного такта, но не без иронии написал Кутузов ответ императору Францу: «Я убежден в необходимости следовать присланному мне операционному плану, но, при всей моей доброй воле, предвижу великие затруднения. Если мне оспаривать у неприятеля каждый шаг, я должен буду выдерживать его нападения, а когда часть войск вступает в дело, случается надобность подкреплять их, от чего может завязаться большое сражение и последовать неудача»⁴⁹.

Кутузов не принял губительных советов австрийского правительства. В письме от 9 октября к Разумовскому он откровенно заявлял: «...Я затрудняюсь принять решение, согласное с желаниями венского двора»⁵⁰. А спустя три дня Кутузов обстоятельно докладывал А. Чарторыйскому и тому же Разумовскому о своих опасениях и подозрениях в отношении поведения Австрии. Макк на обеде у Кутузова сообщил ему (к великому неудовольствию присутствовавшего здесь же графа Мерфельда) о настойчивых мирных предложениях Наполеона, которые он, Макк, согласился передать австрийскому императору. «Эта беседа, — писал Кутузов, — родила во мне мысль, что глава французского правительства, видя, с одной стороны, что коалиция с каждым днем становится все могущественней благодаря присоединению к ней некоторых дворов, быть может, сделал австрийскому двору довольно выгодные предложения, чтобы отделить его от коалиции, и что, с другой стороны, венский двор станет стоворчивей в момент, когда он потерпел поражение и видит врага, готового вторгнуться в сердце его страны»⁵¹.

Опасения Кутузова оказались ненапрасными. Все последующие действия австрийского правительства и армии свидетельствовали о том, что Австрия, преследуя свои интересы, отнюдь не стремилась к разгрому наполеоновской армии, а искала путей для урегулирования конфликта с Наполеоном. Император Франц был не против того, чтобы за спиной своего союзника пойти на сделку с Наполеоном даже ценою предательства союзных интересов или, точнее, ценою гибели русской армии.

Командованию русской армии стало ясно, что единственным выходом может служить только отвод войск из района Браунау для соединения с подходившим из России корпусом Буксгевдена. Как только стало известно, что наполеоновская армия выступила из Мюнхена, русская армия в ночь на 14 октября, вопреки распространявшимся слухам о ее движении на Мюнхен, разрушив переправы через реку Инн, оставила Браунау и отошла на восток. Начался тяжелый и трудный маневр русской армии от Браунау до Ольмюца. Наполеоновские войска устремились за отходившей русской армией. Большая их часть — корпуса Даву, Сульта, Мортье, Ланна, гвардия — была двинута по дороге на Браунау; вторая часть — корпуса Бернадота, Мармона и Баварский корпус — в направлении на Зальцбург для обхода русских войск справа.

По группировке французских войск и направлению их движения можно было безошибочно определить, что Наполеон основные усилия сосредоточивает на правом берегу Дуная с тем, чтобы прижать русскую армию к реке, окружить ее и уничтожить.

Для русской армии создавалось чрезвычайно тяжелое положение. В Вельсе, куда прибыл император Франц, был созван военный совет, на котором Кутузов изложил своей план дальнейших действий: отступая дальше по долине Дуная и используя речные преграды (реки Траун, Энс), измотать в ходе отступления силы противника, затем перевести свою армию на левый берег Дуная, но не связывать ее действия с защитой Вены. Организовав на левом берегу Дуная прочную оборону, не допустить форсирования реки противником, подтянуть за это время австрийские и русские войска и перейти к активным наступательным действиям.

В разработанном Кутузовым плане заметна идея применить против наполеоновской армии контрнаступление. И хотя этот план Кутузова не вызвал особых возражений и был принят, но осуществить его в условиях коалиционной войны, при отсутствии общности интересов, при недоверии друг другу, при отсутствии единого главнокомандующего армиями было чрезвычайно трудно. И все же мужество и упорство русских воинов позволили осуществить этот сложный маневр.

Отступление русской армии продолжалось около месяца. Оно началось 13 октября и закончилось 10 ноября 1805 г. За это время армия прошла 400 километров, ведя почти непрерывные, в основном арьергардные, бои с численно превосходящими силами противника. Основные события происходили в долине Дуная. Вначале армия двигалась по правой стороне реки через Рио, Ламбах, Вельс, Энс, Амштеттен, Мельк, Сент-Пельтен, а затем резко повернула на север, переправилась у Кремса на левый берег Дуная и вышла к Цнайму. У Вишау она соединилась с передовой колонной корпуса Буксгевдена, а в Ольмюце — с его главными силами.

Слишком узкая и глубокая долина Дуная, ширина которой на участке Ульм — Вена равняется 200—350 метрам (лишь в некоторых местах доходит до 3—5 километров), крутые, поросшие лесом горы, протянувшиеся по обеим сторонам Дуная, сужали возможности маневра. Это отразилось и на скорости движения, и на организации походных колонн. Наличие притоков Дуная

(рек Траун и Энс) и такой крупной речной преграды, как сам Дунай, позволяли использовать их в качестве выгодных рубежей при организации сопротивления противнику.

Тщательно продуманное построение колонн и выделение арьергарда, способного надежно обеспечить движение главных сил, в сочетании с требованием соблюдения строжайшей дисциплины явились важнейшими условиями проведения маневра. На арьергардные войска возлагались исключительно важные задачи. В их составе находились лучшие егерские полки, кавалерия и артиллерия. Кроме того, между арьергардом и главными силами двигалась отдельная бригада (три пехотных и один кавалерийский полк), являвшаяся как бы вторым эшелоном арьергардных войск. Во главе этих войск были поставлены талантливые военачальники П. И. Багратион и М. А. Милорадович.

Благодаря упорству, храбрости русских солдат наполеоновской армии ни разу не удалось сломить сопротивление арьергарда, застигнуть русскую армию врасплох и принудить ее к поспешному отходу. Уже в первом столкновении с авангардом наполеоновских войск на реке Траун, у Ламбаха, 19 октября егеря и гусары багратионовского арьергарда отразили неоднократные атаки многочисленной конницы Мюрата, нанесли ей значительный урон и «ружейною пальбою совершенно положили преграду неприятельскому стремлению»⁵².

Еще более упорные бои завязались на реке Энс и особенно у Амштеттена 23—24 октября (4—5 ноября). Наполеон усиливал нажим на русские войска, стремясь прижать их к Дунаю. Он двинул вперед корпуса Даву, Мортье, Сульта, поставив в авангарде кавалерию Мюрата и гренадер Удино.

Вдоль берега реки Энс русскими были уже построены полевые укрепления. Условия местности позволяли основательно измотать рвавшуюся вперед конницу Мюрата. Об этом же настойчиво просил и император Франц, посылая Кутузову одно за другим письма и требуя любой ценой защищать правый берег Энса, чтобы предохранить Вену от захвата французами⁵³. Но от Кутузова не ускользнула двойная игра австрийского правительства. Франц, настаивая на необходимости организации упорной обороны на рубежах реки Энс, в то же время приказал австрийским войскам генерала Мерфельда, прикрывавшим левый фланг русских войск у Штейера, срочно отойти к

Вене, оставив этот фланг открытым для противника.

В это время в руки Кутузова попали письма начальника штаба французской армии Бертье и Наполеона к Францу, свидетельствовавшие о тайных переговорах между австрийским императором Францем и Наполеоном о заключении сепаратного мира. «Теперь,— доносил Кутузов царю,— я имею все основания считать, что существуют переговоры между Австрией и Францией»⁵⁴.

На словах австрийское командование восторгалось героизмом русских войск, их высокой нравственностью, высказывало желание оказывать им всемерную помощь, а на деле не обеспечивало русскую армию ни продовольствием, ни боеприпасами, ни транспортом. «Не могу утаить от В. И. В.,— доносил Кутузов царю,— что войска весьма изнурены. От самого Браунау стоят в лагере без палаток, пропитание только от одного дня к другому, и в том часто бывает недостаток более суток... Подводы ни одной в этой земле достать уже не можно, и отвозить больных крайняя трудность...»⁵⁵. Русские, по сути дела, были брошены на произвол судьбы.

Наполеон направляет войска в обход левого фланга русской армии и, перебросив у Линца на левый берег Дуная корпус Мортье, стремится плотным кольцом сжать русскую армию и уничтожить ее. Но умелыми и быстрыми действиями русское командование срывает планы Наполеона и спасает свою армию от поражения. Оно навязывает противнику упорные бои у Амштеттена, Мельке, Сент-Пельтена. Особенно важно подчеркнуть, что уже в этих боях французские войска были вынуждены не раз отступать перед русскими штыком и пулей. Донося Кутузову о бое при Амштеттене, Милорадович сообщал, что, когда апшеронцы пошли в атаку, «тогда вся линия, услышав победоносное ура гренадерских баталионов, вступила в действие и, невзирая на сильное неприятельское упорство, со всех сторон огнем и штыком опрокидывали оного... и неприятель с уроном обращен в бегство»⁵⁶. Об этом же доносил и Багратион: «Несмотря на превосходство его (противника.— П. Ж.) сил, был он несколько раз разбит и прогнан»⁵⁷.

Неожиданный поворот русских войск от Сент-Пельтена на север и переход их у Кремса через Дунай резко изменил обстановку: русская армия оградилась от армии Наполеона Дунаем — крупным водным рубежом, она не могла уже быть окруженной, как об этом мечтал Наполеон. Более того, в тяжелом положении оказался фран-

цузский корпус, находившийся на левом берегу Дуная. Установив, что войска Мортье, растянувшись по узкой дороге, двигаются к Кремсу, Кутузов сразу же после переправы своих войск организует наступление. Разделив войска на четыре отряда, он направляет бригаду Милорадовича по дороге к Дюрнштейну навстречу двигавшейся передовой дивизии французских войск с тем, чтобы сковать ее с фронта; отряды Дохтурова и Штрика получили задание глубоким обходным маневром, преодолевая покрытые лесом горы, выйти к Дюрнштейну и нанести противнику удар во фланг и тыл. Багратион со своими войсками прикрывал армию с севера, охраняя дороги, идущие к Кремсу.

Сражение под Кремсом, или, точнее, у Дюрнштейна (30 октября), — одно из знаменательных событий кампании 1805 г. Оно продолжалось целый день и ночь. По мере развития боевых действий (наступления с фронта войск Милорадовича и выхода во фланг и тыл отряда Дохтурова) французские войска были окружены и прижаты к Дунаю, уничтожались огнем артиллерии и стремительными атаками русских войск. Наполеон, находясь на другой стороне Дуная, бессилён был оказать им какую-либо помощь.

Сражение закончилось разгромом корпуса Мортье. Его передовая дивизия была почти полностью уничтожена. Было захвачено пять орудий, знамена и много военного имущества. «Урон неприятельский в убитых и раненых довольно велик, — доносил Дохтуров. — В полон взято штаб- и обер-офицеров и нижних чинов до 2 тыс человек»⁵⁸.

Остатки разбитых французских войск переправлялись на лодках через Дунай, но и здесь настигались огнем русской артиллерии. «Вся линия тогда, — доносил Милорадович, — двинувшись быстро вперед, опрокинула везде неприятеля и преследовала оного чрез несколько верст до переправы реки Дуная, а потом, действуя ружейным огнем и пушечными выстрелами, поставленными по берегу, неприятель с большущим уроном спасался на лодках без весел, из коих многие потоплены»⁵⁹.

Поражение Наполеона под Кремсом имело огромное значение. Впервые его армии был нанесен серьезный удар.

Будучи на международном конгрессе историков в Вене в 1965 г. и позже, я имел возможность проехать по пути движения русской армии в 1805 г. от Вены вдоль Дуная

через Брюнн, Кремс, Амштеттен до Браунау, осмотреть крепости, которые и поныне возвышаются на горных хребтах по обе стороны Дуная.

Конечно, время многое изменило в облике местности — выросли промышленные города, появилось много курортных мест, по Дунаю снуют пассажирские пароходы и грузовые суда, по скоростной автостраде непрерывно мчатся автомобили. Чуть в стороне, вблизи Кремса, теперь знаменито-трагическое место, где был концлагерь Маутхаузен, где в муках и страданиях погибли свыше 120 тыс антифашистов из многих стран, в том числе более 32 тыс советских граждан, и среди них генерал, профессор Военной академии имени М. В. Фрунзе Дмитрий Иванович Карбышев.

Мимо этого страшного мемориала пройти, не остановиться, не склонить голову невозможно... Об этом помнят все.

Но о далеком прошлом, о том, что здесь происходило более 180 лет назад, знают немногие. А ведь тогда русские войска, сражаясь на берегах Дуная, тоже выполняли освободительную миссию, защищая интересы Австрии и других европейских стран. И именно об этом напоминает нам массивный монумент, воздвигнутый у дороги погибшим русским воинам в сражении под Кремсом в 1805 г.

Переправа через Дунай, блестящая победа под Кремсом создавали благоприятные условия для движения русской армии к Ольмюцу на соединение с подходившими туда войсками Буксгевдена. Казалось, что теперь Наполеон надолго застрянет за Дунаем. Мост у Кремса был разрушен, единственный Таборский мост у Вены охранялся крупными силами австрийских войск. Но события ближайших двух дней решительно осложнили всю обстановку. Австрийцы пропустили через Таборский мост французские войска и сдали Наполеону Вену. «Вчерашнего числа в полдень 1 ноября, — доносил Кутузов царю, — неприятель перешел при цесарских войсках Дунай близ Вены безо всякого сопротивления и, не касаясь отнюдь цесарских войск, объявил им, что он идет искать меня. Сии неожиданные для меня большие силы по сию сторону Дуная приводят армию вашего императорского величества в большую опасность»⁶⁰.

И действительно, в результате предательства австрийского командования над русской армией вновь нависла угроза окружения. Наполеон двинул через Вену по до-

роге на Цнайм войска Мюрата с корпусами Ланна, Сульта и гренадерскую дивизию Удино с целью перерезать пути отхода русской армии. В то же время войскам Бернадота и Мортье было приказано готовиться к переправе через Дунай и ударить по русским войскам с тыла.

В этот критический момент Кутузов, не теряя времени, направил войска форсированным маршем от Кремса на Брюнн, выдвинув в качестве заслона на Цнаймскую дорогу шеститысячный отряд Багратиона, чтобы задержать двигавшиеся наперерез русским французские войска под командованием Мюрата. «Хотя я и видел неминуемую гибель, которой подвергался корпус князя Багратиона,— доносил Кутузов царю,— не менее того я должен был считать себя счастливым спасти, пожертвованием оного, армию»⁶¹.

Багратиону предстояло сдерживать натиск тридцатитысячной армии французов. Мюрат предложил Кутузову перемирие, но последний, планомерно осуществляя свой стратегический замысел, решил использовать эту крайне необходимую для него паузу для того, чтобы выиграть время и вывести армию из-под нависавшего над ней удара.

Бесстрашие и героизм русских войск, проявленные в неравном сражении с противником под Шенграбенем (4 ноября 1805 г.), дали возможность вывести главные силы армии из-под угрозы окружения и соединиться с русскими, подходившими к Ольмюцу. В военном отношении это решение и само событие — чрезвычайное, вызванное критической ситуацией. В военно-историческом отношении они не получили еще достаточного описания и оценки. Лишь Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» создал впечатляющую картину боев под Шенграбенем, которые обрели характер драматической и героической эпопеи войны 1805 года.

Шенграбен расположен километрах в 60 к северу от Вены. Мне, долгие годы занимающемуся той военной эпохой, нельзя было не побывать там. И я целый день провел на Шенграбенском поле битвы, представив себе и диспозицию войск и характер боев и маневров. Трудная задача выпала на отряд Багратиона. Но то были действительно мужественные воины, защитившие и себя и своих собратьев по оружию.

Теперь это широкое поле, окаймленное лесным массивом, засеяно пшеницей и клевером. Лишь старая деревенская церковь, памятные столбы на поле, да обелиск у дороги напоминают о том далеком времени.

Умело организованные и успешно осуществленные русским командованием боевые действия справедливо считаются в истории военного искусства одним из замечательнейших образцов стратегического марш-маневра. Проведенный в неблагоприятных условиях, он коренным образом изменил военную обстановку. Если в районе Браунау Наполеон, имея 150-тысячную армию, обладал трехкратным превосходством в силах, то к Ольмюцу он смог сосредоточить только 50 тыс. войск. Остальные войска были потеряны в боях и разбросаны для охраны захваченной территории. В то же время русские после их соединения с корпусом Буксгевдена и 15-тысячным австрийским отрядом имели до 86 тыс. человек.

Таким образом, в результате проведенного маневра были сохранены основные силы русской армии и изменено общее соотношение сил в пользу союзников.

Но это была лишь первая часть задуманного Кутузовым плана. Вторая часть плана состояла в том, чтобы задержать дальнейшее наступление французской армии, еще больше измотать силы противника в оборонительных боях, используя это время для усиления своих войск и подготовки их к переходу в контрнаступление.

Целесообразность такого решения диктовалась всей сложившейся обстановкой, а именно в Моравию двигались крупные силы австрийских войск из Северной Италии и Тироля, сюда же подходили и русские корпуса под командованием Л. Л. Беннигсена и И. Н. Эссена. Кроме того, имелись все основания полагать, что и Пруссия, наконец, решится присоединиться к коалиции и направит свои войска для общей борьбы с Наполеоном.

План исходил также из того правильного положения, что после столь трудного марш-маневра войска нуждались в отдыхе. Необходимо было провести ряд организационных мероприятий, укомплектовать и переформировать части, обмундировать войска, улучшить их питание, обеспечить армию боеприпасами. Для всего этого требовалось определенное время. Нельзя было предпринимать наступательных действий, пока не решены эти важнейшие вопросы.

Как свидетельствует участник войны 1805 г. И. Бутовский, Кутузов в интересах победы не исключал возможности отвести армию дальше к Карпатам. В Ольмюце «в военном совете,— пишет Бутовский,— почти все изъявили желание обратиться на неприятеля. Кутузов был противного мнения: он объявил, что затрагивать

Наполеона еще рано, и предложил отступить. Его спросили, где же предполагает он дать ему отпор? Кутузов отвечал: „Где соединюсь с Беннигсеном и пруссаками; чем далее завлечем Наполеона, тем будет он слабее, отдалится от своих резервов, и там, в глубине Галиции, я погребу кости французов”»⁶². Кроме сообщения Бутовского, имеются и другие документы, свидетельствующие о том, что Кутузов являлся ярким противником немедленного перехода к наступательным действиям. Об этом же писали и историк Богданович, и тогдашний министр иностранных дел Адам Чарторыйский. «Если бы генералу Кутузову дали возможность действовать самостоятельно,— писал Чарторыйский,— он не дал бы таких полномочий начальнику своего штаба Вейротеру и сам бы руководил в сражении вверенной ему армией. Его природная предусмотрительность заставила бы его выжидать благоприятного случая и избегать сражения, и плана этого следовало тогда держаться до той минуты, пока Пруссия не присоединилась бы к нам. Такого, по крайней мере, мнения держался генерал Кутузов»⁶³.

Другого мнения были находившиеся при армии Александр I, Франц I, Ф. Вейротер, А. А. Аракчеев, П. П. Долгоруков. Недооценивая силы противника и преувеличивая свои возможности, они говорили о неизбежности поражения Наполеона на Моравских полях, о необходимости немедленного перехода в наступление. Только Кутузов разумно предлагал не бросаться в сражение очертя голову, а усилить, привести в порядок армию и только тогда нанести Наполеону сокрушительный удар.

С мнением опытного полководца не посчитались и, фактически отстранив его от руководства армией, решили перейти в наступление. 15 ноября союзная армия, разделенная на пять колонн⁶⁴, начала движение к Брюнну с целью сближения с войсками Наполеона. Пройдя за пять дней 60 верст, войска были остановлены на позиции: Коваловиц, Праценские высоты, Аугест. По принятой диспозиции на первые три левофланговые колонны под общим командованием Буксгевдена возлагалась задача нанесения главного удара по правому флангу противника с последующим поворотом на север; четвертая колонна, при которой находился Кутузов, должна была двигаться через Праценские высоты на Кобельниц; пятая колонна (австрийская конница) и отряд Багратиона располагались на правом фланге и должны были сковывать противника, обеспечивая обходный маневр главных сил.

Наполеон, заранее осведомленный через своих шпионов о готовившемся наступлении союзников и их планах, оставил Аустерлиц и расположил свои войска за ручьями Гольдбах и Бозеницкий. К этому времени сюда подошли корпуса Бернадота и Даву. Общая численность наполеоновских войск составляла теперь уже около 75 тыс человек. Основная масса войск была сосредоточена в центре (50 тыс человек); на фланги же были выделены крайне незначительные силы.

Замысел Наполеона был чрезвычайно прост: ударом по центру разобщить австро-русские войска на две изолированные части, выйти во фланг и тыл главной группировки союзных войск и уничтожить их по частям.

Рано утром 20 ноября (2 декабря) главные силы союзной армии начали наступление на левом фланге. После небольших схваток они заняли населенные пункты Тельниц и Сокольницы. В это время начала наступать четвертая колонна, оставляя по приказанию Александра I Праценские высоты.

Этого момента и ожидал Наполеон. Теперь перешли в наступление его главные силы. Они быстро сломили сопротивление малочисленных войск четвертой колонны и, выйдя во фланг и тыл войскам основной группировки союзников, обрушили на них свои удары.

Войска левого фланга союзников оказались в крайне тяжелом положении; создавалась угроза их полного окружения. И только благодаря мужеству и стойкости русских войск Наполеону не удалось до конца осуществить свой план полного разгрома австро-русских войск. Но потери были все же огромные: русские потеряли убитыми и ранеными 21 тыс человек, австрийцы — около 6 тыс человек.

Крупное поражение союзников под Аустерлицем знаменовало собой распад и окончание борьбы третьей коалиции против наполеоновской Франции. Австрия, как этого и следовало ожидать, сразу же прекратила всякое сопротивление и 14 декабря 1805 г. в Прессбурге (ныне Братислава) заключила с Наполеоном мирный договор. Русские войска через Венгрию возвращались на родину.

Местные власти оказывали большую помощь русским войскам. В одном из писем венгерского короля говорится: «Для возвращающейся домой по территории Венгрии и Галиции русской армии выделены два удаленных друг от друга маршрута с тем, чтобы облегчить бремя тягот, неизбежно возникающее для земель, через которые дви-

жуются войска. Это в первую очередь касается сильно истощенной Галиции, в отношении которой сие благоденствие будет и справедливо и крайне необходимо, ибо области, вынесшие чрезвычайно большие тяготы за время предыдущих походов войск, ныне от таковых должно освободить, переложив бремя военных тягот на другие земли по справедливости»⁶⁵.

В конце декабря 1805 г. М. И. Кутузов писал королю Венгрии Францу I: «Прежде чем покинуть пределы Венгрии, мне бы хотелось от имени всей армии, под мою команду состоящей, выразить Вам, Ваше Высочество, чувство большой благодарности, которое все мы испытываем. Превосходное снабжение солдат нашей армии на протяжении всего марша по территории королевства, радужный прием, оказанный генералам и офицерам, оставят в нашей памяти самые теплые воспоминания»⁶⁶.

В декабре 1805 г.—январе 1806 г. пехотные части русской армии проследовали по маршруту: Ипойшаг — Балашшадьярмат — Лошонц — Римасомбат — Аггтелек — Йошвафё — Кашша (часть пути проходила по территории нынешней Чехословакии). Кавалерия двигалась по маршруту: Кеменд — Вац — Мача — Асод — Ароксалаш — Кевешд — Кёрём — Оласлиска — Уйхей. Затем обе колонны направились в Люблин⁶⁷.

В Аустерлицком сражении с изумительной силой проявился героизм как русских воинов, так и их военачальников: Кутузова, Багратиона, Дохтурова, Милорадовича. Русские войска в этом сражении, доносил Кутузов царю, «показали новые опыты мужества и неустрашимости. Почти до самой полночи стояли они в виду неприятеля, который не дерзал уже более возобновлять своих нападений»⁶⁸. Следует выразить чувства глубокой благодарности чехословацким друзьям, которые создали в районе Праценских высот музей, бережно сохраняя в нем ценные реликвии, повествующие как о самом сражении, так и о проявленном в нем мужестве русских воинов. Бережно сохраняется в Славкове (бывший Аустерлиц) и домик, в котором находилась штаб-квартира М. И. Кутузова.

Как известно, на исход сражения оказали влияние крупнейшие ошибки, допущенные при планировании операции. Сражение было дано преждевременно и не было как следует подготовлено. План сражения был разработан Вейротером — представителем реакционной прусской школы. Составленный без учета реальной об-

становки, возможностей и сил как своих, так и противника, с предварительным проведением сложных маневров на виду у Наполеона, план обрекал войска на поражение. И кажется, что Вейротер делал все возможное не для победы, а для поражения армии.

Александр I не разбирался в военных делах, хотя мнил себя полководцем, преклонялся перед западными авторитетами военного искусства, слепо верил австро-прусским военным деятелям и пренебрегал мнением Кутузова и его сподвижников.

Анализируя ход Аустерлицкого сражения, нетрудно установить, что победа французской армии была достигнута в результате применения Наполеоном его излюбленного приема — прорыва центра противника с тем, чтобы заставить его сражаться с перевернутым фронтом. И не случайно Кутузов, хорошо знавший и понимавший тактику Наполеона, придавал такое важное значение удержанию Праценских высот, являвшихся центральным пунктом всей позиции.

Можно не сомневаться, что в другой обстановке, при полной власти Кутузова как главнокомандующего, Наполеону никогда бы не удалось достигнуть таких результатов в сражении, каких он достиг под Аустерлицем. Если говорить об успехах Наполеона под Аустерлицем, то они объясняются во многом тем, что он, заранее зная во всех подробностях план сражения своих противников, умело использовал грубейшие ошибки союзного командования, послужившие первопричиной поражения австро-русских войск.

После того как сражение было проиграно, Александр I не постеснялся всю вину за поражение переложить на Кутузова. Н. К. Шильдер, автор четырехтомного труда о жизни Александра I, указывает, что «Аустерлицкое сражение окончательно лишило его (Кутузова.— П. Ж.) расположения к нему государя. В последовавших за 1805 годом ближайших войнах он долго оставался безучастным зрителем», а при дворе в то время «о Кутузове и слышать не хотели»⁹⁹. Кутузов вновь оказался в опале, его отстранили от командования войсками и назначили военным губернатором в Киев или, как тогда говорили, «отправили в почетную ссылку».

Кутузов тяжело переживал незаслуженную опалу. Через 10 дней после Аустерлица он писал жене: «Ты слышала, конечно, об наших нещастиях. Могу тебе сказать в утешение, что я себя не обвиняю ни в чем, хотя я к

себе очень строг»⁷⁰. Позже, в 1812 г., когда русская армия наносила сокрушительные удары по вторгшейся в Россию наполеоновской армии, Кутузов, увидев отбитое у французов знамя с надписью «За победу под Аустерлицем», сказал окружавшим его офицерам: «Вы молоды, переживете меня и будете слышать рассказы о наших войнах. После всего, что совершается теперь, перед нашими глазами, одной выигранной мною победой или одной понесенной мною неудачей больше или меньше, все равно для моей славы, но вспомните: я не виноват в Аустерлицком сражении»⁷¹.

Победа французов под Аустерлицем и Прессбургский договор укрепили власть Наполеона над Австрией, а создание Рейнского союза поставило в полную зависимость от Франции 16 немецких государств. Наполеон бесцеремонно хозяйничал в Западной Германии. Это заставило Пруссию осенью 1806 г. объявить войну Франции. На стороне Пруссии были Англия и Швеция, они обещали ей помощь. Создалась четвертая антифранцузская коалиция, к которой присоединилась и Россия.

Прусская армия, комплектовавшаяся из наемников, обученных на отживших фридриховских принципах военного искусства, не смогла противостоять наполеоновской армии. В двух решающих сражениях в октябре 1806 г., под Иеной и Ауэрштедтом, она потерпела жестокое поражение. Французская армия заняла Берлин. Прусский король Фридрих Вильгельм III бежал к границам России.

Русские войска более полугода вели борьбу с наполеоновской армией. Особенно упорными были сражения под Прейсиш-Эйлау 27 января (8 февраля) 1807 г. и при Фридланде 2 (14) июня 1807 г. Наполеон, выиграв последнее сражение, оттеснил русские войска за Неман. 25 июня (7 июля) между Россией и Францией был подписан Тильзитский мир. Завоевав в короткие сроки страны Западной Европы, Наполеон стремился теперь к мировому господству.

Но на пути к достижению этой цели стояла Россия.

4

Первое десятилетие XIX в. — сложный и напряженный период в истории России. На западе существовала угроза вторжения войск наполеоновской Франции. На юге Османская Порта вынашивала планы отторжения от России Крыма и Кавказа. Борьба за обладание Чер-

номорским побережьем и важными стратегическими пунктами на юге не раз приводила к серьезным военным столкновениям. И теперь турецкое правительство следило за успехами Наполеона, выжидая удобного случая, чтобы войти с ним в контакт для совместной борьбы против России. Со своей стороны и Наполеон принимал энергичные меры для развязывания войны Турции с Россией. Генерал Себастиани, назначенный в 1806 г. (после захвата Далмации) французским посланником в Константинополе, обещал туркам прямую военную помощь, для чего предназначался 25-тысячный корпус Мармона, находившийся в Далмации. В Константинополь прибывали многочисленные французские военные инструкторы, советники, специалисты по сооружению крепостей. Эта напряженная обстановка в конце концов и привела к войне. В 1806 г. Турция открыла военные действия против России.

Русская армия, перейдя Днестр, в течение двух месяцев овладела важнейшими крепостями: Яссы, Бендеры, Аккерман, Килия, Галац, Бухарест — и вышла к берегам Дуная. В руках турок из больших крепостей на северном берегу Дуная оставались лишь Измаил, Браилов и Журжа. Казалось, что война быстро идет к концу. Однако положение осложнялось тем, что Россия вынуждена была одновременно вести войну и с Францией. Ожесточенные кровопролитные сражения под Прейсшп-Эйлау и Фридландом в значительной степени ослабили силы русской армии.

Заключение мира между Россией и Францией на некоторое время повлияло на политику Наполеона по отношению к Турции. Наполеон обязался не оказывать ей военной помощи и не поддерживать ее в войне с Россией. В то же время он взял на себя посредничество в ведении переговоров между Россией и Турцией о подписании мира. Однако переговоры, начатые в Париже в 1807 г., вскоре показали, что ни Турция, ни Наполеон не стремились к урегулированию конфликта. Заключенное в августе 1807 г. перемирие было нарушено Турцией, и военные действия возобновились.

Война с Турцией продолжалась почти шесть лет (1806—1812 гг.).

За это время сменилось несколько командующих (А. А. Прозоровский, П. И. Багратион, Н. М. Каменский). Боевые действия велись с переменным успехом и не приводили к сколько-нибудь значительным резуль-

татам. Весной 1811 г. царь вынужден был назначить командующим Дунайской армией Кутузова.

Перед полководцем встала чрезвычайно трудная задача: добиться быстрой победы в весьма сложной и неблагоприятной обстановке. Кутузов решил применить новые, более решительные способы борьбы. Он говорил: «Всякое неожиданное или новое действие приводит их (турок.— П. Ж.) в такое смятение, что не можно предположить, в какие впадутся они ошибки и сколь велик будет наш успех. Сверх того, против турок успех зависит не от многолюдства, но от расторопности и бдительности командующего генерала»⁷².

Длительные войны, которые вела Турция с Россией, послужили уроком для турецкой армии, значительно улучшившей свою организацию и тактику ведения боя. Поэтому Кутузов не ограничивался только опытом прошлых войн, а всесторонне изучал слабые и сильные стороны противника. Он понял, что победа достигается не овладением территорией противника или его крепостями, а в результате разгрома врага. Чтобы победить Турцию, необходимо было разбить ее армию. Основная стратегическая идея Кутузова заключалась в том, чтобы, отведя русскую армию на северный берег Дуная и собрав ее в один мощный кулак, заставить великого визиря вывести свои войска на северный берег Дуная (к Рущуку и далее), обескровить их в бою, а затем всеми силами перейти в решительное наступление и окончательно разгромить противника.

Как мы видим, Кутузов отказывается от кордонной системы ведения войны, сосредоточивает главные силы на наиболее важном направлении и, отклонив оборонительный план, переходит к решительным наступательным действиям. Искусно маневрируя войсками, Кутузов сумел выманить турок из крепости и навязать им бой в открытом поле.

22 июня (4 июля) 1811 г. под Рущуком произошло ожесточенное сражение. Оно продолжалось около 12 часов и окончилось полным поражением турецкой армии, несмотря на то что противник обладал четырехкратным превосходством в силах. Турки потеряли убитыми и ранеными более 4 тыс человек, потери русской армии не превышали 500 человек. В приказе по армии, отданном по случаю победы, Кутузов, объявляя благодарность войскам, писал: русские войны «твердостью своею не уступили нигде ничем неприятелю, и те части войск,

которые я во время самого жаркого сражения близко видеть мог, во всех тех видел дух русских и победу, уже написанную на их лицах. 22-е число июня пребудет навсегда памятником того, что возможно малому числу, оживленному послушанием и геройством противу бесчисленных толп, прогнать неприятеля»⁷³.

В сражении под Рущуком турецкая армия хотя и понесла большие потери, но не была еще разгромлена. Ее главнокомандующий, визирь Ахмет-паша, отойдя в укрепленный лагерь, собрал силы и готовился к новому бою. Он надеялся, что русская армия, увлеченная успехом, будет продолжать наступление. И действительно, многие генералы настаивали на немедленной атаке турецкой армии. Но Кутузов хорошо знал, что предпринимать наступление на противника, обладавшего четырехкратным превосходством в силах и засевшего в укрепленном лагере,— это значит подвергать слишком большому риску свою армию.

Оценив создавшуюся обстановку, Кутузов принимает совершенно неожиданное, но единственно правильное решение: простояв после сражения четыре дня в районе Рущука, он отводит всю армию на левый берег Дуная, взорвав одновременно крепость.

Преднамеренное оставление Рущука и перевод русской армии на левый берег Дуная были задуманы им как стратегический маневр. В результате этого маневра военные действия переносились на левый берег Дуная, где создавались благоприятные условия для окончательного разгрома турецкой армии.

Не понимая стратегического плана Кутузова и будучи уверенным в том, что русская армия отступает вследствие своей слабости, визирь не замедлил вступить с войсками в Рущук и возвестить о своей «победе». В Константинополе и Париже царил радость по случаю отступления русской армии за Дунай. Султан щедро награждал визиря за его «победу». Находившийся в Париже А. Чернышев сообщал, что Наполеон был очень обрадован, узнав об отступлении Кутузова за Дунай. На одном из приемов в Тюильри Наполеон, подойдя к Чернышеву, ехидно спросил: «У вас, кажется, была резня с турками под Рущуком?». Но радость султана и Наполеона продолжалась недолго. Вскоре наступило горькое разочарование.

Перейдя на левый берег Дуная, русская армия готовилась к решительным боям. Строились оборонительные сооружения, перегруппировывались войска, шла усилен-

ная боевая подготовка, создавались резервы боеприпасов и продовольствия. Все проводимые мероприятия направлялись Кутузовым на решение центральной задачи — создание необходимых, выгодных условий для окончательного разгрома турецкой армии.

Прошло два месяца, а визирь с армией все сидел в Рущуке. Он не решался переправиться через Дунай. Один за одним прибывали курьеры из Константинополя с требованиями султана «кончать с русскими». Наполеон также торопил визиря скорее «поймать Кутузова» и разгромить русскую армию.

Ахмет-паша под нажимом из Константинополя и Парижа в ночь с 27 на 28 августа начал переправу через Дунай своих войск. Русские передовые отряды оказали сопротивление туркам, но предотвратить их переправу не смогли, да это, собственно, и не входило в их задачу. «Пусть переправляются, только перешло бы их на наш берег поболее», — говорил Кутузов, узнав о переправе турок на левый берег Дуная.

В создавшейся обстановке Кутузов принимает смелое решение: блокировав турецкие войска на занятой ими позиции, скрытно переправить часть сил через Дунай, разгромить противника в Рущуке, а затем окружить и уничтожить войска, находившиеся на левом берегу Дуная. Для осуществления этого плана была проведена тщательная и всесторонняя подготовка. Турецкие войска, переправившиеся на левый берег Дуная, были скованы основными силами русской армии. Все попытки противника продвинуться вперед, расширить плацдарм были безуспешными. «Я окружил его редутами, — доносил Кутузов военному министру М. Б. Барклаю-де-Толли 20 сентября 1811 г., — и позади оных поставил пехоту и кавалерию таким образом, что ежели он намерен будет что предпринять, то должен иметь дело с сими редутами и с войском, позади их расположенным»⁷⁴. Позиция русской армии была построена так, что оба ее фланга примыкали к Дунаю, с тем чтобы турки, как отмечал Кутузов, не могли «иногда объехать наш правой фланг и наделать каких-нибудь шалостей позади нас»⁷⁵. Противник с суши был окружен со всех сторон, у него оставалась связь только через Дунай с Рущуком.

Основной же замысел Кутузов держал в строжайшей тайне. Никто не знал о планах его дальнейших действий. Даже в донесении к военному министру Кутузов не раскрывал карт. «Жалею очень, — писал он, — что не могу

еще ничего решительного донести о делах здешних», и лишь несколькими строками ниже, как бы вскользь, Кутузов добавил: «Имею я сильной резерв позади Слободзеи, сильной корпус генерала Маркова, который двинется, куда нужно будет» ⁷⁶.

Поздно вечером 1 октября в 18 км западнее турецкого лагеря скрытно и совершенно внезапно для противника Кутузов переправил на правый берег Дуная 7,5-тысячный корпус Маркова (пехота и артиллерия на паромках, конница вплавь). Продвигаясь незаметно по правому берегу Дуная, войска Маркова, не доходя 5 км до Руцук, остановились на отдых. На рассвете 2 октября генерал Марков, построив пехоту в пять каре и выдвинув вперед кавалерию, устремился к Руцuku.

Смелым ударом конницы и пехоты опрокинув охранение противника, русские войска на плечах убежавших турок ворвались в Руцук. Внезапный и стремительный удар русской конницы, неудержимый натиск пехоты вызвали в лагере противника невероятную панику. В страхе и отчаянии толпы турецких солдат, бросив артиллерию, боеприпасы, продовольствие, разбежались во все стороны. Противник потерял более 1500 человек убитыми и 400 пленными. Было захвачено 8 пушек, 22 знамени и весь обоз с большими запасами пороха, свинца и продовольствия. Потери русских составили 9 человек убитыми и 40 ранеными.

Смело задуманный и блестяще осуществленный Кутузовым маневр коренным образом менял всю стратегическую обстановку. Противник лишился значительной части войск, находившихся на правом берегу Дуная, а его основная группировка (около 40 тыс человек) оказалась полностью окруженной. «Так кончился достопамятный день сей,— писал Кутузов,— который в турецких летописях называется несчастным днем» ⁷⁷.

В целях создания плотного кольца окружения Кутузов приближает фланги своих войск к противнику; часть войск генерала Маркова заняла остров Голь, лежащий против турецкого лагеря. К этому же времени подошедшие суда Дунайской флотилии, вооруженные орудиями большого калибра, остановились по обеим сторонам окруженной группировки противника. Начался обстрел турецких войск. Открыли огонь захваченные у противника руцукские батареи, к их огню присоединился мощный огонь пушек Дунайской флотилии и главных сил русской армии. Сжатая со всех сторон и лишенная всякой надеж-

ды получить какую-либо помощь, турецкая армия оказалась в безвыходном положении. Великий визирь бежал.

Окруженные турецкие войска, оставленные на произвол судьбы, несли огромные потери убитыми и ранеными. «Положение войск турецких на сей стороне пребедственное,— доносил Кутузов военному министру,— 8-й день как уже они не имеют хлеба и питаются лошадиным мясом без соли»⁷⁸, а съев всех лошадей, они кормились травяными кореньями. Сотни солдат ежедневно умирали от голода. Потеряв более двух третей своего состава, остатки окруженных турецких войск (около 12 тыс) вскоре вынуждены были капитулировать. Турецкая армия на Дунае перестала существовать.

Лишившись армии, Турция запросила мира, который и был заключен в Бухаресте 16 (28) мая 1812 г. Но переговоры о мире длились целых шесть месяцев. Протоколы мирной конференции, проходившей в Журже и Бухаресте, показывают, что причиной затяжки переговоров было активное вмешательство французских дипломатов. Наполеон стремился не допустить заключения мира Турции с Россией.

Французский посол в Константинополе Латур-Мобур внушал султану Махмуду II мысль о необходимости прекратить всякие переговоры с Россией и продолжать войну, так как в скором времени Наполеон с огромной армией вторгнется в Россию, безусловно одержит быструю победу, и тогда Турция, если она будет в союзе с Наполеоном, получит Дунайские княжества, Крым и Закавказье.

Перспектива, нарисованная французским дипломатом, была довольно заманчивой. Султанское правительство, цепляясь за любую возможность, стремилось затянуть переговоры до вторжения Наполеона в Россию.

Только в результате настойчивости и дипломатического таланта Кутузову удалось преодолеть все трудности и всего за месяц до вторжения Наполеона в Россию заключить выгодный для России мир.

По условиям Бухарестского мирного договора Турция не могла выступать в союзе с Наполеоном. К России отошла Бессарабия с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил. Русско-турецкая граница устанавливалась по реке Прут до соединения ее с Дунаем. Россия получала право торгового судоходства по всему течению Дуная. Для народов Молдавии и Валахии сохранялись все привилегии, установленные Яским мир-

ным договором. Сербии предоставлялась автономия в вопросах внутреннего самоуправления.

Победа русской армии на Дунае имела крупные политические последствия. Она подрывала военно-политическое могущество Османской Порты, способствовала усилению национально-освободительной борьбы балканских народов, томившихся под турецким игом. Присоединение Бессарабии к России избавило молдавский народ от турецкого гнета; была обеспечена безопасность юго-западных границ России. Значительная часть молдавской армии была переброшена к западным границам.

Одновременно с войной против Турции России пришлось в 1808—1809 гг. вести войну со Швецией. Военные действия происходили на территории Финляндии, которая в то время принадлежала Швеции. В сложных условиях северного театра войны, русские войска проявили исключительную храбрость и доблесть. Потерпев поражение в многочисленных боях, противник вынужден был очистить Финляндию. Русская армия форсировала по льду Ботнический залив и вышла к берегам Швеции. Начались мирные переговоры. 5 (17) сентября 1809 г. в Фридрихсгаме был подписан договор, по которому Швеция уступала России Финляндию и Аландские острова.

Победы России в войнах с Турцией и Швецией значительно улучшили стратегическую обстановку к началу Отечественной войны 1812 года.

Глава вторая

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

1

Правильно определить причины возникновения любой войны и ее характер — значит изучить внутреннюю и внешнюю политику господствовавшего класса перед войной, «ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия»¹. Словом, неоднократно подчеркивает В. И. Ленин, «война есть продолжение буржуазной политики и ничего больше». Это классическое ленинское определение сущности войны, ее причин справедливо ко всей эпохе наполеоновских войн, в том числе, разумеется, и к войне 1812 года².

Многие дипломаты, дворянские и буржуазные историки самым серьезным образом утверждали, что война 1812 года вспыхнула потому, что не выдали замуж за Наполеона сестру Александра I Анну Павловну; другие усматривали причину войны в том, что Наполеон отобрал земли у принца Ольденбургского (дяди Александра I); третьи считали, что причиной войны явилась созданная Наполеоном континентальная блокада, разорявшая Европу.

Кое-кто из западных историков высказывает мысль, что Наполеон побаивался России, которая могла в любой момент поддержать восстание подвластных ему стран и обрушиться на Францию, что при благоприятных условиях Россия поддержит восстание против Франции и разрушит созданную им империю, и хотя авторы такой версии считают ее весьма проблематичной, тем не менее они выдвигают «превентивную войну» со стороны Франции как одну из ее причин.

Понятно, что такие высказывания далеки от истины. Они не разъясняли, а лишь запутывали социальный смысл войны. Авторы подобных взглядов стремились объяснить возникновение войны случайными, чисто субъективными факторами, подменить причину войны поводом, сущность ее возникновения — следствием.

Еще Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» критико-

вал несостоятельность взглядов официальных дворянских историков, объяснявших великие события субъективными, совершенно ничтожными причинами. «В исторических событиях,— пишет он,— так называемые великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, которые, так же как ярлыки, менее всего имеют связи с самым событием. Каждое действие их, кажущееся им произвольным для самих себя, в историческом смысле произвольно, а находится в связи со всем ходом истории и определено предвечно»³.

Подлинно же научное объяснение причин и характера войны можно дать, лишь руководствуясь марксистско-ленинской методологией и уяснив прежде всего, «из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали»⁴.

Проводя в международных делах политику крупной французской буржуазии, Наполеон сумел в результате бесцеремонного нарушения договоров и трактатов, рядом агрессивных войн в короткий срок подчинить Франции сильнейшие европейские страны. К 1811 г. французская империя с ее вассальными государствами насчитывала 71 млн человек (из 172 млн, населявших Европу). Русский посол во Франции А. Б. Куракин писал царю: «От Пиренеев до Одера, от Зунда и до Мессинского пролива — все Франция»⁵.

Россия для буржуазной Франции представляла прежде всего интерес как страна с огромными людскими и материальными ресурсами. Завоевать ее, овладеть всеми ее богатствами, эксплуатировать их было первейшей задачей Наполеона.

В начале XIX в. Россия завоевывала позиции в Европе как мощная экономическая держава. Рост ее промышленных предприятий, возникновение ряда новых отраслей промышленности, увеличение товарности сельского хозяйства привели к улучшению товарно-денежных отношений, к расширению внутренней и внешней торговли России. Такие города, как Москва, Петербург, Одесса, Казань, сделались крупными торговыми центрами. Из России экспортировалось в большом количестве хлеб, лен, пенька, шерстяные изделия. Наполеону было известно, что основным покупателем русских товаров была Англия: в Англию вывозилось льна 91%, пеньки — 73%, сала — 77%, железа — 71% всего русского экспорта. Из 987 иностранных кораблей, ежегодно выходивших из Петербурга-

ского и Кронштадтского портов, большие половины были английскими⁶.

За период с 1800 по 1805 г. оборот внешней торговли России составил по вывозу 75 млн руб. и ввозу — 53 млн руб.⁷ Увеличение товарности продукции, рост внутренней и внешней торговли привели к увеличению государственного бюджета. Так, если в 1801 г. бюджет составлял 184 млн руб., то в 1807 г. он вырос до 291 млн., а в 1808 г. — до 360 млн руб.⁸ Разумеется, увеличение товарности сельского хозяйства, рост внешней торговли России сопровождалось усилением крепостничества и эксплуатации крестьянства. Основным производителем была многомиллионная масса крепостного крестьянства.

Для Франции экономические, захватнические, «империалистские», как подчеркивал Ленин, причины войны были главными. Французская буржуазия, особенно промышленная, нуждалась и в новых сферах экономического влияния, и в новых рынках сбыта. Ее борьба с английской буржуазией за мировое господство и те результаты, которые были достигнуты Наполеоном, вселяли буржуазной Франции уверенность в близости заветной цели.

Но прежде чем покорить Россию силой и начать открыто вооруженное вторжение на ее территорию, Наполеон предпринял и провел ряд мероприятий, направленных на ее экономическое и военное ослабление. Он прекрасно понимал, что без участия России, которая вела наиболее оживленную торговлю с Англией, его политика экономической войны с Англией не принесет должных результатов.

В ноябре 1806 г. в Берлине Наполеон издал декрет о континентальной блокаде: всем европейским странам запрещалась всякая торговля с Англией. Все английские товары подлежали конфискации. Запрещалось также принимать в европейских портах суда любой страны с английскими товарами.

Не чувствуя себя еще достаточно сильным для вторжения в Россию и учитывая зависимость экономики России от внешней торговли с Англией, Наполеон сразу же после победы при Фридрихсфельде навязывает России тяжелый Тильзитский мир и вынуждает ее включиться в систему континентальной блокады.

Россия тогда оказалась в тяжелом положении. Поражение русской армии при Фридрихсфельде (1807 г.) приблизило французские войска к границам России. Нависла угроза вторжения наполеоновских войск в Россию. На

юге шла затяжная война России с Турцией. Оставшись без союзников, не получая никакой реальной поддержки от Англии, Александр I вынужден был резко изменить внешнюю политику. Он согласился заключить с Наполеоном перемирие, а затем принял предложение Наполеона встретиться и с глазу на глаз обсудить условия мирного договора. Эта встреча произошла 25 июня 1807 г. на плоту на Немане. Александр согласился участвовать в любом действии, направленном против Англии. «В таком случае все может устроиться и мир заключен,— заявил Наполеон»⁹.

По Тильзитскому мирному договору Россия признала все завоевания Наполеона в Европе, прекратила военные действия с Турцией и обязалась вывести войска из Молдавии и Валахии, а Наполеон взял на себя роль посредника при заключении мира России с Турцией. Из земель Речи Посполитой создавалось Варшавское герцогство¹⁰.

В Тильзите Наполеон, заключив столь выгодный договор, стал истинным хозяином континентальной Европы.

Но надолго ли?

Годы, последовавшие за Тильзитом, вскоре показали, что отношения между Александром и Наполеоном оставались весьма сдержанными. Правда, Наполеон сразу же стал перебрасывать войска из Центральной Европы в Испанию и к берегам Эльбы, а Александру даже делал предложение о совместном походе против Турции и Персии. Но то были лишь фантастические проекты. Подспудные же конфликтные процессы уже давали о себе знать.

Прямым следствием Тильзитского мира явились разрыв англо-русских отношений и присоединение России к континентальной блокаде. Русское правительство обвинило Англию в том, что она во время войны России с Францией не оказывала никакой помощи русской армии в борьбе с Наполеоном.

Континентальная блокада подрывала экономику России. Она привела к резкому сокращению ее внешне-торгового оборота, а это, в свою очередь, к пассивному торговому балансу, что крайне отрицательно отразилось на русской экономике. Энгельс писал по этому поводу: «Россия могла получать деньги лишь посредством морской торговли и вывоза своего сырья на главный в то время рынок, в Англию; а Россия была уже слишком европейской страной, чтобы обходиться без денег. Торговая блокада становилась невыносимой»¹¹.

Чтобы устранить разногласия, возникшие в результате присоединения России к континентальной блокаде, Наполеон в октябре 1808 г. пригласил Александра I на личное свидание в Эрфурт. Он рассчитывал, что Александр будет так же уступчив, как и в Тильзите, и что ему удастся окончательно подчинить внешнюю политику России своим интересам. Александр I, пристально следивший за положением дел во Франции и особенно за военными событиями в Испании, где усиливалось сопротивление народа армии французских оккупантов, уже не желал идти на дальнейшие уступки и занял твердую позицию. И хотя в Эрфурте были подтверждены условия Тильзитского договора и достигнута взаимная договоренность не вступать с Англией ни в какие переговоры, непрочность этого союза становилась все более очевидной. Результаты «эрфуртского свидания» показали, что Наполеону не только не удалось устранить уже наметившиеся разногласия во внешнеполитических вопросах, но что эти разногласия все больше и больше обострялись.

Начиная с 1809 г. напряженность в отношениях Франции с Россией непрерывно нарастает. Здесь и обвинение Наполеоном Александра в невыполнении взятых им на себя обязательств в Тильзите и Эрфурте, и его нежелание породниться с Наполеоном — видеть его зятем. Отказ выдать замуж за Наполеона великую княгиню Анну был воспринят как публичное оскорбление. Наполеон в начале 1810 г. женился на австрийской эрцгерцогине Марии-Луизе, и это, естественно, коренным образом меняло франко-австрийские отношения.

С середины 1810 г. франко-русские противоречия еще более обострились из-за ослабления континентальной блокады Англии со стороны России, из-за Балкан, Турции, Персии, где французская дипломатия стремилась проводить тайно, а нередко и явно антирусскую политику. Появление в мае 1811 г. французского маршала Бернадота на королевском троне Швеции расценивалось в Петербурге как одно из звеньев создания плацдармов для нападения на Россию.

Дух Тильзита фактически уже не существовал. Наполеон и его дипломаты, и прежде всего Талейран, используя различные поводы и капалы, создавали общественное мнение о русском царе как об отступнике и первом сопернике французского императора в европейских делах. Более того, Наполеон заявлял, что Александр будто бы замышлял войну против Франции. Многократ-

ные попытки бывшего посла Коленкура и его преемника Лористона переубедить Наполеона не возымели действия.

Вспоминая о своем первом разговоре с императором о России после возвращения из Петербурга в Париж, Коленкур отмечал, что Наполеон говорил о допущении Александром в свою страну граждан нейтральных государств и американцев, что противоречило условиям континентальной блокады. Он утверждал, что царь вел предательскую политику и вооружался, чтобы развязать войну против Франции... «Император повторил мне все сказки и басни, которые фабриковались в Данциге, в Варшавском герцогстве и даже в северной Германии... лживость которых так часто доказывалась ему сведениями, полученными затем на месте, или даже самими событиями»¹².

Дело явно шло к военному столкновению. Наполеон, отвергая предупреждения об опасности похода на Россию, говорил: «... Хорошее сражение окажется лучше, чем благие решения моего друга Александра и его укрепления, возведенные на песке»¹³.

В январе 1812 г. Наполеон разослал своим немецким союзникам документ, в котором перечислялись обиды, нанесенные Россией. В нем говорилось, что «территория конфедерации находится в опасности», и содержался приказ Жерому, королю Вестфальскому, провести мобилизацию до 15 февраля¹⁴. Австрии и Пруссии было предъявлено требование выставить одной 40 тыс., а другой 20 тыс солдат для участия в походе на Россию.

В основе углублявшихся противоречий между Францией и Россией были экономические противоречия. Энгельс, анализируя причины возникновения войны 1812 года, указывал, что «экономика оказалась сильнее дипломатии и царя, вместе взятых»¹⁵. Дворянство — классовая опора самодержавия — заставило Александра I в интересах развития национальной торговли изменить политику континентальной блокады и создать благоприятные условия для вывоза из России хлеба, леса, конопли и одновременно оградить русский рынок от ввоза французских товаров. 19 декабря 1810 г. Александр издал закон, устанавливавший высокий тариф на предметы роскоши и на вина, т. е. на товары, ввозимые из Франции¹⁶.

Наполеон понял, что его стремление подчинить себе внешнюю политику и экономику России путем экономической борьбы не принесет победы, что его политика дальнейшего экономического ослабления России не даст

ему желаемых результатов. Для достижения своей цели — мирового господства — Наполеон решил развязать войну против России.

Но, разумеется, истинные цели подготавливавшейся войны Наполеон тщательно скрывал. Для обмана общественного мнения он выдвигал различные причины назревавшего конфликта между Францией и Россией. На дипломатических приемах, которые Наполеон часто устраивал в Тюильрийском дворце, в разговорах с русским послом Куракиным, в инструкциях своим дипломатам Коленкуру, Лористону и графу Нарбонну он обвинил Александра I в нарушении договора о континентальной блокаде Англии, в том, что английские корабли с товарами заходят в русские порты. Разгневан был Наполеон и установлением повышенного таможенного тарифа на ввозимые в Россию французские товары.

Выдвигалась Наполеоном и еще одна версия: будто бы, развязывая войну против России, он мог освободить русских крестьян от крепостной зависимости. Наполеон говорил, что он мог бы поднять большую часть населения, провозгласив свободу крепостных (их Наполеон с цинизмом называл рабами): «Но когда я увидел огрубение (*abrutissement*) этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры...»¹⁷.

Но первые же действия французской армии на русской территории, грабежи и насилия, которым подвергались жители, показали, что подобная идея чужда Наполеону. «Он, — писал П. А. Вяземский, — был равно страшен и царям, и народам»¹⁸. Он шел в Россию не освободителем, а завоевателем, мечтая превратить русский народ в своих рабов.

2

Всякая сколько-нибудь значительная война, говорил В. И. Ленин, подготавливается заранее¹⁹. Справедливость этого ленинского положения подтверждена опытом многих войн. Об этом же свидетельствует и подготовка Франции к войне против России.

О войне против России дипломаты заговорили еще за два с половиной года до ее начала. В 1810 г. русский посол в Париже Куракин доносил в Петербург: «Теперь уже не может оставаться никакого сомнения, что в мыслях Наполеона эта война окончательно решена: но он отсрочивает только ее начало, потому что не совсем еще к ней приготовился»²⁰.

Наполеон видел и сознавал, что война против России потребует крайнего напряжения всей экономики, мобилизации людских резервов. Он знал решимость русского правительства вести упорную и длительную борьбу. Еще в 1811 г., когда посол Франции Коленкур уезжал из Петербурга, Александр I говорил ему: «Если император Наполеон начнет против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение, но это еще не даст ему мира. Испанцы неоднократно были побиты, но они не были ни побеждены, ни покорены. А между тем они не так далеки от Парижа, как мы; у них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов. Мы не пойдем на риск. За нас необъятное пространство, и мы сохраним хорошо организованную армию... Я не обнажу шпаги первым, но я вложу ее в ножны не иначе, как последним... Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой»²¹.

Этот разговор со всеми его подробностями Коленкур изложил Наполеону по прибытии в Париж 5 июня 1811 г. Он доказывал ему, что Россия не желает войны, что она ее не начнет первая, что император заблуждается относительно возможностей России, количества и качества русской армии.

Предостерегающие слова Коленкура были напрасны. По мере того как разворачивались грандиозные приготовления к походу, у Наполеона возрастала уверенность в своих силах и средствах. Военное счастье и успехи вскружили ему голову. Он был непреклонен в своем решении.

Готовясь к войне против России, Наполеон в то же время не переставал публично заявлять, что он не желает войны, что во всем повинен Александр, что Россия не выполняет своих обязательств по континентальной блокаде и сама идет на обострение отношений с Францией²². Об этом же говорил Наполеон генерал-адъютанту Шувалову в мае 1811 г. в Сен-Клу²³.

Наполеон и Александр I не переставали уверять друг друга в том, что они не желают войны. Но кризис отношений между Россией и Францией нарастал, обстановка все более накалялась. В середине августа 1811 г. во время парадного приема в большом тронном зале Тюльрийского дворца, устроенного по случаю именин императора, Наполеон подошел к русскому послу Куракину и,

не боясь, что его слушают другие европейские послы, заявил ему: «Я вам объявляю, что я не хочу войны и что я не буду с вами воевать в этом году, если вы на меня не нападете. Я не питаю расположения к войне на севере, но если кризис не минет в ноябре, то я призову лишних 120 тыс человек; я буду продолжать это делать два или три года, и если я увижу, что такая система более утомительна, чем война, я объявлю вам войну»²⁴.

Вскоре Наполеон вызвал к себе министра военного снабжения Лакюзэ-де-Сессака и объявил ему по секрету, что решил на большую экспедицию. Он сказал: «Мне нужен громадный транспорт, потому что моим отправным пунктом будет Неман и я буду действовать на больших расстояниях и в различных направлениях. Именно для этого я нуждаюсь в вас и в тайне»²⁵. Развивая перед министром свой план, Наполеон говорил о необходимости нанесения решающего удара по России — единственной стране на континенте, мешающей ему установить господство в Европе.

Одной из наиболее сложных задач при подготовке Францией войны против России явилась проблема людских ресурсов. Наполеон отдавал себе отчет в том, что для войны с Россией ему необходима значительно большая армия, чем та, которой он располагал при завоевании других стран.

Франция, истощенная длительными и непрерывными войнами, была уже не в состоянии в таком количестве, как прежде, поставлять людей в армию. Начиная с 1800 г. в стране ежегодно становились под ружье сотни тысяч людей. Только за время наполеоновских войн с 1800 по 1815 г. было призвано в армию более 3 млн французов, не считая солдат, входивших во вспомогательные и иностранные корпуса²⁶. Захватнические войны Наполеона, приносящие богатства буржуазии, стоили больших жертв французскому народу. Людские потери на полях битв, а также от ран и болезней были чрезвычайно велики. По официальному отчету начальника рекрутского управления при Наполеоне, за десятилетний период империи общие потери одних французов составили 1750 тыс человек²⁷.

Недовольство крестьян, выразившееся в массовом уклонении от военной службы, жесточайше каралось. Кара за уклонение от службы, постигавшая до сих пор лишь самого уклонившегося, с 1811 г. стала распростра-

няться и на его отца, мать, братьев, сестер и зятьев, словом, на всю его семью²⁸.

Очередными и дополнительными призывами новобранцев 1810, 1811 и 1812 гг. Наполеону удалось увеличить действующую армию на 250 тыс человек. Но и этого было явно недостаточно для его грандиозных агрессивных планов. Ему пришлось усиленно выкачивать людские ресурсы из вассальных стран. В результате Франции удалось создать довольно большую для того времени армию, численностью до 1200 тыс человек. Французская армия стала самой крупной армией того времени. Она получила стройную организацию в виде бригад, дивизий и корпусов. Однако для войны против России Наполеон мог использовать только половину ее состава, так как значительная часть армии была брошена для завоевания Испании.

Создание такой огромной армии в сравнительно короткие сроки не могло не отразиться на ее составе и боевой подготовке. Армия Наполеона была крайне неоднородной. Если ее основным костяком были кадровые французские войска, получившие боевую закалку во многих победоносных боях и сражениях с армиями феодальных монархий Европы, то другая, более значительная часть ее состояла из новобранцев призыва последних лет. Наполеон стремился обучить войска новым приемам ведения войны. Сосредоточивая крупные силы на избранном направлении, Наполеон наносил войскам противника сокрушительные удары и обычно вынуждал их капитулировать. Победы, одержанные наполеоновской армией на Западе, способствовали созданию мифа о ее недобедимости и непогрешимости наполеоновских стратегических принципов достижения победы.

Основным содержанием наполеоновской стратегии было стремление мощным ударом в генеральном сражении уничтожить армию противника и добиться решительной победы в кампании или в войне в целом. На уничтожение живой силы неприятеля направлялись все усилия армии. «В Европе немало хороших генералов,— говорил Наполеон,— но они видят сразу слишком много целей. Я вижу только одно — массы неприятельских войск. Я стараюсь их уничтожить, будучи уверен, что все остальное рухнет вместе с ними». Эту задачу Наполеон стремился решать «молниеносно», в одном-двух генеральных сражениях.

Наполеон — крупнейший мастер ведения генерального сражения. В нем он искал ключ к победе. И нередко

ему удавалось достигать этой цели. К генеральному сражению Наполеон тщательно готовился, заранее обдумывая его замысел и ход. Как правило, генеральное сражение состояло из трех этапов: подготовительный, решающий и завершающий. В подготовительный этап Наполеон стремился искусным маневрированием своих войск сковать противника, не дать ему возможности использовать свои резервы, принудить его к сражению в невыгодных условиях. Важно было остановить противника, измотать его, подорвать его моральные силы. На этом этапе Наполеон вводил в дело ограниченное количество своих войск, экономил силы и средства, создавая тем самым предпосылки успеха генерального сражения. Он справедливо считал, что победа принадлежит маневрирующим войскам. Решающий этап — основная часть генерального сражения, когда активными действиями главных сил определялась его судьба. Содержание этапа — всеобщая атака. Наполеон большое внимание уделял выбору направления атаки. Он исходил прежде всего из интересов достижения стратегической цели. Используя ослабление противника, как материальное, так и моральное, Наполеон добивался победы над ним. Завершающий этап — преследование противника и реализация победы.

Такова основная суть наполеоновской стратегии «генерального сражения», которую стремились модернизировать в XX в. создатели стратегии «блицкрига».

Именно по такому плану готовились и проводились Наполеоном основные сражения: Ульм и Аустерлиц (1805 г.), Иена и Ауерштедт (1806 г.), Прейсиш-Эйлау и Фридланд (1807 г.), Ваграм (1809 г.). Но Наполеон никогда не делал из своего метода догмы и зачастую изменял план в ходе сражения в зависимости от обстоятельств.

Как в стратегии, так и в тактике Наполеон стремился к сосредоточению сил на важнейшем направлении, к созданию превосходства на той операционной линии, в том центральном пункте, где борьба часто решала судьбу кампании и войны в целом. Если вы намерены вступить в сражение, то, как говорил Наполеон, необходимо сосредоточить все свои войска, не упуская из виду даже самой незначительной части: часто один батальон решает сражение²⁹. Каким путем, какими приемами и средствами он этого достигал?

Искусство Наполеона заключалось в концентрации сил. Он достигал этого путем проведения быстрых мар-

шей при хорошем знании театра военных действий, умелом маневрировании войсками вне поля сражения. Маневр крупными силами — одно из важнейших, неизменных условий создания выгодной обстановки для сражения и обеспечения превосходства над силами противника. Наполеон был сторонником проведения маневра, быстрого по времени и простого по замыслу. «Так как военное искусство является искусством исполнения, то все сложные комбинации должны быть отброшены. Простота есть первое условие хорошего маневра»³⁰.

При выборе форм и способов борьбы Наполеон всегда исходил из учета конкретной обстановки, расчета сил и средств как своих, так и противника. Чтобы избежать случайностей, не оказаться в зависимости от них, он стремился все предусмотреть, рассчитать, сопоставить различные возможные варианты действий, быстро овладеть инициативой и использовать ее для развития наступления и полного сокрушения противника.

Наступление смелое и решительное — одно из важнейших положений Наполеона. Действовать же нерешительно, робко и на ощупь Наполеон считал всего вреднее на войне. Рассуждая «о наступательной войне», ее организации и ведении, он говорил: «Правила Цезаря были те же, коими руководствовались Александр и Ганнибал: держать свои силы в совокупности, не иметь уязвимых мест, устремляться с быстротою на важнейшие пункты, использовать моральный фактор, славу оружия, страх, который они внушали, а также политические средства для обеспечения верности союзников и удержания в повиновении покоренных ими народов»³¹. Это главные доктринальные наполеоновские положения ведения наступательной войны.

Не отрицались и практически применялись Наполеоном также и оборонительные и отступательные действия. При этом он считал, что переход из состояния обороны в наступление есть одна из самых сложных операций³². К отступлению же, по взглядам Наполеона, необходимо прибегать в исключительных случаях, когда другого выхода нет, так как при всех условиях, кроме потери территории и ослабления морального духа войск, оно сопряжено с большей потерей в людях и материальных средствах, чем самые кровопролитные сражения, «с тою только разницею, что в сражении неприятель теряет столько же, сколько мы, а при отступлении мы одни в выигрыше»³³. Упрекая Моро за то, что он преждевре-

менно оставил позиции у Нови и отдал войскам приказ об отступлении, Наполеон заключает свой разбор этого сражения такими поучительными словами: «На войне никогда не нужно делать добровольно того, что является наихудшим из могущего произойти»³⁴.

Много нового внес Наполеон и в тактические приемы борьбы. Применение на поле боя стрелковой линии и колонны изменило характер сражения. Высоко оценивая заслуги Наполеона в области тактики, Энгельс писал: «Этот новый способ ведения боя, основанный на сочетании рассыпанных в цепь стрелков с колоннами пехоты и на разделении армии на самостоятельные, составленные из всех родов оружия дивизии или армейские корпуса, был полностью разработан Наполеоном как со стороны тактики, так и со стороны стратегии. Но необходимость его была создана прежде всего изменением солдатского материала, вызванным французской революцией»³⁵.

Наполеон стремился рационально использовать все рода войск — пехоту, артиллерию и кавалерию — с учетом их особенностей и возможностей, считая, что пехота, кавалерия и артиллерия не могут обойтись одна без другой³⁶.

Приемы атаки, применявшиеся наполеоновской армией, были различны. Но наиболее излюбленным приемом Наполеона была атака на флангах: либо на обоих одновременно, либо сначала на одном, а затем на другом. Такими действиями Наполеон заставлял противника ослаблять свой центр, чтобы усилить фланги, а в то же время сам, сконцентрировав свои силы в центре, наносил удар по ослабленному центру противника и добивался успеха. Часто такие удары наносились внезапно, неожиданно. «Для того чтобы поразить, нужно действовать внезапно», — говорил Наполеон³⁷. Нельзя не отметить, что внезапности действий Наполеон придавал весьма важное значение не только на поле боя. Он всегда стремился ввести в заблуждение противника, дезинформировать его относительно своих планов и действий. Одно из очевидных правил войны, по словам Наполеона, состоит в том, чтобы не делать того, что желает неприятель, уже по одной только той причине, что он желает этого³⁸.

Совершенствуя старые и применяя новые способы борьбы, улучшая организацию войск, создавая различные боевые порядки, Наполеон учитывал прежде всего изменение характера войны в связи с зарождением массовой армии. Одновременно он опирался на опыт предшествующей

щих войн. «Рассуждать догматически о том, что не про-
верено на опыте, есть удел невежества», — говорил На-
полеон ³⁹.

Правда, сам Наполеон понимал опыт как нечто незыб-
лемое, вечное, подразумевал под опытом ведения войны
не столько творчество армии, народных масс, сколько
деятельность полководца. «Полководец руководствуется
собственною опытностью или гением», — утверждал он.
«Наступательные войны должно вести, как вели их
Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав-Адольф, Тюренн,
принц Евгений и Фридрих; читайте и изучайте их 83 по-
хода и образуйтесь по ним — вот единственное средство
сделаться великим полководцем и проникнуть в тайны
военного искусства. Ум, просвещенный таким образом,
отвергнет все правила, не согласные с действиями помя-
нутых великих мужей» ⁴⁰.

Резко возросшая численность французской армии в
период наполеоновских войн, усложнение ее организа-
ционной структуры, увеличение размаха наступательных
действий армий — все это потребовало иных методов
управления войсками. Наполеон многое сделал в области
упорядочения руководства и управления крупными вой-
сковыми массами. Он придавал большое значение подго-
товительным мероприятиям, предварительным расчетам,
учету наличия своих сил и возможностей противника,
тщательно изучал особенности театра военных действий.
Наполеон требовал от своего штаба, во главе которого
бесспорно находился опытный маршал Бертье, постоян-
ного знания обстановки, точного и своевременного испол-
нения его распоряжений. Хорошо изучить карту, искусно
производить рекогносцировки, наблюдать за рассылкою
приказаний, с простотою излагать самые сложные дви-
жения армии — вот чем должен отличаться офицер гене-
рального штаба ⁴¹.

Правда, штаб Наполеона был не творческим, а пре-
имущественно техническим органом управления. В этом
проявилась недооценка возможностей своего штаба со
стороны Наполеона, в чем он сам признавался во время
пребывания на острове св. Елены.

Наполеон считал, что «единоначалие на войне есть
предмет первостепенной важности» ⁴². Эту мысль он не-
однократно высказывал и в официальных документах, и в
своих мемуарах. Говоря о руководстве войсками, он все-
гда подчеркивал: единство в командовании есть первая не-
обходимость на войне ⁴³.

Был такой случай. В 1796 г. Директория приняла решение направить генерала Келлермана в итальянскую армию, с тем чтобы несколько ограничить единоличную власть Наполеона. В ответ на это решение Наполеон с нескрываемым раздражением писал Директории: «Келлерман в состоянии так же хорошо командовать армиею, как и я: никто более меня не убежден в том, что победы новейших времен должно единственно приписать мужеству и доблести войск. При всем том я полагаю, что мы можем лишиться всего, если начальство над войсками в Италии будет поручено мне и Келлерману вместе. Я не имею охоты служить с человеком, который почитает себя первым генералом в Европе. По моему мнению, один дурной генерал лучше двух хороших.

Война, как и всякое управление, дело такта... Но если вы хотите спутать меня; если я принужден буду во всех мерах давать отчет комиссарам правительства; если последние будут вправе изменять мои предположения и распоряжаться моими войсками,— то не ожидайте от меня ничего важного... У каждого свой образ ведения войны. Келлерман опытнее меня и будет успешнее действовать; но мы оба вместе верно испортим дело»⁴⁴. Директория, получив протест Наполеона, отменила свое решение.

Наполеон разработал довольно стройную систему ведения войны. Его правила, мысли и мнения, высказанные в приказах, выступлениях, письмах, собранные воедино, дают нам представление о формах и методах ведения войны, об управлении войсками в стратегическом и тактическом масштабах, которыми руководствовался знаменитый полководец.

Хотя Наполеон неоднократно давал высокую оценку армии, войскам, их роли в достижении победы, все же культ полководца проходит красной нитью во всех его мыслях и рассуждениях.

Свои требования к полководцу Наполеон сформулировал в следующих положениях.

— Основу деятельности полководца составляет опытность или гений. Тактика, инженерная и артиллерийские науки, по мысли Наполеона, могут быть, подобно геометрии, изучаемы из книг. Но можно ли при помощи одной грамматики сочинить Илиаду или Корнелеву трагедию?

— Истинная мудрость полководца состоит в твердой решимости. Нет ничего труднее, но и нет ничего важнее твердой решительности. Много нужно душевной силы,

чтобы, предвидя все последствия, решиться на сражение, от которого зависит участь армии и государства в целом.

— Действовать нерешительно, робко, ощупью — всегда вредно на войне. Но решительность, храбрость главнокомандующего на войне отличны от решительности и храбрости начальника дивизии и капитана гренадерской роты.

— Полководец не должен быть зависим от случайностей, он обязан все предвидеть, ежедневно и неоднократно спрашивать себя, что он предпримет, если неприятель покажется перед фронтом, на правом или левом фланге.

— Главнокомандующий обязан быть при армии, он глава, он душа армии. Не римские легионы, заявлял Наполеон, овладели Галлией, а Цезарь, не карфагенские войска заставили трепетать Рим, а Ганнибал, не македонская фаланга проникла до Инда, а Александр, не прусские войска защищали Пруссию против трех сильнейших держав Европы, а Фридрих Великий.

— Полководец должен быть способен идти на разумный риск. Он говорил, что нельзя легкомысленно жертвовать операционной линией и сообщениями, ибо действия такого рода противоречат здравому смыслу и правилам военного искусства. Но в решительных случаях бывают моменты, когда победа требует жертвы и когда приходится сжечь корабли. Если бы военное искусство состояло в том, чтобы всегда принимать безопасное положение, то слава сделалась бы достоянием посредственных людей.

— Хороший генерал, хорошие кадры, хорошая организация, надлежащее обучение и строгая дисциплина — основные слагаемые хороших войск. И на вопрос, какие войска считаются лучшими, Наполеон отвечал: те, которые выигрывают сражение. Первое качество солдата — способность переносить все трудности и лишения, второе — храбрость. Войска должны быть всегда — днем и ночью, ежечасно — готовы дать неприятелю достойный отпор. Солдат должен всегда иметь при себе оружие и боевые запасы.

Мы здесь воспроизвели лишь незначительную часть из тех правил, мыслей и мнений Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле, которые из различных источников были собраны капитаном Ф. Каузером — членом Шведской Академии военных наук, переведены на русский язык поручиком генерального штаба Леонтьевым и изданы в 1844 г. в России.

Нетрудно заметить, что для того времени (да и не только для того времени) многие положения военного искусства французской армии были передовыми. На наполеоновских принципах военного искусства воспитывались и обучались французские войска.

В организационном отношении армия, предназначавшаяся для вторжения в Россию (так называемая «Великая армия»), состояла из гвардии, 12 корпусов и 4 резервных кавалерийских корпусов. Пехотный корпус состоял из двух—пяти дивизий, одной-двух кавалерийских бригад и двух артиллерийских батарей. Численность пехотного корпуса была различной — от 18 тыс до 70 тыс человек. Кавалерийский корпус состоял из двух-трех дивизий численностью 7—9 тыс человек. В общей сложности для вторжения в Россию Наполеону в результате неимоверного напряжения материальных и людских ресурсов Франции, поработанных им стран Западной Европы удалось собрать 600-тысячную армию с 1372 орудиями, причем в первом стратегическом эшелоне было развернуто свыше 400 тыс ⁴⁵.

Наполеон готовился к походу в Россию со всей тщательностью. Он понимал, что ему предстоит встреча с сильным противником. Правда, он не знал тогда, что ему придется иметь дело не только с русской армией, но и с русским народом.

Наполеон и его штаб внимательно изучали театр предстоящих военных действий, особенно характер местности к югу и северу от реки Припять и состояние дорог от Варшавы до Москвы, до Киева и Петербурга. Из трех наиболее благоустроенных тогда дорог, идущих от Ковно, Гродно и Брест-Литовска, его внимание привлекла дорога от Ковно на Вильно, Витебск, Смоленск и далее на Москву. Она и была избрана для движения его главных сил.

Подробно изучаются и реки: Неман, Западная Двина, Березина, Днепр и др. Преодолевая их, французская армия встретила бы с большими трудностями, и в то же время для русских войск они являлись серьезными оборонительными рубежами. Все это принималось в расчет, и делались необходимые приготовления. Изучались также климатические условия, состояние городов и сел, возможности базирования в них войск. Сведения добывались по различным каналам: разведка, учебники и журналы, газеты. Каждая книга, карта внимательно прочитывались. Особенно тщательно штудировались труды историков,

описывавших поход Карла XII и разгром шведской армии под Полтавой.

Одним словом, Наполеон и его генералы серьезно готовились к необычной для них войне. Наполеон считал, что при огромном театре военных действий и силе противника для похода в Россию ему потребуется армия в два с половиной раза больше той армии, которая у него была, огромные тыловые части, не менее 200 тыс лошадей.

В течение 1811 г., особенно во второй его половине, Наполеон, нарушая заключенные договоры и соглашения, концентрирует свои вооруженные силы против России. Характерно, что в целях внезапности нападения вся подготовка к вторжению французской армии проходила на значительном удалении от русской границы (300—400 км). Под всякого рода предлогами (борьба с английской контрабандой на побережье Балтийского моря, сохранение внутреннего порядка в оккупированных Наполеоном странах и пр.) войска выдвигались к западным границам России. Восточная Пруссия и Варшавское герцогство были захвачены французскими войсками. К концу 1811 г. у западных границ России было сосредоточено более 200 тыс человек, а к весне 1812 г. в основном закончено стратегическое развертывание наполеоновской армии, предназначенной для вторжения в Россию. Однако Наполеону не удалось полностью скрыть все свои подготовительные мероприятия.

Сведения об этом стали проникать в Россию. В последних числах декабря 1811 г. А. Б. Куракин сообщил из Парижа канцлеру Н. П. Румянцеву: «Военные приготовления продолжаются непрерывно и в настоящее время уже не скрываются; значительные силы отовсюду сдвигаются на север Германии... Императорская гвардия изготовлена к походу»⁴⁶.

До Петербурга доходили слухи о создании продовольственных и фуражных баз на территории Польши. Особенно ценными были сведения, которые направлял из Парижа полковник А. И. Чернышев, прикомандированный к русскому посольству. 28-летний флигель-адъютант, ловкий, молодой и красивый офицер, личный представитель Александра I, сумел быстро завязать связи в высшем французском обществе, познакомиться с офицерами главного штаба французской армии и получить от них необходимые данные. Французский офицер Мишель, в руки которого поступали отчеты Военного министерства о состоянии армии, ее численности, дислокации, сни-

мал с них копии и за приличное вознаграждение передавал их Чернышеву. Такие данные в Петербург поступали два раза в месяц в течение всего 1811 г. вплоть до февраля 1812 г., когда императорская тайная полиция раскрыла связь Чернышева с Мишелем. Чернышев должен был быстро покинуть Париж.

Война с Россией вызвала исключительно большое напряжение экономики Франции. Одна Франция, значительно истощенная предшествовавшими войнами, была не в состоянии обеспечить всем необходимым наполеоновскую армию, тем более что накануне войны с Россией во Франции разразился длительный торгово-промышленный кризис.

Рост безработицы, сокращение внешней торговли, сужение рынков сбыта, острый недостаток сельскохозяйственных продуктов — все это крайне отрицательно сказалось на экономике Франции и вызвало недовольство населения наполеоновским режимом.

В целях обеспечения «Великой армии» Наполеон мобилизовал не только людские силы, но и экономику подвластных ему европейских стран. Только одна Пруссия обязалась поставить 20 млн кг ржи, 40 млн кг пшеницы, более 40 тыс голов рогатого скота⁴⁷.

В Варшаве, Модлине, Торне, Кенигсберге были созданы продовольственные магазины и разного рода снабженческие депо, а в Данциге — главный интендантский склад с 50-дневным запасом продовольствия, рассчитанным на 400 тыс человек и 50 тыс лошадей⁴⁸. В Модлине, Торне и Пиллау учреждались артиллерийские склады; в Варшаве, Мариенбурге, Эльбинге и Данциге были развернуты госпитали. «Никогда еще до сих пор не делал я столь обширных приготовлений», — заявил сам Наполеон⁴⁹.

Наполеон рассчитывал закончить войну с Россией в короткие сроки. Он надеялся в первых же генеральных пограничных сражениях добиться решительной победы. Такие сражения, по его расчетам, должны были произойти в течение первого месяца войны и открыть ему дорогу на Москву.

Из этого ошибочного предположения исходила и организация обеспечения армии всем необходимым, прежде всего продовольствием и фуражом. Перед началом вторжения Наполеон отдал распоряжение, чтобы войска были обеспечены только четырехдневным запасом хлеба и двадцатидневным запасом муки в транспортах, следовавших за войсками⁵⁰. Дальнейшее же снабжение армии долж-

но было производиться за счет реквизиций продовольствия и фуража у населения.

Однажды Наполеона спросили, что необходимо для победы в войне. И он, не задумываясь, ответил: «Для того чтобы выиграть войну, необходимо иметь три вещи: во-первых, деньги, во-вторых, больше денег, в-третьих, еще больше денег»⁵¹.

Но Наполеона беспокоило, что русские, подобно испанцам, могли прибегнуть к тактике «выжженной земли». По этой причине он не исключал и систему самообеспечения. В мае 1812 г. Наполеон писал Даву: «Маневрирование войсками сводится к концентрации 400 000 человек в одном пункте. Мы не можем полагаться на местные ресурсы и поэтому должны иметь с собой все необходимое»⁵². За пять месяцев до этого, в декабре 1811 г., он предупреждал Евгения Богарне что «война в Польше (здесь подразумевалась и Россия.— П. Ж.) вряд ли будет похожа на ту, что происходила в Австрии. Без достаточных транспортных средств все окажется напрасным»⁵³. Были сформированы 26 транспортных батальонов. Четыре из них имели по 600 легких повозок грузоподъемностью в 600 кг каждая, другие четыре батальона имели по 600 повозок грузоподъемностью в 1000 кг, остальные насчитывали по 252 повозки грузоподъемностью в 1500 кг, перевозившиеся упряжкой в четыре лошади. Для обеспечения армии мясным довольствием были собраны огромные стада крупного рогатого скота, которым предстояло следовать за армией на восток. Обеспечение кормами такого огромного количества скота представляло чрезвычайно сложную проблему, и вряд ли есть основание сомневаться, что вторжение было приурочено именно к тому периоду года, когда на русских равнинах вызревает урожай сочных и душистых трав.

Большие надежды Наполеон возлагал на крупные реки западной России, надеясь организовать по ним транспортировку грузов, которые бы затем передавались конвоям и передовым магазинам. С этой целью были созданы две эскадры, имевшие по 100 речных судов каждая. Они позволяли перебрасывать грузы из Тильзита в Ковно по реке Неман. Главный интендант генерал Мэтью Думас нес личную ответственность за все эти приготовления. Ставилась задача создать двадцатичетырехдневный запас продовольствия на каждого солдата к началу боевых действий. «Я рассчитываю на князя Экмюля и надеюсь, что при выходе 1 мая из Эльбинга, Мариенбурга, Мариенвер-

дера и Торна,— писал император в генеральный штаб,— будет иметься возимый запас продовольствия на 20 дней и четырехдневный носимый запас... поскольку использование этого продовольствия не разрешается до переправы через реку...»⁵⁴

Наряду с военной и экономической подготовкой к нападению на Россию Наполеон развернул активную дипломатическую подготовку, стремясь привлечь на свою сторону другие государства. Известных результатов ему удалось достигнуть. Тут пужно сказать о той двойной игре, которую вел прусский король накануне военного конфликта между Францией и Россией. Фридрих-Вильгельм III боялся Наполеона. Он не знал, как поступит французский император с Пруссией: пойдет на союз с ней, на союз «по принуждению» или без дипломатии просто оккупирует ее. Но Наполеон особенно не торопился предпринимать какие-либо шаги по отношению к Пруссии. Он опасался, как бы это не вызвало подозрений со стороны России.

В то же время в Пруссии были деятели, и в их числе прежде всего генерал Шарнгорст, которые считали, что Пруссия должна объединить свои силы с Россией. Генерал Шарнгорст в апреле 1811 г. направил королю меморандум, в котором обосновывал губительность сближения Пруссии с Францией и необходимость заключения теснейшего союза с Россией. Ведь именно Россия отстояла Пруссию в 1806 и 1807 гг. Фридрих-Вильгельм III, не получая ответа от Наполеона и опасаясь полной изоляции страны, направляет в сентябре 1811 г. в Петербург Шарнгорста (под вымышленной фамилией) с письмом, в котором просит у Александра I помощи против угрозы Наполеона. Переговоры закончились подписанием 17 октября 1811 г. военной конвенции. Со стороны России ее подписали министр иностранных дел Н. П. Румянцев и военный министр М. Б. Барклай-де-Толли, со стороны Пруссии — генерал Г. Шарнгорст.

Согласно конвенции страны обязывались сообщать друг другу сведения о военных приготовлениях Франции, помогать друг другу в случае военного нападения, прежде всего, конечно, на Пруссию. Россия обязывалась в случае войны в качестве первого вклада отправить в Пруссию вспомогательный корпус, а затем вести совместную борьбу вплоть до ее завершения.

Наличие такого союза открывало широкую перспективу создания мощной антифранцузской коалиции.

Но осуществить ее было не суждено. Сближение Пруссии и России встревожило Наполеона. Он предпринял энергичные шаги, чтобы расколоть этот союз, пустив в ход против прусского короля все: и посулы, и угрозы.

Фридриху-Вильгельму III надо было решать, с кем идти. Приближенные короля, даже Гарденберг, склонялись к союзу с Россией, убеждали короля, что Наполеон в любой момент может захватить часть территории Пруссии, что на него полагаться нельзя (напомнив судьбу испанских Бурбонов, которые в результате союза с Наполеоном лишились трона). И все же Фридрих-Вильгельм III решил отказаться от союза с Россией и пошел на сближение с Наполеоном. Это была не только трусость перед Наполеоном и вероломство по отношению к России, но и страх перед необходимостью поднять народ на освободительную войну против Наполеона. Прусский король не хотел народной войны, боялся ее больше, чем Наполеона. Союзный договор был подписан 21 февраля 1812 г. Численность прусской армии определялась в 42 тыс человек, из них 20 тыс должны были составить вспомогательный корпус и войти в «Великую армию». Это был корпус генерала Йорка, поступивший затем под командование французского маршала Макдональда. Пруссия обязывалась также пропустить французские войска через свою территорию.

В марте того же года Наполеон заключил такой же договор с Австрией, которая обязалась выставить корпус численностью в 30 тыс человек под командованием генерала Шварценберга⁵⁵. Кроме того, Наполеон рассчитывал привлечь на свою сторону Турцию, воевавшую с Россией, а также Швецию. Но здесь он просчитался. Турецкая армия, потерпев поражение в войне с Россией, капитулировала в самый критический момент подготовки Францией войны. Швеция, учитывая собственные национальные интересы, отказалась от союза с Францией, склонившись на сторону России. В апреле 1812 г. в Петербурге был подписан между обеими странами союзный договор о совместных действиях в случае войны. В мае 1812 г. к договору между Россией и Швецией присоединилась и Англия. Таким образом, война приобретала коалиционный характер. Правда, как показали последующие события, союзники России занимали пассивные позиции.

А война стояла уже у порога России.

Французские войска были соединены в три группы. Левое крыло — главная группировка армии — состояло из

трех пехотных корпусов, двух кавалерийских корпусов и гвардии (218 тыс человек и 527 орудий). Наполеон, лично командуя этой группой войск, развернул ее на линии Данциг — Торн для последующего движения через Ковно на Вильно. Здесь находились отборные войска, в подавляющем большинстве состоявшие из французов. Во главе них стояли прославленные маршалы: Даву, Ней, Удино.

Центр армии под командованием генерала Е. Богарне (приемный сын Наполеона) состоял из двух пехотных корпусов и кавалерийского корпуса (82 тыс человек и 208 орудий). Войска центра предназначались для обеспечения действий левого крыла французской армии и в то же время для наступления в полосе между Гродно и Ковно с целью разъединения 1-й и 2-й русских армий.

Правое крыло армии под командованием младшего брата Наполеона короля Вестфальского Жерома состояло из трех пехотных и одного кавалерийского корпуса (78 тыс человек и 159 орудий). В задачу этой группы войск входило: движением на Гродно оттянуть на себя русских и обезопасить продвижение главных сил армии Наполеона.

Для обеспечения действий развернувшейся армии были сосредоточены: на левом крыле — прусский корпус Макдональда (32 тыс человек) с общим направлением его через Тильзит на Ригу и на правом — австрийский корпус Шварценберга (34 тыс человек).

Общая численность армии, развернувшейся за Вислой, равнялась 444 тыс человек. Кроме того, в Пруссии находился второй эшелон армии, в состав которого входили корпус маршала Виктора (33 тыс человек), резервный корпус маршала Ожеро (27 тыс человек) и другие резервные части; всего около 170 тыс человек⁵⁶. Военная история до того не знала примера сосредоточения столь огромных армий.

«Великая армия» была слишком неоднородным организмом. Она состояла из французов, австрийцев, итальянцев, немцев, поляков, швейцарцев, испанцев, португальцев и других национальностей. Правда, из 614 тыс человек первого и второго эшелонов «Великой армии» около половины (302 тыс) составляли французы. Такой состав армии создавал определенные трудности в организации и управлении войсками.

В целом же армия, хотя и претерпела изменения со времени Аустерлица, Иены и Ауэрштедта, была вполне боеспособной. Генералы, за исключением, может быть,

некоторых, отличались, как и прежде, высокими боевыми качествами.

Такие грандиозные мероприятия Наполеон предпринял, исходя из политических и стратегических планов войны. Быстрая победа в России Наполеону была крайне необходима. Это диктовалось прежде всего неустойчивостью политической обстановки в Европе, затянувшейся войной в Испании, переходом Швеции на сторону России и военным поражением Турции.

Грэм Стефенсон из Оксфорда в книге «Россия 1812—1945 гг.»⁵⁷, называя Наполеона «большим лгуном», высказывает мысль, что определить стратегическую цель Наполеона трудно. В одном случае он говорил, что поход будет продолжаться до первого большого сражения, выиграв которое он принудит Александра заключить мир и вернуться в лоно Тильзита, в другом — что мечтает захватить Москву, затем продвинуться до Индии и там нанести смертельный удар по Англии, лишив ее сырья и выгодной торговли. Сам же Стефенсон считает, что цель Наполеона была ограниченной — он не собирался наступать до Москвы⁵⁸.

Английский историк Д. Чэндлер в объемистом труде «Кампании Наполеона» много места отводит русской кампании и ее целям. Он подробно рассматривает театр военных действий. Особое внимание он уделяет двум возможным направлениям наступления французской армии: одно — на Москву, другое — на Петербург⁵⁹.

С самого начала Наполеон готовился овладеть Москвой. Хотя она и не являлась политической столицей России, однако была религиозным, культурно-историческим центром страны. «С овладением Москвой достигалась главная цель — окончание войны»⁶⁰, — отмечает французский писатель Эмиль Терзен. И не случайно Наполеон спрашивал А. А. Балашева, посланника Александра I, прибывшего в Вильно для переговоров: «Скажите, чтобы добраться до Москвы, какую лучше идти дорогой?». На что Балашев ему ответил: «Карл XII шел через Полтаву»⁶¹.

Наполеон поставил перед собой совершенно определенную цель: разгромив русскую армию, захватить Россию, подчинить ее интересам французской буржуазии и тем самым окончательно укрепить господство Франции в Европе и во всем мире. Обстановка требовала решить эту задачу как можно быстрее. И не случайно поэтому Наполеон неоднократно повторял, что поход на Москву зай-

мет не более одного месяца. Месяц — вот срок всей кампании, спланированной Наполеоном. Говоря об авантюристности такого решения, видный французский писатель генерал Бонналь указывал позже, что на самом этом предприятии лежал отпечаток безумия⁶².

Теперь, когда мы пережили, выстрадали и Великую Отечественную войну 1941—1945 гг., мы хорошо знаем, как штудировали гитлеровские стратеги и генералы планы похода Наполеона на Россию, как подробно изучали описания нашествия его армии.

Гитлер ведь тоже мечтал завоевать нашу страну за каких-нибудь полтора-два месяца. И во время осеннего листопада быть в Москве. На этих замыслах и планах, в которых внимательный читатель заметит определенную преемственность, лежат отпечатки безумия и военно-политического авантюризма. История тому справедливый свидетель.

3

Знали ли в Петербурге, что уже выстраиваются в колонны французские войска и готовятся к походу на Москву?

Многие догадывались и предвидели неизбежность военного противоборства двух великих европейских держав.

В ноябре 1811 г. Александр писал своей сестре, Екатерине Павловне, в Ярославль: «Мы здесь постоянно настороже: все обстоятельства такие острые, все так натянуто, что военные действия могут начаться с минуты на минуту»⁶³.

Еще раньше военный министр Барклай-де-Толли писал Н. П. Румянцеву, что рано или поздно Франция объявит России войну и что война эта может, и даже неминуемо должна решить участь России⁶⁴.

В этом же письме Барклай, обрисовав обстановку, в которой находилась страна, пришел к выводу о неподготовленности России к защите своих западных границ; он отмечал отсутствие достаточных вооруженных сил, скудость материально-продовольственных запасов, слабость крепостей, недостаток артиллерии, боеприпасов, истощение финансов.

В 1810 г. Военное министерство разработало проект усиления защиты западных границ России, в котором указывалось на необходимость заблаговременно принять меры для подготовки войны с Францией, и прежде всего укрепить оборонительную линию по рубежу рек Запад-

ная Двина и Днепр, соорудить в местах, прилегающих к этим районам, крепости, а имеющиеся — привести в лучшее состояние, создать запасы продовольствия, боеприпасов, обмундирования. «Главнейшим предметом, — говорилось в записке, поданной царю вместе с проектом, — должно теперь быть для нас устройство оборонительной линии по Западной Двине и Днепру»⁶⁵. В проекте предлагалось также укрепить крепость Ригу, иметь там продовольствия на полгода для гарнизона и еще для 20 тыс человек; создать между городами Фридрихштадт и Якобштадт укрепленный лагерь для 25—30 тыс человек с запасами на три месяца; в районе Динабурга или Друи построить крепость; такие же крепости построить у Борисова, Бобруйска, Рогачева.

В южной части России особое значение отводилось Киеву, который надлежало привести в самое лучшее оборонительное состояние, заполнить наиболее крупные продовольственные магазины и запасные депо. Кроме того, предлагалось иметь укрепленные лагеря около Житомира с расчетом на 50 тыс человек и запасом продовольствия на три месяца и у Мозыря — на 10—15 тыс человек с запасами на два месяца. «Москва, — говорилось в записке, — будет служить главным хранилищем, из которого истекают действительные к войне способы и силы»⁶⁶.

Слабость в фортификационном отношении западных границ России сознавали многие военные и государственные деятели. Еще в конце XVIII в. было подано несколько проектов укрепления западных границ. Большой интерес среди этих проектов представляет инструкция по укреплению новой границы с Пруссией и Австрией, составленная в 1796 г. В этой инструкции предлагалось вдоль всей западной границы, на протяжении 1200 км, возвести девять крепостей: Либава, Ковно, Гродно, Мерець, Брест-Литовск, Луцк, Лановец, Каменец-Подольский и Сорока. В промежутке между этими крепостями, удаленными одна от другой на 120—150 км, должны располагаться полевые войска, опираясь своими флангами на защищенные крепости. В тылу же на удалении 80—100 км от первой линии должны находиться крепости-депо.

Проектом предусматривалось строительство шести депо: Ворни, Вильно, Слобим, Пинск, Старый Константинов, Брацлав. Эти крепости-депо, являясь как бы второй укрепленной оборонительной линией, в то же время служили бы базами обеспечения полевой армии.

В проекте отчетливо высказывалась мысль о том, что крепости сами по себе не могут надежно обеспечить защиту страны от вторжения противника, что они должны лишь служить опорными пунктами для действий полевых войск, прикрывать те основные направления, на которых наиболее вероятно развертывание армий.

Хотя этот проект и был принят за основу фортификационной подготовки западных границ, он остался только проектом. Длительные и многочисленные войны, которые вела Россия во второй половине XVIII в., расстроили финансовое положение страны. Феодално-крепостническое государство было не в состоянии в короткое время усилить строительство крепостных сооружений.

Когда перед войной с Францией остро встал вопрос о крепостях на западной границе, в Военном министерстве не оказалось никаких данных об их состоянии. Только в архиве инженерного департамента с трудом удалось отыскать чертежи некоторых крепостей, но так как они были составлены в 1781 г., «то по ним нельзя удостовериться о нынешнем положении строений, а должно их непременно проверить в натуре... На Друю и Дриссу вовсе не отыскано ситуационных планов, а на Динабург хотя найден таковой, но не нивелированный, почему оный к сочинению крепостных проектов служить не может»⁶⁷.

С середины 1810 г. началось усиленное изучение возможного театра военных действий и укрепление западных границ. Вдоль рек Неман, Двина и Березина строились новые крепости и усиливались старые, создавались укрепленные лагеря, депо, склады и т. д. Особое значение придавалось крепостям Рига, Дрисса, Динабург, Борисов, Бобруйск, Киев, как расположенным на рубеже возможного отхода русской армии.

Генерал-майор К. И. Опперман, командированный для руководства инженерными работами на западную границу, сообщал: «Из сего генерального моего донесения и из прежних частных видно, с каким большим успехом в нынешнем году вообще фортификационные работы произведены были, и летопись российской фортификации доказывает, что, кроме во время государя Петра Великого, никогда в одном году столь обширные инженерные работы предпринимаемы и произведены не были»⁶⁸.

Действительно, в течение двух предвоенных лет были произведены крупные работы по строительству и укреплению крепостей. Однако наскоро возведенные укрепления, естественно, не могли служить надежной опорой не

только для полевых войск, но и для находившихся в них гарнизонов. Все это привело к тому, что к моменту вторжения армии Наполеона западная граница в фортификационном отношении была укреплена крайне слабо.

До начала войны царскому правительству удалось в какой-то степени, правда далеко не в достаточной, восстановить и усилить крепости на линии рек Западная Двина и Березина. Но в этих крепостях располагались крайне незначительные гарнизоны с большим недокомплектом артиллерии и боеприпасов, следствием чего была относительно слабая эффективность этих крепостей (это подтвердил ход боевых действий первого периода войны). Созданные крепости не только оказались недостаточно сильной преградой на пути наполеоновской армии, но и не явились теми пунктами для русской армии, опираясь на которые можно было бы на довольно значительное время задержать врага на выгодных рубежах.

Подготовка России к отражению вторжения потребовала большого напряжения всей экономики страны и значительных денежных затрат. Так, из общей суммы бюджета 1810 г. 279 млн руб. на военные цели было израсходовано 147,6 млн. В 1811 г. из общей суммы бюджета 337,5 млн руб. на военные расходы пошло 137 млн. Общие расходы на войну 1812 года, по самым скромным подсчетам, составили 155 млн руб.⁶⁹

Вся трудность военно-экономической подготовки в таких больших масштабах заключалась в том, что экономика России была уже значительно ослаблена длительными войнами, которые велись на протяжении последних десятилетий с Турцией, Францией, Швецией, а также присоединением России к континентальной блокаде. Строительство крепостей, укрепленных лагерей, оборонительных сооружений, увеличение армии требовали не только значительных финансовых затрат (что, конечно, отрицательно отражалось на балансе государственного бюджета), но и обеспечения армии всем необходимым: вооружением, боеприпасами, транспортом, продовольствием, обмундированием и фуражом. Довольно значительная часть экономики все больше и больше переключалась на материально-техническое и продовольственное обеспечение армии. Увеличивалось производство вооружения, боеприпасов, тканей для армии; создавались необходимые запасы продовольствия и фуража.

В районах вероятного развертывания военных действий и на путях, идущих к западным границам, создава-

лись продовольственные магазины двух разрядов: главные и расходные. Главные магазины были устроены на линии крепостей, расположенных по Западной Двине и Березине, и находились в Динабурге, Дриссе, Дисне, Бобруйске и южнее — в Киеве. Расходные магазины создавались западнее от линии главных магазинов. Кроме того, в тылу создавались продовольственные базы, из которых основные находились в Новгороде, Твери, Трубчевске и Сосницах. К началу военных действий в магазинах было заготовлено около 353 652 пудов муки, 33 271 пуд крупы, 468 690 пудов овса, что могло обеспечить снабжение одной—трех армий на шестимесячный срок ⁷⁰.

Большие трудности возникали в обеспечении армии вооружением и боеприпасами. Военное министерство исчисляло потребность в производстве орудий в 400 тыс пудов и снарядов — в 1100 тыс пудов. Инспектор артиллерии генерал П. И. Меллер-Закомельский в докладе военному министру от 12 марта 1810 г., говоря о наличии артиллерии и снарядов, сообщал, что «столь большое и обширное приготовление запасов неминуемо во многом, а особливо в артиллерийских снарядах, откроет довольно значущий недостаток» ⁷¹.

Так как производство вооружения в основном было сосредоточено на казенных заводах, главным образом на Олонецком, Петербургском и Луганском литейных заводах, то «по множеству приуготовления не уповательно, чтоб в скорости могли сии заводы удовлетворить всей потребности» ⁷². Отсюда вытекала необходимость значительного расширения военно-производственной базы за счет привлечения чугунолитейных заводов Урала и частных заводов, расположенных в центральных губерниях России. Передача военных заказов на частные заводы получила законодательное оформление ⁷³.

В выполнении военных заказов особо важное значение приобретал Урал — важнейший арсенал страны. На Урале тогда работало 28 казенных и 118 частных чугунолитейных заводов. Только частные заводы Урала в 1811 г. должны были изготовить 293 тыс пудов снарядов, что в переводе на трехфунтовую гранату или ядро составляет около 4 млн снарядов ⁷⁴. Однако производство снарядов (из-за отсутствия машин для полировки поверхности снарядов) долго не могло быть налажено.

Не меньшие трудности представляла задача увеличения производства ружей. Аракчеев, назначенный в январе 1810 г. членом Государственного совета, писал Барк-

лаю-де-Толли 26 января того же года: «При вступлении моем в управление Военным министерством, не нашел я ни одного исправного ружья во всех местах комиссариатского ведомства и нигде по военному департаменту никакого оному запаса»⁷⁵.

В ведомости оружия, состоявшего в наличии на 1 января 1810 г. в Петербургском, Московском и Киевском арсеналах, а также на Тульском и Сестрорецком заводах, числилось годного оружия: ружей пехотных — 162 702, кирасирских — 2766, драгунских — 3549, карабинов гусарских — 6911⁷⁶.

Основным поставщиком оружия оставался Тульский завод, но производительность его была крайне низкой. Начатые перед войной работы по строительству новых заводских корпусов и расширению механических мастерских больших изменений не принесли, так как в основе производства оставался ручной труд. Надвигавшаяся же война требовала значительного расширения производства оружия.

Наиболее сложной для России оказалась проблема людских ресурсов, так как крепостнические условия не позволяли создать массовую армию. Интересы государства приходили в столкновение с интересами помещиков, которые преследовали свои узкоклассовые цели. Всякий очередной набор рекрутов вызывал острое недовольство помещиков, не желавших отдавать крепостных крестьян в солдаты. И все же только за первое десятилетие XIX в. в стране было проведено более 10 рекрутских наборов, армии удалось увеличить почти в два раза.

До начала 1812 г. на западной границе России находилась полевая армия, состоявшая из трех корпусов — П. Х. Витгенштейна, П. К. Эссена и Д. С. Дохтурова — общей численностью около 100 тыс человек. Усилившаяся угроза со стороны Франции заставила правительство и Военное министерство перебросить к западной границе три дивизии из Дунайской армии, две — из Оренбурга и Сибири и одну — из Финляндии.

Обстановка требовала нового увеличения вооруженных сил. С этой целью были проведены рекрутские наборы: в сентябре 1811 г. с 500 душ населения было взято четыре рекрута, в апреле 1812 г. — два рекрута. Рекруты последнего набора направлялись в Ярославль, Кострому, Владимир, Рязань, Тамбов и Воронеж. В каждом из этих городов формировалось по два полка. Из всех 12 полков (23 888 рекрутов) были созданы две дивизии.

В стране вплоть до начала военных действий проходили всякого рода реорганизации и перемещения войск. Главнейшими из них были: упразднение 54 гарнизонных батальонов и создание на их базе 13 пехотных полков, организация в Москве за счет гарнизонных батальонов 27-й пехотной дивизии, создание внутренней стражи, рекрутских депо по пехоте и резервных депо по артиллерии.

Все эти меры были направлены к увеличению полевой армии, и прежде всего армии, находившейся на западной границе страны. Однако Военное министерство не смогло выставить к границам такую большую армию, какую развернул Наполеон. Русская армия насчитывала к началу военных действий всего 480 тыс, а против Наполеона с большим трудом удалось выставить 218—220 тыс человек, из которых в марте 1812 г. и были созданы три Западные армии.

В организационном отношении русская армия делилась на корпуса, дивизии, бригады, полки, батальоны. Пехотный корпус состоял из двух дивизий, дивизия — из трех бригад, бригада — из двух полков, полк — из двух-трех батальонов. Кавалерия делилась на корпуса, полки и эскадроны. Артиллерия была сведена в бригады, полки и роты. Инженерные войска состояли из пионерных и понтонных рот. Принятая в русской армии организация позволяла войскам более эффективно вести бой в условиях глубокой тактики, лучше осуществлять взаимодействие и управление войсками в ходе боя.

Передовые способы достижения победы в боях и сражениях, которые так блестяще применялись Румянцевым, Суворовым и Кутузовым, получили дальнейшее развитие. Боевая практика показала всю несостоятельность принципов прусской военной школы, которые так усиленно стремились насаждать в русской армии сторонники реакционного направления во главе с царем.

В то же время жизнь подтвердила силу и передовой характер национального военного искусства. Русская армия, обладавшая национально-однородным составом, большим боевым опытом, высоким моральным духом и прекрасной боевой выучкой, не один раз на поле боя демонстрировала свои великолепные боевые качества.

Русские военные теоретики, обобщая опыт минувших войн, указывали на те направления, по которым должно было идти развитие военного искусства. Взгляды передовых военных деятелей находили отражение в ряде офи-

циальных документов. В вышедшем в 1811 г. «Воинском уставе пехотной дивизии» подчеркивалось, что победа в войне достигается только в результате активных боевых действий войск, и прежде всего путем наступательных действий. Большое место в уставе отведено боевой подготовке войск; необходимости обучения войск только тому, что требует боевая обстановка; развитию самостоятельности и инициативы у подчиненных, высокой моральной стойкости и взаимопомощи в бою. Устав требовал: «Не шумом берут неприятеля, но прицельным выстрелом... Нет нужды доказывать, сколь важно и необходимо, чтобы солдаты обучены были целно стрелять. Опыты поучают, что и самые успехи в военных действиях много от совершенства в искусстве сем зависят»⁷⁷.

Наиболее полное отражение боевой опыт русской армии нашел в вышедших накануне и в начале войны таких важных документах, как «Учреждение для управления большой действующей армией», «Общие правила для артиллерии в полевом сражении»⁷⁸ и «Наставление господам офицерам в день сражения»⁷⁹. Однако, хотя русская армия и обладала высокими моральными и боевыми качествами, в количественном отношении перед войной она значительно уступала армии Наполеона.

В полосе вторжения главных сил Наполеона были развернуты 1-я Западная армия под командованием военного министра Барклая-де-Толли в составе шести пехотных и трех кавалерийских корпусов общей численностью в 127 тыс человек и 2-я Западная армия под командованием генерала Багратиона в составе двух пехотных и одного кавалерийского корпусов численностью в 45—48 тыс человек.

Стратегическое развертывание русской армии было произведено крайне неудачно. В момент вторжения противника русские войска были разбросаны на пространстве в 600 километров. 1-я Западная армия Барклая-де-Толли располагалась в районе между Россиенами и Лидой на фронте в 180 километров, армия Багратиона занимала промежуток в 50 километров между Неманом и Западным Бугом. Между 1-й и 2-й Западными армиями имелся 100-километровый разрыв, в который и была направлена центральная группировка войск Наполеона. 3-я Западная армия генерала Торماسова располагалась на Волыни и была отделена от армии Багратиона 200-километровой лесисто-болотистой полосой Полесья. Армии действовали на значительном пространстве обособленно одна от дру-

гой, без единого управления и координации сил. Это еще более осложнило положение русской армии и дало возможность Наполеону, имевшему общее превосходство в силах, создать наиболее выгодную группировку сил на одном решающем направлении. Русские армии были растянуты кордоном от России до Луцка (более 600 километров), в то время как значительно превосходящие силы Наполеона были сосредоточены лишь на 300-километровом фронте.

Положение осложнялось еще и тем, что, по существу, русское командование не имело четко разработанного плана ведения войны. Перед войной, начиная с середины 1810 г., Александру I было представлено несколько планов, записок и соображений. В одних предлагались наступательные действия (Барклай-де-Толли, Багратион, Ермолов), в других — оборонительные (Фуль, Вольцоген, Волконский). Перед самой войной Барклай-де-Толли, находясь уже в Вильно, представил Александру I соображения о переходе армии за Неман для последующих наступательных действий против Наполеона. Но этот план не был принят. В собственноручном ответе Барклаю-де-Толли в апреле 1812 г. Александр I писал: «Важные обстоятельства требуют зрелого рассмотрения того, что мы должны предпринять. Посылаю Вам союзный договор Австрии с Наполеоном. Если наши войска сделают шаг за границу, то война неизбежна... По приезде моем в Вильну окончательно определим дальнейшие действия. Между тем примите меры к тому, чтобы все было готово, и если мы решимся начать войну, чтобы не встретилось остановки»⁸⁰.

Следует иметь в виду, что Александр I, добываясь создания военной коалиции в составе России, Польши и Пруссии, одно время предусматривал возможность принятия наступательного плана войны против Франции. Он по этому поводу говорил: «Когда все убедились, что война неизбежна, то у нас образовались различные мнения насчет того, каким образом ее начать. Согласно одному из этих мнений, следовало идти навстречу неприятелю прежде, нежели он успел бы сосредоточить все свои силы и подкрепить их всеми союзными войсками. Это представляло ту выгоду, что государство было бы таким образом избавлено от несчастья стать театром военных действий; численность неприятеля, с которым пришлось бы сразиться, была бы не так велика; мы имели бы в тылу Польшу и могли бы подать руку помощи Германии, которой при-

ходится степенать под игом Франции и которая, вероятно, только ждет случая освободиться от него и стать в ряды ее противников. Все эти причины, вместе взятые, заставляли чашу весов значительно склоняться в пользу этого мнения». Александр I рассчитывал, что создание такой коалиции позволит увеличить вооруженные силы на 130 тыс человек (Польша — 50 тыс и Пруссия — 80 тыс), что давало возможность вести наступательную войну.

Но союза не получилось. Миссия князя А. Чарторыйского, имевшего поручение царя привлечь Польшу на сторону России, успеха не имела. Прусский король Фридрих-Вильгельм III отказался от союза с Россией и в феврале 1812 г. заключил договор с Францией.

Оставался один выход — вести оборонительную войну. Значительно позднее, когда война уже шла к концу, Александр, отвечая на письмо Баркляя-де-Толли, писал ему: «План кампании, который мы приняли, был, я думаю, единственный, который мог удасться против такого противника, каков Наполеон», и что этот план действий «имел целью завлечь неприятеля в глубь страны»⁸¹.

Так ли было в действительности? Или это мысли, скорректированные по фактическому ходу войны? Достоверно только, что русская армия вынуждена была в начале войны действовать по плану, предложенному прусским генералом Фулем, ближайшим советником царя по военным вопросам. В случае наступления французов против армии Баркляя-де-Толли она должна была отходить к Двине, к Дрисскому укрепленному лагерю, притягивая к себе противника; армия же Багратиона должна была в это время действовать во фланг и тыл наполеоновской армии, чтобы создать для нее сложную обстановку борьбы в полуокружении и заставить Наполеона отступить.

Но события приобрели совершенно иной характер, опрокинув эти замыслы и расчеты.

Глава третья

ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

Шел тысяча восемьсот двенадцатый год... Жизнь во Франции и России текла своим чередом. В Париже и Петербурге устраивались торжественные приемы и роскошные балы, в русских городах купцы бойко торговали пенькой и салом, а в селах и деревнях крепостные крестьяне по-прежнему гнули спины на помещичьих землях.

Однако за этим, казалось бы, обычным течением жизни уже были слышны, правда пока еще глухие, но тревожные раскаты приближающейся военной грозы. Из Франции к Одеру, а затем к Висле и Неману тянулись вереницы войск. Шла кавалерия, пехота, перемещалась артиллерия, по многим дорогам двигалось огромное количество подвод с продовольствием, военным снаряжением и боеприпасами.

Вслед за армией, двинувшейся к берегам Немана, ехал Наполеон, сопровождаемый многочисленной свитой. 16 мая 1812 г. при свете факелов он въехал в Дрезден. Здесь он пробыл две недели, принимая то прусского, то саксонского короля, то австрийского императора. 29 мая Наполеон покинул Дрезден. Его путь лежал через Глогау, Познань, Торн, Данциг, Мариенбург, Кенигсберг, Гумбиннен на Ковно.

Александр I уже более месяца находился в Вильно. Чувствуя надвигающуюся грозу, он прибыл со своей свитой и военными советниками к армии. Официально было объявлено, что царь едет с инспекторскими целями. Во всяком случае французскому послу Лористону в день выезда Александра из Петербурга канцлер Румянцев заявил, что Россия войны не желает и готова сделать все, чтобы ее избежать, и что царь отправляется в Вильно только потому, что французские войска приближаются к нашим границам, и он обеспокоен тем, чтобы не произошло какого-нибудь столкновения на границе, которое могло бы привести к разрыву отношений с Францией и послужило бы поводом к войне.

Не исключено, что отъездом из столицы Александр хотел показать взволнованному дворянству, а заодно и Наполеону, что он полон решимости всеми силами сопротивляться вторжению.

В первые же дни пребывания Александра в Вильно к нему неожиданно примчался из Дрездена посланец Наполеона генерал-адъютант граф Нарбонн. По словам Нарбонна, его миссия состояла в том, чтобы предотвратить конфликт, попытаться решить дело мирным путем. В действительности же, посылая Нарбонна к Александру, Наполеон преследовал иную цель. Он опасался, как бы его энергичные приготовления к войне, которые не могли быть не замеченными в Петербурге, не спугнули русских. Он боялся, что русские смогут первыми начать боевые действия, обрушиться на его еще не изготовившиеся к бою войска. Нарбонн должен был «мирными» предложениями затянуть время, дать возможность французской армии сосредоточиться, а Наполеону — спокойно добраться до Ковно. Он также должен был определить состояние боеготовности русской армии. Словом, то была зондирующая и разведывательная акция.

Нарбонн пробыл в Вильно три дня (с 18 по 20 мая). Он был принят Александром и имел с ним несколько бесед, даже присутствовал на двух смотрах войск. Возвратившись в Дрезден, Нарбонн доложил Наполеону, что опасения напрасны: русские не собираются первыми начинать боевые действия. Из мемуаров Коленкура мы узнаем, что Александр I сказал Нарбонну: «Я не хочу, чтобы Европа возлагала на меня ответственность за кровь, которая прольется в эту войну. В течение 18 месяцев мне угрожают. Французские войска находятся на моих границах в 300 лье от своей страны. Я нахожусь пока у себя. Укрепляют и вооружают крепости, которые почти соприкасаются с моими границами; отправляют войска; подстрекают поляков»¹. В заключение беседы Александр I повторил уже не раз высказывавшуюся им мысль, что он не обнажит шпаги первым, но зато последним вложит ее в ножны, что русский народ не отступит перед опасностью. И если Наполеон решил на войну, то он не добьется мира, если даже русским придется отступить до Сибири.

Наполеон остался недоволен докладом Нарбонна. Он продолжал утверждать, что Россия хочет напасть на Францию. Находясь при армии, Наполеон уже высчитывал, сколько надо времени, чтобы дойти до Вильно и Минска; он заявил: «Меньше чем через два месяца Россия запросит мира»².

Огромная армия Наполеона стояла у Немана, готовая по первому сигналу начать вторжение на территорию

России. Главные силы сосредоточивались в районе Ковно. К 11 июня сюда подошли корпуса Даву, Нея, Удино, Нансути, Монбрена и гвардия. Раюо утром 11 июня в район расположения войск прибыл Наполеон. Вместе с начальником штаба Бертье он подъехал к польскому уланскому полку, переделся в польский мундир, сел на лошадь и поскакал вдоль берега выбирать удобные места для переправы войск через Неман. Осмотрев местность, Наполеон приказал навести четыре понтонных моста на расстоянии 100 метров один от другого. Саперы сразу же приступили к работе.

В тот же день Наполеон обратился с воззванием к армии:

«Воины! Вторая Польская война начинается. Первая кончилась при Фридланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и вечную войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои. Она объявляет, что даст отчет в поведении своем, когда французы возвратятся за Рейн, предав на ея произвол союзников наших. Россия увлекается роком; да совершится судьба ея!

Не думает ли она, что мы изменились? Разве мы уже не воины аустерлицкие? Россия дает нам на выбор бесчестие или войну, он не сомнителен. Мы пойдем вперед, перейдем Неман и внесем войну в сердце ея. Вторая Польская война столько же прославит французское оружие, сколько и первая. Но мир, который мы заключим, будет прочен, и обеспечение уничтожит пятидесятилетнее гордое и неуместное влияние России на дела Европы»³.

Развязанная Наполеоном война против России была одной из самых несправедливых, грабительских войн. Армия Наполеона осуществляла в войне самые агрессивные цели контрреволюционной французской буржуазии, стремившейся к захвату новых источников сырья и рынков сбыта, видевшей в наполеоновской агрессии силу для превращения России в колонию, для порабощения русского народа, для установления мирового господства. Для русского народа война 1812 года с самого начала приняла народный, освободительный характер. Великий русский народ, поднявшийся на защиту своей страны, вел справедливую, национально-освободительную войну против вторгшейся в Россию захватнической армии Наполеона.

Форсирование реки началось в 10 часов вечера 11 (23) июня. Вспомним — Гитлер ведь тоже приурочил

вероломное вторжение на территорию нашей страны лишь на сутки раньше (22 июня). Первыми переправились в небольших лодках три роты легкой пехоты дивизии генерала Морана. Под прикрытием этого заслона саперные части энергично приступили к сооружению переправ. К рассвету они завершили наведение трех понтонных мостов. Армия Наполеона двинулась на правый берег Немана. Поток людей, лошадей, орудий, повозок направлялся по скрипучим настилам мостов на территорию России. Французские войска тремя колоннами вторглись на русскую землю. Корпус Даву сразу же устремился на Вильно, вслед за ним пошла кавалерия Мюрата. Корпус Нея двинулся к Скорули, а корпус Удино — к Янову. Днем 12 июня в Ковно прибыл Наполеон.

Каков был стратегический замысел Наполеона? Как и прежде, он оставался верен принципу достижения победы в одном генеральном сражении. Стремительным выходом к Вильно полководец надеялся расщепить армию Барклай-де-Толли, перерезать ей дороги, ведущие в глубь страны, уничтожить главные силы русской армии и тем самым расчистить себе путь в Москву.

Наполеон предполагал, что войска Барклай начнут быстрое отступление и сосредоточатся на новых позициях, прикрывая пути к Москве и Петербургу. Это позволит ему развивать стратегический прорыв и уничтожить армию по частям. Одним словом, Наполеон намеревался повторить здесь блестяще осуществленный им в 1805 г. маневр по сокрушению армии австрийского генерала Макка.

В Вильно только через сутки стало известно о переправе французских войск у Ковно. Курьер от генерала В. В. Орлова-Денисова, полк которого находился на границе, примчался ночью к загородной даче Л. Л. Беннигсена, где в это время был бал, на котором присутствовал и царь. Министр полиции А. Д. Балашев с тревогой сообщил об этом важном донесении царю.

Еще гремела музыка, еще в разгаре был бал, а в кабинете Александра уже составлялись первые распоряжения. Войскам 1-й Западной армии, согласно разработанному плану, было приказано отступать к Свенцянам, 2-й Западной армии и казачьему корпусу Платова — наступать во фланг противнику. Тотчас же был отправлен курьер в Петербург с сообщением о начавшейся войне. На второй день войны, 13 июня, вечером Балашев получил приказание ехать к Наполеону с письмом Алек-

сандра I. Царь предлагал Наполеону вступить в переговоры, но лишь при условии, что армии его оставят русскую территорию. Вряд ли царь рассчитывал на сколько-нибудь успешный исход миссии Балашева. Однако этот шаг ему необходимо было предпринять, во-первых, чтобы еще раз показать готовность русского правительства решить спорные вопросы с Францией мирным путем, во-вторых, нужно было как-то выиграть время, дать возможность Западным армиям организованнее вступить в соприкосновение с сильным противником.

Тем временем события развивались чрезвычайно быстро. Французские войска, не встречая сопротивления, по трем дорогам устремились к Вильно. 13 июня войска Даву и Мюрата были в Жижморах, а 16 июня утром они уже вступили в Вильно, куда вскоре прибыл и сам Наполеон.

Барклай-де-Толли стягивал отступающие войска к Свенцянам, надеясь здесь дать первое серьезное сражение противнику. Сюда после оставления Вильно двигались 3-й и 4-й пехотные корпуса, сюда же отходил и 2-й пехотный корпус. 2-й резервный кавалерийский корпус двигался от Сморгони к Михалишкам, а 6-й пехотный корпус — от Лиды на Ольшаны и далее к Сморгони.

Коннице Платова было приказано отступать от Гродно через Лиду и Сморгонь к Свенцянам. О намерении дать под Свенцянами сражение Барклай-де-Толли сообщил и Багратиону. Одновременно Багратион получил приказ идти с войсками через Новогрудок или Белицу к Вилейке, а если не удастся совершить этот маневр, отступать к Минску и далее к Борисову.

Таким образом, русская армия отступила в глубь страны. Отступила потому, что в сложившейся обстановке иначе поступить было нельзя. В России, так же как и во Франции, знали, что обострившиеся конфликтные ситуации ускоряли и прокладывали путь к войне. В Петербурге также хорошо знали, что вооруженная схватка приближается. Но никто не знал, когда и где раздадутся первые ружейные выстрелы и орудийные залпы. Если в военно-политическом и стратегическом отношении война для России не являлась неожиданностью, то в тактическом плане она была внезапной. Конечно, тут были просчеты, факты беспечности. Русская разведка могла и должна была следить пристально за тем, что делалось по ту сторону Вислы и Немана.

При переходе через Неман французская армия была уверена, что русская кампания будет успешной и что она закончится быстро. Гвардейцы Наполеона заявляли, что в этом году 15 августа «они будут праздновать в Санкт-Петербурге»⁴. Так они думали в первый день вступления на русскую землю, когда передовые части, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления, подходили к Вильно. Но они плохо знали русских. «Никто не знал этой страны и ее народа, ее генералов, которые избегали сражения»⁵. Никто не знал, почему отходит Барклай, избегает встречи Багратион и будут ли русские отходить до Москвы.

Французская армия безостановочно преследовала русские войска. Корпус Удино устремился вслед за русским 1-м пехотным корпусом к Вилькомиру; корпус Нея, не доходя Вильно, переправился через реку Виляя и вместе с кавалерией Мюрата преследовал главные силы 1-й Западной армии, отступавшие к Свенцянам; войска корпуса Нансути двинулись к Михалишкам, стремясь перерезать путь отступавшим войскам корпуса Дохтурова; основные силы корпуса Даву вместе с кавалерийским корпусом Груши и польской дивизией Клапареда были направлены на Ошмяны, Вишнев, Минск, с тем чтобы перерезать пути отступления войскам Багратиона.

С первого же дня вступления на русскую землю наполеоновская армия стала грабить и разорять крестьянские хозяйства, отбирать продовольствие, скот. Беспорядки, повсеместно чинимые солдатами и офицерами, вызывали возмущение, протест и ненависть к вторгшейся наполеоновской армии. И если вначале кое у кого были еще надежды, что Наполеон принесет избавление от крепостного гнета, то разочарование наступило быстро. Литовские крестьяне первыми убедились, что Наполеон стоит на стороне помещиков-крепостников. Теперь при приближении французских войск крестьяне целыми семьями стали уходить из сел и деревень, уничтожать посевы, угонять скот.

На первых порах французская армия продвигалась быстро. «Это быстрое движение,— пишет Коленкур,— при отсутствии продовольственных складов исчерпало и разорило все запасы и все жилые места, находившиеся по пути. Авангард еще кормился, а остальная часть армии умерала от голода. В результате перенапряжения, лишений и очень холодных дождей по ночам погибло 10 тыс лошадей»⁶.

Быстрый темп наступления французской армии в первые дни войны обуславливался отходом русской армии, тем, что противник еще не встречал сколько-нибудь сильного сопротивления, а также стремлением Наполеона как можно быстрее навязать русской армии крупное сражение. «Потерять надежду на большое сражение перед Вильно было для него все равно что нож в сердце»⁷.

И все же этого сражения не произошло. Русская армия отступала в глубь страны: 1-й Западная — к Дрисскому лагерю, а 2-я после неудачных попыток выйти к Минску двигалась через Несвиж и Слуцк к Бобруйску.

Это, разумеется, не означает, что по пути отступления не было серьезных столкновений. Первым довольно крупным боем был бой у Вилькомира 16 июня, в день занятия французскими войсками Вильно. Здесь арьергард под командованием генерала Я. П. Кульнева умелыми действиями нанес серьезное поражение передовым войскам корпуса Удино. При дальнейшем отступлении 1-й Западной армии к Дриссе арьергард главной колонны под командованием генерала Ф. К. Корфа 24 июня под деревней Кочеришки вступил в бой с французской кавалерией. В течение дня он сдерживал противника и лишь ночью отошел за Дисну, дав возможность главным силам спокойно двигаться к Дрисскому лагерю.

Войска 1-й Западной армии в течение 29—30 июня сосредоточились в лагере при Дриссе. Сюда прибыли: 1-й пехотный корпус генерала П. Х. Витгенштейна, 2-й пехотный корпус генерала К. Ф. Багговута, 3-й пехотный корпус генерала Н. А. Тучкова, 4-й пехотный корпус генерала А. И. Остермана-Толстого, 5-й гвардейский корпус великого князя Константина Павловича, 6-й пехотный корпус генерала Д. С. Дохтурова, 1, 2 и 3-й кавалерийские корпуса генералов Ф. П. Уварова, Ф. К. Корфа, П. П. Палена. Сюда же со своей свитой прибыл и Александр I.

В более трудном положении оказались войска 2-й Западной армии Багратиона. Основные ее силы (7-й и 8-й пехотные и 4-й кавалерийский корпуса) перед вторжением французских войск находились в районе Волковыска, а корпус М. И. Платова — у Гродно. Их задача состояла в том, чтобы по мере продвижения французов за 1-й Западной армией действовать во фланг и тыл противника. Но эта идея сразу же оказалась несостоятельной. После овладения Вильно сильнейший корпус Даву, насчитывавший 72 тыс человек, двинулся через Ольша-

пы, Вишневу на Минск. Корпус Даву стремился опередить войска 2-й Западной армии, чтобы отрезать войска Багратиона от главных сил русской армии, что позволяло, по замыслу Наполеона, наносить последовательные удары по армиям противника. Багратион и его штаб не имели никакой связи с командованием 1-й Западной армии и были в полном неведении об их действии. Кроме того, войска 2-й Западной армии энергично преследовались крупными силами французских войск под командованием брата Наполеона — короля Жерома.

Багратион — опытный полководец, не раз попадавший в сложные ситуации, и на этот раз действовал с большим воинским мастерством. Он собрал свою армию воедино и двинулся из Слонима в Новогрудок, чтобы действовать в соответствии с данными ему указаниями. 21 июня армия была в Новогрудке. Здесь к ней присоединилась 27-я пехотная дивизия генерала Д. П. Неверовского, прибывшая из Москвы. На следующий день войска выступили к Николаеву, чтобы, переправившись через Неман, идти к Вилейке. Но в тот момент, когда часть войск уже переправилась через Неман, Багратион получил донесение от Платова о занятии корпусом Даву Вишнева. Одновременно стало известно, что противник наступает войска 2-й Западной армии с тыла.

В этой обстановке нечего было и думать о движении на север, к 1-й Западной армии. Нужно было спасти войска, оказавшиеся в тяжелом положении. Багратион принимает смелое решение: умело маневрируя, минуя Минск, отходить с арьергардными боями через Несвиж к Слуцку и Бобруйску.

Царь и Барклай были недовольны действиями Багратиона. Они обвиняли его в том, что его войска не приближались, а удалялись от 1-й Западной армии. Багратиона упрекали в нерешительности, в боязни встретиться с корпусом Даву. И это говорилось о человеке, не раз смотревшем смерти в глаза, о военачальнике, которого знала армия со времен Очакова, Нови, Сен-Готарда и Шенграбена как бесстрашного воина и мужественного полководца.

Дело здесь, разумеется, не в нерешительности Багратиона, а в сложности и неясности обстановки первого периода войны, в отсутствии связи между армиями и в невозможности координировать их действия. В то время как основные силы русской армии и ее высшее командование находились в Дрисском лагере, войска армии Багратиона

в трудных условиях совершали сложнейший маневр, ведя бой с наседавшим с фланга и тыла противником.

Крупные бои между войсками 2-й Западной армии и противником проходили юго-восточнее Новогрудка, в районе населенных пунктов Кареличи и Мир. 26 июня конница Платова была атакована французской кавалерией у Кареличей. В результате боя казаки Платова отогнали ее к Новогрудку. На следующий день войска Платова, прикрывая отход главных сил армии, остановились в деревне Мир. По дороге к Кареличам был выслан отряд из 100 конников, а по обе стороны дороги устроены засады. Отряд, отступая к Миру, должен был заманить противника, а затем обрушиться на него.

План Платова вполне удался. Польская дивизия улан под командованием генерала Турно на марше была атакована казаками с нескольких сторон и в жаркой схватке понесла тяжелые потери. В плен было взято 248 человек. Остаткам польских улан удалось спастись бегством.

В ночь на 28 июня конница Платова была усилена 16 эскадронами под командованием генерала И. В. Васильчикова. Противник, в свою очередь, подтянул силы и перешел в наступление. Завязавшийся бой с переменным успехом длился четыре часа. В разгар схватки внезапно появился летучий отряд генерала Д. Е. Кутейникова. Противник оказался окруженным со всех сторон и энергичными действиями русской конницы разгромлен паголову. Вечером 28 июня 2-я Западная армия, основные силы которой до этого находились в Несвиже, двумя эшелонами двинулась к Слуцку.

1-я Западная армия к этому времени находилась в Дрисском лагере. Укрепленный лагерь располагался в изгибе, образуемом Двиной между городом Дриссой и деревней Шатрово, и занимал территорию около 4 километров в длину и 3 километра в ширину. Невыгоды Дрисского лагеря в стратегическом и тактическом отношениях были очевидны. Он находился в стороне от основных стратегических направлений, не прикрывал их, обрекал армию на пассивные действия. Укрепленный лагерь был окружен большим лесным массивом, который создавал удобства для сосредоточения войск противника. Ошибочность плана Фуля стала очевидной Барклаю. Действия французской армии, устремившейся основными силами к Докшицам и Глубокому, все отчетливее раскрывали замысел Наполеона: разобщить русские армии одну от дру-

гой, разбить их порознь и расчистить себе дорогу на Москву.

Военный совет, состоявшийся 1 июля в Дрисском лагере с участием Александра I, единодушно высказался за немедленное оставление лагеря и необходимость отступления армии к Витебску для соединения с войсками 2-й Западной армии.

На следующий день 1-я Западная армия начала переправляться через Двину. Оставив 1-й корпус Витгенштейна в районе Покаевцы (для охраны пути на Петербург), армия двинулась двумя колоннами к Витебску. 6 июля армия достигла Полоцка, а 11 июля — Витебска. Здесь Барклай-де-Толли, все еще не имея известий от Багратиона, надеялся соединиться со 2-й армией. Войска расположились в районе Витебска. 4-й и 5-й пехотные и 1-й кавалерийский корпуса переправились через Двину и расположились лагерем на реке Лучесе по дороге к Бешенковичам, 2-й пехотный и 2-й кавалерийский корпуса остались на правой стороне Двины у Витебска, 6-й пехотный и 3-й кавалерийский корпуса — у Старого Села, штаб армии — в Витебске.

Вскоре после оставления Дрисского лагеря армию покинул Александр I. В ночь на 7 июля он выехал из Полоцка. За ним последовали А. А. Аракчеев, А. Д. Балашев, А. С. Шишков. Царь торопился в Петербург. Только в Смоленске он сделал небольшую остановку и в Москве 15 июля принял участие в собрании дворянства, на котором обсуждался вопрос о создании ополчения.

В народе и войсках по-разному объясняли поспешное оставление Александром армии. Говорили, что царь должен находиться в столице и оттуда направлять усилия народа и страны на разгром врага. Выдвигались и другие причины: царю нужно было просто уехать из армии, чтобы не мешать Барклаю-де-Толли. Но было и еще одно соображение: если царь будет находиться при отступающей армии, то все недовольство за неудачи падет на его голову. Нужно было спасти престиж царствующей особы. Так рассуждали царедворцы, посветовавшие Александру как можно быстрее убраться в свои петербургские апартаменты. Там спокойнее, а главное — всю вину за неудачи можно возложить на Барклая-де-Толли или Багратиона.

Оценивая первый месяц военных действий с точки зрения стратегических целей обеих сторон, можно прийти к такому выводу: если 1-я и 2-я русские армии, отступая

па большом удалении одна от другой, все время стремились сблизиться и соединиться, то французская армия напрягала все усилия, чтобы разъединить их. В этом заключался основной стратегический смысл боевых действий сторон. Именно в них искали решения ближайшей стратегической задачи полководцы французской и русской армий.

Наполеон пробыл в Вильно три недели. Первое время его занимали вопросы административного устройства, он беседовал с виленским дворянством и духовенством, строил планы переустройства Литвы. Здесь же он 30 июня принял Балашева (в том же кабинете, из которого Балашев был отправлен Александром). Наполеон пригласил Балашева к обеду, долго доказывал ему, что он не виновен в возникшей войне, что во всем повинен Александр I. Свидание закончилось длинной тирадой Наполеона: «Мне сказывали, что ваш государь принял начальство над своими войсками. К чему это? Война — мое ремесло, я привык к нему. Императору Александру вовсе этого не нужно, его дело — царствовать, а не командовать войсками. Напрасно он берет на себя такую ответственность». Затем, обращаясь к Коленкуру, Наполеон сказал: «Ну, что же вы ничего не говорите, угодник императора Александра? Готовы ли лошади для генерала; дайте ему моих; ему далеко ехать»⁸. Так безрезультатно закончилась миссия министра полиции Балашева.

5 июля Наполеон выехал из Вильно. В Свенцянах он нагнал гвардию, присоединился к ней и двинул ее на Глубокое, стремясь опередить отход русской армии. Здесь он узнал об оставлении русскими Дрисского лагеря, об отъезде Александра через Москву в Петербург, о дополнительном наборе рекрутов и формировании ополчения. Все это и радовало, и огорчало Наполеона.

Он решил навязать бой войскам Барклая на открытой местности. Поскольку император «не хотел атаковать противника ни в одном из его укрепленных лагерей в Динабурге и Дриссе, он собирался обойти эти позиции, сделать их совершенно бесполезными, а затем нанести удар по противнику на марше»⁹. Так родился замысел, ставший известным под названием «маневра на Витебск».

Но пойдет ли противник сразу на Витебск или будет искать иную позицию для сопротивления? — спрашивал Наполеон в письме, адресованном Евгению Богарне. «Могло случиться так, что наше движение в направлении

на Оршу и Могилев, как ответ на усилия Багратиона, вынудит противника отклониться влево»¹⁰.

Наполеон подгонял войска, требовал безостановочного движения; он жаждал сражения, будучи уверенным в победе своих войск. 12 июля Наполеон и главные силы французской армии были уже в Бешенковичах (около 60 километров от Витебска). Здесь Наполеон увидел, пишет Коленкур, что «все жители бежали из города, дома были абсолютно пустыми, и все доказывало, что эта эмиграция осуществлялась систематически»¹¹.

Наполеон готовился к генеральному сражению. Именно здесь, под Витебском, пока еще не соединились русские армии, он рассчитывал разгромить 1-ю Западную армию, а затем нанести сокрушительный удар по приближавшейся армии Багратиона. «Император и вся армия,— отмечает в своих мемуарах Коленкур,— сильно желали этого сражения и поэтому тешили себя надеждой, что великий результат близок»¹².

В штабе 1-й Западной армии решали, что лучше: принять сражение или уклониться от него? Но до выяснения обстановки (главное— местонахождение армии Багратиона) ограничились высылкой 4-го пехотного корпуса к Островно навстречу подходившим французским войскам, усилив его драгунскими и гренадерскими полками. По пути к Островно, в 6 километрах от Витебска, русские встретили передовой отряд французских войск, опрокинули его и преследовали до Островно.

На следующий день, 13 июля, под Островно завязался бой между крупными силами французских войск под командованием Мюрата и войсками русского 4-го пехотного корпуса, которым командовал генерал Остерман-Толстой. Началось с того, что французы захватили батарею русских на окраине Островно и оттеснили лейб-гусар. Тогда в дело были введены пехота, конница и артиллерия. Мюрат ввел в бой кирасирскую дивизию генерала Сен-Жермена, егерей и кавалерию Брюйера.

Ни одна из сторон в течение дня не добилась каких-либо существенных результатов. К вечеру сюда прибыли 1-й кавалерийский корпус генерала Уварова и 3-я пехотная дивизия генерала Коновницына, которые сменили войска Остермана. Подошли подкрепления и к французам. С утра 14 июля бой разгорелся с еще большей силой. Дивизии Нансути и Дельзона перешли в атаку против дивизии Коновницына, правый фланг которой прикрывался Двиной, а левый — глубоким оврагом.

Французские и русские солдаты дрались с упорством и ожесточением. Коновницын писал жене: «От 8 часов утра до 5 часов пополудни я дрался с четырьмя полками и двумя батальонами сводных гренадер противу, смею сказать, 60 тыс человек... Я целый день держал самого Наполеона, который хотел обедать в Витебске, но не попал и на ночь; разве на другой день. Наши дерутся, как львы, но мы не соединены. Багратион, Платов и Витгенштейн от нас отрезаны...»¹³.

Силы противника действительно были слишком велики. Не было никакой возможности длительное время сдерживать натиск французов, но основная задача — задержать противника, затормозить его продвижение — была выполнена. Наши войска отошли за реку Лучесу, надежно прикрывая Витебск.

Прошел уже месяц со времени вторжения в Россию, а армии еще ни разу не померялись силами, все еще не было той блистательной победы над русскими, о которой так много и так уверенно говорил Наполеон.

Под Витебском был какой-то момент, когда Барклай-де-Толли вновь задумался над вопросом, не пойти ли на сражение. К тому были довольно резонные мотивы. Во-первых, французские войска, двигаясь главными силами по одной дороге, слишком растянулись и не могли быстро сосредоточить свои силы к Витебску; во-вторых, только что прошедший бой у Островно показал, что русские солдаты отлично бьют французов и в обороне, и в наступлении; наконец, в-третьих, — и это, пожалуй, главное — Барклай надеялся, что скоро подойдут из Орши войска Багратиона.

Но действительность внесла серьезные коррективы в расчеты Барклая. В тот момент, когда диспозиция к наступлению была уже готова и ее собирались разослать командирам корпусов, в штаб 1-й армии прибыл адъютант Багратиона поручик Меньшиков с донесением о занятии Могилева войсками Даву, о неудачной попытке войск 2-й армии пробиться на север и о решении Багратиона отступить к Смоленску.

Барклай-де-Толли сразу же созвал военный совет. Генерал А. П. Ермолов первым высказался за оставление Витебска. Его доводы были таковы: противник под Витебском имеет вдвое бóльшую армию, Наполеон стремится отрезать пути отступления, не допустить соединения с войсками Багратиона.

Никто не возразил против доводов генерала Ермолова.

Согласился с ними и Барклай-де-Толли. На рассвете 15 июля войска 1-й Западной армии снялись с позиций. Прикрываясь сильным арьергардом, которым командовал граф Пален, они тремя колоннами (через Сураж, Почечье и Рудню) двинулись к Смоленску.

События нарастали с каждым днем. Французы стремились не допустить соединения русских армий. 12 июля Наполеон лично проводил рекогносцировку противоположного берега Двины. На следующую ночь французы вдоль левого берега Двины двинулись на Витебск, не теряя надежды навязать сражение армии Барклая, который еще не сумел соединиться с остальными русскими войсками. Тогда, в середине июля, Наполеон верил, что на этот раз сражение состоится. И он стал к нему готовиться, перенося атаку на один день, до прибытия подкрепления.

Эта задержка, по мнению французских исследователей, явилась грубейшей ошибкой императора. Отложив свой удар на один день, Наполеон дал Барклаю возможность оторваться от французских войск. Поэтому, когда французы утром 16 июля в полном боевом порядке двинулись на Витебск, они нашли город эвакуированным. Наполеону пришлось вновь пережить разочарование.

Что же делалось в это время во 2-й Западной армии, которую мы оставили на пути из Несвижа к Слуцку? Тут обстановка сложилась так. Главные силы 2-й армии подошли к Слуцку. Параллельно их движению, но несколько севернее, опережая русских, двигался корпус Даву. С тыла вплоть до Несвижа русские войска преследовались корпусами Понятовского, Латур-Мобура и Вестфальским корпусом. Затем эти корпуса свернули влево и стали обходить русских. Вестфальский корпус из Несвижа двинулся через Минск, Борисов к Орше; поляки (корпус Понятовского) и корпус Латур-Мобура через Игумен — к Могилеву; Даву, оставив в Минске один полк и направив кавалерийский корпус Груши к Борисову для занятия предмостного укрепления, со всеми войсками выступил через Игумен к Могилеву. Город был занят 8 июля без всякого сопротивления. Никто не ожидал столь быстрого появления здесь войск противника. Французам достались большие трофеи: продовольственные склады, лошади, рогатый скот.

Из Слуцка войска 2-й Западной армии направились к Бобруйску. Марш прикрывался арьергардом под начальством М. И. Платова. 3 июля арьергард выдержал упор-

ный бой у Романова, где был полностью разгромлен 1-й конно-егерский полк противника. 6 июля армия сосредоточилась в Бобруйске. Здесь на следующий день Багратион получил приказание: идти через Могилев и Оршу на соединение с 1-й Западной армией. К Старому Быхову сразу же был двинут 7-й пехотный корпус Н. Н. Раевского, а вслед за ним — 8-й пехотный корпус М. М. Бороздина и часть кавалерии из 4-го корпуса Сиверса.

9 июля войска Раевского были уже у Старого Быхова. На пути к Могилеву, в 6 километрах от города, авангард, состоявший из конницы Сиверса, был остановлен конно-егерским полком французов. В завязавшейся перестрелке русские окружили конных егерей и нанесли им тяжелый урон: около 500 человек было убито и ранено, более 200 попало в плен, а остальные спаслись бегством. Этот эпизод встревожил Даву. Он решил защищать Могилев и с этой целью выдвинул к деревне Салтановке, где имелась выгодная позиция, 28 тыс человек, расположив их за одним из притоков Днепра. Багратион, в свою очередь, решил огнем и штыком проложить путь своим войскам через Могилев к Орше для соединения с 1-й армией. Генерал-лейтенант Н. Н. Раевский получил приказание атаковать противника.

Утром 11 июля завязался бой передовых частей на опушке леса южнее Салтановки. Здесь разгорелись упорные и кровопролитные схватки между войсками дивизии И. Ф. Паскевича и войсками дивизии Дессе. Они протекали с переменным успехом. Войска Паскевича, используя лесной массив, стремились обойти противника, но французы сами проникли в лес, угрожая обойти русские войска с фланга.

В то же время Раевский сосредоточил основные силы на правом фланге и готовил удар по противнику, засевшему в Салтановке. Он прибыл сюда с двумя сыновьями, чтобы они приняли непосредственное участие в бою. Раевский получил донесение от Паскевича о невозможности осуществить обход дивизии Дессе. Кроме того, пленные уверяли, что у Даву пять дивизий (две из них кавалерийские) и что его главные силы находятся в Могилеве. Рваться к Могилеву с такими незначительными силами было бесполезно. Пришлось отступить к Новоселкам, а затем к Старому Быхову. В этой сложной обстановке командование 2-й армии принимает смелое решение: наступательными действиями пехотного корпуса

Раевского сковать противника в районе Салтановки, чтобы обеспечить переправу главных сил армии Багратиона через Днепр.

Бой у Салтановки (11 июля 1812 г.) носил крайне ожесточенный характер. Маршал Даву, полагая, что 2-я армия стремится любой ценой прорваться через Могилев к армии Барклая-де-Толли, сосредоточил превосходящие силы против корпуса Раевского. Обе стороны несли тяжелые потери. Был момент, когда казалось, что в неравном бою 7-й корпус дрогнет, но генерал Раевский, приказав генералу Паскевичу вести атаки правого фланга врага, встал во главе основных сил корпуса и повел пехоту в атаку. Вместе с ним шли его сыновья. Старший сын нес знамя Смоленского полка, младший шел с отцом. Подвиг Раевского вдохновил всех; в штыковых атаках противник был отброшен и отступил к Салтановке.

Бой у Салтановки хотя и носил скоротечный характер, но принес значительный урон как одной, так и другой стороне. Французы потеряли в нем более 5 тыс человек¹⁴, русские — около 2500 человек.

Пробриться через Могилев не удалось. Теперь единственный и наиболее бескровный путь для соединения армий лежал через Смоленск. И Багратион, обсуждавший с Платовым и Раевским поздно вечером 11 июля в деревне Дашковке положение дел, принял решение после переправы отступить к Смоленску. 14 июля главные силы войск 2-й армии в районе Нового Быхова переправились через Днепр и двинулись через Мстиславль к Смоленску, выслав вперед авангард Платова и Дорохова, следовавший от Дашковки на Чаусы, Горки и Дубровну. Войска Платова и Дорохова первыми встретились в районе Рудни с войсками 1-й Западной армии. 22 июля в Смоленске осуществилось долго ожидавшееся объединение русских войск.

Соединение 1-й и 2-й Западных армий — важное событие Отечественной войны 1812 года. Оно знаменовало собой успешное решение русским командованием ближайшей стратегической задачи. В конкретно сложившихся условиях первого периода войны, когда на одном операционном направлении действовали две разрозненные армии, не объединенные единым командованием, соединение армий было центральной проблемой. Эта проблема, возникавшая вскоре после вторжения наполеоновских войск, решалась в сложной обстановке и потребовала большого напряжения войск и высокого военного искусства.

Отступление русской армии, как отмечал Маркс, было выполнено «с замечательным искусством»¹⁵. Это искусство проявилось прежде всего в умелой организации отступления, в умении сочетать высокую подвижность войск и маневренность с упорными арьергардными боями.

Несмотря на сложность отступательного маневра, почти все время осуществлявшегося при соприкосновении с противником, русская армия прошла за 38 дней более 600 километров и сохранила свои основные силы. Ее потери убитыми не превышали 10 тыс человек, раненых и отставших было около 25 тыс человек. При соединении в Смоленске численность русских войск составила 120 тыс человек¹⁶.

Иначе обстояло дело во французской армии. Наполеону не удалось добиться основной стратегической цели — разгромить русскую армию в пограничном генеральном сражении. Все его попытки не допустить соединения войск 1-й и 2-й Западных армий, разрезать эти группировки на две части и уничтожить их порознь не имели успеха. Напряжение, с которым вела преследование французская армия, приводило к переутомлению войск. «Мы были подобны кораблю без компаса,— писал Коленкур,— затерявшемуся среди безбрежного океана, и не знали, что происходит вокруг нас»¹⁷. Коленкур сообщает, что солдаты были очень утомлены, дороги полны отставшими, которые разрушали и грабили все. Пало очень много лошадей, в строю их оставалось не больше половины от начала кампании. Конечно, вспоминал Коленкур, в других странах убыль в лошадях можно было пополнить реквизициями, но в России лошади и скот — все исчезло вместе с людьми, и французы находились как бы среди пустыни¹⁸.

Результат стратегических замыслов Наполеона оказался равным почти нулю. Ему не удалось навязать решающего сражения разрозненным русским армиям. Нельзя было скрыть того обстоятельства, что путь армии устилала разлагающиеся трупы, которые, безусловно, способствовали распространению заболеваний. «Между Ковно и Видзема мы насчитали 3000 лошадей, оставшихся лежать на обочинах дорог,— отмечал капитан Рёдер, двигавшийся следом за передовыми частями.— Эти лошади были загнаны, подошли от недостатка кормов или погибли от перекорма неспелым зерном. Быстро разлагавшиеся трупы лошадей создавали в это время года невыносимую вонь»¹⁹. Ко времени прибытия Наполеона в

Витебск потери большими и отставшими составляли до 100 тыс человек²⁰.

Подойдя к Смоленску, французская армия насчитывала не более 200 тыс человек²¹, и они были разбросаны на обширном театре военных действий. Нужно было держать значительные силы на Двине, против корпуса Витгенштейна, у Рогачева, против крепости у Бобруйска, охранять коммуникации от палетов партизанских отрядов.

Однако было бы ошибочным полагать, что начальный период войны 1812 года в какой-то степени положительно сказался на дальнейшем ходе военных действий. Нельзя не учитывать, что фактически 1-я и 2-я Западные армии оставили Виленскую, Гродненскую, Витебскую, Могилевскую и часть Смоленской губерний, отошли более чем на 600 километров в глубь страны.

Был ли это заранее разработанный план, или другие обстоятельства заставили русское командование оставлять противнику территорию, укрепления, продовольственные базы и отводить армию? Каковы причины отхода русской армии?

К. Маркс, оценивая обстановку начального периода войны 1812 года, пришел к выводу, что «отступление русской армии,— первоначальный план которого Наполеон в своих мемуарах... ошибочно приписывал Барклаюде-Толли...— стало теперь делом не свободного выбора, а суровой необходимости»²².

Основными причинами вынужденного отхода были: значительное численное превосходство в силах на стороне противника; неудачное стратегическое развертывание русской армии перед началом войны; отсутствие единого руководства вооруженными силами России. Кроме того, вооруженные силы России были значительно меньшими, чем армия Наполеона. Силы Наполеона на главном направлении в начале войны превосходили русские почти в три раза. Севернее Полесья у Наполеона было 412 тыс человек, у русских — 166 тыс человек, или в 2,5 раза меньше. На виленском направлении Наполеон имел 300 тыс человек, а русские — 127 тыс человек (вместе с казаками).

Никаких планов ведения «скифской войны», расчетов на отход армии в глубь страны не было. А. И. Михайловский-Данилевский указывает, что «о дальнейшем отступлении во внутренность империи не было и помышления. Оно совсем не входило в соображение при начале войны»²³. Лишь суровая необходимость заставила русское

командование искать выход для спасения армии. Единственный путь из создавшегося положения был в быстрейшем соединении армий, что можно было осуществить путем отхода обеих армий по сходящимся направлениям. Более месяца потребовалось для того, чтобы в напряженной борьбе искупить жертвами ошибки стратегического развертывания армии.

Анализ документов подтверждает вывод К. Маркса о том, что отступление русской армии к Смоленску не было следствием заранее разработанного стратегического плана ведения войны²⁴. Оно явилось вынужденным, так как в сложившейся неблагоприятной обстановке начального периода войны другого выхода не было. «Царь был очень далек от тех гениальных планов, которые ему приписывали впоследствии... Ни один из крикунов не подозревал, что отступление было на самом деле спасением для России»²⁵.

Франц Меринг был прав, конечно, прежде всего потому, что отступая в глубь страны, русские сохраняли свои силы. И не только сохраняли, но они объединяли армии в единое целое, что, разумеется, укрепляло их силу, облегчало общее управление ранее разрозненными войсками. Наполеоновские же войска длительными маршами, изнурительными маневрами с многочисленными стычками и боями лишались первоначальной ударной мощи, растрачивали свои физические и моральные силы. Цель Наполеона — генеральное сражение — все время отдалялась, увлекая его в безбрежное пространство. Конечно, если бы те девять укрепленных районов были своевременно построены вдоль 1200-километровой западной границы, оборудованы и оснащены, а позади их как второй эшелон укреплений были созданы шесть дополнительных депо с гарнизонами полевых войск, то события развивались бы по-иному. Наполеон должен был бы расконцентрировать, растянуть по фронту свои войска. Но этого не случилось. Тем не менее искусством маневрирования в сочетании со стойкостью и мужеством русских солдат именно в тот многотрудный начальный период войны были подорваны теоретические основы ведения молниеносной войны, рушилась наполеоновская доктрина «генерального сражения».

Глава четвертая

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

1

Длительное отступление всегда угнетающе действует на войска, чем бы оно ни вызывалось: стратегическими или иными соображениями. Оставлять родную землю при всех обстоятельствах тяжело. Так было в 1941 г. (и автору данных строк пришлось это испытать), так было и в войне 1812 года. В ходе отступательного марша к Смоленску солдаты устали физически и морально. И когда обе русские армии соединились в Смоленске, то прежде всего войсками овладело чувство радости, так как все понимали, что теперь силы их значительно возросли. Желание всех было единодушным: прекратить дальнейшее отступление.

На военном совете 25 июля решался один вопрос: что делать дальше? Полковник К. Ф. Толь еще до начала заседания военного совета подал записку М. Б. Барклай-де-Толли, в которой предлагал незамедлительно перейти к решительным наступательным действиям в направлении Рудня—Витебск, разобщить французскую армию и разбить ее порознь.

За переход армии в наступление высказались все участники заседания. Их доводы были просты и ясны: во-первых, нужно было напасть на противника, пока он еще не сосредоточил всех своих сил на одном направлении; во-вторых, необходимо задержать противника и дать возможность подтянуть войска, формировавшиеся внутри страны, и с их помощью разгромить агрессора; в-третьих, нельзя отдавать врагу Смоленск — один из древнейших городов России, город, являющийся как бы воротами в Москву.

Барклай-де-Толли хотя и высказался за наступление, но в действительности занял двойственную, нерешительную позицию. В своем распоряжении о наступлении он сделал оговорку, чтобы войска не отдалялись от Смоленска более чем на три перехода. Понятно, что такое распоряжение обрекало наступление на неудачу, наступавшим все время нужно было оглядываться назад.

В то время как русская армия находилась в районе Смоленска, французские войска располагались на доволь-

но обширной территории: кавалерия Мюрата — в Рудне; позади нее, у Лиозно, стоял 3-й пехотный корпус Нея; в районе Велижа и Суража — 4-й пехотный корпус; между Витебском и Бабиновичами — две дивизии корпуса Даву; в Витебске — гвардия и одна из дивизий 1-го пехотного корпуса.

Наполеон концентрировал свои силы в районе Любавичи, Расасна, Ляды, намереваясь совершить фланговое движение, переправить войска через Днепр и затем ударом с юга овладеть Смоленском и отрезать русским войскам путь отступления к Москве. Этот план проводился Наполеоном настойчиво. Вечером 1 августа он выехал из Витебска и на следующий день утром был уже на левом берегу Днепра, у РАСАСНЫ. Здесь Наполеон лично руководил переправой войск. На следующее утро гвардия и остальные корпуса получили приказ двинуться через Ляды, Красный к Смоленску.

Если основные силы французской армии сосредоточивались на левом берегу Днепра, то русские войска были выдвинуты на правый берег Днепра и находились значительно севернее войск противника. 26 июля русские оставили Смоленск и выступили: 2-я армия к деревне Катань (затем она была повернута на север к деревне Приказ-Выдре), а 1-я армия по Рудненской дороге к деревне Молево Болото. Южнее Днепра, к Красному, был направлен лишь небольшой отряд Неверовского. Здесь сказалось ошибочное предположение Барклая, считавшего, что основная угроза обхода нависает на правом фланге, в то время как Багратион резонно считал, что прежде всего следует обеспечить левый фланг.

Уже на следующий день, 27 июля, войска Платова атаковали у деревни Молево Болото авангард противника — дивизию Себастиани и нанесли ей серьезное поражение: только в плен было взято более 300 солдат и офицеров. Но на этом все и закончилось. Барклай, опасаясь все время за фланги (особенно за правый фланг), не желал отдаляться от Смоленска. Дальше рубежа деревня Волокова — озеро Каспля войска 1-й армии не двинулись. 2-я армия после двухдневного пребывания у Приказ-Выдры возвращалась к Смоленску.

Французские войска устремились к Смоленску. По дороге к городу Красному двигались кавалерия Мюрата, гвардия, пехотные корпуса Даву и Нея¹.

В полдень 2 августа передовые части Мюрата и следовавшие с ними войска Нея подошли к Красному, кото-

рый оборонялся отрядом под командованием генерала Д. П. Неверовского. Упорный бой продолжался до позднего вечера. Молодые, недостаточно обученные солдаты Неверовского дрались самоотверженно. Но небольшой отряд не мог, естественно, оказать длительное сопротивление. Он сумел лишь на время задержать противника и отступил к Смоленску. Неверовский отступал, как лев, свидетельствует генерал Сегюр². Потери отряда Неверовского составили 1500 человек, в том числе 800 пленных. Самого Неверовского считали погибшим до тех пор, пока Раевский, выступавший 3 августа со своим корпусом из Смоленска, не встретил его с остатками отряда по дороге к Красному.

На корпус Раевского выпала исключительно сложная задача обороны Смоленска. Его войскам, насчитывавшим не более 15 тыс человек, довелось в течение суток сдерживать натиск основных сил наполеоновской армии. Вначале Раевский предполагал расположить войска впереди города. Но, посоветовавшись с генералами, выслушав мнение Паскевича, уже имевшего дело с французами, решил обороняться в самом городе, используя для этого крепостные стены и городские здания.

Смоленск расположен по обе стороны Днепра и обнесен мощной стеной с 17 башнями и бойницами для оружейной стрельбы. Позади стены были сделаны устройства для орудий. Следует напомнить, что стена из камня и кирпича — для того времени довольно сильное укрепление.

Главная часть города находилась на левом берегу Днепра. Здесь были Красненское, Мстиславское, Рославльское и Никольское предместья. В этих предместьях и расположились войска 7-го пехотного корпуса.

Утром 4 августа к Смоленску с юга подошли войска Мюрата, Нея и Даву. Сюда прибыл и Наполеон. Противник обложил город и приступил к бомбардировке. Артиллерийский огонь обрушился на храбрых защитников города. Но сломить сопротивление русских воинов не удалось. Они самоотверженно отражали атаки наседавшего противника.

4 августа было переломным днем обороны Смоленска. Город оборонялся лишь одним 7-м пехотным корпусом Раевского и ослабленной дивизией Неверовского против 180-тысячной армии Наполеона (войска 1-й и 2-й армий лишь поздно вечером стали прибывать к Смоленску). непонятно, почему Наполеон не воспользовался этим слу-

чаем. Возможно, Наполеон хотел начать сражение со всей русской армией, но и тогда он мог легко перекрыть дорогу на Москву, переправить через Днепр часть своих войск у Прудышево и закрыть пути отступления русской армии.

Оборонять Смоленск в обстановке, которая сложилась к 5 августа, было трудно, так как нужно было не только защищать город, но и охранять подступы и дороги, особенно Московскую, которой противник мог легко овладеть. В связи с этим было принято решение: 1-й армии оборонять Смоленск, а 2-й армии — прикрывать Московскую дорогу. Было решено заменить 7-й корпус Раевского 6-м корпусом Дохтурова. Но Дохтуров после болезни плохо себя чувствовал. Барклай-де-Толли запросил Дохтурова, сможет ли он возглавить оборону Смоленска. Дохтуров ответил: «Лучше умереть на поле, нежели на кровати».

Еще до рассвета 5 августа 7-й пехотный корпус заменили 6-м пехотным корпусом Дохтурова и 3-й пехотной дивизией Коновницына. В то же время войска 2-й армии выступили из Смоленска по Московской дороге. Это продвижение не осталось не замеченным противником. Но Наполеон недоумевал: в чем цель замены, которую произвели русские? Зачем нужно было уходить из Смоленска Багратиону? Неужели русские оставят Смоленск без боя? Сами события дня дали ответы на эти вопросы. Становилось очевидным, что русское командование не собирается вступать в решительное сражение.

Первая половина дня 5 августа прошла во взаимной перестрелке. Но вдруг около 3 часов пополудни противник открыл ураганный огонь из более чем 150 орудий. Вскоре последовала атака французов. Пошли конница Брюйера, Понятовского и пехота Нея. То в одном, то в другом месте стали возникать рукопашные схватки. Сражение разгоралось... Войска Нея овладели Красненским предместьем, Даву приступил к штурму города; орудия непрерывно бомбардировали городские стены и улицы.

Неимоверно тяжело было защитникам города. Слишком неравны были силы. Прибытие на помощь 4-й дивизии заметно не улучшило положения оборонявшихся. И все же, несмотря на упорство и значительное численное превосходство, Наполеону не удалось штурмом овладеть Смоленском. К вечеру противник прекратил атаки, ограничившись сильной канонадой. Артиллерийский обстрел противника привел к большим разрушениям и

жертвам в городе, вызвал многочисленные пожары. Федор Глинка, свидетель этих событий, писал: «Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью. Злодеи тотчас исполнили приказ изверга. Тучи бомб, гранат и чиненых ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни объялись пламенем — и все, что может гореть, запылало»³.

Ночью Наполеон, смотря на город, охваченный пламенем, воскликнул: «Это извержение Везувия! Не правда ли, красивое зрелище, господин обер-штабмейстер?

— Ужасное, государь, — ответил Коленкур.

— Ба! — возразил император. — Помните, господа, изречение одного из римских императоров: труп врага пахнет всегда хорошо»⁴.

Эти слова ошеломили даже его приближенных.

Смоленск пылал. Пламя пожара освещало путь русским войскам, оставлявшим город. Вместе с войсками покидали город и его жители. Старики, женщины, дети на подводах и пешком потянулись вслед за армией. За два часа до рассвета 6 августа, уничтожив мост через Днепр, покинул город корпус Дохтурова. Дивизия Коновницына оставила Смоленск последней.

В течение 6 августа войска 2-й армии, выставив сильный арьергард у Прудищева, отступали по Московской дороге. Войска 1-й армии, отойдя по Петербургской дороге к северу от Смоленска, совершили затем фланговый маневр. По проселочным путям они вышли на Московскую дорогу и присоединились ко 2-й армии.

Французские войска вошли в Смоленск. За два дня боев они потеряли убитыми и ранеными не менее 20 тыс человек (потери русских были вдвое меньше)⁵. Полуразрушенный город был пуст. «В городе остались, — пишет Коленкур, — лишь несколько старух, несколько мужчин из простонародья, один священник и один ремесленник»⁶. Продовольствия и фуража в городе не оказалось. Голодные солдаты рыскали по пустым домам, тащили из них оставленные жителями вещи и продукты.

В плохом настроении находился в Смоленске Наполеон. Он понимал, что русская армия хотя и отступает, но силы ее сохранены. Кроме того, навстречу французам спешил с войсками Милорадович, появились первые полки ополченцев. Партизаны устраивали засады на дорогах, совершали налеты на обозы и гарнизоны. Уже нельзя было посылать фуражиров без вооруженной охраны. «Оставшиеся жители, — вспоминает Коленкур, — все во-

оружались»⁷. Они вооружались, дополняет русский мемуарист С. Н. Глинка, чем кто мог, и спешили за войсками⁸.

Овладение Смоленском сулило Наполеону большие стратегические выгоды. Во-первых, русские лишались важного оборонительного рубежа, каким был Смоленск и вся Смоленская гряда; во-вторых, Наполеон приобретал крупную базу, на которую он мог опираться в ходе войны, так как именно здесь, в Смоленске, скрещивались основные дороги, идущие с Запада.

Но этими выгодами нужно было умело воспользоваться. Бертье и Коленкур, близко стоявшие к Наполеону, настоятельно рекомендовали ему не увлекаться преследованием уходящих в глубь страны русских, не гнаться за далекими перспективами, остановиться в Смоленске на Днепровском рубеже, укрепить армию, привести в порядок тылы, решить административные вопросы в захваченных областях.

В Смоленске Наполеон пытался возложить управление городом на муниципалитет, созданный им в составе мэра и членов муниципального совета. Мэром города Смоленска назначался титулярный советник Васька Ярославцев⁹.

В течение пятидневного пребывания Наполеона в Смоленске был какой-то момент, когда он всерьез задумывался над состоянием армии и ее устройством. Наполеон даже высказывал мысль об оставлении армии в Смоленске на зимние квартиры, о создании продовольственных запасов, строительстве лазаретов и дорог. Он приказал устроить госпитали для раненых, поставить 24 пекарни, соорудить через Днепр прочный мост на сваях, привести в порядок здания города. Одним словом, Наполеон намеревался надолго обосноваться в Смоленске. Он говорил тогда Коленкуру: «Я укреплю свои позиции. Мы отдохнем, опираясь на этот пункт, организуем страну и тогда посмотрим, каково будет Александру... Я поставлю под ружье Польшу, а потом решу, если будет пужно, идти ли на Москву или на Петербург»¹⁰.

Конечно, для подобного рода намерений имелись основания. Армия на пути к Смоленску понесла большой урон в живой силе и материальных средствах, снизилась ее боеспособность, она нуждалась в отдыхе, в доукомплектовании, следовало привести в порядок службу тыла, организовать медицинское обслуживание и т. д.

Но какова была гарантия, что длительная пауза, оста-

новка на зиму в Смоленске приведет к желаемой цели — к победе в большом сражении, овладению Москвой и подписанию мирного договора? Такой гарантии не было. Более того, в России и Европе расценили бы эту паузу как поражение Наполеона, она потребовала бы колоссальных расходов, усилилось бы недовольство во Франции, да еще при отсутствии императора в Париже. Все это могло создать невыгодную политическую и военную обстановку. Надо было искать сражения.

Участник тех событий, впоследствии известный военный теоретик и историк А. Жомини, так излагает общий ход мыслей Наполеона: «Вынудить русских к сражению и продиктовать мир — это единственно безопасный путь из оставшихся в настоящее время... Но что требовалось предпринять, чтобы добиться этого сражения? Конечно же, не сидеть в Смоленске без продовольственных и других ресурсов. Мы должны были либо наступать на Москву, либо отойти к Неману, третьего пути не существовало... Опыт десяти кампаний помогает мне видеть решающий пункт, и я не сомневаюсь, что удар, нанесенный в сердце русской империи, мгновенно покончит с разрозненным сопротивлением»¹¹.

Наполеон поделился своим решением с Коленкурром. «Не пройдет и месяца, — сказал он, — как мы будем в Москве: через шесть недель мы будем иметь мир»¹². Но то была лишь очередная иллюзия. Время же и реальность событий диктовали свои расчеты.

2

Все эти планы так же быстро исчезли, как и появились. Достаточно было Наполеону получить хотя бы небольшой тактический успех, как у него вновь возникла надежда на возможность большого сражения и достижения в нем решительной победы. Бой 7 августа при Лубине (в 10 километрах к востоку от Смоленска) послужил толчком, который вновь двинул наполеоновские войска вслед за отходившей русской армией.

Обстоятельства, при которых возникло неожиданное столкновение русских и французов у деревни Лубино, таковы.

Войска 1-й Западной армии двигались проселочными дорогами с Поречской на Московскую столбовую дорогу двумя колоннами. Одна из них шла через Крахоткино, Жабино, Кошаево и выходила к Лубино и Бредихину, другая — через Зыколино и Сущево к Прудиче. В аван-

гарде первой колонны шел отряд под командованием генерал-майора П. А. Тучкова 3-го, который вечером 6 августа выступил с Поречской дороги и к утру следующего дня вышел на Московскую дорогу у Лубино. Дальше отряд должен был двигаться на восток, к Бредихину. Но Тучков, желая надежно прикрыть движение основных сил, повернул свой отряд на запад и направил его по дороге к Смоленску. Двигаясь по дороге, отряд миновал уже реку Страгань. В это время корпус Жюно, переправившийся через Днепр по наведенному мосту у Прудищево, двигался по Московской дороге к деревне Лубино. Генерал Тучков вместе с прибывшим к нему генерал-квартирмейстером К. Ф. Толем установили, что впереди войск 2-й армии, кроме трех казачьих полков генерала А. А. Карпова, никого нет. В то же время к полудню стали подходить сюда и войска корпуса Нея, направленные Наполеоном на Московскую дорогу.

Тучков, отлично понимая, что от действий его отряда зависит успех маневра, совершаемого 1-й армией, решил задержать движение войск противника, расположив свои войска на удобной позиции за рекой Страгань. На дорогу была выдвинута артиллерийская батарея, которая открыла огонь по подходившим войскам корпуса Нея. Завязалась перестрелка, все более усиливавшаяся по мере подхода войск противника.

Само собой разумеется, что трехтысячному отряду Тучкова было трудно долго удерживать позиции. Кроме того, сюда в обход левого фланга подходили пехотинцы Жюно и кавалерия Мюрата. К действиям отряда Тучкова было приковано внимание русского командования, оно направляло сюда все новые и новые подкрепления. К 3 часам дня на позиции за рекой Страгань было уже до 8 тыс человек. Вскоре сюда прибыли Барклай-де-Толли и А. П. Ермолов.

Бой на Московской дороге приобретал все более упорный характер. Ней стремился опрокинуть отряд Тучкова и прибывшие сюда войска Коновницына, стремительным броском овладеть деревней Лубино и тем самым закрыть дорогу для войск 1-й Западной армии. Кавалерия Мюрата тоже рвалась на Московскую дорогу в обход левого фланга русских. Но навстречу был выдвинут 1-й кавалерийский корпус генерала В. В. Орлова-Денисова, который, умело используя местность (непроходимые болота), затормозил движение конницы Мюрата.

Конница Мюрата могла бы принести большой урон

войскам 1-й армии, если бы пехота Жюно поддержала ее. Но Жюно, встретив на пути топкое болото, решительно отказался вести войска вперед. Не согласился он и на обходные пути. Настойчивые просьбы Мюрата остались безрезультатными. Наполеон, находившийся в это время в Смоленске, узнав о поведении Жюно, в гневе воскликнул: «Жюно упустил русских. Из-за него я теряю кампанию»¹³.

Войска Нея усиливали нажим на позиции русских и на отдельных ее участках добились временных успехов. Вокруг Московской дороги не ослабевала борьба. Тут находились и Барклай, и Ермолов, и Тучков, и Коновницын, здесь сосредоточивались усилия обеих сторон. Бой продолжался до позднего вечера. В 9 часов, когда стало темно, французская 3-я пехотная дивизия из корпуса Даву, подойдя по ложине к позициям русских, атаковала их. Генерал Тучков 3-й повел навстречу противнику Екатеринославский гренадерский полк. Но в ходе жаркой схватки под ним была убита лошадь, а затем и сам Тучков, раненный в бок и голову, был взят в плен и в тяжелом состоянии доставлен к Мюрату.

— Есть ли у вас какая-либо просьба? Я охотно выполню ее, — были первые слова Мюрата.

— Не забудьте наградить офицера, который представил меня к вам. Он действовал очень храбро против меня, — сказал Тучков.

На другой день офицер получил орден Почетного легиона¹⁴.

Бой при Лубине (или, как его иногда называют, при Валутиной горе) хотя и имел самостоятельное значение, но в то же время явился своего рода заключительным актом Смоленского сражения. Это была еще одна попытка Наполеона втянуть русскую армию в генеральное сражение в невыгодной для нее обстановке. Но и эта попытка закончилась для него неудачно.

Потери французской армии были значительны. Из 32 тыс участвовавших в бою убитых и раненых было около 8800 человек. Русские тоже много потеряли. Из 17 тыс человек, принимавших участие в бою, потери составили около 5 тыс человек¹⁵.

После столь энергичной схватки русские войска, измученные и уставшие, продолжали отступать на восток. К вечеру 8 августа главные силы 1-й Западной армии переправились через Днепр у Соловьевой переправы. На правом берегу Днепра оставались лишь казаки Пла-

това, составлявшие арьергард армии. Войска 2-й армии 9 августа были уже в Дорогобуже, а войска 1-й армии заняли позицию у Умоля (8 верст не доходя Дорогобужа). Кавалерия Мюрата, корпуса Даву, Нея, а за ними войска Жюно, Понятовского и вице-короля двигались как столбовой, так и проселочными дорогами к Днепру. Они неотступно преследовали русскую армию.

Теперь и у Барклай-де-Толли переменился взгляд на дальнейший характер вооруженной борьбы. Видимо, и он понял, что должен быть предел для отступления. Чувствовал он и недовольство армии; среди народа поговаривали, что Барклай как бы ведет Наполеона к Москве. Если раньше до Смоленска и даже в Смоленске Барклай уклонялся от решительного сражения, то теперь он стал ярым сторонником его. Сразу же после переправы 1-й и 2-й Западных армий через Днепр Барклай-де-Толли поручил Толю и другим штабным офицерам найти подходящую позицию для генерального сражения. Сначала было намечено поле в районе Умоля. Сюда была стянута из Дорогобужа 2-я армия, примкнувшая к левому крылу 1-й армии, проведена рекогносцировка местности. И лишь невыгоды левого фланга, который легко можно было обойти, да угроза наседавшего противника заставили Барклая отказаться от этой идеи и отвести войска в ночь на 12 августа к Дорогобужу. А в следующую ночь войска получили новый приказ: выступить тремя колоннами к Вязьме.

Однако мысль о сражении не оставляла Барклая. К Вязьме и далее были посланы офицеры во главе с генерал-квартирмейстером Толем и начальником инженеров Труссоном для выбора и укрепления позиции, опираясь на которую можно было бы остановить противника и перейти в наступление. Из Семлева Барклай доносил Александру I: «Кажется, теперь настала минута, где война может принять благоприятный вид... наши войска подкрепляются резервом, который Милорадович ведет к Вязьме. Теперь мое намерение поставить у этого города в позиции 20 или 25 000 человек, и так ее укрепить, чтобы этот корпус был в состоянии удерживать превосходящего неприятеля, чтобы с большею уверенностью можно было действовать наступательно»¹⁸.

Итак, настал момент, когда оба полководца — и Наполеон, и Барклай-де-Толли — готовили свои армии к решительной схватке. Русская армия, планомерно отступая, выбирала удобную позицию, французская же следовала

за ней по пятам, готовясь в любое время вступить в сражение.

Правда, положение во французской армии теперь было иное, чем в начале войны или даже месяц назад. Длительными переходами и боями она была сильно ослаблена. Если при вторжении в Россию в корпусах Даву, Нея, Богарне, Понятовского, Жюно и императорской гвардии, т. е. тех войсках, которые действовали на московском направлении, насчитывалось около 280 тыс человек, то перед Смоленским их было 200 тыс человек¹⁷, а спустя две недели — лишь 135 тыс человек¹⁸. Таким образом, главные силы французской армии за два с половиной месяца уменьшились вдвое.

Еще хуже обстояло дело во французской армии с лошадьми. Большое напряжение, которое испытывала кавалерия в боях и походах, постоянный недостаток фуража привели к гибели большого числа лошадей. Коленкур утверждает, что еще до Смоленска «в строю оставалось никак не больше половины того числа лошадей, которые были налицо в начале кампании»¹⁹. Оставшиеся же лошади были чрезвычайно изнурены, многие из них еле тащились. Фуражиры, отправлявшиеся в поисках продовольствия и фуража, как правило, попадали в руки партизан.

В письменных французских источниках того времени много говорится о трудностях, которые испытывала армия. В сообщениях военного министра де Фельтра из Славково от 15 августа, донесении командира резервного корпуса генерала Латур-Мобура из Рычкова от 19 августа встречаются заявления о том, что дороги и мосты разрушаются русскими, чтобы задержать продвижение французов, все деревни пустыны, и невозможно найти ни провианта людям, ни фуража лошадям, стоит невыносимая жара, целый месяц не было дождей, по дорогам много отставших солдат разных полков и корпусов.

Жители городов и сел встречали наполеоновскую армию враждебно. Большинство населения оставляло свои жилища, угоняло скот, уничтожало посевы. Люди отступали вместе с армией, уходили в леса, объединялись в партизанские отряды, устраивали засады и нападали на колонны противника. «Мы испытывали, — пишет Коленкур, — столько нужд, столько лишений, мы были так истомлены, Россия показалась нам такой неприступной страной, что термометр чувств, мнений и размышлений очень многих людей надо было искать в их желудке»²⁰.

Наполеон хорошо сознавал трудности, связанные со снабжением армии продовольствием и фуражом. Чтобы преодолеть их, он шел на крайние меры. Так, 8(20) августа им был издан указ о реквизиции зерна, скота, сена, соломы у жителей семи губерний, а именно: Вильненской, Гродненской, Минской, Белостокской, Могилевской, Витебской и Смоленской. «Мы, Наполеон, император Франции, король Италии, протектор конфедерации Рейна, арбитр конфедерации Швейцарии, постановили и повелеваем осуществить реквизицию в количестве:

- один миллион двести тысяч квинталов²¹ зерна,
- шестьдесят тысяч голов скота,
- двенадцать миллионов буасо²² овса,
- сто тысяч квинталов сена,
- сто тысяч квинталов соломы»²³.

Реквизицию по губерниям предписывалось осуществить в следующих размерах:

	Зерно, ц	Скот, голов	Овес, ц	Сено, ц	Солома, ц
Вильно	100 000	10 000	208 000	9 000	9 000
Гродно	75 000	8 000	166 400	6 000	6 000
Минск	100 000	10 000	208 000	10 000	10 000
Белосток	25 000	2 000	41 600	2 000	2 000
Могилев	150 000	14 000	291 200	11 000	11 000
Витебск	75 000	9 000	187 200	7 000	7 000
Смоленск	75 000	7 000	145 600	5 000	5 000
Итого	600 000	60 000	1 248 000	50 000	50 000

Реквизицию зерна, овса, сена и соломы предлагалось провести в течение трех месяцев, а скота — в шестимесячный срок. Начальнику штаба, военному министру, генеральному интенданту предписывалось использовать все средства для проведения этой реквизиции²⁴. Однако и такие меры не давали желаемых результатов.

Наполеон, его маршалы, генералы и офицеры чувствовали и понимали всю сложность обстановки. И, естественно, они искали выход в крупном сражении, которое, по их мнению, могло вывести французскую армию из кризиса. Но теперь, когда русские армии соединились, пополнились резервами, включая и все большую помощь от населения, становилось очевидным, что не так легко будет добиться победы.

Мыслился еще один выход: заключение мира. Наполеон долго доказывал генералу Тучкову, попавшему в плен, необходимость заключения мирного договора, не доводя дело до кровопролитного сражения: «Я ничего более не желаю, как заключить мир. Мы уже довольно сожгли пороху и пролили крови... За что мы деремся? Я против России вражды не имею... Зачем нам далее проливать кровь по-пустому? Не лучше ли вступить в переговоры о мире до потери сражения, чем после? Да и какие последствия должно иметь для вас проигранное сражение? Я займу Москву, и какие бы я ни принял меры для избавления ее от разорения, ничто не поможет. Занятая неприятелем столица похожа на женщину, потерявшую честь: что ни делай после, но чести возвратит уже невозможно»²⁵.

В этом же духе Наполеон написал письмо Барклайде-Толли с просьбой передать его Александру I. Но ответа не получил.

Не только армия, но и вся Россия готовилась к самоотверженной борьбе с врагом, хотя войска все еще отступали, хотя они вынуждены были оставить Вязьму и идти к Царево-Займищу, где готовились позиции для сражения.

После переправы через Днепр, начиная от Дорогобужа, французская армия двигалась одной колонной. Можно указать на два обстоятельства, заставившие французскую армию держаться столбовой дороги. Во-первых, нельзя было отставать от русских войск. Мюрат должен был все время следить за казаками Платова, составлявшими арьергард русской армии. Во-вторых, не так уж безопасно было двигаться по лесным и проселочным дорогам Смоленщины, где уже делали свое дело крестьянские партизанские отряды. Кроме того, близлежащие к дороге деревни не представляли большого интереса для французов, так как были пусты. Крестьяне ушли в партизаны или ополчение, а фураж, продовольствие, скот — все отдавалось русской армии.

Наполеон в ночь на 13 августа выехал из Смоленска и догнал армию в Дорогобуже. Он был мрачен и молчалив. Уставшая и голодная армия шла по пустынной дороге. 15 августа Наполеон ночевал в Славкове, а 16-го был уже в Вязьме. Впереди была Москва. До нее оставалось не более 200 верст. Наполеон пытался установить, где же остановится русская армия? Будет ли защищать она свою древнюю столицу?

НАКАНУНЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СРАЖЕНИЯ

1

Прошло уже два месяца войны. Огромная территория оказалась захваченной врагом. В стране создалось крайне напряженное положение. Военные неудачи, недовольство нерешительностью Барклая-де-Толли крайне осложнили взаимоотношения внутри генералитета. Отношения между командующими армиями Барклаем-де-Толли и Багратионом в силу существовавших между ними разногласий во взглядах на способ ведения войны еще более обострились. В одном из своих писем к Ростопчину Багратион с горечью писал: «Я болен от непостижимых отступлений...»¹. «Куда вы бежите? Ей-богу, неприятель места не найдет, куда ретироваться. Они боятся вас, войско ропщет, все недовольны... Зачем побежали? Надобно наступать... А я бы тогда помог. Уже истинно еле дышу от досады, огорчения и смущения. Я, ежели выберусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать армией и служить. Стыдно носить мундир. Ей-богу, болен. А если наступать будете с первой армией, тогда я здоров...» (3 июля). «Ретироваться трудно и пагубно. Лишается человек духу, субординации и все в расстройку. Ежели вперед не пойдете, я не понимаю ваших мудрых маневров. Мой маневр — искать и бить» (7 июля)².

Обращаясь к царю, Багратион рекомендовал установить в армии твердое единоначалие. Он писал: «Порядок и связь, приличные благоустроенному войску, требуют всегда единоначалие, а и более в настоящем времени, когда дело идет о спасении отечества, я ни в какую меру не отклонюсь от точного повиновения тому, кому благоугодно подчинить меня»³. Но когда все советы Багратиона оказались безрезультатными, он вынужден был заявить: «Я никак вместе с министром не могу. Ради бога, пошлите меня куда угодно, хотя полком командовать в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу; и вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно и толку никакого нет»⁴.

До предела натянутые отношения между командующими не могли долго оставаться незамеченными. Генералы, а вслед за ними офицеры и солдаты видели и созна-

вали, что действия войск не связывались каким-либо заранее продуманным планом. Армия не получала вовремя подкреплений, формирование резервов проходило крайне медленно и в незначительном количестве, в тылу не были подготовлены серьезные оборонительные укрепления, опираясь на которые можно было бы остановить дальнейшее наступление противника.

Недовольство отступлением росло не только среди войск. Дворянство и купечество были также серьезно обеспокоены создавшимся положением. Напряженная военная обстановка повелительно диктовала необходимость принятия решительных мер. Александр I в тот критический момент растерялся, не знал, что делать, хотя было совершенно очевидно, что прежде всего нужен полководец, способный возглавить вооруженные силы России и смело решать важнейшие стратегические вопросы, связанные с ведением войны.

Такой полководец был. Народ и армия в один голос называли имя М. И. Кутузова — выдающегося и опытейшего полководца, талантливого представителя школы А. В. Суворова.

Известие о вторжении наполеоновских войск в Россию застало Кутузова в его поместье Горошки Волынской губернии. И хотя был в отставке, он сбросил с плеч штатский сюртук, надел генеральский мундир и выехал в Петербург, несмотря на то что его туда не звали. Но Кутузов как подлинный патриот понимал, что сейчас не время для личных обид. Он был готов отдать все свои силы и многолетний боевой опыт для защиты Отечества от порабощения.

В тревожные дни приехал Кутузов в Петербург. Один за другим прибывали курьеры с печальными известиями об оставлении нашими войсками Вильно, Риги, Минска, о подходе наполеоновских войск к Пскову, Витебску, Могилеву. Особенно заволновались петербургская знать и государственные сановники, узнав о возможном движении крупных сил наполеоновской армии через Псков, Нарву на Петербург.

12 июля Кутузов был приглашен на срочно созванное секретное заседание Комитета министров. Председатель комитета Н. И. Салтыков обратился к нему с просьбой взять на себя командование Нарвским корпусом и принять неотложные меры для защиты Петербурга.

Прибывший в Москву Александр I выслушал полную тревоги информацию о положении в Петербурге и в тот

же день обратился к Кутузову с рескриптом: «Настоящие обстоятельства делают нужным составление корпуса для защиты Петербурга. Я вверяю оный вам»⁵.

В распоряжение Кутузова было предоставлено всего пять эскадронов драгун, девять батальонов пехоты и три роты артиллерии общей численностью около 8 тыс человек⁶. Разумеется, это были ничтожные силы для обороны Петербурга. Для организации надежной защиты столицы было решено срочно привлечь ополчение. 17 июля 1812 г. волею дворянства Кутузов был избран начальником Петербургского ополчения. Он принял это предложение, но, зная неприязнь к нему царя, писал ему: «Принял я сие предложение и вступил в действие по сей части, но с таким условием, что, будучи в действительной Вашего императорского величества военной службе, ежели я вызван буду к другой комиссии или каким-либо образом сие мое упражнение Вашему императорскому величеству будет неуместно, тогда я должность сию оставить должен буду другому по избранию дворянства»⁷.

Почти месяц Кутузов был начальником Петербургского ополчения. С необычайной энергией он создавал крестьянские дружины, вооружал и обучал их военному делу. Современники вспоминали, что, глядя на него, когда он с важностью заседал в Казенной палате и комитетах ополчения и входил во все подробности формирования бородатых воинов, можно было подумать, что он никогда до этого не стоял на высоких ступенях почестей и славы⁸.

Обстановка же на театре военных действий становилась все напряженнее. Необходимо было назначить единого главнокомандующего. Царь не хотел брать на себя ответственность в решении этого вопроса и возложил его на особый комитет.

В день падения Смоленска, 5(17) августа 1812 г., вечером в доме председателя Государственного совета генерал-фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова собрались члены чрезвычайного комитета: петербургский главнокомандующий С. К. Вязмитинов, тайные советники князь П. В. Лопухин и граф В. П. Кочубей, министр полиции А. Д. Балашев. После тщательного обсуждения создавшегося положения в армии члены комитета пришли к единодушному выводу, что одной из причин военных неудач является отсутствие единого главнокомандующего. Армии, действовавшие на значительном пространстве, оторванные одна от другой, не согласовывали свои дви-

жения, что приводило к крайне тяжелым последствиям: «Бывшая доселе недейтельность в военных операциях происходит от того, что не было над всеми действующими армиями положительной единоначальной власти...»⁹.

Единоначалие в военном деле — непреложный закон. И во главе армии должен быть полководец с непререкаемым авторитетом.

Встал вопрос: кого избрать главнокомандующим всеми русскими армиями? При определении кандидатуры на пост главнокомандующего комитет должен был основываться «на известных опытах в военном искусстве, отличных талантах, на доверии общем, а равно и на самом старшинстве»¹⁰. Для собравшихся было очевидным, что этими качествами больше всех обладал М. И. Кутузов. Но все так же прекрасно знали, что царь ненавидел его, что после аустерлицкой катастрофы о Кутузове при дворе и слышать не хотели. Долго искали, перебирали и обсуждали кандидатуры на пост главнокомандующего. Назывались имена Д. С. Дохтурова, А. П. Тормасова, Л. Л. Беннигсена, П. И. Багратиона. Но ни на одном из них члены комитета не могли остановиться. И когда было названо имя Кутузова, все облегченно вздохнули и пришли к единодушному убеждению: предложить Александру I назначить на пост главнокомандующего генерала от инфантерии Кутузова.

Не сразу царь согласился с предложением комитета. Три дня он размышлял и только 8 августа решился подписать указ сенату, в котором говорилось: «Нашему генералу от инфантерии князю Кутузову всемилостивейше повелеваем быть главнокомандующим над всеми армиями нашими»¹¹. В тот же день из Петербурга помчались курьеры к Барклаю-де-Толли, Багратиону, Тормасову и Чичагову с рескриптами Александра о назначении Кутузова. Вечером Кутузов был принят царем на Каменном острове. Аудиенция была непродолжительной. Распрошавшись с Кутузовым, Александр I сел за письменный стол и уже без притворства писал сестре Екатерине Павловне: «Я нашел, что настроение здесь хуже, чем в Москве и провинции; сильное озлобление против военного министра (Барклая), который, нужно сознаться, сам тому способствует своим нерешительным образом действий и беспорядочностью, с которой ведет свое дело. Ссора его с Багратионом до того усилилась и разрослась, что я был вынужден, изложив все обстоятельства небольшому нарочно собранному мной для этой цели комитету,

назначить главнокомандующего всеми армиями; взвесив все основательно, остановились на Кутузове, как на старейшем... Вообще Кутузов пользуется большой любовью у широких кругов населения здесь и в Москве»¹². Позже в письме той же сестре Александр I писал: «В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова; это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией, находя, что Барклай и Багратион оба неспособны на это, к тому же Барклай делал одну глупость за другой под Смоленском, мне оставалось только уступить единодушному желанию, и я назначил Кутузова. В тех обстоятельствах, в которых мы находимся, я не мог поступить иначе. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий голос»¹³.

Разумеется, личность полководца нельзя преуменьшать. Однако в прошлом в военной истории широко бытовала реакционная теория отрицания роли народных масс в войне, теория беспредельного господства полководца на войне, создавшая культ вокруг отдельных исторических личностей. Теория, согласно которой полководец — все, а армия — ничто, послушный инструмент в руках полководца, являлась господствующей теорией дворянской и буржуазной военной историографии.

Войны ведутся народами. Выдающиеся полководцы могут играть и действительно играют весьма важную роль в обеспечении победы в войне лишь тогда, когда они правильно учитывают объективные условия и, применяя высокие образцы военного искусства, умело используют силы и средства для достижения победы в вооруженной борьбе.

Полководец — звание высокое. И не многих этим почетным званием удостоила военная история. На ее страницах наряду с другими именами начертано имя великого русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова.

Жизнь и деятельность Кутузова протекала во второй половине XVIII — начале XIX в. То было время больших перемен в сфере общественно-политических отношений, период длительных и кровопролитных войн, следовавших почти непрерывно одна за другой. Кутузов активно участвовал во многих из них. С особой силой его военный гений проявился в годы борьбы с наполеоновской агрессией.

сией. В грозную пору 1812 года он возглавил вооруженные силы России. Под водительством Кутузова русская армия не только положила предел захватническим устремлениям Наполеона, остановив вражеское нашествие, но и нанесла сокрушительное поражение агрессору. Это предопределило конец военной карьеры Наполеона и крушение его империи.

И Наполеон и Кутузов — великие полководцы. Но их положение и их военные принципы были различными. Наполеон — всемогущий император, блестяще владевший стратегией генерального сражения, завоевывал одну страну за другой, покорял и поработал европейские народы. О нем как государственном и военном деятеле написаны тысячи книг. Вся его жизнь до мельчайших подробностей изучена и списана. О Наполеоне неоднократно выходили книги и в нашей стране.

Иное положение занимал Кутузов: профессиональный военный, вся жизнь которого прошла в непрерывных походах и сражениях, генерал, пользовавшийся огромнейшим авторитетом в народе и армии и в то же время нередко попадавший в немилость царского правительства. Пожалуй, самым разительным тому примером был 1812 год, когда царь Александр I, всегда несправедливый Кутузова, перед войной уволил его из армии, и тем не менее по требованию народа Кутузов был назначен главнокомандующим всеми русскими войсками. Какой нужно было иметь непререкаемый военный авторитет в стране, чтобы быть признанным первым ее полководцем! Каким нужно было обладать мужеством и талантом военного руководителя, чтобы, приняв армию в кризисный момент войны, повернуть ее ход в свою пользу, одержать верх над столь знаменитым полководцем, каким был Наполеон Бонапарт!

Наполеону вскоре стало известно об изменениях в верховном командовании русской армией. Назначение Кутузова он связывал с неперемнным изменением стратегии и тактики русских войск.

Наступал момент серьезных и решительных боев.

2

В 1812 г. Кутузову шел 68-й год. В тяжелый период войны он принял командование отступающей армией. Его назначение главнокомандующим весьма положительно сказалось на дальнейшем ходе войны. Это была не простая административная мера. Вступление Кутузова в

командование армией непосредственно связано с применением совершенно иной, чем до него, стратегической линии: значительно расширилось участие народных масс в войне.

Назначение Кутузова разрядило то крайнее напряжение в армии, которое возрастало с каждым шагом ее отступления. Кутузов вселил в войска веру в победу и поднял их боевой дух. В его руках сосредоточивалось не только руководство всеми армиями, но и решение важных вопросов, связанных с материально-техническим обеспечением войск и усилением их людскими резервами.

Часть историков связывали начало деятельности Кутузова в Отечественной войне 1812 года с моментом его прибытия в действующую армию в Царево-Займище. Это, конечно, не так. В первые же дни пребывания Кутузова на посту главнокомандующего еще в Петербурге он уже был занят разрешением важнейших вопросов¹⁴. После назначения главнокомандующим Кутузов пробыл в Петербурге всего три дня. 8 августа был подписан указ о назначении Кутузова, а утром 11 августа он выехал к армии. События развивались быстро, и, естественно, в такой напряженный момент он не смог оставаться долго в Петербурге.

Вступая на пост главнокомандующего, Кутузов никакого плана ведения войны не получил. Ему предоставлялась в этом отношении большая самостоятельность, в то же время на него возлагалась огромная ответственность. Кутузов хорошо понимал, что народ и армия ждут от него решительных действий, которые остановили бы дальнейшее продвижение противника в глубь страны.

Но ни народ, ни армия не могли знать, что достаточно подготовленных сил ни на фронте, ни в тылу для этого не было. Трезво оценивая обстановку, сложившуюся непосредственно на фронте, Кутузов пришел к выводу, что наличных войск, действовавших против превосходящих сил противника, крайне недостаточно. Армии нужны серьезные подкрепления.

Перед отъездом в армию 10 августа Кутузов заехал в Военное министерство и, не застав управляющего А. И. Горчакова, просил через чиновника доставить ему необходимые сведения, о существовании которых последний доложил князю Горчакову запиской следующего содержания: «Князь Кутузов покорнейше просит Ваше сиятельство сделать ему одолжение приказать собрать как можно скорее следующие сведения:

1-е — о рекрутских депо; где оные и в каком состоянии и вооружении находятся?

2-е — о войсках регулярных, внутри империи формирующихся.

3-е — не имеете ли сведения об успехе Московского, Смоленского и прочих ополчений». Прочитав записку, Горчаков наложил резолюцию: «Прикажи собрать все эти сведения и завтра поутру мне представь — смотри же, быстро и ясно»¹⁵.

На следующий день, 11 августа, Кутузов действительно направил официальный запрос в Военное министерство, в котором писал: «Милостивый государь мой, князь Алексей Иванович! Покорнейше прошу Ваше сиятельство доставить ко мне следующие сведения:

1-е — о всех рекрутских депо, ныне в наличности находящихся, о числе и о вооружении оных.

2-е — о тех регулярных войсках, которые внутри империи формируются; где и какой успех сего формирования происходит.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть Вашего сиятельства всепокорнейший слуга князь Михаил Г (оленищев) Кутузов»¹⁶.

Это был первый документ, исходивший от нового главнокомандующего. Чрезвычайно важно отметить, что большой полководческий опыт Кутузова дал ему возможность правильно определить ту главную силу, которая была способна изменить ход военных действий. Резервы — вот что интересовало Кутузова прежде всего. Это был кардинальный вопрос, от решения которого зависел исход войны.

Как видно из писем, относящихся к первым дням деятельности нового главнокомандующего, Военное министерство, не зная истинного положения дел с формированиями, указало на наличие в стране довольно крупных резервов. Были названы как находившиеся в готовности 55 батальонов пехоты, 26 эскадронов кавалерии, 14 артиллерийских рот, сосредоточенных в районе Калуги в Особом отряде (корпусе) генерала М. А. Милорадовича. Указывалось, что 2 дивизии, сформированные на Украине князем Я. И. Лобановым-Ростовским, направляются к Туле, идет успешная подготовка шести пехотных полков в Петербурге, Новгороде, Твери, Москве, Туле и Калуге, наконец, возлагались большие надежды на Московское ополчение. В общей сложности Военное министерство считало вполне возможным выставить дополнительно 100—120 тыс человек¹⁷.

Естественно, что создание в глубине страны сильных резервов и появление их перед лицом врага имело огромное значение. Увеличив армию за счет резервов и ополчения, Кутузов рассчитывал приостановить дальнейшее продвижение Наполеона в глубь страны, не допустить противника к Москве. В день отъезда из Петербурга, 11 августа 1812 г., Кутузов писал Милорадовичу: «Вам известно, что 1-я и 2-я наши Западные армии находятся у Смоленска... Нынешний предмет состоит в преграде пути неприятельскому в Москву, к чему, вероятно, и все меры командующими нашими армиями предприняты. Но, зная Вас с войсками, Вашему высокопревосходительству вверенными, в расположении от Москвы до Калуги, поставлено в виду войскам иметь вторичную стену противу сил неприятельских на Москву по дороге от Дорогобужа в той надежде, что Вы, расположив войска, Вам вверенные, сообразно сему предмету, противопоставите силам неприятельским их мужество и вашу твердость с тем, что найдет враг наш другие преграды на дороге к Москве, когда бы, паче чаяния, силы 1-й и 2-й Западных армий недостаточны были ему противостоять. Расположение Ваше должно быть и в таком смысле, чтобы могли сии армии при надобности удобно опираться на Вас и Вами пользоваться»¹⁸.

В тот же день Кутузов направил письмо графу Ростопчину, в котором писал: «К Вашему сиятельству обращаюсь я с тем, чтобы по требованию генерала Милорадовича усилили его всеми теми войсками, которые уже до некоторой зрелости в формировании своем достигли, дабы тем главная армия нашла себе новый источник к усилению»¹⁹.

За день до отъезда Кутузова в армию царскосельский исправник Маничаров получил от петербургского губернатора М. М. Бакунина извещение, что главнокомандующий армией генерал от инфантерии князь М. И. Голенищев-Кутузов завтра поутру рано отправляется из Петербурга по Московскому тракту и ему необходимо выделять на станциях по 50 лошадей.

Провожаемый многочисленными жителями, Кутузов 11 августа покинул Петербург. Его путь к армии проходил по Московскому тракту через Ижору, Новгород, Яжелбицы, Торжок, Ржев, Гжатск. Почти на каждой почтовой станции Кутузов направлял курьеров с письмами к Милорадовичу, Ростопчину, Чичагову, Барклаю-де-

Толли, в Военное министерство. Общий тон этих писем — всемерное усиление действующей армии.

Каковы же были в действительности возможности страны для пополнения действующей армии свежими войсками? Как на самом деле обстояло дело с резервами? Царь и Военное министерство слишком поздно спохватились исправлять допущенные ошибки. Дело в том, что до вторжения Наполеона в Россию успешных практических мер для создания крупных резервных формирований предпринято не было. Запасные батальоны и рекрутские депо, разбросанные по всей России, находились в крайне запущенном состоянии и не были в какой-либо степени источником пополнения действующей армии. Сказалась переоценка своих сил и недооценка, или, справедливее сказать, незнание сил противника. Значительное численное превосходство противника было установлено русским командованием лишь после его вторжения в Россию.

Первое распоряжение о формировании войск в тылу относится к 25 июня. В рескрипте на имя малороссийского генерал-губернатора Я. И. Лобанова-Ростовского царь требовал как можно скорее собрать несколько казачьих полков и направить их по мере готовности в Калугу и Тулу. Вслед за этим 27 июня Александр I отдал распоряжение управляющему Военным министерством генерал-лейтенанту А. И. Горчакову: за счет запасных рекрутов, находившихся в депо 2-й линии (Старая Русса, Торопец, Вязьма, Рославль, Сумы), сформировать шесть пехотных полков, расположив их в Петербурге, Новгороде, Твери, Москве, Туле и Калуге²⁰. Согласно приложенному к письму расписанию о своде рекрутов, каждый пехотный полк получал из рекрутского депо 1446 солдат²¹.

Большие трудности первого этапа войны и вполне определившееся численное превосходство противника заставили Александра I от нерешительных и незначительных мер по формированию и сбору пополнения перейти к более энергичным действиям. С этой целью в начале июля были отданы распоряжения о стягивании в Калугу формировавшихся до этого в Стародубе, Новгороде-Северском, Конотопе, Ромнах, Сумах, Изюме, Глухове, Рославле, Торопце всех рекрутских четвертых батальонов, кавалерийских эскадронов и артиллерийских рот. По расчетам Военного министерства это должно было составить один корпус из 55 батальонов, 26 эскадронов и 14 артиллерийских рот. Общее командование войсками царь пору-

чил генералу от инфантерии Милорадовичу, освободив его от должности киевского военного губернатора. Поручая Милорадовичу создать полки, бригады и дивизии из поступающих в Калугу батальонов, царь указывал ему: «Сей предмет соделывается тем более важным в настоящем положении дел, что войска под начальством Вашим должны будут служить основанием для образования общего большого воинского ополчения»²².

Если учесть, что эти крайне запоздалые мероприятия царского правительства по формированию резервных частей и сосредоточению их на наиболее важных стратегических направлениях повсеместно встречали довольно сильные препятствия (замедленный сбор на пункты формирования, недостаток обмундирования, отсутствие оружия, затруднения в транспортировке рекрутов), то станет очевидным, что пополнение в ближайшее время действующей армии свежими силами представлялось далеко не в таком радужном свете, как это казалось в Военном министерстве. Все это не помешало Военному министерству преувеличить наличие готовых вооруженных сил в стране. Правда, выводы министерства частично строились на хвастливых донесениях графа Ростопчина в Военное министерство и министру полиции А. Д. Балашеву об успешном комплектовании корпуса генерала Милорадовича и наборе военной силы. Так, в донесении Балашеву в первых числах августа 1812 г. Ростопчин сообщал: «Приезд Милорадовича и уверение, что к 6 августа от Калуги до Можайска будет 31 тыс славных войск и 30 тыс московской силы, придали бодрости малому числу бледных и трепещущих»²³.

Версия о том, что генерал Милорадович создал сильный отряд, идущий навстречу армии, получила настолько широкое распространение, что иностранные историки сообщают об этом как о бесспорной истине. Так, полковник Г. Д. Гутчинсон в своей книге, посвященной Отечественной войне 1812 года, говоря о действиях русской армии под командованием Барклая-де-Толли, пишет: «Когда он соединился в Гжатске 29 августа с подкреплением в 60 тыс человек под начальством генерала Милорадовича, то решил, что наступило время остановиться и открыто помериться силами с его великим соперником. Едва он принял это решение, как был замечен генералом Кутузовым»²⁴.

Все это вместе взятое — информация Военного министерства, письма Ростопчина — дало основание Кутузову

рассчитывать на значительное увеличение армии за счет резервов и ополчения, и в первую очередь, конечно, на использование для этой цели корпуса Милорадовича и Московского ополчения. Усилив армию этими войсками, Кутузов полагал вполне возможным приостановить дальнейшее продвижение Наполеона в глубь страны, разгромить французов еще до подхода их к Москве. Он часто говорил: «Настоящий мой предмет есть спасение Москвы самой»²⁵.

Главнокомандующий рассчитывал не только на усиление армий, действовавших на московском направлении. Разумеется, это были главные силы, ближайшие задачи которых состояли в том, чтобы активной обороной приостановить дальнейшее продвижение противника, не допустить его подхода к Москве. Полный же разгром врага, несомненно, требовал координации действий всех армий и их активного участия в борьбе. Полководец пришел к выводу о необходимости перенесения основных усилий Дунайской и 3-й Западной армий также против главной группировки наполеоновских войск, приближавшейся к Москве. Свое решение Кутузов изложил в письмах командующим Дунайской и 3-й Западной армиями²⁶. На остановке в Яжелбицах 14 августа он отправил письмо П. В. Чичагову, в котором сообщал: «Неприятель, соединивши почти все свои силы, находится уже между Смоленском и Москвой; наши две армии, 1-я и 2-я, по последним известиям около Дорогобужа... Из сих обстоятельств вы легко усмотреть изволите, что невозможно ныне думать об отдаленных каких-либо диверсиях, но все то, что мы имеем 1-й и 2-й армии, должно бы действовать на правый фланг неприятеля, дабы тем единственно остановить его стремление. Чем далее будут переменяться обстоятельства в таком роде, как они поныне, тем сближение Дунайской армии с главными силами делается нужнее»²⁷. Командующему 3-й Западной армией Тормасову Кутузов в тот же день, 14 августа, писал: «Теперь не время думать об отдаленных экспедициях, но все внимание остановить быстрому ходу неприятельскому, а потому и армия, вам вверенная, обязана действовать на правый фланг стремящегося неприятеля»²⁸.

Таким образом, основная стратегическая идея Кутузова состояла в объединении усилий всех армий на наиболее важном операционном направлении, где решалась судьба войны.

Из приведенных выше документов видно, что Кутузов стремился к тому, чтобы, усилив 1-ю и 2-ю Западные армии за счет обещанных Военным министерством крупных резервных формирований, перейти к активной обороне, остановить дальнейшее продвижение наполеоновской армии, а затем совместно с войсками Дунайской и 3-й Западной армий (которые должны были выйти к этому времени на правый фланг и тыл противника) развернуть активные наступательные действия и нанести противнику сокрушительное поражение. Реализация этого плана могла привести к резкому изменению всей стратегической обстановки.

Само собой разумеется, что созревшая идея борьбы с Наполеоном основывалась на той конкретной военно-стратегической обстановке, какая была обрисована полководцу в документах, полученных в Военном министерстве. Вплоть до приезда Кутузова в армию, когда он еще не знал действительной обстановки на фронте и пока для него было скрыто фактическое положение с резервами, эта идея перехода к активным наступательным действиям против Наполеона находила свое выражение и в словах, и в действиях полководца.

Прибыв 17 августа в Гжатск, Кутузов встретил здесь штабных офицеров, высланных Барклаем-де-Толли для обозрения оборонительных позиций по Московской дороге. «Не нужно нам позади армий никаких позиций; мы и без того слишком далеко отступили»²⁹, — сказал Кутузов и отправил офицеров назад в армию. Через два часа Кутузов уже въехал в Царево-Займище, где находилась вся армия. Обходя почетный караул в Царево-Займище, Кутузов сказал довольно громко: «Ну, как можно отступать с такими молодцами!».

Однако 19(30) августа неожиданно для всех войска получили приказ Кутузова — отступать. Существуют самые различные объяснения и толкования принятия такого решения. Некоторые исследователи склонны считать, что отход русской армии был вызван желанием дать бой на более благоприятной позиции. Еще будучи в Семлево, 14 августа Барклай-де-Толли такими словами заканчивал донесение царю: «Итак, вот минута, где наше наступление должно начаться»³⁰. Та же мысль, но с большей определенностью высказана Барклаем-де-Толли еще раньше, в письме к Ростопчину, в котором он сообщал, что после отступления армий из Смоленска положение дел непременно требует, чтобы было дано генеральное сражение³¹.

Свое решение дать генеральное сражение, не ожидая подкреплений, Барклай-де-Толли стал с еще большей настойчивостью проводить по прибытии армии в Царевозаймище. Он стремился во что бы то ни стало именно здесь, на этой позиции, встретить Наполеона. Об этом весьма убедительно сообщает в своих записках офицер квартирмейстерской части А. А. Щербинин: «Приходим в лагерь перед Царевом-Займищем. Речка с чрезвычайно болотистыми берегами находится непосредственно позади линий наших. Слишком опасно принять сражение в такой позиции. Не менее того, Барклай на то решиться хочет. Толь до такой степени убежден был в опасности этого лагеря, что бросается перед Барклаем на колени, чтобы отклонить его от намерения сражаться здесь. Барклай не внимает убеждениям своего генерал-квартирмейстера»³².

Что же заставило Кутузова принять решение об отходе армий в глубь страны? Кутузову было нелегко решиться на этот шаг. Его адъютант, князь Голицын, свидетельствует, что всю ночь накануне главнокомандующий провел в расчетах, обдумывая создавшееся положение.

До Москвы оставалось около 150 километров. Русская армия, прошедшая за два месяца отступления более 800 километров, нуждалась в отдыхе, а главное — в подкреплении свежими силами, так как за русской армией неотступно шла численно превосходившая ее французская армия, готовая в любой момент обрушиться на своего противника.

Самым большим ударом для Кутузова в тот момент явилось то, что резервов, о наличии и готовности которых его уверяли в Военном министерстве и на силу которых он возлагал большие надежды, в действительности не оказалось. Остановить и разбить противника было нечем. Наличных сил было явно недостаточно. Вместо ожидавшегося прибытия в армию 60-тысячного корпуса Милорадовича последний привел в Гжатск только 15—16 тыс. наспех собранных необученных солдат³³.

Ростопчин, хвастливо доносивший об успешном формировании ополчения, или так называемой «Московской военной силы», уверял Военное министерство, что состав ее в ближайшее время будет доведен до 75 тыс человек. В действительности из числившихся по списку к концу августа 25 822 человек³⁴ Ростопчин после настоятельных просьб Кутузова был в состоянии направить в действующую армию только 15 тыс недостаточно обученных ополченцев. Это было все, что можно было получить для

укомплектования и увеличения численного состава армии. Совершенно очевидно, что такие силы не могли повлиять на исход борьбы.

Таким образом, та «вторая стена», на которую Кутузов надеялся опереться в боях с Наполеоном, рухнула в самый ответственный момент Отечественной войны 1812 года. Позади — от Гжатска до самой Москвы — не было более никаких регулярных войск. Только на Украине очень медленно формировал казачьи полки Я. И. Лобанов-Ростовский, да шесть полков готовилось в районе Новгорода и Твери.

Кутузов в первом же донесении царю, объясняя причины отступления армии, писал 19 августа 1812 г.: «Я нашел, что многие полки от частых сражений весьма истощились», и поэтому просил царя в связи с тем, что войска, приведенные Милорадовичем, крайне незначительны и ненадежны, усилить армию «через приобщению некоторых полков, формируемых князем Лобановым-Ростовским». В заключении донесения Кутузов писал: «Усилясь таким образом... в состоянии буду для спасения Москвы отдаться на произвол сражения, которое, однако же, предпринято будет со всеми осторожностями, каких важность обстоятельств требовать может»³⁵.

Александр I совершенно недвусмысленно дал понять Кутузову, чтобы он на эти резервы не рассчитывал. Вот его ответ: «Касательно уже упоминаемого Вами распоряжения о присоединении от князя Лобанова-Ростовского новоформируемых полков я нахожу оное к исполнению невозможным по неготовности еще сих полков. Посему и нахожу необходимым, дабы Вы формируемых полков под ведением генерала князя Лобанова и генерал-лейтенанта Клейнмихеля в армию не требовали»³⁶.

Таким образом, тяжелая стратегическая обстановка, и прежде всего недостаток сил и отсутствие резервов, заставили главнокомандующего принять решение отвести армию в глубь страны с тем, чтобы еще более оторвать армию Наполеона от баз и резервов и, усилив свою армию, нанести ему сокрушительное поражение в изматывающем большом сражении.

Главное и принципиально новое состояло в том, что Кутузов решил применить качественно отличную форму борьбы. Если Наполеон стремился добиться победы одним ударом в гегеральном сражении, сосредоточивая для этого все силы, то Кутузов противопоставил Наполеону другую стратегию, сочетавшую в себе целую систему

отдельных сражений, растянутых в глубину, маневров, активную оборону с последующим переходом в контрнаступление.

Продолжая отводить армию в глубь страны, Кутузов уже тем самым как бы подготавливал необходимые условия для последующего перехода к активным наступательным действиям. В этом отношении грандиозное сражение у Бородина сыграло огромную роль. Оно было обусловлено прежде всего стратегической целесообразностью, направленной на срыв наполеоновского плана достижения победы в одном генеральном сражении.

Но главное — позади была Москва. Без сражения дальше отступать было нельзя.

Глава шестая

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

1

Историческому дню 26 августа (7 сентября) 1812 г. посвящена обширная литература. О Бородине писали историки и писатели, стратеги и тактики. Кстати, во Франции Бородинское сражение именуется как «битва под Москвой»¹. Но в российской военной истории, пожалуй, нет другого события, которое с такой силой привлекало бы к себе внимание людей многих поколений, заставляло бы восторгаться и преклоняться перед мужеством и героизмом русских людей, защищавших свою Родину.

Ознакомление с дореволюционной литературой о Бородинском сражении показывает, что авторы, как правило, лишь описывали ход сражения. Что же касается анализа и общей оценки роли и места Бородинского сражения в войне, то это не нашло достаточно полного освещения.

В течение долгого времени в литературе существовало мнение о якобы стихийном возникновении Бородинского сражения. Иностранные историки (Вандаль, Сорель, Мадлен и др.)² настойчиво утверждали, что Наполеон, владея стратегической инициативой и стремясь во что бы то ни стало разгромить русскую армию, заставил Кутузова пойти на это сражение. Аргументы их в основном сводились к тому, что Наполеон, развивая наступление на Москву, поставил русскую армию в безвыходное положение, что наседавшая наполеоновская армия так прижала русских, что им просто некуда было деваться.

Другая, довольно большая группа историков утверждала, что причиной сражения у Бородина явилась необходимость удовлетворить общественное мнение и что Кутузов вопреки военным соображениям, в угоду лишь царю и дворянству решил пойти на это кровопролитное сражение. Клаузевиц писал: «Кутузов, наверное, не дал бы Бородинского сражения, в котором, по-видимому, не ожидал одержать победу, если бы голоса двора, армии и всей России не принудили его к этому. Надо полагать, что он смотрел на это сражение как на неизбежное зло»³.

Военный историк генерал Н. П. Михневич также счи-

тал, что Кутузов вопреки военным соображениям (лишь бы приобрести моральное право оставить Москву неприятелю) решился на это сражение. «Бородинское сражение... — писал Михневич, — было, как известно, очистительной жертвой за оставление Москвы. Отдать московские святыни без боя было дело невозможное. Кутузов это понимал и, несмотря на то что он был сторонником стратегии изнурения противника посредством постоянного уклонения от боя и отступления в глубь страны, все-таки решил дать оборонительное сражение на позиции у с. Бородина...»⁴

При внимательном ознакомлении с обстановкой, предшествовавшей сражению, с распоряжениями и действиями Кутузова выясняется вся несостоятельность этих предположений. Если обратиться к документам, исходившим от Кутузова за несколько дней до сражения, то все они подтверждают два основных положения: во-первых, что это сражение планировалось Кутузовым заранее и предпринято по его собственной инициативе, во-вторых, что его основная цель состояла не только в том, чтобы обескровить противника, вывести из строя его лучшие силы и приостановить дальнейшее наступление, но и не допустить Наполеона к Москве.

За неделю до Бородинского сражения Кутузов, излагая командующему 3-й Западной армией генералу Торماسову план предстоящих действий русской армии, сообщал: «Прибыв к армиям, нашел я их отступление у Гжатска. Настоящий предмет движения оных состоит в том, чтобы силами, еще в ресурсе сзади находящимися, усилить их в такой степени, что желательно бы было, чтобы неприятельские немногим чем нас превосходили... Таким образом, ожидать буду я неприятеля на генеральное сражение у Можайска»⁵. Об этом же он писал и командующему Дунайской армией адмиралу Чичагову: «Я, прибыв к армии, нашел неприятеля в сердце древней России, так сказать, над Москвою, и настоящий мой предмет есть спасение Москвы самой»⁶. О своем решении дать сражение наполеоновской армии Кутузов сообщает в письмах в Военное министерство, царю, Ростопчину и Милорадовичу. В общем «как бы то ни было, — доносил Кутузов Александру I, — Москву защищать должно»⁷.

Готовясь к Бородинскому сражению, русское командование развернуло активную деятельность. Оно стремилось обеспечить своим войскам наиболее выгодные условия

борьбы и с этой целью подтягивало наличные резервы; для содействия регулярным войскам привлекалось народное ополчение. Генералу Д. И. Лобанову-Ростовскому, готовившему резервные полки, Кутузов приказывал из Костромы, Владимира, Рязани, Тамбова, Ярославля и Воронежа, из каждого места по два полка направить к Москве⁸. За три дня до сражения Кутузов в письме Н. И. Салтыкову просил его: «Ради бога, м[илостивый] г[осударь] граф Николай Иванович, постарайтесь, чтобы рекрутские депо второй линии приблизились к Москве, дабы армию содержать в некотором комплекте. Если полки мои в комплекте, то, ей-богу, никого не боюсь!»⁹.

Одновременно с усилением армии за счет резервов, находившихся в тылу, были отданы, как мы уже знаем, распоряжения командующим 3-й Западной и Дунайской армиями о повороте их основных сил на главное направление, о необходимости действовать на правый фланг неприятеля и выйти в его тылы. Действия русского командования были направлены к тому, чтобы разгромить в генеральном сражении основные силы противника и затем поставить их под двойной удар: с одной стороны, наступавших войск 1-й и 2-й Западных армий, с другой — войск Дунайской и 3-й Западной армий, которые должны были выйти на пути отступления противника и тем самым закрыть ему все дороги и поставить его в безвыходное положение. К сожалению, требования главнокомандующего о присоединении Дунайской и 3-й Западной армий остались невыполненными, хотя, как известно, заключенный с Турцией Бухарестский мир давал возможность перебросить Дунайскую армию для обороны западных границ.

Таким образом, Бородинское сражение проходило в весьма неблагоприятной обстановке: во-первых, обещанное правительством значительное усиление армии срывалось; во-вторых, распоряжения главнокомандующего о координации действий всех армий не выполнялись. Все это, разумеется, сказалось как на исходе Бородинского сражения, так и на дальнейших событиях войны.

Ошибочно представляя себе замысел сражения, западные военные историки несправедливо обвиняют Кутузова также в том, что он не сумел выбрать для сражения подходящей местности. Эту же версию повторяют и некоторые русские историки, считая, что Кутузов совсем не выбирал позиции, а, прижатый Наполеоном, остановился на неправильно выбранной и оцененной местности¹⁰.

Военный историк А. К. Байов утверждал, что Кутузов не придавал значения выбору позиции для Бородинского сражения: «Расположение войск на позиции не вполне соответствовало ни значению, ни свойствам ее различных участников»¹¹.

Такие выводы ошибочны и с исторической, и с военной точек зрения. Выбор местности для боя или сражения, разумеется, не второстепенный фактор. Местность всегда, а в те времена особенно имела чрезвычайно важное значение. Она оказывала влияние на выбор направления главного удара, от нее зависели расположение и группировка войск и их использование в сражении.

Готовясь к сражению с численно превосходившим противником, Кутузов, естественно, принял все меры к тому, чтобы найти наиболее удобную позицию на пути от Царево-Займища до Можайска. Для этого были заранее посланы вперед опытные офицеры. По приезде в Горки Кутузов утром 22 августа сразу же поехал осматривать позицию и лично отдавал распоряжения по ее укреплению.

Избранная позиция защищала основные пути, ведущие к Москве: ее фланги не могли быть обойдены, так как они прикрывались: правый фланг — рекой Москвой, а левый — полосой лесов. Позиция возвышалась над впереди лежавшей местностью и давала хороший обзор и возможность обстрела для артиллерии. Реки и овраги, находившиеся впереди фронта, мешали французской армии свободно маневрировать. Равнинная местность допускала, за исключением отдельных участков, ведение пехотой атак в батальонных колоннах и использование крупных соединений кавалерии. Южная часть позиции имела лесистый, закрытый характер и стесняла действия войск, особенно конницы.

Позиция была хорошо оборудована в инженерном отношении. В центре, на высоте Курганной, русские возвели 18-орудийную батарею. Ее назвали именем генерала Н. Н. Раевского, войска которого оборонялись на этом участке. На правом фланге, у деревни Маслово, находилось несколько редутов и люнетов («Масловские укрепления»). На левом фланге, у деревни Семеновское, построили три флешы. Позднее их назвали «Багратионовыми» в честь П. И. Багратиона. К западу от флешей, у деревни Шевардино, был сооружен редут, игравший роль передового опорного пункта. Тыл позиции, особенно на левом фланге, прикрывался лесным массивом, что обес-

печивало скрытное расположение войск и маневр резервами.

Бородинская позиция резко ограничивала возможности Наполеона в выборе формы маневра. Наиболее уязвимая часть боевого порядка — фланги — была в результате искусного использования местности надежно прикрыта. Охват флангов был затруднен. Можно было произвести глубокий обход, но это привело бы к чрезмерной растяжке фронта и ослаблению сил.

Наполеон был вынужден, таким образом, принять сражение на невыгодной для него местности и применить фронтальный удар на узком участке фронта. Совершенно очевидно, что не Наполеон, а Кутузов диктовал условия предстоящего сражения. Кутузов с полным основанием доносил царю: «Позиция, в которой я остановился, при деревне Бородине, в 12 верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции; тогда имею я большую надежду к победе»¹².

Готовясь к сражению, командование русской армии умело расположило войска на позиции, создав глубокий боевой порядок. Основу его составляли четыре группировки: правое крыло, центр, левое крыло и резервы. На правом крыле, на участке от села Малое до деревни Горки, располагались 2-й и 4-й пехотные корпуса, а за ними находился 2-й кавалерийский корпус. Резерв русских войск правого крыла состоял из 1-го кавалерийского корпуса генерала Ф. П. Уварова, расположенного справа за открытым флангом позиции. Девять казачьих полков М. И. Платова, находясь также в резерве, стояли на опушке Масловского леса. Таким образом, на правом крыле были сосредоточены два пехотных, два кавалерийских корпуса и казачьи полки Платова, всего более 30 тыс человек. Командование этой группой войск было возложено на генерала Милорадовича. Войска правого крыла должны были надежно прикрывать кратчайший путь на Москву. Кроме того, они были тем резервом, который Кутузов мог использовать для маневра с целью усиления левого фланга и центра, а также для нанесения сильных контрударов противнику.

В центре позиции от деревни Горки до батареи Раевского находился 6-й пехотный корпус Дохтурова, а позади него — 3-й кавалерийский корпус. Войска центра

прикрывали Новую Смоленскую дорогу и подступы к батарее Раевского со стороны Бородина.

Обе эти группировки состояли из войск 1-й армии и подчинялись Барклаю-де-Толли.

На участке между батареей Раевского и Шевардином были расположены 7-й пехотный корпус Н. Н. Раевского, 8-й пехотный корпус М. М. Бороздина с 27-й пехотной дивизией Д. Н. Неверовского под общим командованием Горчакова 2-го. Позади 7-го корпуса стал 4-й кавалерийский корпус. За открытым левым флангом был поставлен особый резерв в составе: 2-й кирасирской дивизии, сводно-гренадерской дивизии М. С. Воронцова и резервной артиллерии 2-й армии. Для наблюдения за левым флангом позиции было выделено восемь казачьих полков А. А. Карпова. Войска левого фланга общей численностью около 30 тыс человек, включая и частный резерв, подчинялись командующему 2-й армией генералу Багратиону.

Впереди всего расположения русских войск были развернуты цепи егерей. Центр позиции прикрывался тремя передовыми отрядами, которые располагались у Бородина, на правом берегу реки Колочи и против батареи Раевского.

Общий резерв обеих армий в составе 3-го и 5-го пехотных корпусов, 1-й кирасирской дивизии, резервной артиллерии и ополчения был расположен за центром позиции — в районе Князькова, близ Новой Смоленской дороги¹³. Численность резерва доходила до 40 тыс человек.

Резервам придавалось большое значение. Наличие крупных резервов, в том числе артиллерийского, позволило придать обороне активный характер и вести длительное сражение, истощая атакующего врага. В диспозиции Кутузова указывалось, что «резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранил еще резерв, не побежден»¹⁴.

Реализуя указания Кутузова об умелом использовании резервов, Барклай-де-Толли потребовал от подчиненных командиров «без особой надобности не вводить в дело резервы свои»¹⁵. «Резервы иметь сильные, — указывал Багратион, — и сколько можно ближе к укреплениям, как батарейным, так и полевым»¹⁶. Конечно, резервы, расположенные вблизи от укреплений, несли потери от артиллерийского огня противника. Однако требование Багратиона вызывалось необходимостью: штыковой бой, часто применявшийся в то время, был скоротечен, поэтому резервы обороняющегося должны были находиться близко,

чтобы поспеть к атакованным войскам раньше, чем те будут сломлены.

Основная группировка армии сосредоточивалась на правом фланге. Около 70% всех сил было сконцентрировано у Новой Смоленской дороги. В результате всестороннего анализа обстановки Кутузов пришел к правильному решению: прочно прикрывать Новую Смоленскую дорогу, как основное стратегическое направление на Москву (остальные пункты имели только тактическое значение).

Мощная правофланговая группировка русской армии создавала постоянную угрозу флангу и тылу противника, его артиллерийским паркам и сковывала действия его войск. Кроме того, большая часть сил, сосредоточенных на правом крыле, должна была выполнять роль главного резерва, готового не допустить обхода противником этого участка обороны и способного поддержать центр и левое крыло. Кутузов, зная стратегические и тактические приемы Наполеона, создал такую группировку сил, которая не позволила Наполеону применить его излюбленные методы ударов.

Усиленно готовился к предстоящему генеральному сражению и Наполеон. Во время двухдневного пребывания в Гжатске он произвел последние приготовления. Подтягивались войска, осматривалось и приводилось в порядок оружие, пополнялись боевые запасы. Одновременно принимались меры по доукомплектованию конницы, артиллерии и пехоты. Дважды — 21 и 22 августа — производились переключки всего личного состава армии и точный учет наличия пехоты, конницы, артиллерии, боеприпасов, перевязочных средств и т. д. По армии был отдан приказ. В нем говорилось, что император счел нужным снова предоставить отдых армии, с тем чтобы дать время отставшим догнать свои части, артиллеристам пополнить артиллерийский боезапас, а всем нижним чинам — время для приведения в порядок оружия. «Его величество приказывают, — писал начальник Главного штаба армии Наполеона маршал Бертье, — сегодня, 3 сентября [22 августа], в 3 часа пополудни произвести новую переключку людей, находящихся в строю и готовых к предстоящему сражению. Для составления списков необходимо выстроить всех в колонну. Списки должны быть немедленно отправлены начальнику штаба, чтобы он получил их не позднее 10 часов вечера, командиры полков должны принять все необходимые меры к тому, чтобы солдаты, спо-

собные участвовать в бою, в том числе и ездовые, в день баталии находились в строю, на своем месте.

Войска предупреждены, что армия выступает завтра рано утром, а посему все отряды, которые были посланы за продовольствием, должны возвратиться, и армия должна быть готова к выполнению приказов, каковые будут отданы в течение ночи»¹⁷.

В 10 часов вечера 22 августа начальник штаба Бертье представил Наполеону общие данные о состоянии армии: 103 тыс пехоты, 30 тыс кавалерии и 587 орудий¹⁸.

В отношении численности войск, участвовавших в сражении, в военно-исторической литературе приводятся различные данные. Назывались цифры 160—180 тыс французской и 100—140 тыс русской армии. Но при всем расхождении в определении численности войск все исследователи сходятся на одном: силы французов превосходили русскую армию. Более близкими к истине являются цифры: 120 тыс русской армии и 640 орудий; 130—135 тыс французов при 587 орудиях¹⁹.

Как уже говорилось, численность наполеоновской армии по мере углубления на территорию России сокращалась не только за счет того, что французы вынуждены были оставлять большие силы для охраны растянувшихся коммуникаций, но и от потерь в боях с русской армией и от все усиливавшихся активных действий партизан. Перед Бородинским сражением в приказе по армии 23 августа Наполеон через своего начальника штаба потребовал от командующих корпусами усилить охрану команд, направляемых для фуражировок, отмечая, что «мы ежедневно теряем много людей вследствие отсутствия порядка в способах сбора продовольствия... Число пленных, захватываемых неприятелем, доходит ежедневно до нескольких сот»²⁰.

Итак, и русские и французские войска завершали последние приготовления к решающему бою.

2

Почти двенадцатичасовое Бородинское сражение развернулось в 110 километрах от Москвы. Поле за Можайском, на котором происходило сражение, по фронту занимает 8 километров. Оно ограничено с севера и северо-востока Москвой-рекой, с юга — Старой Смоленской дорогой: с запада — условной линией, проходящей через деревни Валуева, Фомкино, Ельня, и с востока — деревнями Маслово, Татариново, Псарево.

Завязкой сражения явился бой при деревне Шевардино, где имелись важные господствующие высоты. Шевардино обороняли русские войска в составе 8 тыс пехоты, 4 тыс конницы при 36 орудиях. Здесь, у недостроенного редута, и разгорелись около полудня 24 августа жаркие и упорные схватки. Подошедшие сюда корпуса Даву, Мюрата и Нея с ходу стремились овладеть Шевардинским редутом. Всего на редут Наполеон двинул около 30 тыс пехоты, 10 тыс конницы и сосредоточил огонь 186 орудий.

Пять пехотных и две кавалерийские дивизии противника обрушились на защитников редута. Разгорелся ожесточенный, вначале огневой, а затем рукопашный бой. Русские части, оборонявшие редут, проявили высокое мужество и героизм. Несмотря на трехкратное численное превосходство, французам удалось лишь после упорного четырехчасового боя ценой больших потерь занять Шевардино. Но удержать редут в своих руках они не смогли. Подошедшая 2-я гренадерская дивизия во главе с Багратионом выбила противника из редута. Затем редут трижды переходил из рук в руки. Упорный бой длился до темноты. И лишь с наступлением ночи, когда уже оборонять разрушенный, отдаленный от основной линии обороны редут было нецелесообразно, Багратион по распоряжению Кутузова в 23 часа 24 августа отвел войска на основную позицию.

Бой за Шевардинский редут дал возможность русским выиграть время для завершения оборонительных работ на основной позиции, позволил более точно определить группировку сил противника, направление его главного удара. В результате этого боя было установлено, что основные силы противника сосредоточиваются в районе Шевардина против центра и левого фланга русской армии. В этот же день Кутузов направил на левый фланг 3-й корпус Тучкова, скрытно расположив его в районе Утицы, почти перпендикулярно к 8-му корпусу. При таком расположении простое фронтальное движение выводило его во фланг противника. Кутузов говорил о задачах этого корпуса: «Когда неприятель употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пушу ему скрытое войско во фланг и тыл»²¹. К сожалению, этот замысел был сорван генералом Беннигсеном, который перед самым сражением приказал Тучкову выдвинуться и стать фронтом к противнику. Кроме 3-го пехотного корпуса, в район Утицы были переброшены

Московское ополчение и часть казаков. Произведенная перегруппировка войск значительно усиливала левый фланг русской армии. Эти изменения, скрытно и быстро осуществленные перед самым сражением, были полной неожиданностью для Наполеона.

Бой при Шевардино укрепил в русских войсках уверенность в победе. Кутузов в приказе, отданном в ночь на 25 августа, указывал: «Горячее дело, происходившее вчерашнего числа на левом фланге, кончилось ко славе российского войска»²².

В течение 25 августа обе армии вели подготовку к сражению. На рассвете Наполеон в сопровождении маршалов проехал вдоль линии русских аванпостов. В течение дня он изучал местность и расположение русских войск. Его выводы сводились к следующему: с потерей передового укрепления левый фланг русских оказывался сильно ослабленным. Правое крыло войск, располагаясь за Колочей позади деревни Бородино, защищено более надежно. Совершив обходной маневр, можно было бы вынудить Кутузова оставить эту позицию.

Но стоит ли отодвигать столь необходимое генеральное сражение? Тем более что позицию для атаки Наполеон считал в общем-то удобной и выгодной. Русские не были в состоянии ее укрепить и оборудовать для обороны, их силы не превышали французской армии, что же касается боевых качеств, то Наполеон не сомневался в превосходстве своей армии.

Вечером Наполеон разработал план сражения и отдал приказы, предусматривающие начало боевых действий утром 26 августа (7 сентября). У Наполеона не было решительного превосходства в силах. Лошади в кавалерии и артиллерии были утомлены. И он не хотел играть ва-банк, ибо знал, что в случае выхода его войск в тыл противнику русские не будут деморализованы, они вновь соберут свои силы. Когда на совещании Даву предложил осуществить окружение, выйти к 8 часам утра со своими пятью дивизиями через леса к Утице, ударить во фланг русским и силами 40 тыс солдат отбросить противника к устью Колочи, Наполеон с улыбкой ответил Даву: «Вы всегда хотите все окружать». Он отказался от маневра на окружение и принял окончательное решение нанести главный удар в направлении деревни Семеновское — батарея Раевского с тем, чтобы, прорвав здесь оборону, лишить русскую армию основных опорных пунктов и затем уничтожить ее. В целях ослабления

центральной группировки русских войск и отвлечения резервов с этого направления он предусмотрел нанесение вспомогательных отвлекающих ударов по флангам русской армии.

Наполеон развернул на направлении главного удара основную массу войск, выделив сюда корпуса Мюрата, Даву, Нея, Жюно, сосредоточив на этом направлении свои резервы. Для действий на флангах были выделены незначительные силы: для удара вдоль Старой Смоленской дороги на Утицу — корпус Понятовского, для удара на Бородино — часть сил корпуса Богарне.

В ночь на 26 августа (7 сентября) Наполеон отдал приказ по армии: «Воины! Вот сражение, которого вы так желали. Победа в руках ваших: она нужна нам. Она доставит нам изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение в отечество! Действуйте так, как действовали вы под Аустерлицем, при Фридланде, Витебске и под Смоленском, и позднее потомство вспомнит с гордостью о подвигах ваших в этот день и скажет о вас: и он был в великой битве под стенами Москвы!

Наполеон» ²³

На рассвете 26 августа свыше 100 орудий противника открыли огонь по Багратионовым флешам. Русская артиллерия ответила, завязалась перестрелка передовых частей. Одновременно войска корпуса Богарне атаковали егерский полк, оборонявший Бородино. Русские егеря упорно защищали занимаемые ими позиции и лишь под натиском значительно превосходивших сил противника оставили Бородино и отошли за реку Колоча. Попытка противника организовать преследование успеха не имела. Переправившийся через Колочу французский полк был контратакован двумя егерскими полками. Здесь произошла непродолжительная, но жаркая схватка. Французы были отброшены за Колочу. Русские сожгли мост и не пропустили солдат дивизии Дельзона. На этом действия противника на правом фланге русских были прекращены.

Действия войск Богарне носили отвлекающий характер. Наполеон полагал сковать ими силы правого крыла русских войск. Но эта попытка окончилась неудачей. Она была своевременно разгадана Кутузовым, и он в ходе сражения смело перебросил вначале 2-й корпус Багговута к Утице, а затем и 4-й корпус Остермана-Толстого к батарее Раевского.

Главные события развернулись на левом крыле русской армии, в районе Багратионовых флешей. Ожесточенные бои здесь продолжались более шести часов, в течение которых противник предпринял восемь атак. Для захвата Багратионовых флешей Наполеон направил основные силы корпусов Даву, Мюрата, Нея, Жюно. На этом участке действовала основная масса артиллерии.

Около 6 часов утра дивизии Дессе и Компана из корпуса Даву, поддерживаемые артиллерийским огнем, двинулись в наступление. Французские дивизии вышли из Утицкого леса, построились в колонны и бросились в атаку на южную флешь, где держала оборону сводно-гренадерская дивизия М. С. Воронцова. Встреченная картечью русской артиллерии, а затем и фланговым ружейным огнем егерей И. Л. Шаховского, вражеская пехота, понеся большие потери, отступила обратно в лес.

Но это была, видимо, лишь проба сил. Через полчаса французы начали вторую атаку с еще большей силой. На этот раз им удалось овладеть южной флешью. На помощь оборонявшимся Багратион двинул несколько батальонов 27-й пехотной дивизии Неверовского. Противник, выбитый из флешки, стал отходить. Два полка 4-го кавалерийского корпуса бросились преследовать французов и отбили все 12 захваченных ими орудий. Однако увести их не удалось, так как на выручку своей пехоте подошли две французские кавалерийские бригады.

При второй попытке овладеть Багратионовыми флешками французы понесли большие потери. Даву получил настолько сильную контузию, что Наполеона ошибочно известили о смерти маршала, были ранены генералы Компан и Дессе.

Наполеон, пристально следивший за ходом боя, приказал Нею выдвинуть свой корпус в боевую линию левее 1-го корпуса Даву и принять участие в атаке на флешки. Для содействия пехоте он направил почти всю резервную кавалерию Мюрата, распределив ее следующим образом: 1-й кавалерийский корпус Нансути — за корпусом Даву, 4-й кавалерийский корпус Латур-Мобура — за корпусом Нея и 2-й кавалерийский корпус Мопбрена — позади и левее Латур-Мобура для связи между войсками Нея и Богарне. С целью объединения в одних руках руководства всей кавалерией, действовавшей на направлении главного удара, Наполеон подчинил Мюрату и кавалерийские дивизии корпусов Даву и Нея. Всего для третьей атаки флешей Наполеон собрал весьма внуши-

тельные силы — около 38 тыс штыков и сабель с мощной артиллерией.

Багратион, лично руководивший боем у флешей, видел сосредоточение против них значительных сил неприятеля и принял решение усилить левый фланг своей армии. Он подкрепил гренадеров Воронцова 27-й дивизией Неверовского, ввел в дело все батареи артиллерийского резерва армии и распорядился подтянуть к деревне Семеновское резерв своей армии — 2-ю гренадерскую и 2-ю кирасирскую дивизии. Командиру 7-го корпуса Раевскому, участок которого не был еще атакован, Багратион приказал выделить к флешам восемь батальонов. В результате Багратион к 7 часам 30 минутам утра собрал в районе флешей около 16 тыс штыков и сабель. К 8 часам подошли батальоны корпуса Раевского, и численность защитников флешей возросла до 20 тыс.

Считая все же свои силы недостаточными, Багратион потребовал от командира 3-го пехотного корпуса Тучкова, хотя последний и не был ему подчинен, направить к флешам 3-ю пехотную дивизию Коновницына. Тучков, на участке которого в районе Утицы еще было тихо, выполнил это приказание. Однако дивизия Коновницына (4 тыс человек и 36 орудий) могла подойти к флешам не ранее 10 часов утра.

Внимательно наблюдал за ходом боя и Кутузов. Он вовремя заметил угрожавшую 2-й армии опасность и направил в распоряжение Багратиона часть сил общего резерва, а именно три гвардейских полка (Измайловский, Литовский и Финляндский), бригаду сводно-гренадерских батальонов с артиллерией, бригаду 1-й кирасирской дивизии и 100 орудий из артиллерийского резерва. Но так как эти войска могли прибыть к Багратиону лишь к 11 часам, то в ближайших атаках враг располагал все же более чем двойным превосходством.

Около 7 часов 30 минут корпуса Даву и Нея вновь устремились на флешы. Эта третья атака, как и первые две, была лобовой. Сильнейший артиллерийский обстрел к этому времени уже разрушил часть русских укреплений. Однако, когда неприятельские колонны приблизились, защитники флешей опять встретили их убийственным огнем. Но картечь не остановила французов; они стремительно прорвались в промежутки укреплений и овладели флешами. Сводно-гренадерская дивизия, оказавшая отчаянное сопротивление, понесла большие потери.

Дивизия Неверовского была потеснена, но в это

время, около 8 часов утра, подошли к флешам восемь батальонов из корпуса Раевского. Багратион тотчас бросил их в штыковую атаку во фланг корпусу Нея. Оправившаяся дивизия Неверовского нанесла стремительный фронтальный удар. Одновременно во фланг французам с юга Багратион направил 2-ю кирасирскую дивизию. В это время Мюрат с одной из кавалерийских дивизий пошел навстречу русской коннице. Но русские кирасиры опрокинули неприятеля и врубались в ряды французской пехоты. К 9 часам после ожесточенного штыкового боя русская пехота при поддержке кирасир выбила неприятеля из флешей.

Около 9 часов 20 минут последовала четвертая атака на флешу. Пять пехотных дивизий противника атаковали полуразрушенные укрепления. Ценой больших потерь французам удалось снова овладеть флешами. Около двух полков французской пехоты прорвались в деревню Семеновское. Но Багратион успел привести в порядок и перегруппировать свои силы. Подтянув резервы, он перешел в контратаку: 2-я гренадерская дивизия и восемь батальонов корпуса Раевского ударили в штыки. Русские войска, охваченные наступательным порывом, были преисполнены решимости опрокинуть неприятеля, выбить его из флешей.

Чтобы облегчить положение Багратиона и помочь ему, Кутузов приказал казакам Платова и 1-му кавалерийскому корпусу Уварова нанести внезапный удар по левому флангу и тылу французам, чтобы тем самым заставить Наполеона оттянуть сюда свои силы и ослабить удары в районе Семеновского. В это время Кутузов направляет в распоряжение Багратиона часть сил своего резерва.

Началась новая жаркая схватка. Адьютант Нея докладывал Наполеону, что нельзя терять ни минуты: Багратион вновь перешел в наступление, маршал Нея не в состоянии более удерживать натиск русских. Настало время подкрепить маршала, чтобы он не был раздавлен и отброшен²⁴. Но ни упорство войск Даву и Нея, ни посланное Наполеоном подкрепление не изменили положения. Очередной натиск противника также не увенчался успехом. Враг был вновь отброшен от флешей с большими потерями. Волны французских атак разбивались о железное упорство русских. В ожесточенных штыковых боях перемалывались основные силы врага.

В попытке обойти левый фланг русской позиции Наполеон также не достиг сколько-нибудь существенных

результатов. Корпусу Понятовского, медленно продвигавшемуся по Старой Смоленской дороге, с большим трудом удалось оттеснить русских егерей и занять Утицу. Но дальнейшее его продвижение было остановлено упорным сопротивлением оборонявшихся здесь русских войск.

Не добившись успеха в районе Багратионовых флешей, Наполеон, сосредоточив крупные силы, начал атаку центрального опорного пункта русских — Курганной высоты. Здесь вновь разгорелись упорные бои. Все подступы и склоны высоты были устланы телами французов. Войска генерала Дохтурова мужественно и храбро дрались, не раз вступая в штыковые и рукопашные схватки с врагом. Но в решительную минуту боя у русских артиллеристов не хватило снарядов, и французы ворвались на батарею. Нависла угроза прорыва центра русской обороны. В этот критический момент боя проезжавший мимо начальник штаба 1-й армии генерал А. П. Ермолов, взяв с собой батальон 3-го Уфимского полка и три полка егерей, повел войска в контратаку. Завязалась жесточайшая схватка. Противник, потеряв около 3 тыс человек, откатился от высоты. «В мгновение ока,— писал Н. Н. Раевский,— опрокинули они неприятельские колонны и гнали их до кустарников столь сильно, что едва ли кто из французов спасся»²⁵. В плен был взят раненый французский генерал Бонами.

На Старой Смоленской дороге корпус Понятовского атаковал русских и овладел Утицким курганом, но войска 3-го корпуса, перейдя в контратаку, выбили противника и восстановили положение. В этом бою был смертельно ранен командир корпуса генерал Н. А. Тучков. Войска Даву и Нея, подкрепленные кавалерийскими корпусами Нансути и Латур-Мобура, в пятый раз атаковали Багратионовы флешы и овладели ими. Но не успели еще французы утвердиться на занятых ими укреплениях, как по приказу Багратиона остатки гренадеров Воронцова и дивизия Неверовского перешли в контратаку с фронта. Подошедшая от Утицы 3-я пехотная дивизия Коновницына совместно с частями 1-й и 2-й кирасирских дивизий атаковала правый фланг противника, а 2-я гренадерская дивизия — левый фланг. Враг был вновь отброшен от флешей с большими потерями.

Но напряжение боя все увеличивалось. Шестая атака на Багратионовы флешы началась около 10 часов 30 минут. Багратион, успевший перегруппировать свои войска, встретил врага артиллерийским огнем и контратаками

27-й пехотной дивизии против войск Даву и Нея с фронта, а 2-й гренадерской дивизии — по левому флангу корпуса Нея. Против Жюно были брошены: одна бригада 2-го корпуса Багговута (только что подошедшая сюда с правого фланга Бородинской позиции), полки 1-й кирасирской дивизии и части 3-й пехотной дивизии Коновницына. Французов постигла новая неудача. Несмотря на упорство и неоднократные атаки, они были отброшены в исходное положение. Это был крупный успех Багратиона.

В это время батарея Раевского находилась еще в руках французов, и поэтому удачный обходной маневр Жюно мог поставить левое крыло русской армии в очень тяжелое положение.

Даву, Нею и Жюно быстро перегруппировали свои войска и около 11 часов в седьмой раз повели их на штурм Багратионовых флешей. На этот раз Жюно направил обходные колонны еще южнее, стремясь глубже охватить флешы и избежать контратаки на свой правый фланг.

Однако и эта атака была отражена. Пехота Даву и Нея была отбита огнем и контрударом 2-й гренадерской дивизии, а обходные колонны Жюно опрокинуты ударом во фланг частями 2-го корпуса Багговута. К этому времени французы были выбиты и с батареей Раевского.

Сражение длилось уже около шести часов. На поле боя лежали тысячи убитых. Но противнику не удалось сломить упорное сопротивление русских. Все атаки наполеоновских войск снова и снова разбивались о стойкую оборону. «Упорство русских... — писал один из французских офицеров, — имело характер зловещий и ужасный»²⁶.

В стремлении достигнуть решения поставленной задачи Наполеон произвел перегруппировку сил: он сосредоточил против Багратионовых флешей до 40 тыс солдат и до 400 орудий (Багратион имел для защиты флешей около 20 тыс солдат и 300 орудий). Вновь завязалась ожесточенная борьба. Последовал ряд напряженных штыковых боев. В результате восьмой по счету атаки при подавляющем численном превосходстве, ценой огромных потерь французы захватили Багратионовы флешы. Генерал Багратион, собрав остатки войск, защищавших флешы, повел их в контратаку. Русские уже гнали врага, но в это время был смертельно ранен неустрашимый Багратион (осколок ядра разбил ему берцовую кость). При-

нявший командование генерал Коновницын, не имея достаточных сил для дальнейшей борьбы, вынужден был отвести войска за Семеновский овраг. Попытка противника прорвать боевой порядок русских на этой позиции успеха не имела. Русские войска не отступили больше ни на один шаг.

Оборона Багратионовых флешей, проведенная русской армией с исключительным мужеством и упорством, обескровила главную группировку противника. Огромные потери наполеоновских войск в боях за флешы и деревню Семеновское истощили силы противника.

С овладением противником деревней Семеновское центральный опорный пункт — батарея Раевского — оказалась под огнем с трех направлений. Наполеон подтянул к этому участку более 35 тыс войск и около 300 орудий и готовился начать атаку. Но в это время направленные Кутузовым кавалерийские полки Уварова и казаки Платова внезапно атаковали левый фланг французов. Неожиданное появление русской конницы на фланге и в тылу вызвало панику у противника, что и задержало на два часа решительную атаку французов на батарею Раевского. Кутузов получил возможность перегруппировать войска и усилить центр боевого порядка.

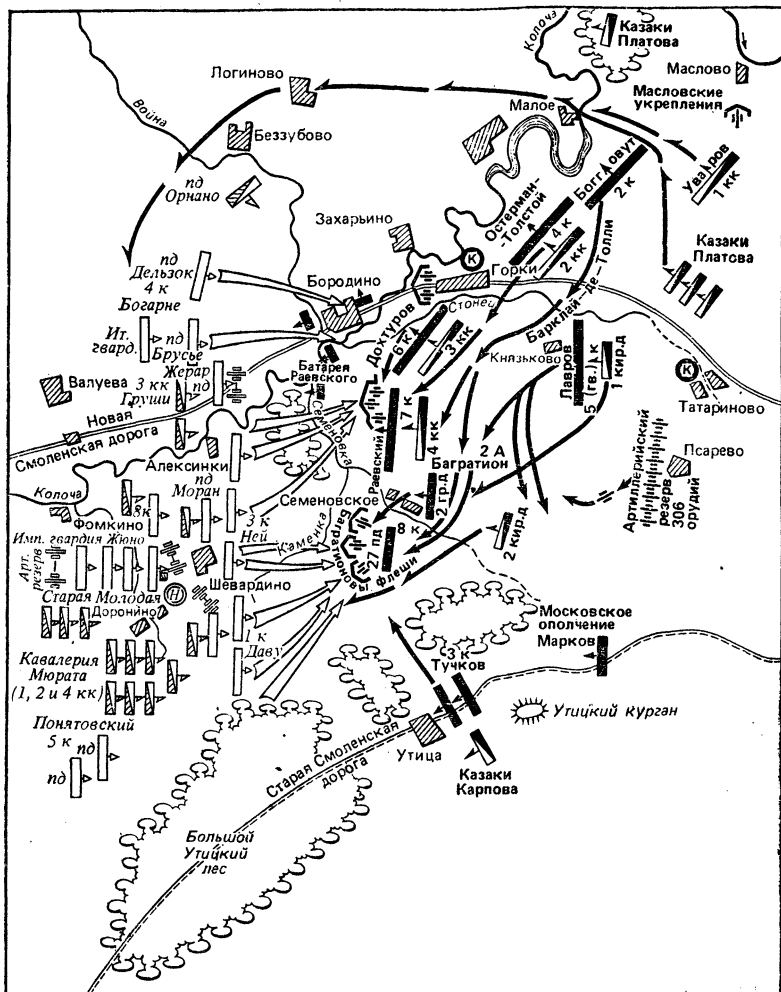
Укрепив левое крыло и убедившись, что действия русской конницы уже не представляют опасности, Наполеон возобновил атаку на батарею Раевского. Туда были брошены войска корпусов Богарне, Груши, Коленкура, Латур-Мобура.

Богарне, оставив дивизию Дельзона и три полка кавалерийского корпуса Груши у Бородина, выехал на правый берег Колочи к собранным там войскам, подготовившимся для атаки батареи Раевского. Они охватывали ее полукольцом. Дивизии Брусье, Морана и Жерара предназначались для атаки с фронта. Кавалерийская дивизия из корпуса Груши обходила правый фланг высоты, а кавалерийский корпус Коленкура и одна дивизия из кавалерийского корпуса Латур-Мобура — ее левый фланг.

Батарею Раевского обороняли войска 24-й пехотной дивизии генерала П. Г. Лихачева из 6-го корпуса генерала Д. С. Дохтурова. Правее находилась 7-я пехотная дивизия П. М. Капцевича того же 6-го корпуса, а левее —

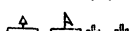
СРАЖЕНИЕ ПРИ БОРОДИНО
26 августа (7 сентября) 1812 г.

Пех. Кав. Арт.

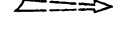
Русские войска перед началом сражения

Наполеоновские войска перед началом сражения

Направления демонстративных ударов наполеоновских войск

Направления главных ударов наполеоновских войск

Направления перегруппировок русских войск и рейдов русской кавалерии

Место пребывания Кутузова во время боя

Место пребывания Наполеона во время боя

Сокращения: А - армия, к - корпус (пехотный), кк - кавалерийский корпус, кд - кавалерийская дивизия, кирд - кирасирская дивизия, пд - пехотная дивизия, гд - гренадерская дивизия

4-й пехотный корпус генерала А. И. Остермана-Толстого. Позади него располагались Преображенский и Семеновский гвардейские полки и полки кирасирской дивизии.

Французы обрушили на защитников высоты огонь из более чем 120 орудий. Благодаря охватывающему положению батарей огонь был особенно губителен. Участники сражения свидетельствуют, что гранаты, ядра сыпались со всех сторон, бороздили землю рикошетом, ломали все вдребезги.

После артиллерийской канонады в атаку ринулись французские пехота и кавалерия. Пехотные дивизии Брусье, Морана и Жерара атаковали оборонявшихся с фронта. Завязался жестокий рукопашный бой. Штыками и прикладами защитники опрокидывали противника в ров и отбрасывали его с высоты.

Кавалерийские дивизии корпусов Коленкура, Груши, Латур-Мобура, обходя войска, оборонявшие батарею Раевского с флажгов, врываются в боевые порядки пехоты, прорывались сквозь интервалы батальонных каре. Французская конница выходила на тылы русской армии. Но здесь она была контратакована кавалергардским и конногвардейским полками и при участии 2-го и 3-го кавалерийских корпусов отброшена от батареи Раевского.

Но на самой батарее положение к этому времени стало критическим. Воспользовавшись тем, что французская конница сковала русские резервы и на некоторое время изолировала их, пехота противника ворвалась на батарею Раевского и после упорной рукопашной схватки около 3 часов дня захватила ее. В Архиве исторической службы французской армии сохранилась историческая справка, названная «эпизод сражения на Москве-реке». В ней дается описание боя за батарею Раевского (в тексте батарея называется «Большой Бородинский редут»). Это описание представляет определенный интерес, и мы его приводим полностью.

«Было уже примерно 3 часа пополудни; однако император все еще не добился решающего успеха в единоборстве с русской армией, которая продолжала обороняться с неиссякаемым упорством. Пришло время овладеть Большим Бородинским редутом, которым держались линии генерала Кутузова.

Наполеон направляет королю неаполитанскому и принцу Евгению приказ о совместном штурме этого редута. Вице-король поскакал на правый фланг, чтобы распорядиться об одновременной атаке редута силами

13-й, 14-й и 15-й дивизий. Принц прибыл в 9-й линейный полк, входивший в состав 14-й дивизии, и обратился к солдатам: „Храбрые воины! Помните, как вы действовали со мной у Ваграма, когда мы прорывали центр неприятеля!“. После этого он встал во главе строя, и весь 9-й полк с радостным кличем пошел на штурм Большого редута.

Увидев такой порыв, король неаполитанский приказал брату бывшего посла в России генералу Коленкуру (генерал Монбрен был уже убит) двинуть через овраг 2-й кавалерийский корпус. Генерал Коленкур повел 2-ю кирасирскую дивизию, преодолев разрушенный бруствер, и под ураганным обстрелом неприятеля опрокинул первую линию корпуса Раевского, которая смешалась со второй линией, в результате чего после ожесточенной схватки он прорвался через укрепления этой большой батареи.

Тут он столкнулся с пехотой генерала Лихачева, которая прикрывала редут, и обрушился на нее слева 5-м кирасирским полком, порубив ее саблями. К несчастью, в этой схватке генерал Коленкур сам пал, пораженный насмерть, выполняя эту необычайно трудную задачу.

Как раз в этот момент сюда подоспел 9-й линейный полк, возглавлявшийся вице-королем. Три батальона этого полка со штыками наперевес устремились в это пекло и обрушились на пехоту генерала Лихачева.

Перед глазами ворвавшихся на редут предстала ужасающая картина: редут был похож на настоящий огнедышащий кратер; здесь и там лежали целые горы трупов; на полуразрушенных брустверах были разбиты все бойницы, и при вспышках выстрелов можно было различить только одни жерла пушек; однако большая часть орудий уже была опрокинута или сброшена с разбитых лафетов.

Русские отчаянно обороняли позицию и умирали тут же, у орудий, но могучий порыв 9-го полка сметал все на своем пути, и в наших руках оказалось 21 вражеское орудие. Истекающий кровью генерал Лихачев сам бросился на штыки французов, чтобы таким образом найти свою смерть, но при виде этого убеленного сединами война солдаты 9-го полка проявили к нему сострадание и сохранили ему жизнь, отправив его затем к императору.

Мало-помалу кратер затухал; дым постепенно рассеялся, и стало видно, что Большой Бородинский редут находится наконец в руках 9-го линейного полка, стремившегося в боевой порядок уже по другую сторону этого укрепления»²⁷.

Ценой величайшего напряжения Наполсону удалось, использовав превосходство в коннице, нанести удар по батарее Раевского с фронта и обоих флангов и овладеть этим важным опорным пунктом. Но развить успех он уже не мог из-за огромных потерь в пехоте и коннице, физической усталости войск и упорного сопротивления русских. Русские войска отошли в полном порядке, не потеряв связи с остальной частью армии.

Бой за батарею Раевского принес французам лишь некоторый тактический успех, но в то же время он наряду с боями на других направлениях привел к срыву общего замысла Наполеона. Как в начале дня, так и теперь враг имел перед собой сплошной, нигде не поколебленный фронт русских. Наполеон должен был предпринять новые усилия с использованием своего последнего резерва — гвардии или же признать свою неудачу и отказаться от продолжения сражения.

Вначале Наполеон предполагал продолжать атаки. Но прежде чем решиться на этот шаг, он сел на коня и поскакал на Семеновские высоты, а затем к батарее Раевского. В результате рекогносцировки Наполеон пришел к выводу, что успех от ввода в бой гвардии весьма сомнителен. В случае же неудачи атаки Наполеон рисковал остаться без свежих войск для прикрытия своего отхода, если Кутусов введет резервы и сам перейдет в наступление. В ответ на просьбу маршалов ввести в сражение гвардию Наполеон заявил, что за 800 лье от Франции не может жертвовать своим последним резервом²⁸.

Русская же армия была полна решимости сражаться до конца. Посланцу Баркляя-де-Толли, который предполагал начать отступление к Москве, возмущенный Кутусов резко ответил: что касается до сражения, то ход его известен мне самому как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах²⁹.

Кутусов своевременно учитывал изменения обстановки на том или ином участке сражения и очень быстро реагировал на эти изменения. Он наиболее верно определил, что французы в результате непрерывных и кровопролитных атак утомлены и истощены боем в гораздо большей степени, чем русские. Богатейший боевой опыт подсказывал Кутусову, что победа остается на стороне того, кто в переломный момент сражения найдет в себе силы выстоять до конца.

Так и получилось. Наполеон, дождавшись наступле-

ния темноты, отдал распоряжение об отводе своих расстроенных войск в исходное положение. Французы оставили захваченные ценой больших потерь батарею Раевского, деревню Семеновское, Утицкий курган и деревню Утицу. Генерал Багговут, командовавший войсками утицкого участка после Тучкова, сообщал об этом отступлении французов: «Я послал партию казаков наблюдать сие отступление, которые потом, возвратясь, донесли мне, что неприятель отступил за Колочу реку»³⁰. В донесении Кутузова царю также отмечается, что в результате колоссальных потерь, которые нес противник от огня русской артиллерии, уже вечером «вся неприятельская пехота и артиллерия отступили»³¹.

Наполеон впоследствии пытался скрыть факт отвода войск на исходное положение. Однако это подтверждают не только русские источники. Так, участник сражения французский офицер Вентурини свидетельствует, что «русский левый фланг был отодвинут в кустарник, по наступлению ночи каждая сторона заняла опять те места, с которых поутру начали битву»³². Известный английский писатель Вальтер Скотт, автор книги «Жизнь Наполеона», пишет: «...Французы после сражения отступили на места свои, оставив русским во владение окровавленное поле битвы. Кавалерия их тревожила французский лагерь даже в самую ту ночь, которая наступила после сражения»³³. Наполеон, опасаясь перехода русских к активным действиям, отвел свои расстроенные войска в исходное положение и тем самым как бы признал проигрыш сражения.

Таким образом, к концу дня Бородинская позиция оставалась в руках русской армии. В течение ночи вновь были заняты батарея Раевского, деревни Семеновское и Утица, т. е. почти полностью восстановлено первоначальное положение войск. В донесении Александру I Кутузов с полным правом докладывал: «Сражение было общее и продолжалось до самой ночи. Потеря с обеих сторон велика: урон неприятельский, судя по упорным его атакам на нашу укрепленную позицию, должен весьма нашу превосходить». Войска русские «сражались с неизмерною храбростию. Батареи переходили из рук в руки, и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами»³⁴.

В знаменитом «Бородино» Лермонтов от лица бывшего солдата, участника Бородинского сражения, создал реалистическую картину напряженного боя.

*Пу ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И все на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.
Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...³⁵.*

Бородино дорого обошлось Наполеону. Его армия потеряла убитыми и ранеными более 50 тыс человек, или 43,3% своего состава. Огромные потери понесла конница — около 16 тыс человек, или 57% ее состава. Велики были потери французов и в начальствующем составе: из строя выбыло 263 человека, в том числе 47 генералов³⁶. Потери русской армии убитыми и ранеными тоже были значительными, они достигли почти 44 тыс человек, т. е. 36% состава армии³⁷. Так кончилось это кровопролитное сражение, не давшее наступавшему никакого результата. После 12-часового непрерывного боя оно закончилось на том же месте, где и началось.

3

Бородинское сражение — генеральное сражение войны 1812 года. Но оно не дало ярко выраженного успеха ни той, ни другой стороне. Наполеон стремился в этом сражении уничтожить русскую армию, открыть путь к Москве, заставить капитулировать Россию и продиктовать ей условия мирного договора. Ни одной из этих целей он не достиг.

Не удалось и Кутузову остановить противника, преградить ему дорогу на Москву и начать изгнание его с

русской территории. Исходя из такого «ничейного результата», некоторые исследователи делают вывод: «Бородино ни русским, ни французам не принесло ни победы, ни поражения». Такие рассуждения — результат поверхностной оценки итогов сражения без учета его последствий.

Бородинская битва знаменовала собой кризис наполеоновской стратегии генерального сражения. На Бородинском поле впервые с особой силой выявилась несостоятельность наполеоновской теории достижения победы в одном генеральном сражении, которая стала своего рода «рецептом победы». «Я ничего не желаю так сильно, как большого сражения»³⁸, — не раз повторял Наполеон. Конечно, в генеральном сражении с малочисленными, зачастую наемными западноевропейскими армиями он часто добивался крупных побед. Именно поэтому Наполеон канонизировал, превратил в неизменный принцип это положение, стремясь в любой обстановке одним мощным ударом разгромить армию противника и достигнуть решительной победы.

После же Бородинского сражения Наполеон вынужден был признаться: «Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех. Русские стяжали право быть непобедимыми»³⁹.

При оценке Бородинского сражения следует подчеркнуть, по крайней мере, три главных результата. В о п е р в ы х, наполеоновской армии не удалось сломить сопротивление русских, разгромить их и открыть себе свободный путь к Москве. В о - в т о р ы х, русская армия вывела у противника из строя почти половину его войск. И, наконец, в - т р е т ь и х, на Бородинском поле французская армия понесла невосполнимый моральный ущерб, в то время как у русских войск возросла уверенность в победе над противником. И как бы ни пытался французский император в своих бюллетенях представить сражение под Бородином как свою победу, все же во Франции и Европе поняли, что эта «победа» явилась для Наполеона и его армии началом катастрофы.

На Бородинском поле шла не только битва двух сражавшихся армий, в которой проверялись их боевые качества, но и соревнование двух великих полководцев — Наполеона и Кутузова. В некоторых работах, вышедших на Западе, высказывается мнение о якобы пассивной роли обоих полководцев в сражении. Так, английский исто-

рик и писатель Христофор Даффи в книге «Бородино и война 1812 года» пишет, что Кутузов будто бы предоставил руководство сражением своим командующим армиями — Барклаю и Багратиону, а сам лишь изредка выступал с незначительными замечаниями. Аналогично вел себя, по словам автора, и Наполеон, хотя он был на 24 года моложе Кутузова⁴⁰.

Критики считают, что Наполеон должен был принять предложение Даву и осуществить стратегический охват русских с двух сторон, а не концентрировать все силы на одном правом фланге, должен был в критической ситуации бросить в бой свой надежный резерв — старую гвардию и в кризисные моменты сражения появляться на поле боя. Многие сходятся на том, что Наполеон был «не в форме», не энергичен, как прежде. Он был болен. И болезнь сделала его раздражительным и осторожным⁴¹.

Эмиль Терзен считает, что под Москвой был уже не тот Бонапарт, который возглавлял походы республиканской армии, а человек состарившийся и заживевший (хотя ему было тогда только 43 года), страдающий нарушениями пищеварения, вялостью и сонливостью. К тому времени у Наполеона давали о себе знать первые признаки заболевания раком, от которого он позже и умер. Неудача на Бородинском поле представляется автору книги «Наполеон» как результат чрезмерного переутомления и заболевания, которое особенно некстати обострилось в день битвы и сказалось в медлительности принятия решений, в ослаблении энергии, присущей этому гению действия⁴².

Объективный анализ хода событий показывает, что такие оценки не отвечают действительности. Оба полководца чувствовали «пульс сражения» и быстро реагировали на его изменения. И Наполеон, и Кутузов проявили в ходе сражения колоссальную энергию и умение в руководстве войсками на поле боя. В сражении при Бородине русская армия сдержала натиск армии, свыше 10 лет считавшейся непобедимой, армии, во главе которой стоял крупнейший полководец того времени.

В успешном для русских исходе Бородинского сражения имел решающее значение высокий моральный дух войск. Кутузов писал в своей диспозиции, что он верит в победу и возлагает все надежды на храбрость и неустрашимость русских воинов. Все многочисленные воспоминания современников свидетельствуют о героических подвигах русских солдат и офицеров. Бородинское

сражение показало, до какого героизма, стойкости и самоотверженности может подняться армия, защищающая свою родную землю, ведущая справедливую войну.

Бородинское сражение изобиловало примерами тактического мастерства русских войск. В первую очередь следует отметить применение русскими на поле боя широкого маневра как из глубины, так и по фронту. Такие мероприятия делали позиции русской армии особенно устойчивыми и лишали возможности французов достичь конечного успеха. Все атаки войск противника оказались бесплодными.

Особенно важным был маневр русской конницы против левого фланга и тыла противника. Внезапные действия русской конницы вынудили Наполеона приостановить удар в центре позиции на два часа и оттянуть силы от главного направления на второстепенное. В то же время, этот маневр позволил русским перегруппировать свои войска и сдержать атаки.

Примером исключительной маневренности русских войск явились бои за Багратионовы флеши. В то время как у французов первые пять атак на флеши были лобовыми, у русских все контратаки были построены на сочетании фронтальных и фланговых ударов. Багратион не только отражал неприятельские атаки, но и сам наносил сильные ответные удары, не раз ставя врага в критическое положение. В результате крупная группировка вражеских войск после защиты флешей оказалась настолько истощенной, что не смогла более принимать участия в сражении.

В Бородинском сражении умело взаимодействовали три рода войск: пехота, кавалерия и артиллерия. Главная тяжесть боев, естественно, выпала на долю пехоты, которая была основой всего боевого порядка. Во взаимодействии с другими родами войск пехота провела многочасовой бой в непрерывных жарких схватках, в том числе и рукопашных. Пехота понесла и наибольшие потери, являвшиеся следствием крайнего напряжения борьбы, а также чрезмерной плотности построений.

Русская пехота в течение всего сражения многократно переходила в контратаки и, доводя их каждый раз до штыкового удара, отбрасывала врага, нанося ему большие потери. Большую роль в боях сыграли егеря. Своим метким прицельным огнем они причиняли пехоте и коннице противника большой урон, уничтожая командный состав и артиллерийскую прислугу противника.

При значительной плотности войск первой линии общая глубина боевого порядка русской армии позволяла неприятельской армии поражать не только обе линии пехоты, но и кавалерию, а иногда и общий резерв. Такое расположение, принятое для противодействия усиленным атакам врага, вынуждало войска находиться по несколько часов в бездействии под перекрестным огнем сильных батарей. Ко всему этому рекруты, которых было много в русской армии, не обладали еще достаточной тактической подготовкой и не умели пользоваться местностью для уменьшения вреда, наносимого огнем. Русское командование очень быстро сделало правильные выводы из опыта Бородинского сражения. В последующих действиях боевой порядок русской армии строился с меньшей плотностью, полностью отражал идею глубокого построения.

Большую роль в сражении играла кавалерия. По своей численности русская кавалерия уступала французской, но, взаимодействуя с пехотой, отличалась решительностью в контратаках, внезапностью действий, искусным маневрированием. Активными действиями она развивала успех пехоты, блестяще выполняла задание по глубокому обходу левого фланга противника. Вследствие правильного использования русской кавалерии ее потери оказались сравнительно небольшими — менее одной трети ее первоначального состава.

Иное положение мы видим в наполеоновской армии. Ее кавалерия потеряла значительно более половины своего состава. Несмотря на то что в начале сражения французская кавалерия обладала большим численным превосходством над русской, она не смогла прорвать ни одного русского каре, не смогла смять ни одного пехотного строя. Русская же кавалерия своими атаками проникала до неприятельских резервов. В Бородинском сражении русская кавалерия полностью выявила свои прекрасные боевые качества.

Исключительно важную роль в сражении сыграла артиллерия. Она была одним из главных средств отражения атак французов. Расход снарядов русской артиллерии в Бородинском сражении превысил 60 тыс, т. е. около 100 снарядов на одно орудие. Такое же количество снарядов было выпущено французской артиллерией. Достаточно указать, что бои за артиллерийские пункты — батарею Раевского и Семеновские флеши — стоили противнику около 75% всего числа убитых и раненых в Бородинском сражении. Большая заслуга в успешных дей-

ствиях русской артиллерии принадлежала начальнику артиллерии армии генералу А. И. Кутайсову.

Русская артиллерия использовалась массированно, она являлась важной составной частью опорных пунктов, вокруг которых велись ожесточенные бои. Огонь русской артиллерии производил громадные опустошения в рядах штурмующих вражеских колонн. Только опираясь на огневую мощь артиллерии, могли успешно маневрировать русские пехота и кавалерия; за ее огненным щитом они приводили себя в порядок и вновь шли в бой. В последний период сражения русская артиллерия сумела развернуть всю свою силу и в состязании с французской артиллерией вышла победительницей. Давая оценку действиям артиллерии в Бородинском сражении, Кутузов отмечал: «Артиллерия наша, нанося ужасный вред неприятелю цельными выстрелами своими, припудила неприятельские батареи замолчать, после чего вся неприятельская пехота и кавалерия отступили»⁴³.

В штабе Наполеона интересовались состоянием русской армии после столь кровопролитного сражения и дальнейшими планами Кутузова. Но сколько-нибудь достоверных данных получить не удавалось. Единственный источник — это показания пленных. Но их сведения были разрозненны, малозначительны, а главное — малодостоверны. Докладывая Наполеону о результатах допросов русских пленных, военный министр де Фельтр сообщал: «В результате допроса пленных, большую часть которых составляли несведущие новобранцы, люди, взятые в плен перед началом баталии и вне поля сражения, а также раненые (почти все ядрами), в большинстве умирающие, я получил следующие сведения о состоянии некоторых дивизий армии неприятеля»⁴⁴.

И дальше сообщаются сведения, представляющие интерес для Наполеона. По суммированным показаниям пленных в донесении давалась оценка состояния отдельных полков и дивизий (1-я и 2-я гренадерские дивизии, 12-я и 24-я дивизии, 2-я гвардейская дивизия). В частности, отмечалось: о поступлении пополнения, которое привел Милорадович в Гжатск, о больших потерях в ходе сражения, о ранении Багратиона, Тучкова, Мекленбургского, контузии Раевского и некоторых полковых командиров.

Есть в этих показаниях верные сведения, но немало и вымысла. Правда, этот вымысел больше исходил не от пленных, а от тех, кто делал выводы из их показаний.

«Надо полагать, — говорится в донесении, — что большие потери полки понесли из-за малодушия офицеров, которые попрятались в густом кустарнике, бросив на произвол судьбы своих солдат»⁴⁵. Это, разумеется, неправда. Русские войска, руководимые прославленными начальниками, сплоченные сознанием своего долга и преисполненные горячей любви к Родине, показали замечательные образцы искусного маневра на поле боя, стойкости и активности; они дали блестящий пример взаимодействия родов войск и взаимной выручки. Русские воины показали в сражении свои высокие моральные и боевые качества, проявив непоколебимую стойкость и упорство, отвагу и мужество.

4

Велико значение Бородинского сражения в Отечественной войне 1812 года. Однако было бы ошибочным считать, что после Бородинской битвы наступил коренной перелом в ходе всей войны, что уже одно это сражение обеспечивало русской армии победу над врагом, что оно явилось «бомбой замедленного действия». Именно к такому выводу о месте и роли Бородинского сражения в войне 1812 года пришли многие, писавшие о нем. Л. Н. Толстой в «Войне и мире» писал, что «прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по Старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции...»⁴⁶.

Ту же мысль высказал и академик Е. В. Тарле, который считал, что «Тарутино и Малоярославец были прямым и неизбежным последствием Бородина... Неприятель после Бородина стал выдыхаться и постепенно подвигаться к гибели. Уже под Тарутином и Малоярославцем Наполеон и его маршалы (прежде всего Бессьер) поняли, что бородинская смертельная схватка не кончена, а продолжается, хотя и с большим перерывом»⁴⁷.

Если Бородинское сражение явилось коренным переломом в ходе войны, резко изменившим всю стратегическую обстановку, то, естественно, возникает вопрос: каковы причины, заставившие русскую армию отойти к Москве, а затем далее в глубь страны? Почему потребовалось еще около двух месяцев напряженной борьбы и тщательной подготовки, прежде чем русская армия смогла перейти к активным наступательным действиям?

Отвечая на эти вопросы, обычно ссылаются на общее неблагоприятное стратегическое положение. В прошлом

многие историки в своих трудах не пытались до конца разобраться и проанализировать причины, которые заставили русскую армию после Бородинского сражения отойти к Москве, а затем и оставить ее.

Бородино потребовало большого напряжения сил русской армии, значительных потерь в людях, коннице, израсходованы были боеприпасы, не хватало продовольствия для войск. Для того чтобы разгромить противника, русской армии необходимо было перейти от обороны к активным наступательным действиям.

Из анализа обстановки, сложившейся непосредственно после окончания сражения, и из тех свидетельств, которые мы находим в первоисточниках, совершенно отчетливо видно стремление русского командования довершить разгром врага, начатый на Бородинском поле, и, перейдя в контрнаступление, очистить русскую землю от наполеоновских полчищ.

Сохранилась записка, написанная Барклаем-де-Толли вечером 26 августа карандашом на небольшом клочке бумаги Багговуту — командиру 2-го корпуса: «Главноекомандующий приказал, что неприятель в сегодняшнем сражении не менее нас ослаблен, и приказывал армиям стать в боевой порядок и завтра возобновить с неприятелем сражение»⁴⁸.

Но опытный полководец понимал, что оставшихся после сражения сил и средств явно недостаточно для решения такой задачи. Необходимо было усилить армию, подкрепить ее свежими силами, снабдить боеприпасами, продовольствием и фуражом.

К этому были направлены все действия Кутузова. Еще не умолкли разрывы снарядов на поле боя, а Кутузов уже посылает гонца в Москву с убедительной просьбой к Ростопчину: «Прошу вас, ради бога, прикажите к нам немедленно из арсенала прислать на 500 орудиев комплектных зарядов, более батарейных»⁴⁹. В тот же день вслед за первым мчится второй курьер в Москву с еще более убедительной просьбой к Ростопчину: «Сего дня было весьма жаркое и кровопролитное сражение... Завтра, надеюсь я... с новыми силами с ним сразиться. От Вашего сиятельства зависит доставить мне из войск, под начальством Вашим состоящих, столько, сколько можно будет»⁵⁰.

На второй день после сражения Кутузов отправил в Москву полковника Кудашева с письмом, в котором сообщал: «После кровопролитнейшего сражения, вчераш-

него числа происходившего, в котором войска наши потерпели естественно важную потерю, сообразную их мужеству, намерение мое, хотя баталия совершенно выиграна, для нанесения сильного почувствования неприятелю состоит в том, чтобы, притянув к себе столько способов, сколько можно только получить, у Москвы выдержать решительную, может быть, битву противу, конечно, уже несколько пораженных сил его. Помощи, которые требую я, различные, и потому отправляю я полковника Кудашева оные Вашему сиятельству представить лично и просить, чтобы все то, что может дать Москва в расуждении войск, прибавки артиллерии, снарядов и лошадей и прочего, имеемого ожидать от верных сынов отечества, все бы то было приобщено к армии, ожидающей сразиться с неприятелем»⁵¹.

В тот же день в Москву направляется еще один курьер с сообщением о том, что армия в целях концентрации сил отходит к Можайску и что необходимо принять все возможные меры для укрепления армии. «Крайность обстоятельства,— писал Кутузов Ростопчину,— заставляет меня надеяться, что Ваше сиятельство удовлетворите сим моим требованиям в такое время, когда дело идет о спасении Москвы»⁵².

Не только к Ростопчину посылались курьеры с просьбами и требованиями о быстрейшем укреплении армии. Один за другим курьеры мчались в Петербург с такими же просьбами к царю, в Военное министерство, в места, где шло формирование новых полков. Из Можайска Кутузов требовал от Лобанова-Ростовского наискорейшим образом идти с полками к армии, предупреждая его: «...если помощь, которую я ожидаю, не последует в надлежащее время, то вся ответственность падет на Вас...»⁵³.

Плохо обстояло дело с обеспечением армии продовольствием. Прибыв к армии, Кутузов, как он сообщает графу Н. И. Салтыкову, был весьма встревожен недостатками в продовольствии. Еще на пути к Бородину Кутузов требовал от генерал-провиантмейстера Н. О. Лабы ускорить присылку транспорта с продовольствием к Можайску⁵⁴. Да и после Бородина он неоднократно просил Ростопчина выслать возможно больше подкреплений для армии.

Как же реагировал Ростопчин на просьбы главнокомандующего? С обычной легкостью он уверял в наличии больших запасов продовольствия в Москве. Когда же дело коснулось реальной помощи, то он заявил, что нет возможности доставить армии подкрепление.

Несмотря на настойчивые требования Кутузова поддерживать армию, усилить ее с тем, чтобы до конца реализовать успех Бородинского сражения, ни царь, ни Военное министерство, ни Ростопчин не приняли сколько-нибудь эффективных мер для подкрепления войск. Армия не получила ни свежих войск, ни боеприпасов, ни продовольствия.

В сложившейся после Бородинского сражения обстановке, когда армия, понеся значительные потери, не имела возможности их восполнить и тем более не имела резервов для наращивания сил в ходе наступления, переход к активным наступательным действиям наличными силами совершенно исключался. Вот почему Кутузов, сообщая Александру I о своем решении отвести армию к Москве, писал, что он «должен отступить еще потому, что ни одно из тех войск, которые ко мне для подкрепления следуют, ко мне еще не сблизилось...»⁵⁵.

Такова была обстановка, сложившаяся после Бородинского сражения. Не ясно ли, что всякого рода утверждения о якобы наступившем после Бородина коренном переломе в ходе войны лишены основания. Для того чтобы произошел полный перелом в войне, необходимо было качественное изменение самого характера боевых действий, необходим был переход армии от обороны к наступлению. Но сразу же после Бородина в силу отмеченных выше причин этого не произошло.

Одного Бородинского сражения оказалось недостаточно. Пришлось отвести армию к Москве. Кутузов, твердо решив истребить наполеоновскую армию, неуклонно направляет все усилия к достижению поставленной цели. «Когда дело идет не о славе выигранных только баталлий,— доносил он царю,— но вся цель, будучи устремлена на истребление французской армии ...я взял намерение отступить»⁵⁶. «Я баталию выиграл прежде Москвы, но надобно оберегать армию...» — заявлял Кутузов. «Скоро вся наша армия, то есть Тормасов, Чичагов, Витгенштейн и еще другие, станут действовать к одной цели, и Наполеон долго в Москве не пробудет»⁵⁷. Эти слова имеют глубокий смысл. Не получив резервов, не добившись поворота 3-й и Дунайской армий на главное направление, главнокомандующий принял единственно правильное в той обстановке решение: отступать, чтобы сохранить армию, собраться с силами, а затем перейти в контрнаступление и разгромить захватчиков.

Глава седьмая

ОТ БОРОДИНА ДО ТАРУТИНА

1

Главные силы русской армии на рассвете 27 августа (8 сентября) 1812 г., оставив Бородинское поле, пачали движение по дороге, ведущей к Можайску. Вскоре начали отходить и арьергардные войска, никем не теснимые и не преследуемые. К концу дня армия остановилась на почлег у деревни Жуково.

Узнав об отходе русской армии, Наполеон выделил для преследования авангард в составе четырех кавалерийских корпусов и одной пехотной дивизии под командованием Мюрата. Французы с «недоверчивостью», как отмечает в своих мемуарах Сегюр, начали движение вслед за уходившей русской армией¹. К вечеру французский авангард подошел к Можайску. Мюрат получил задачу овладеть этим городом и продвинуться восточнее его. Но русский арьергард оказал упорное сопротивление и удерживал Можайск до утра следующего дня, т. е. столько времени, сколько нужно было для вывоза запасов и раненых. Все усилия Мюрата и молодой гвардии овладеть городом окончились неудачей.

Сегюр отмечает: «Мюрат, подступив к Можайску, вообразил, что этот город в его власти, и послал пригласить императора расположиться в нем на почлег, но оказалось, что русский арьергард укрепился у стен этого города, за которым на возвышенности разместились все остальные войска. Таким образом, они закрывали дороги в Москву и Калугу. Русские имели вид твердый и внушительный, как и перед битвой; Мюрат же со свойственным ему бесстрашием захотел броситься на них. Эта битва зашла так далеко, что потери, понесенные нами накануне, еще увеличились»².

На следующий день русский арьергард отошел за Можайск и остановился близ города на высотах, которые были заняты до этого главными силами русской армии. Здесь войска арьергарда получили подкрепление. Командование арьергардом Кутузов возложил на генерала Милорадовича.

Русская армия отходила за реку Нару к Крутицам, а Милорадович в течение всего дня отражал настойчи-

вые атаки Мюрата на позиции у села Крымского. Мюрат был отброшен с большими потерями, его продвижение было остановлено почти на двое суток.

Русская армия спокойно, по разработанному графику и маршруту, отходила к Москве. Расстояние от Бородина до Москвы было преодолено за шесть суток. Мюрат, получивший довольно ощутимый удар под Можайском и у Крымского, больше уже не пытался нападать на аррьергард русских войск. Дело, конечно, было здесь не только в нерешительности и пассивности Мюрата. Неаполитанский король по своей горячей натуре способен был броситься очертя голову туда, куда прикажет ему его повелитель. После Бородинского сражения противник оказался в большей мере ослабленным, нежели русская армия. Нерешительные действия французской армии были следствием тех огромных потерь, которые она понесла в битве под Бородином. Особенно это коснулось кавалерии — наиболее подвижной части войск, без которой, естественно, Наполеон был не в состоянии организовать преследование русской армии. Оставшаяся конница была крайне изнурена. На одно из замечаний Мюрата, недовольного действиями кавалерии корпуса Нансути, последний ответил: «Это происходит от того, что лошади мои не имеют патриотизма: наши солдаты дерутся хорошо без хлеба, но лошади без овса не исполняют своей обязанности»³.

Большой интерес представляет организация марш-маневра на пути от Бородина к Москве. В первый день войска отходили за Можайск четырьмя колоннами: первая колонна (генерал Дохтуров), состоявшая из войск 2-й армии, 2-го и 3-го пехотных корпусов, следовала по Старой Смоленской дороге; вторая колонна (генерал Милорадович), в которую вошли 4-й и 6-й пехотные корпуса, двигалась правее Новой Смоленской дороги; в третью колонну входила артиллерия, которая передвигалась по Новой Смоленской дороге; четвертую колонну составляли 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, совершавшие движение левее Новой Смоленской дороги⁴.

Последние четыре перехода армия совершала тремя колоннами. Движение войск всегда начиналось в полночь. Вся артиллерия двигалась по Старой Смоленской дороге, по ее правой стороне шли войска 2-й армии и 4-й и 6-й пехотные корпуса, а по левой — отходили остальные войска 1-й армии. Часть кавалерии шла впереди каждой из колонн, а другая часть следовала позади колонн⁵.

Русская армия, имея более 600 орудий, многочисленные парки и обозы, повозки с ранеными и различными грузами, совершала отход в образцовом порядке. Сами французы свидетельствуют об отсутствии каких-либо признаков, по которым можно было бы заключить, что по этому пути только за несколько часов перед тем, после ужасной битвы, прошла вся русская армия. Ни малейших трофеев противнику оставлено не было. Французские военные — участники похода Сегюр, Коленкур, генерал Пеле — сходятся на том, что русские отступили в полном порядке. «После отступления русских, с тревогой отмечал Сегюр, — дорога опустела; не осталось не только ни одного человека, но ни одной повозки...»⁶ Ту же мысль высказывает и генерал Пеле. Он свидетельствует, что «отступление, замечательное по господствовавшему в нем порядку, облегчалось чрезмерною шириною Большой Московской дороги, по которой шло рядом несколько колонн»⁷.

Разумеется, не одной шириной дороги определялся порядок при отходе русской армии. Наполеон после поражения под Ватерлоо в 1815 г. имел прекрасные шоссе в различных направлениях и все же не смог отвести свою армию в порядке. Русская армия отходила в образцовом порядке потому, что под Бородином она не была побеждена, отход ее совершался преднамеренно, без всякого давления со стороны противника.

Одной из важных особенностей организации отхода русской армии явилось выделение сильного арьергарда, способного надежно прикрывать главные силы. Еще при отходе из Царево-Займища был образован общий арьергард от 1-й и 2-й армий под командованием генерал-лейтенанта Коновницына, в состав которого были включены достаточные силы: от 1-й армии целиком 3-я пехотная дивизия, шесть егерских полков, два гусарских полка, две артиллерийские роты, от 2-й армии три егерских полка, два гусарских и несколько казачьих полков генерала Платова.

Еще более сильный арьергард выделялся при отходе армии из Можайска к Москве. Генерал Милорадович, после Можайска командовавший войсками арьергарда (в который входили 2 кавалерийских корпуса и 10 казачьих полков), постоянно наносил чувствительные удары по кавалерии Мюрата и не раз заставлял отступать его.

Командование русской армией высоко оценивало дей-

ствия арьергардных войск, которые прикрывали организованный отход главных сил 1-й и 2-й Западных армий. Так, начальник штаба 1-й армии А. П. Ермолов писал Милорадовичу: «После горячего дела, которое имели... в арьергарде, неприятель не с такой уже живостью преследует... Храбрость войск арьергарда под искусным Вашего высокопревосходительства командованием отдаляет от армии беспокойствие»⁸.

Да и противник вынужден был отметить умелые действия арьергарда. Граф Сегюр приводит разговор Наполеона с маршалом Даву. Маршал сказал Наполеону: «Должно согласиться, что отступление русских исполняется в удивительном порядке. Одна местность, а не Мюрат определяет их отступление. Их позиции избираются так хорошо, так кстати, и каждая из них защищается соответственно их силе и времени, которое генерал их желает выиграть, что, по справедливости, движение их, кажется, идет сообразно с планом, давно принятым и искусно начертанным»⁹.

Организация отхода русской армии, при которой выделялись сильные арьергардные части, прочно прикрывавшие основную группировку войск, способствовала планомерному отводу армии и сохранению ее основных сил. Надо отдать должное командовавшему арьергардом генералу Милорадовичу, проявившему твердость и упорство в отражении атак противника и обеспечившему спокойный отход всей армии.

В литературе существуют две точки зрения в определении послебородинских замыслов и планов русского командования, связанных с дальнейшим характером ведения войны, и в частности с его позицией в отношении обороны Москвы. Некоторые историки полагают, что если не до Бородина, то после него сразу же было решено оставить противнику Москву. Военные историки Богданович и Михневич утверждают, что судьба Москвы была предрешена падением Смоленска и что якобы сам Кутузов это хорошо понимал, заявив, что с падением Смоленска был отдан Наполеону ключ к Москве.

Сторонники другой точки зрения считают, что русские по пути движения армии к Москве чуть ли не каждый день собирались давать новое генеральное сражение и каждый раз его отменяли, что по приказанию Кутузова избиралась позиция для генерального сражения от Можайска до окрестностей Москвы. Анализ хода событий не оставляет никакого сомнения в том, что русские

командование принимало все зависящие от него меры, чтобы не допустить противника к Москве¹⁰. В одном из писем к Ростопчину Кутузов, сообщая о приближении русской армии к Москве, отмечал, что армия, получив резервы, не только сможет «противиться неприятелю, но даже ожидать и поверхности над оным»¹¹.

Не так легко и не так просто было принять решение — дать новое сражение под Москвой. Понятно, что важнейшим вопросом, над которым думал все это время Кутузов, был вопрос, как быть с Москвой: сражаться ли у ее стен и защищать до последнего солдата или оставить ее без боя и сохранить армию.

Люди, имевшие возможность видеть Кутузова в это время, рассказывают, с каким напряжением ума полководец обдумывал дальнейшие действия¹². В это время вновь встал вопрос о резервах. Имелись ли реальные возможности в распоряжении русского командования для нового сражения? Как мы уже знаем, русский полководец до поры до времени еще надеялся на возможное усиление армии за счет свежих резервов. Но чем ближе подходила армия к Москве, тем более очевидным становилось, что царское правительство и его Военное министерство не только не справились с сосредоточением необходимых вооруженных сил для защиты Москвы, но и всячески тормозили развертывание и комплектование новых формирований рекрутов и народного ополчения, опасаясь превращения войны в народную. На все требования Кутузова и его штаба о посылке резервов следовали отрицательные ответы со стороны Александра I и Ростопчина. Александр I запретил Лобанову-Ростовскому выделять резервы, а Ростопчин отвечал, что все резервы израсходованы.

Был ли выход из этого трудного положения? Да. Для этого необходимо было открыть московский арсенал, вооружить патриотов. Однако Ф. В. Ростопчин, как представитель реакционных кругов дворянства, предпочел оставить противнику десятки тысяч ружей, более сотни орудий, боеприпасы, чем вооружить ими народ. В руки противника попало 156 орудий, 74 974 ружья, 7041 карабин, мушкет и штуцер¹³. И, безусловно, правы те историки, которые утверждают, что непосредственными виновниками срыва плана Кутузова защищать Москву были прежде всего Александр I, его окружение, Ростопчин, т. е. те, которые обязаны были всемерно укреплять армию и материальными и людскими ресурсами¹⁴. Если

бы в тот критический момент истории царское правительство своевременно реагировало на просьбы Кутузова и его предложения, события приняли бы иной оборот.

Отводя армию в глубь страны, Кутузов сознавал, что неременным условием перехода в контрнаступление является создание превосходства над противником, наличие крупной группировки для его осуществления. Хотя в Бородинском сражении французской армии был нанесен чувствительный удар и она была значительно ослаблена, однако соотношение в силах оставалось все еще неблагоприятным для русской армии. Главное — отсутствовали те источники, которые давали бы возможность быстро увеличить ее численность. Понятно, что при этих условиях давать новое кровопролитное сражение непосредственно за Москву было слишком рискованно. Необходимо было пожертвовать Москвой.

В сложной обстановке собрался 1 сентября в Филях военный совет. К 5 часам вечера в домик, где остановился Кутузов, прибыли генералы: М. Б. Барклай-де-Толли, Ф. П. Уваров, Д. С. Дохтуров, А. П. Ермолов, П. П. Коновницын, А. И. Остерман-Толстой и полковники К. Ф. Толь и П. С. Кайсаров. Несколько позднее к ним присоединились Л. Л. Беннигсен и Н. Н. Раевский. На обсуждение был поставлен только один вопрос: сражаться или оставить Москву без боя? Часть генералов высказались за оставление Москвы, другие настаивали на сражении. Тогда Кутузов встал и произнес свою знаменитую речь: «С потерей Москвы еще не потеряна Россия. Первою обязанностью поставляю сберечь армию и сблизиться с теми войсками, которые идут к нам на подкрепление. Самым уступлением Москвы приготовим мы неприятелю неизбежную гибель. Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно завершить войну, но, когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия. Приказываю отступить»¹⁵.

Решение Кутузова оставить Москву без сражения — свидетельство большого мужества и силы воли полководца. На такой шаг мог решиться только человек, обладавший качествами крупного государственного деятеля, твердо веривший в правильность своего стратегического замысла, осуществление которого должно было привести к гибели наполеоновской армии. Кутузов не сказал, куда должна отступить армия, он держал это в строгой тайне. Вообще Кутузов не особенно делился своими замыслами

даже с приближенными, следуя, видимо, правилу: подушка, на которой спит полководец, не должна знать его мыслей.

Оставление Москвы — наиболее драматический акт войны 1812 года. На рассвете 2 сентября русская армия начала движение по улицам Москвы, уходя по Рязанской дороге в направлении к Бронницам. К вечеру ее главные силы уже находились в 15 километрах к востоку от Москвы. Армия расположилась на ночлег у села Панки.

Самостоятельное решение Кутузова об оставлении Москвы вызвало возмущение царского правительства. Было созвано специальное заседание Комитета министров, которое высказало следующее мнение. «Комитет гг. министров в заседании 10 сентября 1812 года имел рассуждение, что донесения генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова как от 29 прошедшего августа, так и последнее, Комитету сообщенное, из коих первым предвещает он об отступлении армии из позиции под Бородином, а вторым извещает о неожиданном допущении неприятеля в Москву без всякого сопротивления, не представляет той определенности и полного изображения причин, кои в делах столь величайшей важности необходимы, и что сие поставляет правительство в невозможность основать свои заключения. Комитет полагает предписать главнокомандующему армиями, дабы, во-первых, доставил сюда он протокол того совета, в коем положено было оставить Москву неприятелю без всякой защиты, и, во-вторых, чтобы на будущее время всегда присылал он полные о всех мерах и действиях своих сведения»¹⁶.

Александр I, обеспокоенный судьбой Петербурга, царской фамилии, с раздражением писал Кутузову: «На Вашей ответственности останется, если неприятель в состоянии будет отрядить значительный корпус на Петербург для угрожения сей столице, в которой не могло остаться много войска, ибо с вверенною Вам армиею, действуя с решимостью и деятельностью, Вы имеете все средства отвратить сие новое несчастье, вспомните, что Вы еще обязаны ответом оскорбленному отечеству в потере Москвы»¹⁷.

Но страх и беспокойство царя были напрасными. Для Наполеона Москва была заветной целью. Здесь, в Москве, он мечтал заставить русских подписать мир. Мысль о мире со взятием Москвы овладела всеми — от солдата до маршала. «Москва была конечной целью нашего по-

хода»¹⁸. «Москва взята, война окончена» — так думали многие во французской армии.

Но почему же Наполеон, находясь у своей заветной цели, был мрачен как никогда? Почему Москва не радовала, а тревожила его? Дело, конечно, не в том, что московские купцы не вынесли Наполеону ключей от столицы к Поклонной горе или Дорогомилловской заставе, и даже не в том, что город оказался пустым. Наиболее важной причиной, вызвавшей тревогу у Наполеона, явилось сознание, что он не уничтожил вооруженных сил России. Москва была не завоевана, а оставлена без боя. Русская армия отошла в глубь страны и как дамоклов меч нависала над головой завоевателя.

Это обстоятельство облегчило Кутузову решение чрезвычайно трудной и важной проблемы, а именно задержка французов в Москве давала возможность русской армии оторваться от их основных сил. Таким образом, Москва явилась не только губкой, впитавшей французскую армию, но и магнитом, притянувшим ее к себе надеждами на заключение мира и окончание войны.

2

В начале XIX в. Москва была крупнейшим городом России, центром русской промышленности и торговли, с огромным количеством фабрик, складов, магазинов, с оригинальной архитектурой, сочетавшей древние и новейшие течения в строительстве. В 1806—1811 гг. в Москву из Мытищ был проведен водопровод, на главных площадях устроены водоразборные колонки и фонтаны.

Москва, в сущности, была резиденцией русского дворянства. В городе жили вельможи, знатные чиновники, когда-то близко стоявшие ко двору и занимавшие высокие государственные посты. Теперь они сошли со сцены. Но, владея богатством, независимым положением, сохраняя связи, дворянская знать оказывала сильное влияние на решение вопросов государственной важности. Москва являлась средоточием общественного мнения русского дворянства.

Высшее дворянство определяло всю жизнь Москвы. Торговля подчинялась его вкусам, его потребностям. В Московском университете обучались преимущественно дети дворян, для них же открывались институты, частные пансионы. «Зиму 1812 года,— пишет одна современница,— провели мы, как и всегда, на балах, концертах,

благородных спектаклях. Весело промчалась зима, и помину тогда не было о политике, разве, играя в бостон, партнеры шепотом пзъявляли негодование на Тильзитский мир да изумлялись исполинским успехам Наполеона. Но никто не тревожился за сильную и непобедимую Россию, тем менее за ее столицы. Прошла весна так же весело в пикниках и гуляньях». Появление французских войск на русской территории вызвало недоумение: «да что же Наполеон, с ума что ли сошел. Покорить Россию что ли хочет»¹⁹.

Даже неожиданный приезд в Москву 11 июня Александра I не встревожил дворянское общество. Появление царя в Кремле, встреча с ним, таинственная обстановка лишь поднимали престиж «действующих лиц, со сцены сошедших», так как царь искал у них поддержки и помощи в борьбе с вторгшимся врагом. Но когда стало известно, что Смоленск пал и армия отступает к Москве, паника охватила столицу. «Боялись не одних французов, ждали с ужасом волнений среди черни и крепостных, повторения пугачевщины, беспорядков, мятежа и резни дворян»²⁰. Ежедневно более тысячи повозок, карет, бричек, колясок покидали Москву. Уезжали куда попало: в Рязань, Нижний, Ярославль, Тамбов, Ростов.

О том, что произошло под Бородином, в Москве толком не знали. Распрострапались слухи о победе русских, но, может быть, это делалось умышленно, чтобы успокоить население. Когда простые люди узнали об отступлении армии через Москву, они также стали покидать город. Население сливалось с войсками, заполняя все дороги. Насколько велик был этот поток, можно представить себе из сопоставления двух цифр. Накануне вторжения Наполеона в Москву насчитывалось 270 тыс жителей²¹, к моменту вступления в нее французской армии осталось не более 10—12 тыс. Следовательно, основная масса населения покинула город.

Еще не успели опуститься над занятой французами Москвой сумерки, как в разных частях города начались пожары. Вскоре широко распространившееся пламя, подобно огненному морю, уже бушевало над огромным городом.

Москва горела целую неделю: с 2 по 9 сентября. Почти начисто выгорели улицы по линии движения французской армии от Дорогомиловской заставы к Рязанской дороге. Горели Арбат, Пречистенка, весь центр Москвы, Таганка и вся яузская часть города. До пожара в Москве

был 9151 дом (из них деревянных 6584), сгорело (с учетом октябрьских пожаров) 6496 домов, остальные были большей частью разграблены²².

О времени начала пожара, его последовательном распространении в литературе особых разногласий нет. По свидетельствам современников — русских и французов, очевидцев начавшегося пожара, первые его очаги появились в ночь на 2 сентября. Французский врач Роос не может утверждать, где вспыхнул пожар: в центре или на окраине (ведь была ночь), но он доподлинно знает, что произошел взрыв такой страшной силы, что можно было предположить, будто взорвался пороховой погреб, пламя и клубы дыма поднимались к небу сначала в одном, а затем в разных местах²³.

Оставшиеся в Москве начальник вотчинного департамента и хранитель архива А. Д. Бестужев-Рюмин, чиновник А. Корфачевский, приказчик М. Соколов рассказывали, что пожары начались в Замоскворечье, горели винные магазины, Гостиный двор, взрывались барки с боеприпасами. Карл Клаузевиц видел, как загорались предместья Москвы, как поднимались столбы дыма еще вечером 2 сентября, когда русская армия покидала столицу. Многие очевидцы (мемуарист Домерт, О. А. Поздеев, аббат Сюррюс и др.) свидетельствуют, что первые пожары возникали по линии движения русской, а вслед за ней французской армий от Дорогомиловской заставы к Рязанской дороге, особенно в районах Арбата, Большого Каменного моста, на Солянке, на подступах к Яузе.

Такова общая география московского пожара. Деревянные постройки, узкие улицы, сильный ветер — все это способствовало тому, что вскоре пожар бушевал во всем городе. И лишь проливной дождь, начавшийся утром 7 сентября, смирил разбушевавшуюся огненную стихию.

Что касается причин московского пожара, то здесь имеются две основные тенденции: русские историки и писатели доказывали, что Москву сожгли Наполеон, солдаты французской армии; французы обвиняли в этом русских: Ростопчина, московскую полицию, «каторжников», выпущенных из московских тюрем²⁴.

В первой половине XIX в. в определении причин пожара утвердилась теория стихийности, пущенная в ход еще в 1836 г. С. Н. Глинкой, который в своей книге о войне 1812 г. писал: «Москва сгорела и должна была сгореть... Кто жег Москву? Никто. Над нею и в ней ходил суд божий... Тут нет ни русских, ни французов, тут

огнь небесный... Москва, брошенная круглой сиротою, как на ратном распутии, Москва горела и сгорела... Трубы были вывезены; огни бивачные пылали по улицам: гасить их никто не подряжался»²⁵. Позже о случайности пожара писал в своих «Записках» Д. Н. Свербеев, а в романе «Война и мир» — Л. Н. Толстой.

О причинах московского пожара стали писать сразу же, не успев погасить его последние очаги. Писали Наполеон, Кутузов, Ростопчин, надзиратель московского воспитательного дома Туттолмп. Писали многие, находившиеся тогда в Москве и вне ее. Историография вопроса огромна. Свидетельств очевидцев и мнений исследователей множество. Тут и воспоминания русских очевидцев-москвичей Яковлева, Лунина, няни А. И. Герцена, тут и свидетельства французов: эмигранта аббата Сюррюса, префекта имперского двора Боссе и тех, кто находился вместе с Наполеоном: Сегюра, Коленкура, Рооса, Лабома. Свидетельства эти различны и противоречивы.

Ни один историк, писавший о войне 1812 года, не прошел мимо выяснения причин и оценки московского пожара. Об этом мы находим суждения у А. И. Михайловского-Данилевского в его «Описании Отечественной войны», в «Истории Отечественной войны 1812 года» М. И. Богдановича, у писавшего о войне обер-квартирмейстера 6-го пехотного корпуса И. П. Липранди, у историка А. Н. Попова. В юбилейном издании «Отечественная война и русское общество» помещены специальные статьи С. П. Мельгунова «Кто сжег Москву?» и И. М. Катаева «Пожар Москвы».

Советские историки М. Н. Покровский, Е. В. Тарле, М. В. Нечкина, С. В. Бахрушин и другие, писавшие о 1812 годе, сказали свое слово о пожаре Москвы. Весьма кропотливую и ценную работу по историографии вопроса проделал профессор И. И. Полосин²⁶. Пожалуй, это одна из лучших специальных работ. Автор собрал многочисленные высказывания о пожаре, сопоставил их, критически оценил и сделал выводы. Его работу продолжил В. М. Холодковский, который привел дополнительные данные, позволившие глубже разобраться в причинах пожара²⁷.

Нет сомнения, что главная ответственность за это огромное бедствие лежит на агрессоре, вероломно вторгшемся в пределы русской земли: бесспорно, не было бы французов в Москве, огонь не испепелил бы напуганную столицу. Выдвигавшееся некоторыми историками

предположение, что, вступив в Москву, Наполеон немедленно отдал приказ о ее сожжении, не выдерживает критики.

Наполеон должен был расквартировать в Москве огромную армию, обеспечить ее жильем, продовольствием. В этих условиях приказ о сожжении города в момент вступления в него был бы нелепостью. Такого приказа, разумеется, «не сохранилось» по той простой причине, что его не существовало. Другое дело — приказ Наполеона в момент ухода из Москвы. Варварское намерение оставить за собой уничтоженный город, полностью разрушить и испепелить то, что пощадил гигантский пожар, взорвать Кремль, уцелевшие здания, увести огромные награбленные ценности не вызывает никаких сомнений.

Были ли случаи уничтожения или поджога русскими каких-либо объектов в Москве? Да, были. Русская армия, поспешно отступая (Москва была оставлена в один день), не имела возможности вывезти заготовленные в Москве для армии боеприпасы, продовольствие, фураж, часть военного снаряжения. Понятно, что эти запасы нельзя было оставлять врагу. Необходимо было лишить его того, в чем он наиболее нуждался. Поэтому русские могли уничтожить и действительно уничтожили часть этих объектов и запасов, как имевших важное военное значение.

Кутузов в беседе с наполеоновским генералом Лористоном, приехавшим в Тарутинский лагерь с письмом от Наполеона с предложением мира, сказал: «Что же касается до московского пожара, я стар, опытен, пользуюсь доверенностью русского народа и поэтому знаю, что в каждый день, в каждый час происходит в Москве. Я сам приказал сжечь магазины: но по прибытии французов русские сами истребили только каретные ряды, которыми вы овладели, и начали делить между собой кареты. Жители причинили очень мало пожаров. Вы разрушили столицу по своей методе: определили для пожара дни и назначили части города, которые надлежало зажигать в известные часы. Я имею подробное известие обо всем. Доказательством, что не жители разрушили Москву, служит то, что разбивали пушками дома и другие здания, которые были слишком крепки, стреляя в них посреди огня. Будьте уверены, что мы постараемся вам заплатить»²³.

Кутузов, решаясь на оставление Москвы, был твердо убежден, что это временное явление, что Наполеон долго

в Москве не пробудет, что Наполеон вынужден будет оставить Москву. Следовательно, ни о каком умышленном сожжении Москвы как акте, который мог бы коренным образом повлиять на ход войны, у русского командования не было, а основной силой, которая заставит Наполеона покинуть Москву, полагали не стихию, не пожар, а штык и пулю русского солдата и русского крестьянина.

Как мы уже знаем, Наполеон с захватом Москвы связывал окончание войны. Именно в Москве он стремился продиктовать русским условия мира и «узаконить» закрепощение России. Наполеон еще перед Смоленском и Бородином обещал отдать Москву на разграбление армии, в ее полное распоряжение²⁹.

Вместе с пожаром начались и грабежи. Французские солдаты врываются в пустующие дома, магазины, погреб, кладовые и тащили ценные предметы, картины, одежду, продукты. Размеры бесчинств и грабежей оказались настолько велики, что после недельного пребывания французской армии в Москве Наполеон попытался было их приостановить. 7 сентября Бертье разослал корпусным командирам приказ следующего содержания: «Император приказывает с завтрашнего дня прекратить грабежи в Москве. Поэтому Вы назначите пехотные и кавалерийские патрули в достаточном количестве, чтобы заставить солдат вернуться к своим частям и не допускать их обшаривать погреба и дома»³⁰.

Но это не помогло. Никаким приказом нельзя было отменить того, что долгие годы внедрялось в армии. На другой день тот же маршал Бертье писал командиру 4-го корпуса Богарне: «Император с огорчением усматривает, что вопреки отданному вчера приказанию прекратить грабежи сегодня они продолжают по меньшей мере так же, как и прежде. Я могу лишь снова предложить Вашему высочеству принудить относиться с уважением к приказам императора, удержать солдат при частях, установить за ними надзор офицеров и, наконец, восстановить должный порядок и дисциплину»³¹.

Не только в Москве, но и в тыловых гарнизонах, в местах, где создавались продовольственные базы, среди французских войск падала дисциплина, усиливалось мародерство, начались грабежи крестьянских хозяйств. Генерал Латур-Мобур, командир 4-го кавалерийского резервного корпуса, сообщал Наполеону из деревни Рычково, куда он прибыл из Смоленска 19 августа, что все деревни пустыни и разграблены и в них он встретил

много отставших солдат из разных полков и корпусов. Подобные факты отмечались и в других сообщениях.

Приведем почти полностью одно из таких донесений, поступившее к Наполеону от начальника поста в Злобнево лейтенанта Глинского:

«Мой генерал! Имею честь сообщить, что полк императорской гвардии, который стоял гарнизоном в Смоленске, вчера и позавчера расположился лагерем подле вверенного мне сторожевого поста. Он изъясил скот, который имелся в моем распоряжении для питания отряда, и реквизировал лошадей, предназначенных для обслуживания поста. Был отобран и восьмисуточный запас провiantа, который у меня имелся. Более того, солдатам, которых я поставил охранять эти съестные припасы, угрожали, что в случае сопротивления их заколют штыками. Коротче говоря, воинская дисциплина для большинства людей этого полка совершенно не существует.

Они обобрали крестьян до последней нитки, нещадно избили их. Подобное поведение, бесспорно, вызывает скорее чувство ненависти к званию француза, а отнюдь не уважение и признание со стороны населения. Многие крестьяне, которые благодаря моим стараниям возвратились к своим очагам, снова уходят в леса. У них только что отобрали последних лошадей, а посему они не в состоянии закончить сбор урожая и, следовательно, существовать им будет не на что»³².

Наполеон вошел в Москву 2 сентября, а покинул ее через 34 дня — 6 октября 1812 г. 25 сентября были взорваны «Полевой двор» и в нем пороховой погреб. На следующий день Наполеоном был отдан приказ маршалу Бертье о сожжении Кремля и московских общественных зданий³³, 28 сентября в 8 часов вечера французы зажгли «Винный двор», а в ночь на 29 сентября французский гарнизон вышел из Кремля через Каменный мост по Калужской дороге, подложив взрывчатку под стены и башни Кремля и здания внутри Кремля. Руки патриотов предупредили взрывы во многих местах и в основном спасли великий памятник национального искусства и исторического прошлого. Помог и начавшийся дождь. Сохранилось свидетельство о шести взрывах, причем каждый последующий был слабее предшествующего. Кремль был взорван с четырех сторон³⁴. Пострадали Грановитая палата, часть арсенала, две башни и частично стены. Сохранился вид разрушенной части Кремля со стороны Воскресенского моста. Взрыв Кремля не имел ни

малейшего военного значения для Наполеона — это было лишь варварским актом мести русскому народу.

Мы привели здесь лишь небольшую часть документов, относящихся к выяснению причин пожара Москвы. Нетрудно заметить, что в высказываниях современников немало противоречивых суждений. И все же, изучая историю тех драматических дней, когда Москва была объята огнем, сопоставляя и критически оценивая разноречивые данные, мы приходим к выводу, что большинство свидетельств сходится на том, что первые пожары возникли в тех местах, где находились военные объекты: артиллерийское депо, каретные ряды, пороховой, монетный, фуражные и продовольственные дворы, баржи с хлебом на Москве-реке.

Следует иметь в виду, что в Москве находилось 20 тыс пудов пороха, 27 тыс артиллерийских снарядов, 156 орудий, 74 974 ружья, 39 846 сабель, 18 522 ядра, 4293 бомбы, 1600 тыс патронов, большие запасы фуража и продовольствия, оставлять которые противнику было нельзя³⁵. Но и вывезти все это русские не могли.

Оставался один выход — уничтожить военные объекты, предать их огню, чтобы ничего не досталось врагу. Причем речь шла именно о военных объектах, а не о преднамеренном сожжении Москвы.

Мы не можем игнорировать факты возникновения пожаров и там, где появлялись французские войска, где начинался грабеж опустевших купеческих и дворянских домов, винных погребов.

В распространении огня по городу сыграл свою роль и сильный ветер — фактор совершенно случайный. Огонь с невероятной быстротой охватывал дом за домом, квартал за кварталом.

В военном отношении пожар Москвы имел свои последствия: он создал для французской армии тяжелые условия пребывания в городе, способствовал ее разложению, затормозил ее движение. И в то же время позволил русским войскам оторваться от противника, скрытно осуществить фланговый марш-маневр.

Московский пожар привел в замешательство императора и его армию. Каковы бы ни были его причины, он явился неожиданностью для завоевателей, спутал им карты.

Наполеон перебрался из Кремля в подмосковный Петровский дворец. Его душевное состояние с огромной силой таланта передает А. С. Пушкин:

*Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он* ³⁶.

Наполеон был «в думу погружен». Его волновало: преследовать русскую армию, которая неизвестно куда исчезла, или ждать мира в Москве.

3

Пока горела древняя Москва, пока бесчинствовали на ее улицах гвардейцы Лефевра и Мортье, кавалеристы корпусов Мюрата и Даву, русская армия совершала свой знаменитый марш-маневр.

На второй день после оставления Москвы русские войска, пройдя 30 километров по Рязанской дороге, переправились через Москву-реку у Боровского перевоза и неожиданно были повернуты Кутузовым на запад. 6 сентября армия форсированным маршем перешла на Тульскую дорогу и сосредоточилась в районе Подольска. Через три дня она уже находилась на Калужской дороге и остановилась лагерем у Красной Пахры. После пятидневного пребывания в Красной Пахре армия совершила еще два перехода по Калужской дороге и 21 сентября, перейдя реку Нару, остановилась в Тарутине.

Фланговый марш-маневр русской армии коренным образом менял всю стратегическую обстановку, менялся характер боевых действий: вместо оборонительных они становились наступательными. В самой основе поворота армии на запад были заложены черты наступательных действий.

По своему замыслу и осуществлению фланговый маневр явился выдающимся достижением военного искусства. Никому из полководцев до Кутузова не приходилось в такой сложной обстановке совершать подобного рода маневры. «Тарутинский маневр Кутузова по праву считается таким достижением военного искусства, которое одно могло бы дать ему славу гениального полководца» ³⁷.

Фланговый марш-маневр был разработан лично Кутузовым и проводился под его непосредственным руководством. Как мы уже знаем, Кутузов сохранял свой план в глубочайшей тайне. О предстоящих действиях не знали даже близко стоявшие к нему офицеры и генералы штаба. В официальной же переписке основную сущность плана флангового марш-маневра Кутузов изложил сразу же после оставления Москвы. Отдавая распоряжение генералу Винценгероде о прикрытии Тверской и Клинской дорог, он писал 3 сентября: «Намерение мое есть сделать завтра переход по Рязанской дороге; потом другим переходом выйти на Тульскую, а оттуда на Калужскую дорогу в Подольск»³⁸.

Более обстоятельно Кутузов изложил сущность флангового маневра и его выгоды в донесении царю, отправленном 4 сентября из деревни Жилино: «С армиею делаю я движение на Тульскую дорогу. Сие приведет меня в состояние прикрывать пособия, в обильнейших наших губерниях заготовленные, всякое другое направление пресекло бы мне оные, равно связь с армиями Тормасова и Чичагова...»³⁹.

Позже кое-кто хотел приписать себе замысел проведения флангового маневра. Очень громко заявлял об этом Беннигсен⁴⁰, не прочь был приписать себе идею маневра и полковник Толь⁴¹.

Но были и такие военные, которые вопреки очевидным фактам утверждали, что фланговый марш-маневр — дело случая. Так, прусский офицер Вольцоген, находившийся во время войны на русской службе, писал о действиях Кутузова после оставления Москвы: «Окружившие его [Кутузова] лица решительно ничего не знали о дальнейших его планах; он оставлял их в совершенном неведении, как можно предполагать по тому, что сам он не имел никаких планов. Впоследствии русские начали выдавать это фланговое движение за ученый стратегический маневр, и, воспользовавшись этим, кн. Кутузов счастливую случайность представил плодом своих мудрых соображений. Но сколько мне известно — то сила обстоятельств и случай были причинами этого соображения — с целью движения, важного по своим последствиям»⁴².

Большое значение имела скрытность проведения флангового марш-маневра. Армия большую часть марша совершала в ночное время, выступая в поход в 2 или 3 часа ночи. Двигаясь двумя колоннами по проселочным дорогам, войска соблюдали во время марша строжайшую

дисциплину, ни один человек, будь то генерал, офицер или рядовой солдат, не имел права отлучаться от своего места. Всем генералам было приказано Кутузовым во всякое время находиться неотлучно в линиях при своих корпусах⁴³.

Марш-маневр главных сил армии прикрывался сильным аррьергардом, в задачу которого входило не только обеспечение планомерного и безопасного движения войск, но и дезориентация противника, для чего часть войск аррьергарда должна была совершать движение в ложном направлении, увлекая за собой отряды противника. 5 сентября Кутузов приказал командовавшему аррьергардом генералу Милорадовичу направить казаков по Рязанской дороге для «фальшивого движения», как он говорил, «а движение всего Вашего аррьергарда должно быть так скрытно в ночи сделано, чтобы ни малейшего следа на фланговой нашей дороге неприятель не открыл»⁴⁴. Войска аррьергарда успешно выполнили свои обязанности, а также установили направление движения и численность наполеоновских войск. «Старайтесь всячески иметь самые вернейшие сведения о неприятеле, — указывал Кутузов Н. Н. Раевскому 10 сентября, — и для того должны казаки делать частые разъезды во все стороны, чтобы открыть настоящее направление неприятельских сил»⁴⁵.

Несмотря на то что Наполеон разослал по всем дорогам отряды, чтобы установить направление движения главных сил русской армии, ему так и не удалось правильно определить это направление. Мюрат с Рязанской дороги, Понятовский — с Тульской, Бессьер — с Калужской доносили, что русской армии нигде нет, она рассеялась среди белого дня. В течение двух недель, вплоть до 14 сентября, Наполеон не знал, где находится русская армия. В военной истории нет, пожалуй, подобного примера, когда почти стотысячная армия могла «исчезнуть» на глазах у противника. В умении оторваться от французской армии, ввести ее в заблуждение, в умении замаскировать движение войск своих и скрытно провести весь фланговый марш-маневр — одна из крупнейших заслуг русского командования. Этим маневром прикрывалась не только Калуга, где были сосредоточены огромные запасы для армии, но и Тула с ее оружейным заводом.

В результате выхода русской армии в район Тарутина сохранилось сообщение с южными областями России, которые питали армию людским пополнением, вооружением и всеми видами довольствия. Этот маневр обеспечи-

вал также связь главной армии с армиями Торماسова и Чичагова. Крупнейшее стратегическое значение марш-маневра состояло в том, что он открывал широкие возможности для развертывания наступательных действий русской армии и партизанских отрядов, причем под активное воздействие попадала не только главная группировка наполеоновских войск, находившаяся в Москве, но и вся коммуникационная линия от Москвы до Смоленска — эта важнейшая артерия, связывавшая Наполеона и с его войсками, находившимися в глубоком тылу, и с Парижем.

Характерно, что уже в ходе маневра по пути продвижения армии к Тарутину были выделены крупные отряды для рейдов в тыл наполеоновской армии. Созданный в Красной Пахре отряд в составе трех казачьих полков, одного гусарского и одного драгунского полков под командованием генерал-майора Дорохова был направлен на Смоленскую дорогу в район Перхушкова. Отряд генерала Дорохова только за одну неделю своих боевых действий в тылу противника уничтожил до четырех кавалерийских полков противника, захватил большие обозы и взял в плен более 1500 солдат и офицеров, а всего партизанскими отрядами еще до Тарутина было взято в плен более 5 тыс. французских солдат и офицеров⁴⁶. Что касается армии Наполеона, то этим маневром она была поставлена в весьма тяжелое положение. Для нее были закрыты пути в южные, не разоренные войной районы, где она могла бы добыть необходимые для нее продовольствие и фураж. Более того, армия Наполеона очутилась в кольце, образованном русской армией и партизанскими отрядами, она лишилась свободы маневра и активности, не могла вести боевые действия на петербургском направлении.

Тарутинский маневр является одним из наиболее значительных событий Отечественной войны 1812 года, важным этапом на пути к победе над армией Наполеона. Он завершил собой целую полосу военных действий, когда русские войска вынуждены были обороняться и отступать в глубь страны под натиском превосходящих сил противника. Став лагерем у села Тарутина, армия Кутузова заняла те исходные рубежи, с которых вскоре начала свое победоносное контрнаступление.

Историческое значение и смысл марш-маневра не сразу получили должную оценку. Многим тогда казалось, что происходило обычное движение войск с целью ото-

рваться от противника, избежать нового сражения с ним. Это во многом объяснялось скрытностью всех мероприятий Кутузова по осуществлению своего стратегического замысла. По той же причине и Наполеон слишком поздно разгадал планы Кутузова. Резкое изменение обстановки, вызванное марш-маневром русской армии, было для него полной неожиданностью.

Только спустя известное время, уже после гибели наполеоновской армии в России, стало совершенно очевидным, сколь мудрым и прозорливым был фельдмаршал Кутузов в своем решении отвести русскую армию в район Тарутина. Огромное влияние флангового марш-маневра на весь последующий ход войны было неоспоримым. Сам Наполеон, позже осмысливая свой русский поход, вынужден был признать: «...Хитрая лиса — Кутузов — меня сильно подвел своим фланговым маршем»⁴⁷.

Часть вторая

ПЕРЕЛОМ В ВОЙНЕ.

ГИБЕЛЬ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ

Глава восьмая

РУССКАЯ АРМИЯ В ТАРУТИНЕ

1

После более чем трехмесячного отступления русская армия впервые за всю войну остановилась на довольно продолжительное время. Кутузов, взойдя на крутой берег реки Нары, сказал, обращаясь к своим генералам и офицерам: «Теперь ни шагу назад. Приготовиться к делу, пересмотреть оружие, помнить, что вся Европа и любезное Отечество на нас взирают»¹.

Тарутиным заканчивался первый период войны, связанный с отступлением армии в глубь страны, и начинался второй, связанный с усилением русской армии, ее активизацией и последующим полным разгромом врага в ходе наступления.

В Тарутине были осуществлены важнейшие подготовительные и организационные мероприятия, обеспечившие успешный переход русской армии в контрнаступление. Сразу же по прибытии в Тарутино ближайшие задачи командования состояли в том, чтобы обеспечить армии передышку, дать возможность, окрепнув, активизировать действия и сковать основные силы противника.

Решение этой первоочередной задачи началось с организации прочной обороны. Главные силы русской армии вступили в Тарутино 21 сентября, а на следующий день войска уже приступили к возведению укреплений на правом берегу Нары. Сама позиция представляла большие выгоды для русской армии. С тактической точки зрения войска, искусно оборудовав местность, превратили Тарутинский лагерь в своего рода крепость. Фронт обороны прикрывался Нарой. Хотя эта река и не была большим

препятствием для неприятеля (ее ширина 50—60 метров), однако ее крутые берега, усиленные в инженерном отношении, представляли серьезный оборонительный рубеж. Правый фланг армии располагался на высотах; впереди их вплоть до берегов Нары и далее простиралась обширная равнина, которая со стороны русских хорошо простреливалась ружейным и артиллерийским огнем и была удобной для действия русской кавалерии. Левый фланг располагался на равнине, пересекаемой оврагами, и примыкал к густому лесу, а с фронта прикрывался дополнительно рекой Истья, которая затрудняла действия противника на этом направлении. В тылу армии находился сплошной лесной массив, позволявший скрыть группировку армии, но требовавший большей бдительности по отношению к возможным действиям разведки противника.

Для укрепления тарутинской позиции были проведены большие инженерно-фортификационные работы: вдоль всего фронта были сооружены земляные укрепления, эскарпированы берега реки, перед фронтом и на флангах построены люнеты и редуты. В лесу, на левом фланге, с целью затруднения действий противника были сделаны большие засеки и завалы.

В создании прочной обороны большая заслуга принадлежала инженерно-саперным частям генерал-майора П. Н. Ивашева. Инженерные части, как об этом отмечалось в «Журнале поденных работ», построили два редута и внутренние сообщения между ними, шесть мостов на реке Наре, укрепили левый фланг позиции. Жители Тулы прислали в Тарутино 2200 лопат, 1000 топоров и другой шанцевый инвентарь, необходимый для инженерно-саперных работ².

Старая Калужская дорога, проходившая через Винково, Тарутино, Леташовку, была как бы центральной осью всей позиции, по обеим сторонам которой группировалась русская армия. В боевом построении армия располагалась следующим образом: впереди Тарутина, на левом берегу Нары, между деревнями Дедня и Глодово, занял позицию сильный авангард, состоявший из 2-го и 4-го кавалерийских корпусов под общим командованием Милорадовича. Главные силы армии располагались на правом берегу Нары. В 600—700 м от ее берега стояли 2-й и 6-й пехотные корпуса. Оба корпуса, примыкая флангами друг к другу, были построены в две линии и являлись передовой частью армии. За ними на расстоянии 800 м находились построенные также в две линии 4, 5, 3

и 7-й пехотные корпуса. Войска этих корпусов, занимая фронт длиннее фронта передовой части армии, прикрывали ее фланги, а 7-й пехотный корпус, находясь на левом фланге, был расположен фронтом к реке Истья.

За второй линией пехотных корпусов, за их флангами стояла кавалерия: за правым флангом — 1-й кавалерийский корпус, а за левым — отряды легкой кавалерии. Главный резерв составлял 8-й пехотный корпус, располагавшийся за 5-м и 3-м пехотными корпусами по обеим сторонам дороги, наконец, в 200 м позади 8-го корпуса находился дополнительный резерв, состоявший из 1-й и 2-й кирасирских дивизий под командованием генерал-лейтенанта Д. В. Голицына (1-я кирасирская дивизия временно располагалась по квартирам). Позади кирасир был расположен мощный артиллерийский резерв, состоявший из 400 орудий. Кутузов, не желая его рассредоточивать, расположил его в глубине обороны с целью массированного использования артиллерии в случае продвижения противника к лагерю.

Учитывая необходимость наиболее надежного прикрытия флангов, на левый фланг были выдвинуты 1, 5, 6, 11 и 33-й егерские полки под командованием полковника Ф. Г. Гогеля и на правый — 4-й и 48-й егерские полки под командованием полковника Я. А. Потемкина. Кроме того, у верхнего течения Нары располагался крупный отряд И. С. Дорохова, обеспечивавший левый фланг тарутинской позиции. К нему примыкали подвижные партизанские отряды А. Н. Сеславина и А. С. Фигнера.

Характеризуя обстановку в главном штабе кутузовской армии, один из чиновников квартирмейстерской части — А. А. Щербинин в своих записках писал: «Вскоре армия заняла лагерь под Тарутином — палладиум русской славы. Главная квартира расположилась в маленькой деревне Леташовке. Кутузов занял избу с трех окон направо от въезда со стороны Тарутина, составлявшую его столовую, приемную, кабинет и, позади перегородки, спальню. Насупротив Кутузова жил Беннигсен в просторной избе, где проводил время праздно, угощая ежедневно роскошным обедом многочисленную свиту свою. Подле Кутузова — Коновницын в курной избе с двух на улицу окон. Вход был со двора против окон. Направо от входа стояла койка, на которой спал Коновницын; налево — огромная печь. Впереди с правой стороны — стол, на котором, по доброте несравненного Петра Петровича, канцелярии его предлагался ежедневно простой, по

сытный обед. Сам он обедал всегда у Кутузова. У дверей часового не было; они и ночью не замыкались. Всякий приезжающий с пакетом входил прямо в избу, и если ночью, то будил Коновницына без церемоний — так от него приказано было. Я брал тогда из припечки свечу и читал бумагу Коновницыну. Поутру часу в 5-м являлся Петр, высокого роста, круглолицый молодой лакей Коновницына, затопить печь, в которой изготовлялся обед. Дверь тогда отворялась, чтобы дать исход дыму, под густым слоем которого Коновницын в одном углу, а я диагонально против него могли лежать свободно и иногда еще спали»³.

Участники войны, в том числе Д. И. Ахшарумов, Д. П. Бутурлин, А. Б. Голицын, оценивая тактические свойства тарутинской позиции, называют ее крепостью. «Достопамятный Тарутинский лагерь неприступностью своею походил на крепость», — писал один из первых историков войны 1812 г. Ахшарумов⁴. Тщательная организация обороны обуславливалась уверенностью русского командования в том, что рано или поздно французская армия будет стремиться прорваться через Калугу к южным районам страны. Многие участники войны подтверждают стремление французов пробиться к Калуге, вступить в бой и потом, смотря по результатам сражения, расположиться на зиму в Калуге или отступить через районы, не захваченные войной, на Ельню, за Днепр⁵.

Вероятность такой угрозы была настолько велика, что Александр I дал распоряжение вывезти из Тулы в Ижевск оружейный завод, для чего было уже собрано в Туле более 400 подвод. Калужские граждане по прибытии русской армии в Тарутино выслали к Кутузову депутацию с просьбой защитить город от угрожавшей ему опасности. На второй день по прибытии в Тарутино Кутузов направил калужскому городскому голове письмо следующего содержания: «Прошу Вас успокоить жителей Калуги и уверить, что состояние армии нашей как было, так и есть в благонадежном положении. Силы наши не только сохранены, но и увеличены, и надежда на верное поражение врага нашего никогда не оставляла нас. Истребление сил его, недостаток в продовольствии и совершенная гибель предостоят ему неизбежно, и затем лета мои и любовь к Отечеству дают мне право требовать Вашей доверенности, силою коей уверяю Вас, что город Калуга есть и будет в совершенной безопасности»⁶.

Характерной особенностью группировки войск в обороне была не только их способность к отражению возможных ударов вдоль Старой Калужской дороги, но и парирование обходных, фланговых ударов. Выделение в большом количестве подвижных отрядов позволяло не только вести активную разведку, но и постоянно воздействовать на противника, глубоко проникая к его основным коммуникациям. Таким образом, организация обороны выражала, с одной стороны, идею прочного прикрытия основного пути, ведущего в южные районы страны, а с другой — наступательную тенденцию: компактная группировка обеспечивала быстрый переход в контрнаступление.

Еще бóльшие выгоды тарутинская позиция представляла в стратегическом отношении. Прежде всего необходимо отметить ее исключительно важное оборонительное значение. Расположившись на Старой Калужской дороге, русская армия надежно прикрывала юг России со стороны Москвы, из которой в этом направлении проходят три главные дороги: правая — через Боровск и Малоярославец; средняя — через Вороново, Тарутино и левая — через Подольск, Серпухов, Тарусу. Все эти пути сходятся в Калуге. Тарутинский лагерь, находясь на средней дороге, давал возможность русской армии в любой момент предупредить действия противника на двух боковых дорогах.

В задачу стратегической обороны входили: защита продовольственных районов и баз (Калуга, Трубчевск, Сосница), обеспечение безопасности работы Тульского оружейного завода и литейного завода в Брянске, поддержание связи с Дунайской армией Чичагова и, наконец, сохранение в своих руках сообщений с южными областями России, которые питали войска всеми видами снабжения.

Сам Кутузов уже в период преследования французов в беседе с генералами так оценивал тарутинскую позицию: «Кроме расчета времени, которое должен был стараться выиграть всевозможными способами, я не должен был и думать отступить за Калугу; куда бы это нас завело! Мне нужно было остановиться на месте, чтобы переустроить войска и не слишком беспокоить Наполеона. Эта позиция была не хуже всякой другой. Каждый день, проведенный нами в этой позиции, был золотым днем для меня и для войск, и мы хорошо им воспользовались»⁷.

Большой объем работ был проведен в Тарутине. Прежде всего необходимо было укрепить руководство войсками, самой армии придать более подвижный, маневренный характер, организовать новые части и подразделения.

Еще на пути к Тарутину Кутузов пришел к убеждению, что дальнейшее разделение армии на 1-ю Западную и 2-ю Западную не только не вызывается необходимостью, но и создает большие затруднения в руководстве войсками. После Бородинского сражения и оставления Москвы обе армии находились вместе, их штабы часто размещались в одном доме, а войска — в расположенных рядом пунктах. Общее же руководство обеими армиями уже находилось в руках Кутузова. Поэтому 16 сентября приказом № 26, отданным в деревне Мочь, Кутузов объединил обе армии, мотивируя это следующим: «По обстоятельствам, доселе допуская существование 2-й армии, не приступал я к соединению ее с 1-ю армиею. Ныне, желая разделенные власти, а паче по сложности управления внутренними армиями устройством неизбежное затруднение уничтожить единообразным управлением, впредь 2-ю армию присоединяю к 1-й Западной, сохраняя оной сие наименование»⁸. После объединения армий 1-я Западная армия состояла из семи пехотных и трех кавалерийских корпусов, двух кирасирских дивизий, казачьих полков генерала Платова, отдельных егерских полков и отрядов ополчения.

Не менее важным мероприятием явилось объединение в одну армию Дунайской и 3-й Западной армий. Дунайская армия адмирала Чичагова до конца июля находилась в Валахии. 19 июля она выступила на соединение с 3-й Западной армией Торماسова, находившейся на Волыни, и прибыла туда 7 сентября. В целях лучшего управления этими войсками они были 17 сентября объединены в одну армию — 3-ю Западную под единым командованием адмирала Чичагова⁹. Генерал Тормасов отзывался в главную квартиру фельдмаршала. После слияния 3-я Западная армия Чичагова состояла из шести пехотных корпусов, отдельного отряда и пяти резервных полков.

Таким образом, общая схема действующих армий после проведения преобразований имела следующий вид: вместо четырех армий осталось две: 1-я Западная с

центром в Тарутине, 3-я Западная армия Чичагова у Любомля и два отдельных корпуса: корпус П. Х. Витгенштейна в районе Полоцка и корпус Ф. Ф. Штейнгеля, переброшенный из Финляндии в Ригу.

Укажем здесь, как были расположены французские войска к этому времени. Перед 1-й Западной армией в Москве находились главные силы французской армии (гвардия и пять корпусов пехоты) с выдвинутым к реке Чернишня 26-тысячным авангардом Мюрата, имевшим непосредственное соприкосновение с войсками генерала Милорадовича. Корпус Нея находился в Богородске, корпус Жюно — в Можайске, занимая сильным отрядом Верею. 30-тысячный корпус Виктора, переброшенный через Неман, имел задачу расположиться в Смоленске. На левом крыле против Риги был оставлен корпус Макдональда, а в Полоцке — корпус маршала Сен-Сира; правое крыло обеспечивалось корпусами Шварценберга и Ренье.

Не меньшую важность имели мероприятия по реорганизации корпусов и дивизий внутри русской армии. Александр I в рескрипте от 1 сентября приказывал Кутузову ввиду некомплектности многих полков и невозможности в ближайшее время пополнить их резервами упразднить несколько дивизий, за счет которых укомплектовать оставшиеся части¹⁰. Это распоряжение вело к резкому сокращению армии и ликвидации многих давно сложившихся полков, имевших свою славную историю. Кутузов решительно воспротивился этому повелению и, идя на прямой конфликт с царем, проводил свою линию.

Вначале, когда еще не совсем выяснилась обстановка с возможностью получения пополнений в ближайшее время, Кутузов отдал распоряжение, сохраняя все соединения армии, упразднить в каждой пехотной дивизии по два полка: один пехотный и другой егерский, обратив их на укомплектование оставшихся четырех полков этой же дивизии. Таким образом, в армии сохранялись полностью все дивизии.

Кроме того, предполагавшееся расформирование двух полков не означало их ликвидации. В приказе по армии от 9 сентября предлагалось: «Из упраздненных полков из каждого оставить по 60 человек с приличным числом офицеров, унтер-офицеров и барабанщиков... Все сии... команды, собрав вместе и поручив старшему из них штаб-офицеру, со знаменами, от упраздненных полков остающимися, отправить в Нижний Новгород к генералу князю Лобанову, коего обязанность будет комплектовать

рекрутами, и по мере как оные будут посневать, то возвращать их к действующим армиям»¹¹.

10 (и частично 11) сентября, когда армия еще находилась в Красной Пахре, к ней прибыло из Калуги более 6 тыс пехоты под командованием генерал-майора Н. А. Ушакова, и в ближайшие дни ожидалось полки генерал-майора В. А. Русапова из Рязани. Понятно, что это улучшало обстановку и не могло не повлиять на изменение первоначально принятого решения о расформировании двух полков в каждой дивизии. Все пехотные полки остались на месте. Только офицерские кадры девяти егерских полков были выделены из армии и направлены для пополнения свежими силами к Лобанову-Ростовскому в Нижний Новгород.

Сохраняя целиком штатную структуру армии, фельд-маршал в то же время стремился придать дивизии более подвижный характер. С этой целью проводилось сокращение обозов, особенно полковых.

Важным организационным мероприятием явилось формирование пионерных рот и конно-саперной команды. Приказом по армии от 11 сентября было создано пять пионерных рот и придано каждой из них по 500 человек ратников из ополченцев. На отдельную конно-саперную команду (из 600 человек) возлагались предварительная разведка местности, починка мостов, обеспечение путей для наступающей армии. В приказе предлагалось составить команду из 600 человек конных ратников, которую удобно было бы обращать впереди армии для исправления дорог без утомления людей¹².

К этому времени инженерные войска организационно были объединены в две бригады военного отделения корпуса инженеров путей сообщения, пять пионерных и две понтонные роты. Все эти довольно крупные саперные части не рассыпались по корпусам. Непосредственное руководство ими было возложено на генерал-майора Ивашева. На инженерные войска возлагались разведка путей движения армии, устройство и исправление дорог, постройка переправ и мостов, оборудование позиций.

Огромный объем работы побудил главнокомандующего иметь при себе, кроме начальника штаба, дежурного генерала. На эту должность Кутузов назначил своего боевого помощника генерала Коловницына, ставшего впоследствии военным министром. Ему были даны большие права. В приказе по армии от 19 сентября они были определены следующим образом: «Командуя по высочай-

шей воле всеми армиями, определяю по всей той части дежурным генералом генерал-лейтенанта Коновницына, которого отношения, по власти от меня делаемые, принимать повеления как мои собственные»¹³. Генерал Коновницын проявил на этом посту исключительную неутомимость и распорядительность.

Петр Петрович Коновницын— генерал, имевший большой боевой опыт и незаурядные способности. Тогда ему было 48 лет. Получив прекрасное общее и военное образование, он 15 лет прослужил в Семеновском полку, участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. и польском походе 1794 г. Кутузов еще с тех времен знал Коновницына и ценил его храбрость, большую работоспособность, скромность, честность и четкость в работе.

В конце XVIII в. Коновницына постигла такая же участь, как и многих передовых генералов того времени: он был уволен в отставку и более восьми лет находился не у дел. Лишь в 1807 г. его вернули в армию, а через год, в войне со Швецией, Коновницын выполнял должность дежурного генерала армии. В начале войны 1812 года Коновницын командовал 3-й пехотной дивизией, входившей в состав 1-й Западной армии. В бою под Островно, в сражении у Смоленска дивизия храбро дралась. Солдаты любили своего командира. «Коновницын, сударь, был такой генерал,— вспоминал унтер-офицер Тихонов,— что на смотре, что на ученье, что на полковом празднике, что в деле, всегда одинаковый. Ловкий и распорядительный был генерал, спокойный. А ты видишь, что начальник спокоен, ну и сам не сомневаешься ни в чем»¹⁴.

Введением должности дежурного генерала были внесены существенные изменения в организацию штаба армии. Центр тяжести по управлению войсками был перенесен на дежурного генерала Коновницына. Через его канцелярию стали проходить все распоряжения фельдмаршала, к нему стекались все данные о состоянии войск, ходе формирования резервов, обучении войск. Коновницын был основным докладчиком по вопросам боевой подготовки армии.

С назначением Коновницына дежурным генералом главнокомандующего значительно улучшился и порядок в Главном штабе. Из журнала исходящих бумаг видно, как постепенно число документов, подписываемых самим Кутузовым, уменьшается, а больше начинают исходить бумаги от его имени за подписью Коновницына (даже

таким лицам, как гр. А. А. Аракчееву, управляющему Военным министерством А. И. Горчакову). Судя по многочисленной переписке, которая велась в тот период по самым различным вопросам, генерал Коновницын фактически исполнял должность начальника штаба главнокомандующего.

19 сентября Кутузов доносил Александру I: «Главнокомандующий 1-й армией господин генерал от инфантерии и кавалер Барклай-де-Толли за увеличившеюся в нем болезнью просил увольнения от командования армией. Уважая сие обстоятельство, склонился я на сию просьбу и приемлю все обязанности его по армии на себя...»¹⁵.

Таким образом, Кутузов отстранил от руководства армией Барклая-де-Толли. Болезнь ли последнего была тому причиной? Конечно, нет. Если ближе присмотреться к документам того периода, у нас не останется никаких сомнений в том, что с приходом армии в Тарутино взаимоотношения в среде высшего генералитета крайне обострились. Против Кутузова создавалась сильная оппозиция во главе с Барклаем-де-Толли, Беннигсеном, Ростопчиным и английским представителем генералом Вильсоном. Все они осуждали Кутузова, особенно в письмах к царю, которому каждый из них имел право писать; они были недовольны действиями фельдмаршала и стремились любыми средствами добиться смещения его с должности главнокомандующего армиями. Эта цель их объединяла, но причины к тому у каждого были разные.

Назначение Кутузова главнокомандующим всеми армиями, безусловно, удручающе отразилось на Барклае-де-Толли, и, хотя он уверял царя, что этим его самолюбие не оскорблено, однако все его дальнейшее поведение, в том числе и настойчивые поиски смерти в сражении при Бородине, отражает то тревожное состояние духа, в котором он находился.

Особенно осложнилось положение Барклая-де-Толли после объединения 1-й и 2-й Западных армий. Этим актом он был лишен всякой самостоятельности и власти. Действия Кутузова вызвали со стороны Барклая-де-Толли резкую и несправедливую критику, вначале скрытую, а затем и открытую. Донося царю о беспорядках в армии, о плохом управлении ею, Барклай-де-Толли во всем обвинял Кутузова и его начальника штаба Беннигсена, «которые не знают другого высшего блага, как только удовлетворение своего самолюбия, из которых один дово-

леп тем, что достиг крайних целей своих желаний, проводит время в совершенном бездействии, и которым руководят все молодые люди, его окружающие; другой — разбойник, которого присутствие втайне тяготит первого, производит только зло своею перешимостью и путаницею, которую водворяет во всех частях управления войсками»¹⁶.

Скрытая враждебная политика Барклая-де-Толли становилась прямой помехой подготовки армии к наступательным действиям. Кутузов это прекрасно понял и вовремя освободил его от командования армией.

Позже, когда армия уже гнала противника на Запад, Александр I, отвечая Барклаю-де-Толли на его письмо, высказал ему откровенно причины его отставки. Царь упрекнул Барклая за то, что он, зная о плане отступления в глубь страны, не отправил заблаговременно в тыл все лишние обозы, которые невероятно затруднили действия армии в первые дни и недели войны. Кроме того, дороги и мосты не были приведены в порядок, не были подготовлены для движения войск. Одним словом, царь был недоволен Барклаем. «Сколько раз я вам напоминал о постройке необходимых мостов; множество инженеров путей сообщений было прикомандировано к армии, а между тем большинство мостов оказалось в негодном состоянии. Решив отходить назад, необходимо было организовать госпитали соответственным образом; между тем, прибыв в Вильну, я нашел там госпиталь с несколькими тысячами больных, эвакуацию которых я не переставал требовать в течение нескольких дней. Вот, генерал, говоря откровенно, те ошибки, в которых я могу вас упрекнуть»¹⁷.

Обвинения шли и дальше. Царь упрекал Барклая за то, что его армия не смогла соединиться с войсками Багратиона еще до Смоленска, что он не решился дать генеральное сражение под стенами древнего русского города. «Не все ли было равно дать его у Смоленска или у Царево-Займища?.. И так как ваши ошибки, о которых я выше упомянул, были у всех на устах, то меня обвинили в том, что благо отечества я принес в жертву своему самолюбию, желая поддержать сделанный в вашем лице выбор»¹⁸. Перейдя на тон нравоучений, царь, как бы успокаивая Барклая, напоминал ему, что бывают случаи, когда надо ставить себя выше обстоятельств, что он вынужден был его освободить и от командования армией, и от должности военного министра.

Беннигсен, руководствуясь корыстными целями, также тормозил проведение в жизнь мероприятий Кутузова. К. Маркс очень метко охарактеризовал начальника Главного штаба как большого интригана и карьериста¹⁹. Уже в Москве, а затем в Красной Пахре Беннигсен навязывал фельдмаршалу необдуманные предложения об активизации действий армии, а когда они отклонялись, возмущался и поносил Кутузова.

Ненависть Беннигсена к Кутузову особенно проявилась в период пребывания армии в Тарутине. Уже в первый день Беннигсен резко критиковал выбранную фельдмаршалом позицию. Кутузов, разгорячившись, сказал ему: «Ваша позиция при Фридланде была хороша для вас, ну, а я доволен этой позицией, и мы на ней останемся потому, что я начальствую и отвечаю за все»²⁰.

Беннигсен, чувствуя поддержку английского представителя генерала Вильсона, который прочил его в командующие, наггел с каждым днем. Так, накануне приезда Лористона в Тарутинский лагерь Беннигсен распустил среди генералов слух, что фельдмаршал согласился с Лористоном на свидание за несколько верст от войск и что при переговорах будет присутствовать сам Наполеон. Покидая лагерь, фельдмаршал тем самым якобы слагал с себя власть, и генералы вправе ему не повиноваться. Так Беннигсен подстрекал на прямой заговор против главнокомандующего.

Даже Вильсон, защитник Беннигсена, считал такие отношения между начальником штаба и главнокомандующим петерпимыми, о чем он и извещал Александра I в одном из своих писем: «Никакое объяснение не может примирить возникшего несогласия, и я должен просить Ваше величество, чтобы Вы благоволили прекратить как можно поспешнее пример раздора, не совместного с общим порядком, и который должен очень повредить службе Вашего величества»²¹.

Таким образом, Кутузов в лице Беннигсена имел не начальника штаба, не первого помощника, а интригана и карьериста, стремившегося опорочить фельдмаршала, а самому «получить возможность при случае протиснуться на первое место, если бы здоровье старика Кутузова не выдержало»²².

Кутузов слишком долго терпел дерзкие выходки Беннигсена, но когда они переросли в действия, не совместимые с задачами армии, то он вначале изолировал его от

управления войсками, возложив все на дежурного генерала, а затем, когда у Беннигсена якобы «болезненные припадки» усилились, окончательно удалил его из армии ²³.

Рассматривая отношения между Кутузовым и третьим лицом оппозиции— Ростопчиным до сдачи Москвы, легко убедиться, что они вели в это время довольно оживленную дружескую переписку. Кутузов любезно, но весьма настоятельно просил Ростопчина всячески оказывать помощь как генералу Милорадовичу в успешном формировании войск, так и действующей армии. Ростопчин один из первых подал голос за назначение Кутузова главнокомандующим, возвышенно описывал его достоинства в своих «афишках» и уверял Кутузова, что вышлет ему, кроме 30 тыс ополченцев, еще около 80 тыс вольной московской дружины ²⁴.

Кутузов, безусловно, рассчитывал на эти силы и соответственно строил свои планы. Подойдя же к Москве, Кутузов, как мы уже знаем, убедился, что этих войск не существует, что он обманут. Это обстоятельство коренным образом изменило отношение к Ростопчину. Кутузов не хотел его видеть в Филях, он отвернулся от Ростопчина и не стал с ним разговаривать у Яузского моста, наконец, после оставления Москвы, когда Ростопчин отступал вместе с армией, Кутузов держал его подальше от своего штаба.

Для Ростопчина, крайне самоуверенного и самолюбивого человека, это был удар большой силы. Его, хозяина Москвы, уверявшего население, что город не будет сдан, даже не предупредили о сдаче противнику, его не пригласили на совет в Фили, с ним не считались. Все это вызывало ярость и бешенство Ростопчина, и, когда он увидел, что в главной квартире оппозиция против Кутузова свила крепкое гнездо, он стал одним из ее активных участников. Письма Ростопчина к царю насыщались клеветой, злобой по адресу Кутузова. Вскоре после оставления Москвы он писал: «Вот уже дня четыре Кайсаров подписывает все бумаги, подделывая подпись Кутузова, чтобы с ним никто не мог видеться. Он только ест и спит целый день» ²⁵. Впоследствии, видя всю неловкость своего положения, Ростопчин дошел с армией до своего имения Вороново, сжег его и уехал во Владимир.

Совершенно очевидно, что, вовремя удалив из армии оппозиционную группу, Кутузов тем самым не только

предотвратил дальнейшее развитие враждебного течения, но и создал спокойную, деловую обстановку в главной квартире.

3

Проблема численного увеличения армии в период ее пребывания в Тарутине была центральной. «Главная забота, которою теперь занимаемся,— доносил Кутузов царю,— есть укомплектование войск»²⁶. За все время войны вплоть до Бородина в действующую армию не поступило никакого подкрепления, кроме тех 27 батальонов неполного состава, которые влились в нее из рекрутских депо, расположенных по пути отступления армии²⁷.

Особое значение укомплектования войск определялось еще и тем обстоятельством, что в Бородинском сражении около половины всей русской армии выбыло из строя. При вступлении в Тарутинский лагерь русская армия насчитывала 2379 офицеров и 83 260 солдат, в том числе пехоты — 63 238 человек, кавалерии — 10 212, артиллерии — 8680, саперов — 1130 человек. Необходимо отметить, что в числе рядовых находилось 15 530 ратников ополчения, вооруженных пиками, и 7690 рекрутов²⁸.

Но эти цифры, приведенные Богдановичем, не совсем правильно характеризуют состав армии. Если обратиться непосредственно к первоисточнику и проанализировать строевой рапорт, отправленный Кутузовым Александру I на третий день по прибытии армии в Тарутино, 23 сентября 1812 г., то нетрудно убедиться, что в него были включены и прибывшие за несколько дней до прихода армии в Тарутино новые формирования, о чем Кутузов доносил царю: «В рапорте том отделены ратники Московского ополчения, в корпусы причисленные, и рекруты, полученные из формирования князя Лобанова, генерал-лейтенанта Клейнмихеля и генерал-майора Ушакова, который занимался в Калуге формированием в отсутствие генерала от инфантерии Милорадовича. Старых рядовых 52 тыс. Более 4 тыс. прибыло вчерашнего числа из формирования князя Лобанова из Рязани, сверх того 8 тыс. того же формирования находятся вблизи армии»²⁹. Следовательно, из регулярных войск в Тарутино вступило около 60 тыс. человек.

Французская армия понесла также большие потери; из 180 тыс. человек, выступивших из Смоленска, к Москве подошло не более 100 тыс. человек. Но она еще превосходила по численности русскую армию. Задача Куту-

зова состояла в том, чтобы в кратчайший срок лишить Наполеона этого преимущества.

Основным источником пополнения русской армии являлись резервные формирования. Новый контингент рекрутов 83-го набора был утвержден Александром I из расчета один рекрут от 100 душ населения губерний Сибири и из расчета два человека от 100 душ населения всех остальных губерний, что в общей сложности составляло 181 585 человек³⁰.

Согласно ведомости Военного министерства, направленной инспекторскому департаменту, рекруты должны были быть сведены в города³¹:

Воронеж	3 062 человека
Владимир	40 000 человек
Нижний Новгород	4 500 »
Ярославль	13 000 »
Тамбов	1 500 »
Рязань	7 000 »
Тулу	8 146 »
Кострому	10 000 »
Симбирск	4 000 »
Петербург	11 873 человека
Казань	3 000 человек
Киев	20 362 человека
Гельсингфорс	16 005 человек
Итого	142 448 человек

Рекруты, набравшиеся из Астраханской, Херсонской, Таврической и Полтавской губерний, направлялись в рекрутские депо: Азовское, Ивановское, Таганрогское (по 2335 человек в каждое депо) и в Елизаветградское, Новомирградское, Чигиринское и Ольвиопольское (по 4724 человека в депо), что составляло 25 904 человека. Остальной рекрутский контингент в количестве 13 233 человек оставался в полках и батальонах, расположенных в губерниях набора рекрутов (это были главным образом отдаленные районы России).

Нетрудно заметить основной недостаток подобного распределения рекрутов. Совершенно очевидно, что при ограниченном времени и огромной потребности армии в людях необходимо было как можно быстрее приблизить рекрутов к театру военных действий и сосредоточить их более компактно, что, к сожалению, не было предусмотрено.

Кутузов не мог не обратить на это внимание. Взяв в свои руки руководство по укомплектованию армии, он вместо распыления рекрутов по 13 городам и 7 рекрутским депо, как это было намечено Военным министерством, создает резервы по родам войск, т. е. отдельно по пехоте, кавалерии и артиллерии, и соответственно этому организует три главных пункта сбора резервных формирований: для пехоты — Арзамас, для кавалерии — Муром, для артиллерии — Нижний Новгород³².

В Арзамас направлялась основная масса рекрутов. Сюда по новому расписанию сосредоточивалось 70 166 человек, ранее намечавшихся к сбору во Владимир, Кострому, Нижний Новгород, Тулу, Воронеж, Рязань и Симбирск —³³. «Теперь же посылаются от меня, — писал управляющий Военным министерством Горчаков князю Лобанову-Ростовскому, — нарочные с предписаниями к губернаторам и командирам губернских гарнизонных батальонов о самой скорейшей высылке принимаемых рекрутов к Арзамасу, а именно из губерний Воронежской — 10 062, Тамбовской — 10 986, Рязанской — 2781, Курской — 13 060, Владимирской — 988, Орловской — 11 203, Саратовской — 8958, Нижегородской — 1364, Симбирской — 1414, Пензенской — 3453, Тульской — 1322, Калужской — 1515, Московской — 3060. Итого — 70 166»³⁴.

Первостепенное значение в этих условиях приобретали пехотные резервы, так как пехота как род войск оставалась главной силой, от боеспособности которой зависел успех боевых действий. Генерал-майору Ушакову было поручено формирование полков в Калуге из остатка батальонов корпуса Милорадовича. Генерал Ушаков привел из Калуги к армии в Красную Пахру два пехотных полка, два егерских батальона и восемь резервных эскадронов. «Сегодня ожидается из Калуги генерал-майор Ушаков, — доносил Кутузов царю, — и с ним пехоты формирования Милорадовича до 6000 человек и два рязанских полка формирования князя Лобанова, которые, говорят, довольно хороши. С Ушаковым 1000 лошадей для кавалерии»³⁵.

В течение сентября 1812 г. во Владимире, Костроме, Рязани и Тамбове срочно формировались восемь пехотных полков (по два полка в каждом городе), в Ярославле и Воронеже — четыре егерских. Эти резервы составили затем две дивизии и поступили на укомплектование армии в Тарутинском лагере. Дивизия генерал-майора В. А. Русанова в составе четырех пехотных и двух егер-

ских полков прибыла в Тарутино 15 сентября. Позднее поступила на укомплектование армии и вторая дивизия в составе трех пехотных и двух егерских полков под командой князя Н. Ю. Урусова³⁶.

После прибытия русской армии в Тарутинский лагерь она стала пополняться пехотой в основном из Арзамаса и Ярославля. Генералу от инфантерии князю Лобанову-Ростовскому Кутузовым было поручено сформировать в Арзамасе 77 пехотных и егерских батальонов, т. е. для каждого пехотного и егерского полка действующей армии по одному батальону, в 1 тыс человек каждый. Одновременно по такому же принципу в Ярославле формировались 24 пехотных батальона³⁷. В этих двух городах создавалась 100-тысячная резервная армия пехоты, ставшая основным источником пополнения действующей армии.

После оставления Москвы и за время пребывания армии в Тарутине для ее укомплектования прибыло около 35 тыс рекрутов, что довело численность регулярной пехоты до 80 тыс человек³⁸. Такое значительное увеличение пехоты дало возможность быстро восстановить силы русской армии.

Наполеон был лишен возможности столь быстрого усиления своей армии. Михайловский-Данилевский полагал, что за время пребывания Наполеона в Москве ему удалось получить около 25 тыс человек за счет свежих войск, а также отставших и выздоровевших от ран³⁹. В действительности же это пополнение составило не более 15 тыс человек.

Вторгшись далеко в глубь нашей страны, Наполеон вынужден был разбросать свои силы для охраны коммуникаций на гарнизоны городов. Корпус Макдональда (численностью в 32 тыс человек) оставался в районе Риги для обеспечения левого крыла армии; корпус Шварценберга (34 тыс человек) с саксонским корпусом Ренье действовал против 3-й Западной армии, обеспечивая правое крыло наполеоновской армии. Корпус маршала Сен-Сира действовал против Витгенштейна, корпус маршала Виктора — в районе Орша—Смоленск в качестве резерва основной группировки французских войск, продвинувшихся к Москве. Наполеон придавал большое значение этому резерву. Не учитывая резко изменившейся обстановки, он самоуверенно утверждал: «В Смоленске мы найдем свежий и хорошо организованный корпус; еще один стоит на Березине. Артиллерия этих корпусов, как и артиллерия корпусов на Двине, располагает хо-

рохими лошадьми и достаточно многочисленна, чтобы подкрепить наши артиллерийские силы, немного дальше стоят австрийцы... Если объединить все эти силы... превосходство будет на нашей стороне, и это обеспечит нам спокойную зиму; Вильно будет присылать нам дивизии одну за другой...»⁴⁰.

Корпус Ожеро оставался для охраны района между Вислой и Неманом, дивизия Домбровского — в Бобруйске, и, наконец, корпус Жюно был оставлен в Можайске для обеспечения Смоленской дороги.

Когда для Наполеона стало совершенно очевидно, что его надежды на мир рухнули, он стал принимать срочные меры к подтягиванию резервов в Москву. 25 сентября Наполеон послал распоряжение герцогу Бассано в Вильно направить к нему резервы, оставленные на Немане. Но эти резервы опоздали. Об этом довольно точно сообщал А. Коленкур: «Надо заметить, что наша армия получила в Москве мало подкреплений — всего лишь два или три маршевых полка и дивизию Делаборда, а также итальянскую дивизию Пино. Все подкрепления император оставлял на коммуникационной линии или отдавал их корпусам, стоящим на Двине»⁴¹.

Таким образом, Кутузов смог быстрее, нежели Наполеон, восстановить основную силу армии — пехоту. Созданные пехотные резервы дали возможность в короткий срок так укомплектовать действующую русскую армию, что она превосходила количеством и качеством французскую армию и способна была перейти в решительное контрнаступление.

Не менее важной и сложной проблемой явилось пополнение армии конницей. Характер предстоящих военных действий — создание подвижных отрядов для партизанских действий, переход армии в контрнаступление — требовал сильной кавалерии. Кавалерия же понесла большие потери в Бородинском сражении. Как известно, ее численность перед сражением составляла 17 500 человек, а при вступлении в Тарутино — только 10 212 человек.

Кавалерийские резервы формировались в Муроме генералом от кавалерии Кологривовым. Ему было поручено сформировать 94 эскадрона из расчета по два эскадрона для каждого из 47 кавалерийских полков, состоявших в действующей армии, что составляло 18 800 человек. Кроме того, здесь же, в Муроме (частично и в Петербурге), происходило формирование резервов для гвардейских кавалерийских частей, что составило 1500 человек⁴².

Значительными поступлениями в кавалерийские резервы явились уральские иррегулярные конные полки.

В сентябре 1812 г. оренбургскому военному губернатору было предписано отправить в Муром 31 полк иррегулярной кавалерии, в том числе 19 полков башкирских, 5 уральских, 5 оренбургских и 2 мещеряцких⁴³. Интересно отметить, что Кутузов усиливал кавалерией не только армию, находившуюся в Тарутинском лагере, но и войска корпуса Витгенштейна и даже отряды народного ополчения, что требовало большого количества лошадей.

В Тульском областном государственном архиве сохранились подлинные документы переписки Кутузова с тульским гражданским губернатором Н. И. Богдановым. Особое место в ней занимали вопросы снабжения армии лошадьми. 6 сентября Кутузов направляет в Тулу нарочного с просьбой как можно скорее закупить и выслать в армию 500 лошадей⁴⁴.

На следующий день из Тарутина в Тулу следовало новое письмо Кутузова: «Я слышу, что старанием Вашего превосходительства есть при тамошней милиции два конных полка, каждый состоящий из 1200 лошадей. Армии наши, сражаясь ежедневно, сделали значительную потерю в лошадях. Армии настоящим движением прикрывать будут в безопасности Тулу с ее губернией, вследствие чего обращаюсь к Вашему превосходительству с тем, чтобы Вы с получением сего отделили 2000 лошадей от Тульского ополчения и приказали оные отправить немедленно по прилагаемому у сего маршруту в Чириково»⁴⁵. С письмами такого же содержания направлялись офицеры и в другие близлежащие губернии. Но из-за крайнего недостатка в лошадях не везде удавалось получить необходимое количество их для укомплектования кавалерийских полков. Учитывая особую трудность с получением лошадей, Кутузов своевременно поставил вопрос перед Военным министерством об ассигновании сумм для их закупки и обеспечения ими кавалерийских резервов. Комитет министров, рассмотрев это ходатайство, ассигновал на покупку лошадей для кавалерийских резервов 548 тыс руб.⁴⁶

В Муром со всех концов России шли подкрепления. Здесь проводилась работа по формированию, обучению и отправлению в действующую армию кавалерийских полков. Служивший после войны 1812 года под начальством генерала Кологривова А. С. Грибоедов в 1814 г. в статье «О кавалерийских резервах» писал: «Кто приведет себе

на память, что прежде всего один конный полк формировался целыми годами; кто вспомнит, в какое смутное время кавалерийские резервы восприняли свое начало ... тот, конечно, подивится многочисленной и отборной коннице, образованной в столь короткое время»⁴⁷.

Создание кавалерийских резервов встречало большие трудности, главным образом из-за недостатка в стране строевых лошадей. Ближайшие губернии не могли удовлетворить полностью потребности армии в конском составе, и Кутузов, учитывая это обстоятельство, не ограничивал свою деятельность только резервами, создававшимися в Муроме, а значительно шире раздвинул рамки привлечения кавалерии в действующую армию.

Одним из самых значительных пополнений армии были прибывшие из Донской области 26 казачьих полков, сформированных из ополчения, собранного на Дону⁴⁸. Атаман М. И. Платов обратился к донским казакам с призывом вступить в действующую армию. «Весь Тихий Дон взволновался,— свидетельствует один из современников,— все от старого до малого летят на ратное поле защищать Россию». И действительно, донские полки, делая стремительные переходы (по 60 верст в сутки), быстро преодолели расстояние от берегов Дона до Нары. 29 сентября первые пять полков прибыли в Тарутино. В приказе по армии за пять дней до их прибытия отмечалось: «Ожидаются к армии усердные, хорошо вооруженные и доброконные войска донского воинства. Генералу от кавалерии оного войска атаману Платову поручено собрать поспешнее рассеянных разными случаями от своих команд казаков, кроме находящихся в отрядах, и приготовить их к действиям, кои будут ему предназначены»⁴⁹. По прибытии казаков в Тарутино штаб Кутузова сообщал: «Такое значущее усиление иррегулярных войск приобретает верные способы причинять большой вред неприятелю»⁵⁰.

К концу тарутинского периода численный состав лошадей был доведен до 66 тыс. Главноуправляющий по части продовольствия сенатор В. С. Ланской доносил Кутузову: «Во исполнение повеления Вашей светлости от 6 октября 1812 г., собрав от кого следовало нужные сведения, честь имею доложить: в армии выючных и подъемных лошадей состоит 47 931 и наравне с подъемными пушечных и офицерских — 18 313, а всего — 66 244 лошади»⁵¹. Таким образом, в течение крайне ограниченного времени состав конницы был увеличен более чем в два с полови-

ной раз. Это обстоятельство позволило резко изменить соотношение пехоты и кавалерии в армии. Процент пехоты снизился с 75,8 до 60, удельный вес кавалерии в войсках, наоборот, повысился с 12,1 до 32%. В целом в составе армии находилось около 35 кавалерийских полков.

В то же самое время в наполеоновской армии проходил обратный процесс. 530 эскадронов кавалерии (88 тыс сабель) — вот та подвижная сила, которой располагал Наполеон в начале вторжения в Россию. В дальнейшем силы наполеоновской конницы быстро таяли, и уже в Витебске, по свидетельству Коленкура, в строю оставалось никак не больше половины того, что было налицо в начале кампании⁵².

Что касается Бородинского сражения, то в нем французская конница, как уже отмечалось, лишилась 57% своего состава. Бородинское поле справедливо считается кладбищем наполеоновской кавалерии.

Пребывание наполеоновской армии в блокированной Москве еще более ухудшило состояние кавалерии. Использование кавалерии как подвижной силы становилось все более затруднительным.

В письме жене из Тарутина Кутузов, извещая о делах в армии, писал 14 октября 1812 г.: «Мы так мучим французскую армию, что конница их насилу ноги волочит...»⁵³.

Если в начале кампании Наполеон имел 182 тыс лошадей, то перед выходом из Москвы у него оставалось их не более 15 тыс, причем опереться в бою можно было только на пятитысячную гвардейскую кавалерию. Недостаток лошадей в корпусах и их состояние были настолько угрожающими, что Наполеон вынужден был даже перевести в пехоту 4 тыс кавалеристов⁵⁴.

Все попытки Наполеона увеличить конницу оказались тщетными: в России он не смог получить необходимого, а мероприятия по закупке лошадей в Европе не увенчались успехом.

Наряду с пехотой и кавалерией создавались также сильные артиллерийские резервы. Для учреждения артиллерийских резервов в русской армии были разработаны соответствующие «Правила»⁵⁵. Этими «Правилами» определялись как места учреждения резервов, так и источники их комплектования. Артиллерийские резервы создавались в четырех городах: Петербурге, Костроме, Нижнем Новгороде и Тамбове⁵⁶.

Укомплектование артиллерийских резервов рядовым

составом проводилось за счет рекрутов. Отбор рекрутов и направление их прямо в артиллерийские резервы (минуя Арзамас) проводились в Воронежской, Тамбовской, Нижегородской и Симбирской губерниях. В этих губерниях было отобрано 10 тыс рекрутов⁵⁷.

При создании артиллерийских резервов серьезное значение придавалось конной артиллерии. Из 10 тыс рекрутов, поступивших на укомплектование артиллерийских резервов, после передачи 500 человек для гвардейского артиллерийского резерва остальные 9,5 тыс человек были распределены следующим образом⁵⁸.

	Для пешей артиллерии	Для конной артиллерии
В Петербурге	1700	300
» Костроме	2700	300
» Нижнем Новгороде	2700	300
» Тамбове	1200	300

Для обучения рекрутов, особенно рекрутов конной артиллерии, выделялись из артиллерийских бригад офицеры, фейерверкеры и рядовые, наиболее дисциплинированные и знающие артиллерийское дело. Взамен офицеров, взятых из бригад, туда направлялись произведенные в офицеры юнкера гвардейских учебных рот. Общее руководство всеми артиллерийскими резервами было возложено на генерал-майора артиллерии В. Ф. Ильина. Крупные затруднения при создании артиллерийских резервов вызывались недостатком артиллерийских лошадей. Острая потребность в лошадях ощущалась и в действующей армии, имевшей большое количество артиллерии. Это обстоятельство обязывало принимать самые энергичные меры по закупке артиллерийских лошадей для армии и резервов. Для этой цели по ходатайству Военного министерства перед Комитетом министров было утверждено и отпущено из Ассигнационного банка 410 тыс руб.⁵⁹

Все эти мероприятия по созданию артиллерийских резервов привели как к количественному, так и к качественному превосходству над артиллерией противника. Еще при Бородине русская артиллерия не только численно превосходила французскую, но и калибр ее орудий был большим (120—150-мм). Наполеон же из-за увеличивавшегося падежа лошадей вынужден был оставить тяжелую артиллерию в пути (Витебск, Могилев, Смоленск)

и имел при Бородине преимущественно легкую 3- и 4-фунтовую (70—80-мм) артиллерию.

Состояние французской артиллерии еще более ухудшилось во время пребывания французов в Москве. Здесь Наполеон не в состоянии был увеличить свой артиллерийский парк ни на одно орудие. Он не мог даже обеспечить наличную артиллерию боеприпасами, а из-за недостатка лошадей вынужден был бросать значительное количество орудий. Коленкур так характеризует состояние артиллерии в Москве: «Артиллерия, очень изнуренная и сильно поредевшая, не знала ни минуты отдыха; ее лошади, кроме дежурных, точно так же как и кавалерийские лошади, отправлялись за дровами или за фуражом... у нас не было лошадей даже для того, чтобы запрягать наши собственные артиллерийские орудия»⁶⁰. Из общего числа 1372 орудий, имевшихся у Наполеона в начале похода, осталось 533 легких орудия, из которых только 360 могли быть использованы в бою.

Созданием артиллерийских резервов, особым вниманием к комплектованию артиллерии русское командование довело артиллерийский парк действующей армии до 620 орудий, превзойдя вдвое артиллерию врага⁶¹.

Создание пехотных, кавалерийских и артиллерийских резервов дало возможность русскому командованию успешно решить одну из центральных стратегических проблем — создание численного превосходства сил над противником. Многие современники свидетельствуют о значительном увеличении войск во время пребывания армии в Тарутинском лагере. Одним из весьма убедительных документов, относящихся к последним дням пребывания армии в Тарутине, является рапорт главноуправляющего по продовольственной части армии Ланского на имя фельдмаршала от 21 октября за № 1220, в котором показано «нижних чинов» в армии на этот день в количестве 120 тыс человек⁶². Общая численность армии составляла 130 тыс человек⁶³.

В тарутинский период большое место отводилось обучению войск. Значение этой проблемы усиливалось следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, армия увеличилась в своем составе почти в два раза, причем это произошло в основном за счет рекрутов последних наборов и ратников ополчения, которые до этого ни в какой степени не были связаны с военной службой. Во-вторых, старый состав армии после трехмесячного отхода и оборонительных боев требовал обучения и тренировки, свя-

занных с предстоящим наступательным характером военных действий. Кутузов обязал командиров корпусов и начальников резервов обучать войска только самому необходимому: стрельбе по целям, преодолению препятствий, маршам. Особое внимание уделялось воспитанию в солдате таких качеств, как выносливость, терпеливость и храбрость. Ежедневно то с одной, то с другой частью войск проводились занятия в поле. Так, в письме Кутузова Лобанову-Ростовскому было указано: вновь сформированным полкам под командованием генерал-майора Урусова и генерал-майора Гладкова прибыть в Тулу, Рязань и Владимир, где и остановиться для обучения «людей оборотам, движениям и цельной стрельбе».

Кутузов лично следил за ходом обучения войск. Время от времени проводились общеармейские смотры. Так, через несколько дней после прибытия армии в Тарутино, 28 сентября 1812 г., он издал приказ следующего содержания: «30-го числа сего месяца в час пополудни предписываю гг. корпусным начальникам приказать вывести за линии малыми командами, или как пайдут за удобное, поступивших на укомплектование полков рекрутов для учения стрелять в цель. На каковой случай состоящие в цепях и особых постах караулы предварительно известить»⁶⁴. Так как стрельба по целям проводилась боевыми патронами, то командовавшему авангардом Милорадовичу были даны отдельные указания по обеспечению безопасности стрельбы.

Поскольку обучение войск проходило не только в Тарутинском лагере, но и в местах их формирования, то каждое новое пополнение, прибывавшее к армии, Кутузов лично осматривал, делал указания командирам, на что необходимо было обратить внимание в последующей подготовке. Хорошие результаты в боевой подготовке он отмечал в приказах, объявлял благодарность войскам.

Во время пребывания русской армии в Тарутине особенно остро встал вопрос о ее снабжении ружьями и боеприпасами. Военно-техническая база России не могла сразу обеспечить значительно возросшие потребности армии в вооружении; достаточных же запасов оружия в своих арсеналах царское правительство не имело. Основным источником получения оружия был Тульский оружейный завод. Его производительность до августа 1812 г. составляла всего около 6 тыс ружей в месяц. Но уже за август и сентябрь тульские оружейники изготовили 13 426 ружей. Кроме того, ружья в армию поставляли

Сестрорецкий, Ижевский заводы, Петербургский и Киевский арсеналы⁶⁵.

В первый же день по прибытии в Тарутино Кутузов после осмотра позиции позвал к себе дежурного генерала Коновницына и тут же отдал приказ о сбережении оружия, о заготовке и доставке к армии полушубков и сапог. «Он сидел на скамейке,— пишет А. Голицын,— пил чай и диктовал подробности этого распоряжения и много говорил о будущей зимней кампании и о том, как надобно беречь людей»⁶⁶.

Один из первых пунктов приказа № 31 от 22 сентября 1812 г. гласил: «Подтверждаю прилежно наблюдать за сбережением оружия, а ежели кто ружье представит в мое дежурство, тому в награждение будет дано по 5 рублей за каждое ружье, а за изломанное — по 3 рубли»⁶⁷.

Уже в Бородинском сражении до 50% солдат Московского ополчения из-за отсутствия ружей пришли на поле боя вооруженными только пиками. В Тарутинском лагере недостаток ружей ощущался еще острее, так как при Бородине армия понесла и значительные потери в вооружении.

Царское правительство, не развернувшее в достаточном объеме производство оружия, поставило русскую армию в крайне тяжелое положение. Кутузов вынужден был находить различные способы добывания оружия, помимо получения его от Тульского и других заводов. Одним из таких источников (кроме сбора на поле боя) были заказы на производство и ремонт ружей мастерам-кустарям, которые поставляли их армии в довольно значительном количестве.

Еще в начале сентября 1812 г. Военное министерство России обратилось с просьбой к союзной Англии как можно скорее поставить для армии 50 тыс ружей и 40 тыс пудов пороха⁶⁸. Английские заводчики и фабриканты, не без участия дипломатов, открыли торг вокруг этого заказа. Во-первых, они установили чрезвычайно высокие цены на ружья и порох (за ружье — 25 руб., порох — по 29 руб. за пуд) и на все просьбы снизить их ответили категорическим отказом. Во-вторых, под предлогом «позднего времени» доставка оружия в Россию откладывалась на навигацию 1813 г., наконец, из общей суммы заказа — 2410 тыс руб.— требовалось внести вперед в качестве залога одну треть. Вынужденное идти на уступки английскому капиталу, царское правительство 8 сентября 1812 г. перевело в Англию из Ассигнационно-

го банка 600 тыс руб. с просьбой доставить ружья в навигацию 1812 г.⁶⁹

Англичане знали о тяжелом положении с оружием в русской армии. Генерал Вильсон в письме английскому посланнику в Петербурге лорду Каткарту сообщал 27 сентября из Тарусы: «Подкрепления подходят почти каждый день, и вчера наша армия состояла из 103 тыс человек. Может быть, до 15 тыс из сего числа не имеют еще ружей; но Тула выставляет по 2 тыс в неделю»⁷⁰. В письме в Лондон герцогу Йоркскому английский наблюдатель в русской армии лорд Тэрконель писал: «Многочисленные наборы ратников делаются в губерниях Киевской, Черниговской и Нижегородской, но в них мало будет пользы, пока не придет оружие из Англии. Я надеюсь, что лорд Каткорт настоял (осознал?), сколь необходима сия мера, о которой русские офицеры непрестанно делают представления и Р. Вильсону и мне»⁷¹.

Ни просьбы, ни письма не помогли. Оружие в Петербург прибыло лишь в октябре 1812 г., и то без ружейных ремней. После изготовления ружейных ремней и патронных сумок было отправлено в пехотные резервы 30 тыс ружей, часть из которых поступила в Арзамас лишь в ноябре, когда русская армия вела бои с противником уже на Березине. Следовательно, русская армия в основном дралась оружием отечественного производства.

Большое внимание уделялось обеспечению армии боеприпасами. 28 сентября было отдано распоряжение калужскому губернатору П. Н. Каверину целиком переключить на производство боеприпасов для армии находившиеся в Калужской губернии Людиновский, Дугненский и Сукремлевский литейные заводы. С этой целью в Калугу был направлен штабс-капитан Демидов, которому поручалось строго наблюдать, чтобы на заводах изготавливались только те калибры снарядов, которые употреблялись в русской армии, и чтобы работы не прекращались ни при каких обстоятельствах⁷².

Подобного же рода распоряжения были отданы и начальнику Шостенского порохового завода генерал-майору С. А. Глухову. Ему предписывалось увеличить годовую выработку пороха в связи с тем, что закупленный в Англии порох доставлен не был, и вся армия была вынуждена снабжаться порохом только с Шостенского завода⁷³.

Фельдмаршал пристально следил за поступлением боеприпасов с заводов к армии и за обеспечением артиллерии снарядами. Для него чрезвычайно важно было добиться превосходства над противником не только в орудиях, но и в снарядах, и поэтому понятно его беспокойство, когда он узнал, что противник имел больше снарядов на орудие, чем в русской армии.

Кутузов 24 сентября писал генералу А. П. Ермолову: «Известно, что в неприятельской армии имеется при орудиях по положению более, нежели у нас, зарядов. Предписываю Вашему превосходительству в общее с господами артиллерийскими генералами войти в рассуждение: достаточно ли при 1-й и прикомандированной к оной 2-й армии настоящее число зарядов для кампании, или нужно прибавить оных, и каким образом удобнее сделать можно, также какие требуются на то издержки?»⁷⁴.

Вопросы тыла также занимали важное место в общем плане подготовки армии к контрнаступлению. Кроме оружия, надо было обеспечить войска обмундированием, продовольствием, фуражом, и не только обеспечить, но и произвести заготовки для снабжения ее в ходе контрнаступления. С разных мест к Тарутину направлялись обозы с мукой, крупой, овсом, полушубками, сапогами, подковами; шли гурты скота, по Оке подходили груженные баржи.

Было отдано распоряжение губернаторам Орловской, Рязанской, Калужской, Тульской и Тверской губерний о заготовке и доставке в армию по 20 тыс полушубков и по 20 тыс пар сапог с каждой губернии, а всего — 100 тыс полушубков и 100 тыс пар сапог⁷⁵. В результате энергичных мер, принятых русским командованием, войска вскоре получили новое зимнее обмундирование, сапоги, белье, продовольствие.

Участник войны Н. Е. Митаревский в своих воспоминаниях писал: «Стоять под Тарутином было хорошо и привольно; провизии было достаточно; отдых приятный и выгодный. Не было забот ни о квартире, ни о столе, ни об одежде»⁷⁶. В одном из своих донесений английский представитель лорд Тэрконель писал: «Позиция, в которой мы теперь находимся, самая ужасная, ее защищают 622 пушки и более 100 тыс человек ...кавалерия в последнее время получила такое подкрепление, что теперь она гораздо превосходнее неприятельской... В армии большое изобилие в продовольствии, и способы земли превосходят

все, что я мог представить себе в рассуждении подвод»⁷⁷.

Ввиду того что армии предстояло действовать на опустошенной территории, где источники пополнения продовольствием были крайне ограничены, а также в связи с большими транспортными затруднениями решение вопроса об обеспечении бесперебойного снабжения армии имело весьма важное значение. Для того чтобы в ходе наступления питать более чем 100-тысячную армию боеприпасами, продовольствием и фуражом, требовался транспорт в несколько тысяч подвод. Понятно, что для этого недостаточно было армейского транспорта, необходимо было получить значительное количество подвод от населения.

Русское командование создает при армии 12 подвижных магазинов (складов), для комплектования которых в Костромской, Нижегородской, Владимирской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Курской, Орловской, Воронежской, Тверской, Новгородской и Ярославской губерниях был произведен сбор погонщиков, лошадей и повозок. Для создания подвижного магазина каждая из указанных губерний выставляла 413 погонщиков, 900 лошадей и 408 повозок. В общей сложности в систему подвижных магазинов привлекалось до 5 тыс погонщиков и 11 тыс лошадей⁷⁸.

Начальниками создаваемых подвижных магазинов назначались офицеры из действующей армии. На них возлагалась ответственность за бесперебойную доставку армии боеприпасов, продовольствия и фуража. Подвижные магазины значительно улучшили и облегчили работу войскового обоза.

Обеспечение армии в Тарутине оружием и боеприпасами, снабжение войск зимним обмундированием, заготовка, подвоз продовольствия и фуража, создание крупных продовольственных резервов, организация подвижных магазинов — все это явилось необходимой составной частью общего плана подготовки войск к развертыванию активных наступательных действий.

4

Русская армия за время ее пребывания в Тарутине, увеличив значительно свои силы, окрепла и готова была к новым боям. Генерал Н. И. Лавров в письме А. А. Аракчееву из Тарутина от 30 сентября 1812 г. писал: «Мы

стоим в укрепленном лагере и по всем дорогам берем у неприятеля весьма много пленных; имеем хорошее продовольствие, а у неприятеля его недостаток... Должно, наконец, отдать справедливость русским, что они ни в каком положении не унывают... Поистине вам скажу, что не слыхал ни одного человека, жалующегося о потере своей; всяк стремится к одному предмету, дабы Россию избавить от нашествия вражия. Умы до такой степени воспламенены, что генералы, офицеры, солдаты и мужики лучше согласятся погребстись под развалинами [Отечества] своего, нежели слышать о мире...»⁷⁹. В основе высокого морального духа армии и народа лежало сознание справедливого, освободительного характера войны, желание защитить свою Родину от угнетения и порабощения.

Организовав оборону на рубеже реки Нары, русская армия не только не пустила дальше в глубь страны армию Наполеона, но и обеспечила себе наиболее выгодные стратегические исходные позиции для перехода в контрнаступление. «Отныне имя его (села Тарутина.— П. Ж.),— писал Кутузов помещице А. Н. Нарышкиной,— должно сиять в наших летописях наряду с Полтавою, и река Нара будет для нас так же знаменита, как и Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамай. Покорнейше прошу Вас ... чтобы укрепления, сделанные близ села Тарутина, укрепления, которые устрашили полки неприятельские и были твердою преградой, близ коей остановился быстрый поток разорителей, грозивший наводнить всю Россию,— чтоб сии укрепления остались неприкосновенными. Пускай время, а не рука человеческая их уничтожит; пускай земледelec, обрабатывая вокруг их мирное свое поле, не трогает их своим плугом; пускай и в позднее время будут они для россиян священными памятниками их мужества: пускай наши потомки, смотря на них, будут воспламеняться огнем соревнования и с восхищением говорить: „Вот место, на котором гордость хищников пала пред неустрашимостью сынов Отечества“»⁸⁰.

Священный памятник мужества. Как верно и точно дано определение! Русские люди и поныне бережно хранят историческое место, где проявились стойкость и мужество наших предков. В 1834 г. на средства, собранные крестьянами села Тарутино, здесь по проекту архитектора Д. А. Антонелли был воздвигнут величественный памятник. На нем высечены знаменательные слова: «На

сем месте российское воинство под предводительством фельдмаршала Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу».

Тарутинский монумент — один из самых больших памятников войны 1812 г. Классическая колонна высотой более 22 метров, сооруженная на двойном кубическом постаменте и обрамленная позолоченными доспехами римских воинов, возвышается над местностью, где располагался укрепленный лагерь русской армии со штабом Кутузова.

В годы Великой Отечественной войны здесь также проходили упорные бои. На рубеже реки Нары, на дальних подступах к Москве, в октябре 1941 г. был прегражден путь немецко-фашистским войскам. Но Тарутино немцы захватили. В этом селе, расположенном в широкой долине р. Нара и опоясанном со всех сторон лесом, в ноябре 1941 г. дислоцировался штаб 12-го армейского корпуса немцев⁸¹. Здесь им было удобно — дома опустели, так как многие жители ушли в партизаны, а старики и дети укрылись в землянках.

Приближались рождественские праздники. Немецкие офицеры и солдаты украшали елки, запаслись в большом количестве шампанским, коньяком и готовились здесь весело провести рождественские дни.

Но петь и танцевать немцам в Тарутине не пришлось. Как раз в это время, накануне рождества 25—26 декабря, войска нашей 53-й дивизии, развивая контрнаступление, подошли к Тарутину и в упорных, тяжелых боях очистили его от немецко-фашистских войск, освободили священное для нашего народа место.

Автору довелось участвовать в этих боях. И у меня сохранилась такая краткая запись:

«26 декабря 1941 г. В 3 часа утра началось наступление, в 8 часов утра преодолели первые немецкие окопы. Из 30 домов с. Чернишня осталось 2—3, остальные сожжены, дорога усыпана минами, оставленные немцами вещи заминированы. В деревне Корсаково остался только один кирпичный дом. За Тарутино идет бой. Навстречу везут много раненых. Тарутино сожжено и разрушено. Входим в горящее село. Немцы ушли ночью. Здесь они хотели встречать рождество, много осталось елок с украшениями, груды бутылок из-под вина.

27 декабря 1941 г. Тарутино. Подошли остальные части. Нас обстреливают из пушек. Снаряды ложатся в 50—60 м, все дрожит. Вылезают люди из землянок, истер-

занные и измученные. Везде рвутся мины, коварно и хитро расставленные врагом».

Наш путь лежал дальше — на запад. Вышли на шоссе в районе Белоусово, встретив Новый год в деревне Петрясово, войска 53-й стрелковой дивизии вступили в упорные бои за освобождение Малоярославца. 3 января 1942 г. мы были уже в Малоярославце, в разрушенном городе, на улицах которого много оставленной немецкой военной техники: танков, орудий, автомашин.

Теперь в Тарутине сооружен еще один величественный монумент советским воинам с надписью на нем: «Здесь, защищая Родину и человечество от фашизма, стоял насмерть советский солдат»⁸². Так в двух войнах, отделенных 130-летним периодом, на этом небольшом клочке земли села Тарутина сражались воины, защищая родную землю.

Александр I не мог без тревоги наблюдать за всевозрастающей ролью Кутузова в решении государственных вопросов. Он попытался ограничить права главнокомандующего, лишить его возможности непосредственного управления всеми губерниями, находившимися вблизи театра военных действий (этим правом Кутузов обладал по «Положению» о Большой действующей армии)⁸³. После оставления Москвы и сосредоточения русской армии в Тарутине Александр I предложил Комитету министров учредить как можно ближе к месту пребывания фельдмаршала особый комитет в составе трех сенаторов (один из них председатель), назвав его «Отделением 1-го департамента правительствующего Сената, временно при армии учреждаемым». К нему предполагалось прикомандировать ответственных чиновников от каждого министерства. Этому своего рода «филиалу Комитета министров» предоставлялись такие же права, как и самому Комитету министров, т. е. сенаторы его могли действовать от имени царя; все губернаторы должны были выполнять только их распоряжения, а Кутузов должен был согласовывать свои решения с этим отделением Комитета министров.

Хотя этот проект Александра I об организации при главнокомандующем особого надзирающего правительственного органа и не был осуществлен, однако он в полной мере выразил тенденцию Александра I ограничить деятельность Кутузова только кругом военных вопросов.

Участник войны 1812 года генерал А. И. Михайловский-Данилевский писал: «Пребывание в Тарутине было

для Кутузова одной из блистательных эпох его досто-
славной жизни. Со времени Пожарского никто не стоял
так высоко в виду всей России... В Тарутине в неизмеримо
краткое время Кутузов привел в самое стройное поло-
жение армию, утомленную тысячеверстным отступлением
и кровавыми сражениями, вручил народу оружие, осадил
Наполеона в Москве и... извлекал все выгоды из нового
рода войны»⁸⁴.

Сам Кутузов отчетливо понимал значение тарутин-
ского периода для хода войны. Когда русская армия под-
ходила к Вильне, Кутузов в письме к жене от 26 ноября
1812 г., сообщив о том, что ему стала известна фраза,
будто бы сказанная Наполеоном: «Koutousoff, ta routine
m'a déroute»⁸⁵, подтвердил: «Надобно знать, что село
Тарутин, где был мой укрепленный лагерь, наделал не-
приятелю все беды...»⁸⁶.

Глава девятая

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

1

Нашествие разноплеменных полчищ наполеоновской армии всколыхнуло все слои народов России. И стар и млад вставали на защиту Отечества. Как справедливо тогда говорилось: «Вся Русь в поход пошла».

Дворянско-буржуазные историки рассматривали участие народа (прежде всего крестьянства) в войне 1812 года как заслугу дворянства, как его великое благодеяние. Они совершенно игнорировали классовую борьбу между крепостным крестьянством и крепостниками-помещиками, высокий патриотизм народа стремились изобразить как его преданность царю, как «единение народа с царем».

Официальные царские историки войны 1812 года вообще отрицали решающую роль в ней народа. Они рассматривали весь ход войны сквозь призму деятельности гениальной личности, как правило царя. В военной истории, пожалуй, как ни в какой другой области, нашла свое наиболее яркое выражение реакционная теория отрицания роли народных масс в войне, теория, создавшая культ вокруг отдельных исторических личностей. Целые исторические эпохи рассматривались как «Петровская эпоха», «эпоха Фридриха», «эпоха Наполеона» и т. д. Теория, согласно которой полководец на войне — все, а народ, армия — ничто, послушный инструмент в руках полководца, являлась господствующей в дворянской и буржуазной военной историографии. Немецкий военный историк Фрейтаг-Лорингхофен в книге «Господство личности на войне», исследуя главным образом военную деятельность Фридриха и Наполеона, связывал все военные и исторические события с их именами, доказывал, что «Наполеон как творец в военном деле и как организатор не имеет себе равных»¹, что господство полководца на войне беспредельно.

Дворянско-буржуазные авторы в угоду своему классу поучали, что победа в войне 1812 года была достигнута в результате стойкой защиты православной веры, преданности царю и любви к Отечеству. В своих произведениях они старались представить Александра I спасителем Рос-

сии, являвшимся якобы «орудием всемогущего провидения». «Весь мир,— пишет Михайловский-Данилевский,— оба полушария благословили победы Александра», который, «отстояв Россию, пошел спасать Европу»².

Только наиболее передовые люди того времени — декабристы, А. И. Герцен, революционеры-демократы В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов — в своих исторических и философских сочинениях раскрыли и показали решающую роль русского народа и армии в войне 1812 года.

В. Г. Белинский, говоря о войне 1812 года, неизменно подчеркивал решающую роль в ней народа. Прославляя высокий патриотизм и мужество армии и народа, Белинский одновременно отмечал выдающиеся заслуги Кутузова, называл полководца одним «из представителей нравственного могущества своего народа»³. Н. Г. Чернышевский, критикуя иностранных авторов, стремившихся объяснить поражение Наполеона в войне климатическими условиями России, дал верную оценку источников победы русского народа в войне 1812 года: «Холод и недостаток в съестных припасах были только второстепенными причинами гибели великой армии наполеоновой; главнейшими же причинами нашего торжества в 1812 году должны быть признаваемы... патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев»⁴.

Само собой разумеется, что победа в войне 1812 года стала возможной благодаря активному участию в войне широких народных масс. Победа пришла только тогда, когда народ стал на защиту своей Родины, когда «дубина народной войны,— по образному выражению Л. Н. Толстого,— поднялась со всею своей грозной и величественной силой»⁵.

Народный характер войны 1812 года проявился как в непосредственном участии народа в вооруженной борьбе с врагом, так и в его напряженном труде по обеспечению армии и ополчения всем необходимым для ведения войны. И тульские ружейные мастера, снабжавшие армию ружьями, и уральские литейщики, изготавливавшие снаряды, и ярославские текстильщики, обеспечивавшие армию одеждой, и калужские крестьянки, готовившие для армии продовольствие,— все они стремились как можно быстрее избавиться от вторгшихся захватчиков.

Русский народ и армия, отдававшие все свои силы для победы над врагом, в конечном счете определили исход войны и ускорили освобождение других народов от напо-

леоновского ига. «Вся история освободительных войн,— говорил В. И. Ленин,— показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро»⁶. Так было всегда, так было и в освободительной Отечественной войне 1812 года.

Патриотизм русского народа, его любовь к своей Родине, к сохранению своей культуры и языка, своей независимости с особой силой проявились в освободительной войне против иноземного ига. Вторжение наполеоновских полчищ на русскую землю вызвало небывалый патриотический порыв у широких народных масс. «Всеобщая война народов против Наполеона,— указывал Ф. Энгельс,— была ответной реакцией национального чувства, которое Наполеон попирает ногами у всех народов»⁷.

Опыт войны 1812 года убедительно подтверждает правильность марксистского положения о том, что исход войны определяется вооруженной борьбой армий, их боевыми и моральными качествами, участием в войне широких народных масс.

В Отечественной национально-освободительной войне 1812 года с особой силой проявилась решающая роль народа. Война против агрессии Наполеона превратилась в войну всех народов России против захватнической наполеоновской армии. В этом была основная, характерная особенность войны 1812 года, в этом же состоял непоправимый просчет Наполеона. В своих планах войны с Россией Наполеон не учитывал силы сопротивления народа, не думал, что ему придется вести войну со всем русским народом. Он был глубоко убежден, что его 600-тысячная армия в первом же столкновении разобьет в три раза меньшую по численности русскую армию и война в короткие сроки будет победоносно окончена. Этот роковой просчет допустил, как известно, и Гитлер, пуская в ход против нашей страны доктрину «блицкрига».

Наполеон был уверен также и в том, что, как это было в покоренных им западноевропейских странах, жители русских городов и сел будут покорно подчиняться ему и его армия получит у местного населения все необходимое.

Народный характер войны 1812 года проявлялся по-разному в различные периоды войны. На первом этапе, в период наступления войск противника, он нашел свое наиболее яркое выражение в массовом уходе населения из городов и деревень, занимаемых противником, в угоне всего скота, увозе с собой продовольствия, фуража,

в уничтожении посевов. Так было в Литве, Белоруссии, Смоленской губернии. «Казалось, всюду наше приближение, — вспоминал француз — участник похода, — вызывало опустошение; все население бежало при нашем приближении»⁸. «Жители при нашем приближении, — писал французский офицер Пюибюск, — разбегаются и уносят с собой все, что только могут взять, и скрываются в густых, почти неприступных лесах»⁹. Так было в Витебске и Смоленске, Дорогобуже и Гжатске, Можайске и Москве:

Крепостное крестьянство сразу же почувствовало, что наполеоновское нашествие несет ему еще большее порабощение, нежели оно испытывало от своих крепостников-помещиков. Оккупировав Литву, Латвию, Белоруссию, наполеоновские войска грабили население, отбирали у крестьян скот, одежду, продовольствие. Только на жителей Курляндии была наложена контрибуция в размере 2 млн руб и приказано поставить французским войскам: 50 тыс шуб, 30 тыс башмаков, 2 тыс пар сапог, 1150 лошадей¹⁰.

То же самое происходило и в других губерниях. «Страх, мщение, грабительство и смерть были распространены по всей Могилевской губернии», — сообщал Кутузову могилевский губернатор¹¹. Действия оккупантов, естественно, вызывали у крестьян возмущение и гнев, перераставшие в вооруженное сопротивление. Народная война приобретала все больший размах.

Однако царское правительство, дворяне и помещики пытались ограничить участие народа в войне. Самодержавие боялось, как бы народ заодно с разгромом Наполеона не обратил оружие и против своих внутренних врагов — помещиков-крепостников. «Поселяне меняют косы на пики, — писал декабрист Ф. Н. Глинка, — только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании (против Наполеона. — П. Ж.), но, кажется, война народная слишком нова для нас. Кажется, еще бояться развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, позволяющей собраться, вооружаться и действовать где, как и кому можно»¹².

Царизм рассчитывал вести войну, опираясь только на армию как на надежный оплот эксплуататорских классов. Он не верил в силы крепостного крестьянства и боялся его. В июле 1812 г. перед новым набором рекрутов Ростовчин предупреждал царя: «Новый рекрутский набор по времени и по образу своему может иметь дурные последствия. Умы не спокойны, народ несчастен, внутри нет войск, и отчаяние не умеет рассуждать»¹³.

Величие Кутузова как полководца сказалось прежде всего в верном понимании им роли народных масс в национально-освободительной войне. В то время когда реакционные силы царизма боялись и тормозили развертывание народной войны, Кутузов всемерно поощрял ее, руководил народным ополчением, стал вооружать крестьянские партизанские отряды. Уже в первом обращении к жителям Смоленской губернии он восторженно приветствовал мужественную борьбу крестьян с врагом и призвал их усилить эту борьбу¹⁴.

Французские генералы и Наполеон обвиняли Кутузова в том, что он ведет войну «не по правилам военного искусства», они требовали, чтобы он отказался от партизанских форм борьбы, не привлекал к участию в войне народные массы. На это Кутузов дал такой ответ: «Трудно остановить народ, ожесточенный всем тем, что он видел; народ, который в продолжение двухсот лет не видел войны на своей земле; народ, готовый жертвовать собою для родины и который не делает различий между тем, что принято и что не принято в войнах обыкновенных»¹⁵.

2

Не могло воспрепятствовать участию народа в войне и самодержавие. Александр I вынужден был обнародовать два манифеста, от 6 июля и 18 июля 1812 г., о создании ополчения для подкрепления войск и защиты Отечества¹⁶. Оба документа были обращены в основном к дворянству. Но одновременно Сенат направил губернаторам секретную инструкцию, в которой указывалось, чтобы дворянство не препятствовало формированию ополчения, а содействовало этому, так как тем самым оно защищает свое личное право, собственность своих владений¹⁷.

Образованный 31 июля 1812 г. Особый комитет по ополчению (в него вошли А. А. Аракчеев, министр полиции А. Д. Балашев и государственный секретарь А. С. Шишков) издал ряд распоряжений, определявших порядок зачисления в ополчение, его финансирование, обеспечение продовольствием и обмундированием¹⁸.

В ближайших к театру войны 16 губерниях, разделенных на три округа, 18 июля был объявлен набор ополчения. В ополчение первого округа входили губернии: Московская, Тверская, Калужская, Смоленская, Тульская, Владимирская, Рязанская и Ярославская; в ополче-

ние второго округа входили Петербургская и Новгородская губернии; в ополчение третьего округа были включены Костромская, Нижегородская, Казанская, Вятская, Симбирская и Пензенская губернии. Руководство ополченческим формированием первого округа было поручено генералу Ф. В. Ростопчину, второго округа — генерал-лейтенанту П. И. Меллер-Закомельскому, третьего округа — генерал-лейтенанту П. А. Толстому.

Формирование ополчения проходило быстро и с большим подъемом. В Москве оно началось немедленно по получении манифеста. 28 июля был избран командующий Московским ополчением, участник суворовских походов, заслуженный генерал И. И. Марков, учреждены два комитета: один — для зачисления в ополчение, обеспечения его вооружением и продовольствием; другой — для приема пожертвований от населения.

Москва и Московская губерния дали наибольшее число ополченцев. Каждые 10 из 100 душ населения мужского пола шли в ополчение. Многие крестьяне, дворовые люди, ремесленники, интеллигенты записывались в ополчение добровольно. Редактор «Русского вестника» С. Н. Глинка первым прибыл в Сокольники, к даче Ростопчина, и подал записку: «Хотя я и не уроженец московский, но где кого застала опасность Отечества, тот там и должен стать под хоругви отечественные. Обрекаю себя в ратники Московского ополчения». Одними из первых записались поэты В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов.

А. С. Грибоедов вспоминал впоследствии: «Я был готов к испытанию для поступления в чин доктора, как получено было известие о вторжении неприятеля в пределы отечества нашего, и вскоре за тем последовало... воззвание к дворянству ополчиться для защиты Отечества. Я решился тогда оставить все занятия мои и поступить в военную службу»¹⁹.

К началу сентября 1812 г. в Московское ополчение записалось 25 800 человек. Организационно ополченцы были сведены в конные и пешие казачьи и егерские полки. Всего было создано 12 полков²⁰.

Ополченцы одевались в крестьянскую одежду: рубаха с косым воротом, длинный серый кафтан, шаровары из крестьянского сукна, сапоги и фуражка с крестом — знак ополченца. Офицеры же имели обычные армейские мундиры. Каждый полк получил из арсенала по 500 ружей и по 60 патронов на каждого воина.

На Московское ополчение возлагались большие надежды как на реальную силу, способную усилить действующую армию. Еще накануне отъезда из Петербурга Кутузов обратился к Ростопчину с просьбой ускорить отправку ополченцев «туда, куда нужда их требует»²¹. Из Гжатска он вновь просит Ф. В. Ростопчина и И. И. Маркова быстрее направлять Московское ополчение к Можайску, «чтобы армия в достоверность успехов своих могла при случае ими воспользоваться»²².

Ополченцы были распределены по корпусам 1-й и 2-й Западных армий и приняли непосредственное участие в боевых действиях. Из ополченцев московские первыми приняли боевое крещение в Бородинском сражении, где участвовало более 15 тыс. воинов-ополченцев²³.

После Бородина, на пути к Москве, ополченцы влились в полки действующей армии и довольствовались наравне с солдатами. Им сохранили прежний внешний вид. В приказе по армии от 3 августа 1812 г. было сказано: «Воины ополчения Московского одежд своих не перемениют, бород не бреют и, одним словом, остаются в прежнем их состоянии»²⁴.

Не менее успешно проходило формирование народного ополчения и в других губерниях первого округа. В Тверской губернии с каждых 500 жителей выставлялось по 20 ратников. Тверской комитет военной силы развернул энергичную деятельность. За короткое время было сформировано шесть полков: пять пеших и один конный²⁵. Избранный начальником ополчения генерал-лейтенант Я. И. Тыртов много сделал для того, чтобы обучить ополченцев элементарным правилам военной службы.

Через месяц ополченческие полки выступили из Твери в Москву. В Клипу стало известно, что Москва занята французами. Ополчение вынуждено было вернуться в Тверь, часть его была отправлена в корпус Витгенштейна, а часть передана в распоряжение Винценгероде и использовалась для охраны Петербурга. То же было и с Ярославским ополчением. Семь полков под командованием генерал-майора Я. И. Дедюлина выступили из Ярославля по направлению к Дмитрову с целью дальнейшего движения к Москве. В пути были получены известия, что Москва оставлена. Тогда полки влились в отряд генерала Винценгероде и расположились между Тверью и Клином, обороняя пути, идущие от Москвы в Ярославль.

Владимирская губерния выставила шесть полков

ополчения. Начальником ополчения был избран Б. А. Голлицын — умный и распорядительный человек, сумевший хорошо организовать караульную службу и борьбу с французскими фуражирами, пытавшимися угонять скот и отбирать у жителей продовольствие.

В губерниях первого округа, близко прилегавших к театру военных действий, сбор ополчения проходил еще более организованно и быстро. Калужская губерния выставила шесть полков (начальник ополчения генерал-лейтенант В. Ф. Шепелев), Тульская — семь полков (начальник ополчения тульский гражданский губернатор Н. И. Богданов), Рязанская — семь полков (начальник генерал-майор Л. Д. Измайлов)²⁶. Рязанское ополчение во время пребывания русской армии в Тарутине выполняло важную задачу. Расположившись по правому берегу Оки от Коломны до Рязани, оно препятствовало противнику переправиться через реку, пресекало все его попытки улучшить снабжение армии продовольствием за счет этих районов, успешно вело борьбу с мародерами.

Смоленское ополчение создавалось в наиболее трудных условиях. Враг стоял уже у ворот Смоленска. Крестьяне сами брались за оружие, вилы, топоры, уходили в лес и устраивали палеты на мелкие отряды французских фуражиров, на обозы. Четыре брата генерала Лесли — Александр, Петр, Григорий и Егор — одни из первых подали мысль создать ополчение. Старый генерал Лесли лично внес предложение создать Смоленское ополчение. Сначала его встретили без особого энтузиазма. «Как давать людей, когда теперь самый сенокос, — заявил дворянин Прохор Булатов. Но когда положение стало угрожающим, когда стало ясно, что теперь не до сенокоса, дело изменилось. За восемь дней в ополчение записалось более 12 тыс человек. Начальником ополчения был избран генерал-лейтенант Н. П. Лебедев, сборным пунктом стал Дорогобуж²⁷.

Организация Смоленского ополчения отличалась от других. Создаваемое по уездам и волостям, оно делилось на сотни и пятидесятки. Смоленское ополчение приняло участие в боевых действиях армии еще до Бородина. Ополченцы успешно справлялись с французскими мародерами, устраивали засады и совершали налеты на небольшие гарнизоны противника, оказывали помощь раненым русским солдатам и офицерам.

Народное ополчение первого округа явилось наиболее крупной силой. Его численность составила 123 359 чело-

век, из которых было создано 47 полков пехоты и 8 полков конницы²⁸.

Не менее успешно проходило создание ополчения и во втором округе. Здесь прежде всего следует остановиться на формировании Петербургского ополчения, проходившего под руководством единогласно избранного начальника ополчения М. И. Кутузова.

Почти месяц Кутузов был начальником Петербургского ополчения. Он с необычайной энергией создавал крестьянские дружины, вооружал и обучал их военному делу.

Как и в Москве, в Петербурге решили брать в ополчение 10 человек от каждых 100 человек населения. Но желающих было больше. С раннего утра до позднего вечера приходили в Казенную палату крестьяне, дворовые люди: чиновники, ремесленники, студенты с просьбой записать их в ополченцы.

В фонде Петербургского ополчения в Государственном историческом архиве Ленинградской области хранятся коротенькие записки Кутузова в Устроительный комитет такого содержания: «Принятого мною из вольноопределяющихся Михаила Чижова предлагаю зачислить в ополчение» или: «Находящийся в департаменте Министерства юстиции губернской секретарь Федор Гак принят мною в ополчение»²⁹.

Поступало к Кутузову много писем от офицеров и генералов в отставке, от чиновников, сослуживцев с просьбой о зачислении в ополчение. Вот, например, письмо генерал-майора в отставке Карпова: «Имею счастье служить под начальством Вашего сиятельства в прежде бывшую турецкую войну, в Бугском егерском корпусе, был во многих сражениях и в штурме Измаила, за Дунаем три раза на поражении неприятеля и при Мачине при разбитии визиря, везде с Вами были победителями. После того находился я в Италии против французов во всех сражениях и весьма тяжело был ранен в ногу с раздроблением верхней кости пулею, которая там оставалась, и я не мог ходить, а затем отставлен был от службы генерал-майором с ношением мундира, но без пансиона. 10 лет 6 месяцев имел я терпение от нули, искал везде освободиться, но никто не мог вынуть; напоследок здесь в С.-Петербурге Яков Васильевич Вилле решил освободить меня, и по совету его через операцию пуля вынута, раны залечены, кости срослись, и я имею владение ноги и совершенную свободу, в чем и дано мне от него сви-

детельство, которое при сем представляю. Имея усерднейшее желание служить Отечеству под предводительством Вашего сиятельства в воинском ополчении, всепокорнейше прошу меня в оное причислить»³⁰. Генерал-майор Карпов был зачислен в ополчение, командовал дружиной, а затем 2-й бригадой, в которую входили 7, 8 и 9-я дружины.

Опытность, высокий авторитет Кутузова, его неутомимая энергия позволили в короткие сроки создать Петербургское ополчение. По его предложению было образовано два комитета: Устроительный и Экономический. Первый занимался приемом ополченцев, формированием дружин, обучением, а второй — снабжением ополченцев оружием, обмундированием, приобретением транспорта, сбором пожертвований от населения. В целях оперативности в работе Кутузов предоставил право Устроительному и Экономическому комитетам непосредственно обращаться в то или иное учреждение за разрешением вопросов. «В делах, требующих моего разрешения, — писал он, — присылать ко мне с одним из чиновников краткие записки, без всякого соблюдения форм, как по подписанию на них моей резолюции тотчас будут возвращены»³¹.

Петербургское ополчение делилось не на полки, а на дружины, в каждую из которых зачислялись ополченцы одного уезда. Дружина состояла из четырех сотен, а сотня — из 200 ополченцев. Всего было сформировано 15 дружин³².

Петербургское ополчение лучше было вооружено и обучено, чем другие. Кутузов добился получения из арсенала 10 тыс ружей, размещения ополченческих дружин в Измайловских казармах, выделения из учебных гренадерских батальонов 80 человек старослужащих солдат и барабанщиков для организации и обучения ополченцев³³.

Большое внимание уделялось обучению ополченцев, овладению ими элементарными тактическими приемами борьбы. Для всех ратников были введены правила фронтального обучения, разработанные лично Кутузовым в «Положении о Петербургском ополчении»³⁴, согласно которым ополченцы были обязаны знать свое место в ряду и шеренге и не отрываться друг от друга, а в рассыпном строю не терять друг друга; уметь правильно заряжать, стрелять и действовать штыком; знать повороты, маршировку в ногу, построение фронта, колонн и отделений. В положении требовалось, чтобы обучение было простым и понятным.

расставил по вышеупомянутым местам кордоны. О чем имел честь отослаться к Его светлости»³⁷.

Блокада Москвы народным ополчением давала возможность русскому командованию не распылять основные силы армии, держать их компактно и спокойно готовить для контрнаступления.

Не менее важную роль выполняло ополчение второго округа. Его основная масса была направлена на усиление корпуса Витгенштейна. Петербургское ополчение, составив два крупных отряда, целиком влилось в корпус Витгенштейна. Первый отряд под командованием тайного советника А. А. Бибикова в составе 1-й и 3-й бригад ополчения прибыл к войскам Витгенштейна 16 сентября, второй отряд под командованием генерал-майора И. М. Бегичева в составе 2, 4 и 5-й бригад ополчения — 9 сентября. Общее число ополченческого войска, прибывшего из Петербурга на усиление корпуса Витгенштейна, составило 15 148 ратников³⁸.

Из оставшейся части ополчения второго округа, т. е. почти из всего Новгородского ополчения и двух казачьих полков Петербургского ополчения, был создан корпус под командой генерал-майора артиллерии И. И. Новака и направлен в распоряжение генерал-адъютанта Ф. Ф. Винценгероде. В задачу корпуса входило охранять Большую Московскую дорогу на Петербург, а также дорогу, ведущую от Гжатска через Зубцов и Ржев на Осташков.

Народное ополчение охватывало больше населения, чем партизанские отряды. В ополчении принимали участие не только население районов, примыкавших к театру военных действий, жители городов и сел, где прошла война, — в полках ополчения, кроме смоленских, московских и калужских крестьян, были крестьяне из Костромы и Нижнего Новгорода, из Вятки и Пензы.

Основной контингент ополченцев составляли крепостные крестьяне, верившие, что за участие в войне их освободят от крепостного гнета. В ополчении также были горожане, ремесленники, интеллигенция и передовая дворянская молодежь.

Ополчение создавалось на Украине и на Дону, в Поволжье, на Урале и в других местах, где официально не предусматривалось его формирование. Численность этого ополчения составила около 190 тыс человек³⁹. Стремление народа идти с оружием в руках защищать свою Родину позволило довольно быстро сформировать ополченческие полки.

Народному ополчению, бесспорно, принадлежит большая роль в разгроме наполеоновской армии. Оно стало могучей военной силой и внесло ощутимый вклад в достижение победы в Отечественной войне 1812 года.

Традиция создания народного ополчения в кризисные периоды истории нашего государства, когда иноземные захватчики вторгались на территорию нашей страны, уходит в глубь веков. Народ — патриот, народ — труженик и защитник своей свободы и независимости особенно проявил свои могучие силы в наше советское время. Так было в годы гражданской войны и иностранной интервенции, так было и в период Великой Отечественной войны, в которой по зову партии, по велению сердца, добровольно почти 2 млн народных ополченцев — рабочие и крестьяне, студенты и профессора, инженеры, писатели и деятели искусства — ушли на фронт и с оружием в руках сражались, защищая свою социалистическую Отчизну.

При обучении стрельбе и маневру «не искать никакой красоты», а добиваться четкого исполнения приемов. Эти правила обучения ополченцев были введены затем и в других округах.

Ополчение третьего округа мыслилось как резерв первых двух округов, и до особого распоряжения ополченцы должны были находиться на своих местах. В третий округ входили приволжские губернии. Начальник ополчения генерал-лейтенант П. А. Толстой в военном отношении был знающий и энергичный человек. Он приложил много усилий в организации и подготовке ополчения, особенно Нижегородского. Всего в третьем округе было сформировано 18 пехотных и 5 конных полков³⁵.

К концу сентября формирование в основном было закончено. Ополчения первых двух округов, предназначенные для обороны Москвы и Петербурга, были собраны, вооружены и снабжены трехмесячным запасом продовольствия еще раньше. Общее число воинов ополчения, собранного в губерниях трех округов, распределялось по округам следующим образом:

<i>Первый округ</i>	
Московская губерния	25 800 человек
Тверская »	13 300 »
Ярославская »	11 112 »
Владимирская »	15 086 »
Рязанская »	15 918 »
Тульская »	15 000 »
Калужская »	15 000 »
Смоленская »	12 143 человека
Итого	123 359 человек

<i>Второй округ</i>	
Петербургская губерния	13 405 человек
Новгородская »	10 522 человека
Итого	23 927 человек

<i>Третий округ</i>	
Костромская губерния	11 000 человек
Нижегородская »	12 924 человека
Казанская »	3 300 человек
Вятская »	505 »
Симбирская »	8 679 »
Пензенская »	9 282 человека
Итого	45 690 человек

Общее число ополченцев всех трех округов составляло 192 976 человек³⁶.

Из почти 200-тысячной армии ополченцев 147 тыс человек принимали непосредственное участие в борьбе с противником в период пребывания Наполеона в Москве. Ополченцы третьего округа (45,7 тыс человек) находились в резерве и приняли участие уже в преследовании отступавших наполеоновских войск. Не учитывать значения этой силы нельзя.

Правда, в связи с поспешностью формирования ополчения оно не имело достаточной военной подготовки, было вооружено в основном пиками, и поэтому его нельзя было включать сразу в действующую армию. Оно сначала использовалось в основном для охраны подмосковных губерний, создания партизанских отрядов, прикрытия важных дорог и объектов (Брянск, Калуга, Коломна) и для перекрытия путей, ведущих из Москвы. Так, Тверскому ополчению было приказано расположиться между Клином и Тверью, Ярославскому — на пути из Москвы в Ярославль у Переславля-Залесского, Рязанскому — прикрывать Касимовскую и Рязанскую дороги, Тульскому — прикрывать район Кашира — Алексин, Калужскому — частью сил охранять границы своей губернии, а большей части ополчения совместно с регулярными войсками и артиллерией прикрывать Брянск.

Таким образом, ополченческие полки первого округа прикрывали все дороги, идущие из Москвы, и охватывали Москву полукругом от Клина через Дмитров, Переславль-Залесский, Покров, Коломну, Серпухов, Алексин. Практически ополченческие части окружили французскую армию в Москве, что поставило Наполеона в крайне тяжелое положение.

Особенно прочно прикрывался район расположения войск в Тарутинском лагере, в тылу которого были поставлены вдоль по Оке семь полков Тульского ополчения. На запрос дежурного генерала Коновницына начальник Тульского ополчения Н. И. Богданов 24 сентября сообщал: «Что же касается до Тульского ополчения... доношу, что с пачала еще сентября Тульское ополчение занимает расстояние верст на 200 по берегу реки Оки в ту и другую стороны, начиная от Алексина к Тарусе и Серпухову, и оканчивается за Каширою, о чем прошу Ваше превосходительство донести Его светлости, что я, почитая необходимо нужным препятствовать покушениям неприятеля переправиться через реку Оку, заранее еще

Глава десятая

ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ И ИХ ДЕЙСТВИЯ

1

Партизанское движение явилось ярким выражением народного характера Отечественной войны 1812 года. Вспыхнув после вторжения наполеоновских войск в Литву и Белоруссию, оно с каждым днем ширилось, принимало все более активные формы и выросло в грозную для врага силу.

Начавшись стихийно с выступлений мелких, разрозненных крестьянских отрядов, партизанское движение охватило целые районы. Позднее создавались крупные отряды, появились тысячи народных героев, выдвигались талантливые организаторы партизанской борьбы.

Почему же бесправное крепостное крестьянство, безжалостно угнетаемое крепостниками-помещиками, поднялось на борьбу против, казалось бы, своего «освободителя»? Дело в том, что ни о каком освобождении крестьян от крепостной зависимости или улучшении их бесправного положения Наполеон и не думал. Если вначале и произносились многообещающие фразы об освобождении крепостных и даже поговаривали о необходимости выпустить какую-то прокламацию, то это было лишь тактическим ходом, с помощью которого Наполеон рассчитывал припугнуть крепостников-помещиков. Это, как правильно заметил Коленкур, была лишь «гроза, при которой только сверкала молния, но гром не гремел»¹.

Наполеон понимал, что освобождение русских крепостных неизбежно привело бы к революционным последствиям, чего он боялся больше всего. Да это и не отвечало его политическим целям при вторжении в Россию. Французские генералы Дедем и Коленкур единодушны в мнении, что для Наполеона важно было «упрочить монархизм во Франции и ему трудно было проповедовать революцию в России»².

Первые же распоряжения администрации, учрежденной Наполеоном в занятых областях, направлялись против крепостных крестьян, в защиту крепостников-помещиков. Временное литовское «правительство» («Комиссия Литвы»), полностью подчиненное наполеоновскому губерна-

тору, в одном из первых же своих постановлений обязало всех крестьян и вообще сельских жителей беспрекословно повиноваться помещикам, по-прежнему исполнять все работы и повинности, а тех, кто будет уклоняться, надлежало строго наказывать, привлекая для этого, если того потребуют обстоятельства, военную силу³.

Такое же распоряжение опубликовал и командир Прусского корпуса генерал Граверт, войска которого находились на территории Курляндии. Он прямо заявил, что «не предполагается никакой перемепы как в устройстве означенной провинции, так и в отношениях между господами и подданными и что Прусский корпус, вместо того чтобы нарушить эти отношения, намерен, напротив, энергично поддержать таковые, а равно и порядок, и строго наказать всякого, позволяющего их нарушение»⁴.

Созданная Наполеоном администрация, сохранив прежний крепостнический режим, жестоко расправлялась с крестьянами, выступавшими против своих помещиков, привлекая для подавления крестьянских волнений вооруженную силу⁵.

В буржуазной исторической литературе начало партизанского движения в 1812 г. связывается с манифестом Александра I от 6 июля 1812 г., как бы разрешившим крестьянам взяться за оружие и активно включиться в борьбу. В действительности дело обстоит иначе. Декабрист И. Д. Якушкин свидетельствовал: «Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение»⁶.

Крестьянин быстро понял, что нашествие французских завоевателей ставит его в еще более тяжелое и унижительное положение, чем он находился до того. Борьбу с иностранцами порабощателями крестьянин связывал также с надеждой на освобождение его за участие в войне от крепостной зависимости⁷.

На первых порах эта борьба приобрела характер массового оставления сел и деревень и ухода населения в леса и районы, отдаленные от военных действий. И хотя это была еще пассивная форма борьбы, но она создавала серьезные трудности для наполеоновской армии. Французские войска, имея ограниченный запас продовольствия и фуража, быстро стали испытывать острый в них недостаток. А это не замедлило сказаться на ухудшении общего состояния армий: стали гибнуть лошади, голодать

солдаты, усилилось мародерство. Еще до Вильно погибло более 10 тыс лошадей, а в Вильно уже ощущался недостаток во всем, на поиски продовольствия далеко отправляли фуражиров.

Чем дальше продвигалась наполеоновская армия, тем острее становилась проблема обеспечения войск продовольствием. «Через десять дней,— пишет Коленкур,— после нашего прибытия в Витебск, чтобы раздобыть продовольствие, приходилось уже посылать лошадей за 10—12 лье от города. Оставшиеся жители все вооружились; пельзя было найти никаких транспортных средств. На поездки за продовольствием изводили лошадей, нуждавшихся в отдыхе; при этом и люди, и лошади подвергались риску, ибо они могли быть захвачены казаками или перерезаны крестьянами, что частенько и случалось»⁸. Начиная от Вильно и до Москвы включительно происходило колоссальное перемещение людей. С приближением французской армии жители покидали свои дома: Смоленская губерния, особенно Поречский, Дорогобужский, Вяземский и Гжатский уезды, совершенно опустели.

Французский унтер-офицер, по словам врача Вюртембергского конно-егерского полка фон Рооса, посланный командиром полка с шестью солдатами в деревню за продовольствием, рассказывал по возвращении: «Все против нас; все готовы либо защищаться, либо бежать... Никто ничего не хотел давать, мне приходилось брать самому, насильственно и с риском, меня отпускали с угрозами и проклятиями. Мужики вооружены пиками, многие на конях»⁹.

Коленкур свидетельствует, что перед Гжатском «армия могла питаться лишь тем, что добывали мародеры, организованные в целые отряды; казаки и крестьяне ежедневно убивали много наших людей, которые отваживались отправиться на поиски. Чем больше мы продвигались вперед, тем более полным было бегство населения. Не оставались даже старики и инвалиды»¹⁰. Когда же французы для поисков фуража и продовольствия выделяли отряды фуражиров и отправляли их в деревни, находившиеся в стороне от столбовой Смоленской дороги, крестьяне встречали их вилами, топорами, нападали на них. Так, после занятия французскими войсками Вязьмы 17 мародеров вошли в деревню Николы-Погорелово. Дворовый человек, увидев их, сообщил находившимся поблизости женщинам, чтобы они созвали мужиков. Сам же, позвав еще одного дворового, засел во рву в неболь-

шой роще возле дороги, а другого поставил на другой стороне дороги. Когда мародеры приблизились к ним, крестьяне открыли стрельбу, ранили двоих, остальные, побросав ружья, разбежались¹¹.

А вот рассказ другого крестьянина: «Раз ночью четыре француза забрались около водяного колеса на мельницу. Мы узнали это и обступили, закричали им: „Сдавайтесь!“, они закричали: „Нон пардон!“ — и начали стрелять»¹². Когда французы расстреляли все патроны, их взяли в плен.

Подобные встречи происходили довольно часто. Именно в таких схватках создавались первые крестьянские партизанские отряды, зарождалась более активная форма сопротивления народа — партизанская борьба. Правда, официальная историография не позаботилась сохранить для истории документы об этой борьбе народа. Царское правительство не было заинтересовано в собирании и общении материалов о действиях крестьянских партизанских отрядов. До нас дошло лишь небольшое число свидетельств современников, позволяющих представить размах крестьянского партизанского движения.

Действия крестьянских партизанских отрядов носили как оборонительный, так и наступательный характер. В районе Витебска, Орши, Могилева отряды крестьян-партизан совершали частые дневные и ночные налеты на обозы противника, уничтожали его фуражиров, брали в плен французских солдат. Наполеон вынужден был все чаще и чаще напоминать начальнику штаба Бертье о больших потерях в людях и строго приказывал выделять все большее количество войск для прикрытия фуражиров.

Наиболее широкий размах партизанская борьба крестьян приобрела в августе в Смоленской губернии. Она началась в Красненском, Поречском уездах, а затем в Бельском, Сычевском, Рославльском, Гжатском и Вяземском уездах. Первое время крестьяне опасались вооружаться, они боялись, как бы их потом не привлекли к ответственности. «Поселяне приходили ко мне, — писал генерал А. П. Ермолов, — спрашивать, позволено ли им будет вооружиться против врагов, и не подвергнутся ли они за то ответственности?»¹³

В г. Белом и Бельском уезде партизанские отряды нападали на пробиравшиеся к ним партии французов, уничтожали их или забирали в плен. Руководители сычевских партизан исправник Богуславский и майор в отставке Емельянов вооружили свои отряды отобранными у

французов ружьями, установили должный порядок и дисциплину. Сычевские партизаны за две недели (с 18 августа по 1 сентября) 15 раз нападали на неприятеля. За это время они уничтожили 572 солдата и взяли в плен 325 человек¹⁴.

Жители Рославльского уезда создали несколько конных и пеших партизанских отрядов, вооружив их пиками, саблями и ружьями. Они не только защищали свой уезд от противника, но и нападали на мародеров, пробиравшихся в соседний Ельненский уезд. Много партизанских отрядов действовало в Юхновском уезде. Организовав оборону по реке Угре, они преграждали путь противнику к Калуге, оказывали существенную помощь армейскому партизанскому отряду Дениса Давыдова.

Успешно действовал наиболее крупный гжатский партизанский отряд. Его организатором был солдат Елизаветградского полка Федор Потапов (Самусь). Раненный в одном из арьергардных боев после Смоленска, Самусь оказался в тылу противника и после выздоровления сразу же приступил к организации партизанского отряда, численность которого вскоре достигла 2 тыс человек. Отряд Самуся имел свою организацию, в нем была установлена строгая дисциплина и разработана система оповещения и связи. Партизаны Самуся действовали смело и решительно. Они нападали сначала на небольшие партии и обозы противника, а затем, когда отряд вооружился, совершали дерзкие налеты и на более крупные партии. За короткое время гжатские партизаны уничтожили свыше 3 тыс французских солдат¹⁵.

В Гжатском уезде активно действовал и другой партизанский отряд, созданный из крестьян, во главе которого стоял солдат Ермолай Четвертаков. В одном из арьергардных боев Четвертаков был ранен, попал в плен, а затем бежал и стал организовывать из крестьян деревень Басманы и Зодново партизанский отряд. Вначале это был небольшой отряд, насчитывавший 40 человек, но вскоре он возрос до 300 человек. Отряд Четвертакова стал не только защищать деревни от мародеров, но и нападать на противника, нанося ему большие потери.

В Сычевском уезде прославилась своими умелыми действиями отважная партизанка Василиса Кожина.

Крестьянские партизанские отряды Гжатска и других районов, располагавшихся вдоль основной дороги на Москву, причиняли большие неприятности французским войскам. В этом отношении имеется много фактов и свиде-

тельств, идущих с французской стороны. Приведем один весьма примечательный, ранее неизвестный документ — донесение, поступившее к Наполеону в Москву 27 сентября из Вязьмы. В нем сообщалось: «Похоже, что число и дерзость вооруженных партизан в деревнях в стране возрастает. 15 сентября партизаны деревни Калущино, близ Гжатска, захватили обоз с понтонами и взяли в плен понтонеров, которыми командовал капитан Мишель. Эти партизаны где только могут изгоняют или уничтожают наши отряды, которые необходимость заставляет нас посылать за продовольствием. Такие беспорядки, особенно частые между Дорогобужем и Можайском, я думаю, заслуживают вмешательства вашего величества. Возникла настоятельная необходимость не допустить новых вылазок партизан и наказать их за прежние злодеяния, дабы пресечь дерзость их». И Наполеон сразу же отреагировал на это донесение. Он наложил резолюцию: «Послать отряд и спалить деревню»¹⁶.

Крестьянское партизанское движение стало более организованным, получив поддержку и помощь со стороны главнокомандующего русской армией Кутузова. По прибытии в армию Кутузов 20 августа обратился к смоленским жителям с воззванием: «Достойные смоленские жители, любезные соотечественники!.. В самых лютейших бедствиях своих показываете вы непоколебимость своего духа. Вы исторгнуты из жилищ ваших, но верою и верною твердые сердца ваши связаны с нами священными, крепчайшими узами единоверия, родства и единого племени. Враг мог разрушить стены ваши, обратить в развалины и пепел имущества, наложить на вас тяжкие оковы, но не мог и не возможет победить и покорить сердце ваших. Таковы россияне!»¹⁷.

Особенно активизировались действия партизанских отрядов в период пребывания русской армии в Тарутине. В это время они широко развернули фронт борьбы в Смоленской, Московской, Рязанской и Калужской губерниях. Не проходило дня, чтобы то в одном, то в другом месте партизаны не совершили налета на двигавшийся обоз противника с продовольствием, или не разбили отряд фуражиров, или, наконец, не нагрянули внезапно на расположившихся в деревне французских солдат и офицеров.

В Звенигородском уезде крестьянские партизанские отряды уничтожили и взяли в плен более 2 тыс французских солдат¹⁸. Здесь прославились отряды, руководите-

лями которых были волостной голова Иван Андреев и сотенный Павел Иванов. В Волоколамском уезде партизанскими отрядами руководили отставной унтер-офицер Новиков и рядовой Немчинов, волостной голова Борис Борисов, староста Иван Ермолаев, волостной писарь Михаил Федоров, крестьяне Аким Федоров, Филипп Михайлов, Кузьма Кузьмин и Герасим Семенов. В Бронницком уезде Московской губернии крестьянские партизанские отряды объединяли до 2 тыс человек¹⁹. Они неоднократно падали на большие партии противника и разбивали их. История сохранила нам имена наиболее отличившихся крестьян-партизан из Бронницкой округи: Михаила Андреева, Василия Кириллова, Сидора Тимофеева, Якова Кондратьева, Владимира Афанасьева.

Наиболее крупным крестьянским партизанским отрядом в Подмоскovie был отряд богородских партизан. Он насчитывал в своих рядах около 6 тыс человек²⁰. Талантливым руководителем этого отряда был крепостной крестьянин Герасим Курин. Его отряд и другие менее крупные отряды не только надежно защищали всю Богородскую округу от проникновения французских мародеров, но и вступали в вооруженную борьбу с войсками противника. Так, 1 октября партизаны под руководством Герасима Курина и Егора Стулова вступили в бой с двумя эскадронами противника и, искусно действуя, разгромили их²¹.

Партизанские действия крестьян были высоко оценены русским командованием. «Крестьяне,— писал Кутузов,— из прилежащих к театру войны деревень наносят неприятелю величайший вред... Они во множестве убивают неприятелей, а взятых в плен доставляют к армии»²². Одни только крестьяне Калужской губернии убили и взяли в плен более 6 тыс французоз²³.

Прошло три недели с того времени, как «Великая армия» вошла в Москву. Позади остались пожар, тревоги и волнения, а впереди — зима и безнадежность. Бюллетени, изданные в Москве (особенно № 19, 20, 21), сообщали много любопытного о том, что произошло после Бородинской баталии. Они были основным средством широкой информации и распространялись не только в армии, но и во Франции и в других странах. В них были и правда и вымысел. О Москве писалось как об одном из красивейших и богатейших городов мира. «Москва так же велика, как и Париж. Это необыкновенно богатый город, в котором находится множество дворцов всех знат-

ных особ империй... Москва — кладовая Азии и Европы»²⁴.

Наполеон и его штаб стремились создать впечатление в армии и во Франции, что занятие Москвы — результат грандиозной победы, что обнаружилось в городе огромные запасы, главным образом продовольствия, армия обеспечена теперь всем необходимым. «Армия отдыхает после перенесенных тягот: у нее теперь в изобилии хлеба, картофеля, капусты, овощей, мяса, солений, вина, водки, сахара, кофе и прочей провизии»²⁵. Одним словом, «Москва — это просто кладовая», заканчивал военный министр де Фельтр сообщения, помещенные в бюллетене № 20.

Все это писалось и распространялось с определенной целью: нарисовать радужную картину благополучия. Но в действительности положение было иным. «Кладовая» оказалась не столь уж богатой. Пожар и грабежи быстро ее опустошали. Вскоре перед Наполеоном встала серьезная проблема — как прокормить армию в полуразрушенной и опустошенной Москве. Он долго совещается со своим начальником главного штаба маршалом Бертье, поручает ему представить предложения по этому вопросу. И Бертье 9 (21) сентября доложил Наполеону следующее: «Ваше величество приказало мне представить проект распределения всех подмосковных уездов между армейскими корпусами, отдав по одному, два или три района каждому, соразмерно его численности, таким образом, чтобы маршалы распорядились этими районами, поставив там войска и обеспечив их средствами существования»²⁶.

Бертье предлагал передать 13 районов в распоряжение корпусов:

Дмитров, Клин, Волоколамск	— 4-й корпус вице-короля Богарне
район Богородска	— 3-й корпус маршала Нея
Бронницы и Коломна	— 5-й корпус маршала Понятовского
Подольск, Серпухов, Звенигород	— 1-й корпус маршала Даву
Можайск, Руза, Верея	— 8-й корпус маршала Жюно
район Москвы	— императорская гвардия

К проекту прилагалась карта с обозначением указанных районов, в которых предлагалось разместить гарнизоны и назначить начальников. В тот же день Наполеон утвердил эти предложения. Но полностью осуществ-

вить их не удалось. Партизанские отряды и отряды народного ополчения подмосковных районов изгоняли и уничтожали появлявшиеся там французские войска.

2

Рассматривая партизанское движение в войне 1812 года, надо учитывать одно очень важное обстоятельство. Если до оставления Москвы партизанские отряды возникали в основном стихийно и создавались преимущественно из крестьян, то после перехода армии в Тарутино фронт партизанской борьбы значительно расширился и перешел под контроль армейского командования.

Наряду с образованием крупных крестьянских партизанских отрядов и активизацией их деятельности создаются армейские отряды. Уже на пути от Москвы до Тарутина было сформировано девять довольно крупных отрядов, которые возглавлялись такими энергичными и смелыми офицерами, как капитан А. Н. Сеславин, капитан А. С. Фигнер, полковник Н. Д. Кудашев, полковник И. Е. Ефремов, полковник И. М. Вадбольский. Генерал Вильсон на второй день после формирования отрядов информировал Каткарта: «Фельдмаршал отделил сегодня от своего лагеря около 5 тыс человек — 3 тыс в одном корпусе по Боровской дороге, остальные же отрядами из 500—600 человек в разные стороны; в числе последних находится храбрый капитан Фигнер, от талантов и деятельности которого можно ожидать важных услуг»²⁷.

Самый первый армейский партизанский отряд был сформирован в конце августа еще накануне Бородинского сражения. Поручик М. Ф. Орлов, возвратившийся из Смоленска, куда он был послан для выяснения судьбы попавшего в плен генерала П. А. Тучкова, рассказал о беспорядках и беспечности, царивших во французской армии. Он заявил командованию, что достаточно и сотни казаков, чтобы нанести противнику много вреда. Мысль эта понравилась подполковнику Давыдову — командиру Ахтырского гусарского полка. Он обратился с просьбой к генералу П. И. Багратиону разрешить ему организовать партизанский отряд для действий в тылу врага. Для «пробы» Кутузов разрешил Давыдову взять 50 гусар и 80 казаков и отправиться к Медыни и Юхнову. В «Дневнике партизанских действий» Давыдов подробно рассказал об организации отряда и его боевых делах, впервые теоретически обобщил опыт партизанских отрядов в войне 1812 года²⁸.

Руководитель первого армейского партизанского отряда был незаурядной личностью. Еще мальчиком ему посчастливилось встретиться с А. В. Суворовым. Слова знаменитого полководца: «Этот будет военным человеком» — определили выбор профессии. Несмотря на то что Денис Давыдов был мал ростом, он стал упорно готовиться к военной службе. Подражая Суворову, он вставал чуть свет, обливался холодной водой, спал на жесткой постели, учился стрелять и лихо ездить на лошади. Его мечта сбылась: в 17 лет он становится корнетом кавалергардского полка, а через три года — гвардейским поручиком полка, охранявшего Зимний дворец, где жил вступивший на престол Александр I.

Но успешная военная карьера Дениса Давыдова неожиданно оборвалась. Его стихотворение «Сон», в котором беспощадно высмеивались придворные сановники и сам царь, появилось на столе Александра I. Вскоре, 13 сентября 1804 г., Давыдов был исключен из гвардии и переведен в Белорусский гусарский полк, стоявший в Киевской губернии. «Сон» надолго запомнился царю, его автора Александр I всю жизнь держал на примете. И куда бы ни забрасывала судьба Давыдова, за ним — «опасным якобинцем» — неусыпно следил глаз царских осведомителей. Царь дважды отклонял ходатайство о переводе его в действующую армию, и лишь в 1807 г. Давыдову с большим трудом удалось стать адъютантом своего любимого полководца Багратиона. Он участвует в боях под Прейсиш-Эйлау, получает первые награды, в числе которых была золотая сабля с надписью «За храбрость». В 1808 г. Давыдов уже воюет на севере, в Финляндии. Во главе эскадрона и казачьих отрядов он совершает дерзкие налеты на передовые посты шведов. Еще через год Давыдов рубится на юге с турками, находясь в авангарде отряда под командованием генерала Я. П. Кульнева.

Но особенно проявил себя Давыдов в войне 1812 г. В это время Давыдов уже подполковник, командир Ахтырского гусарского полка. Его идея, высказанная Багратиону, — создать армейский партизанский отряд — была одобрена главнокомандующим армией — Кутузовым. Получив в свое распоряжение небольшой отряд, Давыдов начал смелые рейды по тылам противника. Царево-Займище, Славково, Юхнов, Ляхово, Копысь и десятки других населенных пунктов — все это районы действий отряда Давыдова. Именно там, где партизанил Давыдов,

особенно быстро создавались крестьянские партизанские отряды, разгоралось пламя народного мщения.

Партизанские действия принесли их организатору популярность в России и Европе. Известный английский писатель Вальтер Скотт, работая над книгой «Жизнь Наполеона», в 1826 г. обратился к Денису Давыдову с письмом, в котором писал, что тот вызывает столько восхищения патриотической отвагой, с какой он служил своей отчизне в час грозной опасности, что его «имя останется запечатленным в веках на самых доблестных... страницах русской истории». В. Скотт признавался: «Едва ли Вы можете представить себе, сколько сердец — и из них ничье с большей преданностью, чем пишущего Вам, — устремлялись к Вашим заснеженным бивакам с надеждой и опасением... и тот взрыв энтузиазма, каким был встречен в нашей стране заключительный этап Вашей победы»²⁹. Но царское правительство было далеко не в восторге от популярности Давыдова. Его система организации партизанской борьбы рассматривалась как опасная, возбуждавшая умы простого народа.

После войны 1812 года и заграничного похода Давыдов еще некоторое время служил в гусарской дивизии и даже занимал должность начальника штаба пехотного корпуса. Но он не мог спокойно относиться к аракчеевскому режиму, который сковывал армейскую жизнь, душил все то передовое, прогрессивное, что было в армии. В 1820 г. Давыдов уходит в отставку, или, как тогда называли, «в бессрочный отпуск». Хотя его генеральский мундир и висел в шкафу, сам он был поглощен обобщением опыта партизанской войны. В Москве в особняке на Пречистенке Давыдов пишет свои «Военные записки», «Дневник партизанских действий» и другие произведения. В послевоенный период особенно широко развернулась литературная деятельность поэта-партизана. Он был тесно связан с выдающимися русскими писателями и поэтами: Жуковским, Пушкиным, Гоголем, Грибоедовым, Вяземским, знаком со многими декабристами.

В 1962 г. в Москве на доме № 17 по Кропоткинской улице (бывшей Пречистенке) в связи со 150-летием Отечественной войны 1812 года установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме в середине 30-х годов XIX века жил герой Отечественной войны 1812 года поэт-партизан Денис Давыдов».

Осенью 1812 г. партизанские отряды сплошным подвижным кольцом окружили французскую армию. Между

Смоленском и Гжатском действовал отряд подполковника Давыдова, усиленный двумя казачьими полками. От Гжатска до Можайска оперировал отряд генерала Дорохова. Капитан Фигнер со своим летучим отрядом нападал на французов по дороге от Можайска до Москвы. В районе Можайска и южнее действовал отряд полковника Вадбольского в составе Мариупольского гусарского полка и 500 казаков. Между Боровском и Москвой дороги контролировались отрядом капитана Сеславина. На Серпуховскую дорогу был выслан с двумя казачьими полками полковник Кудашев. На Рязанской дороге находился отряд полковника Ефремова. С севера Москву блокировал крупный отряд Ф. Ф. Винценгероде, который, выделяя от себя мелкие отряды к Волоколамску, на Ярославскую и Дмитровскую дороги, преграждал доступ войскам Наполеона в северные районы Подмосковья.

Основная задача партизанских отрядов была сформулирована Кутузовым: «Поелику ныне осеннее время наступает, через что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо отдельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отдаю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску»³⁰.

Армейские партизанские отряды создавались преимущественно из казачьих войск и были неодинаковыми по своей численности: от 50 до 500 человек. Им ставились задачи: смелыми и внезапными действиями в тылу противника уничтожать его живую силу, наносить удары по гарнизонам, подходящим резервам, выводить из строя транспорт, лишать врага возможности добывать себе продовольствие и фураж, следить за передвижением войск и доносить об этом в Главный штаб русской армии. Командирам партизанских отрядов указывалось основное направление действий и сообщались районы действий соседних отрядов на случай проведения совместных операций.

Кутузов часто подробно инструктировал руководителей отрядов. Командир партизанского отряда И. С. Дорохов 13 сентября через посланного офицера сообщил в штаб русской армии, что часть его отряда окружена неприятелем. Кутузов немедленно приказал написать следующее для него практическое руководство: «Партизан

никогда в свое положение прийти не может, ибо обязанность его есть столько времени в одном месте оставаться, сколько ему нужно для накормления людей и лошадей. Марши должен партизан делать скрытные, по малым дорогам. Пришедши к какому-нибудь селению, никого из оного не выпускать, дабы не можно было дать об нем известия. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом сказать, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим»³¹.

Партизанские отряды действовали в сложных условиях. На первых порах встречалось много трудностей. Даже жители сел и деревень сначала с большим недоверием относились к партизанам, часто принимая их за солдат противника. «Сколько раз я спрашивал жителей, — пишет Давыдов, — ... отчего вы полагали нас французами?» — и каждый раз отвечали они мне: «Да вишь, родимый (показывая на гусарский мой ментик), это, бают, на их одежду схожо». — «Да разве я не русским языком говорю?» — «Да ведь у них всякого сбора люди»³². Нередко гусарам приходилось переодеваться в мужицкие кафтаны и отращивать бороды.

Партизанские отряды не стояли на одном месте, они постоянно находились в движении, причем никто, кроме командира, заранее не знал, когда и куда направится отряд. Действия партизан были внезапны и стремительны. Налететь как снег на голову и быстро скрыться стало основным правилом партизан. Отряды нападали на отдельные команды, на фуражиров, транспорты, отбирали оружие и раздавали его крестьянам, брали десятки и сотни пленных.

Отряд Давыдова вечером 3 сентября 1812 г. вышел к Цареву-Займищу. Не доходя 6 верст до села, Давыдов направил туда разведку, которая установила, что там находится большой французский обоз со снарядами, охраняемый 250 всадниками. Отряд на опушке леса был обнаружен французскими фуражирами, которые помчались в Царево-Займище предупредить своих. Но Давыдов не дал им этого сделать. Отряд устремился в погоню за фуражирами и почти вместе с ними ворвался в Царево-Займище. Обоз и его охрана были захвачены врасплох, попытка небольшой группы французов оказать сопротивление была быстро подавлена. 130 солдат, 2 офицера, 10 повозок с продовольствием и фуражом оказались в руках партизан³³.

Иногда, заранее зная месторасположение противника,

партизаны совершали внезапный налет. Так, генерал Винценгероде, установив, что в селе Соколове находится застава из двух эскадронов кавалерии и трех рот пехоты, выделил из своего отряда 100 казаков, которые стремительно ворвались в село, уничтожили более 120 человек и взяли в плен 3 офицеров, 15 унтер-офицеров и 83 солдат³⁴.

Отряд полковника Кудашева, установив, что в селе Никольском находится около 2500 французских солдат и офицеров, внезапно обрушился на противника, уничтожил более 100 человек и 200 взял в плен³⁵.

Чаще всего партизанские отряды устраивали засады и нападали на транспорт противника в пути, захватывали курьеров, освобождали русских пленных. Партизаны отряда генерала Дорохова, действуя по Можайской дороге, 12 сентября схватили двух курьеров с депешами, сожгли 20 ящиков со снарядами и взяли в плен 200 человек (в том числе 5 офицеров), отобрали у противника два ящика с почтой. 16 сентября отряд полковника Ефремова, встретив колонну противника у села Вишневого, направлявшуюся к Подольску, напал на нее и пленил более 500 человек.

Отряд капитана Фигнера, находившийся всегда вблизи расположения войск противника, за короткое время уничтожил в окрестностях Москвы почти все продовольствие, взорвал артиллерийский парк на Можайской дороге, привел в негодность шесть батарейных орудий, взорвал 18 ящиков к ним, истребил до 400 человек противника, взял в плен полковника, 4 офицеров и 58 солдат³⁶.

Об Александре Фигнере как партизане следует сказать особо. Это был отчаянный человек и, как говорил о нем Денис Давыдов, «любил подвергаться опасностям»³⁷. Свободно владея французским, немецким и итальянским языками, он неоднократно один или с небольшой группой казаков пробирался в расположение французской армии, бывал в Москве, завязывал знакомства, через них добывал нужные сведения и обо всем доносил в штаб Кутузова. Фигнер любил, как он называл, предпринимать «странствие», т. е. совершать одиночные поиски. Переодеваясь то во фрак, то в одежду крестьянина, то нищего, он выходил на дорогу, по которой обычно двигались войска и обозы противника, вступал в разговор с солдатами, подсчитывал количество войск, повозок и орудий, затем возвращался в отряд и намечал план действий.

В одном из донесений Фигнер сообщал Коновщицыну: «Вчера я узнал, что Вы беспокоитесь узнать о силе и движениях неприятеля. Чего ради вчера же был у французов один, а сегодня посещал их вооруженною рукою, после чего опять имел с ними переговоры. О всем случившемся посланный мною к Вам ротмистр Алексеев лучше расскажет, ибо я боюсь расхвастаться»³⁸.

Вокруг подвижных армейских отрядов Д. В. Давыдова, А. Н. Сеславина, А. С. Фигнера, Н. Д. Кудашева и других, действовавших в тылу противника, группировались крестьянские партизанские отряды. Командиры армейских отрядов снабжали крестьян отобранном у французов оружием, боеприпасами, снаряжением, знакомили крестьян с методами партизанской борьбы. Со временем эти отряды были способны вести уже продолжительные бои с крупными силами противника.

Ничто так не тревожило Наполеона, как действия партизан в тылу армии. Не проходило и дня, чтобы ему не сообщали о появлении партизан то в одном, то в другом месте. Дело дошло до того, что они появлялись в окрестностях Москвы и захватывали там людей и лошадей. Все чаще надолго задерживались, а то и совсем не прибывали почтальоны с почтой и курьеры с донесениями. Смоленская дорога, единственная коммуникация, связывавшая Наполеона с Францией, в нескольких местах контролировалась партизанами. Письма, депеши, отчеты министров, донесения из Парижа, Варшавы, Вильно, корреспонденция, отправлявшаяся из Москвы в Париж, — все это стало попадать в руки партизан.

Описывая тяжелое положение французской армии в Москве, создавшееся в результате окружения ее партизанскими отрядами, дружинами и полками народного ополчения, Коленкур отмечает: «Мы все время должны были держаться настороже... Неприятель все время тревожил наши коммуникации за Гжатском и часто прерывал их между Можайском и Москвой... В этих прелюдиях все видели предвестие новой системы, цель которой — изолировать нас. Нельзя было придумать систему, которая была бы более неприятной для императора и поистине более опасной для его интересов»³⁹.

Партизанское движение в период пребывания русской армии в Гарутле приняло грандиозные размеры. Русское командование стало поручать партизанам не только истребление фуражиров, мародеров и мелких партий неприятеля, но и нанесение более чувствительных ударов

по резервам и гарнизонам противника. В журнале военных действий за 26 сентября это было сформулировано следующим образом: «Занимаемый ныне армиею укрепленный лагерь на правом берегу Нары при Тарутине позволяет отделять от оной значущие партии, которым предписано иметь в виду не токмо истребление неприятельских мародеров и фуражиров и обеспокоивание неприятеля, но которые силою своею должны быть в состоянии наносить ему чувствительный вред, который ему в настоящее время будет тем ощутительнее, что он претерпевает сильнейший недостаток в фураже и провизанте...»⁴⁰.

Постановка отрядам новых, более ответственных задач, естественно, потребовала их организационной перестройки и укрупнения. С этой целью были созданы три крупные партии. Первая под командованием генерал-майора Дорохова состояла из пяти батальонов пехоты, четырех эскадронов кавалерии, двух казачьих полков при восьми орудиях. Вторая партия под командованием капитана Фигнера получила задание действовать на ближних подступах Москвы со стороны Можайска. Третья партия была поручена полковнику Кудашеву, в нее вошли два эскадрона Сумского полка, 100 егерей 20-го егерского полка и два полка донских казаков с двумя орудиями. Партии Кудашева поручалось действовать по Серпуховской дороге в направлении Подольска.

Одной из первых крупных операций, проведенных партизанами, был штурм и освобождение города Вереи, что показало всевозрастающую мощь партизанского движения. Французы держали там сильный гарнизон, видимо, для охраны коммуникаций. Кутузов приказал генералу Дорохову двинуться к Верее, разрушить ее укрепления и уничтожить гарнизон. Выделенный для этой цели Дороховым отряд 28 сентября 1812 г. еще до рассвета переправился через реку Протву и бесшумно подошел к Верее. Город, расположенный на возвышенности, был обнесен валом и палисадом. Внезапно, без выстрелов, отряд ворвался в город. Батальон вестфальцев, застигнутый врасплох, открыл беспорядочную стрельбу, но, видя бесполезность сопротивления, вскоре сложил оружие. Бой продолжался не более часа. Противник потерял убитыми более 300 человек, взято в плен 15 офицеров и 377 солдат⁴¹.

Вскоре к Верее из Можайска подошли три батальона и четыре эскадрона противника. Отряд Дорохова встретил неприятеля сильным огнем. Поняв, что гарнизон Ве-

реи разбит, французская пехота и конница поспешно отступили, преследуемые русской кавалерией.

При взятии Вереи отличился крестьянский партизанский отряд (до 1 тыс человек), возглавляемый священником Иваном Скобеевым⁴². Четыре местных жителя, рискуя жизнью, умело подвели колонны к городу и первыми бросились на крепостной вал. Они были награждены Кутузовым знаками отличия Военного ордена. Дорохов, раздав крестьянам 500 ружей и имевшееся в городе продовольствие, ушел со своим отрядом к селу Каменскому.

С укрупнением партизанских отрядов и переключением их на решение более ответственных задач изменились функции мелких подвижных отрядов — они стали выполнять главным образом задачи разведывательного характера. Штаб русской армии, ежедневно получая донесения от командиров партизанских отрядов, знал об основных передвижениях французов вдоль Смоленской дороги, о расположении войск вокруг Москвы, о подходе резервов и состоянии французской армии в Москве. Вот некоторые из этих донесений. Полковник Ефремов, отряд которого был направлен на Рязанскую дорогу, доносил 21 сентября, что противник перевел почти всю кавалерию на правую сторону Москвы-реки, а остальные войска стоят на левой стороне реки. В донесении генерала Винценгероде от 22 сентября сообщалось, что противник никаких движений по Петербургской, Дмитровской, Ярославской и Владимирской дорогам не делает⁴³. 4-й кавалерийский корпус противника и часть 3-го расположены близ Петровского дворца. Наполеон находится в Москве и, по показаниям пленных, уверяет свои войска, что вскоре будет заключен мир. На следующий день, 23 сентября, генерал Дорохов доносил о движении 4-тысячной французской пехоты из Смоленска в Москву. Подполковник Давыдов 29 сентября доносил, что «неприятель полками и сильными партиями тянется по Большой Московской дороге от Смоленска, препровождая как артиллерию, так и парки в немалом количестве»⁴⁴.

Особый интерес представляли донесения партизанских отрядов о положении наполеоновской армии в Москве, о времени ее выступления. Капитан Сеславин 2 октября сообщал: «Император и гвардия находятся еще в Москве. Неприятельские фуражиры во множестве находятся на всех дорогах между Боровскою и Калужскою дорогами»⁴⁵. Капитан Фигнер сообщал 4 октября: «Армия неприятельская стоит на прежнем месте в 15 вер-

стах от Воронова к Калуге. В Москву недавно пошел отряд, который должен будет прикрывать большой транспорт с провизией. В Москве еще и теперь находится вся гвардия. В Воронове стоят два пехотных полка, которые могут быть в 2 часа истреблены отрядом генерала Дорохова и моим, за истребление их ручаюсь головою»⁴⁶. В период пребывания русской армии в Тарутине было крайне необходимо, чтобы Наполеон как можно меньше знал о ней. С этой целью проводилась дезинформация: распространялись ложные слухи о слабости русской армии и желании русских скорее окончить войну, о предполагавшемся заключении мира, на что будто бы ожидается разрешение царя. Все эти сведения доходили до Наполеона через Мюрата, усиливали его надежду на возможность подписания мирного договора.

Разведывательные данные партизанских отрядов перепроверялись и дополнялись показаниями многочисленных пленных офицеров и солдат, которых большими партиями ежедневно приводили в Тарутино.

Разведка не ограничивалась деятельностью партизанских отрядов, в ней принимали участие также ополченцы и крестьяне. Войска также проводили разведку боем. Так, в ночь на 21 сентября генерал Милорадович с частью авангарда произвел боевую разведку расположения войск Мюрата, во время которой было взято в плен 83 солдата⁴⁷.

Широко поставленная разведывательная работа позволяла штабу русской армии вовремя устанавливать передвижение войск Наполеона не только вблизи Москвы, но и в глубоком тылу, и, что самое главное, разведка своевременно определила и донесла о выходе главных сил французской армии из Москвы и указала пути ее движения. Появление конной разведки в тылу армии очень обеспокоило Наполеона. Коленкур писал: «Император был очень озабочен и начинал, без сомнения, сознавать затруднительность положения, тогда как до сих пор он старался скрыть это даже от себя. Ни потери, понесенные в бою, ни состояние кавалерии и ничего вообще не беспокоило его в такой мере, как это появление казаков в нашем тылу»⁴⁸.

Наполеон в период пребывания в Москве пытался создать сеть агентов из местного населения. Вот один из примеров. Купец Жданов не успел выехать из Москвы: все его имущество было разграблено французами, дом сожжен, а сам он был приведен к маршалу Даву. Здесь

ему предложили проникнуть в главную русскую армию и раздобыть нужные сведения. За все это ему было обещано богатое вознаграждение. Жданов решил «согласиться». Под строжайшим секретом вручили ему бумагу, которая содержала задание, состоявшее из 14 пунктов: 1) Идти в Калугу. 2) Рассмотреть и расспросить, сколько русской армии. 3) Кто начальником армии? 4) Кто начальники дивизий? 5) Куда идет армия? 6) Укомплектованы ли полки после Бородинского сражения? 7) Подходят ли вновь войска? 8) Что говорит народ о мире? 9) Разглашать, что в Москве весь хлеб цел остался, не сгорел. 10) Распустить слух, что зимовать хотим в Москве. 11) Если русская армия идет на Смоленскую дорогу, то, не доходя до Калуги, возвращаться в Москву как можно скорее. 12) Возвратясь, ни в чем не лгать, лишнего ничего не прибавлять, что видел и слышал, о том только и говорить. 13) Сие предписание под великим опасением никому не открывать. 14) Возвратясь назад, на первом французском посту объявить о себе, с тем чтобы доставили к князю Экмюльскому⁴⁹.

На следующий день Жданов был послан в сопровождении трех солдат к авангарду Мюрата, где в тот же вечер его провели к передовым постам, откуда направили в расположение русских войск. Встретившись с русским охранением, он попросил доставить его немедленно к генералу Милорадовичу, которому подробно рассказал о полученном от французов поручении и об их положении в Москве. Фельдмаршал Кутузов, оценив его патриотический поступок, принял Жданова и наградил его золотой медалью на алой ленте, а генерал Коновницын 2 сентября выдал ему следующего содержания свидетельство: «Московский третьей гильдии купец Петр Жданов, подвижаем будучи ревностью и усердием к своему Отечеству, несмотря ни на какие лестные предложения со стороны французов, наклонявших его к шпионству, оставил дом, жену и детей, явился в главную квартиру и доставил весьма важные сведения о состоянии и положении неприятельской армии. Таковой его патриотический поступок заслуживает признательность и уважение всех истинных сынов России»⁵⁰.

Тот же Коленкур отмечал в мемуарах, что «император все время жаловался, что он не может раздобыть сведения о том, что происходит в России. И в самом деле, до нас не доходило оттуда ничего; ни один секретный агент не решался пробраться туда. Ни за какие

деньги нельзя было найти человека, который согласился бы поехать в Петербург или пробраться в русскую армию. Единственные неприятельские войска, с которыми мы приходили в соприкосновение, были казаки; как ни желал император раздобыть несколько пленных, чтобы получить от них какие-либо сведения об армии, нам при стычках не удавалось захватить пленных... и так как ни один шпион не дерзал пробраться в расположение русской армии, то мы не знали, что там происходит, и император был лишен всяких сведений»⁵¹.

За время пребывания русской армии в Тарутине противник нес большие потери не только убитыми, но и пленными. Редко проходил день, в который бы не приводили в Тарутино 300 или более пленных. Эту цифру Кутузов в своих письмах называет трижды: «И не проходит дня без того, чтобы мы не взяли 300 человек в плен»⁵². Англичанин Тэрконель, помощник генерала Вильсона в штабе русской армии, сообщает в письме: «Пленных приводят в таком множестве, что получаемые неприятелем подкрепления едва ли могут заменить столь значущие ежедневные потери»⁵³.

По данным «Журнала военных действий» с 9 сентября по 9 октября (записи составлялись на основании донесений командиров партизанских отрядов), можно установить, что число пленных за это время достигает более 7 тыс солдат и офицеров. Это число дополняется данными «Журнала военных действий» за 22 сентября 1812 г.: «Кроме пленных, взятых в вышеозначенных делах, поймано еще ополчениями окружных губерний и поселянами столько, что число всех взятых с 2 по 21 сентября простирается более 5 тыс человек»⁵⁴.

Однако «Журнал» фиксирует не все рапорты и донесения. Так, число пленных, взятых отрядом Давыдова, по «Журналу» значитя равным 513 человекам, а по «Дневнику партизанских действий» Давыдова оно определяется в 3560 рядовых и 43 офицера (правда, за более длительное время — с 1 сентября по 23 октября). Если же принять во внимание потери французов убитыми, то общие потери наполеоновской армии от действий партизанских отрядов составят более 30 тыс человек⁵⁵.

Таким образом, за короткий период пребывания русской армии в Тарутинском лагере действиями партизанских отрядов противнику были нанесены значительные потери, которые оказались настолько чувствительными, что влияние их сказалось на всем последующем ходе

войны. Такое взаимодействие народа и армии явилось решающей силой в разгроме противника.

Если проанализировать характер вооруженной борьбы за время пребывания русской армии в Тарутине, то нетрудно установить, что в основном это были действия армейских и крестьянских партизанских отрядов. Армия получила возможность вести интенсивную подготовку к решительным наступательным действиям. Причем действия партизан представляли собой не разрозненные лихие налеты кавалеристов, а строго продуманные операции. Блокирование наполеоновской армии в Москве, полная дезорганизация ее тыла, огромные дополнительные потери противника в людях — все это в значительной степени результат активно развернувшихся партизанских действий и многочисленных крестьянских отрядов народного ополчения.

На этом можно было и закончить рассказ о партизанах 1812 года. Но не могу я, как участник и современник второй Отечественной войны 1941—1945 гг., справедливо именуемой по своему масштабу, размаху и результатам Великой Отечественной, не сказать хотя бы несколько слов о широко развернувшемся партизанском движении в годы войны на временно оккупированной советской территории.

То было массовое движение людей разных профессий и возрастов. В нем участвовало свыше миллиона человек, бесстрашных борцов, героев настоящей партизанской войны, от которой у противника земля горела под ногами. Такого массового народного сопротивления история не знала. Но советские партизаны помнили, знали и приумножали подвиги своих далеких предков. Ведь справедливо говорили еще в древности: «Герои прошлого рожают героев нынешних и грядущих времен».

Глава одиннадцатая

СРАЖЕНИЕ ПОД МАЛОЯРОСЛАВЦЕМ

1

У войны свои законы. Какие бы хорошие стратегические решения ни принимались, как бы слаженно ни работали верхние и средние звенья военной администрации, но в конце-концов судьба победы или поражения решается на переднем фронте вооруженной борьбы, в бою. Это — во-первых. Во-вторых, одними маневрами — войны не выигрываются. Были и остаются две основные формы ведения вооруженной борьбы — оборона и наступление. И хотя оборонительные действия войск могут быть преднамеренными, но они всегда являются вынужденными, вызваны рядом невыгодно складывающихся обстоятельств.

Но при всех условиях — оборона не основное средство достижения победы в войне. Она может ослабить противника, измотать его, лишить его ударной силы. Но главная роль в достижении победы возлагается на наступление, умело организованное и энергично проводимое. Из этого теоретического принципа исходил и М. И. Кутузов, готовя армию к решительным наступательным действиям, т. е. к ее переходу от обороны в контрнаступление.

Контрнаступление — чрезвычайно сложная форма борьбы. Оно подготавливается еще в ходе оборонительных действий и предпринимается после наступления противника, не давшего решающих результатов. Контрнаступление является как бы ответом на наступление противника и имеет своей целью вырвать стратегическую инициативу из рук врага, разгромить его главную группировку и выиграть кампанию или войну в целом.

В военной истории боевые действия войск, сочетавшие в себе активную оборону с последующим переходом в контрнаступление, известны с давних времен. Еще армии рабовладельческого общества применяли такую форму борьбы. В Отечественной войне 1812 года удалось успешно осуществить контрнаступление в стратегическом масштабе, результатом чего явился полный разгром наполеоновской армии.

Труднейшими задачами при организации контрнаступления являются определение времени для ввода в действие главных сил армии, правильный выбор направления решающего удара, который давал бы максимум результатов.

На опыте войны 1812 года мы видим, как глубоко продумывался и тщательно подготавливался решающий удар в том направлении, которое обеспечивало бы достижение основной стратегической задачи — полного разгрома наполеоновской армии.

Общий замысел, основные положения плана перехода русской армии в контрнаступление разрабатывались еще в период отхода армии, по пути ее движения к Тарутину. На второй день после оставления Москвы, 4 сентября, Кутузов, сообщая царю о своем решении перевести армию с Рязанской на Калужскую дорогу, уже мог заявить: теперь, «начиная с дорог Тульской и Калужской, партиями моими буду пересекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы... надеюсь принудить его (Наполеона.— П. Ж.) оставить Москву и переменить всю свою операционную линию»¹.

Кутузов, следовательно, стремился заставить наполеоновскую армию покинуть Москву не в результате проведения непосредственного наступления на нее, а путем создания для французов невыносимых условий пребывания в городе действиями партизанских отрядов, организацией тесной блокады. Это была ближайшая, безусловно весьма важная задача, от успешного решения которой во многом зависел дальнейший характер военных действий.

Что касается общего плана разгрома противника и очищения от него территории России, то его основные положения были высказаны Кутузовым как в официальных документах, так и в личной переписке. Одним из ранних документов, в котором уже излагается общий замысел дальнейших действий, является письмо Кутузова своим родным от 15 сентября, в котором он писал: «Надобно сберегать армию, и она целехонька. Скоро все наши армии, т. е. Тормасов, Чичагов, Витгенштейн и еще другие, станут действовать к одной цели, и Наполеон долго в Москве не пробудет»².

Таким образом, общий замысел разгрома французской армии созрел у полководца еще до прибытия армии в Тарутино. Для достижения окончательной победы над врагом он рассчитывал перебросить на московское направление (где находилась главная группировка против-

ника) большую часть русских войск, действовавших до этого на второстепенных направлениях.

Прежде чем излагать план перехода главных сил русской армии в контрнаступление, нам необходимо остановиться на расположении войск на театре военных действий. В то время как главная группировка армии отошла далеко в глубь страны, оба ее крыла, на которых сосредоточивались внушительные силы войск, продолжали нависать над тыловыми коммуникациями противника.

На правом крыле в районе Полоцка находился корпус Витгенштейна, задача которого состояла в обороне петербургского направления. В течение августа и сентября корпус был усилен 15 тыс рекрутов и ополчения. Войска приводили себя в порядок, обмундировывались и готовились к наступательным действиям. Силы корпуса Витгенштейна с каждым днем крепили. В первых числах октября они составляли более 40 тыс человек и были не только способны надежно удерживать занимаемые позиции, но могли обрушиться на противостоявшие войска корпуса маршала Сен-Сира. Активизируя свои действия, Витгенштейн организовал несколько партизанских отрядов, которые, действуя вдоль берегов Двины, проникали далеко в тыл противника и наносили ему чувствительный урон.

В середине сентября в Ригу из Финляндии прибыл 15-тысячный корпус генерал-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгеля. Вместе с уже находившимися в Риге частями численность войск в этом районе достигла свыше 20 тыс человек. Всего же войск на этом участке театра военных действий насчитывалось до 60 тыс человек.

На левом крыле в районе Луцка находилась 3-я Западная армия П. В. Чичагова, в которой имелось до 80 тыс человек. Она вела оборонительные бои на реке Стырь, сковывая корпуса К. Шварценберга и Ж. Ренье.

Таким образом, к моменту перехода русской армии в контрнаступление, кроме 130 тыс регулярных войск, находившихся в Тарутине, имелось около 140 тыс в отдельных армиях и корпусах на двух других направлениях. В своих расчетах при планировании перехода армии в контрнаступление Кутузов, естественно, не намерен был держать столь значительные силы на второстепенных направлениях.

6 сентября 1812 г. в Красной Пахре фельдмаршал отдал следующее распоряжение адмиралу Чичагову: «Теперь я располагаю новой моей операционную линию по

дорогам Тульской и Калужской к Смоленской, с коих и начну завтра действия противу неприятеля... По получении сего имеете, соединясь с войсками генерал-лейтенанта Эртеля, идти сколь возможно будет кратчайшими и удобнейшими путями к Могилеву на Смоленскую дорогу и далее к помянутой линии как для сближения с здешними армиями, так и для угрожения неприятельского тыла и пресечения всякого сообщения его»³. Соответствующие приказания были отданы и Витгенштейну.

Из приведенных документов видно, что решающая роль в разгроме противника отводилась главным силам русской армии, расположенным в Тарутинском лагере. Эти войска должны были, опираясь на оборонительные позиции, не допустить армию Наполеона на юг, закрыть ей пути в районы, не разоренные войной. Расположившись на Старой Калужской дороге, русская армия должна была надежно прикрывать юг России со стороны Москвы.

Но, как мы уже сказали, одной лишь обороной укрепленного лагеря нельзя достигнуть выполнения основного замысла — уничтожения противника. Для этого необходимы активные действия против Наполеона. Поэтому еще в оборонительный период Кутузов выделяет из армии часть войск, которые совместно с отрядами партизан, постоянно действуя на коммуникациях противника, сковывали его основные силы, лишали возможности усиления за счет резервов, истребляли солдат и офицеров, уничтожали военное имущество, создавая тем самым благоприятные условия для последующего перехода армии в контрнаступление с целью полного разгрома наполеоновской армии. На этом этапе борьбы с противником должны были вступить в действие войска Чичагова и Витгенштейна; подойдя к главному стратегическому направлению, они должны были выйти в тыл противнику и встретить его на путях отхода.

Следовательно, план перехода в контрнаступление предусматривал участие в разгроме наполеоновской армии всех действовавших армий и осуществление в ходе наступления такой сложной и решительной формы боевых действий, как окружение. Окружение и полный разгром врага, по замыслу Кутузова, предполагалось осуществить на ближних коммуникациях противника, по пути его отступления к Смоленску.

Через два дня после того, как были отправлены распоряжения Чичагову и Витгенштейну, в главную квартиру главнокомандующего в Красной Пахре прибыл фли-

гель-адъютант полковник Чернышев, который доставил фельдмаршалу проект плана военных действий, разработанный в Петербурге при участии Александра I. В привезенном Чернышевым плане, составленном еще до оставления Москвы и не предусматривавшем проведения русской армией флангового маневра, основная роль отводилась войскам Чичагова и Витгенштейна.

В плане довольно подробно были расписаны задачи отдельных корпусов и армий, действовавших на второстепенных направлениях. В основном они сводились к следующему: корпус генерал-лейтенанта Штейнгеля совместно с войсками рижского гарнизона должен был отбросить части корпуса Макдональда и остатки корпуса Сен-Сира за Неман, после чего сосредоточиться в Вильно и служить резервом для войск, действовавших на Березине. В то же время усиленный корпус Витгенштейна должен был овладеть Полоцком, оттеснить корпус Сен-Сира на левый берег Двины и, поручив дальнейшее его преследование генералу Штейнгелю, двинуться к Докшицам, где и соединиться с войсками Чичагова. Одновременно с действиями этих корпусов адмиралу Чичагову предписывалось отбросить корпус Шварценберга за Буг и, оставив против него часть сил, самому с основными силами двинуться к Минску, где присоединить к армии корпус Эртеля и выйти к Березине. По достижении Березины армия Чичагова получала задачу подготовить рубеж для обороны, создать у Борисова укрепления и установить связь с войсками Витгенштейна, которые к тому времени должны были подойти к реке Ула.

Нетрудно заметить, что план, составленный в Петербурге сразу же после Бородинского сражения, был ошибочен в своей основе, ибо он исходил из неправильного предположения об отступлении французской армии по Смоленской дороге сразу же после поражения у Бородина. Вследствие этого основной центр тяжести по плану, разработанному в Петербурге, переносился на войска Чичагова и Витгенштейна, которые должны были начать активные действия на коммуникациях противника. Петербургский план не отвечал действительности. Он не учитывал необходимости предоставления для главных сил русской армии некоторой паузы в их действиях для приведения себя в порядок, а также недооценивал их решающей роли в разгроме противника.

В силу своего положения Кутузов не имел возможности отвергнуть присланный царем план. Он вынужден

был внешне принять его и, для того чтобы сохранить свой план и проводить его в жизнь, дипломатично сообщить царю: «До сего сообразно с операционною моею линиею сделал было я Тормасову и Чичагову предписания, которые при сем в копиях поднося — изволите усмотреть малое различие в полученном вновь плане Вашего императорского величества...»⁴.

Однако в том же донесении Кутузов осторожно высказал свое несогласие с основной идеей плана — перенесением центра тяжести борьбы на армию Чичагова и корпус Витгенштейна. «Сказать должно,— писал он,— что отдаленные диверсии от главного действия войны не могут иметь над нею такого влияния, как ближние; и для того если бы случились препятствия в подробном исполнении плана, данного адмиралу Чичагову; в таком случае, однако же, не должен он терять из виду перейти на неприятельскую операционную линию, или соображаясь с армиею графа Витгенштейна, или сколь можно скорее приблизиться к окрестностям Могилева»⁵.

Историки Михайловский-Данилевский и Богданович старались представить царя создателем стратегического плана разгрома противника. Для этого они исказили донесение Кутузова царю, опустив первую часть этого документа, в которой Кутузов сообщал, что он до получения плана из Петербурга уже разработал свой план. Михайловский-Данилевский, а вслед за ним и Богданович привели только конец донесения, в котором Кутузов для успокоения Александра I писал, что оставил план царя, «объясненный мне подробно флигель-адъютантом Чернышевым, в полной его силе»⁶. На самом же деле Кутузов, хотя внешне и принял присланный ему план, фактически проводил в жизнь свой план разгрома врага.

По прибытии в Тарутино в донесении царю от 22 сентября Кутузов совершенно отчетливо изложил план дальнейших действий армии. Основываясь на показаниях пленных, Кутузов писал: «Неприятель намерен ретироваться по Смоленской дороге. Нынешняя позиция армии дает нам удобность в скорости, если надобно будет к сей дороге пробиваться... Ежели подозрения на ретираду неприятельскую по Смоленской дороге сделаются основательнее, тогда, не теряя времени, потянусь параллельно сей дороге к Юхнову. С сего пункта действовать можно двояким образом. Неприятель искать будет непременно дорогу, которая еще не разорена, т. е. правее или левее

Смоленской. С сего пункта удобно будет на него действовать в обоих сих случаях, или по сей стороне Смоленской дороги, или, перерезав оную, перейти на ту, где неприятель действовать будет»⁷.

Вмешательство Александра I в дела главнокомандующего наносили вред делу. Своими распоряжениями, отдаваемыми Чичагову и Витгенштейну через голову главнокомандующего, Александр I ориентировал командующих этими войсками на пассивный характер действий, вносил дезорганизацию в управление армиями, в результате чего Чичагов и Витгенштейн, с одобрения царя, медлили, а подчас и не выполняли прямых распоряжений Кутузова. Все это, естественно, создавало дополнительные трудности, которые возникали при планировании перехода армии в контрнаступление. Фельдмаршалу приходилось преодолевать серьезное сопротивление Чичагова и Витгенштейна, не желавших двинуть свои войска на то направление, которое сулило успешный и наиболее быстрый исход войны.

Действительность целиком подтвердила предположения Кутузова. Решающие события произошли под Москвой, а не на дальних коммуникациях противника, как считал царь. Только исключительная проницательность гениального полководца позволила ему верно определить дальнейший ход событий и заранее предпринять в очень широком масштабе мероприятия, которые привели к крушению захватнических планов Наполеона и гибели его армии.

2

Прошел месяц с тех пор, как наполеоновские войска заняли Москву. Один месяц, а какие огромные изменения произошли за это время. Тогда, 2 (14) сентября, армия Кутузова покидала древнюю русскую столицу и уходила на юг неизвестно куда. Уходила, и многие не знали, что станет с Россией, когда и чем кончится эта тяжелая для русского народа война. Наполеон с надменным видом победителя стоял на Поклонной горе и, глядя на Москву, строил фантастические планы покорения России.

Но это было месяц назад. Теперь же для Наполеона провал его планов был уже очевиден. Его первейшим желанием было скорейшее окончание войны, хотя бы путем компромиссного мира. Именно с этой целью он направляет «любезное» письмо Александру I, посылает

Лористона, бывшего перед войной послом Франции в России, в Тарутинский лагерь к Кутузову для ведения переговоров о перемирии.

Вечером 23 сентября в Тарутино прибыл Лористон. Он вручил фельдмаршалу письмо Наполеона, в котором говорилось:

«Князь Кутузов!

Посылаю к Вам одного из моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных делах. Хочу, чтобы Ваша светлость поверила тому, что он Вам скажет, особенно, когда он выразит Вам чувства уважения и особого внимания, которые с давних пор питаю к Вам. Не имея сказать ничего другого этим письмом, молю всевышнего, чтобы он хранил Вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом.

Наполеон»⁸.

Переговоры продолжались около часа. Лористон начал с предложения заключить перемирие и разрешить ему поехать в Петербург с письмом от Наполеона к царю, в котором содержатся мирные предложения. Надо же кончать войну, которая ведется с русской стороны таким варварским способом, закончил он свою речь.

Кутузов, видимо, догадывался, зачем прибывает посланец Наполеона и о чем пойдет речь. И, как всегда, спокойно и уверенно отвечал, что он не имеет полномочий заключать мир или перемирие. О мире и думать не следует до тех пор, пока французы не покинут всю территорию России. Не мы, говорил Кутузов, а Бонапарт, не объявляя войны, вторгся в Россию. Теперь он считает, что со взятием Москвы его поход окончился, а мы полагаем, что война только начинается, и Наполеон скоро убедится в этом.

Что же касается варварского ведения войны, то фельдмаршал с удовлетворением заявил, что он первый раз в жизни слышит жалобы на горячую любовь целого народа к своему отечеству, народа, защищающего свою Родину от такого грозного неприятеля, и что такой народ по всей справедливости достоин похвалы и удивления.

Миссия Лористона оказалась безуспешной, он возвратился в Москву без всякой надежды на заключение мира. Наполеон не ожидал такого исхода. Несколько дней он не выходил из своих комнат, проводя многие часы полулежа с романом в руках. Он еще тешил себя

надеждой на заключение выгодного мира, надеялся, что фортуна, столь часто улыбавшаяся ему, не отвернется от него и теперь.

Но время шло. Положение «Великой армии» ухудшалось с каждым днем. Нужно было что-то делать. Оставаться на зиму в Москве? Но это опасно. Прокормить армию еще кое-как можно было, но удержать Москву и сохранить коммуникации с Парижем — невозможно. Двинуться на север, к Петербургу? Далеко. Уставшие войска не выдержат такого напряжения, тем более в зимнее время. Уйти из Москвы к Смоленску по прежнему пути — это значит признаться в провале всей кампании. Оставался один выход — идти к Смоленску южным путем, через Калугу, сохраняя видимость наступления на позиции русской армии и используя районы, не затронутые войной.

Наполеон отлично понимал, что события принимали сейчас такой оборот, при котором ему необходимо было серьезно задуматься над тем, сможет ли он удержаться в Москве. Эту тревогу как нельзя более отчетливо высказал сам Наполеон, заявив своим приближенным: «Все принимают здесь меня за генерала, тогда как я здесь — император!»⁹. Крушение планов порабощения России и окончания войны подрывало не только его военный, но и политический престиж, так как оставление Москвы неизбежно привело бы к оставлению России, а затем и покоренных им стран Западной Европы. «Какие ужасные, разрушительные войны последуют за моим первым отступлением!» — предугадывал Наполеон¹⁰.

В целях создания более благоприятной обстановки для перехода армии в контрнаступление Кутузов, вопреки требованиям Александра I и недовольству некоторых оппозиционно настроенных генералов, до известного времени не предпринимал решительных действий против наполеоновских войск, стремился, как мы помним, сколь можно дольше задержать их в Москве.

Русская армия, находясь в обороне, не имела непосредственного соприкосновения с главными силами противника. Против авангарда русской армии находился лишь 26-тысячный авангард наполеоновской армии под командованием Мюрата. Войска Мюрата заняли позицию по обоим берегам реки Чернишня, от впадения ее в Нару до сел Тетеринки и Дмитровское; их правый фланг был защищен крутыми берегами рек, а левый находился на открытой, легкодоступной местности. Прилегавший к

левому флангу лес не был занят войсками противника. Река Чернишня, переходимая во всех местах вброд, не представляла значительной преграды.

Позиция, на которой были расположены войска Мюрата, находилась в 6 километрах от русской армии. Учитывая сравнительную слабость французского авангарда, значительное его удаление от своих главных сил и беспечность, которая была выявлена в войсках противника, Кутузов решает нанести возросшими и окрепшими силами своей армии первый удар по противнику.

Обстановка в первой половине октября была сравнительно спокойной. Донесения, полученные Кутузовым от Дорохова из Боровска, от Сеславина — из Фоминского, от Милорадовича — из авангарда, накопец, показания пленных в течение 1—2 октября подтверждали, что Наполеон с главными силами еще находится в Москве, а против русской армии, кроме авангарда Мюрата, нет никаких других войск противника. Кутузов писал своей дочери Елизавете Михайловне 2 октября: «Я все стою против Наполеона; мы друг друга видим и испытываем, но никто из нас на что-либо серьезное не покушается»¹¹.

Записи «Журнала входящих бумаг», поступивших в штаб главнокомандующего за 1—4 октября, показывают, с какой тщательностью Главный штаб Западной армии собирал в это время сведения о противнике. Капитан Фигнер доносил генералу Коновницыну 4 октября: «Петр Петрович! Преступил повеление Его светлости и исполнил его волю, побывав в неприятельской армии... Армия неприятельская стоит на прежнем месте... В Воронове стоят два пехотных полка. Французы терпят крайний недостаток в хлебе, которого ищут с величайшей дерзостью, но я за опую их строго наказываю... Надеюсь, что воля светлейшего через два дня будет исполнена, с вернейшим донесением прислан будет мною в воскресенье лучший офицер»¹². Подобные сведения шли не только от Фигнера. В тот же день в Тарутино поступили сообщения о противнике от начальников партизанских отрядов Кудашева, Сеславина, Дорохова и Васильчикова.

К 2 октября в Тарутино подошли последние полки с Дона; из Арзамаса и Мурома прибыли сформированные там батальоны и эскадроны; в Туле расположилась дивизия генерал-майора Н. Ю. Урусова. «Готовлюсь дать сражение под Чернишней, оно непременно будет выиграно», — писал в одном из писем Кутузов¹³.

4 октября в 18 часов армия должна была выступить из Тарутина и на рассвете следующего дня начать наступление на авангард противника. Части сил армии (2, 3 и 4-й пехотные корпуса и 1-й кавалерийский корпус, усиленные 10 казачьими и 2 егерскими полками) четырьмя колоннами предстояло идти к селу Спасскому. Переправившись через Нару, эти корпуса должны были скрытно обойти позиции противника и к рассвету выйти на левый фланг расположения авангарда. По этому флангу противника намечалось нанести главный удар. Действуя в направлении сел Тетеринка, Круча, Богородское, войска этого крыла имели задачей отрезать пути отхода противнику. Главные же силы (5, 6 и 7-й пехотные, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса) под личным начальством Кутузова должны были начать наступление с фронта. Одновременно с этими действиями всей армии отрядам генерала Дорохова и капитана Фигнера было предписано: ударом с тыла овладеть Вороновом, истребить находившиеся там два пехотных полка противника и содействовать преграждению отхода авангарда Мюрата¹⁴.

Таково основное содержание плана Тарутинского боя. Его характерная особенность — внезапность действий и глубокий маневр значительной частью сил армии.

В отданном Кутузовым наказу выступления армии из Тарутина распоряжении генералу Ермолову уже можно было усмотреть, что главнокомандующий, предпринимая наступление против авангарда противника, не имел в виду вводить в действие все силы армии и превращать его в генеральное сражение: «Резервная артиллерия остается в лагере. От каждого полка оставить по одному офицеру и из каждой роты — по одному унтер-офицеру при трех рядовых, которые смотрят за порядком и наблюдают, чтобы огни были разводимы, как обыкновенно в ночное время, оные бы шалаши сбережены и отнюдь не сожжены. Корпусные командиры распорядятся таким образом, чтобы все сие было исполнено в точности»¹⁵.

Как известно, этот бой, назначенный по плану на 5 октября, был начат на сутки позднее. В качестве основной причины, вызвавшей отмену ранее данного приказа, послужила якобы задержка в доставке Ермолову распоряжения о подготовке армии к выступлению. На этом сходятся большинство историков Отечественной войны 1812 года. При тщательном анализе документов выясня-

ются другие причины. Распоряжение Ермолову действительно было доставлено с опозданием, и когда фельдмаршал приехал из Леташовки в Тарутино, то войска не были готовы к выступлению в назначенный час. Кутузов, видимо, воспользовался этим как предлогом и сразу же отменил выступление. Вызванные к Кутузову командиры корпусов, как указывает в «Записках о войне 1812 года» А. Б. Голицын, докладывали, что они готовы выступить немедленно, и умоляли его дозволить им идти. Но сколько таковые убеждения ни казались основательными, однако же ничто не могло заставить Кутузова переменить данное приказание отложить поход до другого дня¹⁶. Следовательно, несвоевременное вручение распоряжения Ермолову не было основной причиной отмены приказа о выступлении армии из лагеря; к тому, очевидно, были более серьезные соображения.

Как уже указывалось, главнокомандующий затребовал от всех начальников партизанских отрядов доставить ему подробные сведения о состоянии и действиях противника. Так, 2 октября Коновницын писал Давыдову: «Его светлость, получив через генерал-лейтенанта Шепелева извещение Ваше о проходе войск неприятельских от Смоленска к Москве, приказать изволил, чтобы Вы сим путем, стараясь как можно чаще доставлять по сему предмету сведения с означением числа и нации тех войск, равно и кем командуемы. Сие необходимо нужно для соображения предполагаемых действий»¹⁷.

До 4 октября никаких особенно тревожных сведений штаб Кутузова не получал. Однако в донесениях сообщалось, что неприятель перешел через Нару в Каменском и Романове. Капитан Сеславин докладывал, что французские фуражиры во множестве паходятся па всех дорогах между Боровскою и Калужскою дорогами¹⁸. Кутузову сообщали, что противник сильными партиями с артиллерией подтягивается по Большой Московской дороге от Смоленска, что происходят значительные перемещения со Старой па Новую Калужскую дорогу¹⁹. Все эти сведения свидетельствовали о проявлении активности противника на путях, ведущих в обход левого фланга русской армии. Кутузов пристально следил за действиями противника на этом направлении, полагая, что главные события могут развернуться именно здесь.

Такое предположение наиболее убедительно подтверждается донесением Сеславила от 4 октября, полученным

в штабе Кутузова вечером того же дня, т. е. тогда, когда уже был отдан приказ о наступлении. По своему характеру это донесение не могло не повлиять на решение Кутузова об отсрочке наступления против авангарда противника. Капитан Сеславин сообщал, что кавалерийская дивизия генерала Орнано, состоявшая из четырех кавалерийских полков, двух батальонов пехоты и восьми артиллерийских орудий, двигаясь по Новой Калужской дороге, остановилась на ночлег в селе Фоминском. Сеславин также сообщал, что, вступив в бой со значительными силами противника, он уничтожил до 300 солдат, потеряв при этом со своей стороны около 40 человек.

Вместе с донесением Сеславин представил допрос рядового 9-го гусарского полка Твитанса, который показал, «что третьего дня все бывшие в Москве и в Воронове неприятельские силы подошли к нам. Сам император с гвардиею находится при армии. Они предполагают нашу армию гораздо сильнее своей. Артиллерия и пехота их укомплектовались снарядами только через четыре дня тому назад из подошедших к ним парков»²⁰.

Сопоставив это и ранее полученные допесения, Кутузов пришел к выводу, что кавалерийская дивизия Орнано, двигавшаяся по Новой Калужской дороге, является не чем иным, как передовым отрядом значительно больших сил, находящихся позади нее. Направление же движения этой дивизии давало все основания ожидать удара крупных сил противника по левому флангу русской армии. Понятно поэтому, что при таких данных о противнике главнокомандующий не считал возможным связывать свои главные силы с решением частных задач в бою с авангардом Наполеона. Это же обстоятельство послужило причиной перенесения наступления русской армии против войск Мюрата с 5 на 6 октября.

Следовательно, дело не в том, что Ермолова долго не могли найти, чтобы вручить ему приказ, а в том, что тщательное изучение действий противника давало основание ожидать подхода крупных сил противника к тарутинским оборонительным позициям.

Только этим можно объяснить три приказа, отданные 4 октября, первый из которых (№ 155) гласил: «По случаю движения, которое неприятель может сего дня противу нас предпринять, людям в лагере варить каши ранее и команд для фуражирования не посылать»²¹. В двух следующих приказах (№ 156 и 157), лично врученных Ермолову, предлагалось, во-первых, объявить

«завтрашний день приложенный при сем приказ под № 155» и, во-вторых, чтобы корпусные командиры находились в лагере «у войск своих в 5 часов пополудни; в 4 часа люди должны съесть кашу, и все находиться налицо».

Все это свидетельствует о том, что обстановка к середине октября резко менялась. Обе стороны начали активизировать свои действия; причинами этого для каждой из сторон служили совершенно различные мотивы. Кутузов начинал свои действия, убедившись в возросших силах русской армии. Наполеон искал выход из того тупика, в котором очутилась его армия. Началось более смелое «прощупывание друг друга», как писал Кутузов в одном из писем²². События следующего дня внесли существенные изменения. Показания пленного солдата о приближении главных сил Наполеона не подтвердились, и наступление против войск Мюрата было назначено на утро 6 октября.

5 октября вечером армия пятью колоннами выступила из Тарутипа. Правый фланг ее в составе 2, 3 и 4-го пехотных корпусов, 10 казачьих полков и 2-го егерского полка переправился через Нару и, пройдя лес, к рассвету занял исходные позиции против левого фланга противника. Основная задача разгрома авангарда противника возлагалась на эту группировку войск, командовать которой было поручено Беннигсену.

В лагере противника было тихо. Войска вышли к опушке леса и подготовились к атаке. На правом фланге у деревни Стромилowo сосредоточились казачьи полки Орлова-Денисова, 20-й гвардейский полк и конная батарея. Они должны были первыми начать атаку, ошеломить противника внезапностью нападения и отрезать ему пути отхода к Спас-Купле. Левее располагался 2-й пехотный корпус К. Ф. Багговута, нацеленный на деревню Тетеринки. Еще левее заняли исходные позиции на опушке леса войска 3-го пехотного корпуса П. А. Строганова. 4-й пехотный корпус А. И. Остермана-Толстого находился на левом фланге и служил для связи с главными силами, наступавшими с фронта.

В 7 часов утра казачьи полки Орлова-Денисова начали атаку. Внезапно они обрушились на еще спавших вражеских кирасир и карабинеров. Застигнутые врасплох, французские солдаты и офицеры металась в разные стороны. К этому времени вышла из леса пехота Багговута и, поддерживаемая артиллерийским огнем, устреми-

лась к деревне Тетеринки. Открыла огонь и неприятельская артиллерия. Одним из первых выстрелов был убит командир корпуса Багговут. Это внесло замешательство в ряды наступавших в первой колонне 4-го и 48-го полков. Они рассыпались, но продолжали двигаться густой цепью.

За деревней Тетеринкой завязалась упорная борьба. Мюрату удалось быстро организовать сопротивление. Беннигсен стягивал сюда дополнительные силы. Подошли 17-я и 4-я дивизии из 2-го пехотного корпуса. Прибывший сюда генерал Коновницын стал организовывать выдвижение войск 4-го пехотного корпуса на помощь наступавшим на Тетеринку войскам. Вскоре в этом районе было собрано 46 батальонов.

В это время казачьи полки Орлова-Денисова зашли в тыл противнику, переправились через Чернишню и у Богородского завязали бой с конницей Латур-Мобура. Положение войск Мюрата становилось критическим: они могли оказаться окруженными со всех сторон. Понимая это, Мюрат стал обходными путями через лес и овраги отводить войска из Винкова и Тетеринки к Спас-Купле и Воронову.

Вслед за отступавшими французскими войсками двинулись главные силы русских. Они вышли к Чернишне и остановились. 2-й и 4-й пехотные корпуса и часть кавалерии 2-го кавалерийского корпуса продвинулись до Богородского, а казаки Орлова-Денисова преследовали противника до Спас-Купли. К вечеру сражение закончилось, и русская армия возвратилась в Тарутино.

Русские войска нанесли чувствительный урон авангарду противника. Французы потеряли убитыми и ранеными 2500 человек, 1 тыс человек были взяты в плен, захвачены 38 орудий и почти весь обоз. Потери русских составили около 300 убитыми и 904 ранеными²³.

Вечером в Тарутинском лагере царило оживление. Победа подняла моральный дух войск, стремившихся быстрее изгнать противника с русской земли. Пожалуй, только Беннигсен был недоволен исходом боя. Он считал, что Кутузов, не разрешивший дальнейшее преследование авангарда Мюрата, лишил его славы победителя. Успех боя он приписывал только себе.

Полковник А. Ф. Мишо, в свое время привезший в Петербург печальную весть об оставлении Москвы, теперь был отправлен к Александру I с известием о победе над войсками Мюрата. Царь, только что отправивший Кутузову гневное письмо с выражением неудовольствия за

оставление Москвы, получив донесение о победе у Чернишни, вынужден был наградить фельдмаршала золотой шпагой с алмазами.

Многие современники и военные писатели обвиняли фельдмаршала в том, что в результате его нерешительности он не дал развернуться Тарутинскому бою до конца. Мы уже указывали на те действительные, не учтенные в свое время исследователями соображения, которыми руководствовался главнокомандующий, предпринимая атаку против войск Мюрата. В день Тарутинского боя предположения Кутузова подтвердились с еще большей силой. От полковника Кудашева было доставлено перехваченное предписание маршала Бертье одному французскому генералу об отправлении всех тяжестей на Можайскую дорогу. Предписание недвусмысленно давало понять о намерении Наполеона в скором времени оставить Москву. Кутузов понял, что назревают серьезные события, в которых придется выдержать против главной неприятельской армии ряд более крупных сражений. Вот почему, когда генералы просили у него разрешения на преследование отступавшего авангарда противника, он ответил отказом: «Если не умели мы поутру взять Мюрата живым и прийти вовремя на места, то преследование будет бесполезно. Нам нельзя отдаляться от позиции»²⁴.

Тем не менее русскими войсками были осуществлены успешные наступательные действия. На второй день после Тарутинского боя Кутузов писал жене: «Мы одержали победу вчера при Чернишне. Не мудро было их разбить, но надобно было разбить дешево для нас... Недоставало еще немножко счастья, и была бы совсем баталия Кремсская. Первый раз французы потеряли столько пушек и первый раз бежали, как зайцы»²⁵.

Внезапная атака русских у Чернишни была неожиданностью не только для Мюрата, но и для Наполеона. Генерал Жюмини вынужден был признать: «С того времени, как армии перестали становиться лагерем в палатках, заранее задуманные внезапные нападения стали и более редкими, и более затруднительными... В виде примера можно привести только одно большое нападение врасплох, а именно — в 1812 г. под Тарутином, где Мюрат был внезапно атакован и разбит фельдмаршалом Кутузовым. Хотя Мюрат в оправдание своей неосторожности и говорил, что он полагался на молчаливое перемирие, однако никакого подобного условия не существова-

ло, и допустил он захватить себя врасплох только по своей непростительной оплошности»²⁶.

Для Наполеона известие о поражении Мюрата явилось в некотором роде вызовом, брошенным ему Кутузовым. Сегюр, вспоминая об этом, пишет: «И вот война возобновилась! Это было 6 октября. При этом известии к Наполеону вернулся пыл его прежних лет. До наступления ночи вся его армия была в движении. Сам император еще до рассвета 7 октября выступил из Москвы, воскликнув: «Идемте к Калуге, горе тем, кто попадетсЯ нам на пути!»²⁷

Итак, почти 100-тысячная армия покидала Москву. Огромнейший обоз, состоявший из 40 тыс повозок, растянулся на несколько верст. «Можно было подумать,— пишет Сегюр,— что видишь перед собой какой-то караван, бродячее племя или, скорее, древнюю армию, возвращавшуюся после большого набега с пленниками и добычей»²⁸.

3

Одновременно с событиями у Чернишни развернулись боевые действия и на Новой Калужской дороге у села Фоминского. По своей важности они имели не меньшее значение, чем бой на Чернишне.

Еще 4 октября у села Фоминского отрядом Сеславина была остановлена кавалерийская дивизия, двигавшаяся вдоль Новой Калужской дороги. Однако Сеславин, не имея возможности оказать сопротивление значительно превосходившему его противнику, запросил помощи. Учитывая серьезность положения, отряду генерал-майора Дорохова, ранее предназначенному для действий по тылу авангарда Мюрата, было приказано возвращаться на Боровскую дорогу для перехвата неприятельской дивизии²⁹.

В то время как боевые действия на Чернишне закончились к вечеру 6 октября, на Боровской дороге они расширялись. Генерал-майор Дорохов, прибыв со своим отрядом в район южнее Фоминского, к селу Катову, доносил 7 октября: «Неприятель занял село Фоминское. Сей отряд я почитаю в силах меня превосходнее... если вы найдете сии причины достаточными к оправданию, что я его не атаковал, то пособите мне и пришлите два полка пехоты. Тогда заверяю вас, что я сей отряд убью»³⁰.

7 октября в Фоминское из Москвы подошла еще одна дивизия под командованием генерала Брюсье. Общая

численность войск противника в этом районе сразу увеличилась до 10—12 тыс человек. На усиление отряда Дорохова 7 октября были направлены один егерский и один пехотный полки, а на следующий день к Фоминскому были двинуты корпус Дохтурова, дивизия гвардейской конницы с ротой конной артиллерии, партизанский отряд Фигнера. Эти распоряжения держались в тайне. «Его светлость желает, — писал 9 октября Ермолов Дохтурову, — чтобы предприятие сие покрыто было непроницаемою тайною»³¹.

Создавая такую группировку войск и направляя ее на левый фланг армии, главнокомандующий ставил перед ней чисто оборонительные цели. 9 октября, когда противник большими силами предпринял наступление против отряда Дорохова, пытаясь прорваться к Боровску, отряд вынужден был отступить к Аристово, где и соединился с корпусом генерала Дохтурова.

Боевые действия, развернувшиеся на реке Чернишне и в районе села Фоминского, были взаимно связаны и стали проявлением возросшей силы русской армии. На правом крыле армии они имели ярко выраженный наступательный характер, а на Новой Калужской дороге — оборонительный. Боевые действия на Чернишне и Новой Калужской дороге с 6 по 9 октября привели к более решительному сражению под Малоярославцем.

Из донесений начальников партизанских отрядов в штаб главнокомандующего стало очевидным, что именно со стороны Новой Калужской дороги создавалось угрожающее положение. Малоярославец на этом направлении приобретал для русской армии чрезвычайно важное значение. Он был узлом путей, где дороги расходились, причем одна шла через Медынь и Юхнов на Смоленск, а другая — на Калугу. Противник, овладев этим городом, мог создать угрозу русской армии с наиболее уязвимой стороны — с фланга и тыла. Калуга была весьма важной ближайшей базой, где к тому времени были сосредоточены значительные продовольственные запасы (по свидетельству калужского губернатора Каверина, «стекшиеся к армии транспорты расположены были на той стороне реки Оки верст на шесть или еще более в великом множестве»)³².

Еще за несколько дней до столкновения на Чернишне Наполеон выслал на Новую Калужскую дорогу легкую кавалерию генерала Орнано; вслед за ней выступила в этом же направлении дивизия Брусье из корпуса Богар-

не для выяснения возможности скрытного обхода русской армии. Поражение Мюрата застало эти войска у села Фоминского и ускорило выход армии Наполеона из Москвы.

Два дня шла французская армия по Старой Калужской дороге. Наполеон объявил войскам, что он «идет поразить Кутузова на том самом месте, где русский полководец только что одержал победу»³³. Но, узнав в Красной Пахре о том, что русские не преследуют войска Мюрата, а отошли обратно в Тарутино, Наполеон неожиданно повернул свою армию направо и, двигаясь проселочными дорогами, перевел ее на Новую Калужскую дорогу, прикрыв этот марш высылкой корпуса Нея к Вороново, где последний, соединившись с остатками разбитого авангарда Мюрата, должен был отвлечь внимание русских от Новой Калужской дороги. Одновременно для того, чтобы усыпить бдительность Кутузова в Тарутинском лагере, ему было направлено с полковником Бертеми письмо начальника штаба Наполеона маршала Бертье, написанное якобы в Москве. В письме Наполеон вновь выдвигал условия мира, а также просил фельдмаршала «о приятии мер, дабы война получила ход, соответный с установленными правилами», и тем избавить край от лишних бедствий³⁴.

Подобные комбинации тактического порядка в сочетании с военной хитростью применялись Наполеоном с единственной целью: создать благоприятные условия для своей армии и вывести ее из того тупика, в котором она находилась. Именно с этой целью были направлены дивизии Орнано и Брусье к Фоминскому. Этими же соображениями был вызван внезапный выход всей французской армии из Москвы и движение ее по Старой Калужской дороге. Наполеон, предполагая, что главные силы русской армии будут втянуты в бой с его авангардом, рассчитывал нанести поражение им в открытом поле, выманив русских из хорошо защищенных тарутинских позиций. Когда же Наполеону стало известно, что русские не преследуют Мюрата, а вернулись в Тарутино, он стремится произвести скрытный обход левого фланга русской армии и, избежав генерального сражения, достигнуть Калуги скорее, нежели русские войска успеют преградить ему путь. Визит Бертеми к Кутузову 8 октября в Лешаповке преследовал главным образом разведывательную цель. Наполеону крайне необходимо было узнать, находится ли русская армия в Тарутине.

Реализация намеченного плана давала возможность Наполеону сразу же значительно улучшить положение его армии. Захватив большие запасы продовольствия, он мог бы продолжать отступление на Смоленск через плодородные и нетронутые районы. Но успешное выполнение намеченного плана требовало одного очень важного условия: как можно дольше держать русских в неизвестности. Вплоть до прибытия в Боровск Наполеон предполагал, что ему удалось обмануть русских. «Кутузов, введенный в заблуждение этой уловкой, — пишет Сегюр, — продолжал ждать „Великую армию“ на Старой дороге, в то время как она 11 октября, передвинувшись целиком на Новую дорогу, должна была сделать всего лишь один переход, чтобы, благополучно миновав русских, опередить их на пути к Калуге»³⁵.

В действительности дело обстояло иначе. В штабе русской армии еще 4 октября стало известно о появлении крупных сил противника в районе Фоминского³⁶. С этого времени Кутузов пристально следит за этим направлением, посылая сюда отдельные полки, отряды, а впоследствии и целый корпус Дохтурова со своим начальником штаба генералом Ермоловым, которому он сказал: «Ты пойдешь с Дохтуровым; я буду покоен; уведомляй чаще о том, что будет»³⁷. 9 октября Дорохов, сообщая о прибытии дивизий Орнано и Брусье в Фоминское и Мальково, доносил: «Так как сие действие неприятеля может быть предварительным движением целой его армии на Боровск, то я за нужное почел взять некоторые меры, дабы как можно скорее мог извещен быть о всех его движениях»³⁸.

На второй день к вечеру командиру корпуса генералу Дохтурову от начальника партизанского отряда капитана Сеславина, лично видевшего Наполеона с его свитой и гвардией в Фоминском, стало известно о движении всей армии противника к Малоярославцу. Захваченный Сеславиным в плен гвардейский унтер-офицер дал следующее показание: «Четыре уже дня, как мы оставили Москву. Тяжелая артиллерия и кавалерия, утратившая лошадей, и все излишние тяжести отправлены по Можайской дороге под прикрытием польских войск Понятовского. Завтра главная квартира императора будет в Боровске. Далее войска направляются на Малоярославец»³⁹.

Получив обо всем этом подробное донесение от Дохтурова, штаб Кутузова принял энергичные меры для срыва наполеоновского плана. Только за один день,

11 октября, главнокомандующий отдал 16 письменных приказов войскам, не считая устных распоряжений. Генерал П. Н. Ивашев получил приказание срочно подготовить дорогу от Леташовки до Малоярославца для движения армии с артиллерией. Ему предлагалось так распределить свои войска, чтобы их было достаточно еще для двух или трех параллельных дорог⁴⁰. Генералу Платову было приказано 11 октября 1812 г.: «Не медля ни мало, имеете Вы выступить со всеми казачьими полками и ротой конной артиллерии... и следовать на Боровскую дорогу на г. Малоярославец, откуда тотчас послать отряд к г. Боровску. Сим движением прикроете Вы первоначально Калужскую или Боровскую дорогу, по коей неприятель в силах показался; на которую и вся армия наша сделает движение»⁴¹.

Выдвигая наперез движению войск Наполеона наиболее подвижную часть армии — кавалерию, фельдмаршал ставит задачу корпусу Дохтурова, находившемуся в Аристово, двигаясь по проселочным дорогам, параллельно движению войск противника, предупредить его в этом движении: «Имеете употребить все способы, чтобы выйти на Боровскую дорогу, идя фланговым маршем и положением Вашим, до прибытия главной армии, прикрыть оную. По обстоятельствам Вашему корпусу необходимо до рассвета прибыть в г. Малоярославец»⁴². Чтобы окончательно выяснить обстановку на Старой Калужской дороге и установить наличие войск Мюрата и корпуса Нея, Милорадовичу приказывалось «сделать рекогносцировку, чтобы открыть настоящее намерение и направление неприятельского авангарда, противу нас находящегося»⁴³. Когда же в штаб русской армии донесли о движении войск противника от Воронова на Калужскую дорогу, вся армия немедленно выступила к Малоярославцу.

Таковы маневры тактического порядка, которые предшествовали сражению под Малоярославцем. Сочетание активной обороны с нанесением ударов по противнику, всесторонняя разведка и быстрая реакция командования на изменение обстановки были характерными для этих действий. В этот период войны особенно проявилась способность русской армии переходить от обороны к контр-наступлению и совершать искусный маневр.

Стремление французской стороны прорваться в Калугу и спасти армию и твердое решение русских ни под каким видом не пропустить Наполеона в Калугу определили

тот упорный характер борьбы, которая развернулась на улицах Малоярославца.

Малоярославец — небольшой город. Он находится в 120 километрах к югу от Москвы и стоит на крутом правом берегу реки Лужи. Река, образуя вблизи города дугу, прикрывает Малоярославец с севера. На вершине дуги был единственный мост, служивший своего рода воротами в город со стороны Боровска.

Малоярославец, как мы знаем, интересовал Наполеона как пункт, через который лежал путь в Калугу или Медынь и Юхнов с последующим движением на Ельню и Смоленск. На несколько верст растянулась двигавшаяся из Москвы почти 100-тысячная наполеоновская армия. В ее авангарде находился корпус Богарне. 11 октября, пройдя Боровск, три дивизии этого корпуса остановились на его южных окраинах, а четвертая вечером подошла к Малоярославцу.

Но на рассвете 12 октября к Малоярославцу подошли войска Дохтурова. Они оседлали Калужскую дорогу и преградили дальнейший путь авангарду наполеоновских войск. Генерал Дохтуров так умело расположил свои войска (пехоту, кавалерию и артиллерию), что они могли успешно держать оборону, прикрывать основные подходы к городу и в то же время вести борьбу за Малоярославец.

Стремясь очистить город от двух батальонов французов, Дохтуров приказал генералу Дорохову выделить из своего отряда три егерских полка и атаковать войска противника. Утром 33-й егерский полк завязал бои на улицах, в результате которых противник был вытеснен из города и отступил к реке Луже. Богарне, прибывший со своим штабом к Малоярославцу, ввел в дело всю дивизию Дельзона. Дохтуров также усилил свои войска 6-м и 19-м егерскими полками. Ожесточенные схватки возобновились.

Начавшееся сражение у Малоярославца было новым ударом для Наполеона. Когда ему донесли об этом, он воскликнул: «Что это — битва?». Неужели русские его опередили? Значит, его маневр не удался? «Каждый выстрел терзал его, так как тут дело шло уже не о победе, а о самосохранении»⁴⁴.

Русские батареи, ведя огонь по переправе, паносили сильный урон французам. Командир дивизии Дельзон был убит. Принявший командование дивизией бригадный генерал Гильеминно, используя численное превосходство, ворвался в город и занял его. Вскоре в Малоярославец

вошла дивизия Брусье, готовясь наступать на позиции русских, которые находились в полукилометре за городом.

Русские также наращивали свои силы. В сражение были введены Либавский и Софийский пехотные полки. Поддержанные сильным артиллерийским огнем, они двинулись в атаку. Завязались упорные, кровопролитные уличные бои, во многих местах города возникли пожары. Богарне двинул вперед третью дивизию, в полдень к Малоярославцу подошли войска корпуса Даву и гвардия. Сражение приобретало все более ожесточенный характер.

Основные силы русской армии 12 октября находились на марше в 5 километрах от Малоярославца. Кутузов, получив донесение о начале сражения, направил к Малоярославцу 7-й корпус Раевского, войска которого с ходу вступали в бой. К 15 часам город был снова почти полностью очищен от противника.

К месту сражения прибыл Наполеон. На помощь войскам Богарне он выделил две дивизии из корпуса Даву, которые, переправившись через реку Лужу по навешенному мосту, вместе с другими войсками ворвались в город и вновь овладели им.

Во второй половине дня сюда подошли из Тарутина основные силы русской армии. Они заняли позиции по обе стороны Калужской дороги.

Борьба за город не стихала. Кутузов сразу же отправился к сражавшимся войскам. «Он был под неприятельскими ядрами, — пишет Михайловский-Данилевский, — вокруг него свистели даже пули. Тщетно упрашивали его удалиться из-под выстрелов. Он не внимал просьбам окружавших его, желая удостовериться собственными глазами в намерении Наполеона, ибо дело шло об обороте всего похода, а потому ни в одном из сражений Отечественной войны князь Кутузов не оставался так долго под выстрелами неприятельскими, как в Малоярославце»⁴⁵.

Наполеон, узнав о прибытии к Малоярославцу главных сил русской армии, заявил своим маршалам, что это совсем переменяло положение дел⁴⁶. Он понял, что дорога на Калугу теперь закрыта накрепко.

С наступлением темноты бои стали затихать. Город находился в огне, его улицы были завалены трупами. Французы потеряли убитыми около 5 тыс солдат. Потери русских составили 3 тыс человек. И хотя войска обеих сторон еще стояли друг против друга, Кутузов уже был уверен в победе, так как главная его цель — сосре-

доточить свою армию па путях отхода наполеоновской армии — была выполнена. В конечном итоге борьба шла именно за пути к Калуге. Это особенно стало очевидным на следующий день, когда казачьи войска Платова столкнулись у Медыни с корпусом Понятовского, стремившимся пробиться обходным путем на Калугу. Одновременно была перехвачена записка Бертье к начальнику топографического депо: «Постарайтесь собрать сведения о Старой дороге из Москвы через Боровск, Малоярославец и Песок, из Песок в Медынь, из Медыни в Вязьму, из Вязьмы и Калуги в Масальск»⁴⁷.

Наполеон был недоволен исходом сражения. Уже почью вернувшись в Городню, он долго совещался с маршалами, решая вопрос, давать ли завтра генеральное сражение или уклониться от него? В тяжелом раздумье сидел Наполеон, склоняясь над картой, но решения никакого не принял. На рассвете 13 (25) октября он прибыл в Малоярославец, чтобы еще раз осмотреть место сражения. По дороге он чуть было не попал в руки казаков Платова, переправившихся ночью через реку Лужу и действовавших в тылу противника. Только конвой да гвардейская кавалерия, вступившие в бой с казаками, дали возможность Наполеону спастись. Он возвратился в Городню и вечером отдал приказ отступать по Смоленской дороге.

Оценив обстановку и опасаясь быть обойденным через Медынь, Кутузов, оставив под Малоярославцем два пехотных и два кавалерийских корпуса под командованием Милорадовича, передвинул главные силы к Детчино, откуда можно было действовать против Наполеона в любом направлении. Это решение Кутузов в донесении царю 16 октября мотивировал следующим образом: «Легкие наши войска, простирившиеся по дороге, ведущей к Медыни, по которой неприятель мог еще пробраться в Калугу, стали единогласно уведомлять, что корпуса его стремятся по сей дороге. Сие тем вероятнее, что на ней были уже сражения между нашими легкими войсками и неприятелем. Очевидно было и то, что неприятельское намерение клонилось к тому, чтобы всеми способами обойти нас к Калуге, и потому армия, оставя сильный авангард под командою Милорадовича, 14-го числа пошла к д. Детчино»⁴⁸.

Предпринятые контрмеры не только закрыли противнику все дороги, но и нейтрализовали его силы, а кровопролитные бои у Малоярославца окончательно вырвали

наступательную инициативу у противника. Наполеон вынужден был повернуть войска на Боровск, Верею, Можайск и отступать по Смоленской дороге. Русские загнали французскую армию на путь, пролежавший по ей же разоренной местности.

Сражение под Малоярославцем — кульминационный пункт борьбы за стратегическую инициативу. В истории Отечественной войны оно занимает исключительно важное место. Его результаты определили дальнейший ход войны и предрешили судьбу наполеоновской армии. Значение этой ожесточенной борьбы было понятно обоим полководцам.

Сражение под Малоярославцем подводило итог всей борьбе за переход русской армии в контрнаступление. Кутузов высоко ценил его значение. «Сей день, — доносил он царю, — есть один из знаменитейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собою пагубнейшие следствия и открыло бы путь неприятелю через хлебороднейшие наши провинции»⁴⁹.

К аналогичному выводу пришел военный писатель генерал Н. А. Окунев: «Сражение под Малоярославцем имело для русской армии значение самой высокой важности. Это было моментом перехода в наступление, с коим она уже больше не расставалась до самого конца кампании»⁵⁰. Что касается значения этого сражения для Наполеона, то Окунев сделал правильный вывод, указав, что «даже сражение под Бородином не было ему так необходимо, как под Малоярославцем. Правда, первое открыло ему ворота в Москву, но дало ему только бесполезный трофей; спасение его армии зависело от второго»⁵¹.

Но не только русские военные писатели давали такую оценку событиям под Малоярославцем. Сегюр писал: «Помните ли вы это злосчастное поле битвы, на котором остановилось завоевание мира, где 20 лет непрерывных побед рассыпались в прах, где началось великое крушение нашего счастья? Представляется ли еще вашим глазам этот разрушенный кровавый город и эти глубокие овраги и леса, которые, окружая высокую долину, образуют из нее замкнутое место? С одной стороны, французы, уходившие с севера, которого они так пугались, с другой — у опушек лесов — русские, охранявшие дорогу на юг и пытавшиеся толкнуть нас во власть их грозной зимы... Наполеон между двумя своими армиями

посреди этой долины, его взгляды, блуждавшие с юга на восток, с Калужской дороги на Медынскую? Обе они для него закрыты: на Калужской — Кутузов и 130 тыс человек, со стороны Медыни он видит многочисленную кавалерию — это Платов»⁵².

К сожалению, еще есть за рубежом историки, трактующие сражение под Малоярославцем как победу французской армии. Успех решила будто бы резервная дивизия Пино, введенная в бой Богарне в самый критический момент. «Этот резерв создал перевес в пользу французов, и вскоре после полудня русские решили оставить Малоярославец», французы считали победу за собой. Так пишет английский историк Д. Чэндлер⁵³.

Тогда, естественно, возникает вопрос: почему же французская армия пошла не на Калугу, как это предусматривалось, а повернула на Старую Смоленскую дорогу и двинулась к Вязьме? Причина, оказывается, в том, что рано утром 13 октября Наполеон, выехавший с группой генерала Раппа на рекогносцировку берега р. Лужа, был внезапно атакован казаками Платова и каким-то чудом не попал в плен к русским. Вот этот случай, напугавший Наполеона, якобы и заставил его «отменить запланированный марш на Калугу»⁵⁴. Так ли это? Нет, конечно. На то были более серьезные причины.

Напряженная обстановка под Малоярославцем и твердость, с которой русские войска отражали все удары противника и его обходные маневры, расстроили план Наполеона по отводу французской армии на юг. Упорный характер этих боев дал Наполеону почувствовать возросшую силу русской армии. «С того момента, — пишет Сегюр о Наполеоне, — он стал видеть перед собой только Париж, точно так же, как, уезжая из Парижа, он видел перед собой только Москву. Это было 14 октября, когда началось роковое отступательное движение наших войск. Армия шла, опустив глаза, словно пристыженная и сконфуженная, а посреди нее ее вождь, мрачный и молчаливый, казалось, тревожно измерял глазами расстояние, отделявшее его от берегов Вислы»⁵⁵.

Наполеона упрекают за такое решение. После завоевания в упорной борьбе тактического преимущества он якобы добровольно уступил Кутузову стратегическую инициативу. Наполеон избрал для своей армии худший маршрут, хотя лучший будто бы оставался открытым. «Совокупность этой необычной медлительности, нерешительности и чрезмерной осторожности обрекли его армию

на постепенную гибель с такой же неизбежностью, как и поражение в генеральном сражении»⁵⁶. На самом деле у Наполеона не было иного выбора. Русское командование своими искусными действиями лишило французскую армию возможности двигаться на юг и вынудило ее отступать по разоренной Старой Смоленской дороге.

Кутузову стало ясно, что французская армия начала отступление. Возникал лишь вопрос об уточнении направления движения противника и о возможных диверсиях его на левый фланг русской армии. Для окончательного выяснения этого Кутузов предпринимает еще один весьма важный тактический маневр — перевод армии из Детчино к Полотняным заводам.

Многие русские, а также и иностранные исследователи считали такое решение ошибочным. В действительности же переход от Малоярославца к Детчино, а затем к Полотняным заводам имел целью лишить Наполеона всякой возможности проникновения на юг, прочно прикрыть это направление и держать под угрозой коммуникации противника. Кутузов доносил по этому поводу царю: «Хотя и заключить должно, что неприятель, не успев в своем предприятии на Калугу, возьмет направление через Можайск на Смоленск, но, невзирая на то, остаюсь я еще на некоторое время на Медынской дороге»⁵⁷.

Для такого решения, кроме выполнения основной задачи, были и другие не менее важные соображения. Во-первых, необходимо было присоединить к армии артиллерийские парки и обозы с боеприпасами и продовольствием, находившиеся к тому времени у Малоярославца, и, во-вторых, отсюда армия имела возможность наступать по кратчайшему пути через Юхнов к Вязме и далее к Смоленску.

Глава двенадцатая

ИЗГНАНИЕ АГРЕССОРА

1

Сражение под Малоярославцем явилось поворотным моментом в ходе Отечественной войны 1812 года. Здесь, у стен древнего русского города, в упорной борьбе была вырвана стратегическая инициатива у противника, отсюда началось изгнание агрессора из России.

Важность этого события состоит еще и в том, что здесь, в сражении под Малоярославцем, окончательно потерпела крушение наполеоновская доктрина «генерального сражения», которая была возведена им в главное стратегическое средство достижения победы в войне. Опыт же русской кампании, и прежде всего три крупных сражения — Смоленское, на Бородинском поле и под Малоярославцем, в которых принимали участие главные силы противоборствующих армий, — показал несостоятельность наполеоновских принципов скоротечного ведения войны, достижения победы в одном генеральном сражении. В то же время оправдывались, получили развитие теория и практика русского военного искусства, умело осуществлявшиеся М. И. Кутузовым, стратегия которого использовала активные формы борьбы. Фельдмаршал не гнался «за громкими сражениями», но достигал победы, применяя широкий арсенал форм и способов борьбы, маневров, растянутых во времени и пространстве.

После сражения под Малоярославцем русская армия впервые за все время войны перешла к решительным наступательным действиям, развивавшимся с такой силой, что Наполеон был не в состоянии парировать те многочисленные удары, которые наносились по его отступающим войскам.

Как и великие русские полководцы Петр I, П. А. Румянцев, А. В. Суворов обращались в решающие моменты борьбы с призывом к войскам, так и М. И. Кутузов с переходом армии в контрнаступление в приказе войскам писал: «...Наполеон, не усматривая впереди ничего другого, как продолжение ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию, видя в каждом жителе воина, общую непреклонность на все его обольщения, решимость всех сословий грудью стоять за

любезное отечество, постигнув, наконец, всю суетность дерзкой мысли: одним занятием Москвы поколебать Россию, предпринял поспешное отступление вспять. Теперь мы преследуем силы его, когда в то же время другие наши армии снова заняли край Литовской и будут содействовать нам к конечному истреблению врага, дерзнувшего угрожать России. В бегстве своем оставляет он обозы, взрывает ящики со снарядами и покидает сокровища, из храмов божиих похищенные. Уже Наполеон слышит ропот в рядах своего воинства, уже начались там побеги, голод и беспорядки всякого рода. „Воины! Потщимся выполнить сие, и Россия будет нами довольна, и прочный мир водворится в неизмеримых ее пределах“»¹.

В этом обращении к войскам и в других распоряжениях главнокомандующего и его штаба отчетливо выражалась основная идея окончательного и полного разгрома врага. Как только было установлено, что 14 октября французская армия начала отступать от Боровска на Верею, Можайск и далее по Смоленской дороге, войскам сразу же была поставлена активная задача настигнуть армию противника, не дать ей возможность отойти к своим базам. Вначале контрнаступление осуществлялось в форме параллельного преследования и проводилось по четырем направлениям. Севернее Смоленской дороги наступал сильный отряд генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова. В его задачу входило наносить удары по правому флангу отходящих войск противника и не допускать их движения на север от Смоленской дороги. Вдоль Смоленской дороги в тыл отступавшим французам были направлены наиболее подвижные силы армии: казачьи полки атамана Платова, усиленные 26-й пехотной дивизией; с юга, непосредственно примыкая к Смоленской дороге, по маршруту Егорьевское, Шахово, Покров, Спасское с выходом к Вязьме двигался авангард Милорадовича. Главные силы армии, при которых находился Кутузов, двигались еще южнее, параллельно Смоленской дороге, через населенные пункты Кременское, Силенки, Быково, Ельня и далее в обход Смоленска с юга.

15 октября французские войска вышли на Смоленскую дорогу. Здесь к ним присоединились корпус Понятовского, находившийся в окрестностях Вереи, и корпус Мортье, подошедший из Москвы. Вся армия вытянулась теперь в одну огромную колонну, на много верст растянувшись по дороге. Утром 17 октября гвардия вместе с Наполео-

ном прошла Бородино. Поле, где происходило сражение, все еще сохраняло следы ожесточенной борьбы: не были убраны трупы людей и лошадей, всюду валялись обломки оружия.

С развертыванием наступательных действий русской армии значительно активизировались и действия крестьянских партизанских отрядов. Теперь они уже чаще выходили из лесов и смелее нападали на отступавшие колонны противника. Партизаны теснее связывались с регулярными войсками, а во многих боях взаимодействовали с ними или с армейскими партизанскими отрядами. Крестьяне сообщали ценные сведения о расположении противника, передвижениях его войск, доставляли взятых в плен французских солдат. Они нападали на отдельные отряды противника, двигавшиеся по проселочным дорогам, уничтожали их, расправлялись с партиями фуражиров, мародерами, захватывали вражеские обозы.

Кутузов высоко оценивал действия крестьянских партизанских отрядов. Он говорил о крестьянах, что они «мученической твердостью переносили все удары, сопряженные с нашествием неприятеля, скрывали в лесах свои семейства и малолетних детей, а сами, вооруженные, наносили поражения в мирных жилищах своих появляющимся хищникам. Нередко самые женщины хитрым образом улавливали сих злодеев и наказывали смертью их, и нередко вооруженные поселяне, присоединяясь к нашим партизанам, весьма им способствовали в истреблении врага, и можно без преувеличения сказать, что многие тысячи неприятеля истреблены крестьянами»².

С началом отступления противника еще более возросла роль армейских партизанских отрядов. Отрядам Давыдова, Сеславина, Фигнера, Ожаровского, Ефремова и других были поставлены активные задачи — совершать нападения на фланги и сообщения французских войск, уничтожать их обозы и фуражиров. Отряды полковников Кайсарова и Кудашева настигали противника с тыла, отряд полковника Ефремова действовал по дороге между Можайском и Москвой, отряды Сеславина и Фигнера — между Медынской и Смоленской дорогами, отряд Давыдова — между Гжатском и Вязьмой.

В распоряжениях Кутузова партизанским отрядам ярко выражена их основная задача — всемерное истребление противника. От них требовалось: «Употребить все средства на уничтожение неприятельских обозов и нанесение ему всевозможного вреда»³.

В период разгрома армии Наполеона боевые действия ополчения были также теснейшим образом связаны с действиями армии. Значительная часть ратников из Московского, Смоленского, Петербургского и Новгородского ополчений влилась в состав армии и сражалась вместе с солдатами. Ополченческие части двинулись вслед за армией и принимали активное участие во всех сражениях и боях. По своим боевым и моральным качествам ополченцы не уступали регулярным войскам. После поражения под Малоярославцем маршал Бессьер, предлагая начать отступление, говорил о неистовстве, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть⁴.

Задача настигнуть армию Наполеона и опередить ее ставилась как партизанским отрядам, так и главным силам армии. От войск Платова и Милорадовича Кутузов требовал самых энергичных действий, указывая им на необходимость выделения отдельных партий, которые старались бы упреждать неприятеля и наносить удары по его передовым колоннам. 20 казачьих полков Платова и усиленный отряд Милорадовича были пацелены на важнейшие направления. Еще 16 октября Кутузов, отдавая распоряжение начальнику штаба Ермолову, указывал: «Армии нужна скорость!» — и тут же приказывал Платову: «Как можно скорее отрядите Орлова-Денисова с шестью казачьими полками в г. Гжатск и снабдите его наставлением, чтобы наносить неприятелю всевозможный вред»⁵. В другом приказании Платову от 19 октября Кутузов писал: «Я надеюсь, что сей отступной марш неприятелю сделается вреден и что вы наиболее к сему содействовать можете. Почему вы не оставите почитать главным предметом разрушение переправ, через которые неприятель идти должен, и для того отделите нужную партию, которая бы старалась упреждать неприятеля полумаршем, могла бы сим способом останавливать его марш»⁶.

Русская армия не давала противнику отдыха ни днем, ни ночью, не позволяла изменить путь отступления. Кутузов не ограничивался только приказами корпусным генералам, он обращался ко всем солдатам и офицерам и призывал их не ослаблять темпов преследования неприятеля. Вот один из таких приказов, отданных Кутузовым: «После таких чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, может быть,

земля русская, которую мечтал он поработить, усееется костями его. Итак, мы будем преследовать неутомимо. Настает зима, вьюги и морозы. Вам ли бояться их, дети Севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов. Она есть надежная стена Отечества, о которую все сокрушается... Пусть всякий помнит Суворова: он научал сносить и голод, и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа»⁷.

Наполеоновская армия стремилась как можно быстрее преодолеть пространство до Смоленска. «Скорость, с какою идет неприятель, так велика, — доносил Ермолов, — что без изнурения людей догнать его невозможно»⁸. Об этом же образно писал в своем донесении от 21 октября и Платов, указывая, что «неприятель бежит так, как никогда никакая армия ретироваться не могла. Он бросает на дороге все свои тяжести, больных, раненых, и никакое перо историка не в состоянии изобразить картины ужаса, которые оставляет он на большой дороге»⁹.

В самом деле, начав отступление из-под Малоярославца 14 октября, армия Наполеона уже 16 октября была в Можайске, 17 октября — в Гжатске, а 19 октября Наполеон со свитой и гвардией въехал в Вязьму. За пять дней наполеоновская армия преодолела расстояние в 200 километров. В Вязьме Наполеон потребовал от армии ускорить движение, каких бы это ни стоило потерь, сколько бы трудов оно ни принесло его войскам.

Что же заставляло наполеоновскую армию отступать с такой поспешностью? С первого взгляда может показаться, что причинами этому были слабость армии Наполеона, ее разложение, боязнь встретиться с русской армией. Последнее, безусловно, в какой-то мере оказывало влияние на ее действия. Но было бы неправильно полагать, что армия Наполеона не представляла собой никакой силы. Выходя из Москвы, она имела в своих рядах еще около 100 тыс человек¹⁰.

Столь поспешное отступление армии Наполеона объясняется двумя существенными причинами: во-первых, Наполеон не без основания опасался быть отрезанным на путях к Вязьме или на подходе к Смоленску; во-вторых, армии Наполеона не удалось через Малоярославец выйти в районы, не затронутые войной, поэтому она вынуждена была отступать по разоренной и опустошенной Смоленской дороге. Отсюда и стремление Наполеона как можно быстрее прорваться к Смоленску, где находились крупные запасы продовольствия и фуража, где имелась воз-

возможность укрепить армию свежими войсками. Ускоряя движение армии, Наполеон умышленно стремился при этом избегать столкновений с русскими, чтобы не терять на это ни сил, ни времени.

Кутузов, разгадав намерения Наполеона, предпринял все меры к тому, чтобы затормозить отступление французов. Уже на второй день после сражения под Малоярославцем казаки Платова, являясь наиболее подвижной частью армии, настигли арьергард наполеоновских войск.

Первое крупное столкновение произошло между Можайском и Гжатском у Колоцкого монастыря, где казаки Платова на рассвете 19 октября, обойдя левый фланг арьергарда противника, неожиданно ударили по его колонне, истребили более двух батальонов пехоты, отбили 20 орудий, большой обоз противника и захватили два знамени. В тот же день Платов доносил Кутузову: «Я его (противника.— П. Ж.) преследую с флангов, на каждом шагу с бригадою казаков и с орудиями, сам же давлю его пушками и казаками в тыл... Сражение продолжается»¹¹. И действительно, казаки Платова беспрестанно наносили удары по арьергарду противника до самой Вязьмы.

В это же время партизанские отряды Давыдова, Сеславина, Фигнера, Кудашева, опережая неприятельские войска, смело совершали неожиданные налеты на колонны противника. Однако было бы ошибочным представлять себе дело таким образом, что под этими ударами противник безостановочно откатывался на запад. В действительности же все обстояло сложнее. На участке Можайск—Вязьма войска Наполеона, настигаемые русской конницей, неоднократно оказывали ей сопротивление, а у Гжатска корпус Даву попытался нанести удар по авангарду наступавших русских войск и занял было оборонительную позицию. Завязался двухчасовой бой, и лишь обходный маневр русской конницы и выход в тыл французам заставили их поспешно отступить.

Внезапные действия армии и партизанских отрядов держали противника в состоянии постоянного напряжения. От этих ударов он нес большие потери убитыми и пленными. «Пленных столько доставляют ко мне казаки,— доносил 20 октября Платов,— что принужденным нахожусь отдавать их по селениям обывателям, для препровождения их»¹².

Документы, относящиеся к этому периоду войны, особенно многочисленные донесения командиров корпусов и

начальников отрядов, убедительно подтверждают высокую наступательную активность русской армии и широкий размах партизанской борьбы. Сразу же после того, как были отбиты попытки Наполеона прорваться на юг обходным маневром через Медынь или Юхнов, после того как «гордый и дерзкий неприятель спасовал и направил лыжи обратно», крупные отряды, выделенные из армии, и партизаны усилили нажим на противника.

«Журнал военных действий» штаба главнокомандующего день за днем фиксировал все возрастающую активность партизан. Так, отряд Фигнера совершил налеты на противника по дороге от Можайска до Гжатска, взорвал артиллерийский парк, уничтожил несколько сот и взял в плен более 60 солдат и офицеров¹³. Полковник Кудашев уже 14 октября, т. е. через два дня после сражения у Малоюрославца, внезапно атаковал лагерь противника у Боровска и, смело вступив в бой со значительно превосходящим по численности противником, отбил у него более 100 подвод с имуществом и продовольствием, захватил «множество лошадей», уничтожил более 280 человек и взял в плен около 400 человек. В тот же день в стычке у селения Шалимово отряд Кудашева захватил еще 400 пленных, потеряв за весь день только 4 убитыми и 8 ранеными¹⁴.

Отряд подполковника Давыдова, действовавший между Вязмой и Гжатском, совершал неожиданные налеты на колонны и транспорты французов. Так, 20 октября он отбил у противника 70 транспортных фур и взял 231 человека в плен¹⁵. Налеты подобного же характера проводили отряды Сеславина, Орлова-Денисова и многие партизанские отряды крестьян.

Таким образом, уже на первом этапе наступательных действий русская армия не ставила перед собой только ограниченную цель — вытеснение противника в голодную зону Смоленской дороги, а все действия ее направлялись на систематическое уничтожение врага.

Об активном характере действий русской армии свидетельствует и бой под Вязмой 22 октября (3 ноября) 1812 г.

Общая обстановка к этому времени сложилась следующим образом. Наполеон с гвардией был уже за Вязмой в селе Семлево. Корпус Нея, оставленный в Вязме с тем, чтобы пропустить все войска, должен был затем следовать в арьергарде. Корпуса Богарне и Понятовского подтягивались к Вязме и были от нее в 6—7 километ-

рах. Арьергардный корпус Даву находился вблизи села Федоровского, в 17 километрах от Вязьмы.

Положение русских войск было таково. Отряд Платова с 26-й пехотной дивизией, следовавшие неотступно за противником и наносившие ему удар за ударом, остановились близ села Федоровского. Авангард под командованием Милорадовича (2-й и 4-й пехотные, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса и пять казачьих полков), двигаясь от Егорьевского к Вязьме, 21 октября подошел к Смоленской дороге и остановился на ночлег в селе Спасское. Главные силы русской армии подходили к селу Дуброва, в 26 километрах от Вязьмы.

Такая обстановка создавала благоприятные условия для овладения Вязьмой и нанесения сильного удара по корпусам Даву, Богарне и Понятовского. Кутузов не замедлил воспользоваться этим и отдал распоряжение Милорадовичу выйти на Смоленскую дорогу, перерезав пути отхода войскам корпуса Даву, а Платову усилить нажим с тыла. Для подкрепления войск Милорадовича к нему направлялся генерал Уваров с двумя кирасирскими дивизиями, а главные силы переводились ближе к Вязьме, в район села Быкова.

Рано утром 22 октября войска Милорадовича тремя колоннами выступили из Спасского и к 8 часам утра подошли к Смоленской дороге у села Максимова. Кавалерия внезапно обрушилась на отходившую колонну французов, смяла ее и заняла дорогу. Завязался бой с передовыми частями корпуса Даву. По войскам противника был открыт артиллерийский огонь, с тыла их начали теснить казаки Платова, которые совместно с 26-й пехотной дивизией выбили французов из села Федоровского. К этому времени подошли остальные пехотные корпуса из авангарда Милорадовича и плотно перекрыли дорогу в Вязьму. Положение окруженных французских войск становилось почти безвыходным: они были на грани полного уничтожения.

Богарне и Понятовский, узнав о критическом положении корпуса Даву, приостановили движение своих корпусов к Вязьме, повернули их обратно и устремились на выручку войскам Даву. Это создало большие трудности для русских, попавших под огонь французов с двух сторон. Русская кавалерия и пехота вынуждены были сойти с дороги. Но это не улучшило положения корпуса Даву. Милорадович, заняв своими войсками позицию вдоль дороги, приказал открыть артиллерийский и ружейный

огонь по двигавшимся колоннам противника. Французы, неся большие потери, обратились в бегство.

Боясь прорыва русских войск к Вязьме, где находились большие обозы французской армии, Богарне и Понятовский спешно организовали оборону, заняв позицию на прилегавших к городу высотах. Сюда же подошли и остатки корпуса Даву. К этому времени к Милорадовичу подошли значительные силы пехоты, присоединился Платов с казачьими полками и 26-й пехотной дивизией, приближались кирасирские дивизии Уварова. Около 2 часов дня русские войска всеми силами атаковали противника. Разгорелся упорный бой. Противник был опрокинут и отброшен к Вязьме. Начался штурм города. В 4 часа дня в город одновременно ворвались войска Милорадовича, казаки Платова, партизаны Сеславина и Фигнера. Особенно отличился при взятии Вязьмы Перновский полк под командованием генерал-майора Чоголокова.

Бой за Вязьму длился около 10 часов. В нем участвовало около 37 тыс французов и 25 тыс русских войск. Французы, потеряв более 6 тыс убитыми и ранеными и 2,5 тыс¹⁶ пленными, вынуждены были оставить город и спешно отступать к Дорогобужу.

В результате действий русской армии от Малоярославца до Вязьмы противник потерял около 30 тыс солдат и офицеров. В письме Д. П. Троицкому от 28 октября 1812 г., отправленном Кутузовым вскоре после Вязьмы, отмечалось: «На всяком шагу его он (неприятель.— П. Ж.) был предупрежден авангардом нашим и казачьими полками. Потеря неприятеля с выступления его из Москвы и после сражения при Малом Ярославце и Вязьме становится невероятной; сверх того, с разными стычками потерял он убитыми, конечно, более 20 тыс, плененных одних более 10 тыс, и истреблено у него несказанное число зарядных ящичков, обозов и лошадей»¹⁷.

Бой под Вязьмой ускорил моральное разложение французской армии, расстройство дисциплины, создал панику в ее рядах. Сегюр, адъютант Наполеона, с горечью писал, что в период отступления каждый корпус действовал на свой страх, как будто не существовало ни штаба, ни общих распоряжений. Паника и разложение дисциплины «распространялись в армии подобно заразной болезни», «отчаяние и отсутствие дисциплины стремительно передавались от одного к другому»¹⁸.

Итак, в первую неделю боевых действий противнику было нанесено серьезное поражение. Оно являлось не,

следствием каких-либо стихийных факторов (мороз, снег), а результатом активных действий русской армии и партизанских отрядов. Именно бои, прежде всего бои под Малоярославцем и Вязьмой, а также многочисленные внезапные налеты партизанских отрядов причиняли врагу наибольший урон.

Избежать столкновений, уйти от преследования русских, форсированным маршем добраться до Смоленска и найти там убежище — таковы стремления Наполеона в тот период. «Передайте герцогу Эльхингенскому, — приказывал Наполеон своему начальнику штаба Бертье, — что как только он примет командование арьергардом, ему следует добиваться наиболее компактного движения армии, ибо мы попусту растрачиваем то, что еще осталось от хорошей погоды»¹⁹.

Наполеон стремился поддержать дух армии, вселить в войска уверенность в благополучном исходе маневра, все еще питал иллюзию, что Александр пойдет на переговоры, обрушивался на паникеров, утверждал, что русская армия находится в еще худшем положении, а погода настолько хороша, что она напоминает ему счастливое осеннее время, проведенное им в Фонтенбло. Погода стояла действительно хорошая. Лишь 21 октября выпал первый снег, а первые морозы (до 12 градусов) появились, когда французская армия подходила к Смоленску.

2

После сражения у Вязьмы напряжение боевых действий не ослабевало. 23 октября войскам Платова и Милорадовича были поставлены еще более решительные задачи. Кутузов приказывал: «Старайтесь выиграть марш над неприятелем так, чтобы главными силами вашими по удобности действовать на отступающие головы его колонн, нападая во время марша и совершая беспрестанные ночные тревоги»²⁰.

В связи с возросшим размахом наступления была произведена некоторая перегруппировка войск. Авангард Милорадовича должен был теснить противника вдоль Смоленской дороги, казаки Платова получали направление севернее дороги, отряд Орлова-Денисова — южнее. Такая группировка армии позволяла кавалерии, двигаясь по проселочным дорогам, опережать противника и нападать на головные колонны.

Главные силы русской армии продолжали движение по прежнему направлению — южнее Смоленской дороги.

Это давало возможность срывать всякие попытки противника отступить к Орше и Могилеву, находиться ближе к запасам и резервам, следующим к армии, плотно прикрывать от противника продовольственные районы. Генералу Орлову-Денисову было приказано действовать на левый фланг противника, упреждая его в движении; отрядам Давыдова и Ожаровского — выдвинуться вперед и стремиться выйти к Смоленску. В это же время с целью обезопасить южные районы были отданы распоряжения: Калужскому ополчению, усиленному несколькими полками регулярной конницы, перейти из Калуги и Рославля к Ельне, Тульскому ополчению перейти в Рославль, Смоленскому — в Ельню, Малороссийскому — занять Могилев²¹.

Вплоть до Смоленска это было не простое преследование, не «выталкивание» армии Наполеона из России, а ее уничтожение, ее разгром. Платов, повернув свои войска от Семлево на север, доносил Кутузову, что будет стараться опережать неприятеля и «поражать его по удобности везде». Он сообщал о том, что при преследовании «неприятеля побито премножество... в плен взято более 1000»²². Кавалерийские полки генерала Орлова-Денисова, напав на партии противника, посланные для фуражировки, уничтожили до 300 человек и взяли в плен 86 человек²³.

Наполеоновская армия продолжала свой трудный путь — без оружия, без обуви, без теплой одежды. У многих вместо сапог были самодельные опорки из поношенных форменных головных уборов; вместо теплой одежды — куски мешковины да шкуры павших лошадей.

На пути от Вязьмы к Смоленску, кроме ежедневных налетов партизанских отрядов, армии Наполеона были нанесены три наиболее чувствительных удара: у села Ляхово и при переправах противника через реки Вопь и Днепр.

Партизанские отряды Давыдова, Сеславина, Фигнера, действовавшие после Вязьмы южнее Смоленской дороги, 26 октября выдвинулись западнее Ельни. В районе Ляхово в это время находилась французская бригада генерала Ожеро. Было принято решение соединиться всем отрядам и совместно с направлявшимся сюда отрядом генерала Орлова-Денисова внезапно атаковать противника. Утром 28 октября партизаны, насчитывавшие около 1500 человек, окружили бригаду генерала Ожеро (более 2500 человек). Атакованный противник яростно сопротивлялся,

но, по словам Орлова-Денисова, «окруженный со всех сторон, отрезанный от всякого сообщения со своими, не имел в том успеха и потерпел жестокое поражение»²⁴. Безвыходное положение войск Ожеро и понесенные большие потери («все поле, на котором было действие, покрыто его телами») ²⁵ заставили их сложить оружие. Кроме генерала Ожеро, в плен было взято 60 офицеров и около 2 тыс солдат²⁶. «Победа сия,— доносил Кутузов царю,— тем более знаменита, что при оной еще в первый раз в продолжении нынешней кампании неприятельский корпус сдался нам»²⁷.

В тот же день войсками Платова был нанесен сильный урон корпусу вице-короля Евгения Богарне по пути движения его к Духовщине при переправе через реку Вось. Наполеон направил этот корпус от Дорогобужа к Витебску на помощь находившемуся там гарнизону. Платов, убедившись в отступлении корпуса вице-короля по Духовщинской дороге, устремился вслед за ним. Французам предстояла переправа через Вось. Утром 28 октября французские войска достигли реки, но переправиться сразу не смогли. единственный мост оказался разрушенным. Казаки Платова открыли по противнику огонь и начали теснить его к реке. Часть казаков, переправившись через реку, появилась на противоположном берегу. Опасаясь окружения, вице-король поспешно начал переправу вброд. Казаки же Платова все более и более наседали на арьергард противника. Корпус Богарне, охваченный паникой, потерял почти всю артиллерию (87 орудий), более 2 тыс убитыми и 3500 пленными. Войска Платова, преследовавшие остатки корпуса, уничтожили еще несколько сот французов, взяли около 1 тыс человек в плен и окончательно лишили корпус Богарне боеспособности²⁸.

Почти одновременно с событиями у Ляхово и на реке Вось произошла жаркая схватка на подступах к Смоленску у Соловьевой переправы.

Войска Милорадовича, заняв 26 октября (7 ноября) Дорогобуж, были повернуты на юг, на соединение с основными силами армии. Преследование войск корпуса Нея по Смоленской дороге поручалось отряду под командованием генерал-майора А. А. Юрковского и казакам генерала А. А. Карпова. Подойдя 28 ноября к Соловьевой переправе, отряд русских войск настиг противника и захватил 21 орудие и 1 тыс пленных²⁹.

Одновременно казачьи полки генерала Орлова-Денисова, разведав, что в районе сел Клемятино и Алексеево

расположены большие неприятельские партии с продовольствием и фуражом, предназначаемые для Смоленска, напали на них, уничтожили более 1500 человек и взяли 1300 пленными, отбили 400 повозок с продовольствием и фуражом, более 1 тыс лошадей, набранных под артиллерию, и до 200 голов рогатого скота³⁰.

Подводя некоторые итоги действиям армии от Вязьмы до Дорогобужа (без учета событий у Ляхово и на реке Вопь), Кутузов в приказе от 28 октября в г. Ельне отмечал: «Неприятель, продолжая свое отступление, претерпевает на каждом шагу сильный урон, наносимый ему авангардами нашими. Потеря его от Москвы по сие время неисчислима... В разных атаках и в сражениях под Вязьмою и Дорогобужем взято знамен 5, орудий 26, более 3000 пленнх, в том числе 2 генерала, 3 полковника, более 30 офицеров, убитыми со стороны неприятеля и рапеными — 10 000»³¹.

В печати время от времени появляется информация, относящаяся к судьбе так называемой «московской добычи» Наполеона³². Сообщалось, что будто бы золото и драгоценности лежат на дне Семлевского озера и что там уже несколько лет ведутся поиски «клада Наполеона», в котором принимают участие электроразведочный, геофизический, сейсмокаротажный отряды и группа аквалангистов³³.

О том, что Наполеон по дороге от Вязьмы к Дорогобужу вынужден был бросить часть трофеев, вывезенных им из Москвы, историкам, изучавшим войну 1812 года, известно давно. Еще в 1824 г. генерал Сегюр — адъютант Наполеона, человек, безусловно сведущий, писал в своих воспоминаниях, что Наполеон, остановившись в Семлеве, решил разгрузить свой обоз; ему «пришлось бросить в Семлевское озеро вывезенную из Москвы добычу: пушки, старинное оружие, украшения Кремля и крест с Ивана Великого»³⁴.

Об этом сообщали и другие участники похода. Неизвестно было другое: что именно Наполеон сбросил в Семлевское озеро — пушки или золото, старое оружие или серебро и бриллианты, или то и другое? Полагают, что на дне озера лежит много золота, серебра и драгоценностей. Это утверждение вызывает сомнение, так как после Вязьмы еще не наступил кризис в наполеоновской армии и Наполеон рассчитывал еще взять реванш. Поэтому не было необходимости сбрасывать в озеро сразу все: и пушки, и золото. В первую очередь освободились, види-

мо, от наиболее громоздких предметов: от орудий, к которым недоставало боеприпасов, и от старинных ружей, взятых в музеях, наиболее же ценные трофеи (золото, бриллианты) могли остаться еще в обозе. Ведь захватили же русские войска 5 ноября в бою под Красным (через три дня после Семлева) обоз корпуса Даву с трофеями, среди которых находилось золото и драгоценности. В атаке против колонны Даву принимал участие лейб-гвардии Уланский полк, которому трофеем досталось французское золото и серебро. Кто именно первым завладел фургоном с золотой казной (31 тыс руб. ассигнациями)³⁵, полковыми историками не выяснено, но что золото это стало достоянием полка, видно из того, что 31 тыс руб. ассигнациями поступила в полковую артель и составила особый «Красненский капитал», из которого каждый «нижний чин», участвовавший в деле 5 ноября, при выбытии из полка награждался 50 руб.

В стычках и боях, имевших место по пути отступления французской армии от Смоленска до Березины, в руки русских не раз попадали обозы с награбленными вещами и ценностями. По всей вероятности, отступая, противник «разгружался» и прятал награбленные ценности. Но где именно спрятана «московская добыча», сказать трудно³⁶.

Чем дальше продвигалась русская армия, тем более возникало трудностей. Уже после Вязьмы в донесениях Милорадовича встречаются такие фразы, как «пехота некоторым образом устала», а после Дорогобужа Платов уже с тревогой сообщал Коновницину: «У нас такая беда по недостатку хлеба, что не могу описать нужды, какую терпят военнослужители, не имея ни малейших средств к достижению себе оного, сколько за непрерывным занятием по службе, столько и по неимению, как при большой дороге, так и по сторонам, в фураже также терпят нужду, но кое-как довольствуют лошадей соломою, и лошади приметно изнуряются»³⁷.

Естественно, что при том стремительном преследовании противника, которое развернулось, за армией не поспевали ни войсковые обозы, ни подвижные магазины с продовольствием и фуражом. Пока войска питались за счет десятидневного запаса, выданного на руки и в ротные обозы еще в Тарутине, недостаток в продовольствии и фураже особенно не ощущался, но как только этот запас был израсходован, продовольственная проблема возникла снова.

Эти трудности вызвали ряд дополнительных мероприятий по обеспечению армии продовольствием и фуражом. В Смоленской губернии были созданы команды по сбору печеного хлеба и крупы. При этом в открытом листе, который выдавался начальнику команды, населению предписывалось: «Без малейшего прекословия, у кого есть готовый печеный хлеб, давать с каждой души по три хлеба, а у кого нет, тотчас спечь, а у кого нет муки, тем молотить и печь хлебы»³⁸.

Несмотря на недостаток продовольствия, русская армия безостановочно гнала наполеоновские войска. Дорога отступления была усеяна трупами французских солдат. Браг бросал обозы, артиллерию, оружие.

В нашем распоряжении имеется черновик письма (фотокопия) Наполеона маршалу Бертье от 26 октября (7 ноября) 1812 г., в котором он выражает беспокойство за судьбу армии:

«Дорогой кузен!

Напишите сейчас же герцогу Беллуно следующее письмо: „Ваше письмо от 2-го ноября я показал императору. Его Величество приказывает, чтобы Вы собрали Ваши десять дивизий, без промедления атаковали противника и отбросили его за Двину, с целью возвратить Полоцк.

То же самое Вы должны были уже получить шифром № 2 (эта фраза перечеркнута Наполеоном.— П. Ж.).

Ш и ф р о м

Этот маневр чрезвычайно важен. Через каких-нибудь несколько дней этот последний (имеется в виду Полоцк.— П. Ж.) может быть буквально затоплен казаками. Армия императора должна быть завтра в Смоленске, но очень утомлена безостановочным переходом в 120 мь. Начинать наступление (опередите их), от этого зависит спасение армии. Каждый день промедления грозит несчастьем. Кавалерия идет пешком. Погода оказалась сильнее, чем лошади. Вперед, это приказ императора, это диктуется необходимостью“.

Пошлите это письмо генералу Шарпантье с эстафетой, которая через час будет отправлена с офицером к герцогу Беллуно (маршалу Виктору.— П. Ж.).

Наполеон

Михайловка, 7 ноября 1812 года» (Correspondance de Napoléon I-er, publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III. P., 1858. T. 24. P. 302).

В Смоленск Наполеон прибыл 28 октября. Целую неделю к городу подходили измученные, наполовину разбитые корпуса наполеоновской армии. В ее рядах осталось не более 50 тыс солдат и офицеров. Большинство корпусов сохранило только свое название. Достаточно сказать, что в корпусах Жюно и Понятовского под ружьем находилось по 700—800 солдат. Конницы оставалось не более 5 тыс, причем сюда входили и остатки всех четырех резервных кавалерийских корпусов.

Надежды Наполеона найти в Смоленске продовольствие не осуществились. Запасы его оказались крайне незначительными. Их хватило при самых минимальных нормах выдачи всего на несколько дней.

После четырехдневного пребывания в Смоленске Наполеон, не дав как следует отдохнуть своим войскам и не успев привести их в порядок, решил отступать дальше, на запад. Столь поспешное оставление Смоленска, с которым у Наполеона были связаны мечты о создании новой армии и новом походе на Москву, свидетельствует о том, что эти планы оказались переальными.

Трагизм положения состоял в огромнейших потерях армии и в невозможности подкрепить ее свежими силами. Корпуса маршала Виктора, на который возлагались большие надежды, в Смоленске не оказалось. Дивизия, недавно прибывшая из Франции, была разбита партизанскими отрядами, а ее двухтысячный авангард вместе с бригадным генералом Ожеро, попав в окружение, сдался в плен. Лучшие корпуса французской армии (Даву, Богарне, Мюрата), измотанные в многодневных боях, уже не представляли серьезной силы. И если в Семлеве и Дорогобуже Наполеон ободрял своих маршалов надеждой на создание прочной позиции у Смоленска и прекращение дальнейшего отступления, то теперь вся бесплодность этих мечтаний стала очевидной. Ни о каком серьезном сопротивлении уже нельзя было думать.

Уходить из Смоленска как можно быстрее необходимо было еще и потому, что русская армия и партизанские отряды со всех сторон обложили город, а основные силы русских выходили западнее Смоленска на пути отхода наполеоновской армии и угрожали перерезать все дороги для отступления.

Французская армия выступила из Смоленска пятью эшелонами. 1 ноября по направлению к Красному двинулись остатки корпусов Жюно и Понятовского, через день — гвардейские части во главе с Наполеоном,

3 ноября — корпус Богарне, 4 ноября — остатки корпуса Даву и, наконец, 5 ноября — корпус Нея. Покидая город, французы подожгли дома и взорвали древние укрепления города.

Почти целую неделю шли колонны французских войск и обозы по дороге к Красному на Оршу. Установленные Наполеоном интервалы между ними вызывались его желанием предоставить возможность войскам в связи с наступавшими холодами располагаться на отдых в населенных пунктах. Однако, расчленив армию на отдельные, изолированные друг от друга эшелоны, Наполеон тем самым невольно создал благоприятные условия для ее уничтожения по частям.

Русские не замедлили воспользоваться этим. Войскам Милорадовича, повернувшим от Соловьевой переправы на Ляхово и теперь уже обходившим Смоленск с юга, 1 ноября (т. е. в тот день, когда вышел из Смоленска первый эшелон французских войск), Кутузов приказал немедленно двинуться к дороге Смоленск—Красный и преградить пути отхода противнику. Сюда же были направлены казачьи полки Орлова-Денисова и партизанский отряд Давыдова.

Главные силы русской армии (3, 5, 6 и 8-й пехотные корпуса) 2 ноября выступили из Щелканова и двинулись к Красному, наперерез армии Наполеона. 4 ноября они уже находились в 4 километрах юго-восточнее Красного и расположились лагерем между селами Шилово и Новоселки. Войска Милорадовича вышли к столбовой дороге и, заняв фланговое положение по отношению к колоннам противника, открыли по ним огонь. 3 ноября в районе Ржавки войска Милорадовича напали на арьергард гвардии, нанесли ему чувствительный урон и взяли в плен 2 тыс. французов с 11 орудиями.

В то же время войска генералов Бороздина и Орлова-Денисова, действуя по проселочным дорогам, прилегавшим к основному тракту, уничтожали и захватывали в плен отдельные группы войск противника. «Сего числа, — сообщал Орлов-Денисов 1 ноября, — взято в плен до 400 человек, побито более 500 человек»³⁹. В тот же день генерал Бороздин доносил в штаб Кутузова о том, что отряд французских войск, «состоящий из 700 человек, после сильного сопротивления частью побит и взят в плен, так что ни одного не ушло»⁴⁰. Партизанские отряды Давыдова, Сеславина, Фигнера совершали налеты на колонны противника по дорогам от Смоленска к Крас-

ному и далее к Орше, доставляли Кутузову ценные сведения о состоянии наполеоновской армии, разбрасывали на путях отхода французских войск прокламации к наполеоновским войскам, изготовлявшиеся в штабе Кутузова⁴¹.

Наполеон, прорвавшийся с гвардией к Красному, понял допущенную им ошибку, приостановил дальнейшее движение войск и стал ожидать присоединения всех вышедших из Смоленска эшелонов, безуспешно пытаясь оттеснить от дороги войска Милорадовича.

Кутузов, используя создавшуюся обстановку, решил атаковать растянувшиеся по дороге колонны французов, воспрепятствовать их соединению и перерезать путь отхода от Смоленска к Красному и из Красного — к Орше. С этой целью армия была разделена на три отряда. Отряд под командованием генерала Торماسова в составе 5, 6 и 8-го пехотных корпусов и 1-й кирасирской дивизии получил задачу утром 5 ноября выступить из села Шилово и, обходя Красный с юга, через Сидоровичи, Кутьково, Сорокино выйти к Доброму, в тыл французской армии, перерезать дорогу и закрыть пути отхода к Лядам.

Отряд Милорадовича в составе 2-го и 7-го пехотных и 2-го кавалерийского корпусов, скрытно расположившись у сел Мерлино и Ржавка, должен был пропустить корпус Даву к Красному и затем выйти ему в тыл.

Отряд под командованием Д. В. Голицына в составе 3-го пехотного корпуса и 2-й кирасирской дивизии, выдвинувшись к деревне Уварово, должен был атаковать противника в Красном.

«Сего дня (5 ноября.— П. Ж.) предполагается атака на неприятеля, при Красном расположенного,— указывалось в приказе Кутузова Милорадовичу,— три корпуса, отряды Розена и Ожаровского отрезают неприятелю отступной путь и становятся за Красным поперек дороги, между тем 3-й корпус действует прямо на Красный, и чрез него сохраняется коммуникация с Вами. Вы же при приближении неприятеля к Красному не тревожьте его в марше, но как он Вас минет, дабы поставив его между Вашим и нашим огнем, заставить сдаться»⁴².

В результате этих согласованных действий на наполеоновскую армию обрушились удары со всех сторон. Войска генерала Торماسова отрезали дорогу отступления из Красного, войска Милорадовича теснили противника с тыла, а войска Д. В. Голицына наносили удары в центре. Двигавшийся к Красному корпус Богарне был разбит

отрядом Милорадовича; остатки корпуса окольными путями, через леса, добирались до Красного. Генерал Ермолов, находившийся в отряде Милорадовича, сообщал, что «бегущего в расстройстве неприятеля авангард генерала Милорадовича атаковал на большой от Смоленска дороге, при селе Ржавка. Сопротивление было самое слабое, все бежит в ужасе и страхе»⁴³.

Такая же участь постигла и корпус Даву, атакованный внезапно с тыла. В панике французы разбежались по лесам, побросав пушки, обозы и оружие. Попытки Наполеона организовать сопротивление силами своей гвардии и остатками войск разбитых корпусов были безрезультатными. Не дождавшись конца сражения, бросив на произвол судьбы весь корпус Нея, Наполеон проселочными дорогами через лес ускакал со свитой к Лядам и далее в Дубровно.

В сражении под Красным был полностью разгромлен корпус Нея⁴⁴. Выступив из Смоленска 5 ноября, его войска пытались прорваться к Красному, но, встреченные губительным артиллерийским огнем и атакованные русской кавалерией, они понесли огромные потери убитыми, ранеными и пленными. Остатки войск корпуса Нея, побросав знамена, пушки, транспорт, сложили оружие и сдались в плен (всего было пленено более 12 тыс солдат и офицеров). Только незначительной группе войск вместе с маршалом Неем удалось бежать через лес к Днепру, переправиться у Сырокоренья и с большим трудом добраться до Орши.

Трехдневное сражение под Красным закончилось крупнейшим поражением армии Наполеона. Противник потерял более 6 тыс убитыми и 26 тыс пленными, лишился почти всей артиллерии и конницы. Кутузов высоко оценивал результаты этого сражения, в котором, как он указывал, «неприятель понес новое и жестокое поражение, расстройство, в которое он приведен был, почти невероятно»⁴⁵. «Российская армия покрылась неувядаемою славою, ибо в сии дни понес неприятель сильнейшие удары в течение всей кампании»⁴⁶.

Если даже верить французским источникам, то после событий под Красным боевой состав наполеоновской армии исчислялся в 23 тыс штыков, 2 тыс сабель и 30—40 орудий, хотя корпуса и дивизии сохранили свою нумерацию.

Смоленск и Красный подорвали веру «Великой армии» в непогрешимость Наполеона, в его гений. Неудачи, по-

стигшие Наполеона в Смоленске, поспешное оставление Смоленска вселили недоверие к своему полководцу. Весь трудный путь от Малоярославца французских солдат только тем и подбадривали, что обещали с приходом в Смоленск отдых и хорошее питание. Но на деле для них наступили наиболее тяжелые дни. После поражения под Красным положение французской армии еще более ухудшилось. В этом сражении Наполеон сам руководил войсками, и вину за неудачу уже нельзя было переложить ни на Мюрата, ни на Даву, ни на Богарне.

Теперь уже даже для ярых приверженцев Наполеона были очевидны его крупные просчеты в войне с Россией. Вначале Наполеон обещал уничтожить всю русскую армию в первом же генеральном сражении и широко открыть ворота России для победоносного марша завоевателей в Петербург и Москву, позже окончание войны связывалось с овладением Москвой и заключением в столице почетного мира, наконец, отступление к Смоленску объяснялось как необходимый маневр — отход к крупной базе, откуда армия начнет новое наступление и доведет войну до победоносного конца. Все эти планы рухнули. После событий под Красным Наполеона уже осуждали открыто. «Проклятия армии этому человеку,— писал Кутузов вскоре после Красного,— когда-то великому, а теперь ничтожному, поистине ужасны. Меня уверяют даже, что, проклиная его, благословляют мое имя за то, что я сумел справиться с таким чудовищем»⁴⁷.

Великий русский баснописец И. А. Крылов в 1812 г. сочинил басню «Волк на псарне». Она получила широкую известность в народе и армии, так как в ней выражены патриотические чувства всего народа, стремление до конца сражаться с иноземными захватчиками. Современники утверждают, что после сражения под Красным Кутузов прочитал эту басню собравшимся вокруг него офицерам и при словах: «Послушай-ка, сосед,— тут ловчий перервал в ответ,— ты сер, а я, приятель, сед», он снял свою шапку и показал на свою седую голову.

Задумываясь над положением Наполеона, Кутузов писал в письмах жене из-под Смоленска и Красного: «Сегодня я много думал о Бонапарте, и вот что мне показалось. Если вдуматься и обсудить поведение Бонапарта, то станет очевидным, что он никогда не умел или никогда не думал о том, чтобы покорить судьбу... Бонапарте неузнаваем. Порою испытываешь соблазн поверить в то, что он уже больше не гениален»⁴⁸.

Мужественная, героическая борьба русского народа и его армии против захватнической наполеоновской армии давала блестящие результаты. Не прошло и месяца со времени выхода 100-тысячной французской армии из Москвы, а она уже лишилась большей части своего состава, оставила Смоленск и, понеся тяжелый урон в сражении под Красным, спешила к Орше, чтобы спастись от надвигавшейся катастрофы.

Внимательный читатель обратит внимание на большое количество документального материала, приведенного автором в этой главе. Они неопровержимо убеждают, что не морозы и голод истощили «Великую армию», а сила и натиск русского оружия.

В самые кризисные, безвыходные условия попадали наполеоновские войска на пути от Малоярославца до Березины, в результате настигавших их русских авангардных войск, ударов, наносившихся конницей, пехотой, артиллерией, партизанами, ополченцами. Так было в боях между Можайском и Гжатском, в ожесточенном сражении под Вязмой, в боях в районе Ляхова, на переправе через реку Вопь, у Дорогобужа и Смоленска и, наконец, в трехдневном сражении под Красным.

Автор считал необходимым подробно изложить ход этих событий, привлечь к ним внимание читателя еще и потому, что уже слишком извращенно они освещались раньше, да и сейчас изображаются в ложном свете в буржуазной зарубежной исторической и художественной литературе. Во многих изданиях нарочито проводится мысль, что отступавшая наполеоновская армия погибла в России от постигших ее страшного холода и голода, что она просто растаяла в безбрежном пустынном пространстве. Все это, разумеется, вымыслы, и во имя исторической правды давно пора бы от них отрешиться.

Глава тринадцатая

БЕРЕЗИНА

1

После всех тяжелых потрясений, особенно после событий у Красного, все мысли Наполеона были направлены на спасение остатков своих войск, на поиск путей выхода из кольца, которое все больше и больше сжималось вокруг его некогда «Великой армии».

Из Орши, где сосредоточивались французские войска, можно было отступать по трем направлениям: либо идти на соединение с войсками Виктора и Сен-Сира, переправиться через Березину севернее Борисова и далее продвигаться к Вильне; либо двинуться на юг, в обход Борисова; либо продолжать отступление по кратчайшему пути через Борисов. Наполеон избрал последний путь. Собрав в Орше остатки своей армии и произведя наспех кое-какие переформирования, 8 ноября 1812 г. он выступил с гвардией к Борисову. На следующий день оставили город остальные войска, разрушив за собой мост и переправы через Днепр.

К этому времени русская армия, ранее разделенная огромным пространством и действовавшая на отдельных направлениях, соединилась в одном районе и направляла свои усилия к одной цели — окончательному уничтожению остатков наполеоновской армии.

Наступление русской армии, по замыслу Кутузова, должно было завершиться окружением противника. Выполнение такой сложной для того времени стратегической задачи силами армий, действовавших на обширном пространстве, безусловно, требовало исключительно тщательной организации взаимодействия в широком масштабе, выдвигало проблему координации действий вооруженных сил России.

Еще находясь в Тарутине, Кутузов стремился переключить часть сил, действовавших на второстепенном направлении, на выполнение главной задачи. Большие надежды в этом отношении возлагались на 3-ю Западную армию, в которую влились значительные силы войск, высвободившихся после заключения мира с Турцией. Чичагов неоднократно получал приказания Кутузова перебросить главные силы на московское направление, выйти в

тыл наполеоновской армии, а не топтаться на одном месте и «охранять» австрийский корпус Шварценберга, который никуда и не пытался наступать.

В период изгнания агрессора Кутузов стремился координировать силы всех армий и партизанских отрядов и направлять усилия войск и партизан на решение главной задачи — уничтожения основной группировки противника.

Защищавший петербургское направление корпус Витгенштейна после усиления его петербургским ополчением и прибывшими из-под Риги войсками Штейнгеля представлял серьезную силу. В начале октября Витгенштейн перешел в наступление и после упорного боя с французским корпусом Сен-Сира 7(19) октября овладел Полоцком. Переправившись через Двину и тесня французов на юг, войска корпуса Витгенштейна продвинулись к Лепелю и заняли его. В боях, происходивших в конце октября и начале ноября, войска Витгенштейна нанесли поражение французским войскам Виктора и Удино (он командовал войсками после ранения Сен-Сира), заняли Чашники и продвинулись к Черее. Таким образом, французские войска Виктора и Удино были отброшены к дороге Орша—Борисов. Корпус Витгенштейна, заняв выгодный рубеж, нависал над противником с севера и закрывал ему в этом направлении все пути для отступления.

Узнав о благоприятном для русских исходе боя при Чашниках, Кутузов 22 октября предписал Витгенштейну: «После сего удачного сражения вижу я, что действия наши сообразны будут общему плану, мною утверждённому... направляясь через Лепель на Борисов... Когда же достигнете Вы сего пункта, полагаю я, достаточно будет корпуса генерал-лейтенанта Штейнгеля следовать за маршалом Сен-Сиром и наблюдать движения его; а Вам, сообразуясь с моими движениями, сближаться к Днепру»¹.

В то же время Кутузов информировал Чичагова об успешных действиях главных сил и корпуса Витгенштейна: «Сколь бы полезно было, если бы и Вы, как можно поспешнее оставя обсервационный корпус против австрийских войск, с другою частью обратились в направлении через Мицк на Борисов»².

Следовательно, Кутузов заранее предусматривал применение наиболее сложной формы борьбы — стратегического окружения наполеоновской армии совместными си-

лам русских войск³. Выполнение этой задачи кроме четкого взаимодействия армий требовало целеустремленности в действиях, чего не было вначале со стороны Чичагова. В то время как главная группировка русской армии в чрезвычайно тяжелых условиях при максимальном напряжении сил несла основную тяжесть борьбы с противником, войска Чичагова около месяца были прикованы к корпусу Шварценберга. Такая пассивность, нерешительность и невыполнение приказов главнокомандующего со стороны Чичагова имели крайне отрицательные последствия. Кутузов, зная о личной переписке Чичагова с царем, писал Александру I: «Весьма желательно, чтобы адмирал Чичагов, обеспечивая себя с той стороны от неприятеля, мог бы стремиться к цели действия всех армий»⁴. В письме же своему старому знакомому Д. П. Трощинскому Кутузов писал прямо: «Адмирал, который имеет сильную армию, должен бы действовать на сообщения неприятельские и тем способствовать мне, но он так что-то скромн, что не рапортует мне о том, что делает»⁵.

После оставления противником Смоленска, когда от Чичагова по-прежнему не было известий, Кутузов писал 1 ноября Витгенштейну: «Я полагаю, что главное поражение, которое неприятелю нанести можно, должно быть между Днепром, Березиною и Двиною, и для того содействие Ваше в сем случае необходимо, ибо отдаленность адмирала Чичагова так велика, что он более имеет удобства расстроить Виленскую конференцию, нежели участвовать в поражении главной неприятельской армии»⁶.

В этом документе наиболее отчетливо изложены два основных положения о характере предстоящих военных действий. Во-первых, исходя из сложившейся обстановки, Кутузов рассчитывал вполне возможным нанести окончательное поражение противнику до Березины и, во-вторых, полагал, что эта задача может быть выполнена главными силами русской армии и корпусом Витгенштейна. Очевидно, Чичагов, поощряемый царем, упорно не хотел выполнять приказы Кутузова и своим бездействием в известной степени тормозил и срывал реализацию замысла по окружению и разгрому отступавшего врага. Если бы Чичагов и Витгенштейн своевременно выполнили распоряжение Кутузова и первый перебросил свои основные силы через Могилев к Смоленску, а второй также вышел к берегам Днепра, то нет никаких сомнений

в том, что окончательная развязка наступила бы значительно раньше Березины и Вильно, с меньшими жертвами и усилиями русской армии и народа.

Для того чтобы осуществить окружение, требовалось организовать четкое взаимодействие и управление войсками. В то время это было довольно сложной проблемой: отсутствие технических средств связи было прямым тормозом в успешном ее решении. Основным средством связи тогда были курьеры. Несточность и несвоевременность получения сведений о положении своих же войск приводили иногда к несогласованным действиям армии. Так было под Вязьмой. Кутузов в донесении царю сообщал по этому поводу 26 октября: «Я близко трех дней не мог получить от авангарда сведения, потому что неприятель бегущий рассыпался по сторонам дороги, и, наконец, также ложное известие, будто бы генерал Милорадович после сражения с неприятелем под Вязьмою должен был отступить; сии обстоятельства остановили меня на 8 часов, и армия не могла приблизиться к Вязьме»⁷.

В последующем с целью улучшения управления и организации взаимодействия войск Кутузов добивался более четкой организации службы связи, требуя от командиров авангардов, отрядов систематической информации. Кутузов ввел как основной документ письменное донесение, которое следовало представлять два раза в день с обязательным указанием места, числа и часа отправки.

После сражения под Красным были перегруппированы войска, созданы новые отряды для преследования, установлена связь с войсками Витгенштейна и Чичагова. В целях координации действий по окружению противника организовано взаимодействие армий. 6 ноября Кутузов приказал Чичагову: «Поспешите к общему содействию, и тогда гибель Наполеона неизбежна, весьма необходимо открыть скорое сношение между Вашей и главною армиями через Копысь, Староселье, Шепелевичи, Гродзянка, Минск... Содействие всех наших сил может нанести неизбежную гибель Наполеону»⁸. Витгенштейну 7 ноября Кутузов указывал на необходимость взаимодействия с ближайшими войсками: «Действия Ваши на правый фланг неприятеля удобны и подкреплены будут генералом Платовым и генерал-адъютантом Кутузовым, коим даны нужные наставления»⁹.

В результате проведенных мер открывалась возможность окружения и окончательной ликвидации противника на Березине.

30-тысячная армия Чичагова 10 ноября подошла наконец к Борисову. Ее авангардные войска вступили в жаркий бой с 4-тысячным отрядом Домбровского, охранявшим предместное укрепление, нанесли ему тяжелое поражение, взяли около 2 тыс человек в плен и овладели переправой. Армия Чичагова заняла Борисов и правый берег Березины от Зембина до Уши, закрыв пути отступления французской армии на запад и юго-запад.

С подходом к Березине войск Чичагова и Витгенштейна в районе Борисова образовался «мешок», в который русские войска и партизаны загопiali французскую армию, тесня ее с востока. В центр «мешка» были выдвинуты все подвижные силы: авангард Милорадовича, состоявший из двух корпусов, одной кавалерийской дивизии и четырех казачьих полков, отряд генерала Платова с 15 казачьими полками и 12 батальонами пехоты; авангард генерала Ермолова из 14 батальонов пехоты и 2 полков кирасиров; отряд генерала Бороздина с 6 кавалерийскими полками. Кроме того, для действий на флангах были выделены: отряд генерал-адъютанта Кутузова (на правом фланге) и партизанские отряды Сеславина, Давыдова, Ожаровского (на левом фланге). «Таким образом, — доносил Кутузов царю, — все сии значущие силы непременно должны поражать неприятеля еще до переправы через Березину или по крайней мере при переправе»¹⁰.

Войска Наполеона были зажаты в треугольнике Толочин—Черей—Лошница. К вечеру 10 ноября главные силы французов находились в Толочине и Бобре, 10-тысячный авангард Удино — у Лошницы, корпус Виктора — в районе Черей. Французская армия оказалась окруженной со всех сторон. На следующий день кольцо окружения сжалось еще больше. Наполеон с гвардией перешел в село Бобр. На расстоянии одного перехода от арьергарда французской армии находились войска Платова, Ермолова и Милорадовича.

Чичагов, стремясь соединиться с войсками Витгенштейна, утром 11 ноября направил по дороге к Лошницам 3-тысячный отряд под командой генерала П. П. Палена. В то же утро навстречу ему выступил из Лошниц по направлению к Борисову авангард Удино, получивший приказание Наполеона во что бы то ни стало овладеть переправой у Борисова. Произошла неожиданная встреча авангардов. Войска генерала Палена, двигавшиеся без достаточных мер охранения, были атакованы

французским авангардом и отброшены к Борису. Внезапное появление крупных сил французских войск у Борисова, их стремительная атака вызвали растерянность у адмирала Чичагова, переоценившего силы противника и поспешившего отвести войска на правый берег Березины.

Потеря Борисова и отход войск Чичагова на правый берег Березины открывали возможность Наполеону вырваться из окружения и переправиться через Березину. Маршал Удино получил приказание удерживать Борисов и начать постройку переправ севернее города у деревни Студенки. Сюда же срочно были направлены войска, саперы и инженеры для подготовки переправы. Для наблюдения за работами выехали Мюрат и Мортье. 16 ноября в Борисов прибыл Наполеон с гвардией.

Французы внушили Чичагову мысль, что они собираются переправляться ниже Борисова, где-то в районе Ухолод. Была проведена ложная демонстрация в этом направлении: передвигались французские войска с обозами, строительными материалами. Одновременно днем и ночью шли работы по подготовке к наведению двух мостов у Студенки.

Наполеон внимательно следил за действиями 3-й Западной армии. Его все время мучил вопрос: удастся ли ему ввести Чичагова в заблуждение, догадается ли он о ложном маневре к югу? Останется ли его армия у Борисова или уйдет к Ухолодам? От этого зависела судьба французских войск.

Чичагов, простояв три дня против Борисова, к великой радости Наполеона 13 ноября двинулся с основными силами к Забашевичам, что в 25 километрах на юг от Борисова, оставив в Борисове малочисленный отряд генерала Чаплица, а у Студенки—два батальона пехоты и три казачьих полка под командованием генерала Корнилова.

Ошибка Чичагова облегчала положение французской армии. Наполеону удалось построить два моста через Березину и начать переправу войск. Но переправить армию, обоз и многочисленную безоружную толпу, следовавшую за армией, Наполеон все же не успел. Войска Платова, Ермолова, Витгенштейна и партизаны Сеславина, почти одновременно подошедшие к Березине, 15 ноября овладели Борисовом. Войска Витгенштейна после упорного боя взяли в плен 7-тысячную дивизию Партуно. К Березине прибыли передовые войска Кутузова, корпус

Витгенштейна, партизанские отряды, возвратились к Борису войска Чичагова. Завязались бои на обоих берегах Березины.

16 ноября на правом берегу Березины войска Чичагова совместно с отрядом Ермолова и казаками Платова атаковали переправившиеся сюда французские войска Удино и Нея (около 12 тыс человек). На левом берегу против прикрывавшего переправу корпуса Виктора перешел в наступление Витгенштейн. Упорный бой продолжался до позднего вечера, и лишь ночью войскам корпуса Виктора удалось переправиться на правый берег Березины.

Кутузов так доносил царю о причинах, которые позволили остаткам наполеоновской армии выйти из окружения: «Сия армия, можно сказать, 12, 13 и 14 числа ноября находилась окруженная со всех сторон. Река Березина, представляющая натуральную преграду, господствуема была армиею адмирала Чичагова, ибо достаточно было занять пост при Зембине и Борисове (пространство 18 верст), чтобы воспрепятствовать всякому переходу неприятеля. Армия Витгенштейна от Лепеля склонилась к Борису и препятствовала неприятелю выйти с сей стороны. Главный авангард армии Платова и партизаны мои теснили неприятеля с тыла, тогда как главная армия шла в направлении между Борисовом и м. Березином с тем, чтобы воспрепятствовать неприятелю, если бы он восхотел идти на Игумен. Из сего положения наших армий в отношении к неприятельской должно бы полагать неминуемую гибель неприятельскую; незанятой пост при Зембине и пустой марш армии Чичагова к Забашевичам подали неприятелю удобность перейти при Студенке»¹¹.

Вырвавшись из окружения с жалкими остатками своих войск, Наполеон вынужден был бежать из России. Рано утром 17 ноября, сопровождаемый поредевшей гвардией, он помчался к Зембину, не обращая внимания на крики многотысячной толпы французских солдат, оставшихся на левом берегу Березины. Через неделю, добравшись до Сморгони, Наполеон, оставив войска под командованием Мюрата, отбыл в Париж.

Потери французской армии на Березине были чрезвычайно велики. Указать их точную цифру невозможно. Считается, что к Березине подошло 40 тыс вооруженных солдат, потери противника убитыми, ранеными и пленными составляли около 30 тыс человек. Уже на третий

день после переправы французская армия насчитывала только 9 тыс человек. Как военная сила наполеоновская армия уже перестала существовать. Прибыв 10 декабря 1812 г. в Вильно, Кутузов с полным правом имел возможность оповестить народ и армию: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля»¹².

2

В исторической литературе имеются самые противоречивые, порой ошибочные высказывания о причинах гибели армии Наполеона. Как в общеисторических работах, так и в специальных исследованиях нередко искажается характер боевых действий русской армии в этот важнейший период войны. Некоторые иностранные и русские буржуазные историки изображали события, последовавшие после Малоярославца, как «добровольное» отступление наполеоновской армии, вслед за которой медленно двигались русские войска. Кутузов же, по утверждению этих историков, не желал больше давать ни боев, ни сражений и в силу своей нерешительности предоставил возможность Наполеону спокойно отводить войска.

Кутузова нередко обвиняют в сознательном стремлении строить противнику «золотой мост», т. е. дать возможность армии Наполеона спокойно уйти из России. Некоторые русские историки (М. И. Богданович, В. И. Харкевич) при оценке стратегии Кутузова объясняли его нежелание дать генеральное сражение французам боязнь русского полководца встретиться с Наполеоном, другие (Д. П. Бутурлин, А. И. Михайловский-Данилевский) — стремлением достигнуть победы малой кровью.

Наибольшее хождение в советской историографии получила теория «золотого моста», пущенная в ход англичанином Р. Вильсоном. Как уже известно, этот представитель английского правительства при штабе главнокомандующего русской армии постоянно вмешивался в дела, связанные с военными действиями, стремясь навязать Кутузову свои предложения. Вильсон в одной из своих книг, посвященных войне 1812 года, пишет, что Кутузов якобы следующим образом мотивировал свое несогласие на предложение его об активизации действий: «Ваши соображения меня не убеждают. Я лучше желаю построить „золотой мост“ (pont d'or), как вы называете, моему неприятелю, нежели поставить себя в такое положение, чтобы получить coup de collier (сделать большое

усилие). Сверх того, я опять повторяю то, что уже несколько раз Вам говорил, что я вовсе не убежден, будет ли великим благодеянием для вселенной совершенное уничтожение Наполеона и его войска. Наследство после него не попадет в руки России или какой-нибудь иной из континентальных держав, но достанется той державе, которая уже завладела морями, и тогда ее владычество будет неоспоримым»¹³.

Другой английский историк, полковник Г. Д. Гутчинсон, развивая взгляды Вильсона на события в войне 1812 года, писал: «Кутузов часто доводил свою осторожность до крайности, достойной порицания. В Вязьме, под Красным, на Березине и в других случаях решение исхода дел было в его руках, но эти удобные моменты были пропущены благодаря излишней осторожности, которая объяснялась благоразумием пожилого человека, ставшего робким и нерешительным»¹⁴.

Приходится лишь удивляться, что нарочито тенденциозные писания сэра Роберта Вильсона и поныне в Англии кое-кем считаются чрезвычайно ценными свидетельствами не только для современников, но и для будущих поколений. Об этом можно судить и по тому, что его «Личный дневник кампаний 1812, 1813 и 1814 гг.» не так давно вновь издан в Лондоне под редакцией Энтони Бретт-Джеймса. Редактор представляет читателю книгу как достоверное изложение русской кампании, а автора — как принципиального и авторитетного свидетеля тех событий.

Профессор Сэндхэртского военного колледжа Д. Чэндлер — автор уже упоминавшейся большой работы «Кампании Наполеона», выступил с докладом на Московском конгрессе историков (1970 г.): «Русская армия в кампаниях 1807 и 1812 гг. Личные впечатления английского генерала». Весь его доклад был построен на высказываниях сэра Роберта Вильсона.

Ссылаясь на «Дневник» Вильсона, в докладе делались попытки изобразить русских офицеров безвольными, ленивыми людьми, совершенно не заслуживающими доверия. По-прежнему извращается полководческая деятельность Кутузова, широко распространяется мнение, будто этот хитрый, медлительный главнокомандующий преднамеренно уклонялся от сближения с французами.

Правда, Д. Чэндлер не во всем соглашается с Вильсоном, поскольку считал его несколько сумасбродным человеком. Однако Д. Чэндлер, как и его коллега Бретт-

Джеймс, полагает, что все написанное Вильсоном служит широкой и, вероятно, самой важной источниковой базой в Англии для исследования войны 1812 года. Сам же Вильсон изображается чуть ли не как «друг» России и ее народа.

Это серьезное заблуждение. И утверждать, будто бы Вильсону по праву принадлежит заслуга в том, что он дал англичанам незабываемую картину жизни офицеров и солдат русской армии,— это значит дезориентировать английского читателя, представлять события войны 1812 г. в кривом зеркале. Да и сам Д. Чэндлер, вероятно, убедился в этом, когда его взгляды встретили обоснованные возражения советских специалистов, и он вынужден был отмежеваться от Вильсона¹⁵.

Фальсификация Вильсоном и другими характера войны 1812 года, особенно ее последнего этапа, связанного с уничтожением наполеоновской армии, имела далеко идущие политические цели. Английские политики и дипломаты, обеспечившие Великобритании после разгрома Наполеона безраздельное господство на морях, в колониях и влияние в Европе, стремились показать миру решающую роль Англии в разгроме армии Наполеона и ограничить роль России только защитой национальных интересов. С этой целью были использованы все средства, в том числе и прямое искажение исторических событий.

Среди них широкое распространение получила теория «золотого моста». Усматривая в действиях Кутузова какую-то «хитрую политику», ее авторы утверждают, что Кутузов не хотел догонять Наполеона и ничего с ним поделаться было нельзя¹⁶. Он якобы уже в Тарутине замыслил строить «золотой мост» Наполеону, рассчитывал, не тратя напрасно сил, покончить с ним холодом и голодом. Конечно, полководец принимал в расчет эти факторы. Но не они были главными.

Авторы, писавшие о походе Наполеона в Россию, распространяли эту версию, основываясь на сообщениях, исходивших главным образом от самого Наполеона (вспомните его 29-й бюллетень), от тех, кто стремился не запятнать полководческий талант Бонапарта и величие его армии, объяснить постигшую катастрофу непредвиденным «случаем», суровостью русского климата.

Но весьма примечателен и тот факт, что в последнее время под влиянием исследований советских историков и публикаций из русских архивов в зарубежной историче-

ской литературе появились работы, в которых прежняя версия подвергается критике. Уже упоминавшийся выше английский историк Давид Чэндлер, подробно рассматривая причины поражения наполеоновской армии в России в 1812 году, пришел к выводу: «Очень часто катастрофа Наполеона объясняется именно природными условиями, однако в целом — это ошибочная интерпретация. Нельзя считать, что русская зима сыграла какую-то большую роль в его неудаче. Наполеон потерпел серьезные поражения еще до наступления сильных морозов, они лишь усугубляли обрушившиеся на него бедствия. Сам по себе мороз не являлся решающим фактором, определявшим его стратегическое поражение. Наполеон пытался оправдать потери своей армии ссылками на погоду, но преследовал при этом пропагандистские цели. „Моя армия понесла некоторые потери, — уклончиво признавался он, выступая перед сенатом 20 декабря, — но случилось это из-за преждевременной суровости времени года“. Эти слова и тон 29-го бюллетеня создали почву, на которой возник известный исторический миф. Фактически армия Наполеона понесла такой же ущерб от знойного русского лета, как и от зимних морозов. Десятки тысяч кавалерийских и артиллерийских лошадей пали задолго до вступления Наполеона в Москву. Десять тысяч солдат выбыли из строя из-за болезней и изнуряющей жары до Бородинской битвы. Жаркая погода июля и августа в такой же мере способствовала поражению Наполеона, как и морозы ноября и декабря... Настоящая зима началась только с 4 декабря, когда температура упала на много градусов ниже нуля. К этому времени «Великая армия» выглядела лишь жалкой тенью своего первоначального могущества. Нельзя, однако, и отрицать, что мороз усугублял бедствия последней стадии отступления, когда стратегический исход кампании был давно уже определен»¹⁷.

С такой же категоричностью отрицает версию о решающем значении русского климата в гибели наполеоновской армии и французский историк Эмиль Терзен, автор книги «Наполеон». Анализируя причины поражения Наполеона в России, полемизируя с французскими писателями, он заявляет: «В этом вопросе в литературе бытует широко распространенное упрощение: „Сильные холода все сковали и победили“, — говорит Виктор Гюго. Великая армия была побеждена и разбита генералом Мороз, говорят одни, генералом Зимой, говорят другие.

Русских такое объяснение обижает, и вполне обоснованно, потому что оно преуменьшает усилия их солдат и мужество русского населения». И далее, говоря об армии Наполеона, он пишет: «Это была армия уже побежденная (каковы бы ни были состояние и боеспособность некоторых ее подразделений), когда она начала свой отход; армия, которая не испытывала еще холода, но была уже голодна, дисциплина и доверие ее уже сильно поколеблено, национальная сплоченность ее была сведена до нуля. То, что холод значительно ухудшил и без того тяжелое положение, было бы неправильным не учитывать, но это не было определяющим и не являлось действительной причиной поражения»¹⁸.

Каждый, кто добросовестно ознакомится с распоряжениями и действиями Кутузова в этот период, может убедиться, что подобные выводы являются результатом неглубокого исследования его полководческого искусства и боевых действий русской армии. Документы показывают всю несостоятельность теории «золотого моста».

Именно в период окончательного разгрома захватнической армии Наполеона боевые действия русских войск, крестьянских и армейских партизанских отрядов носили наиболее решительный, активный характер. «Бонапарт, — писал М. И. Кутузов 29 октября 1812 г., — этот гордый завоеватель, этот современный Ахилл, этот бич рода человеческого... бежит передо мною более трехсот верст, как дитя, преследуемое школьным учителем. Неприятель теряет пропасть людей; говорят, что солдаты, офицеры, даже генералы едят лошадиную падаль... Я бы мог гордиться тем, что я первый генерал, перед которым надменный Наполеон бежит»¹⁹.

Было бы неправильно также изображать все действия русской армии после Малоярославца как параллельное преследование и сводить этот активный вид боевых действий только к пассивному выталкиванию уже неспособного к сопротивлению противника.

Наступление русской армии от начала до конца проходило с величайшим напряжением сил и при неизменно высоком темпе. Расстояние от Малоярославца до Смоленска, равное 330 километрам, русская армия преодолела за 12 дней со средней скоростью 27 километров в день.

Подводя итоги военным действиям 1812 года, офицер квартирмейстерской части Военного министерства полковник П. А. Чуйкевич сделал еще в 1813 г. интересное

сопоставление скорости отхода русской армии и отступления французской армии: «От Немана через Вильну, Дриссу, Витебск, Смоленск, Москву до Малоярославца считается 1213 верст. Российская армия перешла сие пространство в 123 дня; сражалась ежедневно; и во время маршей ни один корпус, отряд или патруль не был истреблен, и ни одно орудие не было потеряно. От Малоярославца через Боровск, Можайск, Смоленск, Оршу, Борисов, Вильну до Ковно считается 985 верст. Французская армия прошла сие пространство в 49 дней; потеряла несколько корпусов, отрядов, всю кавалерию и почти всю артиллерию. Спрашивается, которая из двух армий бежала?»²⁰.

Если принять во внимание даже эти общие цифры, то и тогда средняя скорость наступления русской армии равнялась более 20 километров в день. Такой высокий темп продвижения явился следствием тщательной подготовки, значительного наращивания сил в ходе преследования и обеспечения армии продовольствием.

Одной из отличительных особенностей боевых действий русской армии в период изгнания и разгрома агрессора было сочетание преследования противника с методическим нанесением ему весьма значительных ударов в боях и сражениях. Причем эти столкновения возникали не в результате организованного сопротивления противника, а были следствием активных действий русской армии как по арьергарду, так и по передовым колоннам противника. Кутузов не был против сражений, как это многие утверждали. И там, где сражения были целесообразны, он сам их навязывал противнику. Так было под Вязьмой, у Ляхова, на реке Вопь, у Дорогобужа, под Красным и во многих других местах по пути отступления противника. Значение этих боев состояло в том, что они вырывали у противника наиболее боеспособную часть его личного состава, лишали его кавалерии, артиллерии и подрывали моральное состояние всей армии.

Развивая наступление, русская армия стремилась достигнуть главной цели: уничтожения армии противника, причем не в генеральном сражении (к чему стремилось большинство полководцев того времени), а рядом последовательных сражений и боев, сочетавшихся с широко маневренными действиями конницы и партизанских отрядов. Этими действиями русская армия наносила внезапные удары по армии противника, перехватывала пути отхода, заставляла ее бросать оружие, транспорт, боль-

ных и, окончательно расстроив армию Наполеона, превратила отступление в беспорядочное бегство.

При решении этих задач допускались, разумеется, ошибки, неизбежны были и недочеты. Особенно они проявились, как мы знаем, при планировании и осуществлении взаимодействия между армиями. Наступление таких масштабов требовало строгой координации действий и целеустремленного использования всех сил, в том числе и армии адмирала Чичагова. Несогласованность в действиях армий в значительной степени объяснялась несовершенством средств управления войсками и разведки.

Большие недочеты имелись в работе тыла. Подвижные магазины не всегда поспевали за быстро продвигавшимися войсками, что вызывало перебои в обеспечении продовольствием и боеприпасами. Требовались большие затраты сил, средств и времени для достижения победы над врагом.

Русская армия, перейдя после сражения под Малоярославцем в контрнаступление, развернула успешные наступательные действия, которые продолжались до полного разгрома наполеоновской армии и завершились выходом русских войск к западным границам России.

3

Разгром наполеоновской армии в России потребовал огромнейшего напряжения сил русской армии и народа, моральных и экономических возможностей страны. Русский народ в борьбе с наполеоновской агрессией понес большие жертвы. Разоренные и сожженные города и села, десятки тысяч погибших на войне людей, сотни тысяч крестьян, оставшихся без крова и пищи, были наглядным свидетельством тех бедствий, которые принесла война.

Декабрист А. А. Бестужев писал из крепости Николаю I: «Войска Наполеона, как саранча, оставили за собой надолго семена разрушения. Многие губернии обнищали, и правительство медленными мерами или скудным пособием дало им вовсе погибнуть»²¹.

Русский народ, поднявшись на защиту своей национальной независимости, продемонстрировал перед всем миром свою несокрушимую силу, показал величайшую способность к самоотверженной патриотической борьбе за свободу и независимость своей Родины.

«Двенадцатый год, — писал В. Г. Белинский, — был великою эпохой в жизни России. По своим последствиям

он был величайшим событием в истории России после царствования Петра Великого. Напряженная борьба на- смерть с Наполеоном пробудила дремавшие силы России и заставила ее увидеть в себе силы и средства, которых она до того сама в себе не подозревала»²².

Победа русского народа в Отечественной войне 1812 года явилась событием, имевшим всемирно-историческое значение. Она ускорила и облегчила освобождение народов Западной Европы от наполеоновского ига. Она развеяла миф о непобедимости наполеоновской армии, дала уверенность правительствам и народам Европы в скором освобождении от завоевателя.

Главный результат войны 1812 года — провал наполеоновских планов завоевания России, гибель его армии. Общие потери вторгшихся на русскую территорию войск (учитывая и подкрепления, поступавшие после вторжения) составили 570 тыс человек, включая пленных. Погибло более 150 тыс лошадей. Из 1300 орудий у французов осталось не более 250, остальные или были потеряны в боях, или брошены на путях отступления. И как ни стремился Наполеон восполнить потерянное, после поражения в России он не смог восстановить былую военную мощь Франции.

То, что Наполеону удалось заставить Австрию и Пруссию воевать с Россией, имело определенное значение в увеличении сил и средств для ведения войны. Но, как показал ход событий, то были ненадежные союзники. Внутри коалиции существовали противоречия, устранить которые было трудно. Прогрессивные силы, народные массы не желали сохранения системы наполеоновского гнета и стремились избавиться от него. И когда появилась такая возможность, Пруссия и Австрия вышли из коалиции и присоединились к России для совместной борьбы за освобождение Европы.

Таким образом, в ходе войны происходили серьезные изменения в расстановке борющихся сил: Франция лишалась союзников, а Россия их приобретала. Это явилось весьма важным результатом войны 1812 года. А если учитывать, что России накануне столкновения с Францией удалось осуществить две выгодные дипломатические акции — нейтрализовать Турцию и привлечь на свою сторону Швецию, то станет понятным их значение для хода и результатов войны.

Имелись и такие политические и военные просчеты со стороны Наполеона, которые, по мнению некоторых ино-

странных исследователей (Д. Чэндлер, Э. Терзен, Г. Лашук и др.), предопределяли провал всего его предприятия еще до того момента, когда первый французский солдат ступил на русский берег Немана. К ним прежде всего относится решение Наполеона вести одновременно войну на два фронта — в Испании и России. Война на Пиренейском полуострове поглощала немалые силы, она сковала 200-тысячную армию, причем там сражались в основном французские войска. В походе же на Россию участвовали менее подготовленные солдаты, говорившие на разных языках, что усложняло всю систему управления и организацию боевых действий.

Труднейшей и неразрешимой оказалась для Наполеона проблема снабжения войск. Питать и обеспечивать всем необходимым более чем 600-тысячную армию, кормить почти 200 тыс лошадей и ухаживать за ними — все это требовало больших усилий и огромных запасов продовольствия и фуража. Интендантская служба из-за переоценки возможностей использования местных ресурсов, плохого знания состояния дорожной сети России и ее пропускной способности не смогла организовать снабжение войск и тем самым поставила армию в тяжелое, безвыходное положение. И чем дальше продвигалась армия, тем сложнее становилась проблема снабжения.

Наполеон, как и в прежних походах, основной стратегический расчет делал на быстрейшее генеральное сражение. Все определялось не каким-то избранным рубежом, а генеральным сражением, которое иначе как победным и не мыслилось. Но так как его не удалось навязать русским ни в Вильно, ни в Витебске, ни в Смоленске, то в погоне за генеральным сражением французская армия расходовала силы и средства, не добиваясь важного стратегического результата. Удлинение коммуникаций, необходимость выделения сил и средств для их охраны, для борьбы с возраставшим партизанским движением — все это приводило к резкому сокращению боевых сил армии, в том числе и ее важнейшей части — гвардии.

Офицеры и солдаты наполеоновской гвардии всегда были надежной опорой императора. Не раз в наиболее кризисные моменты сражений они добивались победы и решали судьбу войны в целом. В весьма объемистой книге Генри Ланука «Анатомия славы. Наполеон и его гвардия», изданной в 1961 г. в Лондоне, сказано много хороших слов о старой и молодой гвардии.

В русской кампании гвардия также была главной ударной силой армии. Накануне вторжения ее численность превышала 25 тыс. Но перед Бородинским сражением в императорской гвардии оставалось уже 18 839 человек (в том числе 5545 кавалеристов) и 134 орудия²³. И Наполеон не решился в критический момент сражения бросить ее в бой. Он не хотел тогда рисковать, сохранял гвардию, рассчитывая, что у стен Москвы придется еще раз сражаться. Но этого, как известно, не произошло. И гвардия как ударная сила армии так и не была использована в большом сражении.

Но и сберечь ее не удалось. Она растаяла в навязанных французам боях в ходе их отступления. Перед Березиной в наполеоновской гвардии оставалось уже 3500 пехотинцев старой гвардии, 1400 гвардейцев-кавалеристов и 1500 пеших кавалеристов. После же Березины в гвардии осталось всего лишь 159 офицеров и 1312 солдат²⁴. Наполеон лишился ударной, наиболее боеспособной силы армии. В результате, как отмечает Даффи, «не только была проиграна кампания, но погибла, была потеряна Великая армия без какой-либо надежды на ее восстановление»²⁵.

12(24) июня 1812 г. оказалось роковым днем для Наполеона. Этот день вторжения на территорию России предопределил крах его империи. Переправа через Неман не только привела Наполеона к Москве, но и проложила ему путь к острову Святой Елены.

Здесь правомерно применить сравнительный метод исследования. Вспомним, ведь Гитлер тоже 22 июня 1941 г. вероломно вторгся на территорию нашей страны и двинул огромную армию с целью «молниеносного» захвата Москвы. Но, как известно, эта бредовая идея рухнула.

Тут есть о чем подумать тем, кто, попирая уроки прошлого, все еще пытается идти по катастрофическому пути Наполеона и Гитлера. Но ведь история сурово наказывает тех, кто ею пренебрегает.

Глава четырнадцатая

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД РУССКОЙ АРМИИ

1

Катастрофический для Наполеона исход русской кампании 1812 г. коренным образом менял расстановку сил в Европе.

Перед нападением на Россию Наполеон мечтал об установлении господства не только над Европой, но и над всем миром. В беседе с французским дипломатом Прадтом в Варшаве он заявил: «Через пять лет я буду господином мира: остается одна Россия, но я раздавлю ее!»¹. Однако он жестоко просчитался. Прошло всего лишь полгода после переправы через Неман французских войск, и «Великой армии» не стало. Почти полмиллиона солдат и офицеров погибли в боях и сражениях. И на вопрос Станислава Потоцкого Наполеону, спешившему в Париж в декабре 1812 г.: «Как все это могло произойти?» — французский император ответил: «От великого до смешного только один шаг»².

Наполеон теперь сознавал, что катастрофа, постигшая его в России, разрушила окончательно его планы установления мирового господства.

В войне с Россией определялось будущее Европы. Именно русский народ привел к гибели самую могущественную армию того времени. Ей был нанесен невосполнимый урон. «С 1812 г., — писал В. И. Ленин, — начинается упадок военного могущества Н[аполео]на I»³. Поэтому, когда мы говорим об исключительно важной роли Отечественной войны 1812 года в развертывании национально-освободительной борьбы поработенных народов Западной Европы, то мы прежде всего должны отметить такой решающий фактор, как гибель на полях России основных, наиболее боеспособных сил Наполеона, что, естественно, предопределило крах наполеоновской системы национального угнетения.

Русская земля очистилась от наполеоновских полчищ. Русская армия вышла к западным границам. Теперь первостепенной задачей Наполеона было удержать в своих руках европейские страны, сохранить в этих странах свое господство. Лживые бюллетени, посылавшиеся Напо-

леоном в Европу о положении дел в России, жесточайший режим, введенный как в самой Франции, так и в порабощенных странах, и, наконец, поспешный отъезд Наполеона в Париж— все это имело определенные политические и военные цели. Во-первых, ему необходимо было скрыть факт полного разгрома его армии в России; во-вторых, Наполеон стремился задушить всякое проявление национально-освободительного движения; в-третьих, максимально использовать экономические и людские ресурсы европейских государств для войны с Россией.

После провала наполеоновских планов завоевания России положение дел в Европе резко изменилось. «Уничтожение огромной наполеоновской армии при отступлении из Москвы,— как указывает Ф. Энгельс,— послужило сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе»⁴.

Порабощенные народы стран Западной Европы готовы были подняться на национально-освободительную борьбу. Но при той политической системе, которая существовала в странах Западной Европы, нельзя было рассчитывать на их самостоятельное выступление, так как правительства этих государств были связаны союзом с Наполеоном, вели вместе с ним войну против России. И хотя они были не прочь избавиться от своего «покровителя», но не решались разорвать узы, связывавшие их с Наполеоном. Кроме того, эти правительства испытывали страх перед национально-освободительным движением, тормозили его развитие, что обуславливалось глубокими социальными причинами.

Следует также иметь в виду, что наполеоновское господство, с одной стороны, несло национальное угнетение, но, с другой— сопровождалось некоторыми антифеодальными реформами (наиболее полно они были проведены лишь в Италии, в западных областях Германии), имевшими прогрессивный характер. В то же время Наполеон враждебно отнесся к планам реформ в Пруссии и Австрии. Необходимо также подчеркнуть, что французская буржуазия проводила только те реформы, которые были ей выгодны. Главная цель французской буржуазии при осуществлении таких преобразований заключалась в том, чтобы облегчить эксплуатацию порабощенных стран. А это, естественно, вступало в противоречие с жизненными интересами угнетенных Наполеоном народов.

Угнетению немецкого народа содействовал союз Наполеона с некоторыми из германских князей. Историческая

необходимость, коренные интересы немецкого народа выдвигали задачу расширения национально-освободительной борьбы. Нашлись передовые люди — Штейн, Гнейзенау, Шарнгорст и другие, выступившие в Пруссии вопреки сопротивлению феодалов и требованиям Наполеона с рядом прогрессивных реформ в аграрной, военной и других областях. В этой обстановке необходимо было оказать помощь народам западноевропейских стран в их национально-освободительной борьбе. Перенесение борьбы за границу диктовалось стремлением России окончательно сокрушить вооруженные силы Франции, лишить Наполеона всякой возможности развязывать новые агрессивные войны. Наполеон не мог, разумеется, так быстро отказаться от всего того, что он завоевал, не мог отрешиться от идеи мирового господства. Он мечтал о реванше и готовился к нему.

Политические цели кампании 1813 г. — освобождение западноевропейских стран от наполеоновского гнета и создание условий, обеспечивающих установление длительного мира, — придавали миссии русской армии в Европе международное значение.

Конечно, перенося военные действия в Западную Европу, царское правительство преследовало и собственные интересы. Оно стремилось овладеть территорией Польши (великого герцогства Варшавского), укрепить монархический строй, восстановить династию Бурбонов во Франции. Но, борясь с наполеоновскими войсками, русская армия освобождала угнетенные народы Европы. Таким образом, война 1813 года носила сложный и противоречивый характер. Если борьба немецкого народа, так же как и русского и других народов, подвергшихся наполеоновской агрессии, преследовала прогрессивные цели — освобождение от наполеоновского угнетения и уничтожение феодальных пережитков, то европейские монархические правительства вели борьбу за восстановление и укрепление старого, феодально-крепостнического строя. Говоря об этом, К. Маркс отмечал: «Всеим войнам за независимость, которые велись против Франции, свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности...»⁵.

Общие интересы России и Германии, сражавшихся с врагом, который угрожал их национальному и государственному существованию, создавали прочную основу для русско-немецкого боевого содружества. В воззвании Кутузова к немецкому народу 13 марта 1813 г. подчеркивалось: «Но да будет и ей (наполеоновской Франции) —

II. Ж.) известно, что другие державы желают равномерно постоянного спокойствия для своих народов и что они не положат оружия, доколе не восстановят и не утвердят прочным образом политической независимости всех государств в Европе»⁶.

На первом этапе войны 1813 года Россия одна вела борьбу против наполеоновской Франции. Ни участвовавшие в тот период в антинаполеоновской кампании Англия и Швеция, ни предполагаемые союзники — Пруссия и Австрия — существенной помощи России не оказывали. Русская армия была основной и решающей силой в вооруженной борьбе с наполеоновскими войсками. «Русские войска, — писал Ф. Энгельс, — составляли основное ядро, вокруг которого лишь позднее сгруппировались пруссаки, австрийцы и остальные»⁷.

Война 1813 года явилась прямым продолжением Отечественной войны. Ее подготовка и планирование проходили еще на завершающем этапе войны 1812 года. Вопрос о перенесении боевых действий за границу не вызывал сомнений у русского командования. В необходимости этого не сомневался и Кутузов. Между тем в некоторой части иностранной и дореволюционной русской военной литературы извращалась позиция главнокомандующего. Утверждалось, что Кутузов был против перенесения войны за границу, что он был сторонником прекращения боевых действий с выходом русских войск к государственной границе. «Тот, который не хотел сражаться под Малоярославцем, который не хотел рассеять теней воинов под Красным, тот никогда не отважится действовать наступательно», — писал Р. Вильсон⁸. Генерал Богданович, рассуждая о настроениях в России после окончания войны 1812 года, писал: «Сам Кутузов, уже на закате дней своих, и многие из сподвижников его желали окончания войны и считали полезным открыть переговоры, которые, по их мнению, должны были довершить торжество России славным миром»⁹.

Умалая и извращая роль Кутузова, некоторые историки противопоставляли ему Александра I, который якобы своей проникательностью и настойчивостью «заставил» Кутузова начать активные наступательные действия русской армии. Нетрудно заметить, что это делалось для того, чтобы представить Александра «спасителем» Европы.

Документы целиком отвергают и разоблачают это искажение исторических фактов. Русская армия в середи-

не декабря 1812 г. вышла к государственной границе, очистив от врага всю территорию. Войска с боями прошли почти 1 тыс километров, преследуя и уничтожая отступавшего противника. При таком напряжении вышедшие к границе войска нуждались в отдыхе. За время преследования противника армия сильно растянулась, некоторые части были оставлены в тылу, отстал от войск транспорт с продовольствием, обмундированием и боеприпасами. Еще из местечка Круглого 15 ноября 1812 г. Кутузов писал в Петербург Н. И. Салтыкову, председателю Комитета министров: «Признаться должно, что Главная армия много потерпела, преследуя и поражая 600 верст бегущего неприятеля. Сильные транспорты с провиантом нас не достигают, и мы в хлебе иногда нуждаемся, но это меня не останавливает. Дух в армии прекрасный, и мы идем вперед»¹⁰.

Для успешных наступательных действий за границей (тогда, когда силы Наполеона будут возрастать) необходимо было дать армии кратковременный отдых для приведения себя в порядок, подтягивания отставших войск, пополнения армии за счет двигавшихся вслед за ней резервов. Исходя из этих соображений, Кутузов и принял решение: остановить на некоторое время Главную армию для ее усиления. В донесении царю 2 декабря 1812 г. он следующим образом мотивировал свое решение: «Главная армия, быв в беспрестанном движении от Москвы до здешних мест, на пространстве почти 1 тыс верст, несколько расстроилась. Число ея приметно уменьшилось, и люди, делая форсированные марши и находясь почти день и ночь то в авангарде, то в беспрестанном движении для преследования бегущего неприятеля, в очевидное пришли изнурение, многие из них отстали и только во время отдохновения армии догнать могут. В уважение сих обстоятельств дабы войска привести в желаемое состояние и с лучшими успехами действовать на неприятеля, я положил дать здесь отдых Главной армии на несколько дней, что, однако ж, может продлиться до двух недель»¹¹.

Следовательно, речь шла не об отказе русского командования довершить разгром наполеоновской армии в Европе, а о необходимости предоставления передышки русской армии, и то не всей, а лишь той части, которая вынесла на себе основную тяжесть борьбы с противником, армии, прошедшей путь от Тарутина до Вильно.

Что касается войск П. В. Чичагова, П. Х. Витгенштейна и подвижных частей, то они были сразу же нацелены на безостановочное движение вслед за отступавшими к Неману остатками французских войск и двинувшимися туда корпусами Макдональда и Шварценберга.

По прибытии в Вильно главнокомандующий русскими войсками составил план дальнейших действий — «Общее распоряжение дальнейших операций» русской армии¹². По этому первоначальному плану войска Витгенштейна и Чичагова, объединенные под общим командованием последнего, направлялись в Восточную Пруссию для разгрома отступавшего туда корпуса Макдональда. Отряды Эссена, Тучкова и Кнорринга предназначались для преследования австрийских войск Шварценберга. Вперед выдвигались легкие кавалерийские, казачьи и партизанские отряды. Они должны были по переходе неприятельских войск через Неман следовать за неприятелем до самой Вислы. Для их подкрепления выделялись часть регулярной пехоты и кавалерия. Главная армия на некоторое время оставалась в Вильно для того, чтобы «иметь время присоединить к ней выздоровевших и отсталых людей, равно и 15 батальонов с кн. Урусовым, на укомплектование Главной армии назначенных. Между тем признаться должно, что, ежели бы не приостановясь, а продолжить действие еще верст на полтораста, тогда бы, может быть, расстройка ее дошла до такой степени, что должно бы, так сказать, снова составлять армию»¹³.

Эти распоряжения были составлены Кутузовым еще до конфликта с Александром I, т. е. до его категорического приказа «всем войскам как большой армии, так и армии адмирала Чичагова и корпуса графа Витгенштейна следовать беспрерывно за неприятелем»¹⁴. Конечно, Александр I, плохо знавший состояние армии, мог отдать такое распоряжение. Он сделал то, чего так настойчиво добивалась Англия через своих представителей Каткарта и Вильсона, которые, не считаясь ни с какими жертвами русских, настаивали на быстрейшем сокрушении наполеоновской империи. Английское правительство совершенно не интересовало, малой или большой кровью будет достигнута победа. Ему нужно было как можно скорее уничтожить континентальную блокаду, открыть рынки для ввоза английских товаров во Францию, Бельгию, Италию. Вот почему и Вильсон и Каткарт убеждали Александра I приступить немедленно к актив-

ным операциям. «Чем более я обзираю сию меру,— писал Вильсон царю,— во всех политических и военных ее отношениях, тем более убеждаюсь, что всякое отлагательство в исполнении будет предосудительно выгодам Вашего величества»¹⁵. В то же время Вильсон был обеспокоен тем, что поход русской армии в Европу может выдвинуть Россию на первое место среди европейских держав и предоставить России ведущую роль при решении международных вопросов.

Кутузов учитывал, что, кроме Наполеона, к мировому господству стремится также и Великобритания, поэтому он трезво оценивал военно-политическую обстановку и предпринимал верные шаги для достижения победы. Во-первых, он делал совершенно правильный вывод, что на первом этапе войны в Западной Европе Россия будет одна вести борьбу с наполеоновской Францией. Ни ее настоящие союзники — Англия и Швеция, ни предполагаемые — Пруссия и Австрия существенной помощи оказывать не будут. Только успешные действия русской армии могут ускорить присоединение Пруссии и Австрии к общей борьбе. Но для этого необходимо было иметь не только боеспособную, но и численно большую армию. Во-вторых, Кутузов исходил из несомненно верного расчета, что основные события начнутся не на Висле и, может быть, не на Одере, а на Эльбе. Те силы, которые оставались в распоряжении французского командования, даже с учетом прусского и австрийского корпусов и гарнизонов крепостей, были крайне недостаточны для того, чтобы длительное время оборонять территорию между Вислой и Одером. Решающие сражения должны начаться тогда, когда к французским войскам придут новые формирования. Было ясно, что чем дальше будет продвигаться русская армия, тем она больше будет отдаляться от своих резервов. Поэтому было бы крайне опрометчиво, не укрепив армию, не подтянув к ней резервы и тылы, далеко углубляться за Вислу.

Вырабатывая стратегический план кампании 1813 г., Кутузов исходил из политических целей и ставил в качестве первоочередной задачи освободить Восточную Пруссию и Польшу, окончательно довершить разгром отступавших туда остатков французских войск, не допустив соединения с войсками за Вислой и поступавшими из Франции новыми формированиями; не дать Наполеону использовать людские и материальные возможности Восточной Пруссии и Польши для усиления своих воору-

женных сил; помочь немецкому и польскому народам присоединиться к общей борьбе.

Накануне перехода через Неман в русской армии было около 100 тыс человек. По рапортам, представленным в штаб Кутузова, на 7 декабря 1812 г. ее численный состав был следующим ¹⁶:

	Пехота	Кавалерия	Артиллерия	Всего
Главная армия	20 926	3 496	3 042	27 464
3-я Западная армия (Чпчагова)	15 249	6 898	2 341	24 488
Отдельный корпус (Витгенштейна)	26 257	5 046	3 192	34 495
Итого	62 432	15 440	8 575	86 447

Орудий по всем армиям: конных — 76, батарейных — 184, легких — 273, всего 533.

В резервной армии, состоявшей теперь из четырех бригад (командиры бригад генералы Адамович, Бестужев-Рюмин, Урусов, Русанов), к этому времени было всего 20 тыс человек ¹⁷. Правда, призыв рекрутов 3-й и 4-й очереди должен был дать более 50 тыс пополнения, но реально эти новобранцы могли поступить в действующую армию не раньше июня—августа 1813 г. ¹⁸

В наполеоновской армии, находившейся за Неманом, было около 70 тыс человек ¹⁹. Ее основные силы сосредоточивались на флангах: в Восточной Пруссии — корпуса под командованием Макдональда и Йорка; в районе Варшавы — австрийские, саксонские и польские корпуса (командующие Шварценберг, Ренье и Понятовский). Две эти разрозненные группировки поступали под общее командование Мюрата, которому было приказано из остатков «Великой армии» организовать оборону по Неману и Бугу. Но первые же наступательные действия передовых русских отрядов показали полную неспособность войск противника оказывать сколько-нибудь длительное сопротивление. Мюрат, убедившись в беспечности обороны на этом рубеже, отдал распоряжение отвести войска за Вислу, усилить гарнизоны крепостей Данциг, Модлин и, опираясь на них, попытаться остановить дальнейшее наступление русской армии.

Основная идея кампании 1813 г. была отчетливо сформулирована в обращении Кутузова к армии по случаю перенесения боевых действий за границу. Обращаясь к войскам, главнокомандующий писал 21 декабря: «Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Перейдем границы и потщимся завершить поражение неприятеля на собственных полях его»²⁰.

В последних числах декабря 1812 г. русская армия перешла в наступление на трех направлениях: на Кенигсберг—Данциг, на Плоцк и на Варшаву. Первое из этих направлений было главным.

В Восточной Пруссии русская армия наносила удар по основной группировке французских войск (корпусам Макдональда и Иорка) и, заняв значительную территорию, лишала Наполеона возможности пользоваться людскими и материальными ресурсами Восточной Пруссии. Успешные действия в этом направлении ускорили разрыв Пруссии с наполеоновской Францией и присоединение ее к антинаполеоновской коалиции. На это направление была выделена большая часть сил русской армии. Сюда двигались 3-я Западная армия, отдельный корпус Витгенштейна, казачий корпус Платова, всего около 60 тыс человек. Общее командование возлагалось на Чичагова²¹.

Наступление русских войск на Варшаву преследовало цель занять политический и важный экономический центр Польши (герцогство Варшавское), разгромить сильную австро-саксонскую группировку войск, отступавших к Варшаве. Эта задача была возложена на войска, располагавшиеся в Гродно, Белостоке, Брест-Литовске (около 13 тыс человек), под общим командованием Милорадовича²².

Между этими двумя группировками из Меречи в общем направлении на Плоцк наступала так называемая Главная армия, при которой находился главный штаб русской армии. Задача этих войск состояла в том, чтобы в нужный момент подкрепить войска, наступавшие на правом или на левом крыле, и не дать возможности соединиться войскам противника, находившимся в Пруссии и Польше.

Одной из важнейших стратегических задач, поставленных перед войсками, было, как мы знаем, освобождение Восточной Пруссии. В воззвании к прусскому народу перед началом похода Кутузов писал: «При вступлении предводительствуемых мною армий в границы Пруссии

император повелевает мне объявить, что движение наше есть только следствие военных действий... Призываю их (жителей Пруссии.— П. Ж.) воспользоваться настоящим благоприятным случаем и соединиться с русскими армиями для преследования неприятеля, бегство коего доказывает его бессилие»²³. Воззвание было опубликовано на французском и немецком языках.

Здесь нам важно подчеркнуть, что командование русской армии, умело используя походную типографию, распространяло листовки не только среди своих войск, но и среди французских.

Вот одна из таких листовок, отпечатанная в декабре 1812 г., в которой сообщается о бедственном положении французских войск, страдающих от голода, сурового климата, болезней. И тут же убедительно рассказывается, как дорого заплатили французы за удовлетворение честолюбия Наполеона и насколько бессмысленно их дальнейшее сопротивление: «Именно на Россию изливает сейчас Наполеон свою неистовую ненависть к человеческому роду. Именно для войны с этой державой он вырвал вас из благодатной страны, где вы родились, и подвергает самым страшным опасностям под небом, влияние которого вы уже почувствовали на себе. Однако Буонапарт не задумывается над этим. Он не подумал, что двум нациям, равно храбрым и могущественным, в сущности, не о чем спорить, и они должны не истреблять, а взаимно уважать друг друга и развивать связи во всех областях промышленности, торговли, искусства и науки и, наконец, должны содействовать достижению всеобщего согласия для сохранения мира и покоя на земле»²⁴.

Наступление на Восточную Пруссию осуществлялось тремя группами войск. На правом фланге, на Кенигсберг и далее вдоль побережья Балтийского моря, действовали войска Витгенштейна. Это была наиболее сильная группировка (33 тыс человек). В нее входили крупные отдельные отряды: авангард под командованием генерал-лейтенанта В. Ф. Шепелева (4 тыс человек), корпуса Ф. Ф. Штейнгеля, Г. М. Берга и др. На левом фланге, через Гумбиннен к Эльбину, наступали войска под командованием Чичагова (он же, как мы знаем, был и командующим всеми наступавшими войсками в Восточной Пруссии). В их составе находились легкий («летучий») отряд М. С. Воронцова (3210 человек), авангард под командованием генерал-лейтенанта Е. И. Чаплица (7 тыс человек), корпуса А. Л. Воинова, А. П. Засса и

А. Ф. Лапжерона. В интервалах между войсками Витгенштейна и Чичагова через Инстербург, Фридланд к устью Вислы были двинуты казачьи полки Платова (24 полка, по 250—300 казаков в полку).

Чичагову и Витгенштейну ставилась задача: отрезать пути отступления прусскому корпусу Макдональда, двигавшемуся из Риги через Тильзит и Кенигсберг. Кутузов 11 декабря приказывал им: «Главнейший предмет теперь ваших действий должен состоять в том, чтобы сколь возможно не допустить Макдональда к соединению с главными неприятельскими силами»²⁵. В то же время в письме Чичагову 12 декабря указывалось: «Первый предмет действия Вашего на правом фланге должен быть или истребление, или по крайней мере сильное поражение Макдональда»²⁶.

Насколько важное значение придавалось разгрому войск Макдональда (их было не менее 30 тыс человек), свидетельствует также решение с выходом армии Чичагова к Гумбиннену повернуть ее на северо-запад к Кенигсбергу и совместно с войсками Витгенштейна ликвидировать сосредоточивавшуюся там крупную группировку противника.

Боевые действия русских войск в Восточной Пруссии сразу же приняли активный наступательный характер и проходили в быстром темпе. Выдвинутые вперед легкие кавалерийские отряды наносили стремительные и внезапные удары по разрозненным группам войск противника и овладевали один за другим населенными пунктами. В первые же пять дней были заняты Тильзит, Инстербург, Гумбиннен и Мемель. При занятии этих городов было взято в плен 7500 солдат и 246 офицеров и генералов, а также большие запасы продовольствия, оружия и боеприпасов. В Мемеле захвачено 26 судов военной флотилии и 36 судов с товарами французских купцов²⁷. Местное население с радостью встречало своих освободителей. «Пруссаки встретили нас, как братьев», — писал Кутузов своей дочери 10 января²⁸.

Важным результатом первых наступательных действий русской армии явилось заключение с генералом Иорком Таурогенской конвенции, по которой 30 батальонов пехоты, 6 эскадронов конницы и 32 орудия (всего около 20 тыс человек) прусских войск отделялись от корпуса Макдональда и оставались нейтральными впредь до решения прусским правительством вопроса о союзе с Россией²⁹.

Еще начиная с лета 1812 г. «Немецкий комитет», образованный на территории России под руководством Штейна, настойчиво стремился склонить Иорка к переходу на сторону России³⁰. В сентябре 1812 г. русское командование вело переговоры с Иорком, пытаясь удержать прусский корпус от активных действий. Но в тот период Иорк занимал нерешительную позицию. Когда же наполеоновская армия была разгромлена и русские войска перенесли свои действия за пределы России, а отряд генерала И. И. Дибича полностью отрезал корпус Иорка от войск корпуса Макдональда, Иорк перестал колебаться и заключил 18(30) декабря 1812 г. конвенцию (с русской стороны ее подписал генерал Дибич)³¹.

Ослабленный корпус Макдональда, естественно, не мог теперь оказать серьезного сопротивления. Настигнутый авангардными войсками генерала Шепелева у Либау, он потерпел здесь поражение и поспешно отошел к Кенигсбергу. Но энергично преследовавшие его русские войска с ходу ворвались в город и после непродолжительного, но упорного боя 4 января 1813 г. овладели этим крупным опорным пунктом Восточной Пруссии³².

Заняв Кенигсберг, русские войска устремились к Висле, преследуя отступавших туда французов. Чтобы опередить противника у переправы через Вислу и для проведения глубоких рейдов по его тылам, был создан крупный отряд из лучших казачьих полков под командованием генерал-адъютанта Чернышева. В первых числах января авангард Платова, войска Шепелева и отряд Чернышева вышли к Висле и заняли Эльбинг, Мариенбург, Мариенвердер. Часть войск переправилась через Вислу и заняла Нейенбург и Диршау.

Казачьи полки Платова, преследуя противника, вышли к Данцигу и обложили его со всех сторон. Столь успешные действия казаков были отмечены приказом по армии с объявлением им благодарности «за быстрое занятие городов: Мариенбурга и Эльбинга, за соблюдение при сем случае военной дисциплины»³³.

Успехи русских войск в Восточной Пруссии, Таургенская конвенция о нейтралитете корпуса Иорка, заключенная вопреки желанию прусского короля Фридриха-Вильгельма III, послужили толчком к разворачиванию национально-освободительного движения в стране против французских оккупантов. События в Восточной Пруссии вызвали патриотический подъем во всей Германии.

В то время как в Восточной Пруссии шло успешное

наступление русских сил, русская Главная армия, перейдя тремя колоннами Неман, двигалась к Висле, освобождая польскую территорию. Войска под командованием Торماسова (3-й и 5-й пехотные корпуса, 1-я и 2-я кирасирские дивизии, всего около 17 тыс человек) 1 января перешли границу у Меречи и начали наступление на Млаву и Плоцк. Движение этой группы войск справа прикрывалось сильным авангардом Винценгероде, надежно обеспечивавшим ее от возможных ударов со стороны Торна. 24 января Главная армия подошла к Висле и заняла Плоцк, а авангард Винценгероде — Добржин. Две другие колонны — Дохтурова и Милорадовича — и присоединившиеся к ним корпуса Сакена составляли отдельную группу войск численностью в 36 тыс человек³⁴. Этим войскам была поставлена задача овладеть Варшавой.

Выход русских войск к Висле в районе Плоцка и наступление крупных сил непосредственно на Варшаву создавали угрозу окружения для неприятельских войск, находившихся в Варшаве. Когда эта угроза стала уже реальной, Шварценберг с согласия австрийского правительства вступил в переговоры с русским командованием, результатом которых явилось заключение перемирия. Австрийские войска оставили Варшаву и стали отходить в Галицию. Понятовский вынужден был поспешно отводить свои войска на юг к Ченстохову и Кракову, а Ренье — отступать к Калишу. 26 января (7 февраля) 1813 г. русские войска вошли в Варшаву.

Занятие Варшавы — важного политического и экономического центра, выход русской армии к Висле (от ее устья до Варшавы) имели важное политическое и стратегическое значение.

В результате успешного наступления русской армии были сделаны первые шаги для привлечения Австрии и Пруссии в состав антинаполеоновской коалиции. Австрийские войска уже не принимали участия в боевых действиях на стороне французов. Прусские войска Йорка, а затем и Бюлова готовились повернуть оружие против Наполеона. В Восточной Пруссии по решению созданного в Кенигсберге сейма создавалось ополчение, формировался восточнопрусский ландвер, призывались резервисты, среди населения росло патриотическое движение за освобождение страны от наполеоновских войск. И хотя Франц I и Фридрих-Вильгельм III все еще боялись разорвать узы, так долго связывавшие их с Наполеоном,

стремились найти какие-либо компромиссные решения, вопреки их воле в армии и в народе все больше возрастало стремление присоединиться к национально-освободительной борьбе.

Активизации народного движения способствовали обращения русского командования к населению с призывом взяться за оружие. Так, Кутузов в своем воззвании к немецкому народу писал:

«Жители Германии! Вся русская армия бьется за ваше благополучие. Неужели вы одни при столь благоприятных обстоятельствах останетесь равнодушными? Неужели вы так слепы, что при теперешнем положении вещей не сделаете ничего, что необходимо для вашего собственного блага? Неужели вы хотите вашей услужливостью облегчить его положение? Неужели вы будете действовать вопреки вашим собственным интересам? Не забывайте, что вверенная мне храбрая армия окажет вам любую поддержку. Я надеюсь победоносно отразить нападение этого врага всей Европы; пусть он убедится в том, что еще существуют народы, верные своему Отчеству, что у этих народов есть еще достаточно воли и силы, чтобы не дать надеть на себя железное ярмо гнета».

В воззвании выражалась твердая уверенность в том, что немецкий народ не только не окажет врагу никакой помощи, но, наоборот, своим всеобщим противодействием сделает невозможным его дальнейшее пребывание в Германии, а также постарается затруднить его отступление к своим границам.

В объединении усилий русского и немецкого народов видел Кутузов быстрее достижение цели войны. «Такая глубокая связь русской военной мощи со всеми средствами, которые может предоставить Германия, даст возможность полностью осуществить нашу общую цель и восстановить мир, которого так страстно желает вся многострадальная Европа. Будьте сильны духом, мужественные и честные немцы!»³⁵.

В связи с обширным театром военных действий и отдаленностью армии от резервов возникал ряд сложных проблем, важнейшей из которых была необходимость численного увеличения армии и сосредоточения крупных сил на том направлении, где должны были развернуться решающие события.

После выхода к Висле непосредственно против русской армии пахотилось не более 55—60 тыс французских войск. Значительные силы противника стягивались к

Данцигу: сюда отошли войска, паходившиися в Восточной Пруссии, и остатки корпусов Виктора и Макдональда. Гарнизон Данцига насчитывал 20 тыс человек. В Торне было около 8 тыс, в Модлине — 7 тыс человек. В Познани, Гнезно и Цирке сосредоточивалось 15 тыс французских войск, объединенных в три дивизии³⁶. Общее командование французскими войсками вместо самовольно оставившего армию Мюрата осуществлял теперь Богарне.

Основная цель Наполеона сводилась к тому, чтобы, используя крупные водные рубежи Вислу и Одер и сильно укрепленные крепости, остановить дальнейшее наступление русской армии, рассредоточить ее силы и втянуть русских в затяжные осады крепостей. Наполеону необходимо было выиграть время для создания новой армии и выдвижения ее к Одера, а если удастся, то и к Висле.

Но Кутузов был не из тех полководцев, которых могла увлечь борьба за крепости. Он учитывал, что овладение крепостями сопряжено и с большими жертвами, и с значительной затратой времени. Одни же гарнизоны этих крепостей не в силах задержать дальнейшего наступления русской армии. Поэтому главнокомандующий, выделив незначительную часть войск для блокирования крепостей, основные силы направил для наступления к Одера³⁷.

Данциг был блокирован казачьими полками Платова. Осада Торна возлагалась на войска Чичагова, а Модлина — на войска корпуса Паскевича. Выделяя незначительные силы для осады крепостей, русское командование не ставило перед ними задачу быстрого овладения крепостями. На запрос Чичагова, на каких условиях необходимо соглашаться с комендантом Торнской крепости, если тот вступит в переговоры, Кутузов 27 января 1813 г. дал указание, что соглашаться можно лишь на условия, если весь гарнизон сдастся в плен и сложит оружие. «Если же ни на какой из сих пунктов не согласится комендант сдать крепости, тогда обложите оную как можно ближе и продолжайте блокаду впредь до повеления»³⁸.

Таким образом, замысел Наполеона — задержать наступление русской армии, втянуть ее в длительные бои с гарнизонами крепостей — не осуществился. Напротив, осажденные французские войска, отрезанные от остальных сил, выключались из борьбы, ослабляли тем самым силы французов и позволяли русской армии еще шире развернуть наступательные действия.

Одновременно русское командование приняло чрезвычайное важное решение на сближение основных своих сил в ходе наступления. Если в начале кампании обстановка требовала выделить большую часть сил армии в Восточную Пруссию и к Варшаве, то теперь, когда была почти полностью освобождена от противника Восточная Пруссия и занята Варшава, были отданы распоряжения о постепенном сближении войск к центру. В Восточной Пруссии оставался корпус Витгенштейна, а армии Чичагова приказывалось перейти в Польшу в район Торна и южнее. В письме Чичагову 5 января Кутузов указывал: «После такого сильного преследования неприятель в сей стороне больших сил иметь не может, и для того, полагаю я, что корпус Витгенштейна, к коему в непродолжительном времени присоединятся все прусские войска, под командою генерала Йорка состоящие, достаточны будут действовать на неприятеля, в сей стороне находящегося... то и полагаю нужным сближить Вас с вверенным вам корпусом к Главной армии»³⁹. В ответ на полученное от Чичагова сообщение о взятии Бромберга войсками генерала Воронцова и о необходимости усиления его войск Кутузов еще раз подтвердил свое требование о сближении армии Чичагова с Главной армией согласно «общему плану дальнейших операций»⁴⁰.

План дальнейших наступательных действий предусматривал выход русской армии к Одеру. Причем эта задача, с точки зрения организации наступления, решалась следующим образом. Из состава главных сил армии выделялись сильные подвижные («летучие») отряды А. И. Чернышева, М. С. Воронцова, Ф. Ф. Винценгероде. Они состояли в основном из конницы, егерей и конной артиллерии. Их численность была различна: в отряде Чернышева было 2500 казаков, в «летучем» корпусе Воронцова — 750 казаков и егерей, в авангарде Винценгероде — 13 600 человек, в том числе 6300 человек кавалерии⁴¹. Отряды направлялись вперед, совершали глубокие рейды, настигали и уничтожали отдельные группы войск противника. «Главный предмет этих отрядов, — отмечалось в „Журнале военных действий“, — состоял в том, чтобы, врезываясь в неприятельские операционные линии, пересекать на продолжительное время всякое сообщение, окружая неприятеля со всех сторон, открывать движения его и таким образом, как бы заграждая нашу армию, обманывать пасчет наших действий»⁴². Вслед за подвижными отрядами двигались основные силы русской армии.

Выделенные из состава войск Платова 10 лучших казачьих полков составили отряд генерал-адъютанта Чернышева. По овладении Мариенвердером они были направлены за Вислу с целью разгрома отошедших туда войск противника и быстрого выхода к Одеру. Войскам же Витгенштейна приказывалось «немедленно следовать к Мариенвердеру, где, перейдя Вислу, поставить твердо ногу на левом берегу сей реки»⁴³.

В следующем распоряжении от 27 января Кутузов приказывал: «Движение Вашего корпуса должно продолжаться еще далее до Шнейдемюля, как центральный наблюдательный пункт против Штеттина и Кюстрина; сим положением сблизитесь Вы и к действиям Главной армии»⁴⁴. Платову же и, в частности, отряду Чернышева Кутузов приказывал выдвинуться к Столпе, Ней-Штеттину, Шнейдемюлю и направлять сильные партии к Одеру⁴⁵.

Казачьи полки стремительно продвигались вперед, внезапно обрушивались на разрозненные группы войск противника, уничтожали или забирали их в плен. Отряд Чернышева 31 января овладел Шнейдемюлем, через два дня казаки заняли Дризеп и Цирке. Отряд казаков в 500 человек разгромил здесь двухтысячную дивизию генерала Гедройца. «Казаки,— доносил Чернышев,— с такой неустрашимостью и быстротою напали на изумленного неприятеля в тыл... сделали такой сильный удар, что открыли свободный путь к поражению и преследованию в бегство обращенного неприятеля»⁴⁶. В этом бою противник потерял более 300 убитыми и 200 пленными⁴⁷. В плен были взяты командир и начальник штаба дивизии.

Подошедшие к этому времени к Одеру русские отряды Теттенборна и Бенкендорфа соединились с отрядом Чернышева и начали переправляться через Одер в разных местах между Штеттином и Кюстрином. Главные же силы корпуса Витгенштейна, следуя за передовыми отрядами, сосредоточились в районе Шлохау, Камин и Конку, а к концу февраля подошли к Дризену и Ландсбергу.

Не менее успешными были наступательные действия и отряда Воропцова. 6 января 1813 г. войска отряда овладели Бромбергом — важным опорным пунктом противника на левом берегу Вислы. Французы, поспешно покинув город, оставили в нем 200 тыс пудов муки, 2 тыс пудов пороха, 170 новых повозок, большое количество барок с французским обмундированием⁴⁸.

Из Бромберга, Торпа и Плоцка остатки французских корпусов стягивались к Познани. По разведывательным

данном, здесь сосредоточивалось всего 13—15 тыс человек. Это была наиболее крупная из оставшихся группировок противника. Богарне стремился удержаться в Познани, ожидая подкреплений из Берлина⁴⁹.

Но при первых же атаках русской кавалерии и егерей проявилась неспособность французов к обороне. В боях на подступах к Познани они не могли выдержать атаки значительно меньших сил русских войск. «Чтобы описать теперешнее состояние так называемой большой французской армии,— доносил 31 января Воронцов,— что целый 8-й корпус, из вестфальцев составленный,— в сем корпусе при двух генералах не было более 1000 человек,— и при первой атаке он побежал. С другой же стороны, между Рогозною и Познанью, квартировало все, что оставалось из французских конных гвардейских полков, около 600 человек на конях, но и сии в каком духе, то из следующего усмотреть изволите... Во время сражения 29-го числа у меня было не более 80 человек казаков; французских же три эскадрона подъезжали поутру не далее двух верст и, когда мы пошли в атаку, могли бы нам очень вредить, но они не только что не пришли на помощь своим, но, как скоро усмотрели, что будет сражение, поспешно поскакали к Познани»⁵⁰.

Не дождавшись помощи из Берлина, опасаясь быть отрезанным от Одера и видя полную бесцельность обороны Познани, Богарне начал отступление к Франкфурту. 1 февраля отряд Воронцова занял Познань и продолжал преследовать противника.

Успешно развивались наступательные действия русских войск под командованием Милорадовича и Дохтурова. После освобождения Варшавы началось преследование отходившего в Саксонию корпуса Ренье. Медленно двигаясь к Калишу, колонны корпуса Ренье растянулись на несколько километров. Русское командование, получив сведения о движении этого корпуса, сразу же направило наперерез авангард Винценгероде, войска которого выступили из Добржин на Конин, Рыхваль и на подступах к Калишу внезапно атаковали противника.

1 февраля 1813 г. в предместьях Калиша и на его улицах целый день шли бои. Засевшие в домах войска саксонского корпуса упорно сопротивлялись. Лишь под угрозой окружения они оставили город. Потеряв около 1500 убитыми и ранеными, 1500 пленными, остальные войска из корпуса Ренье отступили в Силезию по направлению к Глогау. Преследуя противника, русский

авангард подошел к Одера (у Равича), а партизанские отряды Д. В. Давыдова и В. А. Пренделя переправились на его левый берег. Через неделю к Калишу подошли войска Милорадовича, а 17 февраля — и Главная армия. В последующем войска Милорадовича выдвинулись к Одера и расположились у местечка Костено, войска Тормасова — у Цюллихау, а войска Дохтурова — у Штигеля⁵¹.

Таким образом, к середине февраля 1813 г., т. е. за полтора месяца наступательных действий, русская армия продвинулась от Немана до Одера на 750—800 километров при среднем темпе наступления 15—20 километров. Наступая на широком фронте, она разгромила основные силы находившейся здесь французской армии, частично их пленила, а частично блокировала в крепостях Данциг, Торн и Модлин.

Изучая и описывая эти теперь уже далекие военные события, сопоставляешь их с тем, что происходило здесь же через сто тридцать лет (1944—1945 гг.), когда мужественные и храбрые воины Советской Армии с участием Войска Польского, борцов Движения Сопротивления изгоняли отсюда разгромленные на советской территории немецко-фашистские войска, освобождали польский народ от гитлеровской тирании.

3

Итак, русская армия вышла к Одера. План ее дальнейших наступательных действий был выработан еще на пути к Калишу. За Одера, между Штеттином и Франкфуртом, во французской армии оставалось не более 40 тыс человек⁵². Численность же одних только русских войск Витгенштейна составляла 30—35 тыс человек, а с учетом прусских корпусов Йорка и Бюлова, которые должны были присоединиться к войскам Витгенштейна и действовать совместно с ними, — 60—65 тыс человек⁵³. «Превосходство наших сил, — писал 5 февраля Витгенштейну Кутузов, — к коим присоединяется ныне все прусское войско для поражения общего врага, подает нам удобный случай разбить совершенно сей остаток неприятельских войск, и для того сообща Вашему сиятельству общий план действиям, к сему предмету стремящимся»⁵⁴.

План предусматривал начать наступление на Берлин с двух направлений. С севера, где войска Витгенштейна, имея впереди казачий корпус Платова, переправятся через Одер между Штеттином и Кюстрином и будут на-

ступать тремя колоннами: две из них (Витгенштейн и Иорк) — прямо на Берлин, а третья (Бюлов) — обойдет Берлин и овладеет Потсдамом. С юга Главная армия должна была двигаться на Кроссен и далее наступать к Эльбе на Магдебург. Главный предмет движения, как указывал 5 февраля Кутузов Витгенштейну, состоит в том, чтобы отрезать неприятельскую армию от Магдебурга⁵⁵.

Основная идея плана — наступление по двум сходящимся направлениям с целью изоляции крупной группировки французских войск, сосредоточившихся в Берлине, и уничтожения ее до подхода сюда свежих сил из Франции.

К сожалению, из-за отказа прусских генералов Иорка и Бюлова участвовать в наступлении на Берлин план полностью не был выполнен. В штабе русской армии понимали, что до тех пор, пока армия не получит значительного усиления за счет присоединения к ней прусских войск или за счет свежих резервов, переходить Одер основными силами было рискованно.

По прибытии в Калиш Кутузов принимает решение перебросить на правый берег Одера передовые отряды, сформировать и направить туда же партизанские отряды, а основные силы русской армии остановить на некоторое время у Одера, дать им возможность привести себя в порядок после длительного наступления, подтянуть транспорт с боеприпасами, продовольствием и обмундированием, а главное — усилить армию резервами, подходившими из России.

Увеличение действующей русской армии шло главным образом за счет пополнения свежими резервами. По специально разработанным маршрутам двигались к армии новые полки, батальоны и эскадроны. Еще в Вильно в Главную армию влились пять пехотных полков (4665 человек), сформированных генералом Урусовым⁵⁶.

В Резервную армию, теперь уже состоящую из четырех пехотных и двух кавалерийских корпусов, ожидалось новое пополнение рекрутов. В ближайшее время ее численность должна была возрасти до 180 тыс человек (154 тыс пехоты и 26 тыс кавалерии)⁵⁷. Насколько быстро возрастала численность людских резервов, свидетельствуют хотя бы следующие данные. На 1 декабря 1812 г. в Резервной армии было 19 973 человека, а на 20 февраля 1813 г. — уже 69 тыс человек⁵⁸.

К Висле и Одера направлялись отдельные команды

пехоты и кавалерии: 13 батальонов пехоты двигались к Данцигу, 33 батальона пехоты и 20 эскадронов — к Калишу и далее к Одеру, 18 батальонов — к Модлину⁵⁹. К армии шли полки из Молдавии и Валахии, из Киева и Луцка. Сюда же направлялись Тульское, Калужское, Тверское, Полтавское, Черниговское и другие ополчения. Они принимали активное участие в осаде крепостей Данцига, Модлина, Замостья.

По отчету Д. И. Лобанова-Ростовского, с марта по июль 1813 г. в действующую армию из резервов было направлено 38 батальонов общей численностью 36 тыс человек (фактически прибыло в армию 21 853 человека)⁶⁰. А. С. Грибоедов в статье «О кавалерийских резервах» указывал, что в начале апреля 1813 г. из мест формирования к Слониму и Брест-Литовску выступило 46 эскадронов, а затем и вся резервная кавалерия. Оттуда ежемесячно отправлялись в действующую армию по 10, 12 и 20 эскадронов⁶¹.

Тем временем Наполеон с огромной быстротой и напряжением сил готовил новую армию. Его план заключался в том, чтобы, сдерживая наступление русских одной частью французских войск, другой, значительно большей, нанести по ним сильный удар. В течение трех месяцев он призвал в армию более 200 тыс человек, за короткий срок ее численность возросла до 300 тыс. Наполеон стремился добиться превосходства в силах и, сосредоточив за Эльбой, в районе Дрездена и Лейпцига, свою новую армию, начать контрнаступление.

В этот же период проходила усиленная подготовка и русских войск к предстоявшим наступательным действиям: пополнялись запасы боеприпасов, продовольственные и фуражные запасы, производился ремонт оружия, обмундирования и транспортных средств. Особым приказом 16 февраля 1813 г. Кутузов потребовал от командиров корпусов, дивизий и полков проведения следующих основных мероприятий:

1) Принять все необходимые меры к укреплению здоровья «нижних чинов», «укрепляя силы их доставлением хорошей пищи и спокойного расположения на квартирах».

2) Привести в полный порядок обмундирование солдат: у кого оно изнашивалось, выдать новое, требующее починки — починить, для чего в каждом полку организовать «швальни» с тем, чтобы «исправлены и починены были все мундиры, панталоны, шинели и, одним словом, вся амуниция без изъятия».

М. И. КУТУЗОВ

А. И. ТОРМАСОВ

П. Х. ВИТГЕНШТЕЙН

М. И. ПЛАТОВ

Ф. П. УВАРОВ

Л. А. КОПОВНИЦЫН

А. П. ЕРМОЛОВ

К. Ф. БАГГОВУТ

Н. М. БОРОЗДИН

И. В. ВАСИЛЬЧИКОВ

М. С. ВОРОНЦОВ

Д. С. ДОХТУРОВ

Ф. К. КОРФ

А. И. ГОРЧАКОВ

Н. С. ДОРОХОВ

Я. П. КУЛЬНЕВ

В. Г. КОСТЕНЕЦКИЙ

А. И. КУТАЙСОВ

М. А. МИЛОРАДОВИЧ

Н. Н. РАЕВСКИЙ

А. С. КОЛОДРИВОВ

Д. П. НЕВЕРОВСКИЙ

А. И. ОСТЕРМАН-ТОЛСТОЙ

К. Ф. ТОЛЬ

Н. А. ТУЧКОВ

А. А. ТУЧКОВ

Д. В. ДАВЫДОВ

А. А. БИБИКОВ

В. КОЖИНА

А. С. ФИГНЕР

А. Н. СЕСЛАВИН

Г. М. КУРИН

Е. С. СТУЛОВ

НАПОЛЕОН

МЮРАТ

ДАВУ

НЕЙ

УДИНО

ПОНЯТСВСКИЙ

БЕРТЬЕ

ГРУШИ

ВИКТОР

БОГАРНЕ

ЖЮНО

МАКДОНАЛД

СЕН-СИР

ОБОРОНА СМОЛЕНСКА

ПЕРЕПРАВА НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ ЧЕРЕЗ НЕМАЦ

ДЕЛО КАЗАКОВ ПЛАТОВА ПОД МИРОМ

М. И. КУТУЗОВ НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

СРАЖЕНИЕ ПРИ БОРОДИНЕ

НАПОЛЕОН НА БОРОДИНСКИХ ВЫСОТАХ

ВОЕННЫЙ СОВЕТ В ФИЛЯХ

ПОБЕДА ПРИ ТАРУТИНО

СРАЖЕНИЕ ПОД МАЛЮЯРОСЛАВЦЕМ

В ГОРОДИЕ (ПРОБИВАТЬСЯ ИЛИ ОТСТУПАТЬ?)

ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЯЗЬМЫ

СРАЖЕНИЕ ПОД КРАСНЫМ

В 1812 ГОДУ

ОТСТУПЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА ИЗ РОССИИ

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ БЕРЕЗИНУ

ВСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНЫХ ВОЙСК В ЛЕЙПЦИГ

ВСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНЫХ ВОЙСК В ПАРИЖ

Приказывалось осмотреть у каждого обувь и чтобы каждый человек имел запасные сапоги.

3) Собрать из обозов всех строевых «нижних чинов», всех отставших и находившихся в командировках и присоединить их к своим полкам.

4) Осмотреть во всех частях оружие, определить его состояние, организовать его чистку и исправление.

5) Просмотреть у всех «нижних чинов» ранцы, подогнать ранцевые ремни, освободить ранцы от всего лишнего.

6) Проверить, имеется ли полный комплект боевых патронов по наличному числу людей, просушить все патроны, а испорченные заменить.

7) Осмотреть и пересчитать все артиллерийские орудия и все артиллерийские принадлежности. Проверить наличие зарядов и пополнить недостающее их количество. Во всех полках и артиллерийских ротах исправить обозы, конскую сбрую, проверить состояние лошадей, пополнить недостающее число подъемных лошадей⁶².

В условиях ведения войны на чужой территории исключительно важное значение придавалось обеспечению войск продовольствием. В приказе от 8 апреля 1813 г. за № 69 Кутузов указывал: «Всем господам начальникам войск известно, что исправность продовольствия армии во время действий военных имеет большое влияние на успех оружия; недостатки продовольствия разрушают, напротив, наилучшие намерения и нередко обращаются в величайший вред»⁶³.

Это весьма ценное положение дополнялось не менее важным указанием о необходимости экономного расходования продовольствия: «Чтобы удержать исправность продовольствия и при всех степенях избежать недостатка в оном не только для передовых отрядов и главных корпусов, но и для тех, которые, составляя резервы, идут по следам за армиею к подкреплению ее, необходима и непременно нужна величайшая экономия в употреблении припасов, особливо фуража для лошадей. Экономия должна быть как в том, чтоб никто и ни под каким видом не требовал и не брал более подлежащего по закону числа, так и в том, чтобы взятое количество не было вместо употребления в пищу разбрасываемо в беспорядке и истребляемо порчею под ногами лошадей и в кучах навоза»⁶⁴.

В целях регулирования продовольственного снабжения армии было разработано «Постановление о продовольст-

вии», в котором устанавливался порядок отпуска частям продовольствия и фуража. В «Постановлении» указывалось, что войсковые части и отдельные отряды получают продовольствие из магазинов только по установленной форме требований за подписью полковых квартирмейстеров. Войскам строго запрещалось брать продовольствие или фураж у местного населения. Лишь в исключительных случаях, с согласия местного начальства, под квитанции войскам разрешалось получать продовольствие и фураж у населения, «не отнимать отнюдь последнего у жителей, а тем паче не требуя несоразмерно много у одного, а у другого мало или остатков, на домашний обиход и на семена обывателю неизбежно надобных».

На марше, согласно «Постановлению», войска должны были снабжаться из магазинов. Вперед высылались представители квартирмейстерской части с извещением магазинам о числе войск и времени их прибытия с тем, чтобы вовремя были заготовлены необходимые продовольствие и фураж. В период боевых действий войска, как правило, должны были снабжаться за счет подвозимых запасов. «Важнейшее тут обстоятельство, — отмечалось в „Постановлении“, — состоит в том, чтобы авангард не отнимал у армии способов продовольствия излишним забором или небрежным и нехозяйственным употреблением припасов, что под величайшею строгостию воспрещается»⁶⁵.

Во время полуторамесячного пребывания русской армии в Калише улучшилась и общая обстановка, изменилось отношение Пруссии к России. По тому, как восторженно встречало немецкое население русскую армию, видно было его стремление к освобождению от наполеоновского ига. Желание повернуть оружие против своего «союзника» возрастало и в прусской армии. Только трусливый Фридрих-Вильгельм III боялся открыто объявить войну Наполеону. Лишь в результате успешных наступательных действий русской армии, выхода ее к Одеру и нависшей угрозы над Берлином прусский король предпринял первые, хотя и довольно робкие шаги для сближения с Россией. Покинув Берлин, он прибыл в Бреславль, откуда тайно отправил в Калиш генерала Кнезебека для переговоров о заключении союза. Кнезебек при переговорах занял крайне осторожную, нерешительную позицию. Только после дипломатического нажима на прусского короля 16(28) февраля 1813 г. между Россией и Пруссией был подписан договор о совместной войне

против наполеоновской Франции. Его подписали с русской стороны Кутузов, с немецкой — Гарденберг⁶⁶.

По заключенному союзу Пруссии гарантировалось восстановление ее в границах 1806 г. Германским государствам возвращалась их независимость. Россия и Пруссия обязались не заключать сепаратного договора с Францией; Пруссия выставляла армию в 80 тыс человек и согласилась увеличить ее в дальнейшем по мере развертывания формирований. «Вчера я имел честь подписать трактат с Пруссией,— сообщал жене 18 февраля 1813 г. Кутузов.— Это дает нам тысяч сто войска... без нынешней кампании этого бы не было»⁶⁷.

Калишский союзный трактат, явившийся следствием разгрома наполеоновских войск в России и успешных действий русской армии в 1813 г., имел важное политическое и военное значение, так как, увеличив силы антинаполеоновской коалиции, послужил важным звеном в политической и военной изоляции Франции. В то же время следует отметить, что, заключая Калишский договор, правящие круги России и Пруссии стремились поставить под контроль развивавшееся народное движение, подчинить его своим интересам, тем более что оно приобретало массовый характер и распространялось из Восточной Пруссии в Силезию, Саксонию и Бранденбург.

По условиям Тильзитского договора численность вооруженных сил Пруссии была ограничена 42 тыс человек. За короткое время (1,5—2 месяца) она смогла увеличить армию в два с половиной раза и довести ее до 100 тыс человек (главным образом за счет ополчения). Всего же прусские войска (включая ландвер и добровольцев) насчитывали около 250 тыс человек⁶⁸. Кроме корпусов Иорка и Бюлова, находившихся в Восточной и Западной Пруссии, основные силы прусской армии формировались в Силезии под командованием генерала Блюхера. Большую роль в объединении усилий немецкого народа для борьбы с наполеоновскими войсками сыграли Штейн, Шарнгорст, Гнейзенау и Клаузевиц.

Особо важное значение имела деятельность Герхарда Иоганна Давида Шарнгорста — организатора прусского народного ополчения. В решающий 1813 год, когда освободительная война охватила широкие слои немецкого народа, Шарнгорст был одним из наиболее активных руководителей патриотического движения.

Будущее Германии во многом зависело от успехов русского оружия. Это хорошо понимали лучшие предста-

вители немецкого народа, в том числе и Шарнгорст. Высоко ценя боевые качества русских солдат, еще в 1807 г. он пророчески писал фельдмаршалу Блюхеру: «Отвага русских превосходит все, что человек способен совершить. У этого народа французский император найдет свой конец»⁶⁹. Опыт русского народа и русской армии в Отечественной войне 1812 года имел огромное значение для развертывания народной войны в Германии. Шарнгорст внимательно изучал военный опыт России и многое воспринял из него. Его взгляды в области военного искусства были сходны со взглядами Кутузова. Очень важно было то, что оба полководца связывали достижение победы над Наполеоном с активным участием в вооруженной борьбе широких народных масс.

Укрепляя свои силы, русская армия не прекращала активных боевых действий. «Дабы не оставить неприятеля в покое в течение сего времени,— писал Кутузов 9 февраля Витгенштейну,— нужно устроить более легких партий для партизанов, которые бы, перейдя Одер, нанесли страх неприятелю не только в окрестностях Берлина, но и до самой Эльбы»⁷⁰.

За Одером развернулись широкие активные действия передовых и партизанских отрядов русской армии. Первым крупным событием явилось занятие русскими войсками столицы Пруссии Берлина. Отряд А. И. Чернышева и авангард генерала Н. Г. Репнина утром 20 февраля 1813 г. с разных сторон внезапно ворвались в Берлин. Через 10 дней в столицу вошли войска П. Х. Витгенштейна, а 5 марта — прусский корпус Йорка.

Овладение Берлином приобретало важное значение и в политическом, и в военном отношении. «Берлин занять было надобно»,— писал 28 марта Кутузов Л. И. Голенищеву-Кутузову⁷¹. Во-первых, это воодушевляло немецкий народ в его национально-освободительной борьбе, вселяло уверенность в победе над Наполеоном; во-вторых, давало возможность развернуть наступление и быстро выйти к Эльбе; в-третьих, сближало армии союзников для организации совместных наступательных действий.

Потеря Берлина заставила французские войска поспешно отступать на Эльбу. К нижнему течению Эльбы отошли войска Вапдама, к Магдебургу — войска Лористона и Латур-Мобура. Войска Богарне остановились в Лейпциге, а Даву — в Дрездене. Сюда ожидался подход и новой армии Наполеона.

Преследуя отходившего к Эльбе противника, передо-

вые части и партизанские отряды вырвались далеко вперед и, совершая внезапные налеты, наносили сокрушительные удары по разрозненным группам французских войск и их гарнизонам.

Другой большой и важной победой русских войск явилось занятие 7 марта Гамбурга. «Русские победоносные знамена внесены в Гамбург,— писал 14 марта Кутузов,— хвала русским, терпением и ранами избавившим Отечество свое от ига иноплеменного и утвердившим славу праотцев своих делами, бессмертной памяти достойными»⁷². 23 марта отряд Чернышева атаковал у Люнебурга корпус генерала Морана, состоявший из 3500 человек. После восьмичасового боя казаки овладели городом, взяли в плен генерала Морана, весь его штаб, более 80 офицеров, 2500 солдат и захватили артиллерию⁷³. Войска Витгенштейна вскоре очистили от противника всю территорию на правом берегу Эльбы.

Следует отметить, что в этот период не удалось организовать согласованного наступления русской армии и прусских войск. Король и после Калишского договора всячески затягивал развертывание активных действий немецких войск. Прусские войска генерала Борштеля не поддержали войска Витгенштейна, наступавшие на Берлин. По договоренности с Шарнгорстом русское наступление на севере — через Берлин на Магдебург и на юге — через Дрезден в Саксонию должно было поддерживать прусские войска. Однако этого также не произошло.

Последние исследования историков ГДР, прежде всего Фрица Штраубе, показывают, что Фридрих-Вильгельм III вел двойную игру. Найден его приказ от 8 марта 1813 г., аналогичный текст которого был послан Йорку, Блюхеру, Борштелю, Тауенцину и Шюлеру. В этом общем приказе, разосланном всем прусским командующим, предписывалось не переходить Одер до 11 марта и «не предпринимать до этого дня мер, которые бы явились выражением враждебности к французским войскам». В дополнении к приказу подчеркивалось: «Если нам удастся избежать проявления враждебных действий после 11 марта, то это надо сделать, так как это очень важно и в политическом смысле желательно»⁷⁴.

Приказ Фридриха-Вильгельма III является доказательством прямого нарушения прусским правительством условий Калишского договора. Даже далеко не прогрессивно настроенный генерал Борштель под впечатлением патрио-

тического настроения, царившего в войсках и среди населения, взволнованно писал в конце февраля королю: «Я умоляю Вас на коленях, Ваше величество, разрешите нам действовать»⁷⁵. Само приближение прусских войск к Одеру было крайне неприятно королю. Еще 4 марта он порицал Борштеля: «Я никак не могу одобрить то, что Вы без моего приказа выступили со своими войсками до самого Кенигсберга в Неймарк»⁷⁶.

Достижение принципиальной договоренности по вопросам военного планирования между Кутузовым и Шарнгорстом, с одной стороны, и торпедирование решений заключенного договора реакционными кругами прусского правительства — с другой, показывают действительную расстановку сил. Речь шла не о расхождениях во взглядах отдельных личностей, а о политических противоречиях, что неизбежно должно было сказаться на военном планировании. Реакционная клика в прусском дворе больше всего страшилась стихийного движения народных масс, которому общее прусско-русское наступление давало мощный толчок.

Многие опасались слишком смелого продвижения русских войск к Эльбе. Кутузов писал поэтому 28 марта 1813 г. Л. И. Голенищеву-Кутузову: «Отдаление наше от границ наших, а с тем вместе и от способов может показаться нерасчетливым, особливо если исчислить расстояние от Немана к Эльбе и расстояние от Эльбы к Рейну. Большие силы неприятельские могут нас встретить, прежде нежели мы усилимся прибывающими из России резервами. Вот что тебе и всем, может быть, представляется. Но ежели войти в обстоятельства и действия наши подробнее, то увидишь, что мы действуем за Эльбой легкими отрядами, из которых (по качеству наших легких войск) ни один не пропадет»⁷⁷.

Кутузов стремился не расплывать основные силы и не бросать их к Эльбе для того лишь, чтобы овладеть как можно большей территорией. Ему приходилось останавливать некоторых генералов, вроде Витгенштейна и Винценгероде, безрассудно рвавшихся вперед. «Я не спорю,— писал фельдмаршал Витгенштейну 17 марта 1813 г.,— сколь полезно было бы захватить более Германии и тем ободрить и поднять народы, но польза сия равна ли будет той опасности, которая нам предстанет от последственного ослабления нашего самим тем отдалением и усиливанием неприятеля по той же самой препорции. И по сей-то самой причине полагаю я необхо-

димым отнюдь не дальше отдаляться, как до р. Эльстера, которая черта самая крайняя. Сие последнее не относится до партизанов. Будущие обстоятельства развяжут нас, может, и более»⁷⁸.

Те же мысли и доводы изложил Кутузов и Винценгероде. Категорически возражая против его стремления идти вперед и одерживать легкие победы, он писал ему 24 марта: «Я, по моему званию будучи обязан все подвергать расчету, вынужденным нахожусь помышлять о расстоянии, отдаляющем наши запасные войска от Эльбы, и о силах, которые неприятель может нам противопоставить»⁷⁹.

В то время как передовые войска вышли к Эльбе, далеко в тылу, на Висле, продолжались осада и уничтожение французских войск, оставшихся в крепостях Данциге, Торне и Модлине. Поставив перед войсками задачу овладеть этими крепостями, русское командование исходило из необходимости совершенно обезопасить свой тыл, высвободить войска и присоединить их к главным силам армии. Важно отметить, что овладение крепостями осуществлялось не одновременно, а последовательно, что давало возможность при наличии сравнительно небольших сил и средств сосредоточивать их у одной крепости, а затем перебрасывать для овладения другой крепостью.

Прежде всего было решено овладеть Торном — сильнейшей крепостью на Висле. К ней были переброшены инженерные части и осадная артиллерия. Для успешного овладения крепостью были проведены крупные инженерные работы: прокладка дорог, постройка мостов, устройство траншей. Причем все это проводилось скрытно: «Первая параллель начата столь успешно, что неприятель при всем бдении своем увидел оную уже с наступлением дня»⁸⁰. Бесцельность дальнейшего сопротивления заставила гарнизон Торна сложить оружие и сдать крепость. «Крепость Торн, — доносил Кутузову 5 апреля 1813 г. сменивший Чичагова Барклай-де-Толли, — где до сего времени гнездились остатки сил врага нашего, исторгнута вчерашнего дня из рук их»⁸¹. Осада Данцига и Модлина продолжалась вплоть до заключения перемирия (июнь 1813 г.). На Одере были осажены крепости Штеттин, Кюстрип и Глогау.

Одновременно с боевыми действиями на Висле и Эльбе проводилась огромная работа по подготовке к наступлению главных сил русской и прусской армий. Поступившие резервы из России, прибытие к армии мно-

гочисленных отрядов ополчения, быстрое формирование прусской армии позволили значительно увеличить силы союзников и довести их численность до 250—280 тыс человек ⁸².

Выход передовых отрядов к Эльбе, значительное численное увеличение армии создавали возможность перехода в наступление основных сил союзной армии. Необходимость перехода в наступление диктовалась и складывавшейся обстановкой. Остатки отошедших за Эльбу французских войск служили тем заслоном, под прикрытием которого Наполеон, как мы знаем, сосредоточивал крупные силы, стремясь перейти в наступление против разобщенных союзных войск, чтобы разбить их порознь.

В этой обстановке первоочередной задачей союзных войск было упреждение противника в сосредоточении главных сил на наиболее важном направлении. Исходя из тщательной оценки обстановки и намерений Наполеона, Кутузов принимает решение: войска, находящиеся в Магдебурге и Берлине, Калише и Бреславле, двинуть по сходящимся направлениям за Эльбу и сосредоточить в районе Лейпцига, Люцена, Альтенбурга. Витгенштейну было приказано переправить свои войска через Эльбу у Торгау и наступать к Лейпцигу. Прусские войска Блюхера выдвигались к Бауцену, переправлялись у Дрездена через Эльбу и наступали в общем направлении на Альтенбург. Главная армия, находившаяся в районе Калиша, двигалась вслед за войсками Блюхера, чтобы соединиться с войсками Витгенштейна и Блюхера в районе Лейпцига.

В соответствии с этим планом армия Блюхера 4 марта 1813 г. несколькими эшелонами выступила из Бреславля через Лигниц на Бунцлау. 8 марта передовыми войсками был занят Бауцен, через неделю была освобождена столица Саксонии Дрезден, а 2 апреля прусские войска подошли к Альтенбургу. Вслед за ними двигалась Главная армия (авангард Милорадовича, 3, 5, 8-й пехотные корпуса и две кирасирские дивизии, всего около 30 тыс человек), прибывшая 6 апреля в силезский город Бунцлау. К этому же времени войска Витгенштейна переправились через Эльбу у Рослау и вышли в район Дессау.

Сколько важное значение Кутузов придавал соединению всех сил за Эльбой, свидетельствуют его приказы Витгенштейну, который, не понимая общей обстановки, стремился не к объединению, а к разобщению сил. Буду-

чи уже тяжело больным, Кутузов в своем последнем приказе указывал: «Когда неприятели двинутся от Франкони и Эрфурта к Дрездену, тогда, безо всякого сомнения, корпус, концентрированный около Магдебурга, делает диверсию к Берлину. В сем случае, не делая на сии его движения никакого внимания, извольте помышлять только о соединении с Блюхером и с Главною нашею армиею». Мысль о необходимости быстрейшего соединения всех сил в одном районе за Эльбой отчетливо выражена и в письме Кутузова царю, написанном за шесть дней до смерти. «Я в отчаянии,— писал Кутузов 10 апреля,— что так долго хвораю, и чувствую, что ежедневно более ослабеваю; я никак не могу ехать, даже в карете. Между тем надобно стараться, сколь можно поспешнее, сосредоточивать армию за Эльбою»⁸³.

Эти последние распоряжения и письма главнокомандующего выражали основную идею ближайших действий. К середине апреля главные силы армии (около 100 тыс человек и 656 орудий) были сосредоточены за Эльбой, в районе Лейпцига и Альтенбурга. Остатки же французских войск, не сумевших удержаться и на таком выгодном и важном для них рубеже, как Эльба, отошли за реку Заале.

Напряженная борьба, развернувшаяся на обширном театре военных действий, потребовала от Кутузова как главнокомандующего огромной энергии, величайшего напряжения сил и ума. Он руководил боевыми действиями всей армии, координировал и направлял усилия войск в соответствии с разработанным планом.

Забота об усилении армии резервами, о вооружении войск, о создании запасов, наконец, ведение переговоров с дипломатами Пруссии, Австрии и других стран — все это возлагалось на Кутузова и выполнялось им с глубоким знанием дела. «Взоры всех,— пишет один из участников похода 1813 г.,— обращены были на предводителя нашего, князя Смоленского, который в переговорах с иностранными дипломатами заставлял их удивляться необыкновенному уму своему и сведениям... Фельдмаршал присоединял к обширнейшим сведениям по всем частям подробное познание европейских государств, приобретенное им путешествиями, посольствами и непрерывным чтением»⁸⁴.

Чрезмерное напряжение и неизмеримо большой масштаб деятельности, непрерывная, полная лишений походная жизнь не могли не подорвать сил и здоровья Кутузо-

ва. В письмах родным он все чаще и чаще жалуется на усталость, недуг, на большую занятость. «Покой мне нужен, я устал, как давно мне покою не было»⁸⁵. В предпоследнем письме жене Кутузов писал: «Мне столько забот, столько хлопотать должен, что дай бог только остаться живу»⁸⁶.

Но жизнь великого полководца была уже на исходе. 16(28) апреля 1813 г. он скончался в небольшом силезском городке Бунцлау. Тело полководца набальзамировали и вместе с сердцем, помещенным в серебряный сосуд, отправили в Петербург. Часть останков захоронили близ Бунцлау. На этом месте был поставлен обелиск с надписью: «До сих мест князь Кутузов-Смоленский довел победоносные русские войска, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память героя»⁸⁷.

Внезапная смерть главнокомандующего всеми армиями в напряженный период борьбы за избавление народов Западной Европы от наполеоновского владычества, в период назревавших крупных военных событий была тяжелой утратой для войск. Русский народ и армия, у которых великий полководец пользовался огромной любовью и доверием, особенно тяжело переживали смерть Кутузова. «Получено разрешение похоронить тело Смоленского в Казанском соборе,— писал И. П. Оденталь в письме А. Я. Булгакову.— От Нарвы несет его народ на плечах своих и не допускает иностранцев, которые также рвутся воздать сию последнюю почесть праху великого мужа»⁸⁸.

После смерти Кутузова руководство армией перешло к Александру I, Витгенштейну и Барклаю-де-Толли. Это не могло, разумеется, не сказаться на управлении войсками. В первом же столкновении с противником, в сражении при Люцене 20 апреля, были допущены ошибки со стороны командования, которые привели к серьезным неудачам.

Русско-прусские войска потеряли в этом сражении более 20 тыс человек и отступили за Эльбу. Наполеон занял Дрезден, а после победы в сражении при Бауцене (8—9 мая) его войска вошли в Бреславль.

Такой неожиданный оборот военных событий не на шутку напугал Александра I и Фридриха-Вильгельма III. Они предложили Наполеону заключить перемирие, и тот согласился. Перемирие в равной степени было необходимо как союзникам, так и Франции.

Плесвицкое перемирие продолжалось почти два месяца (с 23 мая по 18 июля). За это время войска получили подкрепление, пополнились вооружением и боеприпасами. В августе 1813 г. к коалиции присоединилась Австрия, на театре военных действий появились шведские войска. Это увеличило силы коалиции. Союзники теперь имели армию, насчитывавшую около 500 тыс человек, что, кстати говоря, позволяло Александру I и прусскому королю еще больше ограничивать участие народных масс в войне. Присоединение войск Австрии и Швеции обеспечивало перевес союзников над наполеоновскими войсками. Наполеону удалось довести численность своей армии только до 440 тыс человек⁸⁹.

Такова была политическая и военная обстановка, предшествовавшая грандиозному Лейпцигскому сражению. Она сложилась не в пользу Наполеона. Были потери Пруссия, Австрия с их экономическими и людскими ресурсами. Возможности самой Франции, до предела истощенной непрерывными войнами, были весьма ограничены. В стране росло недовольство, вызванное жестокими мерами, которые применял Наполеон, выкачивая все, что было возможно, для увеличения армии.

Положение же антинаполеоновской коалиции укреплялось. Союзники теперь обладали огромной силой. Их армии — Богемская (командующий Шварценберг), Силезская (командующий Блюхер), Северная (командующий Бернадот), наступая с различных направлений, отбрасывали противника за Эльбу и сжимали его в сравнительно ограниченном районе между Дрезденом и Лейпцигом.

Уже в сентябре 1813 г. наполеоновские войска оказались в весьма критическом положении. Попытки Наполеона использовать свой излюбленный прием — уничтожить противника порознь — оказались безуспешными. Переброска войск с одного на другое направление лишь изнуряла их, но не приносила сколько-нибудь существенных результатов. Войска союзников быстро сближались, стремясь окружить противника в районе Лейпцига.

В октябре 1813 г. произошло Лейпцигское сражение, вошедшее в историю под названием «Битва народов». Под Лейпцигом союзные русские, прусские, австрийские и шведские войска сражались против армии Наполеона, в состав которой, помимо французских войск, входили войска польские, голландские, бельгийские, итальянские и др. Всего в сражении принимало участие с обеих сторон около 500 тыс человек⁹⁰.

Лейпцигское сражение 4—7 (16—19) октября закончилось жестоким поражением наполеоновской армии. Мы не будем подробно рассматривать ход сражения, напомним лишь, что оно происходило на весьма значительной для того времени территории (20 километров с севера на юг и 12 километров с запада на восток) и распалось на ряд самостоятельных, хотя и связанных между собой боев: у Вахау — южнее Лейпцига, у Линденау — западнее и у Мёккерна — севернее города.

Бой у Вахау 4 октября был ожесточенным. Ни одна из сторон не добилась в нем решающего успеха. Серьезные столкновения в этот день происходили у Линденау и Мёккерна. Эти бои значительно ухудшили положение Наполеона, так как союзные войска, сбивая врага с его позиций, угрожали ему окружением.

Бои 5 и особенно 6 октября были переломными. Союзные войска, подтянув к этому времени дополнительные силы, обеспечили себе значительное превосходство. Они со всех сторон одновременно перешли в наступление. Развернулось кровопролитное сражение южнее, севернее и западнее Лейпцига. На всех участках битвы не умолкали сотни орудий, то в одном, то в другом месте возникали рукопашные схватки. Воины прославленной русской 27-й пехотной дивизии под командованием генерала Неверовского несколько раз врывались на окраины Лейпцига. В одном из упорных боев доблестный Неверовский был смертельно ранен.

Наполеоновские войска не смогли сдержать натиска союзников. К вечеру 6 октября противник уже и не помышлял о победе, нужно было думать лишь о собственном спасении. В ночь на 7 октября Наполеон принял решение отступить за Вейсе-Эльстер по единственному мосту у Лейпцига. Всю ночь через Лейпциг на Лютценскую дорогу тянулись французские войска, артиллерия, обозы. Наполеон, покидая Лейпциг, приказал войскам, прикрывавшим отступление, после ухода из города последних колонн взорвать за собой каменный мост.

С утра 7 октября союзники двинулись на штурм Лейпцига. Первыми ворвались в город русские и немецкие войска. Они опрокинули противника и заставили его в панике бежать. Мост через реку Вейсе-Эльстер был взорван раньше времени, и находившиеся еще в городе войска Понятовского, Макдональда, Лористона и другие (всего около 20 тыс человек) оказались отрезанными от армии и были пленены.

К вечеру 7 октября город был полностью освобожден. Закончилось упорное сражение, в котором Наполеон потерял две трети своих сил. Остатки его войск (до 70 тыс человек), преследуемые союзниками, поспешно отступили к Эрфурту, а затем были изгнаны на территорию Франции. Народы Европы были освобождены от наполеоновского ига. Таковы основные результаты и последствия грандиозной Лейпцигской битвы и в целом военной кампании в Европе в 1813 г.⁹¹

Используя благоприятный момент резко изменившейся обстановки, значительно осложнявшей положение наполеоновской армии, войска коалиции предприняли решительное наступление, они быстро сломили сопротивление противника и двинулись в Париж. 18 (30) марта 1814 г. столица Франции капитулировала, и союзные войска торжественно вступили в Париж.

Наполеон 6 апреля 1814 г. подписал отречение от престола и был сослан на остров Эльбу.

4

Какие можно сделать выводы из заключительного этапа войны?

Русский народ внес решающий вклад в освободительную борьбу народов Европы. Он вынес на своих плечах основную тяжесть войны с Наполеоном. Русский народ не только преградил путь агрессору, разгромил его главные вооруженные силы, но и оказал помощь народам Европы в их избавлении от наполеоновского гнета. Русская армия прошла от Оки до Рейна, а затем (в 1814 г.) и до Парижа. Она участвовала во всех сражениях и была главной, наиболее боеспособной силой. В Лейпцигском сражении русские войска насчитывали 127 тыс человек, что составляло почти половину союзной армии (пруссских войск было 72 тыс человек, австрийских — 89 тыс, шведских — 18 тыс)⁹². Потери русской армии в этом сражении были наибольшими — 22 тыс человек (потери прусских войск составляли 16 тыс, австрийских — 12 тыс и шведских — около 300 человек)⁹³.

Кто имел возможность посетить Лейпциг, непременно ознакомился с памятниками, сооруженными здесь в ознаменование победы над наполеоновской армией в октябре 1813 г. Грандиозный, величественный и в то же время суровый памятник битве под Лейпцигом, воздвигнутый на высоком холме на окраине города, и памятник-храм, созданный по проекту академика архитектуры В. А. По-

кровского, хотя и отличны один от другого по своей архитектуре, но едины по своему замыслу.

Советские люди, посещая места, где их далекие предки вместе с немецкими, польскими, австрийскими, шведскими и войсками других народов героически сражались за свою независимость, склоняют головы перед павшими в этой борьбе героями.

В книге отзывов посетители оставляют записи, полные глубокого уважения к тем, кто самоотверженно боролся за честь и свободу своей Родины. Вот некоторые из них: «С потрясенным сердцем стоим мы у памятника славы русского оружия, у могилы русских воинов 1812—1813—1814 годов, у могилы тех, кто создал славу и принес прогресс России XIX в., родившей Россию современную — наш Советский Союз. Спите спокойно, русские солдаты — честь народа. Мы, живые, стоим караулом у Ваших святых могил. С низким поклоном Всеволод Вишневский. Золин, капитан 1-го ранга».

Группа советской молодежи, осмотревшая памятник 30 июня 1946 г., оставила такую запись: «Глубоким чувством гордости наполнились наши сердца за наш народ, давший таких героев-богатырей, воинов, отстоявших независимость нашей Родины от наполеоновского ига. Находясь далеко за пределами нашего дорогого и горячо любимого Отечества, мы клянемся Вам, наши дорогие предки, что мы не уроним высокого звания русских людей». Солдат Рахманов пишет: «Я приехал сюда из далекой Сибири с реки Иртыш, но я верил, что дойду сюда, и дошел, стою теперь перед Вашим священным прахом с гордостью и волнением». Здесь же мы находим запись и подполковника Г. В. Защука, правнука командира гвардейской кавалерийской дивизии генерала И. Г. Шевича, участвовавшего в Лейпцигском сражении. А поэт Анатолий Софронов выразил свои чувства в стихах:

*Да будет слава вечная героям,
России нашей доблестным сынам!
А мы? Мы наш, мы новый мир построим,
Идѣ по Вашим воинским стопам.
Мы — дети Вашей доблести и славы,
Потомки Ваших подвигов святых!
Знамена Ваши мы храним по праву,
По праву самых близких и родных».*

Большую волю к победе проявил в этой войне немецкий народ. Он оказывал всемерное содействие и помощь

русской армии в изгнании противника с территории Пруссии, участвовал в сражениях плечом к плечу с русскими, беззаветно сражался за свое освобождение. В. И. Ленин неоднократно отмечал ту тяжесть угнетения и унижения, которую пришлось испытать немецкому народу, когда он находился под сапогом Наполеона. В трудный для нашей страны 1918 год В. И. Ленин говорил: «Кто хочет учиться у уроков истории, не прятаться от ответственности за них, не отмахиваться от них, тот вспомнит хотя бы войны Наполеона I с Германией... В своих договорах с Пруссией Наполеон I угнетал и дробил Германию вдесятеро сильнее, чем Гинденбург и Вильгельм придавили нас теперь. И тем не менее в Пруссии находились люди, которые не фанфаронили, а подписывали архи-«позорные» мирные договоры... подписывали вдесятеро более угнетательские и унижительные условия, а потом все же поднимались на восстание и на войну»⁹⁵.

Успеху борьбы немецкого народа против Наполеона благоприятствовали и объективные моменты. В. И. Ленин отмечал, что освобождение Германии было достигнуто «не без использования розни между более сильными конкурентами-завоевателями»⁹⁶.

Правда, немецкому народу не удалось освободиться от пережитков феодализма. Интересы союзных монархов взяли верх. И все же эта борьба принесла свои плоды: иноземные захватчики были выброшены за пределы страны.

Трудящиеся Германской Демократической Республики помнят и по достоинству оценивают эти исторические события. В 1963 г. они торжественно праздновали 150-летие освобождения Германии от наполеоновского гнета, как важное событие в истории своей страны. Лейпциг был украшен флагами, в витринах магазинов выставлены мундиры, оружие времен войны 1813 г., батальные картины, изображающие отдельные этапы Лейпцигского сражения. Сотни воинов плотным кольцом окружили грандиозный памятник, воздвигнутый победителям в «Битве народов», к подножию которого возлагались венки, в том числе от делегаций Москвы и Смоленска. Непрерывный поток посетителей шел в только что открывшийся музей-выставку «Лейпцигская битва». А вечером огромное поле на окраине города, где возвышается монументальное сооружение, заволнили десятки тысяч жителей Лейпцига и делегации от различных городов.

Состоялся торжественный митинг. Церемониальным маршем в парадной форме прошли войска. С большим вниманием участники митинга слушали речь члена Политбюро ЦК СЕПГ проф. А. Нордена об историческом значении победы над Наполеоном. В заключение оратор сказал: «История последних полутора столетий, Освободительная война, первая и вторая мировые войны и годы между этими двумя войнами — все это служит наглядным уроком для всех немцев. Кто хочет, чтобы Германия была свободной, тот никогда, ни при каких обстоятельствах не должен воевать против русских. Более того, союз с СССР — это мир для Германии и Европы, это германская национальная политика, это гарантия победы социализма...

Немецкие друзья и товарищи! Сегодня с этого священного места мы торжественно провозглашаем истинную дружбу двух народов, нерасторжимый союз, направленный против антинационального сброда, который в третий раз в этом столетии хочет натравить немцев на русских! Пусть любители крестовых походов на Восток вспомнят о печальной судьбе Наполеона и Гитлера, которые потерпели катастрофу вместе с крахом их армий»⁹⁷.

Наступательные действия русской армии в 1813 г. имели исключительно важное значение не только в политическом, но и в военном отношении. Прежде всего боевые действия русской армии дали ценный опыт организации и проведения наступления на широком фронте. Наступление русской армии развернулось более чем на 600-километровом фронте — от берегов Балтийского моря на севере до Брест-Литовска на юге. До этого история военного искусства не имела примеров организации и проведения наступления на столь широком фронте. Ни Наполеону, ни другим полководцам никогда не приходилось руководить наступательными действиями такого масштаба.

В войнах XVIII — начала XIX в. наступление велось, как правило, на узком участке местности, на одном операционном направлении. Даже в 1812 г. при вторжении наполеоновской армии в Россию фронт наступления (от Ковно до Гродно) не превышал 150 километров. Разумеется, наступление русской армии проходило не на сплошном фронте, а на отдельных направлениях, имевших важное политическое и стратегическое значение. Так, наступлением крупной группировки русских войск в Восточную Пруссию достигались уничтожение отступавших туда основных сил наполеоновских войск, изоляция фран-

цузских войск от прусских, освобождение от противника значительной части прусской территории, ускорение разрыва между Францией и Пруссией и вовлечение последней в войну для совместной борьбы с Наполеоном. Наступление на Варшаву имело целью нанести поражение австрийским войскам, добиться отказа Австрии от военных действий против России, лишить французские войска выгодного плацдарма, каким было герцогство Варшавское. Успешное решение политических и стратегических задач в кампании 1813 г. позволило русской армии развернуть широкие наступательные действия и обеспечивало быстрое ее продвижение к Одеру и Эльбе.

Характерным в действиях русской армии на широком фронте было постепенное сужение фронта наступления с последующим сосредоточением основных сил на главном, решающем направлении. Если в начальный период наступательные действия русской армии развернулись более чем на 600-километровом фронте, то с выходом к Висле они протекали уже не более чем на 300-километровом фронте, а с выходом к Одеру фронт наступления сузился до 160 километров (на линии Кюстрин — Глогау). За Эльбой же к концу апреля основные силы армии сближались на фронте 50—60 километров и сосредоточивались в одном районе (Лейпциг, Люцен, Альтенбург).

Наступление русской армии на широком фронте с последующим сужением фронта (концентрическое наступление, как его принято называть) вытекало из тех политических и стратегических задач, которые стояли перед армией в кампании 1813 г. Решение этих важных задач, а именно освобождение Восточной Пруссии и Польши, требовало одновременных действий войск на широком фронте. Выступление крупных сил французских войск со стороны Эрфурта в направлении на Лейпциг и стремление Наполеона порознь разбить разобщенные союзные войска выдвинули в качестве центральной проблемы опережение противника в сосредоточении крупных сил на этом направлении.

Правильное понимание Кутузовым целей кампании, глубокое проникновение в обстановку и учет всех ее сторон, своевременное раскрытие замыслов противника позволили ему найти наиболее верные способы достижения этих целей. В результате примененного концентрического наступления были достигнуты крупные успехи. И как ни стремились некоторые историки объяснить этот успех исключительно мудростью Александра I или прусских

военачальников, эти надуманные утверждения оказались несостоятельными⁹⁸. Во-первых, идея (как и вполне сложившийся план) наступления у Кутузова родилась и проводилась в жизнь значительно раньше появления немецких генералов в штабе русской армии; во-вторых, принцип концентрического наступления для Кутузова не был новым. В своей полководческой практике он и раньше применял этот способ при решении крупных стратегических задач, прежде всего в Отечественной войне 1812 года.

Наступательные действия русской армии в 1813 г. характеризовались высокой активностью, что позволило, несмотря на численное превосходство противника, опиравшегося на ряд сильных крепостей, наличие крупных водных преград, развивать наступление на большую глубину. Через две недели после начала наступления русские войска вышли к Висле, в середине февраля они подошли к Одеру, а в начале апреля передовые отряды находились уже на Эльбе. Русские войска освободили от противника огромное пространство от Немана до Эльбы, продвинувшись на глубину до 1 тыс километров. Такой размах наступления (широкий фронт, большая глубина и высокий темп) мог быть достигнут лишь при условии продуманной организации наступления, строгой координации сил, маневренных действий войск, их высоких боевых и моральных качеств.

Важной особенностью наступления явилось создание значительного числа легких «летучих» отрядов, которые действовали впереди главных сил. С выходом войск к Висле было образовано более десятка таких отрядов, состоящих из конницы, егерей и конной артиллерии, численностью 500—2000 человек каждый. Эти передовые подвижные отряды направлялись далеко за Вислу, затем за Одер и к Эльбе. Они наносили внезапные удары по отдельным группам противника, уничтожали и пленяли их, овладевали складами с боеприпасами и продовольствием, доставляли штабу русской армии важные сведения о противнике. Действия передовых отрядов за Вислой и на Одере (число которых к этому времени возросло до 18) приобрели широкий размах. Ведя боевые действия в отрыве от главных сил армии, они выполняли важные задачи по разгрому войск противника и очищению от него территории.

Характерной, исключительно важной особенностью наступления, обеспечившего быстрое продвижение русской

армии, явилась его непрерывность, отсутствие сколько-нибудь значительных пауз. Наполеон стремился, как мы знаем, использовать наличие крупных водных рубежей (Висла, Одер) и сильных крепостей, остановить или надолго задержать наступление русской армии. Кутузов же, выделив необходимые войска для блокады крепостей, смело двинул армию вперед. Когда основные силы армии вышли на Одер и Эльбу, далеко в тылу (в Данциге, Торне, Модлине, Глогау) все еще находились блокированные войска противника. Они были изолированы, бездействовали и ни в какой мере не могли затормозить наступление русской армии.

Большую помощь и поддержку русская армия получала от немецкого и польского народов, и это в значительной мере ускоряло достижение победы над противником. Освобожденное население не только оказывало русской армии помощь в обеспечении ее продовольствием, фуражом, транспортом, но и само включалось в активные боевые действия, организуя ополченческие и партизанские отряды⁹⁹. Помощь и поддержка, которую получали русские войска от местного населения, были также результатом дружелюбного отношения к ним со стороны русских войск. В приказах Кутузова неоднократно отмечалось хорошее отношение войск к жителям. Объявляя благодарность войскам Милорадовича и Платова за похвальное поведение и «дружеское обхождение к жителям», Кутузов указывал, что этим они «доставляют пользу всей армии не только в настоящее, но и на предбудущее время»¹⁰⁰. «Весь немецкий народ за нас, даже саксонцы,— писал Кутузов в феврале 1813 г. из Калиша.— Немецкие государи не в силах больше остановить это движение. Им остается только примкнуть к нему. Между прочим, примерное поведение наших войск есть главная причина этого энтузиазма. Какая высокая нравственность наших солдат, какое поведение генералов!»¹⁰¹

Русские войска продвигались на Запад. Их с радостью и благодарностью встречали жители освобожденных ими городов и деревень. Для русского солдата, крестьянина-ополченца да и офицера-дворянина, впервые вступавших на чужие земли, многое было необычным: жители, их нравы. И, естественно, он сравнивал увиденное с тем, что есть в своей стране.

В этом отношении интересны мысли и рассуждения поручика лейб-гвардии Семеновского полка Александра Чичерина: «Я не люблю людей, которые чрезмерно под-

черквивают все чувства и не хотят ни видеть, ни слышать, ни ощущать ничего вне России... Мы видим здесь повсюду успехи цивилизации, они сказываются во всем: в обработке земель, в устройстве жилищ, в правах, — и все-таки я никогда, ни на минуту не захотел бы поселиться под иным небом, в иной стране, чем там, где я родился... Разве можно отказаться от того, что привязывает меня к жизни, от родных и друзей, от тех мест, которые я не могу видеть без сердечного волнения... никогда не слышать языка, которому учила меня мать. Нет, эта жертва слишком велика. Ничто ее не оправдает»¹⁰².

Результаты, достигнутые русской армией в кампании 1813 г., были показателем совершенствования ее военного искусства. Наряду с Кутузовым необходимо отметить плодотворную деятельность таких выдающихся военачальников, как М. Б. Барклай-де-Толли, М. И. Платов, А. П. Ермолов, Д. С. Дохтуров, П. П. Коновницын, М. А. Милорадович и целой плеяды молодых талантливых командиров, выросших во время Отечественной войны 1812 года. Как мы имели возможность убедиться, крушение наполеоновской империи, провал захватнических военных планов Наполеона явились отнюдь не результатом последнего сражения под Ватерлоо, о чем настойчиво твердили некоторые представители английской буржуазной историографии¹⁰³, а результатом напряженной и длительной борьбы русского народа и его армии, народов и армий европейских стран.

Основные силы наполеоновской армии погибли в России. Особое значение в уничтожении противника имели сражения под Смоленском, Бородиным, Малоярославцем, у Красного и на Березине. «Именно русская кампания сломила силу Наполеона, — отмечал спустя 100 лет известный английский публицист В. Сид. — После отступления французов из Москвы Лейпциг и Ватерлоо были только выводами из уже решенной задачи. То, что не смогла осуществить вся Европа, поддерживаемая Британией, сделали русские своим мужеством, героизмом, самопожертвованием»¹⁰⁴.

Война 1813 года венчала длительную борьбу с наполеоновской агрессией, результаты которой привели к изгнанию народов Европы от иноземного господства и обеспечили им независимое национальное развитие. Победа России в Отечественной войне 1812 года, освободительный подход русской армии сыграли решающую роль в освобождении Европы от наполеоновского владычества.

Глава пятнадцатая

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В БОРЬБЕ С НАПОЛЕОНОВСКОЙ АГРЕССИЕЙ

1

Война — это прежде всего вооруженная борьба, которую необходимо умело организовать. Можно иметь большую армию, обладать достаточными материально-техническими средствами и не добиться победы и даже потерпеть поражение. Для успешного хода и исхода вооруженной борьбы необходимо умелое, искусное использование вооруженных сил.

Военное искусство является важнейшим фактором, определяющим судьбу войны. В борьбе с наполеоновской агрессией русское военное искусство играло огромную роль. К тому времени оно значительно шагнуло вперед и существенно отличалось от западноевропейского военного искусства. Это отличие находило свое выражение прежде всего в более глубоком и верном понимании сущности и задач стратегии. Уже в практической деятельности и теоретических взглядах Румянцева и Суворова стратегия получила глубокую разработку и всестороннее обоснование. Ее задачи рассматривались в непосредственной связи с целями политики, с реальными условиями, с конкретной обстановкой. Достижение победы в кампании и войне в целом связывалось с решительными наступательными действиями, с разгромом живой силы противника в боях и сражениях.

Русские военные теоретики и полководцы рассматривали стратегию как руководство войной в целом, как важнейшую часть военного искусства, от которой зависят ход и исход войны. Полководцы стремились добиваться больших целей в войне активными средствами борьбы, целеустремленно и последовательно направляли усилия всех войск к решению главных задач.

Но стратегия, как и политика, всегда конкретна. Она изменяется от изменения внешнеполитической обстановки, от характера общественного и государственного строя, она зависит от уровня развития производительных сил,

от состояния вооруженных сил, от экономических возможностей страны и морального состояния войск.

В конце XVIII — начале XIX в., в период разложения феодализма и зарождения капитализма, сопровождавшегося быстрым ростом производительных сил, произошли серьезные изменения и в способах ведения войны. В результате Великой французской буржуазной революции на Западе появилась новая, национальная армия значительно большей численности, чем армии феодальных государств. Французская армия, преследуя решительные цели в войне, обладая высокой подвижностью и маневренностью, вносила иные, более эффективные способы ведения боевых действий по сравнению с другими западными армиями. В. И. Ленин, отмечая эту особенность, писал: «Как внутри страны французский революционный народ тогда впервые проявил невиданный в течение столетий максимум революционной энергии, так и в войне конца XVIII века он проявил такое же гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны...»¹.

Войны Французской буржуазной революции, как известно, вначале были прогрессивны: они велись против реакционных феодальных государств. Наполеон, став диктатором Франции, получил от революции богатое в военном отношении наследство — массовую, подвижную армию, способную наносить сокрушительные удары по противнику и быстро добиваться победы. Крупная французская буржуазия превратила последующие войны в захватнические, грабительские. Эти войны отражали агрессивные интересы крупной французской буржуазии. Наполеон стремился в исключительно короткие сроки силой оружия захватить и поработить ряд давно сложившихся крупных жизнеспособных национальных государств Европы.

Основной силой, на которой держалось все господство наполеоновской Франции над большей частью стран Западной Европы, была армия. Более 10 лет наполеоновская армия одерживала победы на Западе, покоря одну страну за другой. Именно в результате этих побед создавалось могущество Франции. В этих же войнах оформились в основном те принципиальные положения наполеоновского военного искусства, которые впоследствии были канонизированы и превращены в незыблемые законы ведения войны, пригодные якобы в борьбе против любой армии и при любых условиях.

В войнах с малочисленными и в военном отношении отсталыми армиями западноевропейских феодально-крепостнических монархий наполеоновская армия достигла значительных результатов. В этих войнах Наполеон, сосредоточивая крупные силы войск, наносил сокрушительные удары по армии противника, овладевал столицей и победоносно завершал войну. Так было с Австрией в 1805 г., когда французская армия почти без боя, а лишь одними маневрами окружила австрийскую армию под Ульмом, а затем, одержав победу над союзными армиями под Аустерлицем, превратила Австрию в вассала Франции. Так было и с Пруссией, армия которой была разгромлена в один день, 14 октября 1806 г., в сражениях при Иене и Ауерштедте, после чего вся страна оказалась в руках Наполеона.

Разумеется, эти успехи французской армии объясняются не только гениальностью ее полководца, а прежде всего отсталостью, слабостью западноевропейских армий и низким уровнем их военного искусства. Одержанные победы в войнах на Западе создали французской армии миф о ее непобедимости и непогрешимости наполеоновских стратегических принципов достижения победы в войне.

В войне 1812 года встретились две политики и соответствующие им две различные по своему характеру стратегии. Если стратегические взгляды Наполеона выражали империалистские, агрессивные интересы крупной французской буржуазии, стремившейся захватить чужие страны и поработить их народы, то русское стратегическое искусство отражало освободительные интересы своего народа, опиралось на сочувствие и поддержку широких народных масс.

Наполеон в лице Кутузова встретил полководца, который не только не воспринял его стратегические принципы и не пошел по пути подражания «классическому» западному военному искусству, но выдвинул принципиально отличную систему ведения войны. Кутузов глубже и вернее, чем Наполеон, понял, что те крупные изменения, которые произошли в военном деле, неизменно должны привести и к изменению форм и способов ведения войны. Важное теоретическое положение о стратегии войны высказал Кутузов еще в 1805 г. в письме Александру I: «Не смею, однако ж, скрыть от Вас, государь, сколь много предоставил бы я случаю, доверяя участь войны одному сражению»².

Здесь полководец сформулировал свою мысль предельно ясно: исход войны теперь нельзя связывать с одним генеральным сражением. Для того времени это была совершенно новая идея, она не могла получить признания у тех, кто находился под сильным влиянием практики военного искусства последних десятилетий, особенно успехов Наполеона, считавшего генеральное сражение единственным и наиболее эффективным средством достижения победы в войне.

Важнейшей чертой русской стратегии в войне 1812 года было верное отражение национально-освободительного, справедливого характера войны для русского народа, умение опереться на широкие народные массы и умело использовать их в вооруженной борьбе.

А. С. Пушкин справедливо назвал Кутузова народным полководцем. Он глубоко и верно определил историческое значение деятельности Кутузова в войне 1812 года: «Слава Кутузова неразрывно соединена со славой России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: спаситель России; его памятник: скала святой Елены!.. Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!»³.

В Отечественной войне 1812 года произошел кризис наполеоновской стратегии генерального сражения. Огромнейший стратегический просчет Наполеона состоял в недооценке сил и способностей русского народа, боровшегося за свою национальную независимость. Наполеон предполагал вести войну только с армией, в то время как он встретил сопротивление всего народа. Просчет Наполеона состоял также и в переоценке сил и способностей своей армии. Он не учитывал того немаловажного фактора, что его армия уже не была той армией, на знаменах которой когда-то были начертаны лозунги свободы, равенства и братства.

Превосходство русского военного искусства над французским в том и состояло, что оно не только опиралось на силы и возможности армии, но учитывало и умело использовало силы народа.

Кутузов, как талантливый стратег, в своих расчетах не только принимал во внимание самоотверженную борьбу народных масс, но, несмотря на противодействие царя, и всемерно поощрял ее, видя в этом один из важнейших факторов достижения победы над врагом. Он учитывал происходившие изменения в военном деле и для достижения победы в войне применял все многообразие форм

борьбы, а не связывал ее только с одним генеральным сражением как единственно возможным способом достижения победы в войне.

Русской стратегии в войне 1812 года были чужды шаблоны и консерватизм. В ней применялись новые формы и способы ведения войны, отвечавшие изменившимся историческим условиям. Стратегии пришлось решать неизмеримо более сложные задачи, чем это было в последних войнах XVIII в. В Отечественной войне 1812 года важнейшая политическая задача состояла в освобождении России от вторгшейся захватнической наполеоновской армии. Кампания 1813 г. в политическом отношении, кроме сокрушения военного могущества Наполеона в Европе, должна была привести к освобождению народов западноевропейских стран от наполеоновского ига и присоединению их к общей борьбе против агрессора.

Если в войнах второй половины XVIII в. основная борьба России происходила на юге против агрессивных устремлений султанской Турции, чья армия и военное искусство были, безусловно, слабее русской армии и русского военного искусства, то в войне 1812 года главные события происходили на Западе против сильного и коварного агрессора, обладавшего подготовленной и обеспеченной всем необходимым большой армией с многолетним военным опытом.

В этих резко изменившихся условиях ведения войны, при неблагоприятно складывавшейся в ее первом периоде обстановке русская стратегия находила верные способы и средства для ликвидации имевшихся у противника преимуществ, включив в борьбу те силы, которые привели затем к крупному стратегическому выигрышу, к достижению больших политических целей в войне.

Но усложнение вооруженной борьбы, естественно, влекло за собой и усложнение стратегического руководства. Стратег должен был учитывать всю совокупность обстановки, взвешивать все ее положительные и отрицательные стороны, всесторонне анализировать все факторы, влиявшие на вооруженную борьбу, реально учитывать как свои силы, так и возможности противника. «Я же по долгу своего положения, — говорил Кутузов, — подчиняюсь расчетам и обязан все хорошенько взвешивать»⁴. Всесторонний учет обстановки и глубокий ее анализ придавали стратегическим решениям Кутузова обоснованный, продуманный характер. Они отражали объективный учет конкретных условий, в которых велась

война. В зависимости от складывающейся обстановки его действия были осмотрительными и осторожными или смелыми и решительными.

В войнах того времени полководец не только непосредственно осуществлял руководство войсками, но, как правило, был и творцом стратегических планов войны. Если говорить о стратегических планах Кутузова в войне 1812 года, то они отличались продуманностью и реальностью. Кутузов хорошо знал, что победа над противником достигается только в результате решительных наступательных действий, в результате сокрушения вооруженных сил врага. Его взгляды в этом отношении были совершенно определенными. Но трезвый ум полководца учитывал, что не всегда и не везде создаются возможности для наступательных действий. В ходе военных действий условия могут сложиться таким образом, что не окажется реальных перспектив на успех наступления: не будет тех людских и материальных ресурсов, которые определяют ход и исход наступательных действий.

Гибкость русской стратегии — одна из ее особенностей в борьбе с наполеоновской агрессией. Русское командование, будучи поставлено в первый период войны в невыгодные условия борьбы, вынуждено было прибегать к стратегической обороне и к отступлению. Такие действия дали повод некоторым военным теоретикам оценивать русскую стратегию в войне 1812 года как оборонительную, пассивную. Такой взгляд был основан на одностороннем подходе, когда на первый план выставлялись действия оборонительного характера, без учета причин, их вызвавших, и без показа тех последствий, к которым они приводили. Конечно, оборонительные действия русской армии в войне 1812 года занимали значительное место и играли важную роль. В период стратегической обороны применялись и вынужденный отход, и сложные маневры.

Но значит ли это, что вся стратегия носила пассивный характер? Безусловно, нет. В русском военном искусстве оборона не рассматривалась как особая стратегическая цель, а была лишь необходимым средством, которое давало возможность создать более благоприятные условия для дальнейшего ведения войны.

Характерной особенностью обороны было ее завершение переходом войск к наступательным действиям. Как только достигались задачи по ослаблению противника и усилению своих сил, в военных действиях происходил

резкий перелом: от обороны русская армия переходила к наступательным действиям. На Дунае в 1811 г. оборонительные действия привели к последующему окружению войск противника, а в войне 1812 года после обороны русская армия перешла в контрнаступление.

В умении добиваться победы в невыгодно сложившихся условиях борьбы над сильным противником, обладавшим вначале значительными преимуществами, состояла одна из особенностей русского стратегического искусства.

Важнейшей чертой русской стратегии в борьбе с наполеоновской агрессией был ее ярко выраженный активный характер. Активный характер стратегии проявлялся в том, что все действия войск как в обороне, так и в наступлении подчинялись достижению главной стратегической цели — уничтожению армии противника, разгрому живой силы врага. Правильное понимание того, что только уничтожение неприятельской армии обеспечивает полную победу, определяло все содержание стратегии войны 1812 года. В этом отношении взгляды Кутузова были весьма близки к взглядам Румянцева и Суворова, являлись их дальнейшим развитием. «Никто не покорял города, не разделавшись прежде с силами, его защищающими», — писал П. А. Румянцев 21 августа 1769 г. Н. И. Панину⁵. В войне 1812 года только в результате сокрушительных ударов русской армии в период контрнаступления, окончательно уничтожившего наполеоновские войска, было обеспечено освобождение России и достигнута полная победа над врагом. «Истребление врага до последней черты возможности»⁶ — одно из постоянных требований Кутузова.

Для достижения главной цели — полного уничтожения сил врага — русская стратегия исходила из реальной обстановки и решала эту задачу целеустремленно и последовательно. Кутузов, как стратег, учитывал, что при возросшей численности армий и увеличившемся театре военных действий невозможно в одном генеральном сражении уничтожить армию противника. Нужно значительно шире применять разнообразные формы и способы вооруженной борьбы.

Русская армия в определенные периоды применяла оборону, контрнаступление и наступление, осуществляла смелые маневры, организовывала и успешно проводила параллельное преследование и окружение.

Контрнаступление занимало важное место в боевых действиях русской армии в войне 1812 года. Одной из

важнейших предпосылок выдающихся результатов этой формы борьбы была тщательная и продуманная подготовка, которая проводилась в крайне сжатые сроки и в условиях непрекращающейся борьбы с наступавшим противником. Трудность состояла также и в том, что подготовка к контрнаступлению должна была не только восполнить имевшееся неравенство в силах и средствах, но и обеспечить значительное превосходство над силами и средствами противника.

Успешное решение этой сложной проблемы — одно из больших достоинств русской стратегии в войне 1812 года. Вся подготовка к контрнаступлению была проведена за полтора месяца. За это время, несмотря на все трудности и препятствия, была создана сильная армия, которая, перейдя в контрнаступление, сумела полностью разгромить наполеоновскую армию. Такого размаха боевых действий и таких результатов западноевропейское военное искусство не имело.

Правда, в военной истории боевые действия войск, сочетавшие в себе оборону с последующим переходом в контрнаступление, известны были и раньше. Однако не всякой армии удавалось применить контрнаступление в крупном стратегическом масштабе. Успешных результатов добивались лишь те армии, которые обладали высокими морально-боевыми качествами, опирались на прочный тыл, на моральную поддержку народа. Именно в таких освободительных войнах наиболее часто практиковался этот сложный вид борьбы, в результате умелого применения которого армии добивались перелома в войне и одерживали победы.

В стратегическом отношении подготовка, организация и проведение контрнаступления в войне 1812 года были решены весьма успешно, особенно проблема создания крупных резервов, позволивших вести контрнаступление в высоком темпе и на большую глубину. Опыт контрнаступления русской армии в войне 1812 года дал много ценного в области планирования кампании и войны, сосредоточения сил для достижения главной цели — уничтожения армии противника, стратегического руководства армиями на широком театре военных действий, организации взаимодействия и управления войсками. Практическое решение этих вопросов вносило существенные изменения в военную теорию вообще и в теорию стратегии в частности, давало их развитию новый толчок.

Теория контрнаступления как особого вида наступа-

тельных действий в досоветский период, как известно, не была разработана. Только советская военная наука сумела создать ее, используя при этом и те достижения, которые имелись в русском военном искусстве, в том числе, разумеется, положительный опыт подготовки и ведения контрнаступления в Отечественной войне 1812 года.

Организация и проведение крупнейших стратегических контрнаступательных операций в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге привели к коренному изменению военных событий не только на советско-германском фронте, но и оказали решающее влияние на весь последующий ход второй мировой войны.

В Отечественной войне 1812 года по сравнению с прошлыми войнами значительно возрос размах наступательных действий, военное искусство обогатилось новыми формами наступления. Если в войнах XVIII в. наступление осуществлялось преимущественно на оборонявшегося противника, то в войне 1812 года успешно применялось наступление против активно действовавшего противника.

В боевой практике русских войск нашло широкое применение наступление по внешним операционным линиям. Если французская армия отдавала предпочтение действиям по внутренним операционным линиям и всегда стремилась добиться успеха путем нанесения сильных ударов по разобщенным, отдельным частям противника, то русская армия дала поучительные примеры нанесения концентрических ударов, которые в новых условиях сказались более эффективной формой наступления.

В свое время действия по внутренним операционным линиям приводили к успешным результатам. Об этом свидетельствовала и богатая военная практика Суворова, и опыт наполеоновских войн в Западной Европе. Но эта форма была приемлемой и выгодной в условиях борьбы небольших армий на ограниченном театре военных действий. При численно разросшихся армиях и усложнившейся борьбе она уже не могла давать таких результатов. Стремление Наполеона действовать в начальный период войны 1812 года по внутренним операционным линиям и порознь разбить 1-ю и 2-ю Западные армии успеха не имело. В то же время концентрическое наступление русских армий привело, в сущности, к окружению наполеоновских войск на Березине и почти к полному их уничтожению.

Еще больший размах концентрическое наступление получило в действиях русской армии в Европе в 1813 г. Наступление, начавшееся на широком фронте, проходило одновременно по трем направлениям и в нужный момент приводило к сосредоточению армий в одном наиболее важном районе (Лейпциг—Альтенбург), где назревала основная борьба с подходившими туда наполеоновскими войсками.

Такое одновременное наступление на нескольких направлениях позволяло значительно ускорить решение стратегических задач.

Из приведенных примеров нетрудно убедиться, что основной стратегический тезис «Врозь идти — вместе сражаться», впервые высказанный якобы Мольтке, был известен задолго до него и успешно применялся русскими полководцами на практике в период борьбы с французскими армиями.

Определяя роль и стратегическое значение оборонительных и наступательных способов борьбы, применявшихся в войнах с Наполеоном, нельзя не указать и на широкое использование маневра с целью создания более выгодных условий для своих войск. Неблагоприятно складывавшаяся обстановка заставляла русские войска, прежде чем вступать в решительную борьбу с противником, предпринимать сложные маневры. Так было в начальный период войны, когда в результате успешно осуществленных маневров 1-й и 2-й Западных армий им удалось соединиться в Смоленске. Тарутинский маневр, так искусно осуществленный русской армией, по своим масштабам и значению был маневром стратегического характера. В результате его успешного проведения коренным образом менялась стратегическая обстановка: войска противника оказывались в худшем положении, а русская армия получала возможность развертывать активные наступательные действия.

Само собой разумеется, что применение тех или иных форм и способов борьбы определялось не личными желаниями полководца, а конкретно складывавшейся обстановкой, объективно действовавшими закономерностями вооруженной борьбы. Заслуга полководца в том и состояла, что он умел глубоко разобраться во всей совокупности политической и военной обстановки, правильно оценить все ее положительные и отрицательные стороны, принимать всесторонне обдуманые стратегические решения и настойчиво добиваться их осуществления.

При решении стратегических проблем в борьбе с наполеоновской армией большое значение придавалось выбору направления главного удара и сосредоточению основных усилий на важнейшем направлении. Выбор направления главного удара в стратегии всегда играл определяющую роль. От того, насколько правильно избрано основное направление, во многом зависит исход операции и кампании. В войнах того времени при отсутствии сплошных фронтов выбор направления главного удара сводился к определению операционной линии, на которой необходимо было сосредоточивать основные усилия, а это в период перехода русской армии к активным наступательным действиям приобретало исключительно важное значение. После оставления русской армией Москвы и сосредоточения ее в Тарутинском лагере Александр I из Петербурга требовал, не зная положения дел, перенести основные усилия борьбы на коммуникации противника, возлагая центр тяжести борьбы на армию Чичагова и корпус Витгенштейна. Кутузову же приказывалось начать наступление на армию Наполеона, находившуюся в Москве. Несостоятельность такого решения была очевидной, так как предложенный план находился в резком противоречии с конкретно складывавшейся обстановкой, приводил к распылению сил и не достигал необходимых результатов. Все это дало Кутузову основание сразу же заявить об ошибочности определения в этом плане операционной линии. «Сказать должно,— писал он в донесении царю 10 сентября 1812 г.,— что отдаленные диверсии от главного действия войны не могут иметь над ней такого влияния, как ближние»¹.

Как известно, развитие военных событий вскоре же подтвердило правильность взглядов Кутузова, а его глубоко продуманное решение — наносить главный удар по отступающему противнику от Малоярославца вдоль Смоленской дороги — привело к выдающимся результатам, так как именно на этом направлении сосредоточивались усилия воюющих сторон, здесь происходила основная борьба, от исхода которой зависела судьба России.

Если под этим же углом зрения рассматривать военные события 1813 г., то станет ясным, что принятое Кутузовым решение наносить основной удар на Кенигсберг—Данциг было продиктовано серьезными соображениями. Наступление в Восточную Пруссию приводило к разгрому наиболее важной группировки противника, значительно ускоряло присоединение Пруссии к антина-

полеоновской коалиции, давало возможность быстро двинуть свои войска за Одер и к Эльбе для борьбы с выдвигавшимися туда вновь сформированными наполеоновскими войсками. Определение основного направления для нанесения главного удара по противнику сочеталось с постоянным стремлением полководца сохранять инициативу в своих руках, настойчиво добиваться выполнения своих замыслов и срывать планы противника.

В тесной связи с выбором направления главного удара находилась проблема сосредоточения основных усилий на избранном направлении. Русская стратегия, отвергнув кордонную систему (предусматривавшую равномерное распределение сил), стремилась сосредоточивать силы на тех направлениях и на тех участках, где обеспечивалось наиболее быстрое достижение общей стратегической цели. При постоянном недостатке сил и средств, с которыми приходилось русской армии начинать борьбу с противником, в условиях ограниченности подвижных средств решение этой проблемы представляло серьезные трудности.

Опыт войны 1812 года и боевых действий русской армии в 1813 г. дает яркие примеры успешного решения проблемы сосредоточения сил. В первые же дни командования армиями Кутузов совершенно отчетливо выразил свой взгляд на необходимость быстрейшего соединения Главной армии с основными силами 3-й Западной армии, находившейся на второстепенном участке. Он настаивал перед царем на немедленной переброске всех возможных сил к Москве для соединения их с 1-й и 2-й Западными армиями и объединения усилий в борьбе с главной группировкой наполеоновских войск. Не понимая всей важности этих стратегических мероприятий, Александр I и недалёковидные военачальники тормозили и срывали их проведение. И лишь в силу высокого патриотизма народа, настойчивости и энергичной деятельности Кутузова удалось в сравнительно короткие сроки сосредоточить под Москвой (в районе Тарутина) за счет резервов, ополчения и партизан крупные силы войск, которые были способны перейти в решительное контрнаступление и нанести сокрушительное поражение наполеоновской армии.

Тот же принцип, но еще более успешно осуществлялся в наступательных действиях русской армии в 1813 г. Кутузов настойчиво требовал от командующих не распылять сил. Его последним указанием было: «Надобно стараться, сколь можно поспешнее сосредоточивать

армию за Эльбой»⁸. Наступление, начатое на широком фронте, в нужный момент привело к сосредоточению всех сил к одному району, за Эльбой, где назревали основные события в связи с выдвиганием туда вновь сформированных наполеоновских войск.

Непосредственно с проблемой сосредоточения сил на решающих направлениях связаны мероприятия по организации стратегического взаимодействия войск. В условиях войн начала XIX в. это были вопросы исключительной сложности. При увеличившемся театре военных действий и резко возросшей численности войск, при наличии таких самостоятельно действовавших на отдельных направлениях войсковых объединений, как армии, координация и взаимодействие войск были крайне необходимы. Победа могла быть достигнута только в результате общих усилий, при согласованных целеустремленных действиях войск.

Практическое же осуществление согласованных действий войск встречало в то время чрезвычайно большие трудности. Это объяснялось, во-первых, крайне ограниченными возможностями быстрого передвижения войск; во-вторых, примитивным характером средств связи, не позволявших непрерывно и быстро управлять разобщенными группировками войск; в-третьих, отсутствием полной власти в руках главнокомандующего.

Несмотря на эти усложнявшие дело обстоятельства, война 1812 года дала поучительные примеры согласованных действий крупных войсковых объединений на широком пространстве. Главнокомандующий и штаб русской армии руководили и управляли четырьмя, а после объединения — двумя армиями и отдельным корпусом (по существу, армией), многочисленными партизанскими отрядами и ополчением. В период контрнаступления усилия всех войск направлялись на достижение главной цели — на полный разгром наполеоновской армии.

Надо, конечно, иметь в виду, что стратегическое взаимодействие в войнах того времени только зарождалось. Основной формой координации действий войск были распоряжения главнокомандующего и его штаба, информация и донесения от командующих армиями, корпусами и партизанскими отрядами. В распоряжениях командующим армиями подробно сообщалось о состоянии и положении войск противника, о действиях и месте нахождения своих войск, их ближайших задачах, указывался порядок взаимодействия с другими войсками.

В ходе контрнаступления, согласовывая действия войск Главной армии, 3-й Западной, корпуса Витгенштейна, партизанских отрядов, Кутузов лично и через свой штаб каждому из военачальников ставил конкретные задачи, информировал их о положении войск — своих и противника — на других направлениях. В период широко развернувшегося наступления за границей в 1813 г., когда боевые действия проходили на нескольких, значительно удаленных одно от другого направлениях, вопросы взаимодействия приобретали еще большее значение. Бои проходили одновременно под Данцигом и Варшавой, у Торна и за Одером. На большом пространстве действовало несколько крупных группировок, выделявших от себя большое число отдельных передовых и партизанских отрядов, которые продвигались далеко вперед от основных сил. В этих условиях координация действий войск представляла большие трудности. Штаб и Кутузов должны были быть постоянно в курсе всех событий, происходивших на всем театре военных действий, информировать войска и направлять их усилия в соответствии с общим планом.

В качестве основного документа, в котором определялись задачи войск по времени и пространству, явилась введенная Кутузовым «Таблица движения армий». В этой «Таблице», рассылавшейся войскам, на каждый день указывались задачи, направления движения войск, характер их взаимодействия с другими частями. В одном из писем Витгенштейну Кутузов, подробно изложив общий план действий, сообщал: «Таблица движения колонн Главной армии, с показанием которого числа, где какая колонна быть имеет, к Вам уже доставлена, таковую ожидаю от Вас с означением движения колонн вверенной Вам армии»⁹.

Из приведенных примеров видно, что согласованные действия войск, их стратегическое взаимодействие получили в войне 1812 года большое развитие. Несмотря на незавершенность формы, они играли значительную роль в дальнейшем совершенствовании методов управления войсками. В целом же война с наполеоновской агрессией внесла серьезные изменения в формы и способы вооруженной борьбы, в теорию и практику военного искусства, особенно в ее высшую область — стратегию.

Не оставалась неизменной, разумеется, и тактика. Русская военно-теоретическая мысль по-прежнему, чем западноевропейская, определяла роль и задачи тактики. Западноевропейские полководцы, строго разграничивая задачи стратегии и тактики, считали, что роль стратегии состоит в том, чтобы создать благоприятные условия для сосредоточения и подведения армии к полю боя с тем, чтобы затем передать все дело тактике, которая и должна решать исход кампании или войны в целом в одном генеральном сражении.

Причем, как учила военная теория того времени, генеральное сражение составляло венец тактики, ее последнее слово. Известный русский военный теоретик Г. А. Леер, писал: «Драться — это конечная цель тактики, нимало не думая о том, зачем драться, равно как и о последствиях боя»¹⁰.

Во французской армии функции тактики и по времени, и по пространству не выходили за рамки генерального сражения. За время кампании или войны к тактике обращались главным образом в период ведения генерального сражения, которое, как известно, протекало в ограниченное время и на ограниченном участке местности.

Совершенно иную роль и значение приобретала тактика в русском военном искусстве. Исходя из основного положения о том, что победа в войне достигается не одним-двумя генеральными сражениями, а комплексом боев и сражений, роль тактики неизмеримо возрастала, ее рамки значительно расширялись, разнообразнее становились тактические способы борьбы.

Особенно важную роль тактика выполняла в периоды невыгодно складывавшейся стратегической обстановки на театре военных действий. В первый, наиболее трудный период войны 1812 года, когда разобщенные русские армии отступали в глубь страны, тактика вынесла на себе основную тяжесть борьбы. Бои у Вилькомира, в районе Мира и Романово, под Островно, бои у Салтановки и в Смоленске изматывали и обескровливали наседавшего врага. Преимущественно это были арьергардные бои. Они носили упорный характер, тормозили и задерживали продвижение противника.

Тактика первого периода войны обеспечила русской армии решение крупной стратегической задачи — соединение 1-й и 2-й Западных армий под Смоленском. И как ни стремился Наполеон разбить русские войска порознь,

добиться этого ему не удалось. Русские войска, навязывая противнику упорные арьергардные бои, устраивая на пути его движения засады, широко используя в бою маневр и другие активные формы и методы борьбы, разрушали и срывали планы Наполеона.

Русская военно-теоретическая мысль в основном рассматривала тактику не изолированно от стратегии, а в тесной связи с ней. Перед войсками ставились такие тактические задачи, которые исходили из реальных возможностей и общей стратегической обстановки. Иногда в интересах достижения конечной цели допускались даже временные территориальные жертвы. Одержанные победы у Бородина, на реке Чернишне под Тарутином не реализованы именно из-за стратегических соображений.

На второй день после Бородинского сражения имела возможность продолжать борьбу. Русская армия могла перейти к наступательным действиям. Но эти действия приводили лишь к временному успеху, они могли закончиться крупной стратегической неудачей, так как наполеоновская армия, отступая на запад, приближалась бы к своим резервам и базам, а русская армия, наоборот, удалялась бы от своих баз и резервов.

Учет и оценка всей обстановки заставили Кутузова отказаться от наступления и принять иное решение, хотя оно и было связано с большими территориальными потерями и даже временной сдачей противнику Москвы. Но именно это решение привело в последующем к выдающимся стратегическим результатам. «Когда дело идет не о славе выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии... я взял намерение отступить», — писал Кутузов¹¹.

Подобные взгляды разделялись далеко не всеми. Такие генералы, как Беннигсен, Уваров и другие, после Бородинского сражения настаивали во что бы то ни стало дать новое сражение у стен Москвы, несмотря на невыгодную позицию и на отсутствие достаточных для этого сил и средств. Кутузов же, как мы знаем, исходя из всесторонней оценки обстановки, общей стратегической цели, отказался от нового сражения. «Не мог я никак отважиться на баталию, — писал он, — которой невыгоды имели бы последствием не только разрушение остатков армии, но и кровопролитнейшее разрушение и превращение в пепел самой Москвы»¹². Уже значительно позже, возвращаясь к этому вопросу, Кутузов вспоминал: «Тягостно мне было оставлять Москву, но и дать сражение

находил я, в случае неудачи, неразлучным, может быть, с окончанием кампании»¹³.

Таким образом, при решении вопроса о целесообразности сражения Кутузов исходил не только из тактических соображений, но и из стратегических расчетов, из учета тех последствий, к которым может привести сражение. Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что Кутузов рассматривал тактические действия в непосредственной связи со стратегическими целями, подчинял тактику интересам стратегии.

Одной из наиболее важных черт тактики русской армии в войне 1812 года является ее активный характер. Будь то наступление или оборона, перед войсками всегда ставилась решительная цель — максимальное поражение и разгром живой силы противника.

Классическим образцом активной обороны явилось Бородинское сражение. Решительность боевых действий в этом сражении сочеталась с глубоким построением боевых порядков, сосредоточением основных сил на решающем участке, широким маневром своими силами и средствами в ходе боя, выделением резервов, проявлением подчиненными разумной инициативы. Все это позволило русским войскам нанести крупное поражение наполеоновской армии.

Разгром противника в бою был главной целью в тактике русской армии. Войска всегда, когда это было возможным, стремились реализовать до конца достигнутую победу, рассматривая преследование как обязательный, завершающий акт боя. Кутузов хорошо помнил образное изречение Суворова, что «недорубленный лес опять вырастает»¹⁴, и твердо придерживался правила учителя — преследовать неприятеля, пока он не будет истреблен.

— Правда, были и исключения из этого правила. Так, после внезапного удара по авангарду Мюрата на реке Чернишне имелась возможность продолжать и дальше преследование войск противника, не прекращать его. Однако, добившись тактического успеха — разгрома противника на поле боя, русские войска не погнались за войсками Мюрата, так как это отвлекло бы главные силы для борьбы с второстепенной группировкой противника и дало возможность Наполеону выйти главными силами во фланг и тыл русской армии.

Но зато после успешного сражения под Малоярославцем, когда создалась реальная возможность окончательного разгрома наполеоновских войск, русские войска все-

ми силами перешли в контрнаступление, организовали длительное преследование, сочетая его с систематическими ударами по противнику. Это преследование и по организации, и по размаху, и по активности не имело до этого себе равных в истории военного искусства.

В тактике русской армии дальнейшее развитие получил принцип сосредоточения основных сил на решающем участке сражения. Наиболее показательным примером является Бородинское сражение. Две трети всех русских войск (около 90 тыс человек) были сосредоточены на правом фланге и в центре. Из семи пехотных корпусов и пяти кавалерийских (считая две кирасирские дивизии за корпус) на этом участке находилось пять пехотных и четыре кавалерийских корпуса. Созданием такой сильной группировки прочно прикрывалось основное направление на Москву вдоль Новой Смоленской дороги, а также обеспечивалась возможность осуществлять широкий маневр в ходе сражения.

Маневрирование силами и средствами на поле боя — одна из характерных, отличительных особенностей тактики русской армии. Еще из опыта русско-турецких войн был сделан вывод, что линейный боевой порядок, которого придерживались тогда западноевропейские полководцы, исключал возможность маневрирования войсками на поле боя, связывал их действия. Отбросив непригодную линейную тактику, в русской армии смело стали применять маневр на поле боя, использовать различные боевые построения войск.

Широко использовался маневр и в ходе Бородинского сражения. Здесь прежде всего необходимо отметить блестяще осуществленный русским командованием маневр конницей. Рейд казачьих полков Платова и кавалерийского корпуса Уварова оказал огромное влияние на дальнейший ход сражения: он расстроил подготовлявшуюся французами атаку, вызвал у противника тревогу за свой левый фланг и заставил Наполеона перебросить к месту прорыва часть своих сил. В то же время русские, пользуясь замешательством противника, получили возможность усилить левый фланг и центр позиции, перебрасывая на эти участки войска с правого фланга и из резерва.

Маневр пехотой и кавалерией производился также и вдоль фронта (с правого фланга на левый). В ходе сражения были перебросены 2-й пехотный корпус в район Утицы, 4-й пехотный и 2-й кавалерийский корпуса —

в район батареи Раевского, отдельные полки направлялись из резерва в центр и на левый фланг.

Маневр применялся и в наступательном, и в оборонительном боях для того, чтобы поставить свои войска в наиболее выгодное положение по отношению к противнику в целях нанесения ему удара и отражения его атак.

В тактике русской армии в войне 1812 года нашли дальнейшее развитие творческое совершенствование боевых порядков войск, умелое использование родов войск в соответствии с их возможностями. Русское военное искусство значительно превосходило в этом военное искусство западноевропейских армий.

Составной частью боевого порядка русских войск был рассыпной строй егерей. Егеря как облегченный вид пехоты сформировались в русской армии еще в середине XVIII в. Их появление связано с именами Румянцева и Суворова. Но тогда из-за небольшой численности они не могли играть существенной роли на поле боя. Егерские команды и батальоны использовались в основном в авангарде, в разведке, для прикрытия кавалерии и артиллерии. В войне 1812 года егерская пехота получила дальнейшее развитие, ее численность резко увеличилась.

В связи со значительным увеличением в армии егерей возросла и их роль на поле боя. На них, так же как и на линейную пехоту, стали возлагаться основные задачи в бою. Но их тактика была совершенно отличной от тактики линейной пехоты. Егеря требовали иного боевого построения. В правильном решении этой проблемы большая заслуга Кутузова. В его деятельности получила дальнейшее развитие тактика егерской пехоты. Разумеется, при этом Кутузов руководствовался «не свободным творчеством ума», а учетом изменений в военном деле, учетом объективных возможностей, имевшихся в русской национальной армии.

В основу тактики егерей были положены в отличие от скованных, связывавших солдата линейных боевых построений действия в рассыпном строю. Это давало значительные преимущества перед линией и каре, позволяло солдату действовать более инициативно, а главное — давало ему возможность вести прицельную стрельбу, что было, несомненно, более эффективным средством, чем нецельный, залповый огонь.

В боевом построении войск егеря располагались обычно в авангарде, впереди общей линии боевого порядка (в россыпи или отдельными группами), использовались

на открытых флангах и для обороны тактически важных пунктов.

Сочетание каре и колонн с рассыпным строем егерей было основной формой боевого построения войск в русской армии. Такой принцип позволял в зависимости от обстановки быстро создавать необходимый боевой порядок и группировку.

Составным элементом боевого порядка был резерв. Выделение резерва, способного в обороне своевременно усиливать войска на наиболее важных участках, а в наступлении — подкреплять их, — одна из отличительных особенностей тактики русской армии в войне 1812 года. Во всех крупных сражениях всегда выделялся резерв. По своей силе и составу он способен был решать серьезные тактические задачи. В обороне резерв использовался для восстановления положения на одном из участков позиции, при организации контратак, при нанесении внезапного удара; в наступлении — для развития успеха, для закрепления выгодного рубежа, для преследования противника.

Наиболее характерным примером выделения сильных резервов и их искусного использования в войне 1812 года является Бородинское сражение. В боевом построении армии имелись общий и частные резервы. За правым флангом расположения русских войск в резерве находился 1-й кавалерийский корпус Уварова и девять казачьих полков генерала Платова; за левым флангом — 2-я гвардейская и 2-я кирасирская дивизии, две артиллерийские бригады, пионерные роты. В центре, в районе деревни Князьково, был создан общий резерв в составе 5-го пехотного корпуса и 1-й кирасирской дивизии. Кроме того, имелся сильный артиллерийский резерв. В состав резерва были включены пехота, кавалерия, артиллерия и инженерные подразделения. Это давало возможность непрерывно питать бой свежими силами, осуществлять смелый и решительный маневр и своевременно влиять на ход сражения.

Строгое приказание Кутузова о сбережении резервов, о сохранении их до решительного момента сражения пунктуально выполнялось командующими армиями. «Командирам без особой надобности не вводить в дело свои резервы»¹⁵, — требовал Барклай-де-Толли. «Резервы иметь сильные и сколько можно ближе к укреплениям, как батарейным, так и полевым»¹⁶, — указывал Багратион. Создание сильных общего и частных резервов из всех

родов войск, умелое, расчетливое использование их во многом определили успешный исход Бородинского сражения.

Боевые порядки значительно отличались от боевых порядков войск второй половины XVIII в. прежде всего своим развитием в глубину. Глубина боевых порядков войск при их линейном построении была чрезвычайно мала. Она не превышала 300—400 метров. С появлением же каре и колонн глубина боевых порядков значительно возросла.

В Бородинском сражении боевой порядок состоял из стрелковых цепей, двух линий пехотных колонн, двух кавалерийских линий и резерва. В каждом пехотном корпусе две дивизии располагались одна возле другой, построенные в полковые колонны. Пехотные полки строились в батальонные колонны в две линии. Между колоннами оставлялись интервалы (200—250 шагов), позволявшие пехоте производить быстрое развертывание. В 300—400 шагах позади пехоты строилась кавалерия в две линии развернутых эскадронов, что давало ей возможность с ходу переходить в атаку. Полковая артиллерия располагалась между первой и второй линиями пехотных колонн и на флангах. Резервы находились на удалении 600—800 метров от кавалерии. При таком построении боевого порядка тактическая плотность на километр фронта при ширине фронта в 8 километров составляла: на правом фланге и в центре — 15—16 тыс человек, на левом фланге — 12—13 тыс.

Общая глубина боевого порядка доходила до 4 километров.

Глубокий боевой порядок, вызванный к жизни главным образом совершенствованием огнестрельного оружия, и прежде всего артиллерии, оказал непосредственное влияние на тактику, на характер использования родов войск в бою. Он придавал бою активный, упорный характер, обеспечивал возможность применять широкий маневр на поле боя, осуществлять взаимодействие между войсками, вести массированный артиллерийский огонь, наносить по противнику внезапные, сильные контрудары.

Бой по-прежнему велся тремя основными родами войск: пехотой, кавалерией и артиллерией. Но роль каждого из родов войск, выполняемые ими задачи существенно изменились. Пехота, составлявшая большую часть войск, несла на себе основную тяжесть борьбы как в наступательных, так и оборонительных боях. Она осуществ-

ляла стремительные атаки, вела упорную оборону, участвовала в преследовании противника. В ее действиях сочетались огонь, маневр и штыковой удар.

В русской армии решающее значение придавалось огневому бою. Но как бы ни был эффективен залповый и прицельный огонь пехоты, однако по своим возможностям гладкоствольное ружье, заряжавшееся с дула и обладавшее крайне ограниченной дальностью стрельбы, не могло быть единственным оружием атаки. При убойной дальности ружейного огня в 60—80 метров, при длительности процесса заряжания ружья того времени нельзя было в бою опираться только на ружейный огонь.

В действиях русских войск сочетались огонь, маневр и удар холодным оружием. Особенно отчетливо это сочетание можно видеть на примере сражений у Бородина и под Малоярославцем. Огонь, являясь основным средством поражения живой силы противника, дополнялся штыковым ударом. Суворовские традиции сокрушительного штыкового удара оправдывали себя и в последующих войнах. При отражении атак противника, при переходе своих войск в атаку неременным требованием было доводить дело до штыкового удара. В диспозиции к Бородинскому сражению Кутузов указывал: «В случае наступательного во время действия движения оное производить в колоннах к атаке, в каковом случае стрельбою отнюдь не заниматься, но действовать быстро холодным ружьем»¹⁷.

Большую роль на поле боя играла и кавалерия. В боевом порядке она находилась или на флангах пехотных каре и колонн, или за боевыми порядками пехоты, составляя самостоятельную линию. Включалась она также и в состав резервов. Кавалерия использовалась большими массами (преимущественно корпусами) для отражения атак противника, для нанесения внезапных ударов, при преследовании.

В Бородинском сражении русская кавалерия хотя и уступала по своей численности наполеоновской, но по боевым качествам, маневренности, скорости, гибкости — значительно ее превосходила. Кавалерия использовалась как во взаимодействии с пехотой, так и самостоятельно. В разгар боя за батарею Раевского русская кавалерия своими стремительными контратаками нанесла сильное поражение французской копнице, пытавшейся выйти в тыл войскам, оборонявшим батарею.

Кавалерия как подвижная сила армии блестяще себя

проявила в многочисленных боях в период контрнаступления и в ходе военных действий 1813 г. Неотступно преследуя врага, она выходила на пути его отхода, навязывала ему бои и наносила тяжелые потери. Кавалерия самостоятельно и во взаимодействии с партизанскими отрядами успешно вела бои с противником в отрыве от главных сил армии, что было новым в практике боевого использования кавалерии.

Кавалерийские корпуса и значительное число конных партизанских отрядов были той ударной силой армии, которая наносила наибольший урон противнику. Так, только кавалерийскими частями, действовавшими под предводительством Платова, со времени перехода русской армии в контрнаступление было убито 18 366 солдат и офицеров противника; взято в плен 10 генералов, 1 тыс офицеров и 39 511 солдат; отбито 115 знамен, 364 пушки и 1066 зарядных ящиков¹⁸. Уже в последние дни боев, когда противник оставил Вильно, казаки Платова, перерезав ему пути отхода, взяли в плен более 8 тыс солдат и офицеров противника. К тому времени армия Наполеона окончательно лишилась своей когда-то могущественной конницы.

Исключительно важное значение в бою отводилось и артиллерии. В наступлении она подготовляла атаку пехоты, поражала артиллерию и живую силу противника, участвовала в преследовании; в обороне — обеспечивала удержание основной оборонительной позиции, выводила из строя артиллерию противника, уничтожала его пехоту и конницу, подготавливала переход в контратаку своих войск.

Русская артиллерия на всех этапах борьбы была грозной силой, превосходя артиллерию противника как в количественном, так и в качественном отношении, не говоря уже о принципах боевого использования. В последнем большая заслуга принадлежала талантливому русскому артиллеристу А. И. Кутайсову, разработавшему известное наставление под названием «Общие правила для артиллерии в полевом сражении». В них были подробно разработаны вопросы боевых порядков артиллерии в бою, ее действия в наступлении и обороне, причем особенно подчеркивалось значение борьбы с артиллерией противника: «Огонь артиллерии при атаке должен преимущественно направляться на неприятельскую артиллерию, а при обороне — на кавалерию и пехоту»¹⁹. В период наступления русской армии артиллерия не отставала от

своих войск и во всех боях поддерживала их своим огнем, в то время как артиллерия противника уже не была способна к серьезному сопротивлению.

В боевом порядке легкая артиллерия выдвигалась на 60—75 шагов впереди первой линии колонн, полковые орудия ставились между фасадами пехотных каре, конная артиллерия придавалась кавалерии. Часть артиллерии (легкая) придавалась пехоте и кавалерии для их непосредственной поддержки, более тяжелая располагалась за боевыми порядками, на командных высотах. Такое расположение артиллерии отвечало тактическим особенностям боя с французскими войсками. Против густых колонн наполеоновских войск необходимо было батарейное (групповое) расположение артиллерии на возвышенностях, что позволяло иметь хороший обзор, длительное время вести прицельный огонь и удерживать наиболее важные опорные пункты оборонительной позиции.

Русская артиллерия использовалась массированно для поражения артиллерийским огнем живой силы противника. Об этом свидетельствует Бородинское сражение, где русскими было выпущено 60 тыс снарядов. Артиллерия вела огонь до поздней ночи. Кутузов высоко оценивал результаты боевых действий артиллерии. В донесении о Бородинском сражении, сообщая о больших потерях, понесенных противником от артиллерийского огня, он писал: «Артиллерия наша, нанося ужасный вред неприятелю целными выстрелами своими, принудила неприятельские батареи замолчать, после чего вся неприятельская пехота и кавалерия отступили»²⁰.

Ответственные задачи выполняли тогда еще только оформлявшиеся инженерные войска, которые в исключительно трудных условиях, в ограниченное время и при постоянном недостатке необходимых материалов выполняли сложные задачи. Достаточно указать, что в период наступления силами инженерно-саперных частей было исправлено и проложено более 1400 верст дорог и построено 180 накидных и понтонных мостов²¹.

Одним из условий, обеспечивавших успех русской армии в боях с численно превосходившими силами противника, было правильное решение проблемы взаимодействия родов войск. Бой как решающий акт войны в войне 1812 года строился на тесном взаимодействии трех родов войск: пехоты, артиллерии и кавалерии. Действия пехоты, являвшейся основой боевого порядка, немыслимы были без поддержки огневой мощью артиллерии, которая

на всех этапах боя своим сокрушительным огнем расстраивала боевые порядки противника, наносила ему огромные потери, обеспечивала успех атаки своей пехоты. Кавалерия как средство стремительного, массированного удара в сочетании с патиском пехоты и огнем артиллерии приводила к завершающему разгрому войск противника при его преследовании. Только в результате слаженного взаимодействия трех родов войск были достигнуты выдающиеся результаты в Бородинском и других боях и сражениях Отечественной войны 1812 года.

Итак, анализ этих сражений показывает, что по своему характеру они уже не были «чисто» пехотными боями. Во всех боях принимали участие три рода войск. Пехота, артиллерия и кавалерия умело использовали свои возможности. В ходе боя осуществлялось взаимодействие между родами войск, активные действия пехоты в наступлении и обороне умело сочетались с массированным огнем артиллерии и ударной силой конницы. Бой стал принимать черты общевойскового боя.

При решении тактических задач, при выборе позиции для сражения большое значение отводилось местности. Кроме стратегической целесообразности и наличия сил и средств, при решении вопроса о сражении всегда учитывались возможности местности. Именно местность в значительной мере определяла тогда и группировку войск, и их использование. Решение остановиться на Бородинской позиции было продиктовано главным образом преимуществами последней. Насколько важное значение придавалось местности, свидетельствует та тщательность, с которой избиралась позиция для сражения. Позиция у Бородина была избрана потому, что она прикрывала основные пути, ведущие к Москве, позволяла создать глубокий боевой порядок, исключала возможность обхода флангов, позволяла успешно использовать все рода войск, осуществлять их взаимодействие и применять маневр на поле боя. В то же время пересеченная местность с наличием рек, протекавших на правом фланге (река Москва) и впереди позиции (река Колоча), ограничивала возможности маневра для наполеоновских войск.

При оценке и выборе позиции для оборонительных целей учитывались не только ее естественные достоинства, но и возможности ее инженерного усиления. Инженерная подготовка позиции в войне 1812 года получила значительное развитие. В войнах второй половины XVIII в. инженерному укреплению позиций не уделялось доста-

точного внимания, не получила развития полевая фортификация и на Западе.

Наполеону редко приходилось прибегать к обороне, он пренебрегал военно-инженерным искусством. В русской же армии учитывались изменения, происходившие в характере боя, возрастание в бою огневых средств и в связи с этим большое внимание обращалось на создание инженерных укреплений, которые усиливали устойчивость обороны, уменьшали потери войск и материальной части от артиллерийского огня.

Основными сооружениями на оборонительной позиции были земляные укрепления: редуты, люнеты и флешы. Они предназначались как для артиллерии, так и для пехоты и были приспособлены для круговой обороны. Для егерей между редутами устраивались траншеи.

Созданные на Бородинской позиции Масловские укрепления, батарея Раевского, Шевардинский редут и Багратионовы флешы явились теми опорными пунктами, которые создавали прочность и устойчивость обороны. Именно вокруг этих укреплений и разгорелись упорные, кровопролитные бои.

Применявшиеся в русской армии способы укрепления местности играли большую роль в решении стоявших перед войсками задач. Полевые сооружения по простоте своей конструкции, по скорости их возведения и эффективности защиты войск от артиллерийского и ружейного огня противника явились серьезным вкладом в теорию и практику полевой фортификации.

Большое значение в русской армии придавалось организации разведки и своевременному получению достоверных данных о состоянии и намерении противника. В Отечественной войне 1812 года разведка получила значительный размах. Так, штаб Кутузова перед Бородинским сражением располагал необходимыми данными о войсках противника: их составе, численности, группировке. Организованной разведкой боем и наблюдением было установлено расположение частей противника. Опираясь на разведывательные данные и личные наблюдения, Кутузов с целью усиления центра и левого фланга перед самым сражением скрытно от противника произвел важную перегруппировку своих войск. Еще большее значение получила разведка во время пребывания армии в Тарутине. Созданные армейские партизанские отряды (выполнявшие также и разведывательные функции), ополченческие части, крестьянские партизанские отряды

ежедневно доставляли в штаб русской армии пленных солдат, сведения о состоянии наполеоновской армии, ее передвижениях, о подходе к ней резервов. Благодаря этому штаб Кутузова своевременно получил точные данные о выходе главных сил французской армии из Москвы, о ее повороте со Старой на Новую Калужскую дорогу и о ее стремлении прорваться в Калугу. Именно наличие этих данных определило характер решительных действий русской армии, выход всей армии из Тарутина к Малоярославцу и срыв наполеоновского плана отступления через южные, не затронутые войной районы.

В войне 1812 года много нового внесено было и в управление войсками. Те методы управления, которые применялись раньше, даже в войнах второй половины XVIII в., теперь уже не годились. Тогда борьба велась сравнительно небольшими армиями, на ограниченном участке местности, полководец имел возможность лично видеть все поле боя и самостоятельно осуществлять управление войсками. Имевшаяся в его распоряжении небольшая группа офицеров — квартирмейстеров и адъютантов — не оказывала помощи в выработке и принятии решения, а использовалась главным образом для реализации уже принятого решения.

С увеличением же численности армий, расширением театра военных действий, с появлением многостепенной организации войск и усложнением борьбы появилась необходимость в специальном органе, который занимался бы подготовкой данных для принятия решения, планированием сражения, оформлением допесений и сведений о численности и состоянии войск, о наличии оружия, боеприпасов, продовольствия и пр. Таким органом стал Главный штаб. В соответствии с разработанным положением — «Учреждение для управления Большой действующей армией» — в 1812 г. в корпусах и трех армиях были образованы штабы, в дивизиях — квартирмейстерские отделы во главе с дивизионными квартирмейстерами. У главнокомандующего для управления войсками имелись Главный штаб, отдел генерал-квартирмейстера и управление дежурного генерала. Кроме того, ему подчинялись: начальник артиллерии, начальник инженеров и главный интендант. В обязанности штаба и его квартирмейстерской части входили: рекогносцировка местности, выбор позиций для боя, составление карт, изготовление крок, организация разведки, подготовка диспозиций к бою и переходам, составление приказаний, указание мест

войскам на позиции по установленному командующим боевому порядку, доведение во время боя приказов командующего до исполнителей, составление описаний боевых действий, суммирование сведений о численности и потерях войск.

Таким образом, как видно из этого далеко не полного перечня обязанностей штаба, его функции в период Отечественной войны 1812 года значительно возросли. Полководец в новых изменившихся условиях войны опирался в своей деятельности на штаб, всецело использовал его для управления войсками.

Прямой противоположностью в этом отношении была французская армия. Наполеон слишком переоценивал свои способности и недооценивал роль своего штаба. «Где пет меня,— часто говорил Наполеон,— там маршалы и генералы делают только глупости»²². И один из крупнейших просчетов Наполеона в войне 1812 года состоял в том, что он в своей армии, возросшей до 600 тыс человек, применял старые методы управления, не доверяя ни своему штабу, ни командирам корпусов, стремился все вопросы решать лично, подменяя подчиненных ему генералов, делая их слепыми исполнителями своей воли.

Кутузов же, сохраняя за собой общее руководство боевыми действиями войск, предоставлял командующим армиями и корпусным начальникам широкую инициативу и необходимую самостоятельность. В диспозиции к Бородинскому сражению он указывал: «Не в состоянии будучи находиться во время действия на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность г. главнокомандующих армиями и потому предоставляю им делать соображения действий на поражение неприятеля»²³.

Генералы, офицеры и солдаты не слепо выполняли обязанности, а знали свои задачи. Кутузов твердо придерживался указаний своего учителя — великого Суворова, требовавшего, чтобы не только «одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того, даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр»²⁴.

Управление войсками в ходе войны 1812 года было значительно усовершенствовано. Возросла роль штабов как органов управления, в них отчетливо проявились черты общевойскового штаба. Разумеется, отсутствие тех-

нических средств связи было большим тормозом в осуществлении быстрого и непрерывного управления, особенно в условиях, когда войска были разобщены. Однако для того времени методы управления войсками были передовыми, они во многом превосходили методы, применявшиеся в западноевропейских армиях.

В бою русские воины проявляли мужество, высокий патриотизм и творчество. Многообразие тактических форм и способов борьбы, применявшихся в войне, их активный характер основывались прежде всего на высоких морально-боевых качествах русской армии, на мужественной патриотической борьбе партизан и ополченцев.

Борьба России против агрессии наполеоновской Франции, в которой русский народ и его армия вели освободительную справедливую борьбу, привела к дальнейшему творческому развитию военного искусства, и прежде всего тактики. Ни в какой другой области военного дела не могли проявиться так отчетливо высокие боевые и моральные качества солдатской массы, как в тактике, ибо в конечном счете в бою — этом определяющем акте вооруженной борьбы — решается судьба войны. Отечественная война 1812 года явилась крупным этапом в развитии русского военного искусства. В ней зарождались и формировались новые важные стратегические и оперативнотактические принципы военного искусства, получившие свое развитие в войнах XIX и начала XX в.

3

Нашему народу на протяжении многих веков приходилось не раз с оружием в руках, в ожесточенной борьбе с врагами отстаивать независимость своей Родины. В этих войнах складывалось, развивалось и совершенствовалось военное искусство, создавались новые, передовые способы и формы вооруженной борьбы.

Решающая роль в достижении победы в войне принадлежит народным массам, прежде всего армии. Но марксизм-ленинизм отнюдь не отрицает и значительного влияния полководца на ход и исход войны, на развитие военного искусства. Марксистское понимание роли полководца в войне ничего общего, разумеется, не имеет с идеалистическими вымыслами о том, что полководец может по своему произволу, руководствуясь своим гением, решать судьбу войны. Марксизм учит, что выдающиеся полководцы могут играть и действительно играют важную роль в достижении победы лишь в том случае,

если они правильно учитывают объективные закономерности войны, оценивают условия обстановки и искусно используют все необходимые силы и средства для достижения победы над врагом.

Война как процесс борьбы, как и многие другие общественные явления, зависит не только от объективных, но и от субъективных факторов, среди которых характер людей, особенно стоящих у руководства, оказывает существенное влияние на ход боевых действий.

Между тем это марксистское положение некоторые пытаются извратить и стремятся зачеркнуть и то ценное практическое и теоретическое наследство, которое оставили наши великие военные деятели и теоретики прошлого.

Недооценка роли полководца в войне не менее вредна, чем ее преувеличение, так как она неизбежно приводит к игнорированию одного из таких важнейших факторов, определяющих победу в войне, как организаторские способности командного и начальствующего состава. В. И. Ленин говорил: «Возьмем современное войско. Вот — один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому, что она — *гибка*, умея вместе с тем миллионам людей давать *единую волю*»²⁵. И еще раз возвращаясь к этому вопросу, В. И. Ленин спрашивал: «Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли?». И сам же отвечал: «Подчинением воли тысяч воле одного»²⁶.

Нам чуждо забвение или недооценка выдающихся деятелей прошлого, в том числе и в военной области. В выступлениях руководителей партии и правительства вместе с решающей ролью народа всегда подчеркивалась роль великих русских полководцев в защите нашей Родины, в развитии передового военного искусства. В речи на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г., состоявшемся на Красной площади в Москве, И. В. Сталин, напутствуя отправлявшихся на фронт советских воинов, обратился к ним с такими словами: «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Дон-

ского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»²⁷.

В Отечественной войне 1812 года принимали активное участие выдающиеся русские полководцы и военачальники: М. И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-Толли, П. И. Багратион, П. П. Коновницын, М. И. Платов, А. П. Ермолов, Д. С. Дохтуров, Н. Н. Раевский и др. Их деятельность по руководству войсками оказала весьма существенное влияние на общий ход и результаты войны.

Особо следует выделить заслуги великого русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова, возглавившего вооруженные силы России в войне 1812 года. Кутузов встает перед нами как крупнейший организатор победы, непосредственно руководивший войсками и их обеспечением людскими и материальными ресурсами. Правда, Кутузов в войне 1812 года не обладал в полной мере теми правами главнокомандующего, которые были предусмотрены положением о Большой действующей армии. Александр I вмешивался в дела главнокомандующего и своими назойливыми советами и поощрением генералов, оппозиционно настроенных к Кутузову, по существу, вредил делу, создавал дополнительные трудности в руководстве армиями. Кутузову приходилось преодолевать упорное сопротивление со стороны придворных и наемных иностранных генералов, не понимавших или нежелавших понять его стратегических замыслов.

Но в этой борьбе Кутузов был не одинок. Вокруг него группировались лучшие представители русской армии, воспитанные на боевых традициях отечественного военного искусства, передовые офицеры и генералы, ученики и соратники Суворова. Именно на них он опирался и с их помощью успешно реализовал свой план контрнаступления.

Полководческая деятельность Кутузова подробно описана мною в книге «Михаил Илларионович Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность»²⁸. Здесь хотелось бы остановиться лишь на его основных военно-теоретических взглядах, что даст возможность полнее оценить Кутузова как полководца и военного теоретика, выявить его роль в развитии теории и практики военного дела.

М. И. Кутузов проявил себя не только первоклассным полководцем и стратегом, но и крупнейшим военным теоретиком, творчески решавшим важнейшие военно-теоретические проблемы. А между тем если в дореволюцион-

ной литературе многолетний опыт Кутузова как полководца в какой-то мере признавался, то его роль в развитии военно-теоретической мысли начисто отрицалась. Легенда о «несамостоятельности» взглядов выдающихся русских полководцев, в том числе и Кутузова, прочно вошла в дореволюционную военную историографию. Она имела своей целью принизить значение русской военно-теоретической мысли, представить русских полководцев только как практиков военного дела, утвердить в России военные теории Бюлова, Ллойда, Жомини, Наполеона.

Формированию такого ложного представления о Кутузове в известной мере способствовало то, что, целиком поглощенный практической военной деятельностью, он не смог обобщить свои стратегические и тактические взгляды в специальном военно-теоретическом труде. Тщательное же исследование документов (наставлений, приказов, инструкций, писем) Кутузова показывает его глубоко научные теоретические познания, передовые взгляды на характер войны и способы ее ведения, на воспитание и обучение армии.

Кутузову пришлось решать крупные стратегические и военно-теоретические проблемы. За последние восемь лет своей жизни он участвовал в трех войнах как главнокомандующий армиями (с Францией в 1805 г., с Турцией в 1811 г., в Отечественной войне 1812 г.). По своему характеру это были главным образом войны против наполеоновской агрессии, войны, связанные с защитой национальных интересов России.

В своих военно-теоретических высказываниях Кутузов очень близко подходил к правильному пониманию связи войны с политикой. «Обстоятельства политические укажут род войны», — писал он²⁹. Это положение было руководящим во всей его военной деятельности. Так, в войне с Турцией Россия стремилась нанести ей поражение и вывести ее из войны еще до окончательного разрыва с Францией. Необходимо было обезопасить юго-западные границы государства и лишить Наполеона союзника в лице Турции, на силы которой он возлагал большие надежды в войне с Россией.

Именно так и оценивал Кутузов политические цели войны. В письме от 20 августа 1811 г. военному министру М. Б. Барклаю-де-Толли он изложил свои соображения о необходимости развернуть такие активные боевые действия, которые заставили бы Турцию пойти на заключение мира с Россией. «Продолжать войну с турками, —

писал Кутузов, — доколе не последует разрыва с другой стороны (со стороны Франции. — П. Ж.), пусть будет, кроме убытка в людях и деньгах, вещь равнодушная; но ежели разрыв с Франциею застанет нас в войне с турками, тогда сии последние будут в необходимости переменить свою систему, разорвать с Англиею и тесно связаться с французами; тогда иметь будем одного неприятеля более. В противном же случае, ежели бы мы прежде эпохи разрыва с Франциею успели сделать мир, хотя с некоторым ущербом Оттоманской империи, тогда наверное полагать можно, что Порта по отвращению ее к Франции, несмотря на сделанные ею некоторые потери, останется спокойною и войны не возобновится»³⁰.

В этом письме, написанном задолго до разгрома турецкой армии и последовавшего затем Бухарестского мира, Кутузов исходил из учета сложившихся тогда отношений между Россией и западноевропейскими странами; в нем отражены политические интересы России, над которой тогда уже нависла угроза наполеоновской агрессии. Общая политическая цель войны Кутузову была ясна еще в первые дни по прибытии его в Молдавскую армию. В письме министру иностранных дел Н. П. Румянцеву 5 апреля 1811 г. он писал, что приложит все усилия, «не щадя ни трудов, ни же самой жизни для достижения священной цели мира»³¹.

Взгляды Кутузова о связи войны и политики еще больше нашли свое отражение в его высказываниях и действиях в период войны 1812 года и освободительного похода русской армии в Западную Европу. «Войну сию, — писал Кутузов о вторжении наполеоновских войск в Россию, — почитают равно как бы пашествие татар»³². Поэтому все усилия армии и народа направлялись на достижение основной политической цели — освобождение страны от вторгнувшегося агрессора, сохранение национальной самостоятельности России.

В действиях русской армии в Западной Европе Кутузов видел прежде всего достижение политических целей — присоединение Пруссии и Австрии к антинаполеоновской коалиции и освобождение народов Европы от наполеоновского владычества. Он неизменно усматривал непосредственную связь между военными действиями и политическими целями. «Поныне все идет хорошо, — сообщал 16 января 1813 г. Кутузов из Вилленберга (Пруссия), — как военные, так и политические дела»³³.

Путь к достижению больших политических целей в войне Кутузов видел в активных наступательных действиях армии, в полном разгроме войск противника. Заставить Турцию заключить выгодный для России мирный договор можно только «действиями оружия нашего», — писал он³⁴. Освободить Россию от наполеоновской армии можно, только уничтожив эту армию. «Одна и главнейшая цель всех наших действий есть истребление врага до последней черты возможности», — указывал Кутузов. От этого, говорил он, «зависит, может быть, благоденствие не одного народа русского, но и всех народов Европы»³⁵.

В Отечественной войне 1812 года Кутузов правильно понял справедливый характер войны для русского народа и вытекавшие из ее освободительных целей широкие возможности для развития военного искусства. Рассматривая Отечественную войну 1812 года как войну справедливую, в которой народ является активной силой, Кутузов высказал передовой для того времени взгляд на способы ведения войны, совершенно не укладывавшийся ни в какие каноны западноевропейских военных теоретиков и полководцев. Он считал, что войны, связанные с защитой Отечества, войны за независимость страны должны вестись не только армией, но и народом. По его мнению, активное участие народа в борьбе с вторгшимся врагом — вполне закономерное явление, и полководец должен не отгораживаться от этого, быть может вначале стихийно возникшего движения, а всемерно содействовать его развертыванию, оказывать ему помощь, умело использовать поднявшиеся силы народа для достижения победы.

В ответ на претензии начальника штаба французской армии маршала Бертье, заявившего, что Кутузов ведет войну не «по правилам военного искусства», фельдмаршал 8 октября 1812 г. писал ему: «Повторяю, однако, здесь истину, значение и силу которой Вы, князь, несомненно, оцените: трудно остановить народ, ожесточенный всем тем, что он видел; народ, который в продолжение стольких лет не знал войны на своей территории; народ, готовый жертвовать собою для Родины и который не делает различий между тем, что допустимо или не допустимо в обычных войнах. Что же касается до армий, которыми я командую, то я льщу себя надеждой, князь, что все признают в их образе действий принципы, характеризующие храбрую, честную и великодушную нацию. В продолжение

моей долголетней военной службы я иных принципов никогда не знал и уверен, что враги, с которыми я сражался, всегда отдавали должное моим правилам в этом отношении»³⁶.

Признание Кутузовым народного характера войны, постоянное руководство с его стороны партизанским движением и народным ополчением вызвали самое решительное осуждение со стороны Наполеона. Взгляды Кутузова о привлечении народных масс (главным образом крепостного крестьянства) к активному участию в военных действиях противоречили всем западноевропейским принципам ведения войны. На Западе в вооруженной борьбе между феодальными государствами, а также в борьбе против Наполеона в основном принимали участие только армии воюющих сторон.

Разумеется, в этих захватнических войнах нельзя было рассчитывать на поддержку народа. Феодалы боялись участия народа в войне, население жестоко каралось, если оно бралось за оружие, даже для защиты от мародеров. Наполеон в практике войн на Западе (за исключением войны в Испании) встречал против своей армии только армию противника, поэтому все его стратегические замыслы и тактические расчеты строились исходя из борьбы двух противостоящих армий.

Понятно поэтому, почему в самый разгар войны 1812 года, когда партизанские отряды и ополченческие полки со всех сторон блокировали наполеоновскую армию в Москве и поставили ее в тяжелое положение, Наполеон вынужден был послать к Кутузову в Тарутино французского посла Лористона, который «более всего распространялся об образе варварской войны... сие относительно не к армии, а к жителям нашим, которые нападают на французов, по одиночке или в малом числе ходящих»³⁷. Наполеон просил Кутузова приостановить эту войну, которая якобы ведется им «не по правилам военного искусства».

Визит Лористона убедил Кутузова в правильности его позиции. «Я буду проклят потомством,— отвечал Кутузов посланнику Наполеона на предложение заключить перемирие,— если меня сочтут зачинщиком какого-либо соглашения. Таковы в настоящий момент чувства моего народа»³⁸.

Мысль Кутузова об активной роли народа в национально-освободительной войне, о необходимости прини-

мать в расчет, учитывать и умело использовать этот фактор выражает одно из важнейших положений его военно-теоретических взглядов. Эта мысль высказывается Кутузовым во многих документах. В «Обращении к жителям Смоленской губернии», в «Воззвании к прусскому народу», в «Воззвании к германцам» — везде он призывает народ содействовать армии в ее борьбе с врагом.

Кутузову принадлежит разработка основных теоретических положений ведения партизанской войны, а также организационных форм ополчения и составление правил по его формированию и обучению. В получившей широкое распространение в войне 1812 года инструкции Кутузова «Как партизану действовать» изложена, по справедливому замечанию военного историка Колюбакина, «целая теория партизанских действий»³⁹. В документах содержатся исключительно ценные высказывания Кутузова по вопросам ведения партизанской войны, указания о составе отрядов, о необходимости быстрых и внезапных действий, о снабжении крестьян оружием. Партизану Сеславину Кутузов предписывал: «Отобранным от неприятеля оружием вооружить крестьян, от чего ваш отряд весьма усилиться может, пленных доставлять сколько можно поспешнее, давая им прикрытие регулярных войск и употребляя к ним вдобавок мужиков, вооруженных вилами или дубинами»⁴⁰.

Деятельность Кутузова, направленная на привлечение народных масс к активному участию в войне, исходила из интересов России, правильно отражала объективные условия войны и учитывала те широкие возможности, которые проявились в национально-освободительном характере войны. Суждения Кутузова о наиболее полном и широком привлечении народа к военным действиям, разработка им основных теоретических положений о действиях партизан, ополчения явились крупным вкладом в развитие русской военно-теоретической мысли.

Несомненный интерес представляют мысли и высказывания Кутузова о значении патриотизма народа и армии в успешном разгроме агрессора. В обращениях к жителям, в приказах по армии он неизменно подчеркивал высокие патриотические чувства у солдат, офицеров и партизан.

Часто, обращаясь к солдатам, Кутузов указывал, что они «есть надежная стена Отечества, о которую все сокрушается...»⁴¹. Он напоминал им о мужественном образе Суворова, который учил преодолевать все трудно-

сти и лишения, когда дело шло о победе и славе русского народа ⁴².

Патриотические призывы Кутузова к войскам, населению проникнуты глубокой верой в силы и способности русского человека. Понимание Кутузовым патриотизма было неразрывно связано с мужественной борьбой русской армии против агрессора. «Сердце мое,— писал он 29 января 1813 г. А. П. Ермолову,— вместе с Вашим радуется той славе, каковою увенчаны воины, ополчившиеся противу врага целой Европы, мечтавшего попрасть все для нас священное!» ⁴³.

Молодой офицер Александр Чичерин, служивший в лейб-гвардии Семевском полку, оставил нам замечательный документ — «Дневник». Это — походные записки, начатые в лагере под Подольском (6 сентября 1812 г.) и продолжавшиеся вплоть до сражения под Кульмом (август 1813 г.), где оборвалась жизнь молодого офицера. Автор «Дневника» — представитель той передовой дворянской молодежи, которая впоследствии составила основное ядро движения декабристов. Главное в его мыслях и поступках — патриотическое служение своему Отечеству, своему народу. Уже на первых страницах «Дневника» мы читаем такие взволнованные слова: «Мечта отдать жизнь за сердце Отечества, жажда сразиться с неприятелем, возмущение вторгшимися в мою страну варварами, недостойными даже подбирать колоски на ее полях, надежда вскоре изгнать их, победить со славою — все это поднимало мой дух».

Патриотические чувства молодого офицера, его стремление сделать все возможное для освобождения Родины от вторгшегося врага красноречиво высказываются в «Дневнике» много раз. «Пусть армия потерпит поражение, пусть погибнет империя, но Отечество мое останется, и долг зовет меня служить ему... Я не усташусь никаким опасностям, я брошусь вперед под ядра, ибо буду биться за свое Отечество, ибо хочу исполнить свою присягу и буду счастлив умереть, защищая свою Родину» ⁴⁴. Такое чувство высказывал не только Чичерин. Патриотизм солдат, ополченцев, партизан нашел свое выражение в бесстрашной борьбе с врагом. Он явился той силой, которая порождала героев войны.

Воспитывая высокие патриотические чувства у солдат и офицеров, Кутузов сам был великим патриотом, искренне любившим свой народ. Вся его военная деятельность была подчинена защите интересов своего Отечества.

ва, своего народа. Вступая в командование армиями в тяжелую для России пору, Кутузов заявил: «Я твердо верю, что поправлю дела к чести России»⁴⁵. Проявляя исключительную работоспособность, энергию, он отдавал все свои силы, знания и опыт защите Отечества от неприятеля. Когда была разгромлена наполеоновская армия, Кутузов, сообщая о своем прибытии в Вильно, писал жене 19 декабря 1812 г.: «Я первый раз постлал постель, без которой обходился, и стану раздеваться, чего не делал во всю кампанию»⁴⁶. Через месяц, находясь уже за границей, писал ей же: «А я все скитаюсь — окружен дымом, который называют славою»⁴⁷.

Но Кутузов не гонялся за славой, ему было чуждо честолюбие. «Честолюбия во мне никогда не было», — говорил он⁴⁸. «Чем долее я живу, тем более я убеждаюсь, что слава ничто, как дым. Я всегда был философом, а теперь сделался им в высшей степени»⁴⁹.

«Истинный патриот», «истинный сын России» в представлении Кутузова тот, кто непосредственно принимает участие «во всем, касающемся до любезнейшего нашего Отечества»⁵⁰. Высоко оценивая патриотизм русской армии и народа во время Отечественной войны 1812 года, Кутузов писал: «Если Россы всегда будут сражаться за веру своих прародителей, царя и честь народную, то Слава будет вечным их спутником, и горе злодею, покусившемуся на хранимую богом святую Русь»⁵¹.

Изучая полководцев, мы, разумеется, не можем не учитывать, что их деятельность была органически связана с социально-политическим строем своего времени, что они были представители своего класса, не можем абстрагироваться от той обстановки, в которой они жили и действовали. Мы изучаем великие образцы военного прошлого не для того, чтобы им буквально подражать, но для того, чтобы проникнуться их духом.

Исключительно важное значение в войне Кутузов придавал моральному духу войск. На основе большого боевого опыта, непосредственного руководства войсками на поле боя он пришел к выводу, что решающим условием победы в бою, сражении и войне в целом является высокий моральный дух войск. Отдавая должное воинскому порядку (субординации), дисциплине, Кутузов вместе с тем подчеркивал: «Но сколь ни велики сии предметы сами по себе, но останутся они бессильными тогда, когда не оживятся они тем воинским духом, который преоборяет все обстоятель-

ства, не находит препоны ни в каких предприятиях»⁵².

Штурм и взятие Измаила, беспримерный по трудности и напряжению 400-километровый маневр Браунау—Ольмиц, героические действия русских у Шенграбена, жестокое сражение под Рущуком, в которых победа оставалась за русскими войсками, давали основание Кутузову сделать вывод, что высокий моральный дух войск «не находит препоны ни в каких предприятиях».

Резко изменившийся характер войн в начале XIX в. привел к значительному усложнению борьбы армий на театре военных действий. Перед военным искусством и военной теорией возникли новые серьезные проблемы. Существовавшие теории и всякого рода «вечные принципы» западноевропейских военных теоретиков теперь уже не отвечали новым условиям войны, ранее применявшиеся способы борьбы во многом не соответствовали конкретно складывавшейся обстановке.

Кутузову как в практике военного дела, так и в военной теории приходилось отбрасывать утвердившиеся каноны в военном искусстве, находить новые способы борьбы для достижения победы в войне, творчески развивать военную теорию. Уже после войны 1812 года Кутузов говорил, что для него «образ войны был новый, еще не вполне решенный им самим»⁵³.

Весьма ценными являются взгляды Кутузова на изменявшийся характер ведения войны и роль резервов для достижения победы. Высказанное им положение о том, что «резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден»⁵⁴, свидетельствует о том, что Кутузов большую роль в достижении победы отводил резервам. В то же время Наполеон высказывал противоположный взгляд. Он утверждал, что генерал, сберегающий свои войска ко дню, следующему за сражением, обыкновенно бывает бит⁵⁵.

Различие во взглядах на роль и использование резервов исходило из коренного различия взглядов Наполеона и Кутузова на характер войны. Наполеон, как мы знаем, связывал успех или поражение в войне с результатами генерального сражения, в котором стремился любыми средствами добиться победы и для достижения этого бросал в бой все, что имел. Наполеон полагал, что после того, как в сражении будет разбита армия противника, никакие резервы уже не нужны, так как сражаться

будет не с кем. Кутузов же исходил из положения, что исход войны решается не одним, а несколькими сражениями, что для выигрыша этих сражений необходимо подкреплять, усиливать армию свежими резервами.

Большое значение придавал Кутузов созданию не только тактических, но и стратегических резервов. В войне 1812 года в первые же дни после назначения его главнокомандующим он обратил внимание на недостаток сил армии и указал на необходимость создания и подготовки в тылу крупных резервов. По инициативе Кутузова рекруты из разбросанных по стране рекрутских депо были сведены в места, прилегавшие к театру военных действий, и из них созданы отдельно пехотные, кавалерийские и артиллерийские резервы. Это значительно ускорило темпы формирования армии. Подобной организации резервов и столь большой роли их в войне не знали до этого армии Западной Европы. Кутузов первым из полководцев применил систему стратегических резервов как постоянно действующий источник пополнения армии и наращивания ее сил в ходе наступательных действий.

Взгляды Кутузова на роль тактических и стратегических резервов в войне и их использование были значительным достижением русской военно-теоретической мысли. Конечно, речь шла тогда о людских резервах, и то в сравнительно ограниченных количествах. Создание же резервов во всем их многообразии в феодально-крепостническом государстве было невозможно.

Большое место в военно-теоретических взглядах Кутузова занимают вопросы воспитания и обучения войск. Кутузов, как мы знаем, считал, что залогом успеха в сражении и войне в целом являются высокие морально-боевые качества войск, которые необходимо постоянно воспитывать.

М. И. Калинин говорил: «В военной истории нет полководцев, создавших себе мировую славу, которые не были бы любимцами своего войска. Это значит, что всемирно известные полководцы не были только мастерами стратегии и тактики. Нет, они знали и дорогу к сердцу своих солдат, своей армии. Они были мастерами высокого духа войск, умели вселять в душу солдата прочное доверие к себе. Такими были, например, Суворов, Кутузов»⁵⁶.

В основу воспитания войск Кутузов, как и Суворов,

положил патриотическую идею служения своему Отечеству, народу, идею защиты Родины от ипостранных захватчиков. В кутузовском понимании высокий воинский дух включал не только патриотические чувства и связанные с ними героизм и храбрость, но и твердое знание службы, отличное владение оружием, подчинение воинскому порядку, дисциплину, разумную инициативу, упорство, стойкость и выдержку в обороне, стремительность в наступлении, способность мужественно переносить все трудности войны.

Во взглядах Кутузова на воспитание и обучение войск вопросы тактической подготовки занимают определяющее место. Кутузов неоднократно высказывал мысль, что только тот, кто твердо, в совершенстве знает, как действовать в бою, как владеть оружием, может с полным знанием дела успешно вести борьбу с врагом. Героизм и храбрость, как бы они ни были высоки, сами по себе, без знания дела не могут принести большой пользы. «Не тот истинно храбр, кто по произволу своему мечется в опасность, а тот, кто повинуется», — говорил Кутузов, понимая под повиновением знание тактических приемов борьбы, твердые навыки, натренированность, умение⁵⁷.

Продолжая и развивая суворовские принципы воспитания и обучения войск, Кутузов требовал от подчиненных, чтобы обучение войск производилось в условиях, приближенных к реальной военной обстановке, со всеми трудностями, с которыми придется войскам сталкиваться. Он учил, чтобы солдата не обременяли всем тем, что не было связано с войной, что не вытекало непосредственно из потребностей войны. «Главнейшее попечение ваше, — предлагал Кутузов дивизионным начальникам, — рекомендую обратить на стрельбу в цель, на состояние оружия и на все те вещи, которые к истинной пользе службы принадлежат, отклонив притом все те излишества, которые, озабочивая неприятным образом солдата и отягощая его, отклоняются от существа самого дела»⁵⁸. Воспитание у солдат таких качеств, как храбрость, мужество, инициативность, дисциплинированность, достигалось прежде всего длительным и строго продуманным обучением и воспитанием. Разумеется, обучение и тренировка требовали от войск огромного физического и морального напряжения и высокой дисциплинированности.

Кутузов называл дисциплину душой воинской службы. Высокой дисциплинированности и воинского порядка он учил добиваться не мерами наказания. К строгим мерам

наказания следует прибегать в крайних, исключительных случаях. К ним он советовал прибегать тогда, когда нарушение было слишком серьезным, а его последствия приносили значительный вред и оказывали пагубное влияние на других. В основу же должны быть положены меры воспитательного характера. Уважая человеческое достоинство, видя в каждом солдате волевого, способного человека, Кутузов учил своих офицеров побольше разьяснять, чаще показывать на примере, а не приказывать и наказывать.

Кутузов заботился о солдатах и дорожил ими. Это отвечало основному кутузовскому положению о том, что солдат — главная сила армии, что, проявляя заботу о нем, завоевав его доверие и любовь, можно требовать от войск высшего напряжения на войне и побеждать врага. Опыт войн целиком оправдал это положение. Войска постоянно ощущали заботу о них, они видели в Кутузове не только прославленного, умного полководца, но и внимательного, заботливого начальника и отдавали все силы, чтобы с достоинством выполнить его предназначения.

Кутузов раньше многих западных военных теоретиков, таких, как Клаузевиц и Жомини, выдвинул и обосновал необходимость применения новых способов ведения войны в условиях появления массовых армий.

Западные военные теоретики, как известно, строили свои теории на опыте захватнических войн Фридриха II и Наполеона, преимущественно на опыте тех войн, в которых этим полководцам удавалось добиться успеха. Слепо уверовав в наполеоновский гений, западные военные теоретики всемерно стремились доказать вечность и неизблемость установленных им принципов в военном искусстве и возможность их успешного применения в любой обстановке.

Взгляды Кутузова по их широте, научности, смелости были значительно глубже и вернее взглядов западноевропейских «столпов» военной мысли. Они основывались на передовом опыте, главным образом на опыте освободительной войны против наполеоновской агрессии, которая велась русским народом.

Законно возникает вопрос: как могло случиться, что буржуазная Франция потерпела поражение в борьбе с феодально-крепостнической Россией? Казалось бы, наполеоновская армия, возглавляемая таким талантливым полководцем, как Наполеон, опиравшаяся на более прогрессивный общественный строй, располагала большими

возможностями для эффективного использования своего военного искусства, имела больше шансов на победу в борьбе с армией феодально-крепостнического государства.

В свое время так оно и было. Когда на знаменах французской армии были начертаны освободительные лозунги и ей противостояли сравнительно слабые противники, она одерживала блистательные победы. Иные условия и обстановка сложились в войне с Россией в 1812 году. Во-первых, война со стороны Наполеона носила открытый грабительский характер и осуществлялась разноплеменной армией, боевые и моральные качества которой были уже иные, чем в революционных войнах. Во-вторых, в России Наполеон рассчитывал встретить сопротивление только армии, а в действительности против агрессора поднялся весь народ. Национально-освободительный характер войны, активное участие народных масс в ней давали широкий простор для творчества в области военного искусства. И, наконец, в-третьих, богатый опыт, приобретенный русской армией в войнах первого десятилетия XIX в., в том числе и в войне с Францией, более глубокий и реалистический подход к тем изменениям, которые происходили в военном деле, выдвинули русское военное искусство как в его практической, так и теоретической части на одно из первых мест в мире.

Грозный 1812 год — знаменательное событие не только русской, но и мировой истории. Народные силы, вставшие на защиту своего Отечества, их воля, мужество, военное искусство одержали верх над столь сильной, и как многим тогда казалось, непобедимой «Великой армией» Наполеона Бонапарта. И если Тильзит 1807 г. был вершиной на восходящей вверх лестнице славы Наполеона, его всевозраставшего могущества, то роковой поход в Россию в 1812 г. стремительно опускал его вниз, с неотвратимой силой ускорял процесс крушения наполеоновской империи и его личного падения.

Но то был вполне закономерный финал.

Глава шестнадцатая

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Тяжелая и кровопролитная война против наполеоновской агрессивной армии завершилась победой европейских народов во главе с русским народом. Победа дорого обошлась народным массам. Война унесла сотни тысяч людей, она оставила разрушенные и сожженные города и села, привела к гибели посевы, имущество и скот. По исчислениям советского исследователя Б. Ц. Урланиса, безвозвратные людские потери воевавших стран в период наполеоновских войн (1805—1815 гг.) составили огромную для того времени цифру — 755 тыс человек, а всего с ранеными и без вести пропавшими они доходили до 2 млн человек¹.

Наибольшие жертвы выпали на долю русского народа. Потери русской армии за этот же период составили 360 тыс человек, в том числе в Отечественной войне 1812 года — 111 тыс человек². По явно преуменьшенным данным Министерства финансов, расходы на войну равнялись 157,5 млн руб., а убытки населения составили 200 млн руб.

К. Маркс, изучая историю войн, много внимания отводил — и это мы видим прежде всего по его «Хронологическим выпискам» — войнам России, и главным образом освободительной борьбе русского народа. В его трудах мы находим оценки и войны 1812 года. Ее он рассматривал как войну освободительную, национальную. Сравнивая Отечественную войну 1812 года с освободительной войной Испании, Маркс при этом считал, что испанцы «более счастливые, чем русские», так как они «даже не должны были умирать, чтоб воскреснуть из мертвых»³.

Однако отсутствие достаточных исторических данных о характере и ходе войны, а также о тех общественных течениях, столкновениях и сдвигах, к которым она привела внутри страны, дали основание Энгельсу в письме к Вейдемейеру сказать: «Для ближайшего будущего, то есть для нас, русская кампания 1812 г. является самой важной, она единственная, где остаются еще не решенными крупные стратегические вопросы»⁴.

Русский народ своей самоотверженной борьбой не только спас от наполеоновской тирании свою Родину, но

и оказал решающую помощь народам Европы в их освобождении от наполеоновского ига.

Самоотверженность, мужество русского народа в борьбе с агрессивной армией Наполеона вызывали всеобщее восхищение. Западные историки прошлого столетия отмечали, что Наполеон никогда еще не сражался с народом, который защищался бы подобным образом. Современники тех событий называли сопротивление русских в борьбе с наполеоновским нашествием беспрецедентным в истории. И все же победа над Наполеоном не принесла народным массам облегчения.

Вскоре после окончания войны в Европе воцарилась реакция. Парижский мирный договор, заключенный союзными державами с Францией, а затем и Венский конгресс, заседавший с сентября 1814 г. по июнь 1815 г., провели новый раздел территории. Франции была оставлена территория в границах 1792 г., Англия получила Мальту и Ионические острова, а также колонии Цейлон и Гвиану, ранее принадлежавшие Голландии. Пруссия, Австрия и Россия разделили между собой польские и саксонские земли. К Пруссии отошли Рейнская провинция и Померания. Австрия получила кроме части польской территории Тарнопольский округ, Ломбардию и Венецию. К России были присоединены территории бывшего герцогства Варшавского (получившие название Царства Польского).

К власти во Франции вернулись Бурбоны — на престол вновь посадили Людовика XVIII, в Италии к власти пришли иезуиты во главе с папой римским. В России свирепствовал режим аракчеевщины. «Феодальные аристократы,— писал Ф. Энгельс,— правили во всех кабинетах от Лондона до Неаполя, от Лиссабона до С.-Петербурга»⁵.

Реакционные режимы, установившиеся в европейских странах, естественно, вызывали протесты со стороны народных масс, ожидавших улучшения своего положения. Монархические правительства вместо выполнения обещаний, которые они давали народу во время войны против наполеоновской армии, теперь со всей жестокостью подавляли малейшее проявление революционного движения. В весьма тяжелом положении после войны оказалось крепостное крестьянство России. Разруха и нужда, усилившаяся эксплуатация помещиков, рост налогов и всякого рода повинностей создавали невыносимые условия жизни крепостного крестьянства, приводили к значитель-

ным по своим масштабам крестьянским выступлениям против гнета помещиков.

Мрачный режим аракчеевщины сковал всю общественную жизнь России. Но особенно жестокие и уродливые формы аракчеевщина припала в армии. В 1816 г. в России были введены военные поселения — новая форма комплектования и содержания армии. Ее особенностью было соединение военной службы с выполнением сельскохозяйственных работ. В военных поселениях царили произвол и беззаконие, бесправные крестьяне-поселяне подвергались жестокой эксплуатации и угнетению.

В армии были введены бессмысленная военная муштра, жестокие телесные наказания. Все это находилось в резком противоречии с тем, что было во время Отечественной войны 1812 года. Солдатские массы, ополченцы, побывав в страпах, где уже не было крепостного режима, надеялись на избавление от него и у себя в России. Вернувшись же из заграничного похода, они стали подвергаться еще большему угнетению. «Мы проливали кровь,— говорили они,— а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили Родину от тирана, а нас вновь тиранят господа».

Забытым оказался и военный опыт войны 1812 года, хотя именно русская армия внесла ценный вклад в развитие военного искусства. Выдающаяся победа над захватнической наполеоновской армией была достигнута не в силу численного превосходства над противником или обладания лучшим оружием, а в результате превосходства военного искусства. «Кто из русских,— писал Ф. Глинка,— не согласится, что в Отечественной войне нашей одно искусство, в лице знаменитого полководца нашего Кутузова, победило силу. Оно защитило нашу честь, возвысило славу, нашу свободу и великое преимущество называться русскими»⁶.

Практика организации и ведения оборонительных и наступательных действий, применения различных форм маневра и преследования противника вносила много нового в способы боевых действий войск. Как в области стратегии и тактики, так и в области организационной структуры армии, ее боевой подготовки и обучения опыт войны 1812 года явился крупным этапом в развитии военного искусства. Из богатого опыта войны 1812 года большое практическое и теоретическое значение приобретали вопросы планирования войны и отдельных сражений, выбора направления главного удара, сосредоточения

главных усилий на решающем направлении, вопросы организации и ведения разведки, взаимодействия и управления войсками.

Выдающиеся достижения в области военного искусства, проявившиеся в Отечественной войне 1812 года, выдвигали в качестве неотложной задачи глубокое исследование и обобщение опыта этой войны. Необходимость такого научного всестороннего изучения диктовалась прежде всего практическими соображениями: совершенствованием боевых качеств русской армии, необходимостью пересмотра многих устаревших уставных положений, наставлений и учебных пособий.

Передовые военные деятели того времени отчетливо сознавали всю важность создания военных трудов, основанных на обобщении опыта войны 1812 года. Об этом говорилось и в официальных докладах правительству, и в печати.

Молодой подпоручик Н. М. Муравьев, будущий активный деятель декабристского движения, вернувшись из заграничного похода, опубликовал в 1816 г. в «Сыне отечества» статью, в которой резко критиковалось забвение отечественного военного опыта. «Можно утвердительно сказать,— писал он,— что Муза истории дремлет у нас в России... Недостаток хороших исторических книг особенно чувствителен для военных, беспрестанно поучающихся в истории браней. Россия имела Румянцевых, Суворовых, Каменских, Кутузовых, но дела их никем надлежащим образом не описаны — они как бы достояние другого народа! Юный воин, лишенный отечественных пособий, должен пользоваться примерами других народов, как будто бы мы скудны были своими»¹.

Об этом же писал другой участник войны, Ф. Н. Глинка, впоследствии декабрист,— о необходимости создания истории Отечественной войны 1812 года, в которой была бы опровергнута клевета, распространяемая за границей о русских людях, и противопоставлена этим измышлениям объективно написанная история о великих победах русского народа.

Обосновывая свои взгляды, Глинка указывал, что историю войны должен писать человек, знающий военное дело, природу войны, непосредственно участвовавший в этой войне, так как «один только историк-самовидец может описать каждое воинское действие столь живыми красками, так справедливо и так обстоятельно, чтоб читатель видел ясно, как пред собственными глазами, строй-

ный ряд предшествовавших обстоятельств каждого сражения, видел бы самое сражение»⁸. И в заключение, обращаясь к историку, Глинка писал: «Опиши героев бывших, и тогда история твоя родит героев времен будущих»⁹.

Декабрист В. И. Штейнгель, служивший офицером в Петербургском ополчении и участвовавший во многих сражениях, в своих «Записках касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения...», вышедших в 1814—1815 гг., настаивал на необходимости всестороннего изучения опыта Отечественной войны¹⁰.

Так, уже в первые годы после военных событий 1812—1814 гг. в русской печати широко ставился вопрос об изучении и освещении богатого русского военно-практического и теоретического наследства. Изложенные авторами соображения были настолько основательными, что, казалось, совершенно естественным и закономерным было бы начать широкое обобщение и внедрение в военную практику и обучение войск того боевого опыта, который так блестяще оправдал себя в борьбе с сильным агрессором, каким была тогда наполеоновская армия. Однако самодержавие и высший генералитет, на который оно опиралось, были далеки от мысли глубокого изучения и популяризации отечественного военного искусства, особенно военного искусства, связанного с Отечественной войной 1812 года, так как это не только не отвечало, но и противоречило всей внешней и внутренней политике царского правительства.

Из армии изгонялись лучшие генералы и офицеры, ученики и последователи Суворова и Кутузова, вводилась суровая, палочная дисциплина, восстанавливалась муштра. «Боевые офицеры Отечественной войны,—справедливо отмечал А. И. Герцел,—вдохновленные идеями Суворова и Кутузова, были заменены невежественными казармерными и машинными служаками, которые браво маршировали, но не умели воевать и не знали ничего, кроме строевого устава»¹¹.

Аракчеевцы, поставленные у руководства армией, свирепо расправлялись с малейшим проявлением вольнодумства среди солдат и офицеров, зуботычинами и палочным «воспитанием» стремились, по словам Аракчеева, «выбить дурь из головы этих молодчиков»¹². Военные поселения, во главе которых Александром I был поставлен всесильный временщик, явились выражением наиболее гнусного крепостнического произвола в армии. Наступле-

ние реакции по всем направлениям имело своей основной целью задушить, пресечь нараставшее движение в стране против крепостнического режима.

После победы над наполеоновской армией русский народ еще больше осознал свою историческую миссию. «Люди делали историю и чувствовали, понимали, что они ее делают»¹³. Они также поняли и то, что все обещания, все те посулы правительства, о которых недвусмысленно заявлялось во время народной борьбы, оказались лживыми, что царь и помещики обманули народ. Крестьянские волнения на Дону, на уральских заводах, в военных поселениях, в Семеновском полку, организация тайных обществ знаменовали собой новый прилив борьбы против крепостнического строя, завершившийся прямым революционным выступлением против царизма. «Десять лет, протекшие со времени возвращения войск и до 1825 года,— писал Герцен,— составляют апогей петербургского периода»¹⁴.

Для борьбы с возраставшими крестьянскими волнениями внутри России, для подавления революционного движения на Западе и создания надежной опоры в самой армии царизму нужен был солдат, слепо выполняющий приказания, вымуштрованный палочной дисциплиной. Для этого как нельзя более подходила прусская фридриховская система, которая и стала внедряться аракатеевцами в русскую армию. В. И. Ленин, говоря об отличительных особенностях рождавшейся новой, Советской Армии, о ее сознательности, неразрывной слитности с интересами социалистического государства, в качестве противоположного примера указал именно на фридриховскую армию. «Один прусский монарх в XVIII в.,— писал он,— сказал умную фразу: „Если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, то нельзя было бы вести ни одной войны“»¹⁵.

Именно этого непонимания у солдат целей военных действий и их смысла умышленно добивались и Александр I, и Аракатеев. «Они полагали,— отмечает полковник А. И. Астафьев,— найти тайну побед в узкой одежде, в маленьких шляпах, в вычищенных пуговицах, в блестящем оружии, в умножении унижительных наказаний, в тонкостях элементарного обучения войск, дошли до того, что подчинили тактику и военные науки правилам математическим, с удивительным педантизмом размеряли шаги по дюймам, а время — по секундам»¹⁶.

Царизм и реакция понимали неприемлемость для себя

передового военного искусства, проявившегося в войне 1812 года. Они учитывали, что разработка тех форм и способов борьбы, которые применялись в войне (в том числе и активной партизанской борьбы, широкого вовлечения народного ополчения), неизбежно привела бы к признанию исключительных заслуг в войне армии, народа, прежде всего крепостного крестьянства. Царизм был заинтересован в том, чтобы использовать исторические победы в войнах против Наполеона в своих интересах, в интересах прославления монарха, укрепления феодально-крепостнического строя, представить царя и крепостников-помещиков как единственных спасителей Отечества. Признание же активной роли народа в войнах первой четверти XIX в. разрушало стройность этой концепции.

Во многих исторических исследованиях, посвященных войне 1812 года, все заслуги приписывались самодержавию и дворянству. Александр I изображался как гениальный государственный деятель и полководец. Декабрист Никита Муравьев, критикуя Карамзина за забвение в своих исторических сочинениях роли народа, восклицал: «История принадлежит народу!». Виднейший идеолог декабризма Н. И. Тургенев, читая карамзинскую «Историю Государства Российского», записал 21 февраля 1818 г. в своем дневнике: «История народа принадлежит народу — и никому более! Смешно дарить ею царей»¹⁷.

В исторических военно-теоретических работах сознательно извращались основные стратегические и тактические взгляды Кутузова, фальсифицировалась его практическая военная деятельность (подлинные документы Кутузова были упрятаны в архивах и недоступны исследователям). Нельзя не отметить, что в принижении и замалчивании наследия Кутузова не последнюю роль играла и личная неприязнь Александра I к полководцу. В России и Европе хорошо понимали, что успешное решение важнейших военно-стратегических задач в царствование Александра I связано с именем Кутузова. Ни для кого не было секретом, что в 1805 г., когда русская армия, возглавляемая Кутузовым, вела героическую борьбу с французской армией, Александр I как ни в чем не бывало отправился в Берлин. В 1811 г., когда под Рущуком и в долине Дуная шли кровопролитные бои и русская армия под руководством Кутузова решала важнейшую проблему защиты юго-западных границ государства, Александр I пребывал в уютных залах Зимнего дворца. Наконец, в наиболее трудные периоды войны 1812 года, когда Кутузов

по требованию народа и армии возглавил вооруженную борьбу с наполеоновской армией, когда судьба России решалась на полях сражений, перепуганный царь отсиживался в Петербурге.

За победу над врагом, за освобождение Родины от наполеоновских полчищ народ славил армию и Кутузова, а не царя. Имя Кутузова тогда было самым популярным. Этого не мог не знать Александр I. Вел. кн. Екатерина Павловна, сестра царя, с нескрываемым раздражением писала Александру I в день вступления русских войск в Вильно: «Радость всеобщая, а фельдмаршал озарен такой славой, которой он не заслуживает; зло берет видеть, как все почитание сосредоточивается на столь недостойной голове, а вы, я полагаю, являетесь в военном отношении еще бóльшим неудачником, чем в гражданском»¹⁸.

Кутузов чувствовал всегда неприязненное отношение и лицемерие царя. Он знал, что его ненавидят в Зимнем дворце. За несколько дней перед смертью Кутузов писал родным о том, с каким ликованием и торжественностью население Польши и Пруссии встречает появление русских войск, как из отдаленных селений крестьяне приходят посмотреть на русских богатырей и их полководца: «На улицах кричат: „Ура, Кутузов! Да здравствует великий старик!“. Иные просто кричат: „Да здравствует наш дедушка Кутузов“. Этого описать нельзя, и такого энтузиазма не будет в России. Несть пророк честен во отечестве своем»¹⁹.

В следующем письме, 3 апреля 1813 г., Кутузов замечает: «Мне очень горько, когда присваивают мне больше простоты, больше глупости и больше незнания людей, нежели я в самом деле имею»²⁰. Эти слова, разумеется, относились не к русскому народу, не к простым людям, а к лицемерному царю, помещикам-крепостникам, к арачьевцам, стремившимся еще при жизни принизить полководческие способности Кутузова, очернить его деятельность.

В конце марта 1813 г., сообщая жене о получении от прусского короля орденов Черного и Красного орла, Кутузов сообщал: «Желает король иметь меня своим согражданином и утвердить за мною имение в Пруссии. Я его благодарил так учтиво, как надобно, сказав, однако же, что император Александр никогда не допустит, чтобы я или кто-либо из детей моих в чем-нибудь нуждался»²¹. Но в этом Кутузов ошибся. Не прошло и года после его смерти, как пять дочерей фельдмаршала оказа-

лись в крайне тяжелом материальном положении и вынуждены были просить царя о помощи. В поданном Александру I прошении они писали: «Посвятив жизнь свою на службу Отечеству, не мог отец наш заняться делами своими, смело оставлял их в расстройстве, награждаем был тобою отличием и почестями и неограниченной доверенностью. И конечно, государь! Одни только беспрерывные подвиги твои помешали тебе обратить взор твой на детей Кутузова-Смоленского! Имение, доставшееся нам, обременено долгами, и тогда только можем надеяться иметь хотя малое состояние, ежели, всемилостивейший государь, прикажешь оное купить в казну»²². На прошении властной рукой Аракчеева было начертано повеление царя: «Оставить без ответа». Так отнеслось царское правительство к заслугам и памяти великого русского полководца.

Разработка, изучение наследства Кутузова, его применение в практике боевой подготовки войск не только не поощрялись, но и строжайше запрещались. Все документы, отражавшие полководческое искусство и деятельность Кутузова, его военно-теоретические взгляды, вся его служебная переписка были, как мы знаем, запрятаны в архивы, и к ним без особого разрешения Александра I никто не допускался²³.

Но даже при таком разгуле реакции, когда аракчеевщина душила всякое проявление прогрессивной мысли, шла настойчивая борьба за русское передовое военное искусство. Кроме реакционного направления в военном искусстве существовало и другое, прогрессивное направление, во главе которого встали передовые военные деятели того времени, прежде всего декабристы.

Именно они первыми открыто заявили протест против аракчеевского режима в армии и забвения русского военного искусства, пренебрежения опытом последних войн, особенно опытом войны 1812 года. В офицерских артелях, в организованном «Обществе военных наук», на страницах «Военного журнала», в подразделениях и частях, которыми командовали офицеры-декабристы, они выступали как страстные пропагандисты передового отечественного военного искусства. При их активном участии в войсках создавались военно-научные кружки по изучению истории войн и военного искусства. При штабе 2-й армии, в котором служили, как известно, наиболее революционно настроенные декабристы, создавались авторские коллективы по описанию Отечественной войны 1812 года.

Вопреки разработанным воинским уставам, в которых в русской армии возрождалась линейная тактика, в штабах 1-й и 2-й армий издавались инструкции и наставления, авторы которых — передовые офицеры и генералы, опираясь на опыт войны 1812 года, стремились внедрить в обучение, в тактику русской армии достижения русского военного искусства. Особенно ценными были «Правила рассыпного строя», разработанные в Главном штабе 1-й армии. В них указывалось, что в изменившихся условиях ведения боевых действий рассыпной строй и прицельная стрельба будут вытеснять линейное построение и залповый огонь: «Разделенное действие пехоты делается необходимым, представляя общие удобства и успех»²⁴. В «Правилах» говорилось, что успех действий в рассыпном строю и обучение солдат прицельной стрельбе во многом зависят от метода обучения и воспитания солдат. Не муштра, не палочная дисциплина, а терпеливое разъяснение, показ, воспитание инициативы, ловкости и расторопности у солдата должны приучить его «покинуть всякую принужденность, в сомкнутом строю необходимую, не заботиться о верном равнении или принужденном шаге, но делать всякое движение свободно и легко, как ему удобнее будет»²⁵.

Декабристы — командиры подразделений и частей — в своей практической деятельности развивали суворовско-кутузовские традиции воспитания и обучения войск. Начальник 16-й пехотной дивизии генерал М. Ф. Орлов в издававшихся им приказах требовал от офицеров прекращения грубого обращения с солдатами и строго наказывал их за побои солдат. «Офицеры могут быть уверены, — указывал в приказе Орлов, — что тот из них, который отличится в жестокости, лишится в то же время навсегда команды своей»²⁶. Генерал Орлов требовал от офицеров «быть часто с солдатами, говорить с ними, внушать им все солдатские добродетели, пецись о всех их нуждах, давать им пример деятельности и возбуждать любовь к Отечеству»²⁷.

Большая воспитательная работа проводилась офицерами-декабристами в организованных «школах взаимного обучения» солдат. Декабрист майор В. Ф. Раевский, служивший в дивизии М. Ф. Орлова, писал, что он «взошел на кафедру (перед 9-й егерской ротой) и во имя Демосфена, Цицерона и Красса загредел о подвигах предков наших, о наших собственных подвигах и будущих наших подвигах, о Румянцеве при Кагуле, о Кутузове при Бородине»²⁸.

Декабристы-писатели Ф. Н. Глинка, Н. И. Тургенев, В. И. Штейнфельд, П. И. Пестель, Н. М. Муравьев, И. Г. Бурцов в своих теоретических обобщениях опирались на опыт войн первой четверти XIX в., особенно на опыт Отечественной войны 1812 года.

Ознакомление с военно-теоретическими взглядами декабристов, с их планами революционного преобразования армии дает полное основание говорить о непосредственном влиянии на них военного искусства, созданного в ходе борьбы с агрессивной наполеоновской армией. Пестелевские проекты о введении всеобщей воинской повинности, его положение о необходимости во время войны производить набор рекрутов со всех губерний, требование Н. М. Муравьева о том, что каждый человек должен «быть всегда готовым к защите Родины»²⁹, предложение Н. И. Тургенева о необходимости прибегать во время войны к конскрипции, обязывающей служить в армии все сословия³⁰ — все эти проекты исходили из учета опыта войны 1812 года, активного участия народных масс, из необходимости иметь массовую армию.

Военно-теоретические взгляды декабристов, их высказывания о связи войны и политики, о предмете военной науки, ее содержании, о значении морального духа войск на войне, правильное понимание декабристами основных вопросов стратегии и тактики свидетельствуют об их глубоко усвоении русского передового военно-теоретического наследства и использовании его в военной практике и своих проектах по преобразованию армии.

Но как бы ни был значителен вклад, внесенный декабристами в развитие передовой русской военно-теоретической мысли, однако их взгляды и идеи не получили, да и не могли получить широкого применения в феодально-крепостнической и буржуазной России. Царское самодержавие, напуганное восстанием 14 декабря 1825 г. в Петербурге, еще больше усилило реакционный режим в стране и армии, развернуло новое наступление на все передовое в любой области науки и идеологии.

Только через столетие, после того как трудящиеся России в октябре 1917 г. взяли власть в свои руки и стали полноправными хозяевами земли русской, все прогрессивное, что имелось в прошлом, получило достойную оценку.

Рабочим и крестьянам Советской России с первых дней пришлось с оружием в руках защищать свою Родину от нашествия интервентов, бороться с агрессивней импе-

риалистов многих стран. И уже тогда в жестоких схватках гражданской войны революционный боец Красной Армии, идя в рукопашный бой, кавалерийскую атаку или штурмуя Перекоп, наизусть знал десять суворовских заповедей из «Науки побеждать», включенные в первую служебную книжку красноармейца, изданную в 1918 г. за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова. Именно оттуда он познавал три правила военного искусства — глазомер, быстроту и натиск и то, что солдату надлежит знать в бою и походе.

Боевые традиции суворовских чудо-богатырей, мужественных солдат Бородина вдохновляли на ратные подвиги советских воинов и в суровые годы войны против гитлеровской агрессии. В грандиозных битвах у стен древней Москвы, на берегах великой русской реки Волги, у предгорья и вершин седого Кавказа, на Одере и Нейсе советский солдат приумножал подвиги своих далеких предков. Вот один весьма примечательный пример из истории Великой Отечественной войны, наглядно показывающий, какую дань глубокого уважения отдают советские воины героям освободительной войны 1812 г. и ее полководцу М. И. Кутузову.

Шел 1945 год... Война уходила на запад и приближалась туда, откуда она началась. Стремительно развивая наступление, советские войска освобождали территории западноевропейских стран. Одна наша танковая бригада выбила противника из Бунцлау, города, в котором оборвалась жизнь великого русского полководца М. И. Кутузова. Танковая бригада двигалась тем же путем, что и русская армия в 1813 г., изгонявшая наполеоновские войска. Обращаясь к танкистам бригады, освободившей Бунцлау, командующий 3-й гвардейской танковой армией Павел Семенович Рыбалко сказал:

«Мы с вами идем дорогами ратной славы наших предков. Вдумайтесь в это, друзья! Как и сто тридцать лет назад, шумят русские знамена в центре Европы. Мы пронесем их на Гёрлиц, Дрезден, Лейпциг, Берлин. Пронесем как символ свободы, по которой истосковались народы всей Европы. Будем же достойны своей великой исторической миссии, правнуки Кутузова!»

Продолжая путь на запад, танковая бригада остановилась у дороги на Лаубан у памятника М. И. Кутузову. Здесь в безмолвии, обнажив головы, стояли танкисты, артиллеристы, десантники, саперы, связисты. Был открыт митинг. Выступавшие вспоминали о тех, кто в 1813 г.

освобождал народы Европы от наполеоновского угнетения. Последним на митинге выступил начальник политотдела. Свою речь он закончил такими словами:

— Слушай приказ фельдмаршала Кутузова: «Заслужим благодарность иноземных народов и заставим Европу с удивлением восклицать: непобедимо воинство русское в боях и неподражаемо в великодушии и добродетелях мирных! Вот благодарная цель, достойная воинов. Будем же стремиться к ней, храбрые русские солдаты!»

— Как уместно и как сильно прозвучали эти слова, — вспоминает командовавший тогда бригадой, ныне генерал-полковник танковых войск, дважды Герой Советского Союза Д. А. Драгунский.

После митинга прогремел тоекратный салют, раздалась команда: «По машинам», — и бригада, сопровождаемая истребителями прославленного аса А. И. Покрышкина, двинулась дальше на запад, озаренная памятью великого русского полководца³¹.

При неоднократных встречах с дважды Героем Советского Союза генералом армии П. И. Батовым, командовавшим в годы войны 65-й армией, трижды Героем Советского Союза маршалом авиации А. И. Покрышкиным, генералом Д. А. Драгунским мне доводилось слышать о том незабываемом воодушевлении, которое испытывали войска, выполнявшие освободительную миссию, совершая свой победный путь по тем же дорогам и местам, по которым некогда их славные предки изгоняли наполеоновские войска с польской земли.

Сохраняются в памяти народной подвиги героев Отечественной войны 1812 г. Они запечатлены в памятниках литературы и искусства, названиях сел и городов, улиц и площадей. В Москве есть Кутузовский проспект, проезды Баркляя, Багратионовский и Платовский, улицы Сеславинская, генерала Ермолова, Дениса Давыдова, Василисы Кожиной, Герасима Курина. В Калининградской области есть город Багратионовск.

Указом Президиума Верховного Совета СССР в июне 1942 г. был учрежден военный орден Кутузова трех степеней, которым награждаются генералы и офицеры Советской Армии за хорошо разработанный и проведенный план операции с нанесением тяжелых потерь противнику и сохранением боеспособности своих войск. Знамена многих полков, бригад и дивизий украшают ордена Кутузова. Как высокую воинскую заслугу посят на груди советские офицеры и генералы изображение великого русского пол-

ководца. В годы Великой Отечественной войны орденом Кутузова было награждено 6986 человек.

Никогда еще так не чтли героев войны 1812 года, как в дни празднования 150-летия победы над наполеоновской армией. По всей стране на предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях, учебных заведениях, воинских частях читались лекции и доклады, проводились беседы о героическом подвиге народов России в борьбе с агрессором.

А 18 октября 1962 г., в день, когда 150 лет назад началось изгнание наполеоновских войск из России, в республиканских, краевых и областных центрах, а также в городах, подвергшихся наполеоновскому нашествию, состоялись торжественные собрания трудящихся совместно с представителями воинских частей. На Бородинском поле был проведен митинг трудящихся Московской области и воинских частей; возлагались венки к памятникам героев Бородина и воинов, сражавшихся на Бородинском поле в октябре 1941 г. В Москве был открыт музей-панорама «Бородинская битва».

Вечером того же дня в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание трудящихся Москвы совместно с представителями Советской Армии и Военно-Морского Флота, на котором присутствовали руководители партии и правительства. В Москве, в столицах союзных республик, в Ленинграде, Смоленске, Вязьме, Гжатске, Наро-Фоминске, Малоярославце, Калуге и Борисове был произведен салют 20 артиллерийскими залпами. Советские люди чествовали трудовой народ России, разгромивший наполеоновские полчища и спасший страну от иностранного порабощения. Юбилей войны 1812 года вылился в гимн народу — творцу истории.

В память о славных победах русского оружия над захватнической армией Наполеона в Москве на Кутузовском проспекте, рядом с Кутузовской избой и Музеем-панорамой «Бородинская битва», воздвигнут памятник М. И. Кутузову. Его автор — народный художник СССР Н. В. Томский. Торжественное открытие памятника состоялось 6 июля 1973 г., на его гранитном постаменте начертаны слова: «Михаилу Илларионовичу Кутузову, славным сынам русского народа, одержавшим победу в Отечественной войне 1812 года».

В народе справедливо говорится: герои не умирают, они оживают в потомстве. История хранит имена героев Отечественной войны 1812 года, мужественных защитни-

ков Смоленска, бесстрашных воинов Бородина, тех, кто преградил путь наполеоновским войскам под Тарутином и Малоярославцем, кто громил их под Вязьмой, у Красного и на Березине.

* * *

Славные боевые традиции освободительной борьбы, талантливое военное творчество наших далеких предков, их мужество и самоотверженность и сейчас вызывают у нас восхищение и гордость.

В Великой Отечественной войне, в иных, более сложных условиях вооруженной борьбы советский народ и его славные воины в борьбе с более сильным и коварным врагом — гитлеровским фашизмом — одержали победу мирового значения. Применяя в ней новые формы и приемы борьбы, советское командование широко использовало и все то ценное, что имелось в русском военном искусстве, в том числе, разумеется, и то, что приобретено опытом войны 1812 года. И не случайно при разработке важнейших операций войны присваивались им кодовые названия по имени русских полководцев: «Суворов», «Румянцев», «Кутузов», «Багратион».

Гибель агрессора — главный итог двух крупнейших военных событий, имевших место в начале прошлого и середине нашего века. Поход Наполеона и поход Гитлера на нашу страну привели к одному результату: сокрушительному разгрому армии агрессора. Не должны ли эти поучительные уроки истории послужить суровым предупреждением для тех, кто и теперь все еще строит несбыточные иллюзии о новом походе на нашу страну.

История — память народа. И как бы далеко ни стояла от нашего времени история гибели наполеоновской армии в России, ее полезно знать, в ней много не только познавательного, но и поучительного.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. М.; Л., 1923. Т. 20. С. 214.

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 4. С. 765.

Липранди И. П. Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об Отечественной войне 1812 // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1984. Кн. 3; *Дубровин Н. Ф.* Библиографический указатель книг и статей, относящихся до описания Отечественной войны с 1812 по 1815 год // Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). СПб., 1882.

Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. СПб., 1819.

Батуллин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: В 2 т. СПб., 1837. В 1823—1824 гг. работа была издана в Париже на французском языке.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года: В 4 ч. СПб., 1840.

Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: В 3 т. СПб., 1859—1860.

Карцов А. П. Военно-исторический обзор войны 1812 г. СПб., 1852; *Липранди И. П.* Кому и в какой степени принадлежит честь «Бородинского дня?» М., 1867; *Он же.* Материалы для Отечественной войны 1812 г. СПб., 1867; *Михневич Н. П.* Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 годах. СПб., 1888; *Окунев Н. А.* Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампании 1812 года. СПб., 1912; *Омельянович.* План Пфуля. СПб., 1898; *Скугаревский А. П.* 1812 год: От начала войны до Смоленска включительно. Казань, 1898; *Харкевич В. И.* Березина. СПб., 1893.

Укажем некоторые статьи и материалы, публиковавшиеся в «Русском архиве»: Записки графа П. Х. Граббе (1873. Кн. 1); Рассказы из истории 1812 г. А. Н. Оленина (1868. Кн. 10); Чего стоила война с французами 1812, 1813 и 1814 гг. // Из отчета Баркляя-де-Толли императору Александру I (1874. Кн. 2); Письмо графа Толя к Д. П. Бутурлину (1873. Кн. 1); *Шишков Н. П.* Воспоминания о князе Смоленском М. И. Голенищеве-Кутузове (1866. Кн. 3); Бумаги из эпохи 1812—1814 годов (1871. Кн. 10); Из писем князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского к его дочери П. М. Толстой (1891. Кн. 2); Письма Д. С. Дохтурова к его супруге, 1805—1814 (1874. Кн. 1). См., напр.: *Попов А. Н.* От Смоленска до приезда Кутузова в армию; *Он же.* Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры; *Он же.* От Малоярославца до Березины (1877. Янв.—нояб.; 1897. Июнь—окт.; 1898. Окт.—нояб.; 1898. Нояб.—дек.); Письмо Д. В. Давыдова П. П. Коновницыну о бегстве Наполеона из России (1870. Сент.); Партизан Фигнер; Письма Д. В. Давыдова к М. Н. Загоскину (1877. Сент.); К истории

- воздушного шара Лепшиха в 1812 г. (1877. Дек.); Воспоминания о разорении и пожаре Москвы в 1812 г. (1883. Июнь); Отечественная война в рассказах ген. Чаплица (1886. Июнь); Москва в 1812 г., занятая французами: Воспоминания очевидца Г. Я. Козловского (1890. Янв.); Поход великой армии в Россию в 1812 г.: Записки доктора французской армии Де-ла-Флиза (1891. Сент.—дек.; 1892. Янв.—март); Ден. Вас. Давыдов: Последние годы жизни партизана и поэта по неизданным письмам и воспоминаниям (1891. Авг.); Секретное письмо кн. Кутузова к гр. И. И. Маркову 18 июля 1812 г. (1896. Дек); Фальшивые ассигнации 1812 г., приготовленные по приказанию Наполеона (1900. Ноябрь); Смоленская губерния в Отечественную войну (1901. Май); Разрешение особам женского пола носить медали 1812 г. (1903. Окт.); Свидание Балашева с Наполеоном (1883. Май); Рассказ полковника Био о Бородинской битве и о пребывании в Москве в 1812 г. (1900. Май); Пожар Москвы и гр. Ростопчин в 1812 г. (1902. Окт); Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского (1870. Апр.; 1871. Февр.).
- ¹¹ Поведение российского народа во время вторжения французов в Россию и пребывание их в ней, а особенно в Москве (1812. Т. 2, ч. 4); Вступление князя Кутузова в главное начальство над всеми армиями и Бородинское сражение (1812. Т. 2, ч. 3); *Невзоров М.* Гибель французской армии (1812. Т. 2, ч. 4).
- ¹² Переговоры между князем Кутузовым-Смоленским и французским генералом Лористоном в лагере при Тарутино (1812. Ч. 66. № 24); *Данилевский А. М.* Два отрывка из истории 1812 года (1817. Ч. 96, № 22).
- ¹³ Описание битвы, при селе Бородине происходившей/Составлено генерал-лейтенантом Толлем (1822. Ч. 2).
- ¹⁴ *Шильдер Н. К.* Были ли у нас планы военных действий в 1812 году (1902. № 2); *Харкевич В. И.* Военный совет в Филях (1903. № 1); *Дубровин Н. Ф.* Материалы для истории царствования Александра I (1864. № 4—12).
- ¹⁵ Описание военных действий отряда, находившегося под начальством генерала Винценгероде в 1812 г. (1817. № 3); Кавалерия при Бородино (1857. № 6); *Глинка Ф. Н.* Сражение при Тарутино (1818. № 8); Записки Костромского ополчения (1915. № 12); Обстоятельства, предшествовавшие сражению Бородинскому (1818. № 9).
- ¹⁶ План военных действий против Наполеона, представленный генералом от инфантерии кн. Багратионом императору Александру I перед Отечественной войной 1812 г. (1857. № 1); Заметка о переправе через Березину (1843. № 276); Прекрасные подвиги русских крестьян в Отечественную войну (1835. № 120); Воины-поселяне (1836. № 30); Письмо кн. Кутузова-Смоленского А. Н. Нарышкиной о сохранении для потомства Тарутинских укреплений (1834. № 6); Материалы для истории Отечественной войны 1812 г.: Заметки о переправе через Березину (1834. № 276).
- ¹⁷ Основные из них: *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера. СПб., 1824; Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911; *Голицын Н. Б.* Офицерские записки или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 гг. М., 1838; *Давыдов Денис.* Дневник партизанских действий 1812 года. М., 1941; *Ермолов А. П.* Записки Алексея Петровича Ермолова с прило-

- жениями. М., 1865; *Митаревский Н. Е.* Воспоминания о войне 1812 года. М., 1871; *Норов В. С.* Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского до Кульмского боя. СПб., 1834; *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы ВУА Главного штаба. Вильна, 1900—1907. Вып. 1—4.
- ¹⁸ *Роос Г. С.* Наполеоном в Россию: Записки врача Великой армии. М., 1912; *Сегюр Ф. П.* Поход в Москву в 1812 году: Мемуары участника, французского генерала графа де-Сегюра. М., 1911; *Де-ла-Флиэ.* Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М., 1912; *Коленкур А.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943; Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: Сборник. М., 1912.
- ¹⁹ *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). СПб., 1882; *Он же.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883.
- ²⁰ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА: В 21 т. СПб., 1900—1914.
- ²¹ Война 1813 года: Материалы ВУА: В 3 т. СПб.; Пг., 1914—1917.
- ²² Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П. И. Щукиным: В 10 ч. М., 1897—1908.
- ²³ Документы, относящиеся к истории 1812 года. СПб., 1913. Ч. 1—2. Вып. 14.
- ²⁴ Кроме названных публикаций, были изданы: *Азлестышев Д. П.* Двенадцатый год: Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ю Западною армиею генерала от кавалерии А. П. Тормасова. СПб., 1912; *Афанасьев В. А.* Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 г. М., 1912; *Бертье А.* К истории 1812 года: Письма маршала Бертье к принцу Евгению Наполеону Богарне. СПб., 1905; *Булычев Н. И.* Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии. Калуга, 1910; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии. М., 1876—1906. Вып. 1—3, 10—14; Журнал исходящих бумаг собственной канцелярии главнокомандующего соединенными армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 году // Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества. М., 1912. Т. 2.
- ²⁵ Основные опубликованные работы: *Апухтин В. Р.* Рязанское дворянское ополчение 1812—1814 гг. М., 1912; *Он же.* Нижегородское дворянское ополчение 1812—1814 гг. М., 1912; *Ассонов В. И.* В тылу армии: Калужская губерния в 1812 году. Калуга, 1912; *Бонналь А.* Виленская операция: Пер. с фр. СПб., 1909; *Булгаковский Д. Г.* Наши ополченцы и партизаны в Отечественную войну. СПб., 1912; *Военский К. А.* Костромское ополчение в 1812 году. СПб., 1909; *Вороновский В. М.* Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912; *Геруа А. В.* Бородино. СПб., 1912; *Елчанинов А. Г.* Народная война и герои из народа в 1812 г. М., 1912; *Колубакин Б. М.* 1812 год: Бородинское сражение 26 августа. СПб., 1912; *Левшин А.* Партизаны в Отечественную войну. М., 1912; *Ниве П. А.* Отечественная война 1812 года. СПб., 1911. Т. 1; Партизаны 1812 года: Давыдов, Фигнер, Сеславин. СПб., 1911; *Поликарпов Н. П.* К истории Отечественной войны 1812 года. М., 1911; *Сухомлинов В. А.* На Большой Смоленской дороге: Из партизанских действий в 1812 году. СПб., 1912; *Каллис-*

- тов Н. Д. Русский флот и Двенадцатый год: Роль и участие флота в Отечественной войне в связи с циклом наполеоновских войн России: По архивным материалам. СПб., 1912.
- ²⁸ Strakhovsky L. Alexander I of Russia: The man who defeated Napoleon. N. Y., 1947. P. 138.
- ²⁷ Army Information Digest. 1952. Dec. N 12.
- ²⁸ См., напр.: Андреев П. Г. Народная война в Смоленской губернии в 1812 году. Смоленск, 1940; Бычков Л. Н. Партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М., 1941; Брагин М. Г. Полководец Кутузов. М., 1944; Левицкий Н. А. Полководческое искусство Наполеона. М., 1938; Свечников М. С. Война 1812 года: Бородино. М., 1937.
- ²⁹ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1943.
- ³⁰ См.: Большевик. 1951. № 15, 19. В письме в редакцию этого журнала Е. В. Тарле признал некоторые ошибки и в последующих работах частично пересмотрел свои прежние взгляды. См. его статью «М. И. Кутузов — полководец и дипломат» (Вопр. истории. 1952. № 3). В этой статье Е. В. Тарле наметил контуры новой книги о войне 1812 года, которую он собирался написать и в которой хотел пересмотреть свои ошибочные взгляды, устранить неточности, послужившие поводом для критики его книги, вышедшей в 1938 г. (2-е изд. М., 1943 г.).
- ³¹ См.: Михаил Илларионович Кутузов: К 200-летию годовщины со дня рождения. М., 1946.
- ³² М. И. Кутузов: Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова. М., 1947.
- ³³ Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года и контраступление Кутузова М., 1951; Гарин Ф. А. Изгнание Наполеона М., 1948; Гарнич Н. Ф. 1812 год. М., 1952. (2-е изд. М., 1956); Полководец Кутузов: Сб. статей. М., 1955; Прунцов В. В. Бородинское сражение. М., 1947; Пунин Л. Н. Фельдмаршал Кутузов: Воен.-биограф. очерк. М., 1957; Ростунов И. И. Петр Иванович Багратион: Очерк полководческой деятельности. М., 1957; Червяков Д. Е. Партизанское движение в период подготовки и проведения Кутузовым контраступления в 1812 году. М., 1953.
- ³⁴ Всемирная история. М., 1959. Т. 4.
- ³⁵ История дипломатии. М., 1959. Т. 1.
- ³⁶ 1812 год: К столетию Отечественной войны. Сб. статей. М., 1962; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962; Бабкин В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962; Ростунов И. И. На Старой Смоленской дороге. М., 1962; Фадеев А. В. Отечественная война 1812 г.: К 150-летию. М., 1962; Ильин М. А. Память истории: Тверской край в Отечественной войне 1812 года. Калинин, 1962; Касименко О. Е. Вітчизняна війна 1812 року — яскравий вияв народного патріотизму. Київ, 1962; Магвеевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812: Ист. очерк. Оренбург, 1962; Хвостов В. М. Доклад о 150-летию Отечественной войны 1812 года // Правда. 1962. 19 окт.; Нечкина М. В., Жилин П. А. Бессмертная эпопея // Коммунист. 1962. № 12; Жилин П. А. Некоторые вопросы изучения Отечественной войны 1812 года // Вопр. истории. 1962. № 6; Окунь С. Б. Русский народ и Отечественная война 1812 года // История СССР. 1962. № 4; Дружи-

- мин Н. М. Историческое значение Отечественной войны 1812 года // Вопр. истории. 1962. № 12.
- ³⁷ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. документов. М., 1962; Бородино, 1812—1962: Документы, письма, воспоминания. М., 1962; Листовки Отечественной войны 1812 года: Сб. документов. М., 1962.
- ³⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. первая. 1801—1815 гг. М., 1962. Т. 6.
- ³⁹ Калмыки в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. Элиста, 1964; Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии: Сб. документов. М., 1964; Дневник Александра Чичерина, 1812—1813 гг. М., 1966; *Корягин Н. Г.* На защиту родной страны: Документы о помощи населения армии в Отечественной войне 1812 г. // Сов. архивы. 1979. № 5; *Давыдов Д. В.* Записки партизана. М., 1984; *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера. М., 1985.
- ⁴⁰ *Зак Л. А.* Монархи против народов: Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966; *Злотников М. Ф.* Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966; *Кафенгауз Б. Б., Новицкий Г. А.* Герои Отечественной войны 1812 года. М., 1966; *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатов: Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966; *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967; Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX в. М., 1969; *Брагин М.* Кутузов. 3-е изд. М., 1970 (4-е изд. М., 1975); *Кочетков А. Н. М. Б.* Барклай-де-Толли. М., 1970; *Ростунов И. П. И.* Багратион. М., 1970; *Володин П. М.* Партизан Александр Фигнер, 1787—1813 гг. М., 1971; *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971 (3-е изд. М., 1980); *Полов М. Я.* Денис Давыдов. М., 1971; *Почко Н. А.* Генерал Н. Н. Раевский. М., 1971; *Мауровин В. В., Волюшкин Н. М., Ежов В. А.* Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. М., 1972; *Бартошевич В. В.* Из истории награждения крестьянских партизан 1812 г. // Ист. зап. Т. 103; *Богданов Л. П.* Русская армия в 1812 году. М., 1979; *Павлова Л. Я.* Декабристы — участники войны 1805—1814 гг. М., 1979; *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980; *Сироткин В. Г.* Наполеоновская «война перьев» против России // Новая и новейшая история. 1981. № 1; *Он же.* Великая французская буржуазная революция, Наполеон и самодержавная Россия // История СССР. 1981. № 5; *Тартаковский А. Г.* У истоков русской историографии 1812 года // История и историки: Историогр. ежегодник, 1978. М., 1981; *Ростунов И.* Бородинское сражение 1812 года // Воен.-ист. журн. 1982. № 8; *Абалихин Б. С., Дунаевский В. А.* Новое в изучении истории Отечественной войны 1812 года. М., 1983.
- ⁴¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Сер. первая. М., 1967. Т. 4.
- ⁴² *Straube F.* Frühjahrsfeldzug 1813. В., 1963; *Kleßmann E.* Napoleons Rußlandsfeldzug in Augenzeugenberichten. Düsseldorf, 1964; *Chandler D.* The campaigns of Napoleon. L., 1967; *Delderfield R.* The retreat from Moscow. L., 1967; *Palmer A.* Napoleon in Russia: The 1812 campaign. N. Y., 1967; *Becat P.* Napoléon et le destin de l'Europe. P., 1969; *Delderfield R.* Imperial sunset: The fall of Napoleon, 1813—1814. L., 1969; *De Grünwald C.* La campag-

ne de Russie 1812. P., 1969; *Thiry J.* La campagne de Russie. P., 1969; *Duffy Ch.* Borodino and the war of 1812. L., 1972.

- ⁴³ *Stephenson G.* Russia from 1812 to 1945: A history. N. Y.; Wash., 1970.
- ⁴⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 351.
- ⁴⁵ Там же. Т. 45. С. 318.
- ⁴⁶ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839. Ч. 3. С. 123—124.
- ⁴⁷ При установлении мемориальных досок на пилонах Бородинского моста (они установлены по решению Моссовета в 1958 г.) предполагалось указать на чугунных плитах наряду с именами полководцев и руководителей партизанских отрядов и имена героев-солдат, героев-партизан. К сожалению, из-за отсутствия достоверных данных этот замысел остался невыполненным.
- ⁴⁸ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 3. С. 490.
- ⁴⁹ Такой взгляд высказал Л. Н. Толстой, писавший: «Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по Старой Смоленской дороге, погибель пятисоттысячного нашествия и погибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз перед Бородином была наложена рука сильнейшего духом противника». Сначала такого взгляда придерживался и Е. В. Тарле, но позднее он пересмотрел его. В статье «М. И. Кутузов — полководец и дипломат» он писал: «Совершенно немислимо продолжать поддерживать теорию „золотого моста“... Конечно, этой ошибке не будет места в труде, связывающем Бородино и контрнаступление общей мыслью главнокомандующего о полном уничтожении армии агрессора в России. Изображать контрнаступление в отрыве от Бородино — это значит власть в глубокую ошибку» (Вопр. истории. 1952. № 3. С. 37).
- ⁵⁰ *Дельбрюк Ганс.* История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938. Т. 4. С. 386. В Британской энциклопедии в статье о Кутузове написано: «Он дал сражение при Бородино и потерпел поражение» (Encyclopaedia Britannica. Chicago, L., 1973. V. 13. P. 519).
- ⁵¹ Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965. С. 211—238.

Глава первая

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 83.
- ² Там же. Т. 35. С. 382—383.
- ³ Там же. Т. 34. С. 196.
- ⁴ *Наполеон.* Избранные произведения. М., 1956. С. 22.
- ⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 5—6.
- ⁶ *Дживелегов А. К.* Александр I и Наполеон: Ист. очерки. М., 1915. С. 22.
- ⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 5—6.
- ⁸ Вторая коалиция окончательно распалась в 1802 г. В ее состав входили: Англия, Россия, Австрия, Турция, Неаполитанское королевство.
- ⁹ История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 461.
- ¹⁰ Далее все даты приводятся по старому стилю. В отдельных случаях для большей ясности дополнительно указывается в скобках и новый стиль.

- ¹¹ *Малиновский В. Ф.* Рассуждение о мире и войне. СПб., 1803. Ч. 1. С. 7.
- ¹² Там же. С. 69.
- ¹³ Там же. С. 12.
- ¹⁴ Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов родился в 1745 г. Род Голенищевых-Кутузовых известен на Руси с древних времен. Еще в XIII в. Кутузовы сражались под знаменами Александра Невского, прославились военной доблестью в битвах против шведов и немецких рыцарей. Они были известны и на заре образования русского многонационального централизованного государства, занимали видные государственные и военные должности при великом московском князе Василии Васильевиче Темном (середина XV в.) и при царе Иване Грозном. «Кутузовы многие российскому престолу служили боярами, окольнымичи и в иных чинах и жалованы были от государей поместьями» («Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году». СПб., 1799—1840. Отд. 1. Ч. 5. С. 17—18). Двойная фамилия Голенищев-Кутузов образовалась в XV в. Одного из предков Кутузова (Василия) в народе прозвали Голенище, отсюда и весь род Кутузовых стал называться Голенищевы-Кутузовы. Прозвища в XV и XVI вв. были распространенным явлением, многие роды по таким прозвищам распались на отдельные фамилии. Очень метко сказал об этом Н. В. Гоголь: «Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света» (*Гоголь Н. В.* Собр. соч. М., 1978. Т. 5. С. 104).
- ¹⁵ *Козельский Я. П.* Философические предложения // *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.* М., 1952. Т. 1. Я. П. Козельский преподавал математику в Инженерно-артиллерийском училище. Кутузов после окончания этого училища был оставлен в нем «к. вспоможению офицерам для обучения» и являлся помощником Козельского по обучению воспитанников математике (*Коган Ю. Я.* Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. М., 1958).
- ¹⁶ ЦГИА СССР. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 110. Ч. 1. Л. 94.
- ¹⁷ Там же. Л. 105.
- ¹⁸ Там же. Ф. 1257. Оп. 1. Д. 122. Ч. 1. Л. 15.
- ¹⁹ Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1872. Кн. 2. С. 21—26.
- ²⁰ М. И. Кутузов: Документы. М., 1950. Т. 1. С. IX.
- ²¹ Там же. С. 117.   ²² Там же. С. 274.   ²³ Там же. С. 401—402.
- ²⁴ Русская страшна. 1871. Янв. С. 54.
- ²⁵ Из двух отправлявшихся в Австрию русских армий командовать первой армией (Подольской) назначался Кутузов, второй (Волынской) — Буксегвен. Главнокомандующим русскими армиями был Кутузов.
- ²⁶ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1951. Т. 2. С. 25, 29.
- ²⁷ 24-летний Фердинанд был назначен главнокомандующим армией лишь для того, чтобы избежать подчинения ее по старшинству Кутузову. Фактически же командовал армией генерал Макк.
- ²⁸ Призыву в армию подлежали мужчины в возрасте от 18 до 40 лет. Наполеон установил пятилетний срок службы, но так как демобилизация происходила только в мирное время, а его

- фактически не было, то срок службы в армии был значительно больше.
- ²⁹ Полк состоял из 3 батальонов, 2 полка составляли бригаду, 2—3 бригады — дивизию, 2—5 дивизий — корпус.
- ³⁰ *Глинка Ф. Н.* Краткое начертание Военного журнала. СПб., 1817. С. 10.
- ³¹ Полковая организация была введена в пехоте, кавалерии и артиллерии. Пехотный полк состоял из 3 батальонов, кавалерийский — 5 эскадронов, артиллерийский — 2 батальонов; каждый батальон состоял из 2 тяжелых и 2 легких рот, в роте имелось по 12 орудий.
- ³² *М. И. Кутузов.* Т. 2. С. 54.
- ³³ *Буговский И.* Фельдмаршал князь Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858. С. 14.
- ³⁴ *М. И. Кутузов.* Т. 2. С. 53.
- ³⁵ Там же. С. 66.   ³⁶ Там же. С. 69.   ³⁷ Там же. С. 80.
- ³⁸ Там же. С. 75   ³⁹ Там же. С. 76.   ⁴⁰ Там же. С. 70—72.
- ⁴¹ Там же. С. 70.   ⁴² Там же. С. 45.   ⁴³ Там же. С. 57.
- ⁴⁴ В Ульме сдалось в плен около 23 тыс. человек. У Трахтельфигена сложили оружие 7 тыс. австрийцев, окруженных войсками Мюрата. К русской армии присоединились отрезанные от Ульма войска генерала Кинмайера и графа Ностица общей численностью 18 тыс. человек.
- ⁴⁵ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны императора Александра I с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. С. 76—77.
- ⁴⁶ Там же. С. 76.   ⁴⁷ Там же. С. 56.
- ⁴⁸ Там же. С. 84.   ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *М. И. Кутузов.* Т. 2. С. 109.
- ⁵¹ Там же. С. 116.
- ⁵² Документы штаба М. И. Кутузова 1805—1806 гг.: Сборник. Вильнюс, 1951. С. 110.
- ⁵³ Русская старина. 1870. Май. С. 493—495.
- ⁵⁴ *М. И. Кутузов.* Т. 2. С. 144.
- ⁵⁵ Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов и материалов. М., 1947. С. 90.
- ⁵⁶ Документы штаба М. И. Кутузова, 1805—1806 гг. С. 124—125.
- ⁵⁷ Там же. С. 122.   ⁵⁸ Там же. С. 139.   ⁵⁹ Там же. С. 151.
- ⁶⁰ *М. И. Кутузов.* Т. 2. С. 157.
- ⁶¹ Фельдмаршал Кутузов. С. 97.
- ⁶² *Буговский И.* Фельдмаршал Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. С. 37.
- ⁶³ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1913. Т. 2. С. 116.
- ⁶⁴ Колонны — временные соединения войск. Они создавались для сражения и соответствовали примерно корпусам, но имели меньшую самостоятельность.
- ⁶⁵ Országos Levéltár, Miskolc (Венгерский государственный архив. Секция «М»).
- ⁶⁶ Ibid.
- ⁶⁷ *Darvas J.* Kutuzov és hadai Magyarországon 1805—1906 télén // Magyar orosz történelmi kapcsolatok. Budapest, 1956. Old. 95—115.
- ⁶⁸ *М. И. Кутузов.* Т. 2. С. 259.
- ⁶⁹ *Шильдер Н. К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 2. С. 145—146, 155.

- 70 Русская старина. 1871. Янв. С. 55.
 71 Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра I с Наполеоном в 1805 году. С. 212—213.
 72 М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1952. Т. 3. С. 352.
 73 Фельдмаршал Кутузов. С. 116—117.
 74 М. И. Кутузов. Т. 3. С. 609.
 75 Там же. С. 612. 76 Там же. С. 611—612.
 77 Фельдмаршал Кутузов. С. 125.
 78 Там же. С. 129.

Глава вторая

- 1 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 79.
 2 Там же. С. 281.
 3 Толстой А. Н. М., 1951. Т. 6. С. 9—10.
 4 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 77.
 5 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года: Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. М., 1905. Т. 1. С. 3.
 6 Вирст Ф. Г. Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи. СПб., 1807. Прилож.
 7 Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб. 1902. Т. 1. С. XXXIV.
 8 Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. СПб., 1882. Т. 1. С. 85—86.
 9 Гарле Е. В. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 191.
 10 Текст Тильзитского мирного договора см.: Сборник Русского исторического общества. СПб., 1893. Т. 89. С. 51—62.
 11 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 29—30.
 12 Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 44.
 13 Там же. С. 52.
 14 Correspondance de Napoléon I. P., 1868. Т. 23, N 18458. P. 190.
 15 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 30.
 16 См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. 31. № 24464 (далее — ПСЗ). Положение о нейтральной торговле на 1811 г. в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и на всей западной сухопутной границе.
 17 Отечественная война и русское общество, 1812—1912. М., 1912. Т. 5. С. 79.
 18 Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. С. 443.
 19 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 264.
 20 Попов А. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 29.
 21 Коленкур А. Указ. соч. С. 51—52.
 22 См.: Там же. С. 53, 54, 57; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1. С. 78.
 23 Попов А. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 74—75.
 24 Гарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 г. М., 1943. с. 24.
 25 Коленкур А. Указ. соч. С. 59.
 26 История XIX века // Под ред. Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 1. С. 103.
 27 См.: Там же; Б. Ц. Урланис в своем исследовании (Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 77) определяет потери

- французской и союзных с ней армий в 1 334 750 человек.
- ²⁸ История XIX века. Т. 1. С. 104.
- ²⁹ См.: Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле из сочинений и переписки его, собранные Ф. Каузлером. СПб., 1844. Ч. 1. С. 61.
- ³⁰ Наполеон. Избр. произведения. М., 1956. С. 372.
- ³¹ Там же. С. 680.
- ³² См.: Там же. С. 52.
- ³³ Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве... Ч. 1. С. 60.
- ³⁴ Наполеон. Избр. произведения. С. 383.
- ³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 173.
- ³⁶ См.: Военные правила Наполеона: Пер. с фр. СПб., 1846. С. 56.
- ³⁷ Наполеон. Избр. произведения. С. 13.
- ³⁸ См.: Военные правила Наполеона. С. 26.
- ³⁹ Наполеон. Избр. произведения. С. 672.
- ⁴⁰ Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве... Ч. 1. С. 5.
- ⁴¹ См.: Военные правила Наполеона. С. 75.
- ⁴² Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве... Ч. 1. С. 9.
- ⁴³ См.: Там же. С. 9.
- ⁴⁴ Там же. С. 11—12.
- ⁴⁵ Богданович М. И. Указ. соч. Т. 1. С. 124—126.
- ⁴⁶ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1877. Т. 21. С. 352—353.
- ⁴⁷ Тарле Е. В. Наполеон. М., 1941. С. 242.
- ⁴⁸ Ниве П. А. Отечественная война 1812 года. СПб., 1911. Т. 1. С. 24.
- ⁴⁹ Там же. С. 17.
- ⁵⁰ Бонналь А. Виленская операция: Пер. с фр. СПб., 1909. С. 17.
- ⁵¹ Алексеев А. М. Военные финансы капиталистических государств. М., 1952. С. 46.
- ⁵² Correspondance de Napoléon I. P., 1868. Т. 23, N 18725. P. 432.
- ⁵³ Ibid. N 18402. P. 143.
- ⁵⁴ Ibid. N 18622. P. 351.
- ⁵⁵ Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966. С. 185.
- ⁵⁶ Жулин П. А. Контрнаступление русской армии в 1812 году. М., 1953. С. 66.
- ⁵⁷ Stephenson G. Russia from 1812 to 1945: A history. N. Y.; Wash., 1970. P. 32—33.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Chandler D. The Campaigns of Napoleon. L., 1967. P. 761.
- ⁶⁰ Tersen E. Napoleon. P., 1959. P. 339.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² См.: Бонналь А. Указ. соч. С. 1.
- ⁶³ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 г. С. 25.
- ⁶⁴ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1900. Отд. 1. Т. 1, ч. 1. С. 79.
- ⁶⁵ Там же. Ч. 2. С. 2.
- ⁶⁶ Там же. Ч. 1. С. 3.
- ⁶⁷ Секретный рапорт управляющего инженерным департаментом генерал-майора Оппермана военному министру Барклаю-де-Толли от 7 марта 1810 г. // Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. 1. Т. 1, ч. 2. С. 30—31.

- ⁶⁸ Рапорт генерал-майора Оппермана военному министру от 13 ноября 1810 г. // Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. 1. Ч. 2. С. 271.
- ⁶⁹ *Блюх И. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 16, 133. В сумму расходов на войну 1812 г. не вошли, конечно, материальные потери и ущерб, нанесенные наполеоновской армией русскому населению.
- ⁷⁰ ЦГВИА. Ф. Канцелярия Военного министерства. Д. 1811 г. № 10—67. С. 166.
- ⁷¹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. 1. Т. 1, ч. 2. С. 42.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ См.: ПСЗ. Т. 31. № 34368.
- ⁷⁴ *Данилевский В. В.* Русская техника. Л., 1948. С. 173.
- ⁷⁵ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 1, ч. 2. С. 21.
- ⁷⁶ Там же. С. 23.
- ⁷⁷ Военский устав пехотной дивизии. СПб., 1811. С. 197.
- ⁷⁸ См.: Учреждение для управления большой действующей армией. СПб., 1812; Общие правила для артиллерии в полевом сражении. СПб., 1812.
- ⁷⁹ Столетие Военного министерства, 1802—1902: Главный штаб. СПб., 1903. Отд. 3. Т. 4, ч. 1, кн. 2.
- ⁸⁰ Русский архив. 1892. Кн. 1. С. 343.
- ⁸¹ *Шильдер Н. К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 3. С. 100—101.
- ⁸² Труды Русского военно-исторического общества. СПб., 1912. Т. 6. С. 9.

Глава третья

- ¹ *Коленкур А.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 78.
- ² Там же. С. 86.
- ³ Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле из сочинений и переписки его, собранные Ф. Каузлером. СПб., 1844. Ч. 2. С. 111—112.
- ⁴ *Lachouque H.* The anatomy of glory: Napoleon and his guard. L., 1961. P. 231.
- ⁵ Ibid. P. 233.
- ⁶ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 87.
- ⁷ Там же. С. 88.
- ⁸ *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1. С. 145.
- ⁹ *Correspondance de Napoléon I. P.*, 1868. Т. 23, N 18963. P. 63.
- ¹⁰ Ibid. N 18990. P. 84.
- ¹¹ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 96.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы ВУА Главного штаба. Вильна, 1903. Вып. 2. С. 225.
- ¹⁴ Генерал Багратион: Сб. документов и материалов. М., 1945. С. 209.
- ¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 93.
- ¹⁶ *Богданович М. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 221. Кроме того, в корпусе Витгенштейна было 25 тыс. человек, в армии Торماسова — 30 тыс.; всего 175 тыс человек.

- 17 Коленкур А. Указ. соч. С. 98.
 18 Там же. С. 104.
 19 Chandler D. The campaigns of Napoleon. L., 1967. P. 780.
 20 Ibid.
 21 См.: История русской армии и флота. М., 1911. Т. 3. С. 113.
 22 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 93.
 23 Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1840. Ч. 1. С. 134.
 24 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 92—93.
 25 Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1956. С. 318—320.

Глава четвертая

- 1 Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1. С. 242.
 2 Сегюр Ф. Поход в Россию: Записки адъютанта императора Наполеона I. М., 1913. С. 73.
 3 Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1821. С. 66.
 4 Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 114.
 5 См.: Генерал Багратион: Сб. документов и материалов. М., 1945. С. 235.
 6 Коленкур А. Указ. соч. С. 114—115.
 7 Там же. С. 110.
 8 [Глинка С. Н.] Записки о 1812 г. Сергея Глинки — первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 179.
 9 Так значится в приказе, подписанном Наполеоном 12(24) августа в Смоленске (Archives du Service historique de l'Armée française. D. C₁₇ 117. N 511).
 10 Коленкур А. Указ. соч. С. 113.
 11 Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1838. Т. 2. С. 285—287.
 12 Коленкур А. Указ. соч. С. 115.
 13 Там же. С. 116.
 14 Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1840. Ч. 2. С. 144.
 15 Богданович М. И. Указ. соч. Т. 1. С. 300—301.
 16 Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. СПб., 1840. Ч. 2. С. 151.
 17 Богданович М. И. Указ. соч. СПб., 1860. Т. 3. С. 519.
 18 Жилин П. А. Контр наступление русской армии в 1812 г. М., 1953. С. 146.
 19 Коленкур А. Указ. соч. С. 99.
 20 Там же. С. 124.
 21 1 квинтал равняется 50 кг.
 22 1 буасо равняется 10,4 кг.
 23 Archives du Service historique de l'Armée française. D. C₁₇ 113. N 550, 551.
 24 Ibid.
 25 Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 142—143.

Глава пятая

- 1 Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников, 1812—1815 гг. СПб., 1882. С. 99.
 2 Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 4. С. 330.

- ³ Генерал Багратион: Сб. документов и материалов. М., 1945. С. 219.
- ⁴ Там же. С. 226.
- ⁵ Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов и материалов. М., 1947. С. 143.
- ⁶ Журнал Комитета министров 1810—1812 гг. СПб., 1891. Т. 2. Прилож. 5. С. 707.
- ⁷ Фельдмаршал Кутузов. С. 144.
- ⁸ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1840. Ч. 2. С. 162—163.
- ⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1078. Л. 124—131; М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. Док. № 82.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Фельдмаршал Кутузов. С. 151—152. М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. Док. № 84.
- ¹² Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 82.
- ¹³ Там же. С. 87.
- ¹⁴ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. Док. № 2, 7, 26, 41, 73.
- ¹⁵ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Шукиным. М., 1900. Ч. 8. С. 88.
- ¹⁶ Там же. С. 81; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. Док. № 93.
- ¹⁷ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 80.
- ¹⁸ Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества. М., 1912. Т. 2. С. 4; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 79 (разрядка наша.— П. Ж.).
- ¹⁹ Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества. Т. 2. С. 4.
- ²⁰ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1876. Вып. 1. С. 5—10.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 22—23.
- ²³ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 64—65.
- ²⁴ Гутчинсон Г. Д. Английский историк русской Отечественной войны 1812 года: Пер. с англ. СПб., 1905. С. 49.
- ²⁵ Документы, относящиеся к истории 1812 года. СПб., 1913. Ч. 1, вып. 14. С. 83.
- ²⁶ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 83—84.
- ²⁷ Кутузов М. И. Из личной переписки // Знамя. 1948. № 5. С. 96.
- ²⁸ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 16. С. 66—67; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 84.
- ²⁹ Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 125.
- ³⁰ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 152.
- ³¹ См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 88.
- ³² Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников // Материалы ВУА Главного штаба. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 13.
- ³³ [Ермолов А. П.] Записки А. П. Ермолова о войне 1812 года. М., 1865. С. 188.
- ³⁴ Подробную ведомость численного состава Московского ополчения по состоянию на 19 августа 1812 г. см.: Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества. Т. 2. С. 322.
- ³⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 179.
- ³⁶ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 138.

Глава шестая

- ¹ Во французской литературе, в энциклопедических словарях вместо «Бородинское сражение» широко распространено название «битва под Москвой». В книге «Наполеон» Эмиль Терзен пишет: «Название „битва под Москвой“, как говорится в словаре о наполеоновской битве 6—7 сентября, неправильно. Битва развернулась на берегах реки Колоча, притоке Москвы-реки, впадающем в нее далеко от Москвы. Русский термин „Бородино“ более правилен» (*Tersen E. Napoléon*. P., 1959. P. 340).
- ² *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. СПб., 1913. Т. 3; *Сорель А.* Европа и французская революция. СПб., 1908. Т. 4; *Madlin L.* Histoire du Consulat et de l'Empire. V. 12: La Catastrophe de Russie. P., 1949.
- ³ *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1937. С. 90.
- ⁴ *Михневич Н. П.* Основы русского военного искусства. СПб., 1898. С. 125.
- ⁵ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 111—112; Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов и материалов. М., 1947. С. 154—155.
- ⁶ Документы, относящиеся к истории 1812 года. СПб., 1913. Ч. 1, вып. 14. С. 83.
- ⁷ Там же. С. 84; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 130.
- ⁸ Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества. М., 1912. Т. 2. С. 4.
- ⁹ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 133.
- ¹⁰ *Михневич Н. П.* Отечественная война 1812 года // История русской армии и флота. М., 1911. Т. 5. С. 166.
- ¹¹ *Байов А. К.* Курс истории русского военного искусства. СПб., 1913. Вып. 7. С. 452.
- ¹² Документы, относящиеся к истории 1812 года. Ч. 1, вып. 14. С. 84.
- ¹³ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 140—141.
- ¹⁴ Фельдмаршал Кутузов. С. 160.
- ¹⁵ Развитие тактики русской армии: Сб. статей. М., 1957. С. 136.
- ¹⁶ Генерал Багратион: Сб. документов и материалов. М., 1945. С. 241.
- ¹⁷ Archives du Service historique de l'Armée française. D. C., 17113. N 570.
- ¹⁸ *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию, 1812 г. М., 1943. С. 54.
- ¹⁹ М. И. Кутузов: Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова. М., 1947. С. 90.
- ²⁰ *Беллев В.* К истории 1812 г.: Письма маршала Бертье к Богарне. СПб., 1905. Прилож. С. 93—94.
- ²¹ Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 5. С. 24.
- ²² М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 114.
- ²³ Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле из сочинений и переписки его, собранные Ф. Каузлером. СПб., 1844. Ч. 2. С. 112.
- ²⁴ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1840. Ч. 2. С. 245.
- ²⁵ Там же. С. 216.

- ²⁶ *Липранди И. П.* Кому и в какой степени принадлежит честь «Бородинского дня»? М., 1867. С. 39.
- ²⁷ Archives du Service historique de l'Armée française. D. C₂130. Grande Armée.
- ²⁸ См.: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 169.
- ²⁹ См.: *Михневич Н. П.* Бородино // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4. С. 26.
- ³⁰ *Афанасьев В. А.* Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 г. М., 1912. С. 26.
- ³¹ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 168.
- ³² *Липранди И. П.* Указ. соч. М., 1867. С. 71.
- ³³ *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарта. СПб., 1857. Т. 3. С. 131.
- ³⁴ Документы, относящиеся к истории 1812 года. Ч. 1, вып. 14. С. 89; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 154.
- ³⁵ *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1969. Т. 1. С. 264.
- ³⁶ *Жилин П., Ярославцев А.* Бородинское сражение. М., 1952. С. 76; Archives du Service historique de l'Armée française. D. C₂130. Grande Armée. Etat nominatif des officiers tiés à la Journée du 7 septembre 1812.
- ³⁷ *Жилин П., Ярославцев А.* Указ. соч. С. 78.
- ³⁸ Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 3. С. 32.
- ³⁹ М. И. Кутузов: Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова. М., 1947. С. 16.
- ⁴⁰ *Duffy Ch.* Borodino and the war of 1812. L., 1972. P. 87.
- ⁴¹ *Chandler D.* The campaigns of Napoleon. L., 1967. P. 807.
- ⁴² *Tersen E.* Napoléon. P., 1959. P. 337.
- ⁴³ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 168.
- ⁴⁴ Archives du Service historique de l'Armée française. D. C₂130. Grande Armée. Correspondence. 26 août.— 20 sept.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ *Толстой Л. Н.* Соч.: В 14 т. М., 1951. Т. 6. С. 270.
- ⁴⁷ Вопр. истории. 1952. № 3. С. 52.
- ⁴⁸ Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 14. Л. 41—42.
- ⁴⁹ Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества. М., 1912. Т. 2. С. 12.
- ⁵⁰ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 151.
- ⁵¹ Там же. С. 158—159.
- ⁵² М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 158.
- ⁵³ Там же. С. 171.   ⁵⁴ См.: Там же. С. 114—115.
- ⁵⁵ Там же. С. 176.   ⁵⁶ Там же. С. 154.
- ⁵⁷ Русский инвалид. 1858. № 64. С. 272.

Глава седьмая

- ¹ Поход в Москву в 1812 году: Мемуары участника французского генерала графа де Сегюра: Пер. с фр. М., 1911. С. 46.
- ² Там же. С. 44.
- ³ *Липранди И. П.* Кому и в какой степени принадлежит честь «Бородинского дня»? М., 1867. С. 140.
- ⁴ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 156.
- ⁵ Там же. С. 159.
- ⁶ Поход в Москву в 1812 году. С. 44.
- ⁷ Чтения в Обществе истории и древностей российских, М., 1872. Кн. 1. С. 88—89.

- ⁸ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1914. Т. 21. С. 231.
- ⁹ Липранди И. П. Указ. соч. С. XLVI—XLVII.
- ¹⁰ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 157—159.
- ¹¹ Там же. С. 184.
- ¹² Михайловский-Данилевский А. И. Полн. собр. соч. СПб., 1850. Т. 4. С. 453.
- ¹³ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 715.
- ¹⁴ См.: Коммунист. 1962. № 12. С. 40.
- ¹⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1840. Ч. 2. С. 286, 290.
- ¹⁶ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 274—275.
- ¹⁷ Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов и материалов. М., 1947. С. 198.
- ¹⁸ Васютинский А. М., Джигелегов А. К., Мельгунов С. П. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Ч. 1. С. 173.
- ¹⁹ Бахрушин С. В. Москва в 1812 году. М., 1913. С. 10.
- ²⁰ Там же. С. 12.
- ²¹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. М., 1899. Ч. 4. С. 230—231.
- ²² Полосин И. И. Кутузов и пожар Москвы 1812 г. // Ист. зап. Т. 34. С. 157.
- ²³ См.: Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 24; Grünwald C. La campagne de Russie. P., 1969. P. 202.
- ²⁴ См.: Olivier D. L'incendie de Moscou (15 sept. 1812). P., 1964; Palmer A. Napoleon in Russia: The 1812 campaign. N. Y., 1967; Delderfield R. The retreat from Moscow. L., 1967; Grünwald C. La campagne de Russie. P., 1969; etc.
- ²⁵ [Глинка С. Н.] Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 78—82.
- ²⁶ Полосин И. И. Указ. соч. С. 122—165.
- ²⁷ Холодковский В. М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопр. истории. 1966. № 4. С. 31—43.
- ²⁸ Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. Ч. 3. С. 108.
- ²⁹ Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 452.
- ³⁰ Беляев В. К истории 1812 года: Письма маршала Бертье к Богарне. СПб., 1905. Прилож. С. 109.
- ³¹ Там же. С. 110.
- ³² Archives du Service historique de l'Armée française. D. C₁₇113. N 691.
- ³³ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 166.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 715—716; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1860. Т. 3. С. 328.
- ³⁶ Пруткин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 3-е изд. М., 1964. Т. 5. С. 156.
- ³⁷ Михаил Илларионович Кутузов: К 200-летней годовщине со дня рождения. М., 1946. С. 27.
- ³⁸ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников, 1812—1815 гг. СПб., 1882. С. 121.

- ³⁹ Документы, относящиеся к истории 1812 года. СПб., 1913. Ч. 1, вып. 14. С. 95; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 234.
- ⁴⁰ Русская старина. 1897. Июнь. С. 520.
- ⁴¹ Там же. С. 522.
- ⁴² Там же. С. 523.
- ⁴³ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 18. С. 25.
- ⁴⁴ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 240—241.
- ⁴⁵ Там же. С. 271.
- ⁴⁶ См.: Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. Т. 18. С. 91—92; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1898. Вып. 10. С. 42—43.
- ⁴⁷ М. И. Кутузов: Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова. М., 1947. С. 18.

Глава восьмая

- ¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1943. Ч. 3. С. 17, 21.
- ² Литературная Тула. 1950. Кн. 2. С. 187, 190.
- ³ Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы ВУА Главного штаба. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 33—34.
- ⁴ Азшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. СПб., 1819. С. 130.
- ⁵ Поход в Москву в 1812 году: Мемуары участника французского генерала графа де Сегюра: Пер. с фр. М., 1911. С. 85.
- ⁶ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. Ч. 3. С. 21.
- ⁷ Русская старина. 1898. Окт. С. 152—153.
- ⁸ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 314.
- ⁹ Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 444—446.
- ¹⁰ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 223.
- ¹¹ Там же. С. 262.
- ¹² Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 18. С. 51.
- ¹³ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 248.
- ¹⁴ Чтения в Обществе истории древностей российских. М., 1872. Кн. 1. С. 117.
- ¹⁵ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3524. Л. 32. (ср.: М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 323—324).
- ¹⁶ Русская старина. 1897. Июль. С. 118.
- ¹⁷ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 474.
- ¹⁸ Там же. С. 475.
- ¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 113—116.
- ²⁰ Русская старина. 1898. Окт. С. 152.
- ²¹ Там же. 1897. Авг. С. 361.
- ²² Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 92.
- ²³ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 390—391.
- ²⁴ См.: Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. СПб., 1840. Ч. 2. С. 199—200.
- ²⁵ Русская старина. 1897. Сент. С. 621.
- ²⁶ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 277.
- ²⁷ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3514. Л. 153.
- ²⁸ См.: Богданович М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 374—375.

- ²⁹ Рапорт о состоянии в действующих армиях чинов, могущих быть в строю, от 23 сентября 1812 г. // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1898. Вып. 10. С. 49—57.
- ³⁰ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3532. Л. 10—11; Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 17. Отд. 1. С. 334—339.
- ³¹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 17. Отд. 1. С. 334—339.
- ³² М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. Док. № 452, 453, 455, 457.
- ³³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3446. Л. 6—8.
- ³⁴ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 18. С. 148.
- ³⁵ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии. Вып. 10. С. 38.
- ³⁶ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 63, 95, 161, 637.
- ³⁷ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3511. Л. 352—353.
- ³⁸ См.: Строевой рапорт Кутузова от 23 сентября // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии. Вып. 10. С. 49—57.
- ³⁹ См.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. Ч. 3. С. 239.
- ⁴⁰ *Коленкур А.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 218.
- ⁴¹ Там же. С. 195.
- ⁴² ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3511. Л. 352—353.
- ⁴³ Там же. Д. 3644. Л. 3—4.
- ⁴⁴ Государственный архив Тульской обл. (далее — ГАТО). Ф. Канцелярия тульского губернатора. Д. 9. Л. 1; Литературная Тула. 1950. Кн. 2. С. 183; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 246.
- ⁴⁵ ГАТО. Ф. Канцелярия тульского губернатора. Д. 9. Л. 4. Из Тулы поступило в армию 500 лошадей. Кроме того, генерал-майор князь А. П. Щербатов сформировал в Тульской губернии конную бригаду казаков из двух конных полков. Первый полк численностью 1200 человек в конце сентября 1812 г. прибыл в Тарутино и влился в действующую армию.
- ⁴⁶ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П. И. Щукиным. М., 1903. Ч. 7. С. 179.
- ⁴⁷ *Грибоедов А. С.* Полим. собр. соч. Пг., 1917. Т. 3. С. 11—12.
- ⁴⁸ Некоторые авторы указывают цифру 45 полков. Мы располагаем данными о прибытии 26 полков (М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 375).
- ⁴⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3524. Л. 33; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 375.
- ⁵⁰ Журнал военных действий за 29 и 30 сентября (М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 409).
- ⁵¹ ЦГВИА. Ф. 103. Д. 16. Л. 9.
- ⁵² *Коленкур А.* Указ. соч. С. 99.
- ⁵³ М. И. Кутузов. Из личной переписки // Знамя. 1948. № 5. С. 102.
- ⁵⁴ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 196.
- ⁵⁵ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3532. Л. 14—21.
- ⁵⁶ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 17. С. 339.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 341.
- ⁵⁹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П. И. Щукиным. Ч. 7. С. 178—179.
- ⁶⁰ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 179.

- 61 М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 359, 360.
- 62 ЦГВИА. Ф. 103. Д. 17.
- 63 Вильсон в письме Каткарту от 19 октября определяет численность русской армии по выходе из Тарутина в 150 тыс. человек. Другой современник — офицер Щербинин, работавший в канцелярии Коновницына и, безусловно, знавший более точно численность армии, в своих записках дает численность войск, находящихся в Тарутинском лагере, равной 130 тыс человек. Если учесть, что Лавской в рапорте Кутузову указывает 120 тыс человек только «нижних чинов», то цифра, приведенная Щербининым, наиболее правильна. (*Харкевич В. П.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы ВУА Главного штаба. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 40.)
- 64 ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3524. Л. 42; Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 18. С. 151—152.
- 65 М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 661—662; История Тульского оружейного завода. М., 1912. Т. 1. С. 161.
- 66 Русская старина. 1898. Окт. С. 151—152.
- 67 М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 351.
- 68 Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. 7. С. 181.
- 69 Там же. С. 181—182.
- 70 *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников, 1812—1815 гг. СПб., 1882. С. 204—205.
- 71 Там же. С. 165.
- 72 М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 395—396.
- 73 Там же. С. 397—398.
- 74 [*Ермолов А. П.*] Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями. М., 1865. Ч. 1. С. 235. В русской армии было положено на одно орудие батарейной роты 120 зарядов, на орудие легкой роты — 60 и на орудие конной роты — 90 зарядов.
- 75 ЦГВИА. Ф. 103. Оп. 210. Д. 1. Л. 5—7, 17—18, 25—26.
- 76 *Митаревский Н. Е.* Воспоминания о войне 1812 года. М., 1871. С. 117.
- 77 *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 197.
- 78 ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 210. Св. 1. Д. 1. Л. 3—6.
- 79 *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 212—213.
- 80 М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 650—651.
- 81 Центральный архив МО СССР. Ф. 6598. Оп. 721603. Д. 1372.
- 82 Воен.-ист. журн. 1973. № 5. С. 123—124.
- 83 Полное собрание законов Российской империи. Т. 32. С. 43—45.
- 84 *Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. Ч. 3. С. 127; М., 1843. Ч. 4. С. 337.
- 85 Игра слов: Кутузов, твоя рутина (Тарутино) сбила меня с пути (фр.).
- 86 М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 469.

Глава девятая

- 1 *Фрейтаг-Лорингхофен Ф.* Господство личности на войне. СПб., 1906. С. 12.
- 2 *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1843. Ч. 4. С. 347, 349.
- 3 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 3. С. 348.
- 4 *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 490.
- 5 *Толстой Л. Н.* Война и мир. М., 1963. Т. 4, ч. 3. С. 455.

- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 23—24.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 421.
- ⁸ Васютинский А. М., Живелегов А. К., Мельгунов С. П. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Ч. 1. С. 78.
- ⁹ Там же. С. 108.
- ¹⁰ История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. 1. С. 465.
- ¹¹ ЦГВИА. Ф. 103. Оп. 210. Д. 26. Л. 18—21.
- ¹² Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1821. С. 60.
- ¹³ Русский архив. 1892. Кн. 2. С. 442.
- ¹⁴ См.: Листовки Отечественной войны 1812 года: Сб. документов. М., 1962. С. 39.
- ¹⁵ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 39.
- ¹⁶ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. 32. № 25188.
- ¹⁷ См.: Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. СПб., 1840. Ч. 2. С. 1, 17.
- ¹⁸ ПСЗ. Т. 32. № 25193.
- ¹⁹ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 1. С. XVII.
- ²⁰ См.: Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 20.
- ²¹ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 81.
- ²² Там же. С. 90.
- ²³ См.: Там же. С. 129.
- ²⁴ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 181.
- ²⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 10—11.
- ²⁶ Там же. С. 20—21.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 65.
- ²⁹ Государственный исторический архив Ленинградской области (далее — ГИАЛО). Ф. 189. Св. 18. Д. 85. Л. 6, 8.
- ³⁰ ГИАЛО. Ф. 189. Св. 18. Д. 85. Л. 6, 8.
- ³¹ Там же. Св. 1. Д. 3. Л. 27—28.
- ³² Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962. С. 275, 281.
- ³³ Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов и материалов. М., 1947. С. 145—146.
- ³⁴ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 26—28, 57—62.
- ³⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 31—32.
- ³⁶ Богданович М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 65—66. Советские авторы приводят иные цифры. Так, по данным Л. Г. Бескровного, численность ополчения в этих округах превышала 205 тыс человек (Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 461). По подсчетам В. И. Бабкина, численность ополчения составила около 235 тыс воинов. (1812 год: К столетию Отечественной войны. Сб. статей. М., 1962. С. 145).
- ³⁷ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3509. Л. 322.
- ³⁸ 1812 год: К столетию Отечественной войны. С. 141.
- ³⁹ См.: Бабкин В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 79, 81, 89.

Глава десятая

- ¹ Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 195.
- ² Васютинский А. М., Живелегов А. К., Мельгунов С. П. Францу-

- зы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Ч. 1. С. 81.
- ³ См.: *Бычков Л. Н.* Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М., 1954. С. 24—25.
  - ⁴ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1911. Т. 133. С. 173.
  - ⁵ *Бабкин В. И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 44—46.
  - ⁶ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М.; Л., 1951. С. 7.
  - ⁷ *Шишкин И. И.* Бунт ополчения в 1812 году // *Заря*. 1869. № 8. С. 150.
  - ⁸ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 110.
  - ⁹ *Васютинский А. М., Дживелегов А. К., Мельгунов С. П.* Указ. соч. Ч. 1. С. 90.
  - ¹⁰ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 126.
  - ¹¹ Русский архив. 1876. Кн. 2. С. 393.
  - ¹² Ист. вестн. 1903. Т. 94. С. 832.
  - ¹³ [*Ермолов А. П.*] Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями. М., 1865. С. 149.
  - ¹⁴ *Бычков Л. Н.* Указ. соч. С. 31—32.
  - ¹⁵ *Левшин А.* Партизаны в Отечественную войну. М., 1912. С. 24—25.
  - ¹⁶ Archives du Service historique de l'Armée française. D. C₁₇113. N 635.
  - ¹⁷ Листовки Отечественной войны 1812 года: Сб. документов. М., 1962. С. 39.
  - ¹⁸ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 674.
  - ¹⁹ Там же. С. 672.
  - ²⁰ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962. С. 115.
  - ²¹ Там же. С. 115—116; *Елчанинов А. Г.* Народная война и герои из народа в 1812 году. М., 1912. С. 25—29.
  - ²² Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 50.
  - ²³ См.: Там же. С. 53.
  - ²⁴ Pièces officielles et bulletins de la Grande armée. Année 1812. Paris. 19 bull. P. 231; 20 bull. P. 233.
  - ²⁵ Ibid. 20 bull. P. 235.
  - ²⁶ Archives du Service historique de l'Armée française. D. C₁₇113. N 644.
  - ²⁷ *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников, 1812—1815 гг. СПб., 1882. С. 204.
  - ²⁸ *Давыдов Денис.* Опыт теории партизанских действий. М., 1912; *Он же.* Дневник партизанских действий 1812 года. М., 1941.
  - ²⁹ Культура и жизнь. 1957. № 5. С. 39; *Орлов С. А.* Исторический роман Вальтера Скотта. Горький, 1960. С. 460.
  - ³⁰ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 327.
  - ³¹ См.: Там же. С. 301.
  - ³² *Давыдов Денис.* Военные записки. М., 1982. С. 164.
  - ³³ Там же. С. 211.
  - ³⁴ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 341.
  - ³⁵ Там же. С. 401.
  - ³⁶ Там же. С. 382.
  - ³⁷ *Давыдов Денис.* Военные записки. С. 206.
  - ³⁸ *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года. СПб., 1859. Т. 2. С. 383.

- ³⁹ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 177.
- ⁴⁰ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 15. С. 34.
- ⁴¹ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 53.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ См.: М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 341.
- ⁴⁴ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. 19. С. 5.
- ⁴⁵ Там же. С. 9.
- ⁴⁶ Там же. С. 11.
- ⁴⁷ См.: М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 341.
- ⁴⁸ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 175.
- ⁴⁹ Анекдоты достопамятной войны россиян с французами. СПб., 1814. Ч. 1. С. 113—114.
- ⁵⁰ Там же. С. 116.
- ⁵¹ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 167, 196.
- ⁵² М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 431.
- ⁵³ *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 199.
- ⁵⁴ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 15. С. 31; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 381.
- ⁵⁵ М. И. Кутузов: Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова. М., 1947. С. 158.

Глава одиннадцатая

- ¹ Документы, относящиеся к истории 1812 года. СПб., 1913. Ч. 1, вып. 14. С. 95; М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 234.
- ² М. И. Кутузов: Из личной переписки // Знамя. 1948. № 5. С. 99.
- ³ Документы, относящиеся к истории 1812 года. Ч. 1, вып. 14. С. 101; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 244.
- ⁴ Документы, относящиеся к истории 1812 года. Ч. 1, вып. 14. С. 99.
- ⁵ Там же.
- ⁶ А. И. Михайловским-Данилевским эта фраза была приведена в таком виде: «Я оставил план сей, объясненный мне подробно Чернышевым, в полной его силе» (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб. 1840. Ч. 3. С. 35).
- ⁷ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1898. Вып. 10. С. 50.
- ⁸ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 369—370.
- ⁹ Поход в Москву в 1812 году: Мемуары участника французского генерала графа де Сегюра: Пер. с фр. М., 1911. С. 81.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Русская старина. 1874. Июнь. С. 368.
- ¹² Входящие бумаги, поступившие в штаб главнокомандующего фельдмаршала Голенищева-Кутузова за октябрь // Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. 19. С. 11.
- ¹³ Русская старина. 1874. Июнь. С. 369.
- ¹⁴ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 125.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Военский К. А.* Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911. С. 74.

- 17 Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 123—124 (разрядка наша.— П. Ж.).
- 18 Там же. С. 9.
- 19 Там же. С. 124.
- 20 Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 15.
- 21 Там же. С. 125.
- 22 М. И. Кутузов: Из личной переписки. С. 101.
- 23 ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 41048. Л. 50—51 об.
- 24 Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. Ч. 3. С. 230.
- 25 М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 22. В октябре 1805 г. Кутузов разбил при Кремсе французский корпус маршала Мортье.
- 26 Жомини Г. Очерки военного искусства. М., 1939. Т. 2. С. 33.
- 27 Поход в Москву в 1812 году. С. 85.
- 28 Сегюр Ф. Поход в Россию: Записки адъютанта императора Наполеона. М., 1913. С. 219.
- 29 Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 12.
- 30 Там же. С. 128.
- 31 [Ермолов А. П.] Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями. М., 1865. С. 370.
- 32 Русская старина. 1877. Янв. С. 27.
- 33 Поход в Москву в 1812 году. С. 88.
- 34 М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 38.
- 35 Поход в Москву в 1812 году. С. 88.
- 36 См.: Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 14.
- 37 [Ермолов А. П.] Указ. соч. С. 229.
- 38 Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 29.
- 39 Русская старина. 1877. Янв. С. 24.
- 40 Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 130.
- 41 Там же. С. 128.
- 42 Там же. С. 129—131.
- 43 Там же. С. 129.
- 44 Поход в Москву в 1812 году. С. 89—90.
- 45 Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. Ч. 3. С. 238.
- 46 Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1898. Вып. 10. С. 76.
- 47 Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. Ч. 3. С. 299.
- 48 Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 135.
- 49 ЦГВИА. Ф. 103. Д. 73. Л. 42; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 110.
- 50 Окунев Н. А. Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампании 1812 года. СПб., 1912. С. 89.
- 51 Там же. С. 87, 89.
- 52 Поход в Москву в 1812 году. С. 97.
- 53 Chandler D. The campaigns of Napoleon. L., 1967. P. 821.
- 54 Ibid. P. 822.
- 55 Поход в Москву в 1812 году. С. 102.
- 56 Chandler D. Op. cit. P. 823.
- 57 Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 135.

Глава двенадцатая

- 1 Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов и материалов. М., 1947. С. 214.
- 2 ЦГИА СССР. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 710. Ч. 1. Л. 73.

- ³ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. 19. С. 135.
- ⁴ Поход в Москву в 1812 году: Мемуары участника французского генерала графа де Сегюра: Пер. с фр. М., 1911. С. 99.
- ⁵ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 136.
- ⁶ Там же. С. 142.
- ⁷ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 239.
- ⁸ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 73.
- ⁹ Там же. С. 83.
- ¹⁰ Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1860. Т. 3. С. 2.
- ¹¹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 78.
- ¹² Там же. С. 84.
- ¹³ См.: Там же. С. 52.
- ¹⁴ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 134.
- ¹⁵ Там же. С. 198.
- ¹⁶ Фельдмаршал Кутузов. С. 219.
- ¹⁷ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 226.
- ¹⁸ Поход в Москву в 1812 году. С. 119.
- ¹⁹ Correspondance de Napoléon I. P., 1868. Т. 24, N 19316. P. 296.
- ²⁰ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 149.
- ²¹ Там же. С. 146, 148, 153, 160, 184, 185.
- ²² Там же. С. 92.
- ²³ Там же. СПб., 1911. Т. 15. С. 56.
- ²⁴ Там же. Т. 19. С. 115.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 248.
- ²⁷ Там же. С. 255.
- ²⁸ Там же. С. 270, 289.
- ²⁹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 163.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ЦГВИА. Д. 3524. Л. 64; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 222.
- ³² Комс. правда. 1960. 23, 25, 26 окт. 20 дек.; 1961. 12 нояб.; Неделя. 1967. № 2. 1—7 янв.; Вопр. истории. 1965. № 4. С. 215—217.
- ³³ Известия. 1967. 25 июля.
- ³⁴ Поход в Москву в 1812 году. С. 120.
- ³⁵ Люце Н. П. Уланы его величества. СПб., 1903. С. 25.
- ³⁶ «Неделя» опубликовала большую статью «Где спрятана „московская добыча“?» (1967. № 2). В ней приводятся несколько версий: 1) ящики с золотом зарыты в церкви в Ковно (Каунасе) недалеко от старого замка; 2) четыре бочки с золотом зарыты в роше недалеко от Борисова или на берегу Березины; 3) несколько бочек с золотом зарыто около Гродно (пять бочек весом в 15 центнеров); 4) драгоценный клад спрятан под Белостоком, семь бочек с золотом зарыты у плотины, которая находится между мельницей и монастырем.
- ³⁷ ЦГВИА. Ф. 103. Оп. 210. Д. 22. Л. 8.
- ³⁸ Там же. Л. 5.
- ³⁹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 15. С. 62.
- ⁴⁰ Там же. СПб., 1912. Т. 20. С. 11, 13.
- ⁴¹ Там же. Т. 19. С. 166; Листовки Отечественной войны 1812 года: Сб. документов. М., 1962. С. 79; Гартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967.
- ⁴² Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 176.
- ⁴³ Там же. С. 30.

- ⁴⁴ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 330—332.
⁴⁵ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 178.
⁴⁶ Там же. С. 398.
⁴⁷ М. И. Кутузов: Из личной переписки // Знамя. 1948. № 5. С. 107.
⁴⁸ Там же. С. 105—106.

Глава тринадцатая

- ¹ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 185 (разрядка наша.— П. Ж.).
² Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов и материалов. М., 1947. С. 218.
³ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 334—335.
⁴ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. 19. С. 138.
⁵ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П. И. Щукиным. М., 1904. Ч. 7. С. 273.
⁶ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 166.
⁷ Там же. С. 181   ⁸ Там же. С. 178.
⁹ Там же. С. 183.   ¹⁰ Там же. С. 193.
¹¹ Там же. С. 398 (разрядка наша.— П. Ж.).
¹² М. И. Кутузов: Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова. М., 1947. С. 20.
¹³ *Wilson R. Narrative of events during the invasion of the Russia by Napoleon Bonaparte.* L., 1860. P. 234.
¹⁴ *The story of 1812 by Hutschinson, colonel director of military education in India.* L., 1897.
¹⁵ Д. Чендлер прислал автору записку следующего содержания: «Генералу Жилину. Мне хотелось бы отметить, что выводы в докладе, как и выводы в моей книге, не совпадают с выводами Вильсона... Я чрезвычайно глубоко уважаю таланты Кутузова, подтверждение этому Вы найдете в главе моих „Кампаний Наполеона“».
¹⁶ *Jacoby J. Napoléon en Russie: L'empereur et le tsar: La famille impériale et la société russe: Les causes de la campagne de Russie (1807—1812): Nouveaux documents.* P., 1938; *Strakhovsky L. Alexander I of Russia: The man who defeated Napoleon.* N. Y., 1947; *Army Information Digest.* 1952. N 12; *Delderfield R. The retreat from Moscow.* L., 1967; etc.
¹⁷ *Chandler D. The campaigns of Napoleon.* L., 1967. P. 858—859.
¹⁸ *Tersen E. Napoléon.* P., 1959. P. 347.
¹⁹ Русская старина. 1874. Июнь. С. 370—371.
²⁰ *Чуйкевич П. А. Рассуждения о войне 1812 года.* СПб., 1813. С. 8—9.
²¹ Декабристы: Материалы и документы. М., 1926. Т. 1. С. 14.
²² *Белинский В. Г. Соч.* М., 1948. Т. 3. С. 866.
²³ *Жилин П., Ярославцев А. Бородинское сражение.* М., 1952. Прилож. С. 94. По некоторым данным, императорская гвардия насчитывала 17 тыс солдат, 4 тыс кавалеристов, 176 орудий (см. *Lachouque H. The anatomy of glory: Napoleon and his guard.* L., 1961. P. 247).
²⁴ *Lachouque H. Op. cit.* P. 270.
²⁵ *Duffy Ch. Borodino and the war of 1812.* L., 1972. P. 161.

Глава четырнадцатая

- ¹ *De Pradt. Histoire de l'ambassade dans le Grand Duché de Varsovie en 1812.* Р., 1815. Р. 23—24.
- ² *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников, 1812—1815 гг. СПб., 1882. С. 419.
- ³ Ленинский сборник. Т. 11. С. 50.
- ⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 30.
- ⁵ Там же. Т. 10. С. 436.
- ⁶ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1956. Т. 5. С. 409.
- ⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 502.
- ⁸ *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 247, 368.
- ⁹ *Богданович М. И.* История войны 1813 года за независимость Германии по достоверным источникам. СПб., 1863. Т. 1. С. 2.
- ¹⁰ *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 341; М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 395.
- ¹¹ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 502 (разрядка наша.— П. Ж.).
- ¹² ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1078. Л. 201.
- ¹³ Там же. Л. 200—201; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 494—495.
- ¹⁴ Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов и материалов. М., 1947. С. 249.
- ¹⁵ *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 360—361.
- ¹⁶ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1078. Л. 213—214. Сведения подписаны Кутузовым. В них не вошли данные об авангарде (2-й и 7-й пехотные и 2-й и 3-й кавалерийские корпуса), а также о полках, находившихся в отдельных отрядах, с учетом которых общая численность армии составляла около 100 тыс человек.
- ¹⁷ ЦГВИА. Ф. 125. Оп. 188. Д. 22. Л. 2—3.
- ¹⁸ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1078. Л. 260—262.
- ¹⁹ См. подробную ведомость французских войск: Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1914. Т. 19. С. 415—416; О численности русских войск. Там же. С. 418—457.
- ²⁰ Жизнь, военные и политические деяния генерал-фельдмаршала князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1913. С. 272; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 634.
- ²¹ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. XI; Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965. С. 217.
- ²² Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. С. 217.
- ²³ Фельдмаршал Кутузов. С. 257.
- ²⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1962. Т. 6. С. 679.
- ²⁵ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 237.
- ²⁶ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3518. Л. 47; М. И. Кутузов. Т. 5. С. 600.
- ²⁷ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 640.
- ²⁸ М. И. Кутузов: Из личной переписки // Знамя. 1948. № 5. С. 113.
- ²⁹ М. И. Кутузов. Т. 5. С. 9; Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. С. 218.
- ³⁰ Подробнее об этом см.: *Власкин А. Г.* Отечественная война 1812 года и движение немецких патриотов // Новая и новейшая история. 1962. № 5. С. 72—83.
- ³¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 6. С. 642—644, 782.
- ³² Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1914. Т. 19. С. 205.

- ³³ Государственная библиотека им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ). Отдел редких книг. Приказы по русской армии в 1813 г. Приказ № 5 от 7 янв. 1813 г.
- ³⁴ Подробные данные о составе и численности русских войск, перешедших границу, см.: Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1914. Т. 21. С. 418—457.
- ³⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 6. С. 624.
- ³⁶ Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. С. 220.
- ³⁷ Война 1813 года: (Военные действия в январе, феврале и марте). Материалы ВУА. Пг., 1917. Т. 3. С. 77, 84.
- ³⁸ Фельдмаршал Кутузов. С. 263; М. И. Кутузов. Т. 5. С. 191.
- ³⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3843. Л. 67; М. И. Кутузов. Т. 5. С. 66.
- ⁴⁰ М. И. Кутузов. Т. 5. С. 117.
- ⁴¹ Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. С. 221.
- ⁴² Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 21. С. 468.
- ⁴³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3843. Л. 48. Из секретного предписания Кутузова от 3 января 1813 г.; М. И. Кутузов. Т. 5. С. 63.
- ⁴⁴ Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. 3. С. 161.
- ⁴⁵ Там же. С. 155.
- ⁴⁶ Там же. С. 169.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Война 1813 года: Материалы ВУА. Пг., 1916. Т. 2. С. 23—24.
- ⁴⁹ Там же. С. 74; См. также донесение Теттенборна от 1 февраля и Чернышева от 2 февраля о движении через Кюстрин и Франкфурт прибывшей из Берлина дивизии Гренье (Там же. Т. 3. С. 173, 176).
- ⁵⁰ Война 1813 года: Материалы ВУА. Т. 2. С. 67.
- ⁵¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3843. Л. 208, 342.
- ⁵² М. И. Кутузов. Т. 5. С. 226.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3094. Л. 66—67; М. И. Кутузов. Т. 5. С. 226.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ М. И. Кутузов. Т. 5. С. 15, 25—27.
- ⁵⁷ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1078. Л. 260; см. также. Ф. 125. Оп. 188. Св. 50. Д. 20. Л. 3.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 125. Оп. 188. Д. 22. Л. 2—3, 18—19.
- ⁵⁹ Там же. Ф. ВУА. Д. 3881. Л. 34; Д. 3880. Л. 1—6, 67, 94—95; Д. 3844. Ч. 1. Л. 480; Д. 16887. Л. 1—2.
- ⁶⁰ Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. С. 226.
- ⁶¹ *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. 3. С. 11.
- ⁶² М. И. Кутузов. Т. 5. С. 282—283.
- ⁶³ Там же. С. 547.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ ГБЛ. Отдел редких книг. Приказы по русской армии в 1813 г. Постановление о продовольствии. Приложение к приказу № 41.
- ⁶⁶ М. И. Кутузов. Т. 5. С. 276—280.
- ⁶⁷ М. И. Кутузов: Из личной переписки. С. 115—116.
- ⁶⁸ *Богданович М. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 444.
- ⁶⁹ *Scharnhorsts Briefe, Karl Linnenbach.* München u. Leipzig, 1914. Bd. 1. S. 314.
- ⁷⁰ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3921. Л. 58; М. И. Кутузов. Т. 5. С. 252.
- ⁷¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сб. документов. М., 1964. С. 142.

- ⁷² Жизнь, военные и политические деяния генерал-фельдмаршала князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. С. 298—299.
- ⁷³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3843. Л. 458.
- ⁷⁴ *Straube F.* Über die Beziehungen zwischen Kutuzow und Scharnhorst im Befreiungskrieg von 1813 // *Das Jahr 1813: Studien zur Geschichte und Wirkung der Befreiungskriege.* В., 1963. С. 121—122.
- ⁷⁵ *Das Jahr 1813: Studien zur Geschichte und Wirkung der Befreiungskriege* В., 1963. С. 122.
- ⁷⁶ *Ibid.*
- ⁷⁷ *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 469; см. также: Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 142.
- ⁷⁸ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3904. Л. 322—323; М. И. Кутузов. Т. 5. С. 428.
- ⁷⁹ *Михайловский-Данилевский А. И.* Записки о походе 1813 года. 2-е изд. СПб., 1836. С. 64.
- ⁸⁰ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3909. Л. 39.
- ⁸¹ Там же. Л. 122.
- ⁸² Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. С. 233.
- ⁸³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3904. Л. 494 (разрядка наша.— П. Ж.).
- ⁸⁴ Из рукописи неизвестного автора о пребывании русской армии в Калише // ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3869. Л. 11—12.
- ⁸⁵ М. И. Кутузов: Из личной переписки. С. 119.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Правда. 1962. 18 окт.
- ⁸⁸ ГБЛ. Отдел рукописей. Ф. 6014/7.
- ⁸⁹ *Богданович М. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 447—454.
- ⁹⁰ Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. С. 111.
- ⁹¹ Там же. С. 111—112.
- ⁹² Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. С. XLIII.
- ⁹³ Там же. С. 421, 475.
- ⁹⁴ *Шуленин М.* Памятник славы русского оружия в гор. Лейпциге. Лейпциг, 1956. С. 17.
- ⁹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 419.
- ⁹⁶ Там же. С. 405.
- ⁹⁷ *Норден А.* Народ восстал и победил // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. С. 10—11.
- ⁹⁸ Эти взгляды четко отражены в капитальной работе Н. К. Шильдера «Император Александр I. Его жизнь и царствование» (В 4 т. СПб. 1904—1905), а также в четырехтомном исследовании начальника военно-исторического отдела Р. Фридриха «Освободительная война 1813—1815 гг.» (Берлин, 1912), в статьях начальника Генерального штаба Шлиффена по истории кампаний 1806—1807, 1813 гг. (подробнее об этом см. статью Г. Гельмерта, опубликованную в сборнике «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства». С. 357—372).
- ⁹⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3843; Война 1813 года: Материалы ВУА. Т. 2. С. 30, 70, 97.
- ¹⁰⁰ ГБЛ. Отдел редких книг. Приказы по русской армии в 1813 г. Приказ № 21 от 28 янв. 1813 г.
- ¹⁰¹ М. И. Кутузов: Из личной переписки. С. 116—117.

- ¹⁰² Дневник Александра Чичерина, 1812—1813 гг. М., 1966. С. 155—156.
- ¹⁰³ *Слоон В.* Новое жизнеописание Наполеона I. СПб., 1897. Т. 2. С. 578—582.
- ¹⁰⁴ The grim of 1812: Labaume's personal narrative of the russian campaign/With introduction by W. T. Stead. L., 1912. P. VI.

Глава пятнадцатая

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 79—80.
- ² *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. С. 132.
- ³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1979. Т. 7. С. 331—332.
- ⁴ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1956. Т. 5. С. 466.
- ⁵ Чтения Общества истории и древностей российских. 1865. Кн. 1. С. 199.
- ⁶ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 392.
- ⁷ Документы, относящиеся к истории 1812 года. СПб., 1913. Ч. 1, вып. 14. С. 99.
- ⁸ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3921. Л. 172 об. (копия на фр. яз.); М. И. Кутузов. Т. 5. С. 548.
- ⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3904. Л. 66—67.
- ¹⁰ *Леер Г. А.* Стратегия: (Тактика театра военных действий). Главные операции. СПб., 1898. Ч. 1. С. 303.
- ¹¹ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 154.
- ¹² ЦГИА СССР. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 710. Ч. 1. Л. 231.
- ¹³ М. И. Кутузов: Из личной переписки // Знамя. 1948. № 5. С. 104.
- ¹⁴ Генералиссимус Суворов: Сб. документов и материалов. М., 1947. С. 9.
- ¹⁵ Развитие тактики русской армии: Сб. статей. М., 1957. С. 135.
- ¹⁶ Генерал Багратион: Сб. документов и материалов. М., 1945. С. 241.
- ¹⁷ Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов и материалов. М., 1947. С. 160; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 143.
- ¹⁸ *Смирный Н. Ф.* Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова. М., 1821. Ч. 3. С. 51.
- ¹⁹ Столетие Военного министерства. СПб., 1903. Т. 4, ч. 1. С. 316.
- ²⁰ Фельдмаршал Кутузов. С. 172; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 168.
- ²¹ Подсчет произведен по «Журналу поденных работ», составленному генерал-майором П. Н. Ивашевым // Воен.-ист. журн. 1939. № 4. С. 128—131.
- ²² *Левецкий Н. А.* Полководческое искусство Наполеона. М., 1938. С. 36.
- ²³ Фельдмаршал Кутузов. С. 160; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 142.
- ²⁴ Генералиссимус Суворов. С. 107.
- ²⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 258.
- ²⁶ Там же. Т. 36. С. 200.
- ²⁷ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 39—40.
- ²⁸ *Жилин П. А.* Михаил Илларионович Кутузов: Жизнь и полководческая деятельность. М., 1983.
- ²⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 2952. Л. 411; М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1952. Т. 3. С. 754.
- ³⁰ М. И. Кутузов. Т. 3. С. 555.

- ⁸¹ Там же. С. 304.
- ⁸² Фельдмаршал Кутузов. С. 192; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 368.
- ⁸³ М. И. Кутузов: Из личной переписки. С. 113 (разрядка наша.— П. Ж.).
- ⁸⁴ М. И. Кутузов. Т. 3. С. 304.
- ⁸⁵ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3488. Л. 279.
- ⁸⁶ М. И. Кутузов: Из личной переписки. С. 102; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 39 (разрядка наша.— П. Ж.).
- ⁸⁷ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 367—368.
- ⁸⁸ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1078. Л. 157 (разрядка наша.— П. Ж.).
- ⁸⁹ Труды Русского военно-исторического общества. СПб., 1912. Т. 5. С. 25.
- ⁹⁰ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 18. С. 11.
- ⁹¹ М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 239.
- ⁹² См.: Там же.
- ⁹³ М. И. Кутузов: Из личной переписки. С. 114.
- ⁹⁴ Дневник Александра Чичерина, 1812—1813 гг. М., 1966. С. 14, 18. Дневник обнаружила С. Г. Энгель в Отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки в Москве.
- ⁹⁵ ГБЛ. Отдел рукописей. Ф. Музейное собрание. Д. 790/а. Л. 28.
- ⁹⁶ М. И. Кутузов: Из личной переписки. С. 111.
- ⁹⁷ Там же. С. 116.
- ⁹⁸ Русская старина. 1872. Февр. С. 267—268.
- ⁹⁹ Там же. 1874. Июнь. С. 366.
- ¹⁰⁰ М. И. Кутузов: Из личной переписки. С. 114.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² М. И. Кутузов. Т. 3. С. 458 (разрядка наша.— П. Ж.).
- ¹⁰³ Военский К. А. Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911. С. 77.
- ¹⁰⁴ Фельдмаршал Кутузов. С. 160; М. И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 143.
- ¹⁰⁵ Левицкий Н. А. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁰⁶ Калинин М. И. Статьи и речи о коммунистическом воспитании. М., 1951. С. 95.
- ¹⁰⁷ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1956. Т. 5. С. XXII.
- ¹⁰⁸ ЦГВИА. Ф. 9190. Оп. 165. Св. 50. Д. 71. Л. 79—80; М. И. Кутузов. Т. 3. С. 458.

Глава шестнадцатая

- ¹ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII—XX вв. М., 1960. С. 75—95.
- ² Там же. С. 87—88.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 454.
- ⁴ Там же. Т. 28. С. 487.
- ⁵ Там же. Т. 2. С. 574.
- ⁶ Глинка Ф. Н. Краткое начертание Военного журнала. СПб., 1817. С. 11.
- ⁷ Муравьев Н. М. Рассуждение о жизнеописаниях Суворова // Сын отечества. СПб., 1816. Ч. 27, кн. 6. С. 220—221.
- ⁸ Глинка Ф. Н. Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года // Сын отечества. СПб., 1816. Ч. 27, кн. 4. С. 146.
- ⁹ Там же. С. 159.
- ¹⁰ Штейнгель В. И. Записки касательно составления и самого

похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 годах с кратким обзорением всех происшествий, во время бедствия и спасения нашего Отечества случившихся. СПб., 1814—1815. Ч. 2. С. 51.

- ¹¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1919. Т. 6. С. 360.
- ¹² Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. 2-е изд. М., 1951. С. 265.
- ¹³ Там же. С. 132.
- ¹⁴ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 6. С. 348.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 50.
- ¹⁶ Астафьев А. И. О современном военном искусстве. СПб., 1856. Ч. 1. С. 23.
- ¹⁷ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 гг. // Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Т. 3. С. 115.
- ¹⁸ Великий князь Николай Михайлович: Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 108—109.
- ¹⁹ М. И. Кутузов: Из личной переписки // Знамя. 1948. № 5. С. 119.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 118.
- ²² Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883. С. 147—148.
- ²³ Многие документы, находившиеся при Кутузове и в его личной канцелярии, после смерти попали в руки Аракчеева и, надо полагать, были уничтожены.
- ²⁴ Правила рассыпного строя, или Наставление о рассыпном действии пехоты. СПб.: Изд. Главного штаба 1-й армии, 1818. С. 1.
- ²⁵ Там же. С. 13.
- ²⁶ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 2. С. 298.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Цит. по кн.: Прокофьев Е. А. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953. С. 279.
- ²⁹ Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 306.
- ³⁰ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 587.
- ³¹ Красная звезда. 1968. 14 апр.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адамович Иван Степанович, генерал-майор, в октябре 1812 г. был командирован в Арзамас для формирования резервных войск, в 1813 г. командир бригады 339

Александр I (1777—1825) 1—10, 12, 13, 27, 33, 34, 44, 45, 54, 55, 57, 66, 69—73, 83, 85, 89, 90, 97, 99—101, 103, 104, 106, 109, 110, 124, 128, 131, 132, 135, 137, 141, 146, 149, 169, 179, 184, 186, 188, 203, 206, 209—211, 213, 214, 230, 232, 233, 236, 247, 255, 271—273, 275, 281, 303, 317, 335, 337, 362, 363, 369, 375, 383, 384, 403, 420, 421—424

Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), великий полководец Древнего мира 77, 79, 81
Алексеев, ротмистр, партизан в отряде А. С. Фигнера 260

Альвинци (1735—1810), австрийский фельдмаршал. Участвовал в Семилетней войне (1756—1763), в войне с Турцией (1788) и в войнах с Францией 22

Андреев Иван, голова Вельяминовской экономической волости Звенигородского уезда, партизан, награжден знаком отличия Военного ордена 252

Андреев Михаил, крестьянин деревни Дурнихи Бронницкого уезда, партизан, награжден знаком отличия Военного ордена 252

Анна Павловна, вел. кн., сестра Александра I 66, 70

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), генерал от артиллерии, председатель Департамента военных дел Государственного совета, с декабря 1812 г. находился в Главной квартире действующей армии, впоследствии начальник управления

военных поселений 54, 91, 109, 209, 227, 236, 420, 421, 424

Астафьев Александр Иванович (1816—1863), генерал-майор, военный писатель, автор труда «О современном военном искусстве» 421

Аттила (ум. в 453 г.), вождь гуннского союза племен в 434—453 гг. 15

Афанасьев Владимир, крестьянин села Михайловская Слобода Бронницкого уезда, партизан, награжден знаком отличия Военного ордена 252

Ахмет-паша, визирь, главнокомандующий турецкой армией 61, 62

Ахшарумов Дмитрий Иванович (1792—1837), генерал-майор, в 1812 г. капитан лейб-гвардии егерского полка, состоял при П. П. Коновницыне и К. Ф. Толе, за отличие под Люценом произведен в полковники, автор первой русской военно-исторической работы по истории Отечественной войны 1812 г. «Описание войны 1812 года» 8, 203

Багговут Карл Федорович (1761—1812), генерал-лейтенант, в 1812 г. командовал 2-м пехотным корпусом, убит в сражении при Тарутине 6 октября 1812 г. 106, 158, 163, 169, 177, 280, 281

Баграион Петр Иванович (1765—1812), выдающийся русский полководец, генерал от инфантерии, в 1811—1812 гг. главнокомандующий 2-й Западной армией, 12 сентября умер от раны, полученной в сражении при Бородине 10, 11, 39, 48—50, 52, 54, 56, 59, 97—99,

104—107, 109, 111, 112, 114, 115, 120, 122, 132, 135, 136, 151, 153, 156, 159, 160—163, 172, 173, 175, 210, 254, 255, 392, 403, 430

Байов Алексей Константинович (1871—1918), генерал, военный историк, профессор, автор труда «История русского военного искусства» 151

Бакунин Михаил Михайлович (1764—1837), сенатор, с 1808 по 1816 г. Санкт-Петербургский гражданский губернатор 140

Балашев Александр Дмитриевич (1770—1837), член Государственного совета, в 1810—1812 гг. министр полиции, в 1812 г. одновременно член Комитета по делам ополчений 103, 104, 109, 110, 134, 142, 236

Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761—1818), выдающийся русский полководец; в 1812 г. генерал от инфантерии, военный министр, главнокомандующий 1-й Западной армией, с февраля 1813 г. главнокомандующий 3-й Западной армией, с мая главнокомандующий русско-прусскими войсками, в марте 1814 г. за взятие Парижа получил чин генерал-фельдмаршала 10, 62, 85, 90, 94—95, 97—99, 103—105, 107—110, 112, 113, 115, 117, 119, 120, 122, 126—128, 131, 132, 135, 136, 140—141, 142, 144, 145, 152, 153, 168, 172, 177, 185, 209, 210, 359, 362, 372, 392, 403, 404, 428

Баррас Поль (1755—1829), политический деятель Великой Французской буржуазной революции, один из организаторов контрреволюционного переворота 9 термидора, проводил политику, расчленившую путь военной диктатуре Наполеона Бонапарта 21

Бассано см. Маре Гуго — Бернгард

Батов Павел Иванович (1897—1985), генерал армии, дважды Герой Советского Союза, в годы Великой Отечественной войны командовал 65-й армией 428

Бахрушин Сергей Владимирович

(1882—1950), известный ученый, историк, чл.-кор. АН СССР, профессор МГУ 190

Бегичев Иван Матвеевич, генерал-майор, член устроительного комитета С.-Петербургского ополчения 244

Бек Пьер, французский историк, автор книги «Наполеон и судьба Европы» 14

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848), русский революционный демократ, критик и публицист 7, 233, 328

Беллуно см. Виктор Клод-Перрен

Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), генерал от кавалерии, в 1812 г. генерал-майор, начальник отряда в составе корпуса П. Х. Витгенштейна, впоследствии шеф жандармов и начальник III отделения с. е. и. в. канцелярии 348

Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745—1826), генерал от кавалерии, в 1812 г. был назначен начальником главного штаба, но вскоре отозван из армии (за вражду с М. И. Кутузовым); в 1813—1814 гг. командовал резервной армией 53, 54, 103, 135, 156, 185, 196, 202, 209—212, 280, 281, 388

Берг Григорий Максимович (1765—1838), генерал от инфантерии, ревельский военный губернатор, в 1812 г. генерал-лейтенант, начальник 5-й пехотной дивизии (в составе корпуса П. Х. Витгенштейна) 341

Бернадот Жан-Багист-Жюль (1763—1844), маршал Франции, с 1813 г. главнокомандующий Северной армией, впоследствии король Швеции и Норвегии под именем Карла XIV Йоганна 46, 52, 55, 70, 363

Бернгарди Теодор (1802—1887), немецкий военный теоретик и историк 12

Бертеми, в 1812 г. полковник наполеоновской армии 285

Бертье Луи Александр (1753—1815), герцог Невшательский, князь Ваграмский, маршал

- Франции, начальник Главного штаба армий Наполеона; в 1814 г. одним из первых перешел на сторону Бурбонов, при приближении Наполеона к Парижу в 1815 г. покончил с собой 49, 79, 102, 124, 154, 155, 192, 193, 253, 282, 285, 290, 303, 308, 406
- Бескровный Любомир Григорьевич (1905—1980)*, советский историк, доктор исторических наук, профессор 13, 14
- Бессьер Жан-Батист (1768—1813)*, герцог Истрийский, маршал Франции, командующий гвардейской кавалерией армии Наполеона, убит 20 апреля 1813 г. под Люценом 176, 197, 297
- Бестужев Александр Александрович (1797—1837)*, русский писатель, декабрист, в 1825 г. штабс-капитан лейб-гвардии драгунского полка 328
- Бестужев-Рюмин А. Д.*, заведующий Московским вотчинным архивом в 1812 г. 189
- Бибиков Александр Александрович (1765—1822)*, сенатор. в 1812 г. командовал С.-Петербургским ополчением (в составе корпуса П. Х. Витгенштейна) 244
- Блюхер Гебхард Леберехт (1742—1819)*, прусский военный деятель, в 1812 г. генерал от кавалерии, с февраля 1813 г. командир Прусского корпуса, после летнего перемирия командующий Силезской армией, за Лейпцигскую битву произведен в фельдмаршалы 355—357, 360, 361, 363
- Богарне Евгений-Наполеон (1781—1824)*, вице-король Италии (1805—1814), генерал, в 1812 г. командовал 4-м корпусом, в начале 1813 г. — остатками «Великой армии», отступавшими из России в Германию, затем командующий французскими войсками в Италии 85, 88, 110, 129, 158, 159, 164, 166, 192, 253, 284, 285, 288, 289, 292.
- 300—302, 305, 309—311, 313, 346, 349, 356
- Богданов Николай Иванович (р. в 1752 г.)*, генерал-майор, с 1811 по 1814 г. тульский гражданский губернатор, в 1812 г. одновременно начальник Тульского ополчения 218, 239, 243
- Богданович Модест Иванович (1805—1882)*, генерал-лейтенант, русский военный историк и писатель 8, 54, 183, 190, 213, 272, 355
- Богуславский Петр Васильевич*, бельский исправник, один из организаторов партизанской борьбы в Смоленской губернии 249
- Бонами Шарль-Август (ум. в 1830 г.)*, французский генерал, взят в плен русскими войсками в сражении при Бородине 162
- Бонналь Гильом Анри (1844—1917)*, французский генерал, военный теоретик и писатель 90
- Борисов Борис*, волостной голова Серединской волости Волоколамского уезда, партизан, награжден знаком отличия Военного ордена 252
- Бородин Михаил Михайлович*, в 1812 г. генерал-лейтенант, командовал 8-м пехотным корпусом, в ноябре 1812 г. назначен специальным уполномоченным по приведению в порядок армейского тыла 114, 153
- Бородин Николай Михайлович (1777—1830)*, генерал от кавалерии, в 1812 г. генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й кирасирской дивизии, в начале ноября командир летучего отряда (бывшего в команде В. В. Орлова-Денисова), отличился при Бауцене и Лейпциге. Позднее начальник 1-й драгунской дивизии 310, 319
- Брусье Жан-Батист (1766—1814)*, французский генерал, в 1812 г. начальник 14-й дивизии в составе 4-го корпуса 164, 166, 283—286, 289
- Брюйер*, в 1812 г. начальник 1-й легкой кавалерийской дивизи-

ви 1-го кавалерийского корпуса Нансуги 111, 122

Буксееден Федор Федорович (1750—1811), генерал от инфантерии, главнокомандующий русской армией в войне со Швецией 1808—1809 гг. 49, 79, 102, 124, 154, 155

Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863), московский почт-директор, сенатор, в 1812—1813 гг. состоял при главнокомандующем в Москве для дипломатической переписки по секретной части 362

Бурбоны, королевская династия во Франции 27, 87

Бурцов Иван Григорьевич (1794—1829), генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г., декабрист, военный писатель 426

Бутурлин Дмитрий Петрович (1790—1849), генерал-квартирмейстер, участник Отечественной войны 1812 г., в 1813 г. поручик кавалергардского полка, отличился при Лейпциге, впоследствии военный историк 8, 203, 322

Бюлов Фридрих-Вильгельм фон Денневиц (1755—1816), прусский генерал от инфантерии, в конце 1812 — начале 1813 г., будучи губернатором Восточной Пруссии, сформировал резервный корпус, с которым участвовал в военных действиях против Наполеона 344, 350, 355, 404

Вадбольский Иван Михайлович (1781—1861), в 1812 г. полковник, командир гусарского полка, начальник партизанского отряда, впоследствии генерал-лейтенант 254, 257

Вандаль Альбер (1853—1910), граф, французский историк 148

Вандам Жозеф-Доминик (1770—1830), граф, генерал-лейтенант французской армии, в 1813 г. командовал 1-м корпусом, под Кульмом потерпел поражение и был взят в плен 356

Васильчиков Дмитрий Васильевич (1778—1859), генерал-майор.

в 1812 г. командир Ахтырского гусарского полка, в 1816 г. командир 1-й Уланской дивизии 276

Васильчиков Иларион Васильевич (1777—1847), генерал-лейтенант, в 1812 г. командир 4-го резервного кавалерийского корпуса, затем начальник авангарда Главной армии 108

Вейротер Франц (1754—1807), австрийский генерал, начальник штаба австрийской армии, советник Александра I 37, 54, 56, 57

Вентурини, офицер наполеоновской армии, участник Бородинского сражения 169

Верещагин Василий Васильевич (1842—1904), выдающийся русский художник-баталист 8

Виктор Клод-Перрен (1764—1841), герцог Беллуно, французский маршал, командир 9-го корпуса армии Наполеона, после падения Наполеона перешел на сторону Бурбонов, с 1821 по 1823 г. военный министр Франции 88, 206, 216, 308, 309, 315, 316, 319, 321, 346

Виллие (Вилле) Яков Васильевич (1768—1854), врач, в 1812 г. главный военно-медицинский инспектор русской армии 240

Вильгельм II (1859—1941), германский император и прусский король (1888—1918), представитель агрессивного германского юнкерско-буржуазного империализма, активно способствовал развязыванию 1-й мировой войны, свергнут революцией в ноябре 1918 г., бежал в Нидерланды 367

Вильсон Роберт-Томас (1777—1849), английский генерал и политический деятель, в 1812 г. находился при штабе русской армии в качестве представителя английского командования 12, 209, 211, 225, 254, 265, 322—324, 335, 337, 338

Винценгероде Фердинанд Федорович (1770—1818), генерал от кавалерии, в 1812 г. генерал-лейтенант, командир отдельного

отряда, прикрывавшего направление Москва—Петербург. в октябре 1812 г. захвачен французами в плен и отправлен во Францию, но по дороге отбит отрядом А. И. Чернышева 196, 238, 244, 257, 259, 262, 344, 347, 349, 358, 359

Витгенштейн Петр Христианович (1768—1842), генерал от кавалерии, командир 1-го отдельного корпуса, после смерти Кутузова в 1813 г. некоторое время командовал всеми армиями, впоследствии генерал-фельдмаршал, главнокомандующий 2-й армией 95, 106, 109, 112, 117, 179, 206, 216, 218, 238, 244, 268—271, 273, 316—321, 337, 339—342, 347, 348, 350, 351, 356—358, 360, 362, 383, 386

Вишневский Всеволод Витальевич (1900—1951), русский советский писатель 366

Воинов Александр Львович (1770—1832), генерал от кавалерии, в 1812 г. генерал-лейтенант, командовавший корпусом в армии П. В. Чичагова 341

Волконский Петр Михайлович (1776—1852), генерал, личный друг Александра I, начальник главного штаба (1813—1821), впоследствии министр двора, фельдмаршал 98

Вольцоген Людвиг-Адольф-Вильгельм (1774—1845), прусский генерал от инфантерии, в 1807 г. перешел на русскую службу, в 1812 г. состоял при Главном штабе русской армии 98, 196

Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), в 1812 г. генерал-майор, начальник сводной гренадерской дивизии, с конца 1812 г. начальник авангарда 3-й Западной армии, впоследствии генерал-фельдмаршал 153, 159, 160, 162, 341, 347—348

Вурмзер фон Дагоберт-Зигмунд (1724—1797), австрийский генерал-фельдмаршал, в 1792 и 1795 гг. командовал австрийскими войсками, действовавшими против Франции на Рейне, а в 1796 г. — в Италии 22

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), русский поэт, критик и журналист, участник Бородинского сражения 72, 337, 256

Вязмитинов Сергей Кузьмич (1749—1819), генерал, военный министр (с 1802 г.) и петербургский главнокомандующий (с 1805 г.) впоследствии министр полиции и председатель комитета министров 134

Ганнибал (Аннибал) Барка (247—183 гг. до н. э.), полководец Карфагена, в 216 г. до н. э. одержал победу над римскими войсками при Каннах 77, 79, 81
Гарденберг Карл-Август (1750—1822), князь, прусский государственный деятель 87, 355

Гедройц (Гедроич), дивизионный генерал, начальник Литовской дивизии в армии Наполеона, взят в плен русскими войсками в январе 1813 г. при Цирке 348

Герцен Александр Иванович (1812—1870) 7, 190, 233, 420—421

Гильемино Арман-Карл (1774—1840), в 1812 г. дивизионный генерал, командир дивизии в армии Наполеона 288

Гинденбург Пауль фон (1847—1934), германский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, в 1925 г. избран президентом Веймарской республики, в 1932 г. вновь избран президентом страны, в 1933 г. передал власть в руки фашистов во главе с Гитлером 367

Гитлер Адольф (1889—1945) 90, 102, 234, 331, 368, 430

Гладков Иван Васильевич (1766—1832), генерал-лейтенант, в 1812 г. генерал-майор, формировал 9-й и 11-й пехотные полки 233

Глинка Сергей Николаевич (1776—1847), русский писатель и журналист, участник Отечественной войны 1812 г. 124, 189, 237

Глинка Федор Николаевич

(1786—1880), в 1812—1813 г. поручик Апшеронского пехотного полка, адъютант М. А. Милорадовича, поэт, публицист, декабрист 9, 37, 123, 235, 418—420, 426

Глухов Семен Алексеевич, в 1812 г. генерал-майор, начальник Шостенского порохового завода 225

Гнейзенау Август-Вильгельм (1760—1831), прусский военный деятель, один из реформаторов прусской армии, в 1813 г. генерал-майор, генерал-квартирмейстер корпуса Блюхера, с мая по июль губернатор Силезии, затем начальник штаба Силезской армии, впоследствии генерал-фельдмаршал 334, 355

Гогель Федор Григорьевич (1775—1872), генерал-лейтенант, в 1812 г. полковник, шеф 5-го егерского полка, при Бородине командовал 1-м передовым отрядом левого фланга, после Гартутина находился в составе 26-й дивизии в корпусе М. И. Платова 202

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) 256

Голенищев-Кутузов Логгин Иванович (1769—1846), генерал-лейтенант, директор Морского кадетского корпуса 356, 358

Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772—1834), генерал от кавалерии, в 1812 г. командир отряда, генерал-лейтенант, в 1813 г. отличился при Люцене, Бауцене, Дрездене, Кульме и Лейпциге 166, 295

Голицын Александр Борисович (1792—1865), в 1812 г. адъютант Кутузова 145, 203, 224, 278

Голицын Борис Андреевич (1766—1822), генерал-лейтенант, в 1812 г. начальник Владимирского ополчения 238—239

Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, в 1812 г. генерал-лейтенант, командир кирасирского корпуса, составленного из 1-й и 2-й кирасирских дивизий, впослед-

ствии московский генерал-губернатор (1820—1843) 202, 311

Голицын Николай Борисович (1794—1866), в 1812 г. адъютант генерала А. И. Остермана-Толстого 9

Горчаков Алексей Иванович (1769—1817), генерал от инфантерии, в 1812—1813 г. генерал-лейтенант, управляющий Военным министерством 138, 139, 141, 209, 215

Горчаков Андрей Иванович (1779—1855), генерал от инфантерии, в 1812 г. генерал-лейтенант, командовал корпусом, отличился в Шевардинском бою, при Лейпциге 153

Граверт Юлий-Август (1746—1821), прусский генерал от инфантерии, в 1812 г. командовал прусским вспомогательным корпусом в армии Наполеона 247

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) 218, 237, 256, 352

Груши Эммануэль (1768—1848), маршал Франции, в 1812 г. дивизионный генерал, командующий 3-м кавалерийским корпусом, ранен в сражении при Бородине 105, 113, 164, 166

Грюнвальд де Константин, французский историк, автор книги «Кампания в России» 14

Густав II Адольф (1594—1632), шведский король (с 1611 г.) и полководец 79

Гюго Виктор (1802—1885), французский писатель 325

Даву Луи-Никола (1770—1823), князь Экмюльский, герцог Ауерштедтский, маршал Франции, в 1812 г. командовал 1-м пехотным корпусом, при отступлении французской армии из Москвы командовал арьергардом, но после сражения под Вязьмой был заменен маршалом Неем 46, 48, 55, 85, 88, 102—107, 112—115, 120—122, 127—129, 156—163, 172, 183, 195, 253, 263, 264, 289, 299, 301, 302, 307, 309—313, 356

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), генерал-лейтенант, знаменитый партизан, военный

писатель, поэт, в 1812 г. полковник, командир Алтырского гусарского полка, организатор и командир армейского партизанского отряда 250, 254—260, 262, 265, 278, 296, 299, 300, 304, 310, 319, 350, 428

Даффи Христофор, английский историк и писатель, автор книги «Бородино и война 1812 г.» 14, 172

Дедем де Гельдер Антоний (1774—1825), барон, французский генерал, в 1812 г. командир бригады, ранен под Смоленском 246

Дедюлин Яков Иванович, в 1812 г. генерал-майор, начальник Ярославского ополчения 238

Де-ла-Флиз, полковой врач наполеоновской гвардии, принимавший участие в походе на Россию. Автор книги «Поход Наполеона в Россию в 1812 г.» 10

Дельбрюк Ганс-Готлиб-Леопольд (1848—1929), немецкий военный историк 12

Дельзон Алексей-Иосиф (1775—1812), французский генерал, в 1812 г. начальник 13-й дивизии в составе 4-го пехотного корпуса, убит в сражении при Малоярославце 111, 158, 164, 288

Демидов, в 1812 г. штабс-капитан лейб-гвардии артиллерийской бригады 225

Демосфен (ок. 384—322 гг. до н. э.) 425

Делдерфильд Р., английский историк, автор книг «Отступление из Москвы», «Закат империи. Падение Наполеона, 1813—1814» 14

Державин Гаврила Романович (1743—1816) 28

Дессе Жозеф-Мари (1764—1825), французский генерал, в 1812 г. начальник 4-й дивизии, ранен в сражении при Бородине, в начале 1813 г. командовал войсками в Берлине 114, 159

Дибич Иван Иванович (1785—1831), в 1812 г. генерал-майор, генерал-квартирмейстер корпуса П. Х. Витгенштейна, затем рус-

ско-прусских союзных войск, за отличие при Лейпциге произведен в генерал-лейтенанты. впоследствии генерал-фельдмаршал 343

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) 7, 233

Долгоруков-Крымский Василий Михайлович (1722—1782), генерал-аншеф, во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. главнокомандующий Крымской армией 30

Домбровский Ян-Генрих (1755—1818), польский генерал, участник восстания Костюшко 1794 г., с 1796 по 1813 г. на французской службе, в 1812 г. начальник 17-й пехотной дивизии 217, 319

Дорохов Иван Семенович (1762—1815), генерал-лейтенант, известный партизан, шеф Изюмского гусарского полка, в сражении при Тарутине командовал 1-й кавалерийской дивизией, тяжело раненный в сражении при Малоярославце, был вынужден покинуть армию 115, 198, 202, 257, 259, 261—263, 276, 277, 283, 284, 286, 288

Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1756—1816), участник войн с Наполеоном 1805—1807 гг., генерал от инфантерии, в сражении при Бородине командовал центром, а после ранения Багратиона — левым флангом армий, в 1813 г. участвовал в сражениях при Дрездене, Лейпциге, руководил блокадой Магдебурга и осадой Гамбурга, в марте 1813 г. назначен командующим войсками в Варшаве 10, 39, 50, 56, 95, 105, 106, 122, 123, 135, 152, 162, 164, 181, 185, 284, 286—288, 344, 349, 350, 372, 403

Драгунский Давид Абрамович (р. в 1910 г.), генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза, в годы Великой Отечественной войны командовал танковой бригадой 428

Дружинин Николай Михайлович (1886—1986), академик, известный советский историк 14

Дубровин Николай Федорович (1837—1904), генерал от артиллерии, историк, чл.-кор. Академии наук, член Военно-ученого комитета, редактор журнала «Русская старина» 8, 10

Дурова Надежда Андреевна (1783—1866), первая в России женщина-офицер, участвовала в войнах с Францией в 1806—1807 гг., Отечественной войне 1812 г., заграничных походах русской армии, автор «Записок кавалерист-девицы», романов и повестей 9

Дюгомье Жан-Франсуа Кокилль (1736—1794), французский дивизионный генерал, командовавший республиканской армией во время взятия Тулона 21

Евгений Савойский (1663—1736), принц, австрийский полководец 79

Екатерина II (1729—1796) 28, 33

Екатерина Павловна (1788—1819), вел. кн., сестра Александра I 90, 135, 423

Емельянов, майор в отставке, партизан 249

Ермолаев Иван, крестьянин, волостной староста деревни Бурцево Волоколамского уезда, партизан 252

Ермолов Алексей Петрович (1772—1861), генерал от артиллерии, в 1812 г. генерал-майор, начальник Главного штаба 1-й Западной армии, затем Главной армии, с декабря 1812 и в 1813 г. начальник артиллерии всех действующих армий, с 1816 по 1827 г. командир Отдельного кавказского корпуса; заподозренный в сочувствии к декабристам, в 1827 г. уволен из армии 9, 41, 98, 126, 127, 162, 183, 185, 226, 249, 277—279, 284, 286, 297, 298, 312, 319—321, 372, 403, 402, 428

Ефремов Иван Ефремович (1774—1843), генерал-лейтенант, в 1812 г. полковник, командир армейского партизанского отряда 254, 257, 259, 262, 296

Жданов Петр, московский купец 263, 264

Жерар Морис-Этьен (1773—1855), маршал Франции, в 1812 г. командовал дивизией под Смоленском. В 1834 г.—председатель совета министров Франции 164, 166

Жером (Иероним) Бонапарт (1784—1860), младший брат Наполеона I, король Вестфальский, в 1812 г. командовал одним из корпусов, но вскоре был отправлен Наполеоном в Германию 74, 88, 107

Жомини Антон-Генрих (1779—1869), или Генрих Вениаминович, в 1813 г. бригадный генерал французской армии, начальник штаба корпуса Нея, с августа 1813 г. генерал-лейтенант русской армии, состоял советником при Главной квартире Александра I, известный военный теоретик и историк 125, 282, 404, 414

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), известный русский поэт, участник войны 1812 г. 237, 256

Жюно (1771—1813), герцог д'Абрантес, в 1812 г. командир 8-го (Вестфальского) корпуса, позднее за неудачные действия при Валутиной горе был отстранен от должности и назначен правителем Иллирийской провинции 126—129, 158, 159, 163, 206, 217, 253

Засс Андрей Павлович (1761—1815), генерал-лейтенант, шеф Переяславского драгунского полка, начальник кавалерии 3-й Западной армии, отличился под Бауцепо 341

Защука Г. В., подполковник, правнук генерала Шевча И. Г., командира гвардейской кавалерийской дивизии, участвовавшего в Лейпцигском сражении 368

Иванов Павел, сотский села Лучинского Звенигородского уезда, партизан, награжден знаком отличия Военного ордена 2-2

Ивашев Петр Никифорович (1763—1838), в 1812 г. генерал-майор корпуса инженеров путей сообщения, начальник инженеров соединенных армий 201, 207, 287

Измайлов Лев Дмитриевич (1764—1834), генерал-лейтенант, в 1812 г. генерал-майор, рязанский гражданский губернатор и начальник Рязанского ополчения 239

Ильин Василий Федорович, генерал-майор, в 1812 г. командующий артиллерийскими рекрутскими резервами, в 1813 г. командующий артиллерией резервной армии 221

Иоанн (Иоганн) (1782—1859), эрцгерцог австрийский, в 1805 г. командующий австрийскими войсками, расположенными в Тироле, впоследствии фельдмаршал 36

Иорк Ганс Давид-Людвиг (1756—1828), прусский генерал-лейтенант, командующий 1-м корпусом Силезской армии, впоследствии генерал-фельдмаршал 87, 339, 340, 342—344, 347, 350, 351, 355—357

Каверин Павел Никитич (1770—1827), сенатор, в 1812—1813 гг. калужский губернатор, с осени 1812 г. одновременно и смоленский губернатор, с марта 1813 г. член комиссии для разбора дел о лицах, находившихся на службе у французов 225, 284
Кайсаров Паисий Сергеевич (1783—1844), генерал от инфантерии, в 1812 г. полковник, состоял дежурным генералом при М. И. Кутузове, в конце 1812 г. командовал авангардом в корпусе М. И. Платова 185, 212, 296

Каменский Николай Михайлович (1776—1811), генерал от инфантерии, в феврале 1810 г.—марте 1811 г. главнокомандующий Молдавской армией 59

Капцевич Петр Михайлович (1772—1840), генерал от артиллерии, командир 7-й пехотной

дивизия, участник Смоленского боя и Бородинского сражения, отличился при Тарутине, Малоярославце, Красном 164

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) 422

Карл XII (1682—1718), шведский король 83, 89

Карл-Людвиг-Поанн (1771—1847), австрийский эрцгерцог (брат императора Франца I), в 1805 г. военный министр, фельдмаршал 35, 36

Карпов Аким Акимович (1767—1838), генерал-майор, в 1812 г. командир казачьего полка во 2-й армии 126, 153, 305

Карпов, в 1812 г. генерал-майор в отставке, начальник 8-й дружины Петербургского ополчения, затем командир 2-й бригады 240, 241

Карфачевский Андрей, чиновник московского почтамта 189

Карцов Александр Петрович (1817—1875), генерал от инфантерии, профессор Военной академии, военный историк 9

Каткерт Вильям-Шоу (1755—1843), граф, английский генерал и дипломат, в 1812 г. посол в Петербурге 225, 254, 337

Кауцлер Франц фон (1794—1848), известный военный писатель, член Шведской академии военных наук 81

Келлерман Франсуа Этьенн Кристоф (1735—1820), генерал, при Наполеоне I был командующим резервными войсками во Франции 80

Кившенко Алексей Данилович (1851—1895), русский художник 8

Кинмайер Михаэль (1755—1828), генерал от кавалерии австрийской армии, в 1805 г. после соединения с русской армией командовал всей австрийской кавалерией 45

Кириллов Василий, крестьянин деревни Дурнихи Бронницкого уезда, партизан 252

Клапаред, французский генерал, командир польской дивизии 105
Клаузевиц Карл (1780—1831),

прусский военный деятель, в 1812—1813 гг. подполковник Русско-немецкого легиона, затем полковник, начальник штаба корпуса Вальмодена, впоследствии генерал-майор, известный военный теоретик и историк 148, 355, 414

Клейнмихель Андрей Андреевич (1758—1815), генерал-лейтенант, директор 2-го кадетского корпуса, во время Отечественной войны 1812 г. ему было поручено формирование пехотных полков 146, 213

Клессман Экарт, историк ФРГ, автор исследования «Поход Наполеона в Россию по воспоминаниям очевидцев» 14

Кнезебек Карл-Фридрих (1768—1848), барон, прусский фельдмаршал, в 1813 г. генерал-майор, генерал-адъютант Фридриха-Вильгельма III 354

Кнорринг Карл Богданович (1774—1817), шеф Татарского уланского полка, в 1812 г. полковник, в декабре за отличие в партизанских действиях произведен в генерал-майоры, в 1813 г. командовал кавалерийской бригадой в корпусе Винценгероде 337

Кобенцль Иоганн-Людвиг (1753—1809), с 1799 по 1801 г. австрийский посол в С.-Петербурге 42

Кожина Василиса, крестьянка, предводительница организованного ею в Смоленской губернии партизанского отряда 17, 250, 428

Козельский Яков, майор, родственник Я. П. Козельского 29

Козельский Яков Павлович (р. ок. 1728 г.—ум. ок. 1794 г.), русский просветитель, философ 28

Коленкур Арман-Огюстен-Луи (1773—1827), герцог Виценцкий, французский генерал и дипломат, с 1807 по 1811 г. посол в С.-Петербурге, в 1812—1813 гг. находился при Наполеоне, с ноября 1813 г. и в период

«ста дней» министр иностранных дел 10, 12, 71, 73, 101, 105, 110, 111, 116, 123—125, 129, 164, 166, 167, 182, 190, 217, 220, 222, 246, 248, 260, 263, 264

Кологривов Андрей Семенович (1775—1825), генерал от кавалерии, с октября 1812 г. ведал формированием кавалерийских резервных частей 217, 218

Колюбакин Борис Михайлович (1853—1914), генерал-лейтенант, военный историк 408

Компан Жан-Доминик (1769—1845), французский генерал, позднее пэр Франции, в 1812 г. начальник 5-й дивизии в корпусе маршала Даву, тяжело ранен в сражении при Бородине 159

Кондратьев Яков, крестьянин села Михайловская Слобода Бронницкого уезда, партизан, награжден знаком отличия Военного ордена 252

Коновницын Петр Петрович (1764—1822), генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г., в 1812—1813 гг. генерал-лейтенант, дежурный генерал при М. И. Кутузове и командир 3-го пехотного корпуса, отличился при Люцене и Лейпциге, впоследствии член Государственного совета, сенатор, военный министр 10, 111, 112, 122, 123, 126, 127, 160, 162—164, 182, 185, 202, 203, 207—209, 224, 243, 259, 264, 276, 278, 281, 307, 372, 403

Константи Павлович (1779—1831), вел. кн., генерал-инспектор кавалерии, с конца 1812 г. командовал резервными войсками Главной армии 106

Корнилов Петр Яковлевич (1770—1828), генерал-майор, шеф 28-го егерского полка, командир егерской бригады, затем 15-й пехотной дивизии, отличился при Бауцпе и Лейпциге 320

Корф Федор Карлович (1774—1826), генерал-лейтенант, в 1812 г. генерал-майор, командующий 2-м резервным кавале-

рийским корпусом в составе 1-й Западной армии 106
Кочубей Виктор Павлович (1768—1834), русский государственный деятель и дипломат, в 1812—1813 гг. председатель Департамента экономики Государственного совета, член Комитета по немецким делам, с марта по май 1813 г. президент Центрального совета по германским делам; впоследствии председатель Государственного совета и Комитета министров 134
Красс Марк Лициний (ок. 115—53 гг. до н. э.), римский политический деятель и полководец 425
Крылов Иван Андреевич (1769—1844) 313
Кудашев Николай Данилович (1784—1813), генерал-майор, в 1812 г. полковник, начальник партизанского отряда, в 1813 г. командовал авангардом корпуса М. И. Платова, убит под Лейпцигом 177, 178, 254, 257, 259—261, 276, 282, 296, 299, 300
Кузьмин Кузьма, крестьянин деревни Подсухойной Волоколамского уезда, партизан 252
Кульнев Яков Петрович (1763—1812), генерал-майор, один из видных кавалерийских военачальников, убит в 1812 г. 108, 255
Куракин Александр Борисович (1752—1818), член Государственного совета, с 1807 по 1808 посол в Австрии, с 1808 по 1812 г. посол во Франции 32, 67, 72, 73, 83
Курич Герасим Матвеевич, крестьянин, руководитель партизанского отряда в Богородском уезде Московской губернии, награжден знаком отличия Военного ордена 17, 252, 428
Кутайсов Александр Иванович (1784—1812), генерал-майор, начальник артиллерии 1-й Западной армии, убит в сражении при Бородине 175, 395
Кутейников Дмитрий Ефимович (1766—1844), генерал от кавалерии, наказной атаман войска

Донского, в 1808—1809 гг. полковник, командир Донского казачьего полка, в 1812 г. генерал-майор, командир казачьей бригады 108

Кутон Жорж-Огюст (1755—1794), деятель Великой Французской буржуазной революции, якобинец 21

Кутузов (Голенищев-Кутузов, Голенищев - Кутузов - Смоленский) *Михаил Илларионович* (1745—1813), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий всеми армиями, великий русский полководец 10, 13, 18, 28—35, 39—47, 49, 50, 52—54, 57—58, 60—64, 95, 104, 132, 134—140, 142—152, 154, 156, 157, 161, 164, 168—172, 175, 177—180, 183—187, 190, 191, 195—200, 202—220, 223, 224, 226, 228, 230, 231, 233, 235, 236, 238, 240, 241, 251, 252, 254, 255, 257, 259, 261, 262, 264, 265, 267—282, 285, 289—297, 299, 301—306, 310—313, 315—324, 326, 327, 334—340, 342, 345—348, 350—353, 355, 357, 359—362, 369—372, 375—379, 383, 384, 386, 388, 389, 391, 394, 398—400, 403—414, 418, 420, 422—425, 427—430

Лаба Николай Осипович (1766—1816), в 1812 г. генерал-провиантмейстер, с 1814 г. директор Провиантского департамента 178

Лабом Евгений (1783—1849), французский топограф, участвовал в походе на Россию, состоял адъютантом Богарне. В 1814 г. в Париже издал книгу «Полная реляция о походе в Россию» 190

Лавров Николай Иванович (ум. в 1822 г.), генерал от инфантерии, в 1812 г. генерал-лейтенант, командир 5-го пехотного корпуса, отличился в Тарутинском сражении 227

Лакюз Жан-Жерар (1752—1841), граф де Сессак, в 1812 г. министр военного снабжения Франции 74

Ланжерон Александр Федорович (1763—1831), французский эми-

грант, состоявший на русской службе, генерал от инфантерии, херсонский военный губернатор, одесский градоначальник, в 1812 г. командующий корпусом в армии П. В. Чичагова 342

Ланн Жан (1769—1809), герцог, маршал Франции, в 1805 г. командир 5-го пехотного корпуса 46, 52

Ланской Василий Сергеевич (1754—1831), министр внутренних дел, сенатор, в 1812 г. генерал-интендант, главноуправляющий по части продовольствия армий 219, 222

Лагур-Мобур (Лагир-Мобург) Виктор-Никола (1768—1850), дивизионный генерал, в 1813 г. командир 1-го кавалерийского корпуса, с 1819 г. военный министр Франции 64, 113, 129, 159, 162, 164, 166, 192, 281, 356

Лебедев Николай Петрович (ум. в 1813 г.), в 1812 г. генерал-лейтенант, начальник Смоленского ополчения 239

Леер Генрих Антонович (1829—1904), генерал от инфантерии, профессор, начальник Академии Генерального штаба, военный теоретик и историк 387

Ленин Владимир Ильич (1870—1924) 15, 19, 20, 23, 24, 66, 68, 72, 234, 332, 367, 374, 402, 421, 427

Леонтьев, поручик Генерального штаба 81

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) 169

Лефевр-Денуэт Шарль (1775—1822), дивизионный генерал, командир французской гвардейской копно-егерской дивизии 195

Липранди Иван Петрович (1790—1880), генерал-майор, военный историк и критик 8, 9, 190

Лихачев Петр Гаврилович (1758—1812), генерал-майор, в сражении при Бородине командовал 24-й пехотной дивизией, умер вскоре после ранения 164, 167

Ллойд Генрих (1729—1783),

английский военный теоретик и историк 404

Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758—1838), генерал от инфантерии, в 1812 г. ведал формированием резервных частей 150, 178, 184, 206, 207, 213, 215, 216, 223, 352

Лобанов-Ростовский Яков Иванович (1760—1831), с 1808 по 1816 г. малороссийский генерал-губернатор, в 1812 г. сформировал 15 украинских казачьих полков 139, 141, 146

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) 28

Лопухин Петр Васильевич (1753—1827), в 1812 г. председатель Департамента законов Государственного совета, впоследствии председатель Государственного совета и Комитета министров 134

Лористон Жак-Александр-Бернар (1768—1828), маркиз де Лоу, военный деятель и дипломат, в 1811—1812 гг. французский посол в России, в 1813 г. дивизионный генерал, командир observationalного корпуса на Висле, затем 5-го корпуса, взят в плен при Лейпциге, впоследствии маршал Франции 71, 72, 100, 191, 211, 274, 356, 364, 407

Лунин Михаил Сергеевич (1787—1845), подполковник лейб-гвардии гусарского полка, участвовал в военных действиях в 1805—1814 гг., декабрист 190

Людовик XVI (1754—1793), с 1774 г. король Франции, казнен по постановлению Конвента в январе 1793 г. 20

Людовик XVIII (1755—1824), король Франции с 1814 г., брат Людовика XVI, занял престол после падения Наполеона I 417

Мадлен Луи (1871—1965), французский историк буржуазно-консервативного направления, член Французской академии (с 1927), участвовал в первой мировой войне, в 1924—1928 — член палаты депутатов 148

Макдональд Жак-Стефан-Жо-

веш-Александр (1765—1840), герцог Таренский, выходец из Шотландии, маршал Франции, в 1812 г. командир 11-го корпуса 87, 88, 206, 216, 271, 337, 339, 340, 342, 343, 346, 364

Макк Карл (1752—1828), фельдмаршал австрийской армии, в 1805 г. генерал-квартирмейстер, с начала войны с Францией начальник штаба армии эрцгерцога Фердинанда (фактически командующий армией), капитулировал под Ульмом, военным судом был приговорен к смерти, затем помилован 37—39, 41, 42, 45, 46, 103

Малиновский Василий Федорович (1765—1814), русский публицист, просветитель-демократ, окончил Московский университет и работал в Коллегии иностранных дел, в 1790—1798 гг. написал книгу «Рассуждения о мире и войне», но она была запрещена цензурой и вышла в свет лишь в 1803 г. 25, 26

Мальтиц Леонтий Федорович (ум. в 1828 г.), генерал-лейтенант, шеф Ярославского мушкетерского полка, в 1805 г. командующий 5-й колонной Польской армии 39

Мамай, татарский хан, захвативший в 1361 г. ханский престол. В 1380 г., заключив союз с литовским князем Ягайло, предпринял поход на Москву, но 8 сентября был разбит на Куликовом поле 228

Маре Гуго-Бернард (1763—1839), герцог Бассано, французский дипломат, министр иностранных дел Франции, во время «ста дней» перешел на сторону Наполеона I 217

Мария-Луиза (1791—1847), эрцгерцогиня, вторая жена Наполеона I, дочь австрийского императора Франца I 70

Марков (Морков) Иракий Иванович (1750—1829), генерал-лейтенант, в 1812 г. начальник Московского ополчения 63, 237, 238

Маркс Карл (1818—1883) 116—118, 211, 334, 416

Мармон Огюст-Фредерик-Луи Виесс (1774—1852), герцог Рагузский, маршал и пэр Франции, в 1813 г. командир 6-го корпуса 46, 59

Махмуд II (1785—1839), турецкий султан с 1808 г. 64

Мекленбургский Карл (1776—1833), принц Шверинский, генерал-лейтенант русской службы. В Отечественную войну командовал 2-й гренадерской дивизией. Участвовал в Бородинском сражении 175

Меллер-Закомельский Петр Иванович (1755—1823), генерал от артиллерии, с 1807 по 1819 г. инспектор всей артиллерии, с 1819 г. военный министр, в 1812 г. генерал-лейтенант, начальник ополчения 2-го округа, в состав которого вошли Петербургское и Новгородское ополчения 94, 237

Мельгунов Сергей Петрович (1879—1956), русский историк и публицист 11, 190

Меринг Франц (1846—1919), деятель немецкого рабочего движения, философ, историк и литературный критик, марксист 118

Мерфельд Максимилиан (1761—1815), австрийский генерал от кавалерии, в 1805 г. командовал корпусом, в 1806—1808 гг. австрийский посол в России, в июле 1813 г. губернатор крепости Терезиенштадт, затем командир 2-го корпуса; при Лейпциге попал в плен к французам 46, 48

Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825), генерал от инфантерии, в 1812 г. начальник авангарда Главной армии, вел непосредственное преследование армии Наполеона, впоследствии петербургский генерал-губернатор, смертельно ранен 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади выстрелом декабриста Каховского 39, 48—50, 56, 123, 128, 139, 140, 142, 143, 145, 146, 149, 152, 175, 180—183, 197, 201, 206, 212, 213, 215, 223, 263, 264, 276,

287, 290, 295, 297, 301—303, 305, 307, 310—312, 318, 319, 340, 344, 349, 350, 360, 371, 372

Минин Кузьма (ум. в 1616 г.), выдающийся деятель борьбы за национальную независимость русского народа против польских интервентов в XVII в. 403
Митаревский Н. Е., поручик, артиллерист 226

Михайлов Филипп, крестьянин деревни Бурцево Волоколамского уезда, партизан, награжден знаком отличия Военного ордена 252

Михайловский - Данилевский Александр Иванович (1790—1848), генерал-лейтенант, в 1812 г. вступил в ополчение и был назначен адъютантом М. И. Кутузова, вел журнал военных действий и иностранную переписку, ранен под Тарутином и вернулся в армию лишь в 1813 г., в 1816 г. был назначен флигель-адъютантом Александра I и секретарем начальника Главного штаба, впоследствии военный историк 8, 9, 16, 117, 190, 216, 230, 233, 272, 289, 322

Михневич Николай Петрович (1849—1922), генерал от инфантерии, русский военный теоретик и историк, профессор и начальник Главного штаба 9, 148, 149, 183

Мишель, чиновник Военного министерства при Наполеоне, осужденный французским судом по обвинению в передаче секретных военных сведений дипломату А. И. Чернышеву. После отъезда Чернышева из Парижа был арестован и расстрелян 83, 84

Мишо Александр Францевич (1774—1841), генерал-лейтенант, в 1812 г. полковник, был послан М. И. Кутузовым к Александру I с вестью о сдаче Москвы, а потом с донесением о победе при Тарутине 281

Мольтке Хельмут-Карл (старший) (1800—1891), прусский военный деятель и теоретик,

с 1857 по 1888 г. начальник Генерального штаба, генерал-фельдмаршал 382

Монбрен Людовик-Пьер (1770—1812), французский генерал, командир 2-го резервного кавалерийского корпуса, убит в сражении при Бородине 102, 159, 167

Моран Луи-Шарль (1771—1835), французский генерал, командовал пехотной дивизией при Бородине, затем корпусом, впоследствии пэр Франции 103, 164, 166, 357

Моро Жан-Виктор (1763—1813), генерал, главнокомандующий французской армией в Италии, в 1799 г. разбит А. В. Суворовым в битве при Нови, в 1813 г. на русской службе; смертельно ранен в августе под Дрезденом 77

Мортье Эдуард-Адольф (1768—1835), герцог Тревизский, маршал и пэр Франции, в 1805 г. его корпус был разгромлен М. И. Кутузовым при Кремсе, в 1812 г. командовал молодой гвардией Наполеона, при занятии Москвы Наполеон назначил его генерал-губернатором, впоследствии военный министр Франции 46, 48—50, 52, 195, 295, 320

Муравьев Никита Михайлович (1796—1843), капитан гвардии, участник Отечественной войны 1812 г., один из руководителей Северного общества декабристов, автор проекта конституции Русского государства 419, 422, 426

Мусин-Пушкин Валентин Платонович (1735—1804), генерал-фельдмаршал, вице-президент Военной коллегии 30

Мюрат Иоахим-Наполеон (1771—1815), вице-король Неаполя и обеих Сицилий, маршал Франции, один из ближайших сподвижников Наполеона, в 1812 г. командовал 4-м кавалерийским корпусом, в 1813 г. под Дрезденом и Лейпцигом командовал французской конницей 48,

52, 103—105, 111, 120, 121, 126—128, 131, 156, 157, 159, 161, 180—183, 195, 197, 206, 263, 264, 275—277, 279—284, 287, 309, 313, 320, 321, 339, 346, 389

Наксути Этьен-Антуан-Мари (1768—1815), генерал-инспектор кавалерии французской армии, в 1812 г. командовал 1-м резервным кавалерийским корпусом, ранен в сражении при Бородине 102, 105, 111, 159, 162, 181

Наполеон I (Бонапарт) (1769—1821), император Франции с 1804 по 1815 г. 3, 4, 10, 12—16, 18—24, 26—28, 35—39, 41, 44—52, 54, 55, 57—59, 61, 62, 64, 66—90, 95, 97—101, 103, 105—108, 110—113, 116—118, 120—131, 137, 140, 141, 143—146, 148, 150, 152, 154—159, 161—164, 166, 168—173, 175, 176, 179—183, 186—195, 197—199, 211, 214, 216, 217, 220—222, 228, 231—236, 243, 246, 247, 249, 251, 253, 256, 257, 260, 262, 263, 268, 270, 273—276, 279, 280, 282—295, 297—300, 302—306, 308—313, 315, 318—326, 328—334, 336, 338, 340, 341, 344, 346, 352, 354, 356, 360, 362—365, 367—369, 371, 372, 374—377, 381—383, 387—390, 395, 400, 404, 407, 411, 414, 415, 417, 422, 430

Нарбонн-Лара Луи-Мари-Жак (1755—1813), генерал, адъютант Наполеона, в 1813 г. французский посол в Вене 72, 101

Нарышкина А. Н., помещица, усадьба которой была расположена у Тарутина 228

Неверовский Дмитрий Петрович (1771—1813), генерал-лейтенант, в 1812 г. командир 27-й пехотной дивизии; смертельно ранен в битве при Лейпциге 107, 120, 121, 153, 159, 160—162, 364

Невский Александр Ярославович (1220—1263), великий князь Владимирский, с молодых лет князь в Новгороде. За победу над шведами на р. Неве в 1240 г. получил прозвище «Невского». В 1242 г. с войском разбил немецкие полчища на льду Чуд-

ского озера — «Ледовое побоище» 402

Ней Мишель (1769—1815), герцог Эльхингенский, маршал Франции, в 1812 г. командир 3-го пехотного корпуса, с августа командовал группой корпусов, в конце 1812 г. вывел из России остатки «Великой армии» Наполеона, в 1815 г. участвовал в битве при Ватерлоо, взят в плен и расстрелян 88, 102, 103, 105, 120—122, 126—129, 156, 158—163, 206, 253, 285, 287, 300, 303, 305, 310, 312, 321

Нельсон Горацио (1758—1805), известный английский флотоводец, адмирал 22

Немчинов, рядовой, один из руководителей партизанских отрядов в Волоколамском уезде 252

Нечкина Милица Васильевна (1901—1985), академик, известный советский историк 14, 190

Николай I (1796—1855), император с 1825 г. 9, 328

Новак Иван Иванович (ум. в 1814 г.), генерал-майор артиллерии, в 1812 г. командовал Санкт-Петербургским артиллерийским округом; в октябре ему поручен отдельный отряд в корпусе Винценгероде 244

Новиков Николай Иванович (1744—1818), выдающийся русский просветитель, журналист и писатель 28

Новиков, отставной унтер-офицер, руководитель партизанского отряда в Волоколамском уезде 252

Норден Альберт (р. 1904), историк, профессор, в 1958—1980 гг. член Политбюро ЦК СЕПГ 368

Ностиц-Ринек Иоганн (1768—1840), фельдмаршал австрийской армии, в 1805 г. генерал-майор 45

Оденталь Иван Петрович (р. в 1776 г.) в 1812—1813 гг. переводчик и цензор иностранных газет при Петербургском почтамте 425

Ожаровский Адам Петрович (1776—1855), генерал от кавалерии, член Государственного совета Царства Польского, в 1812 г. генерал-майор; в октябре 1812 г. был назначен начальником отдельного партизанского отряда 296, 304, 311, 319

Ожеро Пьер-Франсуа-Шарль (1757—1816), герцог Кастильонский, маршал и пэр Франции, в начале 1813 г. командовал обсервационным корпусом в Берлине, затем формировал резервные части, в битве при Лейпциге командовал резервами армии Наполеона 88, 217, 304, 305, 309

Окунев Николай Александрович (1788—1850), генерал-лейтенант, военный теоретик и историк 9, 291

Окунь Семен Бенцианович (1908—1972), советский историк, доктор исторических наук 14

Ольденбургский Павел-Фридрих-Август (1783—1853), герцог, наследник, с 1829 г.—правлящий герцог Ольденбургский, дядя Александра I 66

Опперман Карл Иванович (1765—1831), инженер-генерал, член Государственного совета, директор Инженерного департамента, в 1812 г. генерал-лейтенант, инспектор инженерного корпуса 92

Орлов Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, в 1812 г. поручик, флигель-адъютант Александра I, в 1813 г. ротмистр, затем полковник гвардии, командовал партизанскими отрядами, декабрист 254, 425

Орлов-Денисов Василий Васильевич (1775—1843), в 1812 г. генерал-майор, командир лейб-гвардии казачьего полка, начальник личного конвоя Александра I, командовал партизанскими казачьими отрядами; за отличие при Лейпциге произведен в генерал-лейтенанты 103,

126, 280, 281, 297, 300, 303—305, 310

Орнано Филипп-Антуан, маршал Франции, в 1812 г. дивизионный генерал, начальник авангарда 14-й дивизии (4-го корпуса) 279, 284—286

Остен-Сакен (Сакен) фон дер Фабиа Вильгельмович (1752—1837), в 1812 г. генерал-лейтенант, командир корпуса, действовавшего в Варшавском герцогстве, позднее командовал правым крылом Силезской армии, за отличие при Кацбахе произведен в генералы от инфантерии, впоследствии генерал-фельдмаршал, главнокомандующий 1-й армией 344

Остерман-Толстой Александр Иванович (1770—1857), генерал от инфантерии, в 1812 г. генерал-лейтенант, командир 4-го пехотного корпуса 106, 111, 158, 166, 185, 280

Павел I (1754—1801) 25, 33

Пален Петр Петрович (1778—1864), генерал от кавалерии, в 1812 г. генерал-майор, начальник кавалерийской дивизии, в 1813 г. генерал-лейтенант, командующий корпусом, затем авангардом армии Витгенштейна, в 1847 г. генерал-инспектор всей кавалерии 106, 113, 319

Пальмер Алан, английский историк, автор книги «Наполеон в России. Кампания 1812 года» 14

Панин Никита Иванович (1718—1783), русский государственный деятель, видный дипломат, член Коллегии иностранных дел 379

Панин Никита Петрович (1770—1837), с 1797 по 1799 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Пруссии, в 1799—1800 гг. вице-канцлер 32

Партуно Луи (1769—1833), французский генерал, в 1812 г. командовал дивизией в корпусе маршала Виктора, взят в плен русскими войсками в сражении при Борисове 320

Паскевич-Эриванский Иван Фе-

дорович (1782—1856), в 1812—1813 г. генерал-майор, командир 26-й пехотной дивизии, командовал корпусом при осаде Модлина, за отличие под Лейпцигом произведен в генерал-лейтенанты, впоследствии генерал-фельдмаршал русской, прусской и австрийской армий 114, 115, 121, 346

Пеле Жан-Жак-Жермен (1779—1858), французский генерал и военный историк, при Наполеоне командовал бригадой 182

Пестель Павел Иванович (1793—1826), дворянский революционер, декабрист, основатель и глава Южного общества, полковник, участник Отечественной войны 1812 г. и граничных походов 1813—1814 гг. 426

Петр I (1672—1725) 92, 294, 329
Пино, французский генерал, командир Итальянской дивизии, входившей в корпус Богарне 217, 292

Пичета Владимир Иванович (1878—1947), академик, советский историк 11

Платов Матвей Иванович (1751—1818), генерал от кавалерии, атаман Донского казачьего войска, в 1812 г. командир отдельного казачьего корпуса 103, 104, 106—108, 112, 113, 115, 120, 127—128, 152, 161, 164, 182, 205, 219, 287, 290, 292, 295, 297—299, 301—304, 305, 307, 318—321, 340, 342, 343, 346, 347, 350, 371, 372, 390, 392, 395, 403

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642), выдающийся русский полководец и политический деятель 403

Покровский Владимир Александрович (1871—1931), академик, архитектор 365—366

Покровский Михаил Николаевич (1868—1932), академик, советский историк 190

Покрышкин Александр Иванович (1913—1985), советский летчик-истребитель, маршал авиации, трижды Герой Советского Союза 428

Понятовский Иосиф-Антон

(1763—1813), маршал Франции, в 1812 г. командир Польского корпуса в армии Наполеона, в 1813 г. утонул в реке Вейсе-Эльстер во время отступления французов от Лейпцига 113, 122, 123, 129, 158, 162, 197, 253, 286, 290, 295, 300—302, 309, 339, 344, 364

Попов Александр Николаевич (1820—1877), русский историк, чл.-кор. Петербургской академии наук 190

Потапов Федор (Самусь), гусар Елизаветградского полка, организатор крупного партизанского отряда в Гжатском уезде 17, 250

Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), генерал-фельдмаршал, во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. главнокомандующий Екатеринославской, а с 1789 г.—Соединенной армией 31

Потемкин Яков Алексеевич (1781—1831), генерал-лейтенант, в 1812 г. полковник, затем генерал-майор, шеф 48-го егерского полка, командир бригады в составе 30-го и 48-го егерских полков 202

Прадт Доминик-Дюфур (1759—1837), аббат, французский дипломат и публицист 332

Прендель Виктор Антонович (1766—1852), генерал-майор, выходец из Тироля, на русской службе с октября 1804 г., в 1812 г. подполковник, отличился в партизанских действиях и в сражениях при Люцене и Лейпциге, комендант Лейпцига 350

Прозоровский Александр Александрович (1732—1809), генерал-фельдмаршал, с 1807 г. главнокомандующий Молдавской армией 59

Прянишников Илларион Михайлович (1840—1894), русский художник 8

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) 194, 256, 376

Пюбюск, генерал французской армии, в 1812 г. ведал интен-

дантской частью, взят в плен русскими войсками под Красным 235

Раевский Владимир Федосеевич (1795—1872), русский поэт, публицист, декабрист, участник войны 1812 г., майор 425

Раевский Николай Николаевич (1771—1829), генерал от кавалерии, в 1812 г. генерал-лейтенант, командир 7-го пехотного корпуса, в Бородинском сражении прославился упорной защитой центрального редута, вошедшего в историю под названием «батарея Раевского» 10, 114, 115, 121, 122, 151, 153, 157, 158, 160—164, 166—169, 174, 175, 185, 197, 289, 390, 394, 398, 403

Разумовский Андрей Кириллович (1752—1836), посол в Вене, в 1814—1815 г. возглавлял русскую делегацию на Венском конгрессе 40—42, 46

Рапп Жан (1772—1821), граф, французский дивизионный генерал, ранен в сражении при Бородне 292

Ренье Жан-Луи (1771—1814), французский дивизионный генерал, в 1812 г. командир 7-го (Саксонского) корпуса, в 1813 г. при отступлении французов от Лейпцига взят в плен союзными войсками 206, 216, 269, 339, 344, 349

Репнин-Волконский (Репнин) Николай Григорьевич (1778—1845), генерал-майор, в 1812—1813 гг. командовал авангардом корпуса Витгенштейна, за отличие при взятии Берлина произведен в генерал-адъютанты, с октября 1813 г. генерал-губернатор Саксонии 356

Репнинский Сергей Яковлевич (1775—1819), генерал-лейтенант, в 1805 г. генерал-майор, шеф Новгородского мушкетерского полка 39

Робеспьер Максимилиан-Мари-Изидор (1758—1794), выдающийся деятель Великой Французской буржуазной революции, один из вождей якобинцев 21

Робеспьер Огюстен-Бон-Жозеф (Робеспьер—младший) (1763—1794), французский политический деятель, брат и соратник М. Робеспьера 21

Розен Григорий Владимирович (1782—1841), генерал от инфантерии, в 1812 г. генерал-майор, бригадный командир лейб-гвардии Преображенского и Семёновского полков, впоследствии член Государственного совета 311

Роос Генрих, врач французской армии, участник наполеоновского похода в Россию 10, 189, 190, 248

Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826), генерал от инфантерии, член Государственного совета, в 1812 г. московский военный губернатор и главнокомандующий в Москве 10, 11, 132, 136, 140, 142, 144, 145, 177—179, 184, 189, 190, 209, 212, 235, 237, 238

Рубо Франц Алексеевич (1856—1928), русский художник-баталист 8

Румянцев Николай Петрович (1754—1826), сын полководца П. А. Румянцева, дипломат, в 1808—1814 гг. министр иностранных дел, с 1809 г. канцлер 83, 85, 90, 100, 405

Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796), генерал-фельдмаршал, великий русский полководец 29, 30, 33, 37, 96, 294, 373, 379, 391, 425, 430

Русанов Василий Акимович (1779—1861), генерал-майор, в 1812 г. начальник 8-го корпуса внутренней стражи, в апреле 1812 г. ему было поручено формирование шести полков в Рязани, Тамбове и Воронеже, которые в сентябре 1812 г. влились в армию 207, 215, 339

Рыбалко Павел Семенович (1894—1948), маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза 427

Сакен см. Остен-Сакен
Салтыков Николай Иванович

(1736—1816), генерал-фельд-маршал, с 1812 г. председатель Комитета министров и Государственного совета 133, 134, 150, 178, 336

Самусь см. *Потапов Федор Свербеев Дмитрий Николаевич* (1799—1876), русский историк 190

Себастиани де ла Парта Орас (1775—1851), французский дивизионный генерал, командир 2-го кавалерийского корпуса, позднее маршал Франции 59, 120

Свердлов Яков Михайлович (1885—1919) 427

Сезюр Филипп-Поль (1780—1873), генерал, французский военный деятель и писатель, в 1812 г. состоял в свите Наполеона 10, 121, 180, 182, 183, 190, 283, 286, 291, 292, 302, 306

Семенов Герасим, крестьянин деревни Подсухиной Волоколамского уезда, партизан, награжден знаком отличия Военного ордена 252

Сен-Жермен, генерал, в 1812 г. командовал французской 1-й кирасирской дивизией 111

Сен-Жюст Луи Антуан (1767—1794), деятель Великой Французской буржуазной революции, один из руководителей якобинцев, друг М. Робеспьера 21

Сен-Сир Лоран-Гувион (1764—1830), маршал Франции, в 1812 г. его 6-й корпус был разбит при Полоцке, в 1813 г. командир 14-го корпуса, в 1817—1819 гг. военный министр 206, 216, 269, 271, 315, 316

Сеславин Александр Никитич (1780—1858), генерал-лейтенант, в 1812 г. полковник, командир Сумского гусарского полка, затем начальник партизанского отряда, в сентябре 1813 г. произведен в генерал-майоры 202, 254, 257, 260, 262, 276, 278, 279, 283, 286, 296, 299, 300, 302, 304, 310, 319, 320, 408, 428

Сиверс Карл Карлович (1772—1856), генерал-лейтенант, в 1812 г. генерал-майор, началь-

ник 9-й кавалерийской дивизии и одновременно командовал 4-м кавалерийским корпусом 114

Скобеев Иван (Иоанн), священник соборной церкви в г. Верее, один из организаторов партизанской борьбы крестьян против наполеоновских войск в 1812 г., награжден знаком отличия Военного ордена 262

Скотт Вальтер (1771—1832), английский писатель 169, 256

Сорель Альбер (1842—1906), французский историк 148

Софронов Анатолий Владимирович (р. 1911), советский поэт и драматург 366

Сталин Иосиф Виссарионович (1879—1953) 402

Строганов Павел Александрович (1774—1817), генерал-лейтенант, в 1812 г. командовал авангардом в армии Беннигсена, затем отрядом в корпусе Ф. Ф. Влценгероде 280

Стулов Егор Семенович, крестьянин, голова Вохнинской экономической волости Богородского уезда, один из организаторов партизанских отрядов на территории Московской губернии в 1812 г., награжден знаком отличия Военного ордена 17, 252

Суворов Александр Васильевич (1730—1800), генералиссимус, великий русский полководец 22, 23, 30, 31, 33, 34, 37, 95, 132, 255, 294, 298, 373, 379, 381, 389, 391, 400, 403, 408, 412, 420, 430

Сульт де Дье Никола-Жан (1769—1851), маршал Франции, в 1805 г. командовал 4-м пехотным корпусом в армии Наполеона, позже военный министр при Людовике XVIII и Людовике-Филиппе, в период «ста дней» вернулся на службу к Наполеону и был начальником Главного штаба 46, 48, 52

Сюррюс, аббат 189, 190

Талейран Перигор-Шарль-Морис (1754—1838), князь Беневентский, французский государственный деятель и дипломат 70

Тарле Евгений Викторович (1875—1955), академик, известный историк 13, 176, 190, 233
Тевганс, рядовой 9-го гусарского полка 279

Теттенборн Фридрих-Карл (1778—1845), в августе 1812 г. принят из австрийской армии в русскую, в 1813 г. полковник, затем генерал-майор, командир армейского партизанского отряда 348

Тимофеев Сидор, крестьянин села Михайловская Слобода Бронницкого уезда, награжден знаком отличия Военного ордена 252

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) 7, 52, 66, 176, 190

Толстой Петр Александрович (1761—1844), генерал от инфантерии, в 1812 г. генерал-лейтенант, командующий резервными войсками в приволжских губерниях, начальник Нижегородского ополчения 237, 242

Толь Карл Федорович (1777—1842), в 1812—1813 гг. генерал-майор, генерал-квартирмейстер Главной армии, с августа 1813 г.— Богемской армии, за отличие при Лейпциге произведен в генерал-лейтенанты 119, 126, 128, 185, 196

Томский Николай Васильевич (1900—1984), советский скульптор, народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий, Герой Социалистического Труда 429

Тормасов Александр Петрович (1752—1819), генерал от кавалерии, в 1812 г. главнокомандующий 3-й Резервной армией, затем состоял при Главной квартире, с 1815 г. военный губернатор Москвы 97, 135, 143, 179, 196, 198, 205, 268, 272, 341, 344, 350

Троцицкий Дмитрий Проккофьевич (1754—1829), статс-секретарь Екатерины II, с февраля 1812 г. предводитель дворянства Полтавской губернии.

с 1814 по 1817 г. министр юстиции 302, 317

Труссон Христиан Иванович (1746—1813), генерал-лейтенант, в 1812 г. инженер-генерал-майор, начальник инженеров 1-й Западной армии 128

Тургенев Николай Иванович (1789—1871), писатель, декабрист, в 1812—1813 гг. состоял при прусском государственном деятеле Штейне, президенте Административного совета для союзных государств Северной Германии 422, 426

Турно, французский генерал, командир кавалерийской бригады в 1812 г., убит в бою при местечке Мир 108

Тутолмин Иван Акинфиевич, генерал-майор, начальник воспитательного дома в Москве в 1812 г. 190

Тучков 1-й Николай Алексеевич (1761—1812), в 1812 г. генерал-лейтенант, командовал 3-м пехотным корпусом, смертельно ранен в сражении при Бородине 106, 160, 162, 169, 175

Тучков 2-й Сергей Алексеевич, в 1812 г. генерал-майор, дежурный генерал армии П. В. Чичагова, затем командир корпуса 337

Тучков 3-й Павел Алексеевич (1776—1864), член Государственного совета, в 1812 г. генерал-майор, командир бригады, в августе 1812 г. тяжело ранен в бою у Лубина (под Смоленском) и взят в плен 126, 127, 131, 156, 254

Тыров Яков Иванович, в 1812 г. генерал-лейтенант, начальник Тверского ополчения 238

Тьер Луи-Адольф (1797—1877), французский политический деятель и историк 12

Тэрконель, лорд, секретарь английского посольства в России, в 1812 г. находился в русской армии 225, 226, 265

Тюрени Анри де ла Тур д'Овернь (1611—1675), маршал Франции, выдающийся полководец второй половины Тридцатилетней войны

тилетней войны 1618—1648 гг. в Германии и в других войнах, во французской армии первым ввел магазинную систему снабжения 79

Уваров Федор Петрович (1769—1824), генерал от кавалерии, член Государственного совета и шеф Кавалергардского корпуса, в 1812—1813 гг. генерал-лейтенант, начальник кавалерии Главной армии (кроме кирасирских дивизий) 106, 111, 152, 161, 164, 185, 301, 302, 388, 390, 392

Удино Шарль-Никола (1767—1847), герцог Реджио, маршал Франции, в 1812 г. командир 2-го пехотного корпуса, при отступлении французской армии прикрывал переправу Наполеона через Березину, после падения Наполеона перешел на сторону Бурбонов 48, 52, 88, 102, 105, 106, 316, 319—321

Урланис Борис Цезаревич (р. в 1906 г.), советский демограф, доктор экономических наук 416
Урусов Николай Юрьевич (р. в 1767 г.), генерал-майор, командир бригады 3-го корпуса Резервной армии 216, 223, 276, 337, 339, 351

Ушаков Николай Александрович (ум. в 1842 г.), генерал-майор, в 1812 г. формировал в Калуге резервные полки (после М. А. Милорадовича), в 1813 г. командовал бригадой 1-го корпуса Резервной армии 207, 213, 215

Федоров Михаил, волостной писарь, крестьянин Серединской волости Волоколамского уезда, партизан, награжден знаком отличия Военного ордена 252

Фердинанд-Карл-Иосиф (Фердинанд) (1781—1850), австрийский фельдмаршал, во время войны с Францией в 1800 г. командовал корпусом австрийской армии, действовавшим в Варшавском герцогстве 42

Фигнер Александр Самойлович (1787—1813), известный партизан, в 1812 г. штабс-капитан, в 1813 г. полковник, командир армейского партизанского отряда, погиб при переправе через Эльбу у г. Дессау 202, 254, 257, 259—262, 276, 277, 284, 296, 299, 300, 302, 304, 310

Франц I Иосиф-Карл (1768—1835), с 1792 по 1806 г. император Священной Римской империи под именем Франца II, с 1806 по 1835 г. император Австрии 39, 42, 44, 49, 54, 56, 344
Фридрих II (1712—1786), с 1740 г. прусский король, полководец 79, 232, 414

Фридрих-Вильгельм III (1770—1840), с 1797 г. прусский король 58, 81, 86, 99, 343, 344, 354, 357, 362

Фуль Карл-Людвиг-Август (1757—1826), прусский генерал, с 1806 г. на русской службе, военный советник Александра I 98, 99, 108

Харкевич Владимир Иванович (р. в 1856), генерал-майор, военный историк 9, 322

Цезарь см. Юлий Цезарь

Чайковский Петр Ильич (1840—1893) 8

Чаплиц Ефим Игнатьевич (1768—1825), генерал-лейтенант, в 1812 г. командовал пехотным, а затем авангардным корпусом 3-й Западной армии 320, 341

Чарторыйский (Чарторижский) Адам Адамович (Адам-Юрий) (1770—1861), член Государственного совета, один из ближайших советников Александра I, с 1802 по 1824 г. попечитель Виленского округа 46, 54, 99

Чернышев Александр Иванович (1785—1857), генерал от кавалерии, военный министр, председатель Государственного совета и Комитета министров, в 1812 г. полковник, затем генерал-майор, командир легко-

конного отряда в армии П. В. Чичагова, в 1812 г. командир армейского партизанского отряда 61, 83, 84, 271, 272, 343, 347, 348, 356, 357

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889), русский революционный демократ, философ-материалист, писатель и литературный критик 7, 17. 233
Четвертаков (Четвертак) Ермол Васильевич (р. в 1781 г.), солдат, организатор крестьянского партизанского отряда в Гжатском уезде Смоленской губернии 17, 250

Чичагов Павел Васильевич (1767—1849), адмирал, в 1807—1811 гг. морской министр, с 1812 г. главнокомандующий Дунайской, затем 3-й Западной армией 10, 135, 140, 143, 149, 179, 196, 198, 204, 205, 268—273, 328, 337, 339—342, 346, 347, 359, 383

Чичерин Александр Васильевич (1793—1813), офицер Семеновского полка, участник Отечественной войны 1812 г., убит в сражении под Кульмом в 1813 г. 371, 409

Чоголков Павел Николаевич (1770—1832), в 1812 г. генерал-майор, командир 11-й пехотной дивизии, затем 1-й гренадерской, за отличие при Лейпциге произведен в генерал-лейтенанты 302

Чуйкевич Петр Андреевич, в 1813 г. полковник, военный историк и переводчик 326

Чэндлер Давид, английский историк, профессор Санджерстского военного колледжа 14, 89, 292, 323—325, 330

Шамбре, французский бригадный генерал, участник наполеоновских войн, военный писатель 12

Шарнгорст Герхард-Давид (1755—1813), прусский генерал, государственный деятель и военный реформатор, в 1809—1810 гг. военный министр, в 1813 г. генерал-лейтенант, ге-

нерал-квартирмейстер прусской армии, смертельно ранен в сражении под Люценом 86, 334, 355, 356, 358

Шарпантье Анри-Франсуа-Мари (1769—1824), французский дивизионный генерал, в 1813 г. командир 2-го корпуса 308

Шаховской Иван Леонтьевич (1776—1860), в 1812 г. генерал-майор, командир 3-й пехотной дивизии, отличился при Калише и Бауцене, за отличие при Лейпциге произведен в генерал-лейтенанты 159

Шварценберг Карл-Филипп (1771—1820), австрийский фельдмаршал, в 1812 г. командир австрийского корпуса в армии Наполеона 87, 88, 206, 216, 271, 299, 316, 317, 337, 339, 344, 363

Шевич Иван Георгиевич (1754—1813), генерал-майор, в 1812 г. командир легкой гвардейской кавалерийской дивизии, убит в сражении при Лейпциге 366

Шепелев Василий Федорович (ум. в 1813 г.), в 1812 г. генерал-лейтенант, начальник Калужского ополчения 239, 278, 341, 343

Шильдер Николай Карлович (1842—1902), русский генерал-лейтенант, историк 57

Шишков Александр Семенович (1754—1841), адмирал, в 1812 г. государственный секретарь и член Комитета по делам ополчений, впоследствии президент Российской академии наук и министр народного просвещения 109, 236

Штейн Генрих-Фридрих-Карл (1757—1831), прусский государственный деятель и реформатор, в 1813 г. президент Административного совета для союзных государств Северной Германии 334, 343, 355

Штейнгель Владимир Иванович (1783—1862), в 1812—1813 гг. офицер С.-Петербургского ополчения, участвовал в осаде Данцига, впоследствии декабрист 316, 420, 426

Штейнгель Фаддей Федорович (1762—1831), генерал от инфантерии, генерал-губернатор Финляндии, в 1812 г. генерал-лейтенант, командир корпуса 206, 269, 271, 341

Штраубе Фриц, историк ГДР, автор исследования «Весенняя кампания 1813 года» 14, 357

Штраух (ум. в 1836), фельд-маршал австрийской армии, в 1805 г. генерал-майор, с начала войны вплоть до прибытия русской армии в Ольмюц ведал обеспечением русской армии продовольствием 40—42

Шувалов Павел Андреевич (1774—1823), генерал-лейтенант, в 1812 г. командир пехотного корпуса 73

Щербинин Александр Андреевич (1791—1876), в 1812 г. офицер квартирмейстерской части в канцелярии М. И. Кутузова 145, 202

Шукин Петр Иванович (1557—1912), известный коллекционер картин и рукописей, публикатор исторических документов 10, 11

Эжмюльский, князь см. *Даву*
Эльхингенский, герцог см. *Ней*
Энгельс Фридрих (1820—1895) 69, 78, 234, 333, 335, 416, 417
Энгиенский (*Ангиенский*) *Луи-Антуан-Анри* (1772—1804), герцог, французский принц, представитель династии Бурбонов, расстрелян по приказу Наполеона 27

Эртель Федор Федорович (1767—1825), генерал от инфантерии, в 1812 г. генерал-лейтенант, командир 2-го резервного корпуса, затем военный генерал-полковник действующей армии 270, 271

Эссен Александр Александрович (ум. в 1805 г.), генерал-лейтенант, шеф Черниговского драгунского полка 39

Эссен Иван Николаевич (1759—1813), генерал-лейтенант, в 1805 г. командовал корпусом, в начале октября выступил на соединение с армией М. И. Кутузова, в апреле 1807 г. уволен по болезни 53

Эссен Петр Кириллович (1772—1844), генерал от инфантерии, в 1812 г. генерал-лейтенант, командир корпуса в Дунайской армии П. В. Чичагова 95, 337

Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.), римский полководец, военный историк 77, 79, 81

Юрковский Анастасий Антонович (р. в 1752 г.), генерал-лейтенант, в 1812 г. генерал-майор, командовал авангардом в корпусе М. А. Милорадовича 305

Яковлев Иван Алексеевич (1767—1846), отставной капитан, отец А. И. Герцена 190

Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), декабрист, член Северного общества, в 1812 г. подпрапорщик лейб-гвардии Семеновского полка 247

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абукир, дер. 22
Австрия 19, 20, 22—24, 27, 30,
34—38, 40—42, 44, 46, 49, 51, 55,
58, 71, 85, 87, 91, 98, 329, 333,
335, 338, 344, 361—363, 369, 375,
405, 417
Адда, р. 35
Азия 253
Аккерман, креп. (ныне г. Белго-
род-Днестровский) 59, 64
Аландские о-ва 65
Александрия, г. 22, 23
Алексеево, сел. 305
Алексин, г. 249
Алушта, мест. (ныне г.) 80
Альпы, горы 44
Альтенбург (Алтенбург, Алтен-
бурх), г. 360, 361, 369, 382
Амштеттен, г. 38, 47—49
Амьен, г. 24
Англия 12, 19, 20, 22—27, 30, 32,
35, 36, 58, 67—70, 72, 87, 91, 98,
224, 225, 323, 324, 335, 337, 338,
405, 417
Арзамас, г. 215, 216, 221, 225, 276
Аристово, сел. 284, 287
Арколе, сел. 22
Астраханская губ. 214
Аугест, дер. 54
Аустерлиц (ныне г. Славков),
мест. 4, 55—58, 76, 88, 158, 375
Ауэрштадт (Ауерштедт), мест.
58, 76, 88, 375

Бабиновичи, г. 120
Бавария 35, 38, 39
Багратионовский проезд 428
Балашадьярмат, г. 56
Балканы, горы 26, 70
Балтийское море 83, 341, 368
Басманы, дер. 250
Бауцен (Баутцен), г. 360, 362
Белица, мест. 104
Белоруссия 235, 246
Белосток, г. 130, 340
Белостокская губ. 130
Белый, г. 249
Бельгия 337

Бельский уезд 249
Бендеры, креп. и г. 59, 64
Березина, р. 4, 82, 92—94, 316,
225, 271, 307, 314, 315, 317—321,
323, 331, 372, 381, 430
Березино, м. 321
Берлин, г. 32, 44, 58, 349—351,
354, 356, 357, 360, 361, 422, 427
Бессарабия, обл. 64, 65
Бешенковичи, мест. 109, 111
Бобр, сел. 319
Бобруйск, креп. и г. 91, 92, 94,
106, 107, 113, 114, 117, 217
Богородск, сел. 206, 253
Богородское, сел. 277, 281
Бозеницкий ручей 55
Борисов, г. 91, 92, 104, 113, 271,
315, 316, 319—321, 327, 429
Боровск, г. 204, 257, 276, 284,
286—288, 290, 291, 295, 300, 327
Боровская дор. 254, 262, 278, 283,
287
Бородино, сел. 3, 4, 14, 18, 147—
149, 152, 153, 157, 158, 164,
170—172, 176—183, 186, 188,
192, 213, 221, 222, 224, 238, 239,
271, 291, 296, 372, 388, 394, 397,
425, 427, 429, 430
Босфор, пролив 32
Браилов, креп. и г. 59
Бранденбург, г. 355
Браунау, г. 38, 42, 44—46, 49, 51,
52, 411
Брацлав, г. 91
Бредихино, сел. 125, 126
Бреславль (Бреслав, Бреслау,
ныне Вроцлав), г. 354, 360, 362
Брест (Брест-Литовск, Брест-Ли-
товский), г. 82, 91, 340, 352, 368
Британия 322
Британские о-ва 26
Броды, мест. 38
Бромберг (ныне Быдгощ), г. 347,
348
Бронницкий уезд 252
Бронницы, г. 186, 253
Брюнн (Бринн, Брюн, ныне
Брно), г. 38, 51, 52, 54

- Брянск, г. 204, 243
 Буг, р. 31, 271, 339
 Булонь, г. и порт 26
 Бунцлау (ныне Болеславец), г. 360, 362, 427
 Бухарест, г. 59, 64
 Быково, дер. 295, 301
 Быхов см. Новый Быхов и Старый Быхов
- Валахия, обл. 64, 69, 205, 352
 Валужева, дер. 155
 Валутина гора 127
 Варшава, г. 44, 82, 84, 260, 332, 339, 340, 344, 347, 349, 369, 386
 Варшавское герцогство 69, 71, 83, 417
 Ватерлоо, селен. 182, 372
 Вахау, дер. 364
 Вац, г. 56
 Везувий, вулкан 123
 Вейсе-Эльстер, р. 364
 Велиж, г. 120
 Великобритания 324, 328
 Вельс, г. 47
 Вена, г. 33, 36, 42, 44, 45, 47, 49—52
 Венгрия 55, 56
 Венеция, г. 417
 Верея, г. 206, 253, 261, 262, 291, 295
 Вилейка, г. 104, 107
 Виленская губ. 117
 Вилленберг, г. 405
 Вилькомир, г. 105, 106, 337
 Вильненская губ. 130
 Вильно (Вильна, ныне Вильнюс), г. 82, 88, 89, 91, 98, 100, 101, 103—106, 110, 130, 133, 210, 217, 231, 248, 260, 271, 315, 318, 322, 327, 330, 337, 351, 395, 410, 423
 Винково (Винкова), дер. 201, 281
 Висла, р. 88, 100, 104, 217, 292, 337—339, 342—346, 348, 351, 359, 370, 371
 Витебск, г. 82, 109—113, 117, 119, 120, 130, 133, 158, 220, 221, 235, 248, 249, 305, 327, 330
 Витебская губ. 117, 130
 Вишау, мест. (позднее г.) 38, 47
 Вешнев, мест. 107
 Вешневское, сел. 259
 Владимир, г. 95, 150, 212, 214, 215, 223
- Владимирская губ. 215, 227, 236, 238, 242
 Владимирская дор. 262
 Волга, р. 427
 Волковыск, г. 106
 Волокова, дер. 120
 Волоколамск, г. 253, 257
 Волоколамский уезд 252
 Волинская губ. 133
 Вольнь, обл. 38, 97, 205
 Воль, р. 304—306, 314, 327
 Ворни, крепость-депо 91
 Воронеж, г. 95, 150, 214, 215
 Воронежская губ. 215, 221, 227
 Вороново, сел. 204, 212, 263, 276, 277, 279, 281, 285, 287
 Восточная Пруссия 83, 337—344, 346, 347, 355, 368, 369, 383
 Вяземский уезд 248, 249
 Вязьма, г. 128, 131, 144, 248, 251, 257, 290, 292, 293, 295, 296, 298—304, 306, 307, 314, 318, 323, 327, 429, 430
 Вятка (ныне Киров), г. 244
 Витская губ. 237, 242
- Галац, г. 59
 Галиция, обл. 38, 54—56
 Галлия 81
 Гамбург, г. 357
 Гашновер, г. 27, 35
 Гвиана 417
 ГДР 14, 357, 367
 Гельсингфорс (ныне Хельсинки), г. 214
 Герлиц (Горлиц), г. 427
 Германия 7, 12, 27, 30, 83, 98, 333, 334, 343, 345, 355, 356, 358, 367, 368
 Гжатск (ныне Гагарин), г. 140, 142, 144—146, 149, 154, 175, 235, 238, 244, 250, 251, 257, 260, 296, 297, 299, 300, 314, 429
 Гжатский уезд 248—250
 Глогау (ныне Глогув), креп. и г. 100, 349, 359, 369, 371
 Глодово, дер. 201
 Глубокое, мест. 108, 110
 Глухов, г. 141
 Гнезно, г. 346
 Голландия 20, 23, 27, 30, 417
 Голь, о. 63
 Гольдбах, ручей 55
 Горки (Горка), дер. 115, 151, 152
 Городня, сел. 290
 Горошки, дер. 34, 133

- Гродненская губ. 117, 130
 Гродно, г. 82, 88, 91, 104, 106, 130, 340, 368
 Гродзянка, мест. 318
 Гумбиннен (ныне г. Гусев), мест. 100, 341, 342
- Далмация, обл. 59
 Данциг (ныне Гданьск), порт и г. 71, 84, 88, 100, 339, 340, 343, 346, 350, 352, 359, 371, 383, 386
- Дашковка, дер. 115
 Двина (ныне Гданьск), 117, 216, 217, 269, 271, 308, 316, 317
- Дедня, дер. 201
 Дессау, г. 360
 Детчино, дер. 290, 293
- Динабург (Двинск, ныне Даугавпилс), г. 90, 92, 94, 100
 Диршау (ныне Тчев), г. 343
 Дисна, р. 106
 Дисна, сел. (ныне г.) 94
 Дмитров, г. 238, 243, 253
 Дмитровская дор. 257, 262
 Дмитровское, селен. 275
 Днепр, р. 82, 90, 114, 115, 120—124, 126—128, 131, 203, 204, 312, 315—317
- Днестр, р. 26, 59
 Добржин (Добржинов), мест. 344, 349
- Доброе, дер. 311
 Докщицы, г. 108
 Дон, р. 219, 244, 276
 Донская обл. 219
 Дорогобуж, г. 128, 131, 140, 143, 235, 239, 251, 302
 Дорогобужский уезд 248
 Дрезден г. 100, 101, 352, 356, 357, 360—363, 427
- Дризен, мест. 348
 Дрисса, креп. и г. 92, 94, 106, 108, 110, 327
- Друя, мест. 90, 92
 Дуброва, сел. 301
 Дубровна, мест. 115, 312
 Дунай, р. 35, 36, 38, 42, 47—52, 59—63, 65
- Духовщина, г. 305
 Духовщинская дорога 305
 Дюрнштейн (Дирштейн), селен. 50
- Европа 19, 20, 22, 23, 26, 27, 66, 67, 69, 74, 75, 80, 81, 89, 101, 102, 125, 171, 200, 220, 228, 233, 253, 256, 324, 329, 332—336, 338, 345, 362, 365, 368, 372, 374, 377, 382, 405, 406, 409, 417, 422, 427, 428
- Египет 22, 23
 Егорьевское, сел. 295, 301
 Елены святой, о-в 79
 Ельненский уезд 250
 Ельня, г. 203, 288, 295, 304
 Ельня, дер. 155
- Жабино, дер. 125
 Жижморы, мест. 104
 Жилино, дер. 196
 Житомир, г. 91
 Жуково, дер. 180
 Журжа (ныне Джурджу), креп. и г. 59, 64
- Заале (Зала, Саала), р. 361
 Забашевичи, мест. 320, 321
 Закавказье 64
 Зальцбург, г. 46
 Замостье, креп. 352
 Западная Двина, р. 82, 90—91, 93, 94
 Западная Европа 18, 36, 37, 58, 82, 329, 332—334, 338, 362, 374, 381, 405, 412
- Западная Германия 58
 Западная Пруссия 355
 Западный Буг, р. 97
 Звенигород, г. 253
 Звенигородский уезд 251
 Зембин, мест. 319, 321
 Злобнево, мест. 193
 Зодново, дер. 250
 Зубцов, г. 244
 Зунд, пролив 67
 Зыколино, дер. 125
- Игумен (ныне Червень), г. 113, 321
 Ижевск, г. 203
 Ижора, р. 140
 Измаил, креп. и г. 31, 59, 64, 240, 411
- Изюм, г. 141
 Инд, р. 81
 Индия 89
 Инн, р. 35, 42, 46
 Инстербург (ныне Черняховск), г. 342
- Ионические острова 23, 417
 Иртыш, р. 366

- Испания 20, 69, 70, 75, 89, 330, 407, 416
 Истья, р. 201, 202
 Италия 22, 23, 27, 35, 80, 130, 240, 333, 337, 417
 Йена (Иена), г. 58, 76, 88, 375
 Кавказ 132, 427
 Кагул, р. 425
 Казанская губ. 237, 242
 Казань, г. 67, 214
 Каир, г. 22
 Калининградская обл. 428
 Калиш, г. 344, 349—352, 354, 360, 371
 Калуга, г. 139—142, 180, 197, 203, 204, 207, 213, 215, 225, 243, 250, 263, 264, 275, 283—290, 292, 293, 304, 399, 429
 Калужская губ. 215, 225, 226, 236, 239, 242, 251, 252
 Калужская Новая дор. 278, 279, 283, 284—286, 399
 Калужская Старая дор. 201, 204, 270, 278, 285—287, 399
 Калушино, мест. 251
 Каменец-Подольский, г. 91
 Каменское, сел. 262, 278
 Камин, мест. 348
 Камчатка, полуостров 73
 Кареличи, дер. 108
 Карпаты, горы 53
 Касимовская дор. 243
 Каспля, озеро 120
 Катань (Катон), дер. 120
 Кашира, г. 243
 Кенигсберг (ныне Калининград), г. 84, 100, 340—344, 358, 383
 Киев, г. 57, 82, 91, 92, 94, 214, 352
 Киевская губ. 225, 255
 Килия, креп. и г. 59, 64
 Клемятино, сел. 305
 Клин, г. 238, 243, 253
 Клинская дор. 196
 Князьково, дер. 153, 392
 Кобельниц, дер. 54
 Ковно (ныне Каунас), г. 82, 85, 88, 91, 100—103, 116, 327, 368
 Коломна, г. 239, 243, 253
 Колоцкий монастырь 299
 Колоча (Калочь), р. 153, 157, 158, 164, 169, 397
 Конин, мест. 349
 Ковотоц, г. 141
 Константинополь (ныне Стамбул), г. 31, 59, 61, 62, 64, 91
 Кончанское, сел. 34
 Корсаково, дер. 229
 Копысь, мест. 255, 318
 Костено, сел. 350
 Кострома, г. 95, 150, 214, 215, 220, 221
 Костромская губ. 227, 237, 242
 Котово, сел. 283
 Кочеришки, дер. 106
 Кошаево, г. 125
 Краков, г. 38, 344
 Красная Пахра, сел. 195, 198, 207, 211, 215, 269, 270, 285
 Красненский уезд 249
 Красный (ныне с. Красное), г. 120, 121, 307, 309—315, 318, 323, 327, 335, 372, 430
 Крахоткино, дер. 125
 Кременское, сел. 295
 Кремс, г. и р. 4, 38, 47, 49—52
 Кронштадт, г. и порт 68
 Кроссен (ныне Красно-Оджаньске), г. 351
 Круглое, мест. 336
 Крутица (Крутицы), дер. 180
 Круча, сел. 277
 Крым 30, 58, 64
 Крымское, сел. 181
 Кульм, сел. 409
 Курляндия, обл. 235, 247
 Курская губ. 215, 227
 Курская дуга 381
 Кутьково, дер. 311
 Кюстрин (Кистрин, ныне Костшин), креп. и г. 348, 350, 359, 369
 Ла-Манш, пролив 26, 39
 Ламбах, г. 47, 48
 Ландсберг, мест. 348
 Лановец, креп. 91
 Латвия 235
 Лаубан, г. 427
 Лейпциг, г. 4, 352, 356, 360, 361, 363—365, 367—369, 372, 382, 427
 Ленинград, г. 429
 Ленинградская обл. 240
 Лепель, г. 316, 321
 Леташовка, дер. 201, 202, 278, 285, 287
 Либава (ныне Лиепая), порт и г. 91
 Либяу (Либань), мест. 343
 Лигниц (ныне Легница), г. 360

- Лида, г. 97, 104
 Линденау, мест. 364
 Линц (Линиц), г. 49
 Лиозно, дер. 120
 Лиссабон, г. 417
 Литва 110, 235, 246
 Лоди, г. 22
 Ломбардия, обл. 417
 Лондон, г. 225, 329, 330, 417
 Лошница, мест. 319
 Лубино, дер. 125—127
 Лужа, р. 288—290, 292
 Лупк, г. 91, 98, 269, 352
 Лучеса (Лучес), р. 109, 112
 Львов, г. 38
 Любавичи, мест. 120
 Люблин, г. 56
 Любомль, мест. 205—206
 Люнебург, г. 357
 Люневиль, г. 24
 Люцен, г. 360, 362, 369
 Ляды, мест. 120, 311, 312
 Ляхово, сел. 255, 304—306, 310, 314, 327

 Магдебург, креп. и г. 351, 356, 357, 360, 361
 Максимово, сел. 301
 Малое, сел. 152
 Малоярославец, г. 4, 176, 204, 229, 230, 267, 284, 286—294, 297—300, 302, 303, 313, 314, 322, 326—328, 335, 372, 383, 389, 394, 399, 429, 430
 Мальково, дер. 286
 Мальмезон, г. 4
 Мальта, о-в 23, 417
 Мантуя, креп. и г. 22
 Маренго, дер. 24
 Мариенбург (ныне Мальборк), г. 84, 85, 100, 343
 Мариенвердер (ныне Квидзынь), г. 85—86, 343, 348
 Масальск (ныне Мосальск), г. 290
 Маслово, дер. 151, 155
 Маутхаузен, концлагерь 51
 Мачин, креп. 240
 Медынская дор. 292, 296
 Медынь, г. 254, 284, 288, 290, 292, 300
 Меккерн, селен. 364
 Мельк, местн. 47, 49
 Мемель (ныне Клайпеда), порт и г. 342
 Меречь, мест. 91, 340, 344

 Мерлино, сел. 311
 Мессинский пролив 67
 Милан, г. 22
 Минск, г. 101, 104—107, 113, 130, 133, 271, 316, 318
 Минская губ. 130
 Мир, мест. 108, 387
 Михалишки, мест. 104, 105
 Млава, мест. 344
 Могилев, г. 111—115, 130, 133, 221, 249, 270, 272, 304, 317
 Могилевская губ. 117, 130, 235
 Модлин, креп. 84, 339, 346, 350, 352, 359, 371
 Можайск, г. 4, 142, 149, 151, 152, 178, 180—183, 206, 217, 235, 238, 251, 253, 257, 260, 261, 291, 293, 295, 296, 298—300, 314, 327
 Можайская дорога 259, 282, 286
 Мозырь, г. 91
 Молдавия, обл. 64, 69, 132, 352
 Молево-Болото, дер. 120
 Моравия, обл. 53, 54
 Моравские поля 54
 Москва, г. 8, 11, 18, 67, 82, 84, 89—91, 96, 103, 105, 107, 109, 110, 119, 120, 122, 124, 125, 128, 131, 135, 136, 139—141, 143, 145—152, 154, 155, 158, 168, 170—172, 176—196, 198, 204—206, 211—213, 216—218, 220, 222, 229—231, 235, 237, 238, 240, 242—244, 248, 250—254, 256, 257, 259—264, 266, 268, 270, 271, 273—276, 278, 279, 281—283, 285, 286, 288, 290—292, 295, 296, 298, 302, 306, 309, 313, 314, 325, 327, 331, 336, 367, 372, 381, 383, 384, 388, 390, 397, 399, 402, 407, 427—429
 Москва, р. 155, 166, 194, 195, 262, 397
 Московская Большая дор. 125, 182, 244, 262, 278
 Московская губ. 215, 236, 237, 242, 251, 252
 Московская обл. 429
 Мочь, дер. 205
 Мстиславль, г. 115
 Муром, г. 215, 217—219, 276
 Мытищи (ныне г.), дер. 187
 Мюнхен, г. 38, 44, 46

 Нара, р. 180, 195, 200, 201, 219, 228, 229, 261, 275, 277, 278, 280
 Нарва, креп. и г. 133, 362

- Нарофоминск, г. 429
 Неаполитанское королевство 27
 Неаполь, г. 417
 Нейенбург (Нейнбург, ныне Нове), г. 343
 Неймарк (ныне Неймаркт), г. 358
 Нейсе, р. 427
 Нейштеттин (Ней-Штеттин, Ней-Стеттин, ныне Щецинек), мест. 348
 Неман, р. 58, 69, 74, 82, 85, 92, 97, 98, 100—104, 107, 125, 206, 217, 271, 327, 330—332, 337, 339, 344, 350, 358, 370
 Непрядва, р. 228
 Несвиж, г. 106—108, 113
 Нижегородская губ. 215, 221, 225, 227, 237, 242
 Нижний Новгород (ныне Горький), г. 188, 206, 207, 214, 215, 220, 221, 244
 Николаев, г. 107
 Никольское (у Верен), сел. 259
 Новгород, г. 94, 139—141, 146
 Новгородская губ. 227, 237, 242
 Новгород-Северск (ныне Новгород-Северский), г. 141
 Нови, г. 22, 78, 107
 Новогрудок, г. 104, 107, 108
 Новоселки, дер. 114, 310
 Новый Быхов, г. 115
 Одер (Одра), р. 67, 100, 338, 346—352, 354, 356—359, 369—371, 384, 386, 427
 Одесса, г. 67
 Ока, р. 226, 239, 243, 248, 365
 Оксфорд, г. 89
 Ольмиц (Ольмиц, ныне Оломоуц), г. 46, 47, 51—53, 411
 Ольшаны, мест. 104, 106—107
 Оренбург, г. 95
 Орловская губ. 215, 226, 227
 Орша, г. 111—114, 216, 249, 304, 310—312, 314—316, 327
 Осташков, г. 244
 Островно, мест. 111, 112, 208, 387
 Очаков, креп. и порт 107
 Опшьяны, г. 105
 Панки, сел. 186
 Париж, г. 44, 59, 61, 62, 71, 73, 83, 84, 100, 125, 198, 252, 260, 275, 292, 321, 332, 333, 365
 Пенза, г. 244
 Пензенская губ. 227, 237, 242
 Перекоп, перешеек 427
 Переславль-Залесский, г. 243
 Персия 69, 70
 Перхушково (Перхушкино), сел. 198
 Петербург см. Санкт-Петербург
 Петербургская губ. 237—242
 Петербургская дор. 262
 Петрясово, дер. 229
 Пиллау (Пилага, ныне Балтийск), креп. и порт 84
 Пинск, г. 91
 Пиренеи, горы 67
 Пиренейский, п-ов 330
 Плоцк, г. 340, 344, 348
 Поволжье 244
 Подмосковье 252, 257
 Подольск, г. 195, 196, 204, 253, 259, 261, 409
 Познань, г. 100, 346, 348, 349
 Покаевцы, дер. 109
 Покров, г. 243
 Покров, сел. 295
 Полотняный завод 293
 Полоцк, г. 109, 206, 269, 271, 316, 318
 Полтава, г. 83, 89, 228
 Полтавская губ. 214
 Польша (Речь Посполитая) 69, 83, 98, 99, 124, 334, 338, 340, 347, 369, 423
 Померания (ныне Поморье), обл. 417
 Поречский уезд 248, 249
 Поречье (ныне Демидов), г. 113
 Потсдам, г. 351
 Праценские высоты 54, 55, 57
 Прейшиш-Эйлау (Прейш-Эйлау, ныне г. Багратионовск), мест. 58, 59, 76, 255
 Прессбург (Пожонь, ныне Братислава), г. 55
 Приказ-Выдра, дер. 120
 Припять, р. 82
 Протва, р. 261
 Прудиче, дер. 125
 Прудичево, дер. 122, 123, 126
 Пруссия 19, 20, 24, 25, 27, 32, 38, 53, 54, 58, 71, 81, 84—86, 88, 91, 98, 99, 329, 333—335, 338, 340, 341, 344, 354—356, 361, 363, 367, 369, 375, 383, 405, 417, 423
 Прут, р. 64
 Псарево, дер. 155
 Псков, г. 133

- Равич, г. 350
 Радзивиллов, г. 38
 Расасна (Росасна), дер. 120
 Рейн, р. 23, 24, 102, 130, 358, 365
 Рейнская провинция 417
 Ржавка, дер. 310—312
 Ржев, г. 140, 244
 Риволи, дер. 22
 Рига, г. 88, 90, 92, 133, 206, 216, 269, 316, 342
 Рим, г. 81
 Рогачев (позднее уездный г.), мест. 91, 117
 Рогозно (Рогазен), мест. 349
 Романово, мест. 114, 278, 387
 Ромпы, г. 141
 Рославль, г. 141, 304
 Рославльский уезд 249, 250
 Рослау (Росслау), мест. 360
 Росснены (Россяны), г. 97, 98
 Россия 3—5, 7, 8, 11, 13—16, 19, 22, 24, 26, 27, 29, 31, 32, 35—38, 46, 58—60, 64, 65, 66, 68—75, 81—86, 88, 90—95, 98—100, 102—104, 112, 116—119, 125, 129, 131, 132, 137, 141, 148, 149, 167, 170, 185, 187, 192, 197, 199, 204, 214, 218—220, 223, 224, 228, 230, 232—234, 246, 256, 264, 268, 270, 273—275, 294, 295, 304, 313—315, 321—325, 328—335, 338, 341—343, 351, 354—356, 358, 359, 366, 368, 369, 372, 376, 377, 379, 383, 401, 403—406, 408, 410, 414—419, 421—423, 426, 429
 Ростов, г. 188
 Рудня, мест. 113, 115, 119, 120
 Руза, г. 253
 Руцук, креп. и г. 60—63, 411, 422
 Рыхваль, г. 349
 Рыбая Могила, урочище 30
 Рязанская губ. 215, 226, 227, 236, 239, 242, 251
 Рязанская дор. 186, 188, 189, 195—197, 243, 257, 262, 268
 Рязань, г. 188, 207, 213—215, 223, 239

 Саксония, обл. 349, 355, 357, 360
 Салтановка, дер. 114, 115, 387
 Санкт-Петербург (Петербург, Петроград, ныне Ленинград), г. 11, 25, 33, 34, 67, 70, 71, 82—85, 87, 89—101, 103—105, 109, 110, 124, 133—136, 138—141, 178, 186, 214, 217, 220, 221, 225, 238, 240, 242, 244, 265, 271, 272, 274, 275, 281, 313, 336, 362, 383, 417, 420, 423, 426
 Саратовская губ. 215
 Свенцяны, г. 103—105, 110
 Северная Германия 35, 71
 Северная Италия 21, 23, 35, 38, 39, 44, 53
 Семшовская (Семеновское), дер. 151, 157, 160, 161, 164, 169
 Семлево, сел. 128, 144, 300, 304, 306, 307, 309
 Семлевское оз. 306
 Сен-Готард, перевал 107
 Сен-Клу, мест. 73
 Сент-Пельтен (Сен-Пельтен), г. 47, 49
 Сербия, обл. 65
 Серпухов, г. 204, 243, 253
 Серпуховская дор. 257, 261
 Сестрорецк, г. 95
 Сибирь 101, 214, 366
 Сидоровичи, дер. 311
 Силезия, обл. 349, 355
 Силенки, дер. 295
 Симбирск (ныне Ульяновск), г. 214, 215
 Симбирская губ. 215, 221, 237, 242
 Симферополь, г. 30
 Сирия 22
 Скурули, дер. 103
 Славково, сел. 129, 131, 255
 Слоним, г. 91, 107, 352
 Слуцк, г. 106—108, 113
 Смоленск, г. 4, 82, 109, 112, 113, 115—131, 134, 136, 140, 143, 144, 153, 183, 188, 192, 193, 198, 206, 208, 210, 213, 216, 221, 222, 235, 239, 250, 257, 262, 268, 270, 275, 278, 284, 286, 288, 293, 295, 298, 303, 304, 305—314, 317, 326, 327, 330, 367, 372, 382, 384
 Смоленская губ. 117, 130, 235, 236, 242, 248, 249, 251, 308, 408
 Смоленская Новая дор. 153, 181, 383, 390
 Смоленская Старая дор. 155, 162, 176, 181, 292, 293, 305
 Сморгонь, мест. (ныне г.) 104, 321
 Советский Союз 14, 15, 366, 368
 Соколово, сел. 259
 Сокольникови, мест. 237
 Сокольницы, мест. 55

- Соловьева переправа (на р. Днепр у с. Умолье) 127, 305, 310
- Сорока (Сороки) мест. (позднее г.) 91
- Сорокино, дер. 311
- Сосница, сел. 94, 204
- Спас-Купля, сел. 280, 281
- Спасское, сел. 277, 295, 301
- Средиземное море 35
- Сталинград (ныне Волгоград), г. 381
- Старая Русса, г. 141
- Стародуб, г. 141
- Старое Село 109
- Староселье, дер. 318
- Старый Быхов, г. 114
- Столле (Штольп), г. 348
- Страгань, р. 126
- Стромилово, дер. 280
- Студенка (Студянка), дер. 320—321
- Стырь, р. 269
- Сумы, г. 141
- Сураж, г. 113, 120
- Сушево, дер. 125
- США 12, 13
- Сырокоренье, дер. 312
- Сычевский уезд 249, 250
- Таврическая губ. 214
- Тамбов, г. 95, 150, 188, 214, 215, 220, 221
- Тамбовская губ. 215, 221, 227
- Тарнопольский округ 417
- Таруса, г. 204, 225, 243
- Тарутино, сел. 4, 176, 180, 195, 197—205, 209, 211, 213, 216, 217, 219, 220, 222—224, 226—231, 239, 251, 254, 260, 261, 263, 265, 266, 268, 269, 272, 274, 276—278, 280—282, 285, 289, 307, 315, 324, 337, 384, 388, 398, 399, 407, 430
- Татариново, сел. 155
- Тверская губ. 226, 227, 236, 238, 242
- Тверская дор. 196
- Тверь (ныне Калинин), г. 94, 139, 141, 146, 238, 243
- Тельниц, дер. 55
- Тетеринка, дер. 275, 277, 280, 281
- Тешен (ныне г. Дечин), мест. 38—40
- Тильзит (ныне Советск), г. 69, 70, 85, 88, 89, 102, 342, 415
- Тироль, обл. 35, 38, 44, 53
- Толочин, мест. 319
- Торгау, креп. 360
- Торжок, г. 140
- Торн (ныне Торунь), креп. и г. 84, 85, 89, 100, 344, 346—348, 350, 359, 371, 386
- Торопец, г. 141
- Траун, р. 47, 48
- Треббия, р. 22
- Трубчевск, г. 94, 204
- Тула, г. 139, 141, 197, 201, 203, 214, 215, 218, 223, 225, 276
- Тульская губ. 215, 226, 236, 239, 242
- Тульская дор. 195—197, 268, 270
- Тулун, креп. и г. 20, 21
- Турция 19, 22, 23, 26, 32, 38, 58—60, 64, 65, 69, 70, 87, 89, 93, 315, 329, 404—406
- Уварово, дер. 311
- Угра, р. 250
- Украина 146, 244
- Ула (Улла), р. 271
- Ульм, креп. и г. 35, 38, 44, 47, 76, 375
- Умолье, дер. 127
- Урал 94, 244
- Утица, дер. 156, 157, 158, 160, 162, 169
- Ухолоды, дер. 320
- Уша, сел. 319
- Федоровское, сел. 301
- Фили, дер. 185, 212
- Финляндия 35, 69, 95, 206, 255, 269
- Фоминское, сел. 276, 279, 283—286
- Фомкино, дер. 155
- Фонтенбля, г. 4, 303
- Франкония, обл. 361
- Франкфурт, г. 349, 350
- Франция 7, 11, 12, 15, 19, 20—27, 32—37, 49, 55, 58, 59, 66—75, 82, 84, 85, 89, 90, 92, 93, 98—100, 102, 104, 125, 130, 148, 168, 171, 176, 246, 252, 253, 260, 274, 309, 329, 333—335, 337, 338, 340, 351, 355, 362, 363, 365, 369, 374, 375, 401, 404, 405, 414, 415, 417
- ФРГ 14
- Фридланд (ныне Правдинск), г. 58, 59, 68, 76, 102, 158, 211, 342

- Фридрихсгам (ныне Хамина), г. 65
Фридрихштадт (ныне Яунелгава), г. 90
Херсонская губ. 214
Хотян, креп. (ныне г.) 64
Царево-Займище, сел. 131, 138, 144, 145, 151, 182, 210, 255, 258
Цейлон, о-в 417
Центральная Европа 69
Цирке (ныне Серакув), г. 346, 348
Цнайм (ныне Зноймо), г. 47, 52
Цюллихау, мест. 350
Чаусы, г. 115
Чашники, мест. 316
Ченстохов (Ченстохова), г. 344
Черая, мест. 316, 319
Черниговская губ. 225
Чернишя, дер. 229, 276
Чернишя (Чернышня), р. 206, 275, 276, 281—284, 388, 389
Черное море 26, 58
Чериково (Чириков), сел. 218
Чехословакия 56
Шалимово, сел. 300
Шатрово, дер. 108
Шахово, дер. 295
Швейцария 23, 27, 35, 38
Швеция 19, 27, 35, 58, 65, 70, 87, 89, 93, 208, 329, 335, 338, 363
Шевардино, дер. 151, 153, 156, 157
Шенграбен, селен. 4, 52, 107, 414
Шепелевичи, мест. 318
Шилово, дер. 310, 311
Шлохау, мест. 348
Шнейдемоль (ныне Пила), г. 348
Штейер (Штеер, Штейр), г. 48
Штеттин (Стетин, ныне Щецин), г. 348, 350, 359
Штигель, мест. 350
Шумы (ныне Кутузовка), дер. 30
Щелканово, сел. 310
Эльба, о-в 365
Эльба (Лаба), р. 69, 338, 351, 352, 356—363, 369—371, 384, 385
Эльбинг (ныне Эльблонг), г. 84, 85, 341, 343
Эльстер, р. 359
Энс, р. 47, 48
Эрфурт, г. 70, 361, 365, 369
Юхнов, г. 254, 255, 272, 284, 288, 293, 300
Юхновский уезд 250
Яжелбицы, мест. 140, 142
Якобштадт (ныне Екабпилс), г. 90
Янов, мест. 103
Ярославская губ. 227, 236, 242
Ярославская дор. 257, 262
Ярославль, г. 90, 95, 150, 188, 214, 216, 238, 243
Яссы, г. 32, 59, 62
Яуза, р. 189
Яффа, г. 22

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ВВЕДЕНИЕ (историографический обзор)	7

Часть первая
НАЧАЛО ВОЙНЫ.
ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

Глава первая ПЕРЕД ВОЙНОЙ	19
Глава вторая ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ	66
Глава третья ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ	100
Глава четвертая СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ	119
Глава пятая НАКАНУНЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СРАЖЕНИЯ	132
Глава шестая БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ	148
Глава седьмая ОТ БОРОДИНА ДО ТАРУТИНА	180

Часть вторая
ПЕРЕЛОМ В ВОЙНЕ.
ГИБЕЛЬ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ

Глава восьмая РУССКАЯ АРМИЯ В ТАРУТИНЕ	200
Глава девятая НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ	232
Глава десятая ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ И ИХ ДЕЙСТВИЯ	246
Глава одиннадцатая СРАЖЕНИЕ ПОД МАЛОЯРОСЛАВЦЕМ	267

Глава двенадцатая ИЗГНАНИЕ АГРЕССОРА	294
Глава тринадцатая БЕРЕЗИНА	315
Глава четырнадцатая ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД РУССКОЙ АРМИИ	332
Глава пятнадцатая РУССКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В БОРЬБЕ С НА- ПОЛЕОНОВСКОЙ АГРЕССИЕЙ	373
Глава шестнадцатая ПОСЛЕ ВОЙНЫ	416
ПРИМЕЧАНИЯ	431
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	462
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	485

Исправление

На схеме Бородинского сражения (с. 165) следует читать
Дельзон вместо Дельзок.

Павел Андреевич Жилин
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА 1812 года

*

Утверждено к печати
Институтом военной истории
Министерства обороны СССР

*

Редактор издательства О. В. Ивченко
Художник В. И. Чистяков
Художественный редактор С. А. Литван
Технические редакторы
Н. П. Кузнецова, Л. В. Каскова
Корректоры
Л. А. Лебедева, Л. В. Шеголев
OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа
ИБ № 36248

Сдано в набор 5.11.86.
Подписано к печати 3.09.87
А-04765. Формат 84×108^{1/32}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 27,72 Усл. кр. отг. 29,8
Уч.-изд. л. 31,7
Тираж 30000 экз. Тип. зак. 3237
Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

КОНТРАНАСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В 1812 г.

